

Петер Бранг

РОССИЯ НЕИЗВЕСТНАЯ



ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ
ВЕГЕТАРИАНСКИХ ОБРАЗОВ ЖИЗНИ
С НАЧАЛА ДО НАШИХ ДНЕЙ

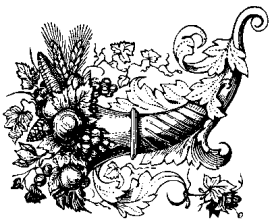


РОССИЯ НЕИЗВЕСТНАЯ



Петер Бранг

РОССИЯ НЕИЗВЕСТНАЯ



ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ
ВЕГЕТАРИАНСКИХ ОБРАЗОВ ЖИЗНИ
ОТ НАЧАЛА ДО НАШИХ ДНЕЙ

Перевод с немецкого
Анны Бернольд и Петера Бранга



ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2006

Бранг Петер

Б 87 Россия неизвестная: История культуры вегетарианских образов жизни от начала до наших дней / Пер. с нем. А. Бернольд и П. Бранга. — М.: Языки славянской культуры, 2006. — 568 с.; ил.

ISBN 5-9551-0138-1

Россия имеет долгую традицию безмясного питания в периоды поста. Тем не менее современное вегетарианство, возникшее на Западе в середине XIX в. и переживающее теперь замечательный ренессанс, пришло к ней только в 1890-е годы. Благодаря влиянию Л. Н. Толстого, а также деятельности таких ученых, как А. Н. Бекетов и А. И. Воейков, в России до Первой мировой войны образовалось мощное вегетарианское движение. В книге впервые подробно, на основе архивных материалов, раскрывается его история. Показывается эхо вегетарианских идей в сочинениях Лескова, Чехова, Арцыбашева, В. Соловьева, Натальи Нордман, Наживина, Маяковского, а также художников Паоло Трубецкого, Репина, Ге и многих других. Изображаются судьбы вегетарианских обществ, ресторанов, журналов, отношение к вегетарианству врачей; прослеживаются тенденции в развитии этого движения вплоть до его подавления после 1917 года, когда вегетарианские концепты продолжали существовать только в «научной утопии» и в «научной фантастике».

ББК 51.230

В оформлении переплета использовано фото «За круглым столом в Пенатах», 1915 г. (3-й справа — В. В. Маяковский, 4-й — К. И. Чуковский, 5-й — Н. Н. Евреинов, 4-й слева — И. Е. Ретин; справа сверху: портрет Н. Б. Нордман, написанный Ретиным, Целль-ам-Зее, 1900).

© Научно-исследовательский Музей Российской Академии художеств, С.-Петербург.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	9
Предисловие к немецкому изданию	9
I. Введение	13
II. К предыстории: Этика отречения в церкви и сектах.	19
Экскурс: Г. Р. Державин и пост.	31
III. Краткий исторический обзор	35
Экскурс: К истории терминологии	45
IV. Ранние попытки научного обоснования	53
1. Первый манифест: А. Н. Бекетов	53
2. Вегетарианец в сибирской ссылке? Н. Г. Чернышевский	63
V. Л. Н. Толстой: «Солнце вегетарианского мира»	75
1. Раннее становление: «единый Толстой»	75
2. «Это гибельное вегетарианство»	81
3. «Первая ступень»: возникновение и значение.	89
4. Эхо в России и на Западе	98
5. Что говорит православная церковь?	103
6. Вегетарианство-веганство Толстого и его семья	108
7. Охота, любовь к животным и вегетарианский образ жизни	122
8. «Алкоголь и табак»	128
9. Духоборцы	134
10. Вегетарианство Толстого и советская власть	139
VI. Вегетарианский образ жизни: приверженцы и критики.	145
1. Московский Сократ: Н. Ф. Федоров	147

2.	Христианская этика: В. С. Соловьев	150
3.	Писатели-сердобольники	154
3.1.	Заступник животных: Д. В. Григорович	154
3.2.	Мужество убеждения: Н. С. Лесков.	155
3.3.	Переводчица-вегетарианка: А. П. Барыкова	165
3.4.	Кровь животных: М. П. Арцыбашев	170
3.5.	«Письмо» (взгляд на Украину): М. Коцюбинский	176
3.6.	Гуманист: Шолом-Алейхем	181
4.	Художники	184
4.1.	«Воинственный» вегетарианец: Паоло Трубецкой.	184
4.2.	Толстовец «avant-la-lettre»: Н. Н. Ге	191
4.3.	Эзотерика и питание: Н. К. Рерих	193
4.4.	«Гигиеническое» вегетарианство: И. Е. Репин	196
5.	Эмансипация русской женщины: Н. Б. Нордман	209
6.	Сочувствующая и насмешливая критика	230
6.1.	Доброжелательный скептик: А. П. Чехов	230
6.2.	Склонный к скандалу: В. В. Маяковский	234
6.3.	«Вегетарианцы»: П. Гнедич	238
6.4.	Веселость и дерзость сатиры: И. Ильф и Е. Петров	239
6.5.	«Почему я стал вегетарианцем»: Н. Ватанов	243
7.	Казус Наживина.	246
VII.	Усилия по организации и пропаганде	257
1.	Не только отец русской климатологии: А. И. Воейков	257
2.	Вегетарианские общества	266
3.	Вегетарианские столовые	281
4.	Журналы.	284
5.	Всероссийский съезд в Москве 1913 г.	301
6.	Издательство «Посредник».	309
7.	Альманах «Естественная жизнь и вегетарианство»	311
8.	«Вегетарианство и воспитание», или споры вокруг тезисов Лозинского	313
9.	Вклад евреев	319

10. Вегетарианцы-эсперантисты	322
11. Врачи — <i>pro</i> и <i>contra</i>	325
12. Бойня — взгляд изнутри	340
13. Поваренные книги	348
VIII. Русские вегетарианцы в Первую мировую войну и при Советах	353
IX. Утопия питания советского времени	373
1. «Научная утопия»	373
Пища будущего: А. Н. Несмеянов	374
Идеальный строй жизни: К. Э. Циолковский	376
Человек не убивающий: В. И. Вернадский	379
2. Научная фантастика	384
Космический корабль с оранжереей: К. Э. Циолковский	384
Вегетарианский образ жизни сатурнитов: Э. С. Зеликович	385
Марсиане: А. П. Казанцев	389
С перспективы растений: Абрам Терц	390
X. После перестройки	393
XI. Взгляд назад и в будущее	403
XII. Тексты	411
М. П. Арцыбашев. Кровь	411
М. Коцюбинский. Письмо	441
Стихотворения	452
XIII. Примечания	457
XIV. Приложение	533
Избранная библиография	533
Указатель имен и мест	541
Предметный указатель	559
Принятые сокращения	565
Источники иллюстраций	566

Предисловие

Автор этой книги очень рад, что теперь она выходит и в русском издании. С самого начала книга предназначалась для русского читателя. Именно ему она хочет вернуть аспект русской культурной истории, оказавшийся на долгое время забытым. Русское издание, в сравнении с немецким оригиналом, несколько расширено: в него были включены отдельные факты и тексты, которые могут вызвать интерес в первую очередь у русского читателя. Перевод книги, опирающийся на очень разнообразные стили использованных русских источников, был осуществлен Анной Бернольд совместно с автором. Оба переводчика весьма благодарны Михаилу Дымарскому (Санкт-Петербург) за чтение большей части рукописи и внесение многих поправок. Наконец, автор выражает искреннюю признательность издательству «Языки славянской культуры» за включение книги в свою программу.

Указание к принятой системе цитирования источников:

Русские вегетарианские журналы: после знаков сокращения *ВО*, *ВВ* следуют год издания, двоеточие, номер выпуска и после пробела — указание страницы.

К полному собранию сочинений Л. Н. Толстого в 90 томах (1928—1958) отсылает сокращение *ПСС*, за ним следует номер тома и после двоеточия — указание страницы.

Предисловие к немецкому изданию

Настоящий труд был написан в 1999—2002 гг. Его возникновению существенно способствовал ободряющим своим интересом к этой теме ряд коллег-славистов, указавших мне на тексты, не принятые во внимание, и оказавших мне библиографическую помощь. Это были: Моника Банковски (Цюрих), Тильман Бергер (Тюбинген), Эрих Бринер (Цюрих), Елизавета Шоре (Фрайбург-им-Брайсгау), Аннелоре Энгель

(Киль), Леонид Геллер (Лозанна) и Самсон Бройтман (Москва). От Людольфа Мюллера (Тюбинген) я получил сведения об отношении к вегетарианству Владимира Соловьева. Валентин Беленчиков (Магдебург) и Гельмут Кайперт (Бонн) внесли добавления к экскурсу в историю терминологии. Всех их сердечно благодарю.

Объявляю особую благодарность Российской государственной библиотеке (РГБ) и Государственному музею Л. Толстого в Москве, а также Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге (РНБ). Кроме того, благодарю Архив Российской академии художеств (РАХ) в Санкт-Петербурге, Музей-усадьбу И. Е. Репина «Пенаты» и, наконец, Государственный музей истории религии в Санкт-Петербурге; хранитель рукописного отдела этого музея, Ирина Тарасова, оказала мне помощь в поисках документов по истории Московского вегетарианского общества (1909—1930). Museo storico artistico e del paesaggio (Палланца/Италия) и Ateneumin Taide Museo (Хельсинки) предоставили иллюстрации. Я смог воспользоваться фондами Центральной библиотеки в Цюрихе и, last, not least, Славянского семинара Цюрихского университета.

От Татьяны Павловой, президента межрегиональной общественной организации Вегетарианское общество (Москва), и от Николая Каланова, президента Евразийского вегетарианского общества (Москва), я получил информацию о положении вегетарианцев в современной России.

Свою благодарность выражаю также Швейцарскому национальному научному фонду. Издание книги не было бы возможным без присужденного мне значительного гранта. Издательство Бёлау (Кельн) благодарю за включение книги в план издания.

Самая большая заслуга в издании этой книги принадлежит моей жене. С самого начала она терпеливо сопровождала ее возникновение, внося критические замечания и поправки. Именно ей и посвящается эта книга.

Карин посвящается

І. ВВЕДЕНИЕ

Замысел этой книги возник осенью 1977 г. во время моих библиотечных разысканий в Москве. Собирая материалы для «Аннотированной библиографии по славянской социолингвистике»¹ в каталогах Библиотеки им. Ленина, в поисках очередного «вестника», я совершенно случайно с большим удивлением наткнулся на заголовок «Вегетарианское обозрение». Карточка была неполной (такова она, по-видимому, и сейчас). То, что, кроме выпусков этого журнала за 1909—1914 гг., существует издание 1915 г., я узнал только в 1999 г. при проверке в Толстовском музее.

Пусть этот эпизод — не считая множества других, приводимых ниже, — послужит первым свидетельством того, как тщательно все вопросы, связанные с вегетарианством, были табуированы в Советском Союзе. Я не имел ни малейшего представления (как, вероятно, и большинство русских) о том, что в дореволюционной России были распространены вегетарианские идеи и соответствующий образ жизни. Создатель русской климатологии, активный пропагандист вегетарианства А. И. Воейков в течение многих лет возглавлял Петербургское вегетарианское общество и представлял Россию на международных съездах вегетарианцев — обо всем этом умалчивается как в посвященных ему источниках, так и в статьях энциклопедий и монографиях. Первая основательная работа о вегетарианстве Толстого — статья В. И. Порудоминского «Л. Н. Толстой и этика питания» — не случайно появилась только в 1992 г., через год после распада Советского Союза. Знаменательно также, что в том же году в Минске вышел русский перевод польской книги о вегетарианстве², причем в оправдание этого издания (тиражом в 100 000 экземпляров!) указано, что в русских научных и научно-популярных изданиях публикации по этим вопросам ограничиваются немногими высказываниями и что в течение многих лет в России господствовало отрицательное отношение к вегетарианству, тогда

как за рубежом был накоплен значительный опыт научного изучения вегетарианства³.

И в Западной Европе знания о вегетарианстве и его истории остаются скудными. Впрочем, за минувшие семьдесят лет появился ряд крупных исследований, начиная с фундаментальной работы Иоганна Гаусслеитера о вегетарианстве в античные времена (*Johannes Haussleiter. Der Vegetarismus in der Antike*, 1935) и кончая исследованиями по истории вегетарианства Джанет Баркас (*Janet Barkas* 1975), Колина Спенсера (*Colin Spenser* 1993; 2000), Альберта Вирца (этюд о М. Бирхер-Беннере и Джоне Келлоге; *Albert Wirz* 1993); следует отметить также очень информативную статью Ганса-Юргена Тойтеберга о социальной истории вегетарианства в Германии (*Hans-Jürgen Teuteberg. Zur Sozialgeschichte des Vegetarismus in Deutschland*, 1994), карманный научный справочник по диетологии Клауса Лейтсмanna и Андреаса Гана (*Claus Leitzmann, Andreas Hahn. Vegetarische Ernährung*. UTB 1996) и докторскую диссертацию Евы Барлэзиус «Натуральный образ жизни. К истории реформы жизни на рубеже XX века» (*Eva Barlösius. Naturgemässe Lebensführung. Zur Geschichte der Lebensreform um die Jahrhundertwende*, 1997)⁴. Большое количество (83!) интересных текстов из всеобщей истории дискуссий о питании собрано в антологии «Жить. Убить. Есть: Антропологические масштабы» (*Leben. Töten. Essen: Anthropologische Dimensionen*, 2000). Питание и вегетарианство, натуральные методы лечения и санатории — эти и другие темы затрагиваются в двух весьма содержательных каталогах, сопровождавших дармштадтскую выставку «Реформа жизни» (2001), но при этом данные по России в них, к сожалению, не были учтены⁵.

Целью моей книги является рассмотрение судеб вегетарианства в России в контексте развития русской культуры и литературы. Со времен античности в вопросах сознательного вегетарианства (независимо от того, какие побуждения, этические или гигиенические, лежали в его основе) ведущую роль всегда играли представители интеллигенции — философы, поэты, художники. Вспомним хотя бы Пифагора, Овидия, Плутарха, Леонардо да Винчи, Перси Б. Шелли или Бернарда Шоу. Так было и в России. Ряд русских писателей, художников и ученых самых разных отраслей, входивших в окружение Л. Н. Толстого, по его примеру стали вегетарианцами. Их

отношение к вегетарианству, их мотивы, их положение среди окружения, в целом непонимающего, а порой даже враждебного, воздействие вегетарианского образа жизни на их творчество я и попытаюсь охарактеризовать в маленьких биографических очерках, рассматривающих отдельные случаи вегетарианства (Fallstudien). Толстой оказал огромное влияние на формирование вегетарианских идей в России, его путь к растительному режиму питания представляет большой интерес и, разумеется, очень подробно документирован — ему и его окружению посвящена отдельная глава книги.

Наряду с этим, объектом всестороннего рассмотрения являются организаторские усилия русских вегетарианцев, направленные на распространение их воззрений: основание журналов и издательств, открытие вегетарианских столовых, объединение их в вегетарианские общества. Эти процессы до сих пор не были исследованы. Между тем они свидетельствуют о том, что Россия накануне Первой мировой войны и в этой области принимала непосредственное участие в культурной жизни Западной Европы.

Мало известно, что эсперанто, очень распространенное именно в России, несмотря на незначительную роль славянских языковых элементов в его составе, представляет интерес не только как мировой вспомогательный язык, но и с точки зрения этических соображений; вряд ли известен и тот факт, что между приверженцами эсперанто и вегетарианцами установились тесные связи и что в августе 1908 г. в Дрездене был основан «Международный союз эсперантистов-вегетарианцев» — Толстой письменно выразил согласие быть почетным президентом этого союза. К. Спенсер и Дж. Баркас в своих изложениях истории вегетарианства не упоминают о связях, существовавших между эсперантистами и вегетарианцами. Только немного пока известно о доле участия еврейской части населения царской России в распространении вегетарианства. Чтение главы «The Rise of the Vegetarian Cookery Book» из книги Колина Спенсера «The Heretic's Feast. A History of Vegetarianism» натолкнуло меня на мысль включить в монографию небольшую главу о вегетарианских поваренных книгах, не заслуживающих, впрочем, такого названия с точки зрения сыроедов.

В подзаголовке моей книги говорится о «вегетарианском образе жизни». «Но рыбу же Вы едите?» — с этими и други-

ми подобными вопросами вегетарианцы сталкиваются постоянно. Есть много разновидностей «вегетарианства»: начиная с лактоовоовегетарианства, веганства, исключающего из рациона продукты животного происхождения, и сыроедства, не принимающего вареные продукты, и заканчивая фруктоедями, или фрукторианцами, питающимися исключительно фруктами и овощами (Fruitarians). Расхождения между отдельными направлениями зачастую просматриваются очень отчетливо. Особенно глубока пропасть между теми, кто потребляет молочные продукты, и веганцами. Последние склонны смотреть на лактоовоовегетарианцев как на вегетарианцев ненастоящих, остановившихся на полпути, по той причине, что потребление молока все-таки в той или иной форме предполагает скотоводство, а стало быть, косвенно допускает целенаправленное убийство животных.

Все перечисленные разновидности вегетарианства были представлены в последние десятилетия XIX — начале XX века и в России, а разногласия между теми, кто последовательно отказывался от продуктов животного происхождения, и вегетарианцами менее строгими в этическом отношении были особенно явны.

Дискуссии, которые имели место в России, выявляют широкую гамму позиций: начиная с требования исключить убийство человеческих существ (войну, смертную казнь), отказать от убоя животных — и заканчивая призывом к бережному отношению к растительному миру (человек «автотрофный»). Это связано с большим влиянием, которое оказал на вегетарианское движение в России Л. Н. Толстой; но тут, вероятно, не обошлось и без влияния «внутренней формы» семантического поля русских слов, обозначающих умерщвление животных: *убить, убой, убойна, бойня*. Этимология здесь прозрачна. Именно поэтому прилагательное «безубойный» (без убийства) стало синонимом слова «вегетарианский» посредством оживления внутренней формы. Так, например, сборник высказываний знаменитых людей о вегетарианстве, изданный Толстым в 1903 г., получил название «Безубойное питание, или вегетарианство». Вместе с тем велись острые дебаты по вопросу, в какой степени вегетарианское питание действительно может обойтись без «убийства».

Немало труда стоило мне собрать материал, не в последнюю очередь — в связи с табуированием темы «вегетари-

анство» во всем мире, разумеется, прежде всего — в «плотоядной» среде. Важными источниками оказались журналы русских вегетарианцев — их было три до 1917 г., они выходили в разное время, и сегодня представляют собой крайнюю библиографическую редкость; кроме того, источниками послужили сочинения писателей, монографии о художниках, а также те немногие этюды по истории вегетарианства, о которых уже говорилось выше, и некоторые другие книги, в частности «*Philosophie des Vegetarismus*» Фридриха Ясковского (1912). Разумеется, я постарался установить, какой отклик судьбы русского вегетарианства нашли в немецкоязычных вегетарианских журналах. В целом я должен был опираться на печатные источники. Поскольку русские вегетарианцы не успели создать всероссийской организации до событий 1914-го и 1917-го гг., то центрального архива не существует. (Решение о создании такого архива было принято в 1913 г. — см. гл. VII.) Ведь даже сами редакции вегетарианских журналов были вынуждены просить о том, чтобы им со всех концов страны присылали материалы, освещающие «вегетарианскую жизнь»⁶.

Тем не менее, в своих разысканиях мне удалось воспользоваться некоторыми важными архивами, а именно: архивом Государственного музея истории религии в Санкт-Петербурге, в котором хранится большая часть актов Московского вегетарианского общества, научно-библиографическим архивом Русской академии художеств, архивом Государственной российской библиотеки (бывшей Библиотеки им. В. И. Ленина), а также архивом Государственного музея Л. Н. Толстого в Москве. Учитывая широту моей темы, рассмотрение сведений об истории русского вегетарианства, хранящихся еще в архивах, — задача, для выполнения которой усилий одного человека недостаточно. В таком случае пришлось бы просмотреть многочисленные отдельные архивные собрания, прежде всего писателей и художников, а это — колоссальная работа, уже в силу того, что эти архивы разбросаны по разным городам России. Некоторые из моих данных в дальнейшем будут, скорее всего, уточнены или дополнены. Александр Солженицын, не имевший доступа ко многим источникам во время работы над «Архипелагом Гулаг», особо подчеркнул, что он дал ту информацию, которой располагал на тот момент, и в случае, если ему предоставят другие засвидетельствованные факты, то он

готов будет их принять⁷. Такую готовность к поправке могу выразить и я — в обстоятельствах поистине совсем других.

Немало затруднений возникло при распределении очень богатого и разнообразного материала. Пусть читатель снисходительно отнесется к иным повторениям. Они, на мой взгляд, позволяют придать отдельным главам больше законченности и, таким образом, отвечают разным читательским интересам; по возможности, на повторения указывается в сносках.

Предложенная книга представляет собой научное исследование. Но дабы не лишить читателя удовольствия при чтении того или иного эпизода, указания на источники и добавочные комментарии помещены в конце книги.

Надеюсь, что моя работа, пусть немного, даст повод к размышлению о наших привычках питания. Готовность отдельного лица, хотя бы на малую толику, изменить собственный режим питания могла бы противодействовать ложным тенденциям нашей жизни. Не является ли непостижимым абсурдом то, что, при голоде, поразившем огромную часть нашей планеты, одно из самых больших бедствий промышленных стран Запада — переедание и избыточный вес? «Хоть раз поесть бы досыта!» — как по-разному звучит этот возглас в устах женщины в Эфиопии или же дамы в Дюссельдорфе! Миллиарды истрачиваются на борьбу с различными последствиями избыточного питания: в одной Германии в 2000 г. на это было потрачено не меньше тридцати миллиардов немецких марок. И все же, если говорить о мясе, то все усилия остаются направленными на снижение цен, на количество, а не на качество в самом широком смысле этого слова. Потребовалась эпидемия коровьего бешенства, чтобы дать паузу на размышления — очень уж, может быть, короткую. Сетования Адама Маурицио, автора основополагающего сочинения «Die Geschichte unserer Pflanzennahrung», актуальны и сегодня: о философских и нравственных основаниях растительного питания мы ничего не узнаем ни из истории философии, ни из медицинской критики вегетарианства. «Очень поучительны высказывания великих людей о растительном питании, об убое и убиении животных — они стоят размышления»⁸. Иные из этих высказываний читатель найдет в эпиграфах к отдельным главам данной работы.

II. К ПРЕДЫСТОРИИ: ЭТИКА ОТРЕЧЕНИЯ В ЦЕРКВИ И СЕКТАХ

Тогда сказал Даниил Амелсару, которого начальник евнухов приставил к Даниилу, Анании, Мисаилу и Азарии: сделай опыт над рабами твоими в течение десяти дней; пусть дают нам в пищу овощи и воду для питья. И потом пусть явятся перед тобою лица наши и лица тех отроков, которые питаются царскою пищею, и затем поступай с рабами твоими, как увидишь. Он послушал их в этом, и испытывал их десять дней. По истечению же десяти дней лица их оказались красивее, и телом они были полнее всех тех отроков, которые питались царскими яствами.

Книга пророка Даниила 1, 11—15¹

В России идеи вегетарианского образа жизни имеют долгую традицию, определенную православной религией. Для русского монашества, в отличие от западного (за исключением траппистов и картезианцев), качественный пост — воздержание от употребления мяса — является основным положением. Для простых верующих этот завет имеет силу только во время Великого поста, начиная с Недели мясопустной и заканчивая Пасхой. Кроме того, православная церковь знает еще Петров пост — с Троицына дня до дня святых Петра и Павла 29 июня, Успенский пост — с 1 августа до Успения Богородицы 15 августа — и Рождественский пост, который длится 40 дней, с 15 ноября до наступления Рождества. Наряду с этими четырьмя великими постами есть однодневные, в среду и в пятницу, а также несколько других. Таким образом, общее число постных дней в церковном году составляет больше 220. И в жизни верующего православного мирянина пост играл и играет бóльшую роль, чем в церквях Запада². В 1906 г. Дженни

Шульц (Москва), одна из первых активисток вегетарианства в России³, сообщала читателям выходившего во Франкфурте-на-Майне журнала «Vegetarische Warte»: «Многочисленные, в большинстве случаев длительные периоды поста соблюдаются богатыми и бедными людьми, в городе и на деревне, с большой добросовестностью. Это и является причиной того, что здешнее население так легко расположить к вегетарианству. И русская женщина, в сравнении с другими народами, больше склонна к нашему делу. Стало быть, здесь хорошая почва для вегетарианства. Не хватает только пропаганды»⁴.

Еще в «Повести временных лет» в записи от года 1074 (6582) упоминается о смерти игумена Феодосия, увещевавшего монахов поститься: «Постное бо время очищает ум человеку». Там же сообщается, что у игумена Стефана, наследника Феодосия, монахи были благочестивы: «таки черньце яко светила в Руси сияют. Ови бо бяху постници крепци, ови же на бденье, ови на кланянье коленное, ови на пощенье чрес день и чрес два дни. Ини же ядуше хлеб с водою. Ини зелье варено. Друзии сыро». О Феодосии известно, что он сам ходил за Антонием. «Се же бысть дивно чюдно яко за 2 лета лежа си ни хлеба не вкуси ни воды ни овоща ни от какаго брашна»⁵.

Не случайно говорится о воздержании от употребления мяса в житии святого, деятельность которого была связана с наивысшим процветанием русского монашества — св. Сергия Радонежского (1314 — 1391?), основателя Сергиевой Лавры в Сергиевом Посаде (с 1930 г. — г. Загорск). Его житие, написанное, вероятно, не ранее 1417 года Епифанием Премудрым и переработанное в период между 1440 и 1450 гг. сербским писателем Пахомием Логофетом, повествует о том, что будущий святой еще в утробе склонял мать жить по-вегетариански: «⟨...⟩ сама съблюдашеся от всякия сквръны и от всякия нечистоты, постом ограждаяся, и всякия пища тлъстыя ошався, и от мяс и от млека, и рыб не ядыше, хлебом точию, и зелиемъ и водою питашеся»⁶. Когда Сергей родился, «вънегда аще случашеся матери его пищу некую вкусити еже от мяс и тою насыщене быти и полне утробе ея, тогда никакоже младенец съсцу касашеся»⁷. Так младенец порой оставался день или два без пищи, пока мать не исполняла его желание. И в православные постные дни, «в сред(ы) бо и в пя(тница) не с(ъ)саше от съсцу ни от млека ядыше». Это вело к разговорам

о том, не больно ли дитя. Однако автор жития считает, что в этом «посте» — образ будущего воздержания и чудесный знак избранности⁸.

Вопросы питания стали предметом спора между «номиналистами» и «реалистами» в русской православной иерархии уже в XIV веке. Новгородский архиепископ Василий (1329—1352), ссылаясь на легенды иерусалимские и константинопольские, высказывал мнение, что существование земного рая — это реальность. В своем послании к Тверскому епископу Федору он говорил, что рай этот находится на Востоке. Там есть блаженные рахманы, которые живут близ рая не трудясь, одеваются «листвием садовым» и питаются «от древес овощами», не зная зависти и греха⁹. В другом рассказе о рае — апокрифическом путешествии Зосимы, возникшем также в Новгороде, — говорится о благочестивых, живущих в мире без железа, ножей и оружия, и питающихся одними фруктами.

С обычаями питания в русских монастырях XVI века хорошо знакомит читателя «Кормовая книга Иосифо-Волоколамского монастыря». Этот текст был опубликован в 1998 году в факсимильном издании, вместе с немецким переводом, группой исследователей в Мюнстере (Вестфалия). В нем весьма подробно описан регламент блюд в течение церковного года, т. е. с сентября по август: во время поста, по обыкновенным дням и праздникам. Кормовая книга показывает, что в том случае, если постный регламент не требовал ступенчатых ограничений вплоть до полного, качественного и количественного поста, монахи в этом монастыре питались по-вегетариански, делая иногда исключение для рыбы¹⁰.

Монашество играло огромную роль в древнерусском обществе. Не только простые люди посещали монастыри для духовных бесед и для благочестивых подвигов, но также бояре и князья. Русские князья и цари перед смертью обыкновенно постригались в монахи. «Русский человек вообще старался обосновать на монастырских принципах как общественную жизнь, так и частную: {...} Нравственные правила Домостроя XVI века носят характер ритуального аскетизма, характерного для древней Руси в целом»¹¹.

Секты, возникшие на территории царской России в течение XVII века — периода всеобщей неуверенности, раскола русской церкви, возникновения старообрядчества, — пре-

жде всего секты хлыстов, или «божиих людей», как они себя называли, — были очень активны и имели распространение вплоть до XIX и XX веков; даже в советской России продолжала существовать, по официальным данным, «незначительная часть отдельных хлыстовствующих течений»¹². Сведения о возникновении различных сект и свойственных им обычаях документировались в XIX веке царскими следственными комиссиями в протоколах многочисленных допросов. Карл Конрад Грасс в своем обширном двухтомном исследовании русских сектантов, написанном до Первой мировой войны на основании опубликованных материалов, описал также аскетические правила их питания¹³.

Секты во многом следовали примеру монашества официальной православной церкви. Ведь «в начале XVIII века их центры были в православных монастырях среди монахов и монахинь»¹⁴. Именно подражание монашеской жизни, по предположению Н. Реутского, которое Грасс считает весьма вероятным, «привело хлыстов в том числе к запрещению потребления мяса». «Ведь в монастырях русской церкви вообще не едят мяса. Зато больше — рыбу. Но и этот продукт питания <...> был запрещен хлыстами <...> и так до сегодняшнего дня <...>». Это может говорить в пользу представлений о переселении душ. Но в Великие посты также церковь запрещает есть рыбу¹⁵. Хлысты придавали большое значение строгому посту. «Церковные посты кажутся им далеко не достаточными. Не только в определенные дни, но и всегда, по их мнению, нужно избегать скоромных кушаний, прежде всего мяса. Как обоснование данного запрета на мясо хлысты нередко указывают на то, что мясо якобы возбуждает сексуальные вожделения»¹⁶. «Вообще хлыстовщину можно рассматривать как попытку возвести монашеский аскетизм в требование ко всем, попытку преодолеть ту границу, которую проводит церковь между благочестием мирян и благочестием религиозных людей в высшем смысле, монахов, отшельников и святых. <...> И в том, и в другом случае идеалы тождественны; в их основе — представление о святом, ограничивающем удовлетворение телесных потребностей до той крайней степени, которая является необходимой для поддержания жизни»¹⁷.

Хлысты «постятся неустанно и даже в более строгом смысле, чем церковь», меж тем они сами не считают такое воздер-

жание истинным постом. «Истинный пост подразумевает полное воздержание от кушаний»¹⁸.

«Еще бóльшее значение хлысты, по всей видимости, придавали запрету на опьяняющие напитки. (...) В запрещении алкогольных напитков они настолько строги, что даже при святом причастии заменяют вино квасом или даже водой»¹⁹.

Во второй половине XVIII века появилась секта скопцов. Ее основателем был Кондратий Селиванов (род. до 1750—1832). Скопцы в общем переняли предписания хлыстов о воздержании в еде. В связи с этим К. Грасс указывает на «запрет мяса (прежде всего свинины), водки, а также всех опьяняющих напитков (...)». Употребление же рыбы в пищу допускается»²⁰. «Особенно строго соблюдается [у скопцов. — П. Б.] воздержание от мяса. Если иные из них — сектанты из богатых землевладельцев, имеющие сношение с дворянами-помещиками — иногда позволяют себе в обществе стаканчик вина, нарочно с тем, чтобы этим доказать свою непринадлежность к сектантам — то воздержание от мяса для них всех непреложно. (...) “Мясо — это ужасно отвратительно (...) мы, белые голуби, питаемся чистым зерном”», — так говорится в сообщении 1905 года о курских скопцах²¹. Основание тому — еще большее, чем у хлыстов, — стремление избежать сексуального возбуждения. Перед судом скопцы обычно сознавались в неупотреблении мяса, но обосновывали это «каждый по-своему»: болезнью ли, природным ли отвращением, данным обетом или же, как это случилось в 1832 г. на судебном процессе в Твери, — тем, «что душа этого не желает»²².

Во второй половине XIX столетия возникли и новые секты, которые отказывались от употребления мяса; в частности к ним относится секта малеванцев, основателем которой был Кондрат Алексеевич Малеванный (1845—1913), колесный мастер из Киевской губернии. К. А. Малеванный, сперва бражник, как и его родители, отец семерых детей, в 1884 году принял учение баптистского штундизма, распространенного тогда на юго-западе России, и вскоре освободился от пьянства. С конца 1880-х годов он считал себя «избранным первенцем Бога». После 1888 года секта малеванцев начала быстро распространяться. Правительство распорядилось интернировать К. А. Малеванного в психиатрическое отделение Кирилловской больницы г. Киева, а для лечения его в 1892 году были привлечены самые видные психиатры: Иван Сикорский в Ки-

еве, а затем, после того, как Малеванного перевели в 1893 году в Казань, и Владимир Бехтерев. Последний опубликовал в 1893 году свое исследование «Суггестия и ее роль в социальной жизни», впервые переведенное на немецкий язык в 1904 году («Die Suggestion und ihre Rolle im sozialen Leben»). О малеванцах сообщается, что они отказываются не только от мяса, но и от яиц, так как в них — зародыш будущей жизни; животных нельзя не только убивать, но также и использовать как рабочую силу²³. К. Грасс полагает, что и у малеванцев главная причина отказа от потребления мяса заключается в воззрении, согласно которому таким образом укрепляется дух в борьбе с собственной плотью. И. Сикорский наблюдал у малеванцев пристрастие к сладкому — изюму, фидам и сахару. Они не только добавляли сахар в пищу, но и вкушали его в «чистом виде». Состоятельные малеванцы безвозмездно снабжали им бедных. Вступление же в секту малеванцев, по словам К. Грасса, зачастую объяснялось тем, что они «лечат от пьянства», в то время как царю и духовенству это не по силам²⁴.

Небезынтересно сравнить этюд В. Бехтерева, в котором лишь отмечаются различные аспекты бредовых идей малеванцев, с репортажем о более позднем посещении К. Малеванного и его семьи, появившемся в «Киевской мысли» в 1911 году. В центре этого репортажа — зарисовка из абсолютно «нормальной» семейной жизни:

Небольшая мазанка на окраине города, чистенько выбеленная снаружи и внутри. Неширокий двор с садиком.

Я попал к ним в обеденную пору. За столом сидело человек десять мужчин и женщин — черпали ложками из общей миски...

— Здравствуйте! Хочу видеть Кондрата Алексеевича...

Он протянул мне свою худощавую руку и приподнял голову. Старик, с длинной седоватой бородой. Высокий лоб, нависшие брови. Глаза ясные, открытые.

Вид в общем болезненный, усталый. Тут и жена его, морщинистая, но очень бодрая еще старушка; сын, зять, молодая дочь, и несколько человек приезжих из Васильковского уезда.

— Вы из наших братьев будете?

— Нет, я — посторонний...

— Ну, все равно. Сидайте, брат, тай пообидаем...

Коль скоро пришел к нам — значит, брат и друг.

Зеленые щи с фасолью и грибами, пшенная каша с постным маслом. Потом сладкий чай с лимоном и сухарями. Они — убежденные вегетарианцы.

Всякая тварь просит у Божьих сынов освобождения...

Они не хотят поэтому, чтобы на них падала кровь какой бы то ни было животной твари; не хотят, чтобы на них плакалась коровка, аль птица или рыба, иль даже самое маленькое насекомое.

Этого режима они своим братьям, однако, не навязывают. Хилые, больные при желании едят мясо. Этот режим привился к ним без всякого давления. Сами уразумели, сами дошли.

В малеванских гущах, как потом я узнал, создалось и соответствующее хозяйство: держат корову для молока, и лошадку — помощницу в хозяйстве. Но отказались от свиней, кур, гусей и от всякой другой домашней твари.

Кондрат и его семья вегетарианствуют уже свыше двадцати лет.

— Когда перестал я вкушать кровь животных — прояснились мои глаза, и на душе легче стало...

Но не следует также и злоупотреблять и всякой пищей. Каждый лишний кусок уже причиняет вред.

И тошнит, и спать хочется...

Человек должен стремиться только к тому, чтобы поддерживать свое существование²⁵.

Эта картина очень близка к той, которую находим в письме Л. Н. Толстого к Елизавете Владимировне Молоцовой от 7 июня 1905 года. Молоцова посетила Малеванного в Казани, в больнице для душевнобольных, где его содержали уже 12 лет; по просьбе Толстого она ходатайствовала за него перед губернатором и в августе того же года добилась его освобождения. Толстой написал ей после посещения одного из «малеванцев»: «Это община чистых, нравственных, трудолюбивых людей. Тех самых людей, к(оторые) составляют силу всякого народа и образование к(оторых), поощрение, подражание — должно было бы составлять главное занятие всякого правительства, желающего исполнять свое призвание. И их-то гонят, и их-то наука, заменяющая в наше время прежнюю церковь, признает душевнобольными. Это ужасно!»²⁶

В 1910 году в ВО сообщалось еще об одном разговоре с К. Малеванным. Секта в то время была распространена прежде всего в Киевской и Минской губерниях и там имела около 20 000 приверженцев; из них 95 % жили «безубойно»²⁷.

Кроме хлыстов, скопцов, малеванцев и различных более мелких группировок, как-то: молокан и субботников,²⁸ в нача-

ле XX века в России существовали и другие возникшие в народе движения, которые требовали воздержания от мясных блюд и практиковали его, как, например, «серафимовцы»²⁹. Городским вариантом этих движений было движение «народных трезвенников» «братца» Иоанна Чурикова в Петербурге и «братца» Ивана Колоскова в Москве. 17 апреля 1913 года И. М. Трегубов (1858—1931), один из самых деятельных корреспондентов Толстого (тот написал ему 98 писем) и знаток русского сектантства, выступил в Москве на первом Всероссийском съезде вегетарианцев с докладом о вегетарианстве среди приверженцев различных сект. При этом изучал он прежде всего упомянутых «народных трезвенников». Они начинали с призыва к воздержанию от алкоголя, а потом постепенно приводили своих приверженцев к вегетарианству. По словам Трегубова, среди рабочего населения Петербурга и Москвы было около 50 000 вегетарианцев-трезвенников. Попутно Трегубов охарактеризовал отношение к трезвенникам духовенства: оно пыталось объявлять их сумасшедшими, как в свое время и Кондрата Малеванного³⁰.

Еще тремя годами ранее Трегубов сообщал в *ВО* о выступлении И. Чурикова в Петербурге 3 января 1910 года. Своей проповедью «братец» Чуриков добился того, что огромная толпа, большею частью из рабочего класса, «под влиянием сильного религиозного вдохновения отказалась от употребления мяса». Чуриков прочел собравшимся вслух отрывок из Евангелия от Марка, где говорится о проповедях Иоанна Крестителя:

Иоанн Креститель, который призывал к покаянию и крещению, питался диким медом и акридами. Из этого можно сделать вывод, что он не пил вина и не ел мяса, и тем самым и других призывал к воздержанию от вина и мяса.

И Христос был воздержен и не ел мяса, почему, совершая пасху с учениками, он преломлял и им давал есть не ягненка, а хлеб во исцеление души и тела и в защиту животных, и тем самым призывал их и всех людей к воздержанию от мяса.

Его ученики не ели мяса и других призывали к воздержанию от него, как это видно из следующих слов ап. Павла: «лучше не есть мяса и не пить вина вовек, дабы не соблазнить брата моего»³¹ (Рим. 14.21; 1 Кор. 8.13) и «немогущий есть овощи»³² (Рим. 14.2).

И я призываю вас к тому же. Раньше я вас призывал отказаться от вина, а теперь призываю вас отказаться и от мяса, призываю добровольно (...).

Согласны ли вы на этот призыв?»

В ответ на это все громко и единодушно воскликнули: «Согласны, дорогой братец, отрекаемся от мяса, во век не будем пить вина и есть мяса!» (...)

«Святые отцы не ели мяса и потому были мудры и кротки. Отказываясь от мяса, мы и с животными заключаем мир (...).

Поэтому и медицина начинает уже считать мясо вредным для здоровья и посылает богатых людей в такие места, где они могут питаться фруктами и виноградом. (...)

Мне говорят: «Мясники все здоровы». А я скажу: хоть бы тысячу мясников поставить против одного Серафимушки, то и они не смогут справиться с ним. Ему и медведи покорялись.

«Все мы мясники пред тобою постником, — сказали слушатели, — падаем в недостатках и смиряемся. Помолись за нас». (...)

«Придет время, — продолжает проповедник, — вы сами должны будете отказаться от мяса, потому что цена его дойдет до 5 руб. за фунт. (...) Но отказываться от мяса надо не ради корысти. Некоторые из вас отстали от вина ради своей выгоды, а не ради слова Божия, не ради слова истины. А от мяса надо отказываться ради примирения с животными, ради своего здоровья и на пользу человечества».

«Во век не будем есть мяса!» — опять дружно все сказали и запели: «Слава в вышних Богу и на земле мир. Многая лета! Многая лета! Многая лета!»

«Некоторые, может быть, скажут: “Это сектантство”, некоторые уже и говорят: “братцевых надо отлучить от церкви”, а я вам скажу: я отлучил вас от всего дурного: от пьянства, разврата, курения табаку, балалаек и всех развратных увеселений, но от церкви я вас не отлучал, а наоборот призываю вас к церкви»³³.

Заметно, как здесь пересекаются линии «религиозного» и «светского» вегетарианства. И. Чуриков указывает на оздоровительные преимущества вегетарианского образа жизни, ему известно, что ими начинают интересоваться правящие классы. В следующее воскресенье, 10 января 1910 года он проповедовал:

(...) В газетах пишут, что и в Америке 300 000 рабочих отказались от мяса, потому что оно стало дорого. Дорогая цена мяса насильно отнимает его у людей; но я бы хотел, чтобы вы отказались от него не насильно, а добровольно, по рассуждению. Поэтому я очень рад, что сразу столько откликнулось

на мой призыв. Если откликнулось полторы тысячи, то две с половиною животных останутся живыми. (...) Когда не было мяса — не было и болезней. Поэтому постники здоровы и долговечны.

Некоторые говорили мне: «а как же львы едят мясо — и какие они сильные и долговечные!» А я спросил их: сколько их? «Мало», — ответили они.

Так и вас, кровожадных, будет мало. Тарас Бульба съедал трехмесячного агненка и четверть вина выпивал и вышел на пединок против своих детей и одного из них убил.

Не есть мясо полезно еще и потому, что если ты кого обидишь, то тебе скажут: «мяса не ешь, а людей обижаешь», и стыдно тебе станет, и этот укор будет тебе во спасение»³⁴.

Три года спустя за трезвенников заступится Н. М. Жданов³⁵ в своей речи 14 мая 1913 года в Александровском зале петербургской Думы. По его словам, в этом движении, которое охватило широкие круги городского населения, можно видеть «тот тип деятельного православного человека, который с древних времен никогда не переводился на Руси. (...) На Руси всегда были люди, которые, хотя и не принадлежали к монашеству или духовенству, но брали на себя задачу в своей жизненной деятельности осуществлять заветы христианской нравственности. Всегда, с самых древних времен, были на Руси и странники, и богомолы, и чернички, и прозорливцы, и блаженные, которые и в городах, и в селах, и в деревнях, и на погостах брали на себя задачу послужить ближнему, посоветовать ему (...)» Вверяться духовному водительству другого человека — «это психологическое свойство русского человека». В монастыре Оптиная пустынь у старцев побывали не только убогие и хилые, униженные и оскорбленные: «Там были и Гоголь (...), и братья Киреевские (...), и Толстой, и Достоевский».

Таким образом, и низы городского населения обрели духовных наставников в лице «братца» Чурикова в Петербурге и «братца» Колоскова в Москве: это движение представляет собой «проявление старчества XX века, образовавшегося и развившегося на почве жизни низов городского населения». Ивана Колоскова еще задолго до начала его проповеднической деятельности на родине, в Тульской губернии, «называли монахом за то, что он выделялся своим неуклонным благочестием, не пил, не курил, строго соблюдал посты». После того, как судьба привела его в Петербург на беседы братца Ивана Чурикова, он переселился в Москву и там на своих собраниях

успел сподвигнуть тысячи людей к перемене их образа жизни. Колосков «звал их не к борьбе социальной, а к той душевной реформе, которая заповедана христианской нравственностью». А «в литературе, направленной против трезвенников, это движение нередко называется антигосударственным, сеющим вражду»³⁶.

На свидетельствах о распространении отказа от употребления «убойной» пищи в церкви и в сектах я остановился по двум причинам. Во-первых, потому, что масштабы этого рода «вегетарианства» представляют собой отдельную проблему духовной и социальной истории России³⁷. Во-вторых, также и потому, что эта готовность к воздержанию не только в церкви, но и в сектах, связанная с религиозными представлениями, не была лишена влияния на судьбы «новейшего» вегетарианства, возобновленного во второй половине XIX века. Готовность к воздержанию возбуждала подозрение, что за ней скрываются сектантские устремления. Правда, в течение веков в разных частях Европы не раз возникали религиозные движения, проповедующие растительный режим питания. Достаточно указать на богомилов и катаров³⁸. Но распространение этих движений, как и жестокое преследование их со стороны церкви и государства, имело место сотни лет тому назад. Люди, примкнувшие в Западной Европе или в Северной Америке к новому движению вегетарианцев, начавшему быстро расти приблизительно с 1850-х годов, не находились под подозрением в ереси и не должны были бояться соответствующих санкций (русские духоборцы в Канаде были исключением). И все же им приходилось считаться с тем, что на них смотрят как на чудаков; они и их окружение также были вынуждены мириться с известными неудобствами того рода, какие были описаны почти сто лет назад П. Гоффманном, профессором философии из Гента, — это описание, заметим, актуально и сегодня³⁹. Однако и в царской империи, и в Советском Союзе было иначе. Тот, кто даже «просто так», по личным мотивам, хотел обойтись без мяса, навлекал на себя подозрение. Ведь значительная часть сект, преследовавшихся властью и считавшихся опасными для существующего порядка, веками проповедовала воздержание от мяса. Проповедовал его и Толстой в рамках своего особого истолкования христианского благовестия.

Приведем только один пример (в последующих главах еще будут приведены дополнительные). В 1913 году в *ВО*

Н. Лапин, молодой крестьянин из Саратовской губернии, сообщал в статье под заголовком «Почему я сделался вегетарианцем» о том ужасе, который у него еще с детства вызывал убой скота. Когда ему исполнилось 18 лет, ему попала в руки книга И. Горбунова-Посадова «Сострадание к животным и воспитание наших детей», и с тех пор он начал жить вегетарианским образом. В деревне говорили, что он не сможет вынести всех тягот крестьянской работы, а вскоре пошли слухи, что это пришел на землю Антихрист и начинает обольщать людей. Духовенство подозревало его в толстовстве: «что, дескать, кто к нему присоединится, тот сам себя проклянет»⁴⁰.

Широкое распространение сект, как и обхождение с ними властей, нашли известное отражение в русской литературе, правда, до революции 1905 г. только в скрытой форме: тема эта была табу. Она, как правило, обсуждалась только в публикациях по богословию и психиатрии⁴¹. У Тургенева в «Записках охотника» загадочный Касьян с Красивой Мечи порицает помещика за то, что тот занимается охотой: «Святое дело кровь! Кровь солнышка не видит, кровь от свету прячется». Правда, эти запреты касаются только диких зверей. Касьян допускает забой домашних животных: «А человеку пища положена другая; пища ему другая и другое питье: хлеб — божья благодать, да воды небесные, да тварь ручная от древних отцов». Н. Л. Бродский в свое время высказал мнение, что тургеневский Касьян принадлежит к секте «бегунов». Н. С. Лесков в некоторых своих повестях затрагивает тему вегетарианства среди приверженцев русских сект, главным образом из круга «штундистов» (об этом см. ниже). Понятно, что царское правительство испытывало опасения: около 1900 года одних штундистов разных группировок насчитывалось, согласно иностранным источникам, два миллиона⁴². И в начале XXI века сектантство играет в огромной России значительную роль. (см. гл. X).

Экскурс: Г. Р. Державин и пост

Православная «культура поста» в XVIII веке побудила поэта Г. Р. Державина (1743—1816) к размышлениям о человеческих обычаях еды. В «Санкт-Петербургском вестнике» за 1779 г. он опубликовал краткое «Рассуждение о посте», в котором касается пифагорейцев и их взглядов, впрочем, не называя этого философского течения¹. Державин отдавал себе отчет в том, что в более теплых местах жить вегетарианским режимом легче, чем на крайнем севере (слова «вегетарианский» еще не было). Он даже замечал, что уровень образования того или иного слоя населения может сказываться на обычаях питания и поста.

Привожу его замечания в несколько сокращенном виде.

Жизнь наша есть время искушения, а пост время воздержания. <...>

Многие думают, что пост не в бранше состоит, но в отчуждения от злых дел. Священное писание говорит то же; я, против сего не споря, говорю с философом: «Человек! Правило тебе в жизни сей — терпи и убегай» <...>

Некоторая древняя секта не употребляла мяс; она, не заколая себе в пищу никакого животного, довольствовалась одними плодами и разными растениями.

Для чего ж? Станется, она или жалела пожирать животных, кои все имеют некоторые сходства с человеком, как то: телесные чувствования и тому подобное, или верила переселению душ человеческих в скотов, или, может быть, из опытов знала, что мяс разгорячают кровь, утучняют тело и способствуют усилению стремления страстей наших. Спробите вы меня: верю ли я всему этому? Не знаю. Древний Зинон однако говорит: страсти в нас от скотства происходят; я разумею чрез сие обжорство, плотоугодие и роскошь, чему, кажется мне, согласно и в священном писании у нас не иное что как Зиномом² называемое скотство именовано чревобесием³ и включено в число смертных грехов.

То ли сие у нас слово знаменует, я не намерен входить здесь ни в изъяснение, ни в прение с богословами, но то неоспоримая истина, что наевшийся досыта человек мало способен к движению телом и к действию умом.

К чему же он способен? К праздности, а праздность есть мать всех пороков.

Из сего следует, что напрасно новые философы проповедуют нам: «что-де Богу нужды, едим ли мы суп с ветчиной, или горюх разваренный?»

Богу конечно нужды нет, да нам нужна.

Желая вознестися к Существу нашему духовному, обитающему в горних, должно не только душу свою очищать добрыми делами, но и плоть свою истощать сколько можно, чтоб она не отягощала нас и делала бы дух наш бодрее и свободнее воскрилиться к своему началу. Для сего богомудрые мужи в разные веки, в разных странах, граждане на земли неба, ангелы неба на земли, поучали всегда имети пост; совет их конечно благ. Христос, глава церкви нашей, постяся сам, утвердил пост. Для чего же нам не последовать им? (...)»

Лучший друг сложению человеческого, умеренность, — умеренность в пиршестве, умеренность в посте. Сия полезная нам добродетель, сохраняя здравие души и тела нашего, вспомоществует им в исполнении всех христианских и человеческих должностей; впрочем иной пост, кажется мне, должен быть в благодатных странах, изобилующих лучшими земными и древесными плодами Греции и Малой Азии, иной под шестидесятым градусом северной широты; иной просвещенных людей, иной непросвещенной черни. Главнейшее при сем правило есть — быть во всем послушным совести своей. Не желал бы я иметь другом такого человека, который, не сохраняя правил о посте, узаконенных святыми отцами, говорит: не наблюдать поста тяжкий есть грех; однако Бог милосерд.

Свидетельства более позднего времени говорят о том, что Державин прекрасно умел ценить хороший обед. Я. К. Грот даже сообщает о «неумеренности в еде» как слабости стареющего Державина⁴. И в стихотворениях Державина есть похвалы мясным и рыбным блюдам. Так, И. Виницкий говорит о богатом и сытном столе, украшенном «багряной ветчиной, янтарной икрой, красными раками и золотой шекснинской стерлядью»⁵; ср., например, стихотворения Державина «Приглашение к обеду» (1795) и «Похвала сельской жизни» (1798). Но примечательно то, что поэт очень рано, исходя из церковных обычаев поста, стал помышлять о возможном общем отказе от мясного питания и о различных способах его обоснования.

Впрочем, и польский поэт и современник Державина Станислав Трембецкий (1739—1812) заинтересовался растительным режимом питания; когда ему было около 50 лет, он даже сам стал вегетарианцем. В поэме «Зофьювка» (Sofjówka, 1806) он хвалит «землю, благосклонную мать», которая «для пищи дает зерна, овощи и ягоды». Его обращение к вегетарианству надо рассматривать в контексте его знакомства с античными поэтами и философами — с Овидием, Вергилием, Лукреци-

ем и Эпикуром, с мифом о Золотом веке и с мировоззрением стойков⁶. Трембецкий практиковал и пропагандировал гедонистские элитарные представления об отречении; «простая» жизнь, по его словам, обещает долголетие. Размышления же Державина, несмотря на знание им античных преданий, зиждутся на нравственных требованиях православия.

III. КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Первые объединения русских вегетарианцев существовали, по-видимому, уже в 1860-е гг.¹. Тем не менее, временем пробуждения вегетарианской идеи в России следует считать год 1878. В этом году «Вестник Европы» напечатал статью профессора А. Н. Бекетова (1825—1902) «Питание человека в его настоящем и будущем» — веское слово в защиту вегетарианства. Эта статья имела большой успех; в 1879 г. она была опубликована отдельной брошюрой и в 1881 г. — переведена на французский, а в 1882 г. — на немецкий язык (илл. 1; см. с. 53).

Очевидно, призыв Бекетова к отказу от употребления в пищу мяса не сразу имел практические последствия. Однако эта статья сыграла не последнюю роль в «обращении» в «вегетарианство» отдельных лиц, особенно Льва Толстого, который начиная с 1884 г. придерживался данного образа жизни². Н. С. Лесков, познакомившись с Толстым в 1887 г., опубликовал в 1889 г. заметку «О вегетарианцах, или сердобольниках и мясопустях»; в том же году вышел его рассказ «Фигура», герой которого на протяжении всей своей жизни вегетарианствовал. Сам Лесков с этого времени и вплоть до самой смерти в 1893 г. был вегетарианцем. В мае 1890 г. у Толстого впервые возникла идея создания книги «о еде». Летом 1891 г. он пишет очерк «Первая ступень», который появился в печати в 1892 г. и вызвал большой резонанс; с тех пор для многих этот труд стал «библией вегетарианства»³. Период с момента появления толстовского сочинения до начала Первой мировой войны был временем самого активного распространения вегетарианского образа жизни в России.

В том же 1892 г., вскоре после опубликования «Первой ступени», некий студент К. Н. Смирнов предпринял попытку основать в Петербурге вегетарианский журнал под названием «Первая ступень». Цензура отказала Смирнову в выдаче необходимого разрешения (об этом см. ниже в главе, посвященной Григоровичу: VI. 3.1, с. 154—155). Значительную роль в

пропаганде вегетарианства сыграло издательство «Посредник», основанное в конце 1884 г. по инициативе Толстого. В 1893 г. оно выпустило русский перевод книги Говарда Уильямса «Этика пищи» «The Ethics of Diet» со статьей Толстого «Первая ступень» в качестве предисловия; в том же году была перепечатана брошюра А. Н. Бекетова (следующее издание — в 1896 г.). В довоенные десятилетия это издательство опубликовало еще много «вегетарианы» — самых разных книг и брошюр по вопросам вегетарианства — в своей «Вегетарианской библиотеке».

Статья о вегетарианстве в знаменитом энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (Т. 10. 1892. С. 691—692) — что неудивительно — была составлена А. Н. Бекетовым: «В России хотя и имеются вегетарианцы, но общества еще нет. Учение это, однако же, все более и более распространяется, и число его адептов, не считая народные массы, которые повсюду держатся растительной пищи, должно считать десятками тысяч. В Англии, Германии, Австрии и Швейцарии имеются специально для вегетарианцев приспособленные гостиницы (отели); в одном Лондоне до 30 и ресторанов в Англии до 60». В «Словаре русского языка, составленном Вторым отделением Императорской Академии Наук» заглавные слова «вегетарианец», «вегетарианка», «вегетарианство», а также вышедшее из употребления «вегетарианизм»⁴ появляются впервые в 1891 г. (термин «вегетарианизм» возник в Англии в 1842 г.). Второе издание энциклопедии Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона в т. 5 (1912?) знакомит с историей вегетарианства с античных времен; кроме того, лактоовоовегетарианская пища представлена (в частности, со ссылкой на медицинские исследования французского физиолога И. Лефевра) как равноценная смешанному питанию⁵.

Между тем полицейский произвол в царской России имел последствием то, что выступления в защиту вегетарианского образа жизни оказались небезопасным предприятием. Во многих местах было запрещено проводить собрания и читать лекции о вегетарианстве⁶. Анна Панкратьевна Попова (1842—1914), мать Евгения Ивановича Попова (1864—1938), одного из приверженцев Толстого, бывшего знакомым с ним с 1887 г., открыла в начале 1891 г. в Москве вегетарианскую столовую, деятельность которой вскоре была приостановлена властями. «Слышал я то, что кухмист(ерскую) запретили», —

писал Толстой Черткову 28 февраля 1891 г.⁷ Уже в самом слове «вегетарианство» чиновники усматривали нечто ужасное, подрывающее государственные устои. В 1894 г. в Москве появилась первая вегетарианская столовая. После того как г. Silleneek, владелец столовой, разместил над своим заведением вывеску с надписью на русском и немецком языках «Вегетарианская столовая / Vegetarisches Speisehaus», по приказу полиции было устранено как немецкое название, так и слово «вегетарианская», — осталось только одно слово «столовая»⁸.

В 1894 г. в Петербурге было лишь одно заведение, предлагающее домашние вегетарианские обеды. Согласно короткому репортажу С. Раевского (Рига) о положении вегетарианства в России для журнала «Vegetarische Rundschau»⁹, отношение прессы к этому движению — за исключением газет «Неделя» и «Новое время» — было либо безразличным, либо враждебным. Он сообщает, что активное участие в распространении вегетарианской литературы в последнее время принимает московское издательство «Посредник» и что вегетарианцы есть в различных частях империи: на Кавказе и на Урале, в Туркестане и в Сибири. И в самом деле, к тому времени в царской империи проживало несколько десятков тысяч людей, придерживающихся вегетарианства, — как и предполагал Бекетов. Кроме того, на Кавказе жили духоборцы и представители других сект, отказывающихся от потребления мяса, как, к примеру, секта белоризцев. Духоборцы уже тогда в большинстве своем были убежденными вегетарианцами.

16 февраля 1896 г. в Москве по случаю открытия новой частной вегетарианской столовой состоялось «Собрание у Модо», которое считается первой попыткой основания вегетарианской организации в старой столице.

1 декабря 1901 г. в Петербурге при содействии врачей (А. П. Зеленков) и профессоров (А. И. Воейков) было основано первое русское объединение вегетарианцев — «Санкт-Петербургское вегетарианское общество» (в дальнейшем *СПб. ВО-во*). Это общество имело ярко выраженное научное направление. Итогом его работы стало издание библиографии вегетарианской литературы, основание вегетарианской библиотеки и выработка проекта устава, который был утвержден 21 октября 1901 г. Министерством внутренних дел и который лег в основу уставов практически всех локальных вегетарианских обществ, основанных позже в период до Октябрьской

революции. Вплоть до начала Первой мировой войны Петербургское общество вело очень активную деятельность, несмотря на то что по своей численности оно во многом уступало вегетарианским объединениям в Западной Европе.

Число вегетарианских столовых постепенно росло; к началу 1903 г. в России их было семь¹⁰. В начале 1904 г. в одной Москве было зарегистрировано 4 вегетарианских заведения¹¹.

Новые общества возникли в Варшаве (1903 г.), в Киеве и Кишиневе (1908 г.). В Одессе в 1908 г. должно было открыться пятое по счету вегетарианское общество, но устав не был утвержден, несмотря на то что это был тот же самый устав, что и в Петербурге и других городах царской империи¹². «Московское вегетарианское общество» (в дальнейшем *МВО-во*) было основано 28 февраля 1909 г. (дата утверждения устава).

13 октября 1909 г. в Москве была открыта первая «официальная» вегетарианская столовая, которой управляло *МВО-во*. За оставшиеся месяцы 1909 г. заведение посетили 11 000 человек. В 1912 г. число посетителей достигло 340 000, в 1913 г. — 500 000, а в 1914 г. — 643 000. В той же Москве в 1911 г. была открыта «Первая народная вегетарианская столовая», предлагающая недорогие обеды (от 12 до 15 коп.) из двух блюд.

15 января 1909 г. в Кишиневе вышел первый номер журнала «Вегетарианское обозрение» (в дальнейшем *ВО*) с подзаголовком «Единственный вегетарианский журнал в России». Издатель журнала И. Перпер в № 7 (1909) дал довольно пессимистическую оценку положения вегетарианства в России. Он выражал сожаление по поводу разрозненности сил и призывал к созданию Всероссийского вегетарианского союза. Уже в первых выпусках журнала И. Перпер представил проект устава «Всероссийского вегетарианского общества», разработанный М. М. Пудавовым (Киев)¹³. Но и в мае 1912 г. у Перпера еще будет повод озаглавить один из своих очерков «Наша разрозненность»¹⁴. Не только расстояния были причиной, затрудняющей всяческие усилия по объединению сил: особенно велики были расхождения между различными группировками. Некоторые (нередко из окружения Толстого) придерживались вегетарианской диеты по религиозным соображениям — убедительное изображение представителя этих вегетарианцев-толстовцев мы находим у А. И. Солженицына в романе «Август четырнадцатого» (1971) в образе Исаакия¹⁵ — но

были также и вегетарианцы, настроенные более секуляристски: для них важны были в первую очередь «гигиенические» и эколого-экономические аспекты; разумеется, существовали также разногласия между теми, кто признавал потребление молочных продуктов, и теми, кто от них отказывался. Впрочем, лишь малая часть тех, кто в той или иной степени жил по-вегетариански, выражала, помимо этого, готовность вступить в какую-либо вегетарианскую организацию. Так было — и есть — и в западноевропейских странах. При всем том, на протяжении всей своей истории вегетарианское движение в России постоянно сталкивалось с нехваткой денежных средств; неоднократно были призывы о пожертвованиях, однако щедрые меценаты, видимо, не находились.

В январе 1910 г. в Москве возникла идея издания очередного вегетарианского журнала под названием «Естественная жизнь». Предполагалось, что журнал будет литературным — в частности, надеялись на содействие Л. Н. Толстого; к тому же предусматривалось участие в журнале десяти врачей¹⁶. Проект не был осуществлен; тем не менее, в 1913 г. под редакцией П. И. Бирюкова и Н. Н. Гусева вышел «Первый альманах Московского вегетарианского общества», озаглавленный «Естественная жизнь и вегетарианство»¹⁷. Альманах сначала был конфискован и вновь разрешен только после изъятия 35-страничной статьи, которую пришлось заменить другими материалами¹⁸.

Вместо остро необходимого сплочения сил в 1912 г. в Московском вегетарианском обществе происходит их разъединение — в связи с созданием общества «Духовное пробуждение»¹⁹; с тех пор в Москве существовали две вегетарианские организации, не считая таковых в Петербурге, Киеве, Саратове, Полтаве, Одессе, Минске и Вильнюсе. Головной организации по-прежнему не существовало.

Тем не менее, общество «Духовное пробуждение», помимо прочего, ставило целью организовать съезд и выставку вегетарианцев. На период с 27 по 30 декабря 1912 г. оно планировало созыв в Москве Первого Всероссийского съезда вегетарианцев²⁰. Этот съезд — первое совместное выступление русского вегетарианства — состоялся, правда, несколько позднее: с 16 по 20 апреля 1913 г.²¹ Несмотря на то что это было поистине примечательное событие, красноречиво свидетельствующее об общем настрое того времени, полном

радостных надежд, — об этом съезде ни словом не упоминается в современных исследованиях — например, «Russland im Epochenjahr 1913. Kultur. Gesellschaft. Politik»²². Между тем 1913 год был вершиной развития и для русского вегетарианства²³.

Участникам съезда не удалось создать Всероссийский вегетарианский союз. Однако важным шагом в этом направлении было решение об открытии «Справочного вегетарианского бюро»²⁴. В соответствии с одиннадцатой из принятых съездом резолюций, второй съезд вегетарианцев должен был состояться на праздниках Пасхи 1914 г.²⁵. Но этому не суждено было осуществиться: Первая мировая война положила конец всем всероссийским устремлениям русских вегетарианцев. К ним можно также причислить идею основания кафедры вегетарианства. Писательница Н. Б. Нордман, жена И. Е. Репина, в мае 1913 г. настоятельно просила профессора В. М. Бехтерева, возглавляющего Психоневрологический институт в Петербурге, содействовать созданию подобной учебной кафедры (ср. VI. 5, с. 225—228), но после смерти Нордман в июне 1914 г. никто уже не преследовал эту цель.

С мая 1914 г. в Киеве выходит еще один вегетарианский журнал — «Вегетарианский вестник» — наряду с «Вегетарианским обозрением», параллельно издававшимся также в Киеве в течение еще одного года...²⁶

«Вегетарианский вестник» своим названием возобновил традицию первого вегетарианского журнала, выходившего в 1904—1905 гг. В программной статье нового издания говорится о трех периодах развития вегетарианства в России. Согласно автору статьи, об эпохе до 1901 г. можно говорить как о «литературном периоде». Второй период отмечен идейной работой Петербургского вегетарианского общества. Третий период, начиная с 1908 г., — период практический, посвященный организации обществ и учреждению столовых в Киеве, Москве, Одессе. Теперь наступает новый четвертый период — время «пробуждения вегетарианцев от идеологического сна»; начинается период съездов и распространения вегетарианского движения посредством печатного слова²⁷.

Три месяца спустя, с началом Первой мировой войны, для русских вегетарианцев наступило тяжелое время; их ситуация немногим отличалась от ситуации их единомышленников в западноевропейских странах. Они были предоставлены соб-

ственным сомнениям и нападкам со стороны (ср. главу VIII). Как можно было заниматься пропагандой вегетарианства в то время, когда почти каждый день приносил огромные человеческие жертвы? Вегетарианские общества были заняты благотворительной деятельностью. Журналы выходили не регулярно; лекторская деятельность была ограничена, продукты питания подорожали, что осложнило работу вегетарианских столовых.

Февральская революция 1917 г. была встречена с восхищением. Новое правительство временно отменило смертную казнь: это дало пищу надеждам на прекращение всяческого убийства, в частности на «отмену смертной казни также и для животных». Последователи Толстого воспользовались восьмью месяцами между Февральской и Октябрьской революциями, для того чтобы опубликовать как можно больше религиозных статей Толстого. Только в 1917 и 1918 гг. в издательстве «Посредник» вышли 63 брошюры Толстого, адресованные широким массам; среди них было много «вегетарианов»²⁸.

Советский режим уже в первый год своего правления не оправдал надежд, связывавшихся с Октябрьской революцией. И все же вегетарианские общества в разных городах продолжали свою деятельность. В архиве петербургского Государственного музея истории религии находятся документы, касающиеся истории Московского вегетарианского общества в период до 1930 г. Вегетарианцы продолжали выступать с докладами; но советские власти относились к их собраниям со все усиливающимся подозрением, деятельности общества чинились все большие препятствия. Между тем финансовое положение обществ и столовых осложнилось в связи с баснословно высокой арендной платой за помещения, принадлежащие теперь государству²⁹. Советские власти все более оттягивали рассмотрение проекта устава Московского вегетарианского общества, которое с 1917 г. стало носить имя Л. Н. Толстого. Весной 1929 г. последовал окончательный запрет. Осенью 1929 г. многочисленные члены общества были арестованы и частично сосланы на Соловки (среди них секретарь В. Г. Черткова). Первое время вегетарианские столовые еще были открыты, но и их начали притеснять порой невыполнимыми требованиями служащих по части трудового права. Если столовые и продолжали функционировать, то теперь уже под названием «диетические столовые».

Толстовские коммуны, практиковавшие вегетарианство, в царской России испытывавшие со стороны властей в крайнем случае терпимое отношение, после Февральской революции и в первые годы советского режима переживали большой подъем. Во времена НЭПа (1921—1928) и до начала коллективизации и первой пятилетки таких коммун были сотни, с различными формами организации. Общее число толстовцев на конец 1917 г. составляло, по подсчетам М. Поповского, от пяти до шести тысяч человек. Они занимались сельским хозяйством (порой очень успешно), получали первые премии на сельскохозяйственных выставках, однако позднее подверглись гонениям, — не только из-за их идеологии, но и под предлогом борьбы с кулачеством.

Яркой иллюстрацией отношения к вегетарианству в советское время могут послужить статьи из энциклопедий и словарей того времени. В Большой советской энциклопедии (БСЭ) первого издания (1928 г.) составитель довольно подробной статьи, посвященной вегетарианству, А. Мольков, верно указывает на тот факт, что истоки вегетарианства уходят в глубокую древность, упоминает Пифагора и Овидия³⁰. В статье приводятся экономические, биологические, гигиенические, эстетические и этические аргументы в пользу вегетарианского питания, при этом каждому из них уделяется по предложению. Впрочем, следующая за этим критика этих доводов подчеркивает их ненаучность и называет данную теорию чистой идеологией, идеалистическими иллюзиями, выдуманной и подпитываемыми наиболее сентиментальными людьми господствующих классов. Далее утверждается, что привычки в питании классово обусловлены и что каждый человек вправе свободно выбирать режим питания. Автор статьи замечает, что утверждение, будто бы вегетарианское питание обходится дешевле, справедливо только для бедного сельского населения, вынужденного отказаться от мяса, а также, что вегетарианское питание, распространенное в городах, обходится дороже мясных блюд, несмотря на равноценность растительной пищи — по своим вкусовым качествам и питательности — мясной пище. Положение о том, что гуманное отношение к животным предполагает такое же отношение к людям, квалифицируется как необоснованное. Сложнее обстоит дело с биолого-физиологическими и гигиеническими аргументами в пользу вегетарианского режима. Некоторые из них будто

бы опровергнуты наукой, состоятельность других еще нужно проверить на основе клинического опыта и наблюдений врачей. Несомненно одно: злоупотребление мясной пищей является причиной определенных заболеваний.

Во втором издании *БСЭ* (Т. 7, 1951) вегетарианству отводится значительно меньше места. Согласно соответствующей статье, это движение получило распространение в Западной Европе в первой половине XIX века, в России — во второй половине столетия среди членов религиозных сект, а также в некоторых кругах интеллигенции; упоминается и о том, что распространению вегетарианских идей в России способствовала публикация в 1878 г. статьи А. Н. Бекетова «Питание человека в его настоящем и будущем» и в 1892 г. статьи Л. Н. Толстого «Первая ступень». «Все доводы, приводимые вегетарианцами в пользу питания исключительно растительной пищей, антинаучны». В завершение очерка делается следующее заключение: «Вегетарианство, основанное на ложных гипотезах и идеях, в Советском Союзе не имеет приверженцев»³¹.

Статья о вегетарианстве в третьем издании *БСЭ* (1971) отличается большей разносторонностью информации, и выдержана она в менее пренебрежительном тоне. Впервые в Советской энциклопедии помимо «сыроедов» упоминаются также и старовегетарианцы: «Некоторая часть вегетарианцев (старовегетарианцы) употребляют в пищу продукты растительного происхождения только сырыми, другие употребляют их также в жареном и вареном виде, наконец «младовегетарианцы» наряду с растительной пищей включают в рацион молочные продукты и яйца». Далее разъясняется, что режим питания, рекомендуемый младовегетарианцами, удовлетворяет всем потребностям организма в питательных веществах и потому с физиологической точки зрения вполне допустим. Сообщается также, что в Европе вегетарианство получило распространение в первой половине XIX столетия (особенно в странах, где растительная пища, включая плоды, была доступна широким слоям населения). В России вегетарианство стало известно несколько позже, и в первую очередь в среде религиозных сект (духоборцы, белоризцы, «свободники» и др.) и некоторых групп интеллигенции (в особенности последователей «толстовства»). «В СССР вегетарианство не получило распространения». В остальном допускается, что необходимые питательные вещества, в том числе при повышенной мышечной нагрузке

(например, при занятиях спортом), может обеспечивать растительная пища и что при некоторых заболеваниях вегетарианские диеты используются с лечебной целью³².

Прежде чем вегетарианцы в России смогли вновь организовывать общества, после Второй мировой войны прошло еще несколько десятилетий. Интерес к вегетарианству, в течение долгого времени подавлявшийся, стал расти вновь с начала 1990-х. В 1989 г. было зарегистрировано «Вегетарианское общество города Москвы», а в декабре того же года при Экологическом фонде СССР было организовано «Вегетарианское общество СССР»³³. Впрочем, количество их членов продолжает оставаться небольшим, несмотря на то что время от времени делаются заявления о том, что вегетарианство завоевывает (!) в России все большее число сторонников³⁴. В Московском государственном университете открыта вегетарианская столовая, деятельность которой поначалу поддерживало движение кришнаитов (ср. ниже с. 394). Появляется все больше книг о вегетарианской кухне, иногда снабженных кратким введением в историю вегетарианского питания, а также книг, посвященных отдельным аспектам вегетарианства³⁵.

Научные работы по истории русского вегетарианства мне не известны³⁶. Здесь необходимо заметить, что и в русском литературоведении теме литературного и общекультурного значения еды до сих пор почти не уделялось внимания. И если даже эта тема затрагивается, о чисто растительном рационе не упоминается даже вскользь. Это касается и семи статей, опубликованных в журнале НЛО за 1996 г. под рубрикой «Еда и питье в литературе»³⁷.

Экскурс: К истории терминологии

Русские слова *вегетарианец* / *вегетарианка*, *вегетарианство*, давно ставшие общими, восходят к английским терминам *vegetarian*, *vegetarianism*, «официально» существующим с 1847 г. («Vegetarian Society» в Манчестере; журнал «The Vegetarian», основанный в 1848 г.), хотя использовавшимся и ранее. В статье «Первая ступень» (1892 г.) Л. Н. Толстой говорит о движении *вегетарианства*. Тем не менее, прошло немало времени, прежде чем данный термин вошел в язык. Первоначально использовалось слово с другим суффиксом: *вегетарианизм* (Н. С. Лесков 1889; *ВВ* 1904: 2 1—4). В немецком языке, начиная с 1870-х гг., также получили распространение выражения из английского — *Vegetarianer* и *Vegetarianismus* (последнее, к примеру, у П. Нимейера 1876 г.). Около 1900 г. утвердились формы *Vegetarier* и *Vegetarismus*, последняя перешла из немецкого в русский язык: после 1900 г. *вегетаризм* становится общепринятым словом (*ВВ* 1904: 11 1; *ВО* 1912: 3—4 142).

Таким образом, в русском языке некоторое время параллельно существовали три формы: *вегетаризм*, *вегетарианизм*, *вегетарианство*. Обозначение *вегетарианцы* используется А. Н. Бекетовым в 1878 г. в поясняющем контексте («Члены этого общества называют себя “вегетарианцами”»). Первое словарное упоминание находим в 1891 г. в «Словаре русского языка, составленном Вторым отделением Императорской Академии Наук» (Вып. 1. СПб., 1891. С. 358). Кроме того, употреблялась форма *вегетарианин*, мн. ч. *вегетариане*¹.

Приведенную группу слов относят, как правило, к латинскому *vegetare* ‘оживлять’ (позднелат.: ‘жить’, ‘расти’); *vegere* ‘быть сильным, оживленным’; *vegetus* ‘радостный’, ‘мощный’, а также к *vegetabil*, *vegetabilisch* ‘растительный’, равно как к английскому *vegetable* ‘овощ’².

В зависимости от идеологической ориентации вегетарианцы ссылались на то или иное происхождение. Так, в 1892 г. Лесков утверждал (несмотря на преимущественно этический характер его обоснования вегетарианства), что *вегетарианизм* восходит к латинскому *vegetas* (sic! — П. Б.), со значениями ‘здоровый’, ‘мощный’.

Довольно рано стал употребляться глагол *вегетарианствовать*. Несмотря на отсутствие его в академических словарях, он использовался довольно часто, и отнюдь не в ироническом смысле (например, в переписке Репина с Толстым в 1891 г.);

кроме того, была образована форма *полувегетарианствовать* (Радугин 1908, ср. ВТ 25/26, 1998, с. 7), а также оборот *половинное вегетарианство* (ВО 1911: 6—7 60).

«Этических вегетарианцев» называли также *вегетарианцами-нравственниками* (ср. ВВ 1915: 11—12 4), в то время как выражение *безубойники* являлось общим обозначением вегетарианцев.

Прилагательное *безубойный* с середины 1890-х годов употреблялось как синоним слова *вегетарианский*. Было бы небезынтересно установить, кем впервые было употреблено это *слово-ключ* русского вегетарианства, ставшее в дальнейшем предметом горячих споров. Лесков в своем воззвании к выпуску вегетарианской поваренной книги, напечатанном 25 июня 1892 г., говорил еще только о блюдах *без убоины*.

Может быть, первым, кто употребил слово *безубойный*, был В. Г. Чертков. Именно он ознакомил А. Н. Толстого с вегетарианством (см. ниже с. 81). В журнале ВО (1911 г. № 1—5) была опубликована в семи главах его обстоятельная (2 ½ печатных листа) статья «Об убийстве живых существ». Чертков уверяет, что первые четыре главы, т. е. большая часть, озаглавленная первоначально «Не убий», были написаны им еще в 80-х годах (ср. № 1, с. 28), «почти тридцать лет» до напечатания (№ 5, с. 14—15). В этой статье речь идет об «убийстве животных», о «бескровном питании» (№ 3, с. 7), о «растительной пище» и о «растительной диете»; а в 4-й главе Чертков говорит о бесполезности «убойного питания» (№ 3, с. 13) и, опираясь на известную статью А. Н. Бекетова, отвергает «возражения против безубойного питания» (№ 3, с. 10) — употребление «ъ» указывает на то, что сочетание было образовано *ad hoc*. Ведь, по свидетельству словарей того времени, например, Даля (2-е изд., 1880), все слова с приставкой «без» перед гласной «у» тогда писались слитно («безудержный»).

В трех последующих главах, написанных в 1911 г., встречается только написание «безубойно». О том, что первые четыре главы возникли еще в 1880-х годах, свидетельствует следующее: 11 декабря 1892 г. Толстой подтвердил получение рукописи статьи, а 12 декабря писал автору: «Читать вслух вашу статью начали со 2-й главы и дочли до 4-й главы включительно. {...} Статья очень, очень хороша» (ПСС 87: 170, 173).

От Черткова же Толстой получил еще в апреле 1891 г. книгу Говарда Уильямса «The Ethics of Diet. A Catena of

Authorities Deprecatory of the Practice of Flesh Eating», London, 1883 (ПСС 87: 84), которая впоследствии была «переведена под его [Черткова] наблюдением несколько лицами» (ПСС 87: 98). Перевод появился в 1893 г. в издательстве «Посредник» под заглавием «Этика пищи или нравственные основы безубойного питания для человека». Как видно, название книги в русском переводе заметно отличается от оригинала. Очень вероятно, что именно Чертков — пожалуй, не без ведома Толстого — изменил заглавие, употребляя слово «безубойный», которым он пользовался еще в 1880-х годах. Более раннее употребление этого выражения в печати мне не известно; может быть, более подробные справки о его истории найдутся в архиве Черткова.

В 1894 г. о *безубойном* питании не раз говорится в «Обедах вегетарианца», изданных В. П. Быковым, а в 1900 г. в книге Б. Шапино «Вегетарианство, или безубойное питание». Крылатым это слово стало, несомненно, благодаря сборнику Толстого: «Безубойное питание, или вегетарианство. Мысли разных писателей» (1903), который содержит 250 коротких текстов.

В толковых словарях русского языка, включая академические, слово *безубойный* не зафиксировано; тем не менее, оно было известно, так как сразу в нескольких словарях иностранных слов (к примеру, в словаре под редакцией И. А. Бодуэна де Куртенэ, 1911 г.) оно дается как эквивалент к *вегетарианский*: «Вегетарианизм, -анство лат. — учение о безубойном питании, которого держатся вегетарианцы»; «Вегетарианец лат. — человек, питающийся одной растительной пищей, отвергающий мясную пищу, считая ее вредной, а убой животных противонравственным; впрочем, иногда допускает употребление яиц, молока, масла и сыра»³. Подобное же толкование находим во втором издании «Словаря иностранных слов» Ф. Н. Петрова (М., 1942): «вегетарианский [ср.-лат.] — растительный (о пище), безубойный»; а также в четвертом издании «Краткого словаря иностранных слов» (М., 1947): «вегетарианец — человек, питающийся главным образом растительной пищей, сторонник безубойного питания».

В последующих редакциях слово *безубойный* отсутствует. Вследствие Октябрьской революции и советской политики питания данное слово исчезло из общего языкового сознания. По сведениям, предоставленным мне Гельмутом Кайпертом,

два видных исследователя русского языка в ответ на вопрос о сегодняшнем употреблении слова *безубойный* сообщили ему, что до сих пор не сталкивались с этим словом. Тем не менее, его употреблял Толстой, который, по свидетельству климатолога профессора А. Воейкова, датированному 1913 г., интересовался даже «безубойными шубами»⁴.

Выражение «владеть языком», посредством калькирования вошедшее во многие европейские языки, в свое время подверг резкой критике венский писатель-сатирик и критик культуры Карл Краус (1875—1936) — задолго до того, как исследование «языковых картин мира» стало лингвистической дисциплиной. В истории русского вегетарианства, действительно, можно найти обратные примеры того, как язык, со своей стороны, владеет мышлением человека, определяет человеческое сознание посредством границ семантических полей и «внутренней формы» слова. Уже во Введении я указывал на то, что в русском языке семантическое поле слова *убой* соотносится с целым словарным гнездом ‘убить/убивать’ (ср. *бойня*, а также *убоина* 1. ‘животное, предназначенное на убой’, 2. ‘мясо убитого животного’ — (впрочем, существует еще и глагол *резать*, в одном из своих лексико-семантических вариантов обозначающий убой домашнего скота). В силу того, что этимология слова *убойный* прозрачна (словарь В. Даля приводит слово *убойник* как одно из церковных обозначений смертоубийцы), в спорах вокруг вегетарианства это прилагательное продолжали ставить в связь со словами *убивать* или *убийство* как сторонники, так и противники движения. *Безубойный* стало синонимом к слову *вегетарианский*, равно как и ключевым словом дебатов (с подчеркнуто и преувеличенно этической подоплекой), что и определило направление этих дебатов. Причем, очевидно, инициативу взяли на себя вегетарианцы. *Убойный* употреблялось ими для характеристики питания: например, проф. А. П. Зеленков в 1903 г. говорил в одном своем докладе: «убойная, или, как обыкновенно говорят, “мясная пища”»⁵. Между тем в авторитетных словарях русского языка есть словосочетания *убойная площадка* и *убойный вес*, но к пище это прилагательное не применяется⁶.

Известное влияние на русские дискуссии о вегетарианстве и реформе жизни имело, возможно, и то, что слово *трава* в русском языке обладает широким спектром значений. При переводе русского *трава* на немецкий приходится выбирать

между *Gras* (обыкновенная трава, образующая травяной газон или луг, а в сушеном виде называемая сеном) или *Kraut* (пряная зелень, целебная или лекарственная трава). Многозначность слова *трава* повлекла за собой насмешки в адрес тех, кто употреблял лечебные, «полезные» травы для приготовления чая или даже блюд (ср. VI.5, с. 213—214).

Очень распространенным является метафорическое употребление слов *вегетарианец*, *вегетарианство*, *вегетарианский* для обозначения сторонников миролюбивой, а иногда и слишком гибкой позиции. Подобное употребление мы находим в главе о В. Маяковском (см. ниже с. 238), а также в ряде других глав данного исследования. Это связано, разумеется, с ведущимися еще с античных времен спорами о влиянии растительного или мясного питания на темперамент и характер человека. Именно это переносное значение слова «вегетарианец» вошло в русские словари. Так, Толковый словарь русского языка Д. Н. Ушакова (1936) определяет переносное значение слова *вегетарианец* следующим образом: «перен.: Противник насилия в политической борьбе (нов. ирон.) *Социал-в<егетарианец>*»⁷. В «Словаре иностранных слов» Ф. Н. Петрова это значение отмечено как второе: «2) *ирон.* противник решительных мер»⁸. Анна Ахматова, по свидетельству Надежды Мандельштам, называет период до сталинского террора временем «еще сравнительно вегетарианским».

Подобная метафорика, впрочем, не ограничивается исключительно советской Россией. В Швейцарском парламенте в апреле 1993 г. правительству было выдвинуто обвинение в том, что оно посылает «на переговоры в Брюссель вегетарианцев». В России, в Интернет-дискуссии 1999 г. по проблеме чрезмерного использования иностранных слов в русском языке, в одной из реплик резкой критике подвергаются постановления, принятые в канадском франкофонном Квебеке и предусматривающие очищение французского языка и ограничения на использование так называемого «франгле» (*Franglais*, то есть своеобразной помеси французского и английского): «Возможно, я еще слишком хорошо помню омерзительную советскую цензуру, которая тоже чем-то вполне пристойным прикрывалась, и переносу этот привкус крови на вполне вегетарианскую Канаду». «Вегетарианская Канада» здесь означает ‘мирное гражданское общество’, ведь нельзя же отнести всех канадцев к вегетарианцам...

Термины, обозначающие различные направления в вегетарианстве, прошли свой путь развития и в России. Выражение *вегетализм* (от франц. *végétalisme*) использовалось для именования вегетарианцев, не принимающих в пищу молочные продукты⁹; сегодня, как правило, используется термин *веганство*. Позднее люди, ведущие *веганский* образ жизни (как уже упоминалось выше в замечаниях об энциклопедиях), стали называться *старо-вегетарианцами*, а лактовегетарианцы — *младо-вегетарианцами*. Этот узус находим повсеместно в словарях советского времени под заглавным словом *вегетарианство*. Сегодня эти термины считаются устаревшими. В русском также прижились термины *веганец*, *веганцы* (ВТ 9—12, 1997). В противоположность этому, слова *веги* (*вег*) или *вегини* (*вегиня*) обозначают вегетарианцев в общем, хотя преимущественно в разговорной речи (ВТ 7—8, 1998).

Слова *сыроед* или *вегетарианец-сыроед* (ВО 1912: 5 196) — существовали уже до Первой мировой войны; более поздним является обозначение *натурист* (ср. ВТ: *натуристы*, или *сыроеды*). В «Русско-немецком словаре» Павловского (3-е изд., 1900) можно найти следующее значение, почти противоположное первому: *сыроед*, *сыроедка*: ‘der/die sich von rohem Fleisch, von rohen Fischen Nährende’ (разумеется, взято из Даля¹⁰). Однако в академическом «Словаре современного русского литературного языка» в 17-ти томах (ССРАЯ; Т. 14, 1963) слово *сыроед* не зафиксировано. Кроме того, до Первой мировой войны для обозначения *fruitarians* использовался термин «фруктоеды», более поздним является выражение *фрукторианцы*¹¹.

Вегетарианцы, в свою очередь, не церемонились с выбором слов в адрес «плотоядников». Зачастую в литературных и бытовых текстах в значении ‘мясо’ использовалось слово *труп* (ср. у Толстого, Лескова, Паоло Трубецкого и др.). Соответственно, потребители мяса получили название *трупоядники*, а потребление мяса — *режим трупоедения*. Таким способом выражался протест против языкового «вуалирования» того факта, что этот продукт питания — животного происхождения; факта, упоминание о котором в западноевропейских языках частично избегается еще чаще за счет использования других этимонов: «A *vegetarian* diet supplies our bodies with an adequate amount of proteins, vitamins and minerals. We find particular cultural aspects expressed in our language. The pig is an animal, its meat pork, or swine. The fact that meat was an animal is being

veiled»¹². В результате убоя молодого теленка (*calf*) мы получаем *veal* (телятина), а убой быка (*ox*) или коровы (*cow*) дает *beef* (говядина). В русском языке средством «вуалирования» служит также указание на температуру пищи: *жаркое*; немецкий язык прибегает к указанию на способ приготовления (ср. нем. *Braten*).

Для обозначения «плотоядников» вегетарианцы использовали также термины *скотоед*, *скотоедка*. По свидетельству профессора А. Воейкова (ВО 1909: 2 9), это слово впервые употребил Б. А. Долячко, редактор «Вегетарианского вестника» 1904—1905 гг. В вегетарианских коммунах 1920-х гг. обязательные поставки мяса называли «мясной повинностью». Слово же *мюсли*, обозначающее распространенную на Западе в частном обиходе, в семейной кухне и гастрономии смесь из овсяных или кукурузных хлопьев с добавлением фруктов и орехов, появляется в русском языке только в годы перестройки.

При обращении друг к другу в среде вегетарианцев было в ходу слово *единомышленник* / *единомышленница*, которое, конечно же, отмечено словарями. В результате частого употребления в объявлениях и т. п., это слово стали сокращать до менее прозрачного *едином.* и *единомышл.* Приверженцы общества «Духовное пробуждение», основанного в 1910 г., называли себя *пробужденцами*.

IV. РАННИЕ ПОПЫТКИ НАУЧНОГО ОБОСНОВАНИЯ

1. Первый манифест: А. Н. Бекетов

В 1878 г. в журнале «Вестник Европы» была опубликована статья, размером почти в три печатных листа, которая в вопросе о питании действительно принесла новые «вести» из Европы. Автор статьи, Андрей Николаевич Бекетов (1825—1902) — ректор Петербургского университета в период с 1876 по 1884 гг. — был одним из ведущих русских ботаников девятнадцатого века (в 1880 г. он станет дедом Александра Блока)¹. Его этюд носил название «Питание человека в его настоящем и будущем»². Через год, в 1879 г., он выйдет отдельной брошюрой тиражом в две тысячи экземпляров; в 1881 г. — на французском и в 1882 г. — на немецком языках³; причем французская версия статьи нашла живой отклик и в Италии⁴.

В своем исследовании Бекетов решительно высказался в пользу вегетарианского режима питания; этот труд считается первым русским сочинением о вегетарианстве. В 1893 г., после выхода трактата Л. Н. Толстого «Первая ступень», издательство «Посредник» выпустило второе издание брошюры Бекетова, а в 1896 г. выходит третье (оба тиражом в 7 200 экземпляров).

Бекетов стремился своим сочинением пробудить в обществе интерес к вопросам питания как одного из важных факторов физического и интеллектуального развития человека. Более объемный труд по истории питания — «Развитие человеческой способности питания» (1873) — опубликовал ранее историк А. П. Щапов (1830—1876)⁵. Бекетов, со своей стороны, размышляя в глобальном культурно-историческом контексте и опираясь на научные данные современной ему биологии и экономики, сделал попытку заглянуть в будущее. Выводы, к которым приходит Бекетов, сегодня отчасти стали уже само собой разумеющимся знанием, отчасти — опровергнуты в силу непредвиденных обстоятельств; а перед некоторыми проблемами, обозначенными Бекетовым, человечество

стоит и пой сей день, причем ситуация нередко носит еще более острый, чем представлял себе автор, характер. Не привлекая пессимистические прогнозы Роберта Мальтуса, Бекетов указывал на безостановочный рост населения планеты — уже тогда число жителей Земли составляло 1,5 млрд. человек, а за прошедшие 120 лет оно, как известно, увеличилось вчетверо [по данным на 1 января 2002 г. насчитывалось 6 196 141 294 обитателей земного шара!]. Человечеству, писал Бекетов, предстоит пройти еще длинный ряд тысячелетий. Проживая во все уменьшающемся пространстве, оно должно пересмотреть вопросы своего питания.

Какая пища соответствует правильному развитию человеческой природы? Вот вопрос, которым задается Бекетов. Обратившись прежде всего к физиологии (569—573), он отмечает, что между животной и растительной пищей резкого химического различия не существует. Различным является соотношение содержания белков и углеводов. Человек может жить, питаясь только хлебом или только мясом, хотя при этом в обоих случаях потребляется избыточное количество пищи. По Бекетову, в Европе наилучшим считается смешанный рацион, состоящий из $\frac{3}{4}$ фунта мяса и 2 $\frac{1}{2}$ фунта хлеба ежедневно. Таков идеал пищи западноевропейской буржуазии (571). Употреблять меньшее количество мяса, по мнению тогдашних диетологов — Бекетов называет их с легкой иронией «практиками-физиологами» — вредно для здоровья. Они решительно предписывают всему человечеству «одну и ту же карту обеда», не обращая внимания на экономическое состояние планеты. Но вряд ли, по наблюдению автора, можно считать неоспоримой истиной привычки состоятельных классов Европы; при экспериментах необходимо в равной мере принимать в рассмотрение и остальные девять десятых населения Земли.

Далее Бекетов обращается (574—579) к строению органов пищеварения человека. Особенности кишечного канала человека указывают исследователю «на пищу, менее легко варимую, чем мясо, но более удобоваримую, чем трава». Разумеется, напрашивается сравнение органов пищеварения человека и ближайших к нему животных. «Но тут мы встречаемся со странным явлением в науке, или, вернее, в ученом мире. Под давлением того обстоятельства, что пища европейских буржуа есть наилучшая пища для всего человечества вообще, некоторым господам пришло в голову сравнивать человека со свинь-

ею» (574), вместо того чтобы сравнивать с человекообразными обезьянами — животными, ближайшими к человеку по строению. Орангутанг и горилла, которая вчетверо сильнее человека, питаются исключительно растениями и плодами (575). Они полностью лишены охотничьих инстинктов, пишет Бекетов. Еще Жорж Кювье высказывал мнение, что человек по своей сути приспособлен к растительной пище, но только к «мягкой» или «полумягкой» (т. е., например, не к траве); изобретение огня дало человеку возможность потреблять в пищу и мясо; Бекетов дополняет, что без огня не было бы и хлеба, то есть и определенные растения — например, картофель, бататы или зерновые — без огня не имели бы для человечества такого значения.

Таким образом, если человек действительно от природы приспособлен к растительному питанию, то мясо вряд ли является столь необходимой «примесью к пище человека», как считают многие «физиологи-практики». И действительно, применительно к густонаселенным странам Азии и Африки о мясе как о народной пище не может быть и речи. По Бекетову, в мировом масштабе мясоеды — лишь ничтожная группа людей; основу пищи человечества в целом составляют четыре злака: рис, кукуруза, пшеница и рожь. Если такое бедствие, как голод, оказывается частым явлением, то причиной его является неравномерность распределения пищи; с другой стороны, ввести пищевые законы «физиологов-практиков» для всего человечества невозможно. Это утверждение Бекетова имеет силу и сегодня.

В целом можно наблюдать, пишет Бекетов, что «населенность людьми обратно пропорциональна населенности домашними животными». По мере увеличения численности населения человеку придется применять паровой плуг для разработки «пастушеских стран», а также увеличить площадь возделываемых земель за счет осушения или орошения (как в сегодняшней Голландии и Италии).

Изучив динамику цен на хлеб и мясо в период с 1816 по 1875 год, Бекетов приходит к выводу, что в будущем мясо всегда будет сравнительно дороже хлеба уже потому, что мясо — продукт «дважды переработанный» (имеется в виду первичное прохождение растительной пищи через пищеварительные органы животных). Если согласиться с мнением «физиологов-практиков», утверждающих, что без мяса чело-

веческая пища не может считаться нормальной, то человечество оказывается в безвыходной ситуации. Большая часть человечества, включает Бекетов, навсегда останется плохо или посредственно прокормленной массой, которой будет управлять горстка хорошо питающихся и интеллигентных людей. «Меньшинство (...) станет разрабатывать науки и искусства, заботиться о лучшем продовольствии масс и в то же время постоянно сознавать, что наделить всех нормальной пищей — несбыточная мечта.

Так действительно думает западноевропейская буржуазия. Находясь во главе наиболее процветающих масс [в Европе], она вполне довольна своею деятельностью, ибо довела своего среднего человека до небывалого довольства...». Но: «... нравственный идеал всего людского рода не может удовлетвориться мещанскою философией зажиточных классов Западной Европы». (584). «К счастью, элементы пищи будущего уже и теперь намечены наукою. В Европе существует даже общество, поставившее себе задачею не только исключительно питаться растительною пищею, но и распространять то убеждение, что пища эта есть единственно естественная и согласная с природою человека. Члены этого общества называют себя “вегетарианцами” и, очевидно, верно оценили дело»⁶ (585). Это замечание Бекетова может считаться одним из первых в России упоминаний о вегетарианстве.

Далее Бекетов сравнивает содержание питательных веществ в растительной и животной пище, ссылаясь на исследования женевого физиолога К. Фогта⁷. При этом он отмечает необходимость дальнейших исследований в этой области, по примеру русского доктора К. В. Ворошилова (585—587)⁸, и указывает на то, что до введения культуры картофеля в Европе бобовые растения составляли одну из главных статей пищи трудящихся классов. Фасолевого пюре (из больших полевых бобов или из бобов конских, или русских), наряду с различными злаковыми пюре являлось основной пищей западноевропейского Средневековья⁹. При этом Бекетов с сожалением отмечает, что почти все зерновые теряют на мельницах питательные вещества, содержащиеся в наружных слоях хлебного зерна, так как эти слои, стремясь добиться тонкого помола, попросту выбрасывают. Иными словами, Бекетов уже тогда говорил о полезности муки грубого помола.

Автор отмечает странное явление: «Все в технике, кажется, движется вперед, и притом с необыкновенною быстротою, одна только пища человеческая остается в том же, почти первобытном состоянии. Более или менее удобные комбинации разных продуктов питания отыскиваются как-то сами собою, или помощью поваров, метрдотелей и так называемых гастрономов, т. е., по-просту и по-русски, обжор. Наука мало или вовсе не заботится об улучшении пищи на рациональных основаниях» (588).

В Европе, по словам Бекетова, стало модой утверждать, что люди, занятые интеллектуальным трудом, должны непременно питаться смешанной, животно-растительной пищей. А в состоянии ли растительная, тяжелая, по мнению «практиков», пища способствовать росту духовных сил? Автор склонен к утвердительному ответу (589) и был, по всей видимости, прав, хотя он не мог знать, что через сто лет «физиологи-практики», гигиенисты и диетисты повсеместно будут пропагандировать растительную пищу ввиду высокого содержания балластных веществ во фруктах и овощах.

Дальнейшей темой размышлений Бекетова становится распространенное в то время убеждение, что ведущая роль Англии как культурной нации, в особенности в период индустриализации, объясняется якобы тем, что англичане потребляют большое количество мяса. Не заключается ли это на основании ошибочного правила *cum hoc ergo propter hoc**? — спрашивает Бекетов. Прочных основ для данного мнения не существует. О пище людей, действительно заслуживших признание человечества, мы имеем данные самые жалкие. Однако мы получаем из книг множество сведений о трапезах великих властителей и завоевателей. «Мы знаем, например, что ели Аттила и Наполеон I, как один поглощал полусырую конину, а другой любил особенно зажаренных цыплят (*poulets à la Marengo*)». Знаем мы и о то, чем отягчал свой желудок Лукулл, но о скромных трапезах Сократа можем только догадываться. «Мы позволяем себе, однако же, предполагать, что в стране огромных ростбифов и бараньих котлет, этими благами пользуются и пользовались преимущественно не мыслители, не члены лондонского королевского общества, а герои биржи и обитатели Сити» (590).

*После этого — значит вследствие этого (лат.)

Действие, которое оказывает обильное потребление мяса на разум и душу английского высшего общества, занимало еще Н. М. Карамзина. В «Письмах русского путешественника» (1791) герой спросил у официанта салату: «Но мне подали вялую траву, облитую уксусом: Англичане не любят никакой зелени. *Рост-биф, биф стекс* — есть их обыкновенная пища. От того густеет в них кровь; от того делаются они флегматиками, меланхоликами, несносными для самих себя, и не редко самоубийцами». В этой любви к мясу Карамзин видит — наряду с климатом и «дымом от угольев» — одну из причин английского сплина¹⁰.

Значительное место [в своей статье] Бекетов отводит масштабному рассмотрению параллелей между способами питания и цивилизованностью, начиная с первобытного общества и заканчивая современностью. Культурный скачок, как следствие перехода к земледелию, по оценке Бекетова, не столько основывается на свойствах пищи, сколько объясняется большим напряжением умственных сил, изобретательностью, которых требовали земледелие [взять хотя бы трудности с орошением в крупных речных культурах. — П. Б.] и облагораживание диких растений. Ученый указывает на привычки в питании цивилизованных народов древности (Китай, Индия), а также греков, в лучшие времена своей истории питавшихся с величайшей умеренностью и преимущественно растениями, за что они даже получили прозвища «малопищих» (μικροτράπεζοι) и листоедов (φυλλοτρώες) (599). Предрассудок о безусловной необходимости смешанной животного-растительной пищи сложился исторически, вследствие долговременной привычки зажиточных классов европейского общества, а также вследствие удобств регулирования баланса между белковыми и безбелковыми веществами, предоставляемыми этой пищей (599).

Бекетов еще раз подтверждает выведенное им правило, согласно которому населенность людьми обратно пропорциональна населенности домашними животными; он указывает на регулярное повторение в истории угрозы, которую представляют для земледельческих народов — на этот раз он говорит о народах Индии, Китая — кочующие «мясоядные» племена, живущие скотоводством (595).

Бекетов не мог быть свидетелем того, что сегодня происходит в экономике стран Западной Европы: выясняется, что

и при густой населенности производство мяса может иметь крупные масштабы. В Германии потребление мяса на душу населения в период с 1800—1975 гг. возросло почти в 7 раз; с 13 до 85 кг в год. Это достигается сегодня благодаря интенсивному содержанию животных (в том числе в многоэтажных животноводческих фермах), более интенсивному производству кормов (с использованием промышленных удобрений) и ввозу кормов, соответствующему спросу¹¹. Вероятно, Бекетов осудил бы подобное развитие дел — в рамках своей общей концепции: ведь он с сожалением и осуждением замечает, что в недавнее время в равнинной части северной Германии хлебные поля превратились в луга — ради обеспечения англичан мясом, и что Россия кормит своим хлебом Англию... (601).

В своем просвещенном оптимизме Бекетов развивает — предвосхищая теорию В. И. Вернадского о переходе к ноосфере — представление о трехступенчатом развитии человеческого рода: от века *самосохранения* в доисторический период, через век дальнейшего *сохранения рода* в новое время — до века *самосовершенствования* в будущем. Уверая в вероятности этого пути развития человечества, он предлагает читателю представить себе одного из швейцарских дикарей в доисторическом поселении на сваях на берегу Констанцкого озера (эти поселения были обнаружены в 1850-е гг.). Поверили бы этому человеку эпохи неолита его современники, если бы он рассказал, что ему приснились во сне фантастические здания, башни и церкви, возвышающиеся над берегом озера и бороздящие воды озера паровые суда? (603) «Итак, повторяем, будущность за вегетарианцами, а науке предстоит великая обязанность — выработать формулу растительной пищи, вполне соответственную основным выводам физиологии» (604).

Доводы гуманности Бекетов пускает в ход лишь в конце своего исследования — и тем больше их весомость, — делая это, очевидно, совершенно независимо от формирующегося на Западе движения вегетарианства¹². Любовь ко всему живому не вяжется с убийством бессловесного животного, отвращение ко всякому кровопролитию будет всегда первейшим признаком гуманности. Бекетов не исключает, что многие при этом могут разразиться сардоническим смехом над сентиментальностью и тому подобным. Но:

Мы все до того привыкли есть или видеть, как другие едят мясо, что нам при этом и в голову не приходит мысль об убийстве тех животных, куски которых лежат перед нами на блюде. Там, где-то за городом, есть бойня, отвратительное, смрадное и кровавое место, где режут, дерут, рубят и цедят кровь из жил; но кто же туда заглядывает!

Там, где-то за Дунаем (...) валяются тысячи мертвых и полумертвых человеческих тел, растерзанных и всячески измощенных [ко времени Берлинского конгресса Русско-турецкая война 1877—1878 гг. только что закончилась. — П. Б.]; но что же делать, — война, необходимое зло, имеющее и свою хорошую сторону, ибо оно освежает общественную атмосферу, подобно грозе, как говорит знаменитый фельдмаршал Мольтке.

Мне кажется, что эти две бойни находятся в несравненно более тесной связи, чем то думают обыкновенно; что мясническое и пушечное мясо (*la chair de la boucherie et la chair à canon*) представляют два явления, друг друга определяющие или, по крайней мере, друг друга поддерживающие (604—605).

То же, впрочем, имел в виду Байрон:

For we all know that English people are
Fed upon beef — I won't say much of beer,
Because 'tis liquor only, and being far

From this my subject, has no business here;

We know, too, they are very fond of war,
A pleasure — like all pleasures — rather dear;
So were the Cretans — from which I infer,

That beef and battle both were owing her.¹³

Мы знаем: англичане искони
Любители говядины и пива,
Но пиво всякой жидкости
сродни,

И суть не в пиве, говоря
правдиво,

Но и войны любители они,
А это стоит дорого; не диво,
Что бритт и Крит
обожают скот,

Пригодный для убоя круглый
год.

Предпринятое выше подробное изложение главных линий аргументации Бекетова объясняется тем, что данный трактат является первым русским рассмотрением основополагающих социально-политических и экономических аспектов вопроса питания, а также проблем, с которыми люди сталкиваются и по сей день. То, к чему призывал Бекетов — заглянуть внутрь бойни, — очень основательно сделал 14 лет спустя Толстой. Сам Бекетов занимался усиленным распространением своих идей о реформе питания в кругах учащейся молодежи, читая лекции в высших учебных заведениях¹⁴.

Русская публицистика едва ли выразила понимание устремлений Бекетова. В журнале «Здоровье» В. Истомин упре-

кал «почтенного профессора», настаивая на том, что, дескать, мясная пища легче ассимилируется организмом. И неслучайно в Европе и США, где предпочтение отдается смешанному питанию, психическое развитие человека опережает другие страны. Сравнение с человекообразными обезьянами, по утверждению В. Истомина, еще не доказывает способность также и человека, стать вегетарианцем. Социологические и экономические аргументы А. Н. Бекетова отвергаются: не исключено, утверждает В. Истомин, что производство скотоводческой продукции достигнет такого размаха, что мясо будет некуда девать¹⁵.

Политически-гротескную интерпретацию концепции А. Н. Бекетова можно найти в газете «Неделя». Критик уверяет, что исследование Бекетова отличается оригинальностью, широтой взгляда и гуманностью мышления. Однако развитие цивилизации на Западе ускоряется все больше, России грозит опасность отставания. «Для того, чтобы этого не случилось, нам нужна энергия, энергия и энергия, а мясная пища, по крайней мере нашему поколению, даст эту энергию больше, чем другая. Так будем же питаться мясом и оставим реформы в своей пище до более удобного времени, когда можно будет заняться “самоусовершенствованием”»¹⁶.

А. Н. Толстой 15 мая 1891 г. настоятельно рекомендует Черткову срочно переиздать трактат Бекетова; годом ранее, 11 мая 1890 г., у него впервые возникла идея написать книгу о еде («Об еде — книга нужна»). Когда в 1893 г. бекетовское сочинение вновь вышло из печати в издательстве «Посредник», журнал «Русское богатство» признал научность аргументации Бекетова, но упрекал его — несправедливо — в том, что он якобы, «как и все вегетарианцы», постоянно смешивает земледельческую жизнь с растительным питанием¹⁷. «Русская мысль» выдвигала часто приводимый контраргумент, согласно которому растения тоже могут испытывать боль; следовательно, питаться должно неорганическими веществами, а до синтеза белка еще далеко. Не без основания критиковали указание Бекетова на низкую степень развития жителей Арктики, живущих мясом и рыбой: решающую роль здесь играет не питание, а климат. Но ни слова не было сказано об основных тезисах Бекетова.

Как и следовало ожидать, исследование Бекетова не рассматривается и в брошюре П. А. Баранова, вышедшей в

1952 г. и посвященной научному значению трудов Бекетова; оно лишь указано в библиографии¹⁸. Подробная статья о Бекетове в новом, в основе своей обстоятельном, биографическом словаре русских писателей (*РП*) тоже не удостоивает упоминанием его апологию вегетарианского питания¹⁹.

Помимо прочего, Бекетов, как уже говорилось выше, был автором статьи о вегетарианстве в 10-м томе энциклопедии Ф. Брокгауза и И. Ефрона (1892), — одной из 200 статей под его авторством в этом издании; по его подсчетам, приведенным в этой статье, число русских вегетарианцев исчислялось десятками тысяч, «не считая народные массы, которые повсюду держатся растительной пищи».

2. Вегетарианец в сибирской ссылке? Н. Г. Чернышевский

«В книге представлена галерея великих вегетарианцев (Л. Толстой, Н. Чернышевский, И. Репин и др.)» — так гласил в 1992 г. анонс книги «Вегетарианство в России» (НК-92-17/34, предусмотренный тираж — 15 000, объем — 7 печатных листов); книга, по всей вероятности, так и не вышла в свет — по крайней мере, под этим названием. Утверждение о том, что Н. Г. Чернышевский (1828—1889) был вегетарианцем, может удивить тех, кто ознакомился с его социально-утопическим романом «Что делать?» в рамках обязательной школьной программы. Но в 1909 г. в *ВО* действительно можно было прочесть следующую заметку:

17 октября с. г. исполнилось двадцатилетие со дня кончины Николая Григорьевича [sic!] Чернышевского.

Многие из единомышленников не знают, что и этот великий ум принадлежал к нашему лагерю.

В № 18 журнала «Неделя» за 1893 г. находим следующий (интересный для вегетарианцев факт из жизни на далеком севере в Сибири покойного Н. Г. Чернышевского). «Неделя» ссылается на немецкий орган «Vegetarische Rundschau» и пишет: «В Сибири, в Колымске, близ Якутска, живет 15 лет в ссылке автор романа “Что делать?”. Ссылный владеет небольшим садиком, который он сам обрабатывает; он обращает много внимания и тщательно наблюдает за ростом своих растений; он осушил болотистую почву в саду. *Чернышевский живет продуктами, им самим добываемыми, и питается только растительной пищей.* Он живет так умеренно, что во весь год не издерживает тех 120 руб., которые отпускает ему правительство»¹.

В первом номере журнала за 1910 год в рубрике «Письмо в редакцию» было опубликовано письмо некоего Я. Чаги, указывающее на то, что в заметку в № 8—9 вкрались ошибки:

Во-первых, Чернышевский был в Сибири в ссылке не в Колымске, а в Вилюйске, Якутской обл. (...) Во-вторых, Чернышевский был в ссылке в Вилюйске не 15, а 12 лет.

Но все это (...) не столь существенно: гораздо существенней то, что Чернышевский в свое время был сознательным и довольно строгим вегетарианцем. И вот я, в свою очередь, в подтверждение того, что в эти годы ссылки Чернышевский действительно был вегетарианцем, привожу следующую ци-

тату из книги Вл. Беренштама «Около политических»; автор передает рассказ жены капитана парохода о Чернышевском, по соседству с которым она прожила около года в Вилюйске.

«Он (т. е. Чернышевский) не ел ни мяса, ни белого хлеба, а только черный, употреблял крупу, рыбу и молоко...

Больше всего Чернышевский питался кашей, ржаным хлебом, чаем, грибами (летом) и молоком, редко — рыбой. Птица дикая в Вилюйске тоже была, но он ее и масла не ел. Он ни у кого и в гостях ничего не ел, как, бывало, ни просили. Раз только на именинах моих немного съел пирога с рыбой. Вина тоже терпеть не мог; если, бывало, увидит, сейчас говорит: “это уберите, уберите!”»².

Сверяясь с книгой Вл. Беренштама, можно установить, что в 1904 году Я. Чага во время поездки пароходом по реке Лена познакомился с Александрой Ларионовной Могиловой, женой упомянутого капитана. В первом браке она была замужем за унтер-офицером Герасимом Степановичем Щепкиным. Этот ее первый муж был последним надзирателем тюрьмы в Вилюйске — месте, где Чернышевский провел в ссылке 12 лет. Разговор с ней записан дословно (краткая версия из уст самого Щепкина была опубликована С. Ф. Михалевичем уже в 1905 г. в «Русском Богатстве»). В 1883 г. А. Л. Могилова (тогда еще Щепкина) жила в Вилюйске. По ее рассказу, Чернышевский, которому от рассвета до наступления ночи разрешалось покидать тюрьму, собирал грибы в лесу. О бегстве из бездорожных дебрей не могло быть и речи. Зимой там все больше ночь, а морозы сильнее, чем в Иркутске. Овощей никаких, картофель привозили издалека скопцы по 3 рубля пуд, но Чернышевский не покупал его совсем из-за дороговизны. У него было пять больших сундуков с книгами. Летом мучение от комаров было ужасным: «В комнате, — вспоминает А. Л. Могилова, — стоял “дымокур”, горшок со всяким тлеющим хламом. Если взять белый хлеб, то сразу мошка так обсыдет густо, что подумаешь, будто икрой вымазан»³.

Удостовериться в рассказе Вл. Беренштама можно сегодня на основе тех данных, которые находим в переписке Чернышевского. В 1864 году за участие в студенческих и крестьянских волнениях 1861—1862 гг., а также за контакты с эмигрантами А. И. Герценом и Н. П. Огаревым Чернышевского присудили — после мнимой казни (какую в свое время устроили и Достоевскому) — к семи годам принудительных работ на иркутских серебряных рудниках с последующей по-

жизненной ссылкой. С декабря 1871 г. по октябрь 1883 г. его держали в поселении Вилюйске, расположенном в 450 километрах на северо-запад от Иркутска. Письма Чернышевского из тамошней ссылки, относящиеся к 1872—1883 гг., можно найти в XIV и XV томах полного собрания сочинений писателя; отчасти эти письма довольно длинные, так как почта в Иркутск отправлялась раз в два месяца⁴. Придется мириться с некоторыми повторами для того, чтобы нарисовать полную картину.

Чернышевский не перестает заверять жену Ольгу, сыновей Александра и Михаила, а также профессора А. Н. Пыпина — известного историка культуры, поддерживающего семью ссылкой деньгами, — в том, что у него все хорошо: «... мне, мужчине, здоровому, не нуждающемуся ни в лекаре, ни в лекарствах, ни в знакомствах с людьми, ни в комфорте, мне здесь можно жить и без вреда моему здоровью, и без скуки, и без всяких лишений, ощутительных моему мало-разборчивому чувству вкуса». Так он пишет своей жене Ольге Сократовне в начале июня 1872 г., убедительно прося ее отказаться от мысли посетить его⁵. Почти в каждом письме — а их свыше трехсот — находим уверения в том, что он здоров и ни в чем не имеет недостатка, просит о том, чтобы ему не посылали денег⁶. Особенно часто писатель говорит об обстоятельствах своего питания и о буднях в ссылке: «Я пишу все о пище; потому что, я полагаю, это единственный предмет, о котором сколько-нибудь еще можно сомневаться, достаточно ли удобна мне здешняя обстановка. Более удобна, чем нужно мне по моим вкусам и надобностям (...) Я живу здесь, как в старину живали, вероятно и теперь живут, помещики средней руки в своих деревнях»⁷.

Вопреки предположениям, которые могут вызвать рассказы, приведенные вначале, в письмах Чернышевского из Вилюйска неоднократно говорится не только о рыбе, но также и о мясе.

1 июня 1872 г. он пишет жене, что благодарен тому добродетельному семейству, которое старается о его еде: «Во-первых, трудно найти мясо или рыбу». На самом деле ни мяса, ни рыбы не было в продаже с апреля до октября или ноября. «Но благодаря их [того семейства] заботливости я имею каждый день достаточно, даже изобильно, мясо или рыбу хорошего качества»⁸. Важная забота, пишет он, для всех русских,

живущих там, — это обед. Нет там таких погребов, в которых летом провизия сохранялась бы хорошо: «И мяса летом нельзя употреблять в пищу. Надобно продовольствоваться рыбой. Кто не может есть рыбы, те сидят иногда голодные. Ко мне это не относится. Я ем рыбу с удовольствием и счастлив этим своим физиологическим достоинством. Но если нет мяса, люди, не любящие рыбу, могут питаться молоком. Да, и стараются. Но со времени моего приезда сюда это стало труднее прежнего: мое соперничество в покупке молока произвело оскудение этого продукта на здешней бирже. Ищут, ищут молока — нет молока; все куплено и выпито мной. Кроме шуток, так». Чернышевский покупает по две бутылки молока в день («здесь меряют молоко бутылками») — это результат доения трех коров. Качество молока, замечает он, неплохое. Но так как молоко трудно достать, то он пьет чай с утра до вечера⁹. Чернышевский шутит, но, тем не менее, между строк чувствуется, что положение с питанием даже у очень скромного человека было незавидное. Правда, хлебное зерно было. Он пишет, что с каждым годом якуты (под русским влиянием) сеют все больше хлеба¹⁰ — он родится там хорошо. На его вкус, хлеб и кушанье приготовлены довольно хорошо¹¹.

В письме от 17 марта 1876 г. читаем: «Первое лето здесь я с месяц терпел, как все здесь, недостаток в свежем мясе. Но и тогда была у меня рыба. А научившись опытом, в следующее лето я сам позаботился о мясе, и оно с той поры в каждое лето у меня свежее. — Тоже и об овощах: теперь я не имею недостатка в них. Здесь обилие дикой птицы, разумеется. Рыба — летом, как случится: иногда по несколько дней нет ее; но вообще и летом ее у меня — сколько угодно мне; а зимой она всегда есть хорошая: стерлядь и другие рыбы такого же хорошего вкуса, как стерлядь»¹². А 23 января 1877 г. он уведомляет: «Относительно пищи я с давнего времени соблюдаю те предписания медицины, какие возможно исполнять в здешней полудикой и совершенно нищенской местности. Эти люди не умеют даже изжарить мясо. <...> Главная моя пища, издавна, молоко. Я употребляю его по три шампанских бутылки в день <...> Три бутылки от шампанского это 5 ½ фунтов молока. <...> Можешь судить, что, кроме молока и чаю с сахаром, мне далеко не каждый день может понадобиться фунт хлеба и четверть фунта мяса. Хлеб у меня сносный. Мясо варить умеют и здешние дикири»¹³.

Трудно приходилось Чернышевскому с некоторыми из местных обычаев в еде. В письме от 9 июля 1875 г. он делится следующими впечатлениями: «Относительно стола мои дела давно стали совершенно удовлетворительны. Здешние русские позаимствовались кое-чем в своих гастрономических понятиях от якутов. Особенно нравится им поедание коровьего масла в невероятных количествах. С этим довольно долго не мог я сладить: кухарка считала необходимостью подать масло во всякие блюда мне. Я переменял этих старух <...> не помогали перемены, каждая следующая оказывалась в кормлении меня маслом непоколебима в якутском кухонном правоверии. <...> Наконец отыскалась старуха, жившая когда-то в Иркутской губернии и имеющая на коровье масло обыкновенный русский взгляд»¹⁴.

В том же письме есть и заслуживающее внимания замечание об овощах: «В прошлые годы я по своей беспечности оставался небогат овощами. Здесь они считаются более роскошью, лакомством, нежели необходимою составною частью пищи. В нынешнее лето мне случилось не забыть принять меры, чтобы у меня было столько овощей, сколько нужно по моему вкусу: я сказал, что покупаю всю капусту, все огурцы и т. п., сколько будет у здешних огородниц для продажи. <...> И я буду снабжен овощами в количестве, без сомнения, превышающем мои надобности. <...> Есть у меня и другое занятие такого же характера: собирать грибы. Само собою разумеется, что дать бы какому-нибудь якутскому мальчику две копейки, и он набрал бы в один день больше грибов, чем сумею я в целую неделю. Но для того, чтобы шло время на открытом воздухе, брожу по опушке леса в тридцати шагах от моего дома и собираю грибы: их здесь много»¹⁵. В письме от 1 ноября 1881 г. Чернышевский дает обстоятельную информацию о собирании и сушении разных сортов грибов¹⁶.

18 марта 1875 г. он так вспоминает о положении с овощами в России: «Я “русский” здесь для людей, которые не менее русские, чем я; но “русские” начинаются для них с Иркутска; в “России” — вообрази: дешевы огурцы! И картофель! И морковь! А здесь овощи недурны, правда; но чтобы выросли они, за ними ухаживают, как в Москве или Петербурге за ананасами. — Хлеб родится хорошо, даже пшеница»¹⁷.

И еще одна цитата из длинного письма от 17 марта 1876 г.: «Ты сомневаешься, мой друг, в том, действительно ли

я живу здесь хорошо. Напрасно сомневаешься. (...) Кушанья у меня — не французской кухни, правда; но ты помнишь, я терпеть не могу никаких блюд, кроме как простого русского приготовления; ты сама была принуждена иметь заботу, чтобы повар готовил для меня какое-нибудь русское кушанье, и кроме этого блюда я не ел за столом почти никогда, почти ничего. Ты помнишь, когда я бывал на пирах с гастрономическими блюдами, я оставался за столом вовсе не евши ничего. А теперь мое отвращение к изящным блюдам дошло до того, что я положительно не могу выносить ни корицы, ни гвоздики. (...)

Я люблю молоко. Да оно и хорошо действует на меня. Молока здесь мало: коров много; но кормят их плохо, и здешняя корова дает молока чуть ли не меньше, чем коза в России. (...) А в городе у них так мало коров, что им самим недостает молока. Потому после своего приезда сюда, месяца четыре или больше, я жил без молока: нет ни у кого на продажу; у всех для самих себя недостает. (Я говорю о свежем молоке. В Сибири морозят молоко. Но оно не имеет уже вкуса. Мороженого молока здесь — сколько угодно. Но я не могу пить его)¹⁸.

В письме от 3 апреля 1876 г. ссыльный сообщает: «Например: здесь есть сардинки, здесь много разных консервов. Я сказал: “много”, — нет, количество их не велико: богатых людей здесь нет; и кто имеет хорошие выписные из Якутска товары в своем домашнем запасе, расходует их экономно. Но недостатка в них никогда не бывает. (...) Например, однажды понравились мне за чаем в гостях какие-то крендели московского, оказалось по спросу о них, печенья. Можно иметь их? — “Извольте!” — “Сколько?” — Оказалось, что набирается фунтов 12 или 15, которые могут быть отданы мне. (...) А пока я съем 12 фунтов печенья с моим чаем. (...) Совсем иной вопрос: съел ли [я] эти фунты печенья и выписал ли себе продолжение той же приятности? Разумеется, нет. Неужели я могу в самом деле интересоваться подобными пустяками?»

С вопросами питания Чернышевский на самом деле иной раз обходится довольно небрежно. Иллюстрация тому — «история с лимоном», которая, как уверяет сам рассказчик, «знаменита в Вилуйске». Подарили ему два свежих лимона — крайняя редкость в этих местах, — он же, положив «дары» на подоконник, запамätовал о них совершенно, в итоге лимоны засохли и заплесневели; в другой раз ему присылают на ка-

кой-то праздник печенье с миндалем и тому подобным. «Штука эта была в несколько фунтов». Чернышевский положил большую часть в ящик, где хранился сахар и чай. Заглянув в тот ящик через две недели, он обнаружил, что то печенье было мягкое, нежное, и всё заплесневело. «Смех»¹⁹.

Чернышевский старается компенсировать нехватку овощей собиранием лесных плодов. Сыну Александру он пишет 14 августа 1877 г.: «Овощей здесь очень мало. Но какие можно достать, буду есть. Впрочем, их недостаток и неважен благодаря тому, что здесь растет брусника. Через месяц она созреет, и я буду постоянно употреблять ее»²⁰. А 25 февраля 1878 г. он сообщает А. Н. Пыпину.: «Я знал, что у меня скорбут. Я ел бруснику, когда мог доставать. Я ел ее пудами»²¹.

Следующее сообщение относится к 29 мая 1878 г.: «Вчера я совершил гастрономическое открытие. Здесь очень много смородины. Иду я между кустами ее и вижу: она цветет. (...) А с другого отростка лезет мне прямо в губы другой гроздик цветков, окаймленный молоденькими листками. Я и попробовал, вкусно ли будет все это вместе, цветки с молоденькими листками. И съел; мне показалось: это походит вкусом на салат; только много нежнее и лучше. Салата я не люблю. Но это понравилось мне. И обглодал я куста три смородины. — Открытие, которому едва ли поверят гастрономы: смородина — это самый лучший сорт салата»²². 27 октября 1879 г. — подобная же запись: «Сколько собирал я в это лето смородины, превосходит всякую меру и вероятность. И — вообрази: грозды красной смородины до сих пор держатся на кустах; иной день мерзлые, иной день снова оттаявшие. Мерзлые очень вкусны; совсем не тот вкус, как у летних; и по-моему, лучше. Если б я не был до чрезвычайности осторожен в пище, я объедался б ими»²³.

Кажется трудным совместить письма Чернышевского, адресованные его близким, со свидетельствами из книги Вл. Беренштама и с сообщением Могиловой о вегетарианском образе жизни писателя, относящимся к последнему году ссылки. Но, может быть, все же это возможно? В письме от 15 июня 1877 г. находим следующее признание: «...я охотно признаю неизмеримое превосходство всякой кухарки надо мною во всяких вопросах кухонного искусства: — я не знаю его и не могу знать его, потому что для меня тяжело видеть не только красное сырое мясо, но и мясо рыбы, сохраняющей свой

натуральный вид. Мне жалко, почти стыдно²⁴. Ты помнишь, всегда я ел за обедом очень мало. Ты помнишь, я наедался досыта всегда не за обедом, а раньше или после, — наедался хлебом. Мне неприятно есть мясо. И это было у меня с детства. Я не говорю, что мое чувство хорошо. Но таково оно от природы»²⁵.

В очень длинном письме, датированном 30 января 1878 г.²⁶, Чернышевский переводит для Ольги, частично сокращая текст, «статью одного из очень известных и самых ученых, и, что еще лучше, одного из самых умных медиков Германии, откуда получается почти вся масса медицинского знания нашими хорошими медиками»²⁷. Автор статьи — Поль Нимейер, живший в Магдебурге. «Статья носит название: “Популярная медицина и личная забота о здоровье. Культурно-исторический этюд Поля Нимейера”»²⁸.

Эта статья, в частности, апеллирует к личной ответственности человека за самого себя; Чернышевский цитирует: «Всякий сам должен заботиться о своем выздоровлении, (...) медик лишь разве ведет его за руку»²⁹. И продолжает: «Но, говорит Поль Нимейер, явилось уж хоть небольшое число людей, решившихся жить по правилам гигиены. Это — вегетарианцы (противники мясной пищи).

Поль Нимейер находит в них много чудачества, вовсе лишнего неглупым людям. Говорит, что сам он не отваживается положительно сказать: “мясо вредная пища”. Но что он расположен думать, — это правда. — Этого я не ожидал.

Это я говорю уж не о твоём здоровье, моя милая Лялечка, а в собственное свое удовольствие.

Я издавна полагаю, что медики и физиологи ошиблись, причислив человека к плотоядным по природе существам. Зубы и желудок, устройство которых решает вопросы этого рода, у человека не такие, как у плотоядных млекопитающих. Еда мяса для человека — дурная привычка. Когда я стал думать так, я не встречал в книгах специалистов ничего, кроме решительного противоречия этому мнению: “мясо лучше хлеба”, говорили все³⁰. Понемножку стали попадаться кое-какие робкие намеки, что, быть может, мы (медики и физиологи) слишком унижаем хлеб, слишком превозносим мясо. Теперь говорится это чаще, смелее. А иной специалист, — вот как этот Поль Нимейер, уж и вовсе расположен предполагать,

что мясо для человека пища, быть может, вредная. Впрочем, я замечаю, что я преувеличил его мнение, передавая своими словами. Он говорит только:

“Я не могу допустить, что можно ставить правилом совершенное воздержание от мяса. Это дело вкуса”.

И после того хвалит, что вегетарианцы гнушаются обжорством; а обжорство мясом бывает чаще всякого другого³¹.

Я никогда не имел охоты чудачествовать. Все едят мясо; потому и для меня все равно: ем, что едят другие. Но — но, все это нимало нейдет к делу. Мне приятно, как ученому, видеть, что правильный, по-моему, ученый способ понимания отношений хлеба к мясу начинает не быть безусловно отвергаем специалистами. Вот я и разболтался о своем ученом удовольствии»³².

В письме же от 1 октября 1881 г. Чернышевский заверяет жену: «В другой раз напишу тебе подробности о моей еде и обо всем тому подобном, чтобы ты яснее видела справедливость другого моего постоянного уверения: “я живу хорошо, имея в изобилии все, надобное для меня”, не особенного же, ты знаешь, любитель роскоши»³³. Но обещанные «подробности» приводятся в том же письме:

«Я не могу видеть сырого мяса; и это все развивается во мне. Прежде не мог видеть только мяса млекопитающихся и птиц; на рыбу смотрел равнодушно. Теперь тяжело мне смотреть и на мясо рыбы. Здесь невозможно питаться одною растительною пищей; а будь возможно, то, вероятно, постепенно дошел бы до отвращения от всякой мясной пищи»³⁴.

Вопрос кажется ясным. Чернышевский, с младенческих лет, как и многие дети — на что указывал еще Руссо, — испытывал природное отвращение к мясу. По собственной склонности к здраво-научному, он пытался найти объяснение этому нерасположению, но сталкивался с противоположными тезисами корифеев науки, представляемыми как неоспоримая истина. И только в статье Нимейера 1876 г. он находит объяснение своим ощущениям. Письмо Чернышевского от 30 января 1878 г. (см. выше, с. 70) написано раньше статьи А. Н. Бекетова «Питание человека в его настоящем и будущем», появившейся в августе того же года. Таким образом, Чернышевский — вероятно, первый представитель русской интеллигенции, который принципиально объявляет себя сторонником вегетарианского образа жизни³⁵.

То, что в Вилуйске Чернышевский ел мясо и большей частью рыбу, не подлежит сомнению, однако необходимо иметь в виду, что он старался оградить своих близких от беспокойства, и в первую очередь жену Ольгу, ведь, по господствовавшим тогда воззрениям, мясо считалось самым важным пищевым продуктом. Достаточно вспомнить постоянные опасения С. А. Толстой, не сократит ли вегетарианский режим жизнь ее мужа.

Чернышевский, напротив, уверен, что хорошее состояние его здоровья можно объяснить тем, что он ведет «чрезвычайно правильный образ жизни» и регулярно соблюдает «правила гигиены»: «Например: я не ем ничего такого, что тяжело для желудка. Здесь много дикой птицы, из утиных пород и пород тетеревов. Я люблю этих птиц. Но они для меня менее легки, нежели говядина. И я не ем их. Здесь много вяленой рыбы, вроде балыка. Я люблю ее. Но она тяжела для желудка. И я ни разу во все эти годы не брал ее в рот»³⁶.

Очевидно, стремление Чернышевского к вегетарианству объясняется не этическими побуждениями и заботой о животных, а, скорее, представляет собой явление эстетического и, как пропагандировал Нимейер, «гигиенического» рода. Кстати, Чернышевский был невысокого мнения и об алкоголе. Его сын Александр передал отцу советы русских врачей пить спирт — водку, например, если не виноградное вино. Но он не нуждается ни в спирте, ни в генциане и померанцевой корке: «Я берегу свой желудок очень успешно. (...) И это очень легко мне соблюдать: я не имею ни малейшей склонности ни к гастрономии, ни к какому подобному вздору. И я всегда любил быть очень умеренным в еде. (...) Самое легкое вино тяжело действует на меня; не на нервы, — нет, — но на желудок»³⁷. В письме к жене от 29 мая 1878 г. он приводит историю о том, как, однажды, сидя за великолепным обедом, он согласился для приличия выпить рюмку вина, после чего сказал хозяину: «Вот видите, я пью; да еще мадеру, а не то что какое-нибудь слабое вино». Все расхохотались. Оказалось, что это было пиво, «простое, обыкновенное русское пиво»³⁸.

Весьма показательно, что Чернышевский оправдывает свое спорадическое мясоедение нежеланием (ср. выше, с. 71) выбиваться из общего ряда — проблема, с которой сталкиваются вегетарианцы и в современном обществе; вспомним приведенные у Маковицкого слова Томаша Мазарика, который

объясняет, почему, несмотря на свои «вегетарианские» склонности, он продолжает есть мясо (ср. ниже, с. 132—133).

Восхищение фруктами ощутимо и в письме Чернышевского от 3 ноября 1882 г. Он узнает, что жена купила домик в Саратове и собирается разбить сад: «Если уж говорить о садах, какие называются “садами” в Саратове, то есть о садах фруктовых деревьев, то я всегда был расположен считать самым красивым из наших фруктовых деревьев вишню. Хорошо и грушевое дерево. <...> Когда я был ребенком, часть нашего двора была занята садиком, густым, красивым. Мой отец любил ухаживать за деревьями. <...> Выучились ли теперь в Саратове достигать того, чтобы порядочно рос виноград?».

В годы юности Чернышевского в Саратове были «грунтовые сады», «в которых, — продолжает он, — хорошо росли нежные фруктовые деревья, — кажется, даже и абрикосы, и персики. — Бергамоты прекрасно росли и в простых, ничем не защищенных от зимы садах. Научились ли саратовские садоводы ухаживать за благородными сортами яблочного дерева? — В мое детство “ранет” (*reinette*) в Саратове еще не было. Теперь, быть может, акклиматизированы и они? А если еще нет, то попробуй заняться ими и виноградом и добиться успеха»³⁹.

Вспомним и ту тоску по югу, которая ощущается в четвертом сне Веры Павловны из романа «Что делать?» — о какой-то «Новой России», очевидно у Персидского залива, где русские покрыли «голые горы толстым слоем земли, и на них среди садов растут рощи самых высоких деревьев: внизу во влажных ложбинах плантации кофейного дерева; выше финиковые пальмы, смоковницы; виноградники перемешаны с плантациями сахарного тростника; на нивах есть и пшеница, но больше рис...»⁴⁰.

Вернувшись из ссылки, Чернышевский поселился в Астрахани и там вновь встретился с Ольгой Сократовной, в их последующей переписке уже говорится не о вопросах питания, но о страхе существования, о литературных проблемах и переводческой работе, о плане издания русской версии энциклопедии Брокгауза и о двух его кошках. Лишь единожды Чернышевский упоминает «того персиянина, торгующего фруктами, у которого ты всегда велишь мне брать»⁴¹; второе упоминание о пище находим в скрупулезном отчете о расхо-

дах, даже самых мелких: куплена для него «рыба (вяленая)» за 13 копеек⁴².

Таким образом, сведения о «вегетарианских мыслях» и обыкновениях Чернышевского дошли до нас только вследствие угнетательских мер царского режима: если бы его не сослали, то мы, вероятно, об этом так ничего бы и не узнали.

**В. А. Н. ТОЛСТОЙ:
«СОЛНЦЕ ВЕГЕТАРИАНСКОГО МИРА»**

1. Раннее становление: «единый Толстой»

«В это время подавали жаркое.

— Лев Николаевич! Не хотите ли кусочек мяса? — дразнили взрослые и дети вегетарианца Толстого.

— Хочу! — пошутил Лев Николаевич.

Тут со всех концов стола полетели огромные куски говядины. При общем хохоте знаменитый вегетарианец отрезал крошечный кусочек мяса, стал жевать и, с трудом проглотив его, отложил вилку и ножик:

— Не могу есть труп! Это отрава! Бросьте мясо, и только тогда вы поймете, что такое хорошее расположение духа, свежая голова!»

Эта сцена, известная нам по книге К. С. Станиславского «Моя жизнь в искусстве», произошла во время первой его встречи с Толстым в Туле 31-го октября 1893 г.¹

«Тема Толстой и вегетарианство настолько обширна, что мы не можем ее подробно осветить в этом этюде», — так я писал в более раннем исследовании по вопросу вегетарианства в русской литературе². Обширной была литература об отношении Толстого к вегетарианству прежде всего в годы перед Первой мировой войной. Тот факт, что автор «Войны и мира» и «Анны Карениной» в середине 1880-х годов перешел к вегетарианскому образу жизни и убежденно объявлял себя его сторонником, произвел впечатление на многих и многих и дал толчок к распространению вегетарианского движения в России. И в Западной Европе, где вегетарианство во второй половине XIX века встречало все большее сочувствие, вскоре тоже стали ссылаться на пример Толстого — намного чаще, чем на пример Бернарда Шоу. Решение Толстого повсеместно обсуждалось на страницах газет и журналов³. Оно оставило большой след в мемуарной литературе. Оценка этого решения довольно часто была предвзятой; она колебалась

между неприятием и панегириком. В связи с торжествами по случаю 80-летия писателя издатель журнала *ВО* назвал Толстого в статье от 27 августа 1908 г. «солнцем вегетарианского мира»...⁴

В советское время вопрос о вегетарианстве Толстого был почти полностью табуирован. Касались этой проблемы разве только во время юбилеев, прежде всего в 1928 г., очень осторожно и иносказательно, как А. Миронов в своей статье «Толстой и вегетарианство» (ср. гл. V.10, с. 140—141), или с насмешливой критикой, как Маяковский.

Табуирование вопроса о вегетарианстве Толстого сказалось на научной деятельности и западных славистов. В монографии о Толстом норвежского исследователя Гейра Хетсо, вышедшей также в немецком переводе в 2001 году, десятки (из 450) страниц текста посвящаются разным аспектам брака Толстого, а его вегетарианству — всего 22 строки⁵.

Вегетарианство Толстого было сложным феноменом. Дело было не просто в отказе от потребления мяса и рыбы. Принятие Толстым вегетарианского образа жизни имело гигиенические, этические, эстетические, педагогические, социальные, гастрономические, экономические и экологические аспекты, — и все они были частью его стремления к всеобщей реформе жизни, были воззванием к человечеству и к каждому отдельному человеку принимать участие в нравственном преображении мира.

Это стремление проявляется у Толстого удивительно рано. Правда, в течение долгого времени оно было обращено только к собственному я. Знаменитый перелом, отмеченный выходом в 1882 году книги «Моя исповедь», а также связанные с этим переживания и признание внутреннего «перерождения» не должны давать нам повод забывать о том, что истоки и предвестники этого позднего развития обнаруживаются уже в молодости Толстого. В свое время литературовед Н. К. Гудзий использовал точную и краткую формулу для обозначения неповторимости и единства личности (в 1919 г. он говорил о «едином Тургеневе»). Эту формулу с еще не меньшим основанием можно применить и к Толстому. Дневники и записные книжки молодого Толстого изобилуют правилами для жизни и для работы — что, конечно, не означает, что он во всякое время придерживался этих правил. Он всег-

да считал, что не совершенство может быть целью, а стремление к самосовершенствованию (Дневник, 3 июля 1854 г.)⁶.

К самосовершенствованию относится, не в последнюю очередь, уменьшение плотских потребностей в сравнении с заботой о душе, — требование, предъявляемое и Владимиром Соловьевым в «Духовных основах жизни». Среди грехов, с которыми надо бороться, грех чревоугодия всегда считался одним из самых распространенных. «И потому по всем учениям стремление к воздержанию начиналось с борьбы с похотью обжорства». Так говорит Толстой в этюде «Первая ступень» (1892)⁷. Но уже в «Правилах для развития воли», составленных 18-летним Толстым в начале 1847 г. в Казани, находим: «Есть умеренно, не сладкое»⁸. И там же: «Удовлетворять потребность только в той мере, как она того требует». В 1853—1854 гг. на Кавказе он пишет «Практические правила». Одно из них гласит: «Быть воздержным в питье и пище»⁹. 25-летний Толстой уже видит связь между недостаточной воздержностью в пище и явлениями несостоятельности другого рода. Так, в одной записке с Кавказа (25.06.1853) читаем: «Ел слишком много, заснул от лени»¹⁰.

Все чаще он записывает мысли о гигиенических преимуществах воздержанности и простоты в еде — еще в годы холостяцкой жизни. В октябре 1855 г. — замечание в записной книжке: «Никогда не бывал нездоров от того, что недоел, а всегда оттого что переел.»¹¹ Своей тетке Т. А. Ергольской (1792—1874) он пишет из Москвы 9 декабря 1850 г.: «Je dîne à la maison du šči et du kaša dont je me contente parfaitement, je n'attends que les confitures et la nalivka pour avoir tout selon mes habitudes de la campagne»¹². В том же духе он высказывается и в дневниках, в записных книжках и письмах во время путешествия по Швейцарии в 1857 г. Так, 26 июня из Люцерна он пишет Т. А. Ергольской: «Ma santé n'est pas mauvaise. Mais aussi elle n'est pas tout-à-fait bonne. A cause des grandes chaleurs et des voyages continuels que j'ai fait j'ai eu des maux de tête i prilivy krov; mais depuis que j'ai cessé de boire du vin, du thé, du café et que je mange moins de viande, je me sens bien»¹³. Во время поездки из Гессенэ в Интерлакен 17 мая Толстой записывает в дневнике: «Рожь, молоко, сладкое. Здоровье лучше. Вина не пью»¹⁴. 15 июня: «Не надо пить вина и режим негорячительный — постоянно»¹⁵.

Спустя три месяца после вступления в брак с С. А. Берс (23 сентября 1862 г.), 22 декабря, Толстой отмечает в дневнике: «... энергии много — не курю»¹⁶. 23 сентября 1865 г. в дневнике — критическое замечание о роскошной, но, очевидно, нелегко перевариваемой трапезе: «Пирог с затхлым тестом и на гнилом масле с трюфелями, стерлядями и ананасами»¹⁷. 29 октября 1865 г.: «Нынче первый день здоров. Ел очень мало. Неужели это только от объеденья. С нын(ешнего) дня попробую и запишу»¹⁸. И далее, с 30.10 по 9.11.1865 г., появляются все новые записи о строгой гигиене и диете и об удивительно хорошем самочувствии¹⁹. Результаты этого умеренного режима питания показались Толстому настолько важным, что он сообщает о них своему тестю А. Е. Берсу, состоявшему врачом в Московской дворцовой конторе: «... мне пришло в голову <...> сделать над собой опыт самой строгой диеты. Я начал 6 дней тому назад. Правда, кроме того, я каждый день обтираюсь весь водой, и делаю хоть немного гимнастику»²⁰. 6 дней я стараюсь есть как можно меньше, так что чувствую голод, не пью ничего, кроме воды с полрюмкой вина, и 6 дней я совсем другой человек. Я свеж, весел, голова ясна, я работаю — пишу по 5 и 6 часов в день, сплю прекрасно и все прекрасно. — С любопытством ожидаю последствий этого опыта — случайность это или нет?» И далее следует сообщение о петербургском профессоре Николае Николаевиче Зинине, «который утверждает, что 99/100 болезней нашего класса происходят от объедания. Я думаю, что это великая истина, к(отор)ая никому не приходит в голову и никого не поражает только потому что она слишком проста»²¹.

Помимо «гигиенических» мотивов воздержности в еде, уже рано встречаем у Толстого и социальную мотивацию. В письме к А. А. Фету от 16 мая 1865 г. читаем: «предстоящее народное бедствие голода с каждым днем мучает меня больше и больше. <...> У нас за столом редиска розовая, желтое масло, подрумяненный мягкий хлеб на чистой скатерти <...>, а там этот злой черт голод делает уже свое дело»²².

В конце 1870-х — начале 1880-х годов усиливаются религиозные искания Толстого. В последней части «Анны Карениной», над которой он работает в 1877 г., в фигуре Левина, в его отчаянном поиске смысла жизни, дано описание того религиозно-мировоззренческого кризиса, который сам Толстой будет переживать в начале 1880-х годов²³. В последую-

щие годы он пишет «Мою исповедь» (1882) и «В чем моя вера» (1883—1884). С 1882 по 1886 год Толстой работает над социально-критическим трактатом «Так что же нам делать?», — к созданию которого его подвигло посещение одной московской ночлежки; он выступает против роскоши правящих классов, объедающихся «филеями и осетриной». Он сообщает, что сделал физический труд привычным условием своей жизни, и с тех пор пища и потребность качества пищи совершенно изменились: «Вместо сладкого, жирного, утонченного, сложного, пряного, на что тянуло прежде, стала нужна и более всего приятна самая простая пища: щи, каша, черный хлеб, чай в прикуску»²⁴.

Но уже до «великого перелома» Толстой использует описание пищи и формы гостеприимства как критерий для установления нравственной иерархии героев своих романов — подобно Диккенсу в романе «Большие ожидания» («Great Expectations», 1861) и в полном согласии с четвертым афоризмом А. Брилья-Саварена (Anselm Brillat-Savarin) из его компендиума для гурманов «Физиология вкуса» («Physiologie du goût». Paris, 1825): «Скажи мне, что ты ешь, и я скажу тебе, кто ты» (*Dis-moi ce que tu manges, je dirai ce que tu es*)²⁵. В «Войне и мире» есть описание роскошного пира после охоты, и там же есть сцена, где Пьер ест посыпанную солью печеную картошку, которую ему предлагает Платон Каратаев, и кажется Пьеру, «что он никогда не ел кушанья вкуснее этого». В «Анне Карениной» поэтика еды, несомненно, выступает как риторическое средство на службе у этики. Наиболее явно — в сцене в московском фешенебельном ресторане «Англия» (часть I, гл. 10 и 11)²⁶: Левин, автобиографический персонаж романа, и Стива Облонский выступают здесь как антиподы. Последний составляет «европейское», роскошное меню, с фленсбургскими устрицами, ростбифом, каплунами и другими изысканными блюдами. Левина, привыкшего к простой деревенской пище, это побуждает к замечанию: «... мне дико теперь то, что мы, деревенские жители, стараемся поскорее наестся, чтобы быть в состоянии делать свое дело, а мы с тобой стараемся как можно дольше не наестся и для этого едим устрицу»²⁷. На это Облонский отвечает: «Но в этом-то и цель образования: из всего сделать наслаждение». Это своего рода отзвук фразы Хлестакова: «Я люблю поесть. Ведь на то живешь, чтобы срывать цветы удовольствия». В отличие от Облонского, Ле-

вин предпочитает простую еду: «Мне лучше всего щи и каша». Хлеб и сыр ему милее устриц²⁸.

Е. Госцило-Костин верно отмечает, что Толстой, противопоставляя эти позиции, примыкает к двум главным направлениям греческой философии: неправильно понятого и вульгаризированного Эпикура, с одной стороны, и стоиков и Платона — с другой²⁹. Позже, в трактате «Первая ступень», Толстой будет ссылаться на Платона и его проповедь воздержания. Впрочем, и многие немецкие писатели, как это убедительно показал Алоис Вирлахер в книге «О еде в немецкой литературе» (Alois Wierlacher, «Vom Essen in der deutschen Literatur», 1987), использовали изображение привычек питания для типизирующей характеристики своих героев, и в общем — с тем же распределением похвалы и порицания, которое мы находим у Толстого. Это видно прежде всего из главы «Тяжело переваримая и легкая пища» с экскурсом «К литературной оппозиции мясной и вегетарианской пищи»³⁰.

2. «Это гибельное вегетарианство»

В конце 1883 г. Толстой знакомится с В. Г. Чертковым (1854—1936), ушедшим в 1881 г. из армии по религиозным причинам. В. Г. Чертков становится самым усердным сподвижником Толстого; с помощью последнего он основывает в 1884 г. издательство «Посредник». Как сообщает И. О. Перпер, Чертков в это время уже был вегетарианцем, и именно он познакомил Толстого с вегетарианским движением¹. Сам Толстой впоследствии называет 1883 год годом начала своего вегетарианства: 10-го марта 1908 г. он отвечает редакции журнала «Good Health» — через свою дочь Т. А. Сухотину — на вопрос о начале своего вегетарианского образа жизни, что 25 лет тому назад он отказался от мясной пищи и перешел к безубойному питанию².

В воспоминаниях о Толстом момент перехода к вегетарианской пище обычно относят ко времени разговоров с Вильямом Фреем (William Frey), т. е. к октябрю 1885 г. Правда, у Сергея Львовича Толстого можно прочесть, что отец стал убежденным вегетарианцем в 1884 году; но в дальнейшем следует оговорка: «Вегетарианцем он стал особенно после своего знакомства с позитивистом и вегетарианцем Вильямом Фрейем, посетившим его осенью 1885 года. Тогда же мои сестры, [20-летняя] Таня и [13-летняя] Маша, также перешли на “безубойное питание”. Моя мать считала, что вегетарианство вредно, в чем была неправа: отцу при его заболеваниях печени оно было несомненно полезно. А сестрам — не вредно»³.

Обращаясь к дневникам Толстого, можно найти более точную дату; в 1882 и 1883 гг. Толстой не сделал фактически никаких записей; но в 1884 г. в записи от 2 июня есть замечание: «Второй день начал не есть мясо»⁴. А 18 июня он записывает: «Переделывал свои привычки. (<...> Вина совсем не пью, чай в прикуску и мяса не ем. Курю еще, но меньше»⁵. В октябре 1884 г. Толстой пишет Софье Андреевне, что он сам будет заниматься управлением Ясной Поляны и жить в деревне. В письме от 24-го октября он сообщает о «самом лучшем впечатлении» того дня — встрече с двумя братьями из Сибири: «Вместе им 150 лет. Оба не едят мяса»⁶.

В 5-й главе записок И. М. Ивакина (о нем см. ниже) есть замечание о «ругани по поводу вегетарианства» (15 августа 1885 г.). Софья Андреевна и Татьяна Андреевна упрекали

А. Н. за то, что он сбил всех девочек с толку, научил их «не есть мясо — они едят уксус с маслом, стали зеленые и худые»⁷.

С 7 по 12 октября 1885 г. в Ясной Поляне гостит Вильям Фрей. Изначально его имя было Владимир Константинович Гейнс. Он происходил из швейцарской семьи, эмигрировавшей в Россию. Молодость свою он провел в Севастополе. В отличие от своего родного брата, который дослужился до казанского губернатора, Гейнс увлекался социальными идеями 1860-х годов. Он уволился в чине капитана со службы в Генеральном штабе, где ему предстояла блестящая карьера как специалисту по высшей математике, и вместе с молодой женой переселился в Америку. По прибытии туда он изменил имя и фамилию и стал называться «Вильямом Фрей» («свободным»). После неудачи с сельскохозяйственной коммуной в Миссури он отправился в Канзас вместе с д-ром Стивенсом С. Бриггсом, убежденным вегетарианцем, жившим по-вегански, который вскоре и своих друзей обратил в таких же пламенных последователей строгого вегетарианства, как одной из «основ здоровой и нравственной жизни». Впоследствии Фрей отказался и от квашеного теста, а делал из простой муки с водой длинную палку и запекал ее («шишка Фрея»). Он не признавал ни сахара, ни соли. В 1875 г. Фрей опубликовал в Лондоне книгу «Vegetarianism in connection with the religion of humanity». С 1875 по 1878 гг. к коммуне в Канзасе примкнули несколько русских, среди них писатель Григорий А. Мачтет (1852—1901)⁸ и А. К. Маликов (1839—1904). Последний был предшественником Толстого в том смысле, что в христианстве признавал только этический аспект, стремился к изменению общества через самосовершенствование отдельной личности и проповедовал «непротивление злу силой». Но и новая коммуна распалась. В 1885 г. Фрей посетил Россию, которую покинул почти двадцать лет назад; он ознакомился с учением Толстого и навестил его в Ясной Поляне. Во время их оживленных разговоров в религиозных вопросах согласия достигнуто не было: гуманизм Фрея был основан на позитивистском миропонимании, в смысле Огюста Конта. Толстой же остался при своем негативном отношении к позитивизму. Но Фрей сумел «окончательно» убедить его в пользе вегетарианства.

Вскоре после отъезда Фрея Толстой написал своей свояченице Т. А. Кузминской (1846—1925): «Фрей (...) интересен и хорош не одним вегетарианством. Жаль, что ты не была при

нем. Ты бы многое узнала. У меня от него осталась самая хорошая отрыжка (...). Целую девочек и мальчиков без различия мясной и растительной пищи»⁹. Очевидно, в 1885 г. некоторые из двух дочерей и троих сыновей Т. А. Кузминской жили «безубойно»¹⁰. И как раз в день отъезда Фрея, 12 октября, в письме к Софье Андреевне говорится: «Целую тебя и всех детей. Тане и Маше забыл подтвердить, что жалко будет, если они бросят, что начали, — уборку комнат и вегетарианство, — в смысле воздержания»¹¹. В ответ Софья Андреевна пишет следующее: «... досадно, что девочек в вегетарианстве поощряешь. Два супа, — особая овощь, — все надо готовить, а матери жалко не давать есть своим детям. С тех пор как Таня грудь мою сосала, не могу отвыкнуть желать кормить ее получше и посытнее»¹².

Две недели спустя Толстой записывает: «Хлеб без дрожжей выходит вкусный по мне, хотя М[арья] А[фанасьевна] смеется над ним. В Москве угощу вегетарианок [т. е. Таню и Машу. — П. Б.]»¹³.

«Хлеб без дрожжей», бесспорно, отсылает к Фрею. Но в целом не следует рассматривать его посещение как *terminus ante quem non*: очевидно, что ко времени этого посещения в семейном кругу Толстого частично уже были «безубойники». Переход этот произошел отнюдь не сразу, а осуществлялся довольно медленно и сопровождался отдельными эпизодами возвращения к старому. Интересные сведения об этом переходе можно найти в записках Ивана Михайловича Ивакина (1855—1910). Записки И. М. Ивакина 1880—1889 гг. важны уже потому, что относительно немногие мемуары и дневники охватывают этот период жизни Толстых, за исключением переписки самого Толстого и воспоминаний молодости его детей (дневники С. А. Толстой становятся более подробными только с 1891 года). Ивакин проводил каждое лето в Ясной Поляне как домашний учитель детей Толстых по древнегреческому и латинскому языкам.

18 июля 1885 г., т. е. еще за несколько месяцев до пребывания Фрея в Ясной Поляне, Ивакин сообщает о посещении княгини Урусовой:

... подоспел Л. Н., и речь сейчас же зашла о вегетарианстве:

— Наступит время, — сказал он, — когда докторам придется открыть, что бульон для маленьких детей вреден. Я пом-

ню, в детстве, когда меня заставляли есть бульон, мне всегда было неприятно.

Сам он почти с самого моего приезда мяса не ест. Я не ем только птиц. Помню, что вскоре по приезде я за обедом не стал по обыкновению есть цыплят.

— И я хотел было взять, но по вашему примеру не стану, — сказал он, и с той поры не ест уже мяса вообще¹⁴.

А когда Ивакин, после долгого отсутствия, вновь посетил Толстого 22 июня 1886 г., то писатель вдруг спросил его: «А что, вы продолжаете не есть мяса? (...) Я сказал, что ем, но иногда оно мне надоедает, вообще ем менее прежнего.

— Вы, я знаю, коренной вегетарианец, — почему-то сказал он, — я вот уж почти год не ем мяса и чувствую себя отлично. Думать, что мясо почему-то необходимо, — вздор. Это мнение науки, а наука всегда рада ухватиться за всякую нелепость. Полмира не ест мяса и живет, а тут вдруг вообразили, что мясо необходимо»¹⁵. Двадцать лет спустя — тот же упрек науке: «Мясоедение такое же ненужное, как нюхание, курение табаку, и противное. (...) До недавнего времени наука стояла за мясо. Это образец самоуверенности науки. Только лет 20 тому назад признала вегетарианство». (4 августа 1906)¹⁶.

Осенью 1885 г. споры с Софьей Андреевной обострились. С 15 по 18 декабря 1885 г. Толстой пишет жене разочарованное и жесткое письмо, которое оставляет в Москве при отъезде¹⁷. Вся жизнь дворянства («нашего сословия»), — говорит он, — это жизнь для самого себя, основанная на гордости, жестокости, насилию, совмещении роскоши и бедности; кто хочет жить совестно, тот должен основательно переменить свою жизнь. «Вы ищите причину, ищите лекарство. Дети перестанут объедаться (вегетарианство). Я счастлив, весел (несмотря на отпор, злобные нападки). Дети станут убирать комнату, не поедут в театр, пожалеют мужика, бабу, возьмут серьезную книгу читать — я счастлив; весел, и все мои болезни проходят мгновенно. (...) Между нами идет борьба на смерть»¹⁸.

Дочь Толстого Маша пишет сестре Тане 21 декабря 1885 г.: «У нас за обедом был сегодня довольно неприятный разговор. Мама все на вегетарианство нападала. Она прочла письмо, которое папа ей оставил, и оно ее повидимому расстроило»¹⁹. А сам Толстой в письме к В. Г. Черткову, ко-

торое так и осталось неотправленным, замечает: «Крошечное утешение у меня в семье — это девочки. Они любят меня за то, за что следует любить...»²⁰.

21 / 22 декабря Толстой сообщает жене из Ясной Поляны: «... никогда больше не будем говорить про это. <...> Надеюсь окрепнуть нервами и молчать. <...> без мяса, с работой физически тяжелой, — я здесь колю и пилю дрова, — я чувствую себя совсем бодрым и сплю прекрасно»²¹.

А Софья Андреевна, со своей стороны, пишет 22 декабря (без иронии, но с горечью): «Я рада, что твои больные нервы отдохнут без меня. <...> Но неужели это гибельное вегетарианство бесповоротно должно убивать тебя, и нет возможности одуматься»²².

Впоследствии Толстой часто живет один или с детьми в Ясной Поляне, а Софья Андреевна меж тем в Москве присматривает за теми, кто посещает гимназию. В начале апреля 1886 года Толстой с несколькими спутниками отправляется пешком из Москвы в Ясную Поляну для того, «чтобы отдохнуть от роскошной жизни». Дорогой путники питались чаем, хлебом, два раза щами — и чувствуют себя бодрыми и здоровыми²³. Толстой не перестает ссылаться на то, как его смущает крайняя нужда, царящая как в городе, так и в деревне. 4 мая 1886 г.: «Невозможно есть спокойно даже кашу и калач с чаем, когда знаешь, что тут рядом знакомые мне люди — дети <...> ложатся спать без хлеба...»²⁴. Он благодарит Софью Андреевну за то, что она ему прислала яблоки и апельсины, последние, однако, он считает лишними²⁵.

Семейные расхождения во мнениях относительно вегетарианства можно наблюдать также в записках из «почтового ящика». С лета 1883 г. в Ясной Поляне имелся ящик, в который все живущие в усадьбе могли анонимно опускать краткие записки. Влияние Льва Николаевича сказалось в заметках такого рода: «Сего 7-го июля заколоты были в обоих домах 13 цыплят. 8 июля в один дом привезен баран, в другой — солонина. 9 июля: придушены в двух домах 6 кур и 2 цыпленка. 10—11—12 июля: привезено в оба дома 30 ф. ростбифа, пуд бульонной говядины, 2 курицы, 7 цыплят и теленок в 70 фунтов. Общество вегетарианцев как будто не существует». Но имелись и другие: «Да здравствует говядина, телятина, солонина, баранина, дичь и все цыплята»²⁶.

В отношении Толстого к мясному и вегетарианскому питанию бывали колебания. 9 марта 1887 г. Софья Андреевна записывает в дневнике: «Вот уже неделя, как он опять вегетарианец»²⁷. 14 апреля Толстой сообщает ей: «Обедали щи зеленые и кашу на сковороде, и ничего больше есть не хочется; а вечером чай с хлебом. Целую тебя и детей»²⁸. Но вскоре Софья Андреевна отметит в дневнике: «Приехавши из Москвы 11 мая, я настояла, чтоб Левочка пил воды по предписанию Захарьина, и он повиновался. (...) он пропил [стаканы Эмса, по предписанию врачей] все три недели и к вегетарианству не возвратился»²⁹. Уже в начале июня Толстой вновь обратился к вегетарианству, о чем свидетельствует знаменитый юрист Анатолий Федорович Кони (1844—1927) в воспоминаниях о первом его посещении Ясной Поляны 6-го июня 1887 г.: «В шесть часов все обедали сытно и вкусно, причем хозяину подавались блюда растительной пищи»³⁰.

В 1887 г. у Толстого завязался спор с братом Сергеем Николаевичем (1826—1904) из-за намерения основать «Общество трезвости». Сергей Николаевич счел это ненужным предприятием: «Без рюмки водки желудок у меня плохо варит». По свидетельству И. М. Ивакина, на замечания Толстого о вегетарианских убеждениях Сергей Николаевич отвечал: «“Что же в том, что мы убиваем животных? Ведь мыдохнуть не можем без того, чтобы не погубить миллионы организмов!” По-видимому, он затеянное Л. Н. дело считал пустяками...»³¹. А сам Толстой пишет П. И. Бирюкову 20 декабря 1887 г., вскоре после основания «Общества трезвости»: «И удивительно: как лакмусовая бумага, такие вещи, как вегетарианство, трезвость, разделяют людей. — Есть добрые люди, к[оторые] из себя выходят и злятся на общ[ество] трезвости, злятся неожиданно, очевидно, на проявление такой какой-то забытой ими силы, к[оторая] требует от них чего-то»³².

Толстой часто испытывал боли в области желудка и желчного пузыря и тогда ему приходилось оправдываться перед женой: ведь общество, и особенно Софья Андреевна, причиной заболевания считали вегетарианское питание. Так, в письме к Т. А. Толстой от 26 апреля 1888 г. он признается: «... вчера заболел живот, но недолго, и нынче совсем здоров. Должно быть от щей. Вперед не буду есть. Нынче куриный бульон. Целую мама и вас всех»³³. Аналогично — в письме Софье Андреевне 3 мая 1888 г.: «Ты скажешь, что это от не

едения мяса, и пожалуйста, не говори и не думай этого. И охотно его бы ел, если бы меня манило на него и чувствовал бы от него лучше, но нет ни того, ни другого. Теперь я ем простоквашу и очень много, и мне она и приятна, и отлично действует»³⁴. 7–8 мая: «Чувствую себя очень хорошо. В простокваше нахожу большое средство [sic! — П. Б.] и поглощаю пропасть, и все на пользу»³⁵. Далее — в письме от 1 апреля 1889 г.: «Живу я по прежнему очень хорошо. Нынче чуть поболел живот. Приписываю это тому, что вчера поел осетрины, а может быть и тому, что сделал слишком большое усилие вчера же, рубя и пиля, и таская лес»³⁶.

В дневнике Толстой неоднократно отмечает, как хорошо воздержанность в еде действует на его самочувствие: «Совсем не нужно много спать, когда не объедаешься. 4-й день не ем сахара и белого хлеба и [чувствую себя] хорошо» (7 апреля 1889)³⁷.

В художественных произведениях второй половины 1880-х годов также затрагиваются вопросы питания, подвергается осуждению слишком роскошный стол верхних слоев. Позднышев в «Крейцеровой сонате» (1886—1889) говорит:

Обыкновенная пища малого из крестьян — хлеб, квас, лук; он жив, бодр, здоров; работает легкую полевою работу³⁸. Он поступает на железную дорогу, и харчи у него — каша и 1 фунт мяса. Но зато он и выпускает это мясо на шестнадцатичасовой работе с тачкой в 30 пудов. И ему как раз так. Ну и мы, поедающие по два фунта мяса, дичи и всякие горячительные яства и напитки — куда это идет? В чувственные эксцессы³⁹.

А в комедии «Плоды просвещения» (1886, 1889—1890) кухарка так рассказывает деревенским крестьянам о жизни господ:

К у х а р к а: (...) а кто хошь, и скоромное ешь.

2-й М у ж и к: Разве постом лопают кто?

К у х а р к а: Э, да все почитай. Только и постятся, что кучер (...) да Сема, да я, да икономка, а то все скоромное жрут (...)

3-й М у ж и к: Ситник-то каждый день, я чай?

К у х а р к а: О, ситник! Не видали они твоего ситника! Посмотрел бы пищу у них: чего-чего нет! (...) Потому запивают. Вин этих сладких, водок, наливок шипучих, к каждому кушанью — свою. Ест и запивает, ест и запивает. (...) У них ведь нет того, чтоб сел, поел, перекрестился да встал, а бесперечь

едят. (...) Только, Господи благослови, глаза протерут, сейчас самовар, чай, кофе, щиколлад. Только самовара два отопьют, уж третий ставь. А тут завтрак, а тут обед, а тут опять кофий. Только отвалятся, сейчас опять чай. А тут закуски пойдут: Конфеты, жамки — и конца нет. В постели лежа, — и то едят⁴⁰.

В начале 1890-х годов вопрос о вегетарианстве и воздержанности в питании становится темой отдельного сочинения Толстого, носящего характер манифеста.

3. «Первая ступень»: возникновение и значение

В основу статьи Л. Н. Толстого «Первая ступень» положена идея всеобщего царства мира. По мнению Толстого, каждый отдельный человек может сделать важный шаг на пути к этому царству, если он вступит в новое отношение к животным, если он готов отказаться от мясного питания. «Первая ступень» писалась в июне 1891 года. Упоминание об этом замысле находим в дневниковой записи от 11 мая 1890 г.: «Диета строгая нужна всем. Об еде — книга нужна»¹. 20 мая Толстой записывает следующее: «мы едим соусы, мясо, сахар, конфеты — обедаемся, и нам кажется ничего. В голову даже не приходит, что это дурно»². Запись от 24 июня из записной книжки № 2: «Надо бы написать книгу ЖРАНЬЕ, Валтасаров пир неугасаемый <...> Жранье архиреев, жранье обедов»³. 25 июня — в дневнике: «Опять думал: Надо бы написать книгу ЖРАНЬЕ. Валтасаров пир — архиереи, цари, трактиры. Свиданья, прощанья, юбилеи. Люди думают, что заняты разными важными делами, они заняты только жраньем»⁴.

Чтобы понять эти гневные замечания, надо обратиться к комментариям А. П. Сергеенко⁵. С 1906 по 1910 гг. он был секретарем В. Г. Черткова. Сергеенко цитирует сообщения о гастрономических привычках русских архиереев — они нашли отражение у Лескова в рассказах «Мелочи архиерейской жизни» (1878)⁶. Сергеенко указывает также на колоссальные суммы, которые тратились на питание русских царей; но прежде всего он приводит отрывки из книги П. В. Быкова «Силуэты далекого прошлого», а также из «Литературных воспоминаний» А. М. Скабичевского о «литературных обедах» — торжественных обедах с изысканными яствами и питьями, которые были в ходу при встречах русских писателей в 1870-е годы. Хорошо известные поэты и писатели, люди, считающие себя духовной элитой страны, устраивали состязания, кто сумеет заказать лучший обед...⁷ Такие факты, по всей вероятности, были известны Толстому и, должно быть, возмущали его. Кроме того, он, вероятно, не забывал о том, что «невоздержанность», или «обжорство», относится к семи главным грехам. Из записей Толстого видно, как его мысли упорно возвращаются к теме еды. Не хватало внешнего толчка. Роль такого толчка сыграло знакомство с рядом работ о вегетари-

анстве, и получилась не книга о «жранье», как изначально предполагалось, а эссе, имевшее весомые последствия.

Инженер Джон Кейдель, член берлинского вегетарианского общества, прислал Толстому вегетарианские трактаты. 15 января 1891 г. Толстой записывает в дневнике: «Вегетарианск(ие) брошюры хорошие».

Толстой задолго до этого уже был знаком с брошюрой А. Н. Бекетова «Питание человека в его настоящем и будущем» (СПб., 1879). Месяцем раньше по его просьбе Эдуард Борель, домашний учитель сыновей Андрея и Михаила по французскому языку, пишет Рихарду Левину, члену правления Немецкого вегетарианского общества (на немецком языке):

Ясная Поляна,
21.XII.90

Высокочитимый господин!

В ответ на Ваше письмо от 14 декабря, граф просит меня сообщить Вам, что он никак не отступил от своего вегетарианского образа жизни, и не отказался от него по каким-либо причинам, но что он придерживается этой диеты и притом чувствует себя хорошо. — Среди его друзей — тех, кто разделяет его религиозные воззрения, — этот натуральный образ жизни достаточно распространен (хотя это не считается принципом), и граф убежден, что вегетарианское движение и здесь будет распространяться все шире. — Брошюра проф. Бекетова известна графу уже в течение долгого времени как хороший труд. Граф выражает Вам свою благодарность за посылку вегетар. листовок и с интересом ожидает дальнейших вестей о продвижении и распространении этого дела.

С глубочайшим почтением,
Эдуард Борель⁸.

Рихард Левин послал Толстому обстоятельное сообщение о вегетарианском движении в Германии, об организации обществ и открытии вегетарианских столовых; кроме того, он послал ему вегетарианские информационные листовки и порекомендовал брошюру его соотечественника проф. Бекетова. В дальнейшем Толстой познакомился с Бекетовым и лично. 1 февраля 1894 г. Толстой присутствовал при заключительном заседании IX съезда естествоиспытателей и врачей в Москве⁹. Его принудили занять место в президиуме рядом с профессорами. Студенты в зале разразились бурей восторженных аплодисментов; Толстой же сидел неподвижно, «в простой поддев-

ке коричневого цвета в гуще несчетных черных фраков (<...> рядом с профессорами Бекетовым и Тимирязевым».

Письмо, написанное Э. Борелем по поручению Толстого (кстати, на это письмо нет никаких указаний в академическом Полном собрании сочинений Толстого в 90 т.), было напечатано в журнале «*Vegetarische Rundschau*» (1891. С. 38—40) и снабжено длинным комментарием Р. Левина («*Graf Leo Tolstoj ist also ein ausgesprochener Vegetarier!*»).

9 февраля 1891 г. Софья Андреевна читает брошюру А. Н. Бекетова: «Он [Бекетов] предсказывает всемирное вегетарианство, и он, пожалуй, прав». Такова несколько элегическая запись в ее дневнике¹⁰. 15 мая Толстой настоятельно советует В. Г. Черткову переиздать книгу Бекетова в издательстве «Посредник». Она выходит в 1893 и 1896 гг., оба раза тиражом 7 200 экземпляров. В середине апреля 1891 г. Толстой знакомится через Черткова с книгой Говарда Уильямса (Howard Williams, 1837—1931) «*The Ethics of Diet. A Catena of Authorities Deprecatory of the Practice of Flesh Eating*» (Лондон, 1883)¹¹. В этой книге приводятся высказывания семидесяти известных всему цивилизованному миру людей, выступавших против мясного питания. Толстой пишет жене 11 апреля: «... читал прекрасную книгу, историю суждений древних о вегетарианстве»¹². Очевидно, он изумлен, узнав о таком большом количестве знаменитых единомышленников. 29 апреля — Черткову: «Прекрасная книга. Я прочел половину и читаю. Книга прекрасная, нужная, и я бы очень желал написать к ней предисловие, коли бы удалось»¹³. 2 мая — в дневнике: «Читаю *Ethics of diet*, прекрасно». 3 мая — там же: «Главная забота людей и главное занятие людей, это не кормиться — кормиться не требует много труда, — а обжорство. Люди говорят о своих интересах, возвышенных целях, женщины о высоких чувствах, а об еде не говорят; но главная деятельность их направлена на еду»¹⁴.

Уже 7 мая Толстой сообщает Софье Андреевне, что Мария Львовна «переводит вегетарьянск(ую) книгу не дурно»¹⁵. Он и сам помогает ей переводить. Но и Софья Андреевна принимает участие в переводе, хотя, вероятно, à contre-sens; 18 июня она оставляет следующую запись в дневнике: «Потом я переводила с английского предисловие к книге о вегетарианстве»¹⁶. 2 июня — запись в дневнике Толстого:

«Ходил в Тулу, был на бойне, но не видал убийства»¹⁷. 7 июня — новое посещение тульской бойни. Запись в дневнике интересна своей непосредственностью: «Был на бойне. Тащат за рога, винтят хвост, так что хрустят хрящи, не попадают сразу, а когда попадают, он бьется, а они режут горло, выпускающая кровь в тазу, потом сдирают кожу с головы. Голова, обнаженная от кожи, с закусенным языком, обращена кверху, а живот и ноги бьются. Мясники сердятся на них, что они не скоро умирают. Прасола-мясники снуют около с озабоченными лицами, занятые своими расчетами»¹⁸.

Старшая дочь Толстого, 26-летняя Татьяна, позже запишет в своих воспоминаниях под датой «7-е июня»: «Папá сегодня дачным поездом ездил в Тулу на бойню и рассказывал нам про это. Это ужасно, и, я думаю, довольно папашиного рассказа, чтобы перестать есть мясо. Я боюсь сказать, что наверное перестану, но постараюсь. Уж с поста я почти перестала есть мясо, и только когда в гостях или когда очень голодна, то позволяю это себе»¹⁹. В дневнике Софьи Андреевны находим запись от этого же дня: «Левочка был в Туле (...) ходил на бойню быков и рассказывал нам с большим волнением, какое это ужасное зрелище, как быки боятся, когда их ведут, и как с них дерут уже с головы кожу, когда они еще дергают ногами и не издохли. Поистине это ужасно, но и всякая смерть ужасна!»²⁰

Первую запись для статьи Толстого, которая в процессе работы получит название «Первая ступень», находим в дневнике 8 июня: «К предисловию о вегетарианстве *εὐκρατεία* и замечание [Кристоф Георг] Лихтенберга о развитии умеренности в детях». Писать Толстой начал 25 июня 1891 г. Еще одна запись в дневнике: «Еще ночью думал о предисловии к вегетар(ианской) книге, т. е. о воздержании, и все утро писал не дурно»²¹. Уже 30 июня была закончена первая черновая редакция статьи; до 13 июля Толстой вносит многочисленные поправки и дополнения. 20 июля в письме к И. И. Горбунову-Посадову сообщает: «... написал начерно всю статью о вегетарианстве, обжорстве, воздержании»²². 31 августа через П. И. Бирюкова посылает рукопись статьи Черткову и просит последнего поместить в примечании к статье список «лучших книг о вегетарианстве», составленных учеными и врачами, и указывает то место, где его включить (но такой список так и не был опубликован). Впрочем, как и следовало ожидать, вме-

шалась цензура, вычеркивая места о церковном христианстве и о роскоши высших классов. «Первая ступень» печатается впервые в 1892 г. в майском выпуске журнала «Вопросы философии и психологии», издаваемого Н. Я. Гротом²³, второй раз — в 1893 г. как предисловие к русскому переводу книги Г. Уильямса «The Ethics of Diet»²⁴. Позже петербургское *ВО-во* опубликовало, по инициативе проф. А. И. Воейкова и с разрешения Толстого, дешевое издание этой статьи за 20 копеек; оно должно было быть разослано всем членам *СПб.-ВО* в 1904 году, но вследствие цензурных затруднений издание задерживалось²⁵. Следующее издание вышло в 1906 г. в «Посреднике» (за 2 ½ копейки или — на лучшей бумаге — за 6 копеек); еще одно издание — в 1912 г. у Сытина (цена: 2 копейки).

Программная статья Толстого в академическом Полном собрании сочинений занимает немногим более двух авторских листов; она разделена на 10 глав²⁶. В начальных главах речь идет о нравственно доброй жизни. Христианство требует, в отличие от язычества, бесконечного самосовершенствования и личных усилий для достижения этой цели. Одна из первых добродетелей есть самоотречение (гл. 3). Уже в старину первой добродетелью считалось воздержание. В новейшее время так называемые образованные люди считают, напротив, что привычки комфорта не только не вредны, но и хороши: они показывают известную нравственную высоту человека. Это отражается в описательной поэзии и особенно в романах XVIII и XIX веков: последние, как правило, прославляют развратных тунеядцев. Толстой называет при этом Чайльда Гарольда Байрона и героев Троллопа и Мопассана. Он признается, что при написании романов самое непреодолимое для него затруднение заключалось в том, чтобы изобразить тип светского человека как человека идеально хорошего, доброго — и вместе с тем так, чтобы этот тип был верен действительности (гл. 4)²⁷. В самом деле, Гоголь, как известно, не смог справиться с подобной задачей. По мнению Толстого, в нравственном состоянии высших классов виновна система воспитания (гл. 5). В качестве примера того, как образованные представители высших классов говорят о совершенствовании, о святой дружбе, любви, о служении науке, человечеству — и тут же спокойно тоном пишут о собственном пристрастии к спиртному и распутстве, как если бы не было ничего более естественного в жизни, Толстой называет имена А. И. Герце-

на и Н. П. Огарева — незадолго до этого он читал их переписку (гл. 6). В 7-й главе, довольно большой, постулируется, что жизнь в роскоши и тунеядстве не может быть доброй. Описывается распорядок дня, якобы типичный для «верхнего слоя» (Толстой имеет в виду русское дворянство и буржуазию), с разнородными излишними потребностями и прежде всего с роскошными привычками питания. После обстоятельного одевания «начинается день обыкновенно едой, пьется приготовленный кофе или чай с большим количеством сахара, едят булки, хлеб первого сорта пшеничной муки с большим количеством масла, иногда свиного мяса. Мужчины большей частью при этом курят папиросы или сигары и затем читают газету свежую, только что принесенную. Потом хождение из дома на службу или по делам, или езда в экипажах, нарочно существующих для перевозки этих людей. Потом завтрак из убитых животных, птиц, рыб, потом обед такой же, при большой скромности из трех блюд, — сладкое блюдо, кофе, потом игра — карты, и игра — музыка, или театр, чтение или беседа в мягких пружинных креслах при усиленном и смягченном свете свечи, газа, электричества, — опять чай, опять еда, ужин и опять постель...»²⁸.

Переключки с комедией «Плоды просвещения» очевидны; правда, в цитате, приведенной выше, речь больше идет о мясе.

В гл. 8 готовность к воздержанию называется первой предпосылкой христианского самосовершенствования, первой ступенью ко всякой доброй жизни²⁹. «Образованные классы представляют себе счастье и здоровье (в чем уверяют их доктора, утверждая, что самая дорогая пища, мясо — самая здоровая) в вкусной, питательной, легко перевариваемой пище, — хотя стараются скрыть это (...) Посмотрите на путешествующих людей. На них это особенно видно. “Музей, библиотека, парламент — как интересно! А где будем обедать? Кто лучше кормит?”»³⁰. В качестве главных пороков клеймятся обжорство, праздность и плотская любовь³¹. Главный интерес большинства людей нашего времени — это удовлетворение вкуса, удовольствие еды, жрание³². Толстой не закрывает глаза на тот факт, что и в жизни низшего и среднего слоя, по крайней мере в праздники, на похоронах и свадьбах — «жрание» играет ведущую роль. Во всех разговорах и во всех слоях общества еда находится в центре внимания³³. «Удовлетворение потребности имеет пределы, но удовольствие не имеет

их»³⁴. Далее следует описание все увеличивающегося удовольствия еды.

Толстой вспоминает, как однажды, гордясь своей оригинальностью, нападавший на аскетизм монашества евангелик говорил ему: «Мое христианство не с постом и лишениями, а на бифстексах». Никто пока не обратил внимания на отношение к пище как на возможный первый шаг к доброй жизни, так что «нам трудно даже понять дерзость и безумие утверждения в наше время христианства или добродетели с бифштексом».

В гл. 9 следует рассказ о посещении тульской бойни. Сначала на четырех страницах дается описание резания свиней, быков и вола; затем на одной странице описывается убой мелкого скота. Именно об этом беспощадном описании тульской бойни R. F. Christian говорит: «these chapters make more painful reading than any others we encounter in all of Tolstoy's oeuvre»³⁵. Описание Толстого, быть может, еще резче, чем то, которое Эптон Синклер дает на одиннадцати страницах своего романа «Джунгли» («Дебри») ³⁶. Оно включается в длинный ряд описаний боен, которые мы находим в мировой литературе, — некоторые из русских были собраны в статье А. Жолковского, где рядом с примерами из В. Маяковского и О. Мандельштама приводятся отрывки из текстов Достоевского, Ю. Олеши и Б. Пильняка³⁷.

Гл. 10 начинается с указания на то, что питание мясом никак не необходимо. «Те, которые сомневаются в этом, пусть прочтут те многочисленные, составленные учеными и врачами, книги об этом предмете, в которых доказывается, что мясо не нужно для питания человека. И пусть не слушают тех старозаветных врачей, которые отстаивают необходимость питания мясом только потому, что это признавали очень долго их предшественники и они сами; отстаивают с упорством, с недоброжелательностью, как отстаивают всегда всё старое, отживающее»³⁸. В заключение снова говорится о необходимости самообладания и воздержания. А «почему как раз воздержание от животной пищи будет первым делом поста и нравственной жизни, превосходно сказано, и не одним человеком, а всем человечеством в лице наилучших представителей его в продолжение всей сознательной жизни человечества». Автор имеет в виду приведенный в книге Говарда Уиль-

ямса длинный список мыслителей и поэтов, выступающих за вегетарианство³⁹.

Толстой задается вопросом, почему, несмотря на множество призывов, познания о безнравственности мясной пищи распространяются столь медленно. Его ответ: нравственное движение человечества совершается всегда медленно. Но теперь, по его мнению, видно безостановочное и постоянное ускорение. Последние десять лет с каждым годом все больше и больше является книг и журналов по этому предмету, все больше встречается людей, отказывающихся от мясной пищи; за границей, особенно в Германии, Англии и Америке, увеличивается число вегетарианских гостиниц и трактиров. При этом Толстой высказывает убеждение, что оживление вегетарианства должно быть особенно радостно для людей, живущих стремлением к осуществлению Царства Божия на земле. Не потому, что само вегетарианство есть важный шаг на пути к этому царству (все истинные шаги и важны, и неважны), а потому, что оно служит признаком того, что стремление к нравственному совершенствованию человека серьезно и искренно — оно начинается с первой ступени⁴⁰. Этого убеждения Толстой придерживался до самого конца своей жизни⁴¹.

Удивительно многие мысли трактата «Первая ступень» предвосхищены в этюде А. Н. Бекетова о питании человека (ср. выше с. 53—62). Понятно, почему как раз перед написанием «Первой ступени» Толстой дал Черткову совет перепечатать эту работу. Ведь и Бекетов возложил ответственность за упорное отстаивание мясного питания на современную науку — так же, как и Чернышевский, о чем Толстой не мог знать. С иными, более поздними, воззрениями Бекетова Толстой, правда, не мог согласиться. В своей статье «Нравственность и естествознание» (1891) Бекетов высказал мнение, что нравственность есть результат эволюции — положение, к которому Толстой относился отрицательно⁴².

Опубликовав «Первую ступень», Толстой продолжал проповедовать вегетарианство; он пропагандировал его, где только мог, он приветствовал основание вегетарианских обществ в России и в других странах (правда, он не вступил ни в одно из этих обществ). В 1903 г. в издательстве «Посредник» Толстой публикует собрание 250 высказываний философов, поэтов и ученых о вегетарианстве и воздержании: «Безубойное питание или вегетарианство. Мысли разных писателей»⁴³.

Там представлены Плутарх, Овидий, Руссо, Ламартин и многие другие. В 1906—1907 гг. эти тексты, тщательно переработанные, вошли в «Круг чтения» — известное собрание поучительных чтений на весь год. Под 21 февраля, 6 мая, 20 июня, 20 июля и 24 сентября здесь собраны литературные тексты, пропагандирующие сострадание к животным и отказ от мясного питания: тексты опять-таки Плутарха, Овидия (в стихотворном переводе А. И. Барыковой), Ламартина, Шопенгауэра и других, в том числе самого Толстого⁴⁴. Кроме того, на три запасных дня Толстой собрал под названием «вегетарианство» другие еще тексты, предусмотренные для первого издания «Круга чтения». Здесь представлены Сенека, Руссо и вновь Плутарх⁴⁵.

4. Эхо в России и на Западе

И. Перпер (1886—1965), будущий издатель «Вегетарианского обозрения», не случайно назвал статью Л. Н. Толстого «Первая ступень» «Библией вегетарианского движения в России»¹. Хотя это сочинение не задумывалось как произведение искусства, подобно как, скажем «Крейцера соната», а принадлежит в большей степени к ряду трактатов позднего Толстого, оно вызвало огромный резонанс. Прежде всего, конечно, среди друзей. Художник Н. Н. Ге писал Толстому в первой половине июня 1892 г.: «... прочел вашу “Первую ступень” с большою радостью. Это одна из сильных и красивых ваших вещей. Я ее уже успел прочесть себе и другим, и наверное на всех она производит одинаковое впечатление. Хорошо, очень хорошо»².

Были и «обращения» в вегетарианство: И. Перпер признался, что «сделался вегетарианцем после прочтения этого великого произведения, библии вегетарианства»³. Некий тридцатидвухлетний священник сообщает: «Первая ступень» Толстого «не только освободила меня от ложно привитой (<...>) с детства привычки есть мясо, но и заставила сознательно отнестись к другим вопросам жизни»⁴. К. Г. Греков рассказывал в 1914 г. о том, как эта брошюра изменила его жизнь⁵. В мемуарной литературе все время подчеркивается влияние, которое оказало это сочинение Толстого. Н. Гусев после прочтения «Первой ступени» стал вегетарианцем⁶. С. Полтавский, впоследствии один из секретарей Московского съезда вегетарианцев 1913 г., впервые узнал о существовании вегетарианства благодаря статье «Первая ступень»⁷. Исаак Теппер, родившийся на Украине в 1897 г., по собственному желанию перестал есть мясо в возрасте восьми лет. Его родители объясняли это сумасшествием, в которое он и сам верил до тех пор, пока не прочел Толстого⁸. Когда в 1920 г., во время гражданской войны, толстовец Яков Драгуновский был арестован за уклонение от военной службы, на допросе он заявил: «Представьте себе, я никогда не слышал о том, что есть люди, которые не едят мяса. Когда я в первый раз прочел брошюру Толстого “Первая ступень”, я сразу перестал есть мясо»⁹. Ведущий болгарский толстовец Христо Досев свидетельствует, что после появления болгарского перевода «Первой ступени» в 1902 г. вегетарианское движение в Болгарии испытывало

огромный подъем¹⁰. В Петербурге, сразу после выхода статьи в 1892 г., уже упоминавшийся в гл. III студент К. Н. Смирнов сделал попытку основать вегетарианский журнал под названием «Первая ступень»¹¹.

На Международном съезде вегетарианцев, который состоялся в 1900 г. во время Всемирной выставки в Париже, секретарь французского общества вегетарианцев Ж. Моран, вместо того чтобы держать речь, зачитал вслух отрывок из «Первой ступени». В 1906 г. Английское вегетарианское общество (National Vegetarian Society) послало Толстому благодарственный адрес со своего ежегодного конгресса. Когда в 1890-е гг. германское вегетарианское движение «сильно страдало от разрозненности двух главнейших обществ», Толстой — еще до появления трактата — подписал воззвание, способствовавшее основанию 7 июня 1892 г. в Лейпциге «Германского Вегетарианского Союза»¹².

В царской России «Первая ступень» заложила фундамент для развития вегетарианского движения¹³. П. И. Бирюков в своем выступлении на Монте-Верита в Асконе в 1916 г. назвал эту статью «Appell puissant de Leon Tolstoï». Распространение брошюры дало толчок к созданию первых объединений приверженцев вегетарианского образа жизни, сначала в Петербурге и Киеве, затем на Кавказе и Урале, в Туркестане и Сибири. В периодической прессе, как-то: в журналах «Наша пища», «Вестник общественной гигиены», «Русская жизнь», «Новое время», «Новости», но прежде всего — почти в пропагандистском тоне — в газете «Неделя» — начали печататься статьи и сообщения о вегетарианстве. К этим изданиям относится и ежемесячник «Книжки недели», в котором печатались, в частности, Л. Толстой, Н. Лесков и Вл. Соловьев. В нем было представлено весьма подробное, стройное изложение обсуждения статьи «Первая ступень» и высказано мнение, что «принцип воздержания» имеет довольно значительный действенный потенциал, ведь если массовый голод — это зло, то такое же зло являет наблюдаемое в высших слоях общества «самоотравление, вследствие образования от избыточной пищи прямо ядовитых веществ»¹⁴.

Однако другая часть русской публицистики подвергла авторов, выступающих за вегетарианский режим (Говарда Уильямса, А. Кингсфорда и А. Бекетова), насмешкам. Обсуждая русскую версию книги «The Ethics of Diet» («Этика пищи»),

журнал «Русское богатство» лишь вскользь упоминает о том, что введение к этой книге составляет трактат Л. Н. Толстого, и иронизирует над тем, что в ней проповедуется воздержание, в то время как то же самое издательство — «Посредник» — предлагает читателям книгу, содержащую 800 вегетарианских рецептов¹⁵. В 1893 г. в Петербурге выходит в свет брошюра П. Енько под заглавием «Зло вегетарианства», в которой автор — без упоминания статьи Толстого — критически рассматривает аргументы вегетарианцев, обвиняет их в лицемерии, ссылаясь на то, что вегетарианцы носят обувь из кожи и защищают поля от вредителей и тем самым дескать тоже участвуют в убийстве животных; вдобавок говорится, что воздержание практикуется ими несерьезно: ведь уже существует вегетарианская гастрономия...¹⁶

Разумеется, публикация «Первой ступени» вызвала большой интерес и на Западе. Уже в год оригинальной публикации эссе было напечатано в немецком переводе Вильгельма Хенкеля «Die erste Stufe»¹⁷; вторично статья вышла на немецком языке в 1893 г. в новом переводе, теперь уже под заглавием «Die erste Sprosse» (илл. 2)¹⁸. Второй вариант перевода названия статьи является оправданным, поскольку первоначально статья Толстого называлась «Лестница добродетелей», а позднее — «Первый шаг добродетелей»¹⁹. Уже в 1891 г. трактат Толстого вышел на датском языке в переводе Петра Готфридовича Хансена²⁰. Первая английская версия статьи была напечатана в 1896 г. в № 4 журнала «The Vegetarian Review», следующая версия — в 1899 г. в № 7 журнала «The Vegetarian Messenger»²¹, третья версия — в Leo Tolstoy, «Essays and Letters», transl. Aylmer Maude, New York 1909, и четвертая — в 1937 г.²². На польском языке статья Толстого была опубликована в 1907 г., затем в 1911 г.²³; на чешском — в 1908 и 1924 г.²⁴. Довольно странный подход к тексту Толстого встречаем в последнем издании этого очерка на немецком языке, которое было осуществлено Кристианом Бартольфом в 1996 г.²⁵: на четвертой странице обложки заявлено, что речь идет о «до сих пор не публиковавшемся оригинальном тексте Толстого (1828—1910)» (курсив мой. — П. Б.), однако в предисловии говорится о том, что статья Толстого не публиковалась на немецком языке с 1931 г. (с. 10). Наконец, на с. 89 читатель узнает, что в последний раз текст издавался в 1931 г. в Лорхе (Вюрттемберг). При всем том, версия, которая легла в осно-

ву издания Бартольфа, — перевод под названием «Die erste Sprosse», вышедший в 1893 г.

В литературоведческих исследованиях на Западе этому сочинению Толстого до сих пор уделялось мало внимания. Весьма взвешенное исследование на английском языке принадлежит Р. Ф. Кристиану (1993)²⁶. Менее убедительной, напротив, является статья о вегетарианстве Толстого, опубликованная в 1997 г. Рональдом Лебланком: «Tolstoy's Way of No Flesh: Abstinence, Vegetarianism, and Christian Physiology». Автор этой статьи утверждает, что в трактате Л. Толстого «Первая ступень» речь вообще идет не о вегетарианстве. Лебланк делает попытку объяснить вегетарианство Толстого прежде всего через «антисексуализм» — в совершенно преувеличенных тонах, что, впрочем, сегодня модно. Он проводит многочисленные параллели с «Крейцеровой сонатой» и указывает на то, что Толстой, в записи из дневника за 1889 г., хвалит американских шейкеров за их сексуальное воздержание²⁷. Между тем в «Первой ступени» «плотская любовь», или «похоть», упоминается всего дважды и лишь в общем контексте: Толстой убеждает, что к «основным похотям» относятся «обжорство, праздность и плотская любовь». О том, что последняя производима мясоедением, нигде не говорится (хотя вплоть до недавнего времени врачи неустанно заверяли, что при ведении вегетарианского образа жизни существует угроза потери потенции). Сочинение Толстого — призыв к воздержанию и к простой жизни; в этом смысле старания Лебланка «развеять традиционный миф о его [Толстого] вегетарианстве как “этическом” или “философском” по своей природе»* — необоснованны²⁸. Мотивы любви к животным, сочувствия и ненасилия пропихивают все эссе, в том числе его «общую часть» — там, где осуждению подвергается богатый завтрак «из убитых животных, птиц, рыб», а в начале «тульской части» затрагивается проблематика охоты.

В довершение всего, Лебланк утверждает, что Толстой, «по всей видимости, воздерживался от мясной пищи в своем рационе не вследствие обеспокоенности здоровьем»**, и в доказательство обильно цитирует высказывания С. А. Толстой

* «To demythologize this traditional view of his vegetarianism as being essentially 'ethical' or 'philosophical' in nature».

** «Seems to have abjured the use of meat in his diet not on the basis of any health concerns».

и других о «возможных» негативных последствиях отказа от мяса для здоровья писателя. Но автор упускает из виду указание в тексте Толстого на миллионы «людей сильных, легких, здоровых, много работающих на одном хлебе»; он не учитывает также более поздние признания самого Толстого, до и после 1891 г., свидетельствующие о его хорошем самочувствии при простом рационе питания. Точно так же несостоятельны уверения Лебланка в том, что Толстой придерживался мнения, согласно которому «one should strive as much as possible to remove all pleasure from the act of eating». В более позднее время Толстой не раз решительно высказывался против аскетизма как такового, в том числе и против пассивного религиозного аскетизма²⁹; существует много свидетельств, доказывающих, как много удовольствия он умел найти в «простой» еде и насколько он радовался жизни³⁰. «Человеку, — писал Толстой в 1895 г. своему младшему сыну Михаилу, тогда еще шестнадцатилетнему, — дана радость пищи — вкуса, развивающегося от труда и воздержания. Корка черного хлеба съедается с бóльшим наслаждением, если голоден, чем ананасы и трюфели, и человек устраивает себе жизнь так, что никогда не голоден, и пряной, жирной, искусствен(ной) пищей портит себе вкус и часто совсем лишается всякого удовольствия от еды...»³¹.

Как подчеркивает Х. Й. Тойтеберг, Эдуарду Бальцеру, одному из основателей вегетарианского движения в Германии, тоже часто ставили в упрек, что вегетарианцы — сторонники абсолютного отказа от всех наслаждений; на самом деле «для него все заключалось в достижении более осознанного отношения к благосостоянию», и «нет сомнений в том, что сегодняшняя критика чрезмерного потребления товаров в обществе изобилия имела некоторых важных идейных предшественников»³². То же самое и с тем же основанием можно отнести к Л. Н. Толстому.

5. Что говорит православная церковь?

Л. Н. Толстой был отлучен Синодом от церкви в 1901 г. Девятью годами ранее его имя было весьма значимо для русской православной церкви: высказывания Толстого не могли быть оставлены без внимания. Всего лишь через несколько недель после выхода в свет «Первой ступени» духовенство не преминуло подробно (на полутора печатных листах) выразить свою позицию по отношению к этому эссе. В журнале «Чтения в обществе любителей духовного просвещения» появилась статья, озаглавленная «Граф Л. Н. Толстой как проповедник христианских добродетелей воздержания и поста». В ней священник Сергей Розанов подверг тезисы Толстого резкой критике¹. Во вступлении автор заметил, что новое сочинение графа Л. Н. Толстого заслуживает внимания духовной печати, поскольку Толстой проповедует христианские добродетели воздержания и поста отнюдь не в том духе и не в той степени, как это делает православная церковь. Это якобы очевидно уже из того, что «заключительным результатом рассуждений гр. Толстого является решительная проповедь вегетарианства», ибо он радостно приветствует рост этого движения в последние 10 лет.

В первой части рецензии С. Розанов дает довольно детальное и вполне объективное изложение тезисов Толстого²; вторая часть посвящена их обстоятельному критическому разбору³. По мнению рецензента, тщательный анализ показывает, что в «Первой ступени» речь идет о добродетелях далеко не христианских. Статью Толстого в целом С. Розанов оценивает как решительное извращение начал и порядка истинной христианской нравственной жизни: «христианская благодатная жизнь» подменяется здесь исполнением плотских дел закона Моисеева (в смысле издавна осуждаемой церковью ереси иудействующих). Воздержность в духе Толстого автор толкует как добродетель чисто внешнюю, ведь «в сущности, для христианина пища является предметом довольно безразличным». Далее следует цитата из 1-го послания к Коринфянам (I Кор. 8, 8): «Пища не приближает нас к Богу: ибо едим ли мы, ничего не приобретаем, не едим ли, ничего не теряем»⁴. Церковь предостерегает от гордыни воздержания: «Телесный пост становится христианской добродетелью только тогда, когда выполняется верующим в сыновнем послу-

шании Церкви, устанавливающей его в известные времена и сроки». Следовательно, — заключает автор рецензии, — телесное воздержание в форме поста само по себе не может быть первой ступенью нравственной христианской жизни. Разумеется, требование правильной последовательности добрых качеств имеет определенное значение и для христианина, но значение это не есть главное и основное, как у гр. Толстого, а второстепенное⁵. Христос освободил нас от рабства стихиям мира и даровал нам свободу детей Божьих, дабы мы на основе ее стали братьями друг другу и властителями всей твари⁶. Здесь содержится отсылка к завету «и наполняйте землю, и обладайте ею» (Быт. 1, 28), который нередко служит оправданием употребления мяса.

По всей видимости, — пишет С. Розанов, — Толстой считает упование на христианское спасение через веру прямо вредным для успехов доброй жизни, так как оно якобы парализует в человеке энергию и серьезность его стремления к совершенству. «Когда и где православная Христова Церковь учила, что спасение верующего совершается благодатию Божией *помимо* его личных усилий к совершенству?» — спрашивает автор рецензии. Конечно, если сводить христианскую нравственную жизнь к стихийным и плотским добродетелям, то, очевидно, нет нужды и в божественной благодати.

Впрочем, христианин не должен, говорит Розанов, мечтать о наступлении того времени, когда усилиями людей мир превратится в рай, в котором не будет никакого страдания. Христианин должен бороться со злом, но не для устроения на земле чувственного рая, а для воспитания себя к блаженной вечности.

Что касается вегетарианства, то «с безусловной точки зрения, говоря отрешенно от условий действительности, принцип вегетарианства вполне истинен»⁷. В царстве Божием вкушение мяса совершенно упразднится⁸, как и многие [другие] условия настоящей жизни. «Но царство Божие явится последним результатом истории мира благодаря главным образом всемогуществу Господа, а не одним только личным усилиям человечества. <...> Вследствие катастрофического окончания истории мира, царство Божие является для нас таким высочайшим идеалом, к достижению которого мы должны напрягать все свои силы, но который не может быть окончательно достигнут одними нашими усилиями. <...>

Вкушение мяса, — продолжает автор, — есть результат человеческой немощи. Оно явилось уже в греховном состоянии человека как результат расслабления грехом его телесной жизни. В раю не было места вкушению мяса животных. Бог только попустил людям вкушать мясо, только снисходительно стал до времени терпеть эту слабость человека». Здесь, разумеется, автор ссылается на 1-ю книгу Моисея (глава 9) и на Завет Бога с Ноем (впрочем, там ни словом не упоминаются «слабость» и «немощь» человека).

Подобного рода снисхождением должны быть проникнуты и рассуждения моралиста о нравственном достоинстве вкушения мяса. «С неизбежным злом, устранение которого не вполне в наших руках, поневоле приходится мириться. В данном же случае зло и совсем не сильно. Хотя переход от растительной пищи к животной совершился (...) под влиянием ослабления грехом его [человека. — П. Б.] телесной жизни и потребности для укрепления тела в более питательной пище, тем не менее, пища сама по себе безразлична в нравственном отношении, не приближает нас к Богу»⁹. Употребление животной пищи греховно не само по себе, «а в соединении с страстью плотского невоздержания. С такой относительной точки зрения представляется более здравым и практичным церковное ограничение вкушения мяса животных», а именно — требование воздерживаться от него в известные дни и сроки. «Вегетарианство же гр. Толстого — чистейшая сентиментальность».

Помимо этого, вегетарианство Толстого, — утверждает С. Розанов, — связано с отторжением плодотворных начал культурной и цивилизованной жизни, а также с воспеванием простоты и безыскусственности народного быта, которые, между тем, отнюдь не представляют какой-либо высокой ценности.

Статья С. Розанова представляется убедительной — в рамках христианских верований во спасение. Рецензенту даже ведомо божественное усмотрение относительно питания в царстве Божием: там «восторжествует истина и правда, вкушение мяса совершенно упразднится, как упразднятся и весьма многие условия настоящей жизни и действительности». При этом, однако, важные пункты доводов Толстого Розановым не затрагиваются — например, вопрос о жестоком обращении с животными как поведении, не достойном человека; хотя здесь можно было бы сослаться на слова «Да страшатся и трепещут

вас все звери земные, и все птицы небесные, все, что движется на земле, и все рыбы земные; в ваши руки отданы они. Все движущееся, что живет, вам будет в пищу; как зелень травную даю вам все» (Быт. 1, 9: 2).

Тремя годами позже православная церковь вновь высказалась по вопросам потребления мяса. На этот раз ее позицию определил архимандрит Тихон (Белавин), который позже станет первым патриархом русской церкви (1917—1925) после ее «вавилонского плена», длившегося со времен Петра I. В 1895 г. он опубликовал статью «Вегетарианство и его отличие от христианского поста». Во времена господства плоти, пишет святитель Тихон, приятно слышать голос в пользу поста, раздавшийся из мира светского. Уже в середине нынешнего века [XIX в.] в Англии, а затем и других странах возникают целые общества вегетарианцев, и с тех пор движение вегетарианское все более набирает силу. Тихон упоминает о данных из анатомии, органической химии, физиологии, медицины, экономики и, наконец, о нравственных соображениях, которые приводятся в защиту вегетарианства. К сожалению, замечает Тихон, цели вегетарианцев утопичны, если они связывают с переходом к чисто растительному питанию наступлениерая на земле. Церковь и благочестивые церковные деятели, по его мнению, мудрее: они знают, что одним воздержанием этого не достичь. Они также знают, что нельзя предписывать *для всех всегда* одинаковый пост. Тихон называет многих святых — от Апостола Павла (Римл. 14), св. Макария Великого, Спиридона Тримифунтского, Нила Сорского и до новейшего времени, — которые либерально относились к нарушению запрета на мясо. Согласно Тихону, не должно осуждать вкушение мяса в дни, в которые Святая Церковь его допускает. После потопа, когда человек грехом навлек проклятие на землю и «растительная пища оказалась недостаточной для рода человеческого», сам Бог разрешил людям употребление мясной пищи. Разумеется, от жестокости убийства животных, от вида мучений, испытываемых животными, становится жутко даже привычным людям; в трудах вегетарианцев эти мучения подробно описываются: Тихон называет «Научные основания вегетарианства» [Anna Kingsford]¹⁰ и «Этику пищи» [Howard Williams]; автор, несомненно, имеет в виду и Толстого. «Сострадание, конечно, чувство в высшей степени почтенное, но только в том случае, если оно носит трезвый и здравый характер, а

не ложный и сентиментальный». Индийцы, — добавляет Тихон, — устраивают госпитали для кур и голубей и в то же время допускают, чтобы парии умирали от жажды... Не совсем справедливо и утверждение некоторых защитников вегетарианства (здесь названы Глейзе, Мишле, Гольц и Говард Уильямс), согласно которому «животные совершенно *однородны* с человеком и в физическом, и в нравственном отношении». «Один вегетарианец» якобы спросил: «Неужели души всех животных смертны?» («Этика пищи», с. 346). «Эти материалистические тенденции очень вредят чистоте вегетарианского учения, и нельзя не пожалеть, — резюмирует автор, — что вегетарианцы вместо того, чтобы вести дело проповеди своих идей в союзе со Святой Церковью и в духе учения Христова, предпочитают черпать подкрепление своим воззрениям из мутных кладезей ложных учений».

Совершенно очевидно, что статья архимандрита Тихона, вышедшая в 1895 г., была ответом, не в последнюю очередь, на «Первую ступень» Толстого. С 1993 г. она не раз перепечатывалась, а в 1998 г. воспроизведена в очередной раз в брошюре, изданной по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Об этом пойдет речь в главе X.

6. Вегетарианство-веганство Толстого и его семья

Со времени сочинения «Первой ступени» вегетарианство окончательно становится привычной частью жизненного уклада Толстого. Некоторые из членов семьи, насчитывавшей тогда 13 человек, последовали его примеру. Это прежде всего дочери Таня (1864—1950) и Маша (1871—1906), а также сын Лев (1869—1945). Последний — по его собственным словам, убежденный вегетарианец — 19 апреля 1903 г. прочитал в Санкт-Петербургском вегетарианском обществе доклад на тему «Реформа питания»¹; в книге «Моя гигиена» (Москва, 1904)² он даже выступил как «веганец» и в то же время как сторонник совместного обучения мальчиков и девочек³. Однако Софья Андреевна вместе с другими членами семьи осталась при традиционном режиме питания. Этой семейной констелляцией объясняется то обстоятельство, что письма, дневники и воспоминания Толстых содержат многочисленные высказывания по основным вопросам вегетарианства, «веганства» и сыроедства и немало замечаний об отношении к «мясоедному» окружению. Особенно часто такого рода вопросы обсуждаются в дневнике Софьи Андреевны с 1891 по 1910 год (свыше 650 страниц), в дневниках самого Толстого после 1891 года⁴, в переписке обоих супругов, а также в записках Д. П. Маковицкого (с 1904 по 1910 гг.).

Совершенно очевидно, что Софья Андреевна страдала от этого раскола в семье. «Вегетарианство внесло осложнение двойного обеда, лишних расходов и лишнего труда людям»⁵ (запись в ее дневнике в середине января 1895 г.). В ее высказываниях нередко встречаются сетования и опасения, иной раз не без доли сарказма: «Говорили за чаем о еде, о роскоши, о вегетарианстве, которое все проповедует Левочка. Он рассказывал, что в расписании кушаний вегетарианских в немецкой газете назначено на обед: хлеб и миндаль. Наверное, проповедующий это исполняет *régime* так же, как Левочка, проповедующий в “Крейцеровой сонате” целомудрие»⁶ (запись от 6 марта 1891 г.).

Именно из высказываний, свидетельствующих об отношении Софьи Андреевны к вегетарианству, можно заключить, насколько сильное влияние на мнения несведущей публики оказывали тезисы о вреде отказа от мясной пищи, авторитетным тоном высказывавшиеся врачами. (Как мы помним, в

свое время на это уже обращали внимание Бекетов и Чернышевский). 9 июня 1891 г. Софья Андреевна записывает: «Вчера и сегодня он шил себе башмаки; по утрам он пишет свою статью, питается очень дурно, ни молока, ни яиц, ни кумыса не пьет. Набивает желудок хлебом, грибным супом и кофе, ржаным или же цикорным. (...) Сегодня я думала о нем: мне радостно было бы видеть его здоровым — он портит себе желудок самой вредной (по словам доктора) едой»⁷. Запись от 26 июля 1897 г.: «Лев Николаевич все не совсем здоров. Его вегетарианская пища его недовольно питает»⁸. Запись от 28 февраля 1898 г.: «Сегодня за обедом я с ужасом смотрела, как он ел: сначала грузди соленные, слепившиеся оттого, что замерзли; потом четыре гречневых больших гренка с супом, и квас кислый, и хлеб черный. И все это в большом количестве. Я ем теперь с ним одну пищу, т. е. все постное по случаю великого поста, и все время у меня дурное пищеварение, а я ем вдвое меньше. Каково же ему, шестидесятидевятилетнему старику, есть эту *не питательную, дуящую его, пищу!*» [курсив мой. — П. Б.]⁹. Балластные вещества тогда еще не были известны медицинской науке¹⁰.

Дабы «спасти» Толстого, нередко прибегали к обману, ведь с 1892 года он временно перешел с лактоововегетарианства на «веганство». [ср. ниже с. 112]. 20 июня 1898 г. Софья Андреевна сообщает: «Ел он сегодня овсянку, рисовую кашу на миндальном пополам с простым молоком (*обманом*) и яйцо, которое, после трех дней, уговорил его съесть доктор Вестерлунд»¹¹ [курсив мой. — П. Б.]. 21 июня: «Начал есть, в виде лекарства, по совету Вестерлунда, по яйцу в день, и ему это неприятно, но слабость и немощь тоже неприятны»¹². Своей сестре Т. А. Кузминской она пишет 2 декабря 1899 г.: «Ты спрашиваешь, отчего Левочка заболел, милая Таня? Да много можно найти причин. (...) Еще оттого, что слишком торопливо и усидчиво работал над “Воскресением”; еще оттого, что выдумал есть всякий день огромное количество гречневой каши. И вот, раз, наевшись через меру, у него сделались адские боли. (...) Лекарства не хочет принимать, — где уговором, где обманом. Вегетарианство тоже бросать не согласен, а чем же поправить упавшие старческие силы?»¹³ Запись от 4 января 1902 г.: «... иногда невыносимо с его упрямством, самодурством и полным отсутствием знания медицины и гиги-

ены. Например, доктора велят есть икру, рыбу, бульон, а он вегетарианец и этим губит себя»¹⁴.

14 января 1902 г.: «Здоровье Льва Николаевича не поправляется. Надо бы совершенно переменить пищу, но упорный, независимый и, не в обиду будь сказано, страшно упрямый характер великого человека [! — П. Б.] не склонится ни за что на питание рыбой и курицей, как ему советуют, и будет есть морковь и цветную капусту, как сегодня, и страдать от этого»¹⁵.

Особым огорчением для Софьи Андреевны было то, что и ее дочери, а также племянницы Толстого перешли на вегетарианство. 24 февраля 1898 г. Софья Андреевна пишет: «Было письмо от Сергея Николаевича [брата Л. Н. Т., 1826—1904. — П. Б.]. Вера, его дочь, кажется, больна чахоткой. Еще одна жертва принципов Л. Н.! Она недоедала, слабела <...> и вот и она, и наша Маша погибают от болезни и слабости, от вегетарианства и переутомления. Я всегда предупреждала их, особенно Машу, что нет у них сил вынести болезнь, если она придет. Так и вышло»¹⁶. Запись от 28 января: «Сегодня известие от Маши бедной, что ребенок опять в ней умер и она лежит с схватками, грустная, огорченная обманутой надеждой, как и Таня. Мне все время плакать хочется и ужасно, ужасно жаль бедных моих девочек, изморенных вегетарианством и принципами отца. Он, конечно, не мог предвидеть и знать того, что они истощаются пищей настолько, что не в состоянии будут питать в утробе своих детей»¹⁷. Очевидно, Софья Андреевна запаматовала, что у нее самой было трое мертворожденных детей. Уже 5 ноября 1893 г. она сожалела: «Злые духи овладели человеком, которого я люблю, но он не замечает этого. <...> И вот сын его гибнет [С. А. имеет в виду Льва Львовича, который часто болел. — П. Б.], и дочери гибнут, и гибнут все, прикасающиеся к нему»¹⁸. Даже сам Толстой впадает в сомнения, когда Таня в 1903 г. в Риме родила мертвых близнецов: «Но я не удовлетворен тем, что не объяснена смерть первого. Ведь не от потери белка же?»¹⁹ Однако в 1905 году Таня родила здорового ребенка — дочь Татьяну.

Вегетарианство Тани и Маши (а позднее и Александры, родившейся в 1884 г.) Софья Андреевна расценивает как их жертвы отцу: «Он [Л. Н.] чувствовал себя счастливым, поработив три женские жизни: двух дочерей и мою. Мы ему писали, ухаживали за ним, заботились усердно об очень сложном

и трудном подчас при нездоровье — вегетарианском питании...». Эта запись относится к 4 сентября 1897 г.²⁰ А немногим позже, 30 сентября, она жалеет мужа в связи с тем, что Таня уехала в Крым: «Сколько лет он проводил свои тихие осенние месяцы с своими дочерями: они служили ему, они писали ему, они вегетарианствовали...»²¹.

Вегетарианский режим питания кажется ей таким сложным в силу того, что она считает необходимым и возможным компенсировать вред, якобы причиняемый здоровью вегетарианством, большим разнообразием пищи и ее количеством. Продукты действительно были дорогими, так как для Толстого выписывали малодоступные тогда южные плоды — апельсины, финики, миндаль²². Он ел их с удовольствием, но не считал обязательно нужными. 6 мая 1898 г. он пишет жене: «Я совершенно здоров. Напрасно ты присылаешь эти горы провизии»²³. В записках писателя Ивана Наживина, не раз гостившего в Ясной Поляне с 1901 по 1910 г., находим следующее описание положения в семье:

Иногда случалось мне заставить Льва Николаевича за обедом, когда графини не было дома. Обыкновенно в таких случаях я находил перед ним гречневую «размазню», печеную картошку или репу, хлеб. Графиня дома — и перед стариком цветная капуста зимой, необыкновенные пуддинги, два лакея в белых перчатках и пр. И графиня жалуется, как тяжело ей вегетарианство мужа: что же можно изготовить в деревне порядочного, а особенно зимой, если не есть мяса, дичи, рыбы? Ей и в голову не приходит, не может придти, не может войти мысль, что и ему, действительно, приятнее есть размазню, чем диковинный пуддинг, и печеную репу, чем цветную капусту под изысканным соусом. Да и что в этом удивительного, когда даже друзья его, когда он ехал с ними куда-нибудь, брали для него билет не в 3 классе, как ему это было приятно, а во 2, т. е. подавали ему опять ту же цветную капусту под сложным соусом? А он хочет пареной репы... Софья Андреевна, угощая его цветной капустой, хочет только одного: чтоб ему было лучше. И они, друзья, также искренно хотят того же. И она, далекая, и они, «близкие», не хотят понять, что это «лучшее» на их языке и на его языке совсем не одно и то же...²⁴.

Вопрос Софьи Андреевны (что же можно приготовить приличного, если не мясо, дичь или рыбу?) — не столь удивителен, если принять во внимание то, что в ресторанах до сегодняшнего дня овощи и картофель предлагают скорее в качестве «добавки» или «гарнира». Ее тревогу можно объяснить,

правда, и тем, что Толстой в самом деле еще с молодости много страдал от болей в желудке и кишечнике: Софья Андреевна зачастую сводила *post hoc* к *propter hoc*. К тому же Толстой — учитывая, что, с одной стороны, он обладал хорошим аппетитом, с другой стороны, практиковал тяжелый физический труд, — предпочитал большие порции. «Перед отъездом он с жадностью вдруг напустился на вареники, виноград, грушу, шоколад. Было 6-ое рождение Андрюши и всякие угощения. Теперь идет так: чуть поправится, все истратит невоздержанием в еде и движениях»²⁵. Толстой проповедовал воздержание в еде, требуя того же от самого себя, и, в общем, соблюдал этот принцип, — правда, удавалось ему это не всегда. В письме к Софье Андреевне от 11/12 мая 1900 г. он сообщает: «Я совсем здоров. Беда моя только в том, что ем за троих»²⁶. Или сравним запись в дневнике от 5 мая 1909 г.: «Ел лишнее — стыдно»²⁷.

В мае 1892 г., после появления в печати «Первой ступени», вопросы питания начинают обсуждаться как никогда остро. В этот период Толстой попадает под влияние «интересного гостя», семидесятилетнего шведа Абрама фон Бунде, и некоторое время пытается жить так, как те, кого мы сегодня называем веганцами, и даже как сыроед²⁸. Фон Бунде был богатым коммерсантом и владельцем домов. Раздав свое богатство до копейки бедным, он стал вести бродячую жизнь и призывать к крайнему опрощению. Фон Бунде прожил тридцать лет в Америке и впоследствии странствовал по Дальнему Востоку. Толстой пишет о нем Софье Андреевне: «Он немного на меня похож, проповедник жизни по закону природы. (...) Он вегетарианец, без молока и яиц, предпочитая всё сырое, ходит босой, спит на полу...»²⁹. А в письме от 16 мая 1892 г., сравнивая «оригинального» шведа с пророком Иеремеем, он замечает: «Вегетарианство, если только оно не имеет целью здоровье, всегда связывается с высоко нравственными взглядами на жизнь. Это нескромно, но я пишу это не для тебя или себя, а для него»³⁰. Толстой ставит себе в укор собственный образ жизни, ведь он не питался одними фруктами, овощами и лепешками «из зерна толченого, а не молотого», и не пил только воду, как это делал швед; к тому же он не отказывался от чая и даже от ячменного кофе. Однако вскоре ему пришлось оставить попытки подражать этому шведу — из-за чувствительного желудка. Впоследствии Толстой вернулся к

лактоововегетарианству, причем старался обойтись без молока, готовил себе овсяную кашу на воде, а яйца ел только тогда, когда на том настаивали врачи. Очень наглядное и вряд ли широко известное описание приготовления овсяной каши оставил электротехник Ульрих Шооп из Цюриха, посетивший московский дом Толстых в 1895 году:

...Тотчас слуга в черной ливрее, тот самый, что внизу принял наши пальто, принес маленькую спиртовку вместе со спичками и довольно большую жестяную коробку. Граф, рассказывая между тем о своем образе жизни, зажег спиртовку и стал заваривать кашу [tut über], т. е. налил воду в кастрюльку и прибавил столовую ложку овсяной муки, взятой из таинственной жестяной коробки. «Вы, наверное, удивитесь, если я Вас заверю, что моя пища обходится мне всего примерно в 4 копейки в день; но это действительно так».

Мне кажется, я всё еще вижу его перед собой, здорового, остроумного человека со специфически русским, отталкивающим лицом, — человека, моральные проповеди которого отнюдь не результат потери сил; вижу, как он с ложкой, время от времени пробуя варево, стоит перед маленькой спиртовкой и рассказывает приятным голосом, что, конечно, овсяная мука стоила бы ему гораздо дороже, если бы ему надо было ее покупать; но он ведь счастлив тем, что сам сеет овес в поле... <...> «Вы обязательно должны отведать моей овсянки», — говорит он и без обиняков ставит передо мной тарелочку, до краев наполненную приятно пахнущей овсянкой. У этой «affsianki» был только тот недостаток, что она была слишком горячей. Я весь обратился в слух, когда граф заговорил о плохих обычаях, о дьявольской троице — вине, женщинах и пении, — а потом о вредном питии чая и курении, — с последним он давно распрощался. Потом он продолжил разговор о еде, заметив, что уже годами пища его состоит только из свежих и сухеных фруктов, овсянки и хлеба, и все это продукты, выращенные в Ясной Поляне. Именно строгой диете и чисто вегетарианскому образу жизни он приписывает заслугу своего избавления от долголетнего, очень мучительного заболевания почек и то, что его общее состояние теперь гораздо лучше, чем прежде.

Графиня, сперва не присутствовавшая за столом, вошла в зал во время разговора и теперь принимала в нем живое участие. Она, похоже, была разгневана на вегетарианство и утверждала, что одна из ее дочерей стала страдать анемией только вследствие этой «ненатуральной, безмясной» пищи, прибавив, однако: «Надо признаться, граф чувствует себя гораздо лучше, чем раньше, но, хотя вегетарианский образ жизни, может, и полезен старым людям, для молодых это вовсе дурно»³¹.

Для Толстого этическая мотивация всегда была на первом месте. 28 марта 1894 г. его посетил писатель Ф. Ф. Тищенко. Во время беседы гость сказал, что нервы его расстроены со времени сибирской ссылки. Толстой спросил: «Мясо едите?» Тищенко ответил: «Нет. — Почему? — По соображениям гигиеническим: оно меня раздражает. (...) Лев Николаевич кивнул головой в знак согласия. Но я почувствовал, что мой ответ не совсем понравился ему: ему было бы приятно слышать, что я не ем мяса по этическим соображениям. И он сказал: — А я вот недавно перестал есть молоко и яйца и чувствую себя от этого еще лучше»³². С годами принципиально-этическая позиция Толстого становится все более жесткой. И. Е. Репин во время своего посещения Ясной Поляны в сентябре 1907 г. рассказал ему, что не ел мяса два с половиной года, а теперь иногда ест. Толстой удивился: «Как можно иногда есть мясо?»³³

Кроме соображений гуманности (защита животных), в этическую мотивацию Толстого входил и социальный компонент. Радикальность его требований опрощения и самоограничения может вызывать у нас удивление, но нельзя забывать о том, какова была окружающая его действительность. Ему казалось невыносимым то, что в господском доме столь много хлопочут о как можно более изысканном и рафинированном столе, в то время как кругом царят крайняя бедность, а порой и голод. Ситуация отчасти была подобна нынешней: в супермаркетах промышленно развитых стран полки переполнены вкусным кормом для собак и кошек, в то время как в странах «третьего мира» тысячи людей ежедневно умирают от голода. Разница заключается только в том, что нужда, в отличие от нашего времени, не была так отдалена, не была столь безлично представлена на экране телевизора, — с ней сталкивались воочию изо дня в день.

Толстого возмущало то, что выражение «посадить на хлеб и воду» считалось обозначением самого жестокого наказания³⁴. Ведь «человек может питаться одним хлебом и быть довольным, а может человек обедать шесть блюд и ничего не работать и быть недовольным своей судьбой»³⁵. В переписке Толстого не раз встречается выражение «анковский пирог». Так называли воздушный сладкий пирог, который пекли по рецепту дружного с Толстыми доктора медицины, профессора Николая Богдановича Анке; это название со

временем стало символом праздной, благополучной жизни и вошло в состав семейного языка³⁶.

С апреля по июнь 1892 г. Толстой организовал в Рязанской губернии деятельную помощь голодающим мужикам. В Бегичевке были обеспечены едой 48 человек: раздавали ржаной хлеб, «щи без мяса, слегка приправленные постным маслом (...) похлебку картофельную; или же горох, пшеничную кашу, овсяный кисель, свекольник. Обыкновенно по два блюда на обед и два на ужин». Поддерживали Толстого в этой работе, кроме жены, также четыре вегетарианца: его дети Таня, Маша и Лев, а также племянница Вера Кузминская. То, что пища, розданная голодающим, была безмясной, вероятно, не следует приписывать только царящей нужде³⁷. В общей сложности Толстой организовал в этой губернии 212 столовых³⁸.

Богатую информацию о вегетарианстве в семье Толстых можно найти у Душана Петровича Маковицкого (1866—1921). О нем здесь нужно сказать подробнее. Его «Яснополянские записки» являются единственным в своем роде источником, повествующим о последних годах жизни и творчества писателя. Д. П. Маковицкий — врач из Словакии — первый раз гостил в Ясной Поляне одну неделю в 1894 г. и впоследствии несколько раз бывал у Толстых. С конца 1904 г. по октябрь 1910 г. Маковицкий был домашним врачом Толстых. В течение этих шести лет он — с ведома Толстого — вел скрупулезно точный дневник, в котором летопись жизни велась не по дням, а по часам — сперва на словацком, а позже на русском языках: он записал множество высказываний Толстого и несметное число разговоров; здесь можно найти многочисленные нигде более не засвидетельствованные суждения Толстого; здесь довольно часто встречаются и замечания о текстах, прочитанных Толстым. Таким образом, Маковицкий стал кем-то вроде Эккерманна Толстого; кстати, об Эккерманне и его отношении к Гёте говорится и в самих «Записках»³⁹.

Разумеется, эти записки не могут выдержать сравнения с точностью магнитофонной записи, но в них проявляется сознательное старание быть правдивым и искренним: то, за достоверность чего Маковицкий не мог ручаться, в текст записок не включалось. Дневник Маковицкого включает в себе своего рода хронику потока посетителей Ясной Поляны в последние годы жизни Толстого; в нем зафиксированы многочисленные разговоры Толстого с такими видными деятелями,

как И. И. Мечников, Л. Н. Андреев, М. В. Нестеров, И. Е. Репин, Паоло Трубецкой, Т. Г. Масарик и многими другими посетителями — прежде всего из англоязычных стран. В этих записках содержатся также отчеты о просителях, мужиках и нищих, появлявшихся в Ясной Поляне почти ежедневно. Кроме того, записки содержат много воспоминаний Толстого о современниках, с которыми он встречался в ранние периоды своей долгой жизни — А. И. Герцене, Н. А. Некрасове, И. С. Тургеневе, Ю. Ф. Самарине, А. С. Хомякове и др.

Некоторые части «Записок» Маковицкого были опубликованы уже в начале двадцатых годов, а в 1979 г. вышло полное издание в четырех томах под названием «У Толстого 1904—1910. Яснополянские записки Д. П. Маковицкого»⁴⁰. Во вступлении к этой книге, написанном В. Ф. Асмусом (20 страниц!), перечисляются многие темы, которые освещаются в записках. Однако нигде не упоминается о том, что в дневнике Маковицкого затрагиваются вопросы питания и вегетарианства⁴¹; между тем в четырех томах текста (в сумме свыше 2000 страниц) насчитывается более ста мест, где речь идет о вегетарианстве и о мотивах отказа от мясного питания, где обсуждаются философские, религиозные и этические проблемы, связанные с «безубойным» питанием, вопросы здоровья и медицины, употребления алкоголя и табака, а также обхождения с домашними животными и со зверями на воле, охоты и сельского хозяйства. Рассказы Маковицкого дополняют дневники самого Толстого и Софьи Андреевны. Последние (так как речь в них идет преимущественно о вегетарианстве) мало информируют о беседах, которые велись в Ясной Поляне, но довольно подробны в изложении того, что именно ел Толстой и каковы были диетические предписания его врачей⁴². Подробны также записи о продуктах, доставляемых Софьей Андреевной для мужа: «Очень стараюсь питать его получше, но трудно: вчера заказывала ему и спаржу, и суп легкий пюре, а все-таки сегодня ему нехорошо»⁴³.

У Маковицкого — гораздо большее разнообразие тем. Приведем выборку его записей о вопросах вегетарианского образа жизни (примечания в квадратных скобках мои; цифры в круглых скобках указывают на том и страницу «Записок». — П. Б.):

21 апреля 1907 г.: «Л. Н. сказал, что в народе строго соблюдаются посты, и вычислил, что целую половину года пос-

тятся (четыре поста: Великий, Петровский, Успенский и Филипповский — 24 недели: потом 56 сред и пятниц и несколько праздников — 184 дня).

Софья Андреевна заметила, как они, пока Л. Н. был православным, соблюдали посты. Всю Страстную неделю ели один черный хлеб с солью и водой»⁴⁴ (2, 418) [между прочим, православие Толстого кончилось неожиданно около 1880 г.; об этом сообщают воспоминания Ильи Львовича: «Был пост. В то время для отца и желающих поститься готовился постный обед, для маленьких же детей и гувернанток и учителей подавалось мясное. Лакей только что обнес блюда, поставил блюдо с оставшимися на нем мясными котлетами на маленький стол и пошел вниз за чем-то еще. Вдруг отец обращается ко мне (я всегда сидел с ним рядом) и, показывая на блюдо, говорит:

— Илюша, подай-ка мне эти котлеты.

— Левочка, ты забыл, что нынче пост, — вмешалась мамà.

— Нет, не забыл, я больше не буду поститься и, пожалуй-ста, для меня постного больше не заказывай.

К ужасу всех нас он ел и похваливал»⁴⁵.

25 апреля 1910 г.: В. Ф. Булгаков рассказывает: «В Москве выставка мясная и скота, освящали ее молебном. Городской голова выпил за процветание боен.

Л. Н.: Где какая гадость, без молебна не обойтись»⁴⁶ (4, 235).

19 декабря 1904 г.: Потом Л. Н. говорил о мнении Хэйга, что мясо и légumes — бобы, горох, чечевицу — не следует употреблять, т. к. они создают вредную мочевую кислоту⁴⁷. Рассказал содержание его статьи, передав существенное, как он это умеет. Читал многие из его сочинений (они находятся в библиотеке); он в переписке с Хэйгом и придерживается его советов⁴⁸ (1, 103).

14 февраля 1905 г.: Маковицкий цитирует Толстого: «Хэйг мне написал и прислал свои книги (...) Пишет мне, что его теория и вегетарианство распространяются в Англии. Я не доживу, но вы, быть может, доживете: через сорок лет люди, по крайней мере, нашего, образованного круга, не будут есть мяса. Вегетарианство ведь появилось не сразу, но оно развивается. Оно началось на моей памяти, 20 лет тому назад. Как на него нападали: говорили, что человек сотворен не травоядным, а мясоядным; такие уж у него зубы, кишки. Теперь бросили это; даже врачи, как Хэйг, доказывают естественность питания без мяса. Я говорю, что есть три зла на свете: алкоголь, мясо, никотин» (1, 174).

2 марта 1905 г.: Л. Н.: «Хэйг мне написал и послал брошюры (...) есть [и] нехорошие вещи в его сочинениях: Он думает, что надо воспитать здоровую, крепкую породу людей. Какое это заблуждение: *Mens sana in corpore sano* (...) Физические

силы и духовный рост относятся друг к другу, как основание к вершине конуса».

3 марта 1905 г.: Л. Н.: «Я иногда себя упрекаю, когда занимаюсь гимнастикой: зачем это делаю? Духовной работе лучше, чем работа мышц, способствуют вегетарианство, правильное пищеварение, хороший сон»⁴⁹.

4 марта 1905 г.: Писатель Владимир Германович Богораз-Тан [1865—1936], посетивший духоборцев в Канаде, рассказывает Л. Н. про народовольца Дмитрия Яковлевича Суровца [1852—1925]; он 17 лет просидел в Шлиссельбурге, а затем был сослан в Сибирь. В ссылке научился садоводству, вегетарианствовал, а это потому полагал, что люди убивают людей только потому, что убивают животных для поедания их.

23 июня 1905 г.: Лев Львович говорил о вегетарианстве; знает многих, которые, благодаря вегетарианству, избавились от болезней желудка и после двух-трех лет, вследствие этого, опять начали есть мясо. Михаил Львович сказал о своем двоюродном племяннике, мальчике Мише, тоже вегетарианце, который, увидев рыбу на столе, вскрикнул: «Ведь живая!» Дети насильем учатся есть мясо. По природе они вегетарианцы.

Л. Н.: «Вегетарианство перевалило на другую сторону, одолело карниворство. [Льву Львовичу]: Помнишь, как Дора [жена Льва Львовича] рассмеялась, когда услышала в первый раз о вегетарианстве, сказала: «Фантазия!» Удивительно, что Вестерлунд [ее отец] — умный гигиенист — стоит за мясо».

27 июня 1905 г.: [Иван Павлович] Похитонов рассказывал о Неаполе, о «фрутти дель марэ», как рыбаки их ловят (...) и продают живыми для еды (...) Выглядят как комочек грязи, а превкусно. Мария Львовна: «А живые?» Похитонов: «Да, живые». Л. Н.: «Это как дикаря спросили: “Как можно есть человеческое мясо?” Он ответил: “С солью вкусно”».

15 апреля 1906 г.: Говорили о [Ю. Ф.] Самарине. Л. Н.: «Когда ему было лет пятьдесят, я его видел и удивился, как он похудел. Это от американского лечения: ел одно мясо и пил вино».

24 апреля 1906 г.: Принесли третью еду. Л. Н.: «Много едим. Четыре блюда. Должно бы быть довольно двух».

25 апреля 1906 г.: Л. Н. вышел к нашему завтраку. Вид у него хороший. Похлебал супу и съел только пирожок. Л. Н.: «Надо не есть. И пирожок напрасно съел.» (...) «Как вы себя чувствуете?» — спросили его — «Прекрасно. Воздерживаюсь в пище. Хорошо думается. Радуюсь на жизнь».

17 июня 1906 г.: Л. Н. в последнее время под влиянием Хэйга перестал пить молоко и есть яйца. Утром пьет горячую воду с хлебом и маслом. Л. Н. часто не завтракает, даже чаще, чем завтракает, а иногда сядет к столу и поест, что остается холодное, не дожидаясь, пока согреют.

⟨...⟩ Пришел Токутоми [японский писатель]⁵⁰, вегетарианец. Маковицкий спросил: «Почему японцы могут так долго бегать?». Ответ: «Потому что не едят столько мяса, как европейцы»⁵¹.

Софья Андреевна упрекает Л. Н. в том, что тот мало ест. На это Л. Н.: «Каждый день упрекаю себя, что ел лишнее».

20 августа 1906 г.: Михаил Сергеевич Сухотин [1850—1914, с 1899 г. зять Толстого] замечает [по поводу революции, иронически]: «Везде беспокойно, кроме Ясной: тут санатория. Мы решили в санатории мясной пищи не есть, не варить, кроме как для прислуги. Уставшему кучеру нельзя дать французской капусты [т. е. савойской капусты]. Толстой: «Можно — каши». Толстой спрашивает М. С.: «Видели новую книгу о вегетарианстве? [имеется в виду: *А. А. Ясиновский. О безбужном питании (О вегетарианстве)*. Одесса, 1906]. Там вам дали название некрофагов».

28 марта 1907 г.: За обедом вчера Л. Н. не ел одного блюда, сказав, что ему не следует столько есть. Недавно заметил, что мы едим втрое больше, чем нужно. Сегодня Софья Андреевна за вторым блюдом объявила, что будет только три блюда и салат, но его каждый столько съел, что вышло четыре. Давно уже поднимается вопрос, чтобы за обедом не давать четыре блюда. Софья Андреевна его отстаивает из-за гостей. Редкие дни, когда их нет.

5 июля 1908 г.: [Николай Осипович] Торба, конторщик издательства Софьи Андреевны, обедал у Толстых. Софья Андреевна ему сказала, что мясные котлеты ради его одного. Л. Н.: «Вегетарианство раньше было подвиг, нынче много людей стало не есть мяса. А считается это таким простым, само собой разумеющимся, как не ругаться».

26 июля 1908 г.: Маковицкий записывает: «Около Л. Н. — девицы, оставшиеся ими Христа-ради, вегетарианцы, абстиненты, непротивленцы, опростившиеся люди, земледельцы, отказавшиеся от военной службы, отказавшиеся платить подати, судиться, переставшие быть помещиками, студентами, офицерами, писателями (профессиональными)».

4 августа 1908 г.: За обедом Илья Гинцбург, скульптор, рассказывал про Репиных, что они устроились так, что не могут принимать гостей на петербургские обеды. «Теперь будем жить без рабов (прислуги)», — говорят они. Это известие было приятно Л. Н. Мария Николаевна [сестра Толстого] возразила: «Как же, придут гости, приятно вместе поесть». Л. Н.: «В Петербурге безобразие с едой — ужинают ночью. Зачем же гостям непременно есть? К Николаевым [Сергей Дмитриевич и Лариса Дмитриевна]⁵² ходят не на обеды, а с ними чай пить и то есть, что они едят, это естественно».

17 декабря 1908 г.: Приехали Репин с Нордман ⟨...⟩ Разговор о вегетарианстве. Репины очень им заинтересованы.

26 декабря 1908 г.: Об охоте и об убийстве животных для еды (для кухни). Л. Н. говорил, что на охоте убивать менее ужасно — не видишь страдания. Но добывать птиц на охоте всегда тяжело.

Л. Н.: «Я нынче слышал, как индюшки плакали о смерти своей подруги (за обедом была индюшка). Из внуков Л. Н. вегетарианцы одни Сонечка и Илюшок Андреевичи [Толстые]»⁵³.

7 февраля 1909 г.: Л. Н. боролся с Александрой Львовной, облокотившись на стол, кто кого перетянет; потом со мной, и обоим победил. Как силен в 80 лет!

21 марта 1909 г.: Лариса Дмитриевна [Николаева] говорила, что намереваются учредить вегетарианскую столовую для народа. Л. Н.: «Это прекрасная мысль: народная дешевая столовая».

Говорилось, как много стало вегетарианцев. Л. Н.: «Как только человек начинает жить религиозной жизнью, так он бросает мясо, вино, табак».

4 мая 1909 г.: Л. Н. еще два года тому назад так ездил верхом, как будто бы ему было 25 лет.

1 мая 1909 г.: Разговор о вегетарианстве, о количестве белков. Лет 20 тому назад физиологи считали нужным принимать от 90 до 120 граммов белков, теперь — от 30 до 60.

12 апреля 1909 г.: Л. Н.: «... верно говорит Сергей Дмитриевич [Николаев], что два требования первенствующие: обходиться без прислуги и вегетарианство. Это очень много значит — сознавать, что пользование прислугой и убийство животных — дурно, что это не должно быть, что если это делаешь, то виноват».

28 мая 1910 г.: Л. Н. говорил шепотом Ге о прислуге, подающей еду за столом, как это ему неприятно и как об этом будут говорить через 30 лет с удивлением, что за столом одни люди другим прислуживали.

[Еще 17 января 1891 г. Софья Андреевна записывает в дневнике: «За обедом был шуточный разговор о том, чтоб господам всем поменяться на неделю положением с прислугой. Левочка нахмурился, ушел вниз; я пошла к нему и спросила, что с ним? Он говорил: “Глупый разговор о священном деле; мне и так мучительно, что мы окружены прислугой, а из этого делают шутки (...)»⁵⁴.]

29 мая 1910 г.: приехал Павел Трубецкой (Paolo Trubetsky) с женой (...) Л. Н. с ним сердечно беседовал. Je suis très content de vous voir (...) Говорили, главным образом, о вегетарианстве. Трубецкой и его жена — вегетарианцы. Трубецкой — о животных: у него волк, лайки и ягненок вместе живут и играют. Трубецкой говорит, что один итальянский скульптор вылепил: Les mangeurs de cadavres — гиену и чело века [этот скульптор — сам Трубецкой. — П. Б.]. Трубецкой: «Я очень люблю животных и люблю лепить их. Идеал жизни я вижу в том, чтобы стать как можно ближе к животным,

которые обходятся без разных человеческих подлостей и без вредоносных людских учреждений». Л. Н.: «Идеал — любить животных. Среди людей много дурных обычаев, отсутствующих у животных, но зато у людей есть и то, что ставит их выше животных: бесконечные духовные идеалы».

11 июня 1910 г.: Разговор о мясоедении в Японии [с Масутаро Кониси, профессором в Киото]. Оно, — говорил Кониси, — в последнее время развилось в Японии. Крестьяне и более старинного склада люди не только не едят мяса, но и молока не пьют. Одни телята пользуются молоком».

20 июня 1910 г.: Разговор перешел на вегетарианство. [Семен Михайлович] Соломахин сказал о себе, что он природный вегетарианец. Бутурлин о детском приюте, где врачом Бергенгейм, — что иные дети не переносят молока, и их кормят клюквенным киселем и шпинатом — и прекрасные результаты. В Японии, где не имеют коров, — детей, у которых умерли матери, кормят рисовым отваром. Солдаты, вернувшиеся из Маньчжурии, рассказывали, что там хотя коровы и имеются, но их употребляют как быков, для работы и перевозки, и иногда подковывают, но никогда не доят.

18 августа 1910 г.: Такое большое наше общество <...> Принесли мяса. Л. Н.: «Как мясо противно мне! Раньше — по рассудку, а теперь инстинктивно».

5 октября 1910 г.: За обедом Л. Н. говорил, как вегетарианство сначала распространяется по нравственным и религиозным причинам. «Наука только тогда сдается, когда не может иначе».

Привычки питания влияли и на распределение симпатий в семье. В 1890 г. Софья Андреевна записывает: «С Машей никогда у нас связи настоящей не было, кто виноват — не знаю»⁵⁵. 1 июля 1898 г. она признается: «Мои двое старших детей — мои любимые»⁵⁶. А запись от 29/30 июля 1898 г. гласит: «Так-то я с этим дневником свергаю его с пьедестала, который он всю жизнь старательно себе воздвигал»⁵⁷. Впрочем, месяцем раньше, 20 июня 1898 г., она пишет: «Как ни трудно мне подчас с Л. Н., но все-таки он меня одну любил, он был мне опорой и защитой, хотя бы даже и от детей»⁵⁸.

Софья Андреевна скончалась в ноябре 1919 г. О тех девяти годах, на которые она пережила мужа, дочь Татьяна напишет: «То, о чем мечтал для нее муж, частично исполнилось <...> Теперь ей стали менее чужды мировоззрения нашего отца. Она стала вегетарианкой»⁵⁹.

7. Охота, любовь к животным и вегетарианский образ жизни

В работе 1997 г. Рональд Лебланк объясняет обращение Толстого к вегетарианскому образу жизни поздним «анти-сексуализмом» писателя. Он упрекает «современных историков вегетарианства в России», а именно В. И. Порудоминского (Москва, 1992) и Дудлея Гиля (Dudley Giehl, New York, 1979), в излишнем акцентировании «гуманитарных аспектов вегетарианства Толстого». И, действительно, вряд ли можно мотивировать (как это сделал Гиль) переход Толстого на вегетарианский режим питания исключительно состраданием к животным¹ — здесь задействована целая совокупность мотивов. Однако отрицать, что сострадание к животным играло при этом значительную роль, можно лишь не принимая во внимание несметное число высказываний Толстого об отношении человека к животному.

В 1992 г. В. И. Порудоминский написал краткую главу об охоте — феномене, занимавшем Толстого всю жизнь. Вспомним хотя бы сцены охоты в «Детстве», «Войне и мире», «Анне Карениной», «Казаках»! Толстой мастерски описывал охотничий азарт и ощущение счастья, испытываемое охотником, потому что знал и то, и другое: десятки лет Толстой сам много охотился; однажды, в 1858 г., он чуть не погиб во время охоты на медведя — этот эпизод описан в рассказе «Охота пуще неволи. Рассказ охотника» (1872)². Старшим сыновьям писателя с раннего детства позволялось охотиться на зайцев. Так, Илья Львович вспоминает «любимую охоту с борзыми», когда под наблюдением отца мальчики бросали отрубленные задние лапы (пазанки) зайца собакам в награду, а те ловили их на лету³.

Еще осенью 1883 г. Толстой стреляет вальдшнепов и охотится на зайцев, но уже годом позже пишет жене: «Я хотел попробовать свое чувство охоты. Ездить, искать, по 40-летней привычке, очень приятно. Но вскочил заяц, и я желал ему успеха. А главное совестно»⁴. 15 октября 1890 г. Толстой пишет предисловие к рассказу Черткова «Злая забава. Мысли об охоте», в котором можно найти следующий краткий диалог: «Молодой охотник (с уверенностью): Да что же дурного в охоте? Бывший охотник: Дурно без нужды, для забавы убивать животных»⁵.

То, что в случае Толстого сострадание к животным являлось весомым основанием для перехода к вегетарианству, подтверждают, не в последнюю очередь, дневниковые записи (сравним запись от 9 августа 1857 г.: «Бедность людей и страдания животных ужасны»⁶), повести (например, «Холстомер»), но прежде всего многочисленные записи дискуссий об обращении с животными, как домашними, так и дикими, имевших место в семейном кругу Толстых. Многие из этих разговоров запечатлены в яснополянских записках Маковицкого 1904—1910 гг. Иные из этих словесных баталий блистают юмором:

27 января 1905 г.: «У Льва Николаевича в спальне стоит мышеловка. Мышей, которые в нее попадают, Л. Н. относит в Чапыж (старый дубовый лес), шагов за 150 от дома. [Подобного рода отношение к животным было присуще и Чехову: по воспоминаниям священника С. Н. Шукина, мышей, попавших в мышеловку, он долго кормил, не решаясь выпустить их на волю, и пускал их в сад только тогда, когда становилось тепло. — П. Б.]⁷. — Ведь возвратятся, — возражает Софья Андреевна.

— Нет, это другие, — отвечает Л. Н.»

18 октября 1909 г.: «За обедом Софья Андреевна сказала Звегинцевой:

— Я кур очень люблю.

— Они того не любят, потому что их режут, — заметил Л. Н.»⁸.

19 мая 1905 г.: «Андрей Львович дразнил Марию Александровну (Шмидт); говорил, что не может себе представить жизни без мяса.

Мария Александровна: Если бы тебе самому пришлось зарезать курицу для себя, ты отказался бы.

Андрей Львович: Не только курицу, и быка не зарезал бы, но застрелил бы.

Л. Н.: Верю, что застрелил бы. Если бы ты сам выращивал (кур), знал бы: это серая, это черная, или, как Игнат, (который), когда мать продавала мяснику овцу, с которой он, когда она была ягненком, (вместе) спал, напал на мать и стал ее бить за то, что она даст резать овцу, — ты бы не ел мяса»⁹.

Довольно широко известен эпизод с цыпленком, о котором сообщает Татьяна Львовна в своих воспоминаниях, — эта история могла произойти только в отсутствие Софьи Андреевны. Раз как-то осенью, когда Лев Николаевич остался в Ясной Поляне один с двумя дочерьми, в гости пожаловала тетя Та-

тьяна. Дочери Толстого знали, что тетя любит хорошо поесть, особенно мясо, но им было отвратительно готовить для гостыи «труп». Пока они совещались, подошел отец и сказал, что он сам позаботится о меню для тети.

«Наступил час обеда, мы вошли в столовую. И что же мы там увидели? На приборе для тети лежал огромный кухонный нож, а к ножке стула была привязана живая курица. Бедная птица билась и тянула за собой стул. — Видишь? — сказал отец нашей гостье. — Зная, что ты любишь есть живые существа, мы тебе приготовили цыпленка. Никто из нас не может его убить, и поэтому мы положили для тебя этот смертельный инструмент. Сделай это сама. — Еще одна из твоих шуток! — воскликнула тетя Таня, смеясь. — Таня, Маша, сейчас же отвяжите бедную птицу и верните ей свободу. Мы поспешили выполнить желание тети. Освободив цыпленка, мы подали на стол приготовленные макароны, овощи, фрукты. Тетя все ела с большим аппетитом»¹⁰.

Своей «шуткой» Толстой выразил протест против «косвенного убийства» — к такому же приему прибегает и М. Арцыбашев в своей повести «Кровь». Подобного рода протест замечен в сцене, о которой сообщает Маковицкий 1 июня 1906 г.: за обедом обсуждался вопрос о вегетарианстве; в разговоре участвовали многие, и длился он долго.

А. Н.: Больше всего помешало мне в утренней работе резание курицы. Ее крик, битье о землю, обтирание кровавого ножа о траву. Как это можно делать — курицу есть!

Лев Львович: Все-таки очень вкусно.

Софья Андреевна: Попробуй не дать прислуге мяса.

А. Н.: Это их дело — сами едят ли мясо, режут ли для себя. Но не надо их заставлять для других.

А. Н. говорил с таким огорчением и трогательностью, что у него горло защемило и слезы стояли в глазах.

25 ноября 1909 г. Маковицкий передает разговор за вечерним чаем по поводу статьи английского публициста Даниеля о вегетарианстве, об употреблении яиц (Charles William Daniel; издатель «The Open Road Magazine» в Лондоне). Толстой, соглашаясь и изумляясь: «Ведь на самом деле мы их (кур) заставляем нестись, а когда снесут несколько яиц, их рассиживаем. Потом всех цыплят-петушков уничтожаем». — Софья Андреевна: «А куда их девать?» А. Н.: «Я не говорю,

куда их девать, а что это жестокость”. Софья Андреевна: “Не есть яйца — это крайность”. Л. Н. с этим согласился¹¹.

13 июня 1906 г. Маковицкий записывает, что, по приказанию Софьи Андреевны, служанка Параша утопила 6 щенят. Никита и Паля Львовичи, когда услышали про это, ужасно плакали:

Л. Н.: Подобное было с нами, когда мы были детьми. В овраге нашли убитых щенков и тоже плакали. Вероятно, мальчишки убили их камнями.

Лев Львович спросил отца:

«Что было бы, если б не топили щенят, не резали домашних животных? Как бы они расплодились!»

Л. Н. (спокойно): «Это касается домашних животных, их не надо (разводить чрез меры). Дикие сами себя ограничивают».

На чье-то возражение Л. Н. сказал:

«Идеальное положение — есть фрукты. Не надо ни яиц, ни кур, ни лошадей».

Лев Львович: «Без домашних животных будет скучно, с ними приятно жить».

Л. Н.: «Дикие будут, (как) во времени Франциска Ассизского, садиться на плечи. (...) На Соловецких островах птица и иной зверь не боятся людей». [Примечание Маковицкого: У монахов там обычай не трогать птиц и зверей. Его соблюдают и паломники]¹².

25 августа 1905 г. говорили о Саксе, социал-демократе. Толстой: «Он (Сакс) путешествовал с учениками (десятью учениками Тенишевского училища). В Соловках не обращал их внимания на старцев, на духовную жизнь монахов, странников, на вегетарианство (запрещают убивать дичь, лисицы приходят в монастырь); видел и показывал им только, как грязно живут годовики, как много работают (...) (и годовик там) поситится весь год, не убивает животных»¹³.

И в беллетристической форме в последние годы жизни Толстой выступает пропагандистом вегетарианства. В июле 1909 г. он диктует для своих внуков на фонограф сказку «Волк»:

Был один мальчик. И он очень любил есть цыплят и очень боялся волков.

И один раз этот мальчик лег спать и заснул. И во сне он увидал, что идет один по лесу за грибами, и вдруг из кустов выскочил волк и бросился на мальчика.

Мальчик испугался и закричал: «Ай, ай! Он меня съест!»
Волк говорит: «Постой, я тебя не съем, а я с тобой поговорю».

И стал волк говорить человеческим голосом.

И говорит волк: «Ты боишься, что я тебя съем. А сам ты что же желаешь? Ты любишь цыплят?»

— Люблю.

— А зачем же ты их ешь? Ведь они, эти цыплята, такие же живые, как и ты. Каждое утро — пойди, посмотри, как их ловят, как повар несет их на кухню, как перерезает их горло, как их matka кудахчет о том, что цыплят у нее берут. Видел ты это? — говорит волк.

Мальчик говорит: «Я не видел».

— А не видел, так ты посмотри. А вот теперь я тебя съем. Ты такой же цыпленок — я тебя и съем.

И волк бросился на мальчика, и мальчик испугался и закричал: «Ай, ай, ай!» Закричал и проснулся.

И с тех пор мальчик перестал есть мясо — не стал есть ни говядины, ни телятины, ни баранины, ни кур¹⁴.

Толстой все более открыто выражает свое отвращение к мясу; сравним запись Маковицкого от 25 апреля 1910 г.: «Я без отвращения не могу смотреть на мясное блюдо, когда на столе». На это Ольга Константиновна (урожд. Dite-richs, 1872—1951; первая жена Андрея Львовича Толстого, 1877—1916) заметила: «Это вопрос молочного хозяйства: бычков ведь надо отдавать на убой и быков, а коров в старости докармливать? Правда, без молока, по крайней мере взрослым людям, легко обойтись». Л. Н.: «Когда ходишь, нельзя обойтись, не топча муравьев. Надо стремиться умышленно не убивать»¹⁵.

15 октября 1907 г. в одном из разговоров Толстой возразил на замечание Татьяны Львовны о вегетарианстве: «кто-то записал о Пифагоре: удивляться нужно не тому, что Пифагор не ел мяса, а тому, что люди позволяют себе убивать животных». Безусловно, ему было известно, что эти строки принадлежат Плутарху: во втором томе «Круга чтения» за 24 сентября он перепечатал эти и другие замечания Плутарха о мясоедении и позже включил их в свое собрание цитат о «безубойном питании»¹⁶.

30 мая 1908 г. Толстой вспоминает, что получил письмо от одного вегетарианца, который пишет, что у него страсть удить рыбу, и спрашивает, можно ли: «Странно, что об этом спрашивает, что ему нужен авторитет. Я ответил ему, что

животных — от быка до комара — не следует убивать, а где остановиться — это дело каждого с самим собой». На это Софья Андреевна возразила: «Мне больше жаль срубить дерево, чем убить животное или букашку»¹⁷. Тема «границ вегетарианства» затрагивается и 13 мая 1909 г. У Маковицкого читаем: «Говорят сперва о курении. Толстой: “Папиросы — могу себе представить, что мог бы курить без отвращения, а мясо есть — нет”. Софья Андреевна заговорила о том, какой мир животных подо мхом. “Оторвала кусок мху, а под ним белые и еще двоякие черви и козявки; мох счищать нужно, где же граница вегетарианства?” Толстой: “Нет границ вегетарианства, тут только дело постепенности. Если могу есть животных, тогда могу и человека”»¹⁸.

9 марта 1905 г. Толстой за обедом рассказывает, как в Туле в кремле показывали медведей в клетке. Мария Львовна сказала, что ей жалко животных, которые сидят в тесных и грязных клетках. Лев Николаевич стал рассказывать о том, как медведи мягко и ловко ходят и бегают. Указав на медвежью шкуру — ковер, он сказал: «Вот этот тоже так бегал»¹⁹.

Впрочем, Толстому приходилось оправдываться из-за своей одежды перед лицом «веганских» требований. «Вы совершенно правы, — писал он К. И. Муценку 6 ноября 1909 г., — что, отрицая сознательное убийство живых существ, не следовало бы и пользоваться для одежды частями их тела, как-то: кожей, мясом. То, что я ношу кожаный пояс и кожаные сапоги и даже меховую шапку, никак не доказывает того, что это нужно делать, и что это хорошо, а только то, что несмотря на то, что считаю, что лучше бы было не носить кожи и меха, я в своей жизни не только в деле пользования телами убитых существ, но и во многом, многом другом, гораздо более важном, так далек от совершенства, что те усилия, которые я могу направить на улучшение своей жизни с начала в нравственном отношении, я нахожу более целесообразным направлять на исправление моих других, многих и более важных недостатков, чем пользование для своей одежды кожаными и меховыми предметами»²⁰.

8. «Алкоголь и табак»

«Я говорю, что есть три зла на свете: алкоголь, мясо, никотин». Так, по сообщению Маковицкого, говорил Толстой 14 февраля 1905 г.

В этот день в Ясной Поляне находился с визитом Анри де Вогюэ, сын знаменитого Эжена Мельхиора де Вогюэ (1848—1910), опубликовавшего в 1886 г. книгу «Русский роман» («Le roman russe»), которая открыла Западной Европе, в первую очередь французам, достижения русских в области искусства романа¹. Анри де Вогюэ спросил Толстого: «Курение вредно? Каким образом?» Толстой ответил: «Ослабляет мышление и делает неясным выражение»² [!]. Вогюэ: «Мой отец, когда пишет ночью, с десяти до четырех курит русские папиросы одну за другой, не переставая». Толстой: «Так, пожалуйста, передайте ему от меня, что этого не следует делать и чтобы он бросил курение». Когда Маковицкий хотел налить Л. Н. четвертую чашку чая, тот сказал: «Нет, чай за разговором — вроде курения»³.

Толстой курил десятки лет, и ему нелегко удалось бросить эту привычку. Бирюков вспоминает: «В сознании его давно уже была решена необходимость расстаться с этой вредной привычкой, но сила привычки была так велика, что Л. Н-чу пришлось тратить значительные силы для борьбы с нею. Он не раз бросал и снова начинал курить, наконец, именно весной этого 1888 года, он расстался с папироской окончательно. Мне вспоминаются эпизоды этой борьбы. Одним из доводов против курения была неделикатность по отношению тех присутствующих, которые по той или другой причине не выносят запаха курения.

И вот Л. Н-ч старался не курить при гостях, а если ему очень хотелось курить, он уходил в прихожую, садился на ларь и закуривал папироску. Но гости, дорожившие беседой со Л. Н-чем, также переключивались в переднюю и там образовывался своего рода клуб»⁴.

Когда знаменитый юрист А. Ф. Кони посетил Толстого 6 июня 1887 г., курение еще не было брошено. «Полчаса после обеда проводились на террасе, выходящей в сад, за питьем кофе и куреньем. (...) Лев Ник. слушал детский шум и хохот, обменивался короткими фразами с окружающими и... курил папиросу самодельной работы!»

1 марта 1888 г. Толстой пишет Е. И. Попову: «Табак тоже бросил, две недели совсем не курил, раз только»⁵. 20 мая 1888 г. Толстой получает от А. Т. Соловьева только что вышедшую брошюру о вреде курения, которую хочет переиздать⁶. Однако и позже Толстой время от времени возвращается к курению. В конце 1891 г. Д. Анучин вспоминает: «В это время Л. Н. был уже вегетарианец, но, кажется, еще не полный; так, напр. он уже бросал курить, но иногда, окруженный курильщиками, брал у них папиросу и для себя...»⁷. При всей своей строгости, Толстой все же старается «не жить подробно», допускать исключения.

Иногда он отмечает в дневнике случаи сильного курения и потребления алкоголя среди своих посетителей или при встречах. Так, 1 декабря 1888 г.: «Утром доктор <Ф. Г. Флеров> и <А. А.> Стахович. Оба алкоголе-никотинцы <...>, а доктор даже лечит»⁸. В тот же день Толстой посещает школу: он замечает мутные, потухшие глаза учеников: «Фабрика, табак, бессонница, вино. <...> Все курят»⁹. 9 апреля 1889 г. «Дорогой раздал листки пьяным. Хорошо поговорил. Страшный вид разврата вина и табаку»¹⁰.

3 мая 1894 г. Толстой с возмущением отзывается о «поражительной по своей наивности» статье профессора Казанского университета М. Я. Капустина (род. 1847). Этот профессор-гигиенист написал статью о вкусовых веществах и при этом полемизировал с Толстым по поводу «Первой ступени». Толстой отмечает в дневнике: «Он хочет показать, что всё, что люди употребляют: сахар, вино, табак, опиум даже — необходимо в физиол(огическом) отношении. Эта глупая, наивная статья была мне в высшей степени полезна <...> Люди пьют вино, курят табак, и наука ставит себе задачей физиологически оправдать употребление вина и табаку. Люди убивают друг друга, наука ставит себе задачей оправдать это исторически»¹¹.

Позже Толстой окончательно бросит курение. И. И. Попов сообщает об обеде в Ясной Поляне осенью 1903 г.: «Соф. Андр. занимает “хозяйское место” за столом; Лев Николаевич садится на противном конце стола, и около него собираются все “вегетарианцы”, то есть питающиеся растительной пищей и молочными продуктами. На стол подаются мясные блюда для Софьи Андреевны и гостей и растительные — для Льва Николаевича и его двух старших дочерей. За столом прислуживает лакей в белых перчатках. Лев Николаевич любит

предлагать свою “овсянку” гостям и сам ее разливает. Иногда он шутит насчет “убоины”.

За обедом нет вина, ни водки; пьют квас, содовую воду и молоко, подающееся в изобилии, от собственных коров. Наверху никто никогда не курит, почему там нет ни пепельницы, ни спичек. Курительная комната внизу, но и там мало курят»¹².

Вряд ли у Толстого встретила сочувствие одна еврейская табачная фабрика в Нью-Йорке, которая 1 июня 1906 г. попросила у него разрешения назвать его именем сорт сигар¹³.

Два года спустя, как сообщает А. Б. Гольденвейзер, еще одна табачная фабрика прислала Толстому на 80-летие большой картонный ящик папирос с надписью золотыми буквами. Толстой написал им письмо, в котором поблагодарил фирму; папиросы, правда, были отправлены обратно под предлогом того, что он сам давно уже не курит и передавать их кому-нибудь не хочет, считая курение вредным. Он пишет, что оставляет себе ящик и одну коробку папирос, которую Софья Андреевна отвезет в музей, куда она отвозит все, относящееся к его восьмидесятилетию¹⁴.

*

«Пьянство в жизни необходимо. Ежели не пьянство наслаждения, то пьянство труда»¹⁵. Эту запись Толстой сделал в записной книжке 20 мая 1857 г. во время пребывания на Женевском озере. О «пьянстве наслаждения» он знал не понаслышке — в том числе из тех ситуаций, где оно обусловлено общественными ритуалами: кто же не читал описания кутежа в «Войне и мире»! Правда, в отношении себя Толстой рано принял решение по возможности отказаться от алкоголя. «Не надо пить вина и режим негорячительный — постоянно» (запись в дневнике от 15/17 июня 1857 г.)¹⁶.

После «перелома» одним из самых важных личных дел Толстого станет борьба с пьянством. В конце 1887 г. по его инициативе было основано общество трезвости. Толстой составляет текст короткого заявления о вступлении в «Согласие против пьянства».

Ужасаясь перед тем страшным злом и грехом, которые происходят от пьянства, мы, нижеподписавшиеся, порешили: во-первых, для себя никогда не пить пьяного — ни водки, ни

вина, ни пива, ни меда и не покупать и не угашивать ничем пьяным других людей; во-вторых, по мере сил внушать другим людям, и особенно детям, о вреде пьянства и о преимуществах трезвой жизни и привлекать людей в наше согласие.

Просим всех согласных с нами заводить себе такой же лист и вписывать в него новых братьев и сестер и сообщать нам.

Братьев и сестер, изменивших своему согласию и начавших опять пить, просим сообщать нам об этом.

Первые записавшиеся братья и сестры¹⁷.

Агитация продолжается до 1890 г. В архиве Толстого содержится 744 подобных записки с подписями¹⁸. Проводимая акция вызывает, наряду с радостным одобрением, также и скепсис относительно ее эффективности — такова была, например, реакция юриста и писателя Александра Владимировича Жиркевича (1857—1927), подписавшего обязательство, несмотря на личные сомнения. Толстой уверяет, что это только начало. Желательно, конечно, заменить алкогольные увеселения — безалкогольными, открыть клиники для алкоголиков и издать брошюры о вреде пьянства. Подобные брошюры выходят потом при содействии Толстого в издательстве «Посредник» (в том числе брошюра врача П. С. Алексеева: «О вреде употребления крепких напитков». М., 1888). Толстой обращается к И. Е. Репину с просьбой создать иллюстрацию с виньетками, которая показывала бы пьянство во всех его формах и состояниях, а также просит о дальнейших иллюстрациях¹⁹. Обращается он и к основателю московской Третьяковской галереи, Павлу Михайловичу Третьякову, прося о помощи в вербовке членов, особенно среди рабочего населения²⁰. Сыновьям — Илье и Сергею — Толстой сообщает в конце апреля 1888 г., что общество трезвенников имеет большой успех, правда, один, некий <Д. Д.> Козлов, «успел подписаться и напиться»²¹; от Ильи же отец ожидает, чтобы тот бросил две скверные свои привычки: алкоголь и табак.

18 марта 1889 г. в письме А. И. Ярлышкину, автору нескольких брошюр, посвященных борьбе против пьянства, Толстой сообщает о том, что согласие насчитывает уже около 1200 членов. Печатание листков и брошюр продолжается. К ним относится и статья «Борьба с пьянством» базельского профессора физиологической химии Густава Бунге — «основателя современного движения трезвости на научной основе», вышедшая до этого в журнале «Русское богатство»²².

Своей воздержанности от алкоголя Толстой остается в основном верен. Софья Андреевна в 1898 г. в дневнике сожалеет о том, что пить за Льва Николаевича по случаю его 70-летия — нельзя, ведь он как-никак проповедует воздержание²³. Пить за здоровье без алкоголя было в то время, очевидно, совершенно немыслимо.

Горьким разочарованием для Толстого было то, что крестьяне, которых он встречал пьяными на улице и которых пытался убедить в пагубности алкоголя, нередко оставляли его увещевания без внимания. Один из них привел следующие аргументы: разве церковь, которая употребляет вино и масло, Христос, который на свадьбе в Кане превратил воду в вино, царь, повышающий налоги на алкоголь, — разве все они не знали, что делают?²⁴ Однако Толстой проявлял и понимание того, что в алкоголе — утешение для народа в его плачевной жизни. 20 декабря 1908 г. Н. Н. Гусев цитирует разговор о пьянстве. По сведениям Маковицкого, только в Москве и в Московской губернии ежегодно пропиваются 38 миллионов рублей. Толстой замечает: «Я хотя и всегда радуюсь, когда перестают пить, но осуждать не поднимается рука. (...) Для них (для народа) водка заменяет все наши (...) концерты, театры...»²⁵.

23 августа 1907 г. Маковицкий отмечает в своих записках, что книги издательства «Посредник» о вреде пьянства почти распроданы. К ним относится также и сочинение профессора А. И. Воейкова о соотношении алкоголя с пищей и другими напитками. В июле 1909 г. Толстой приходит в восторг, узнав о вышедшей в Цюрихе книге Штумпа и Вилленеггера «К вопросу алкоголя» («Zur Alkoholfrage»)²⁶.

Иногда Толстой выпивал стакан вина. Это удивило Томаша Масарика во время третьего его посещения Ясной Поляны в конце марта 1910 г. Он спросил своего соотечественника Маковицкого, почему Толстой пьет вино. И есть ли в квасе, который пил Маковицкий, алкоголь... «Масарик проводит трезвость последовательно. Теоретически желает быть вегетарианцем, мясо ест только потому, что пока, в наше время, вегетарианский стол представляет неудобство домашним, у которых гостит, и рестораторам»²⁷ — мотив отклонений от вегетарианского режима, с которым мы сталкиваемся и по сей день; газеты сообщали о швейцарском бундесрате Моритце

Лойенбергере — он, в принципе, вегетарианец, — что, будучи президентом Швейцарской Конфедерации, он в 2001 г. во время официального визита в Словению не захотел нарушать протокол и потому ел «гусиную печенку за Родину»...

Впоследствии Маковицкий рассказал Толстому, что посетитель из Словакии полюбопытствовал относительно (выпитого им) вина. Толстой заметил: когда он пил вино, то, конечно, думал о том, что Масарику это не понравится; но все же выпил. «Борюсь с тем, чтобы не делать чего потому, что другие не одобряют или хвалят. А только по своему суждению». До сих пор, — добавляет Маковицкий, — Л. Н. пил красное вино, когда чувствовал себя нездоровым или слабым. Потом перестал. С этого дня Л. Н. совсем перестал пить²⁸.

9. Духоборцы

Духоборцы, или духоборы, — религиозная секта, возникшая, вероятно, около середины XVIII века. Ее приверженцев Александр I в 1802 г. сослал на Кавказ на относительно мягких, либеральных условиях. Духоборцы отвергали государство (а с ним и присягу), военную службу, частную собственность и ритуальную сторону религии. Название «духоборы» было дано им архиепископом Амвросием Серебренниковым в 1785 году и означало «борцы с духом»; позднее приверженцы секты стали толковать это название противоположным образом: «борцы за дух». При Николае I, в период между 1841 и 1845 гг., духоборцев переселили в отдаленное Закавказье; они подвергались преследованиям вплоть до 1890-х гг. Тогдашний глава общины — Петр Васильевич Веригин (1862—1924) — в тюрьме читал Толстого. Под впечатлением от этого чтения он дал духоборцам «толстовское» имя — «община христиан всемирного братства», — став убежденным последователем учения о непротивлении злу насилием и вегетарианства, которое духоборцы, верившие в реинкарнацию, частично практиковали и до этого. В июне 1895 г. Веригин подвинул около 20 000 духоборцев, живших на Кавказе, на уничтожение оружия в торжественном обряде. Правительство выслало казаков, чтобы «восстановить порядок». Земли духоборцев были конфискованы, 4 300 человек были сосланы в грузинские горные деревни¹, их предводители — арестованы. После этого на Кавказ отправился П. И. Бирюков, и Толстой анонимно напечатал его подробный отчет под заголовком «Преследование христиан в России в 1895 г.» («The Persecution of Christians in Russia in 1895») в лондонской «Times».

Петр Веригин, находившийся в ссылке в Тобольске с 1886 г., в 1898 г. направил на имя императрицы Александры Федоровны прошение, в котором объяснял причину уклонения духоборцев от воинской повинности их вегетарианским образом жизни. «Умоляю тебя, сестра во Христе Господе — Александра, упроси супруга своего Николая пощадить от гонения христиан на Кавказе. <...> Тебе, вероятно, известно учение вегетарианства, мы сторонники этих гуманитарных взглядов; недавно оставили употреблять в пищу мясо, пить вино и много такого, что ведет к развратной жизни и затмевает светлость души человека. Не убивая животных, мы чело-

века лишать жизни ни в каком случае не считаем возможным. (...) От полной души прошу Господа о благоденствии Вашей семьи. Раб Христа Петр, живущий в ссылке в Тобольской губернии»².

Соратники Толстого Чертков и Бирюков не раз заступались за духоборцев. Толстой собирал деньги, торопился как можно скорее закончить роман «Воскресение», над которым работал с 1889 г., для того чтобы пожертвовать гонорар духоборцам; в письме стокгольмской *Dagblad* осенью 1897 г. он ратовал за то, чтобы им присудили Нобелевскую премию мира в размере 100 000 рублей³. «Воскресение» вышло в журнале «Нива» в 1899 году. При содействии квакеров Толстой, наконец, добился для духоборцев разрешения переселиться в Канаду.

Письмо П. Веригина, усилия Л. Толстого и его соратников, наконец, поддержка квакеров возымели действие, и в 1899 г. было получено официальное разрешение на переселение духоборцев в Канаду, которое тогда же и началось (лишь немногие остались в России)⁴. По приезде в Канаду 7 400 духоборцев начали вести фермерское хозяйство в провинции Манитоба, в пшеничных краях Саскачевана и Альберты.

Пища имела для духоборцев глубоко символическое значение. При каждом религиозном собрании на стол ставился большой круглый хлеб, кувшин воды и чаша с фруктами. Трапезничали деревянными ложками; починали часто с капусты или борща. Духоборцы отдавали предпочтение фруктам, блинам, каше, пирогам и зеленой фасоли, а также свежим овощам, помидорам, салату и кукурузе. Потребляли молочные продукты, яиц же в пищу почти не использовали. Обычным напитком был чай с лимоном, а также сок красной смородины и черники.

Если обособление духоборцев в России было навязано правительством, то в Канаде они обособились сами, так как образ их жизни и питания не соответствовал и канадским обычаям и законам. Лишь часть духоборцев, около 1000 человек, покинула общину и ассимилировалась с канадским обществом⁵. Еще одна часть (около 2000 чел.) — «свободники», более радикальные по духу, нежели большинство, — в августе 1902 г. отсеклась от П. Веригина, который был выпущен на волю и последовал за своими сподвижниками в Канаду. «Свободники» отказывались потреблять животные продукты,

питались только сырой пищей, не ели и хлеба, пренебрегали одеждой из меха, кожаными сапогами и другими изделиями животного происхождения, отпускали скот пастись на волю, почитая за грех использовать его как рабочую силу; провокационно прибегали к нудизму: как-то они даже подошли в марше протеста к г. Виннипегу, где были разогнаны полицией, а предводители временно арестованы. Они решительно отказывались адаптироваться к канадским условиям, тем самым обрекая себя и в Канаде на порой довольно жестокие преследования: духоворцев разлучали с женами и детьми, насильно принуждали переселяться обратно в их деревни; арестованных подвергали в тюрьмах пыткам⁶:

Когда нас заарестовали на 6 месяцев, мы тогда, в это время, кормились орехами и яблоками. И был за нами строгий надзор, чтобы узнать, именно ли мы можем обойтись без хлеба. Три раза в день от нас хлеб переменяли, чтобы свеженький лежал. Ну, мы крохи не тронули. Потом стали нас весить через день; потом опять стали нас мучить и издеваться над нами всячески. (...) Мы просили много раз: не трогайте нас, не мучьте, зачем вы нас заставляете хлеб есть? Мы можем обойтись без него, мы от пищи фруктовой были здоровы и легки. Правду говорю, по опыту, что можно и должно кормиться фруктами, истинно, я сам пробовал 5 месяцев кормиться одними фруктами и был бы очень здоров, если б не мучили да пиньками не ширяли.

И еще вздумал доктор поить бульоном. Стали нам добровольно бульон давать. Мы не приняли. Они стали руки приковывать к стулу, и полисмен держал, а доктор раздирал рот железной ложкой (...). Потом доктор заправляет резиновую кишку в рот. До тех пор мучили, что с меня пот льет так, что становлюсь весь мокрый. А когда вправит кишку в рот, тогда ссыпают жир с бульона и заливают в эту резиновую кишку, наливают, как в кадуюшку. Мне пять раз заправляли кишку и пять раз заливали. А мы хлеб потому не ели, чтобы указать народу, что можно жить без хлеба. (...) Они, правители рассчитывали, что мы помрем без хлеба, а того не могли понять, что сами умертвляли нас, желая спасти нас от смерти⁷.

Как видно, и свободные общества демонстрируют неспособность к проявлению терпимости по отношению к укладам жизни, отклоняющимся от нормы, даже в такой просторной стране, как Канада.

Толстой узнал о судьбах духоворцев, переселившихся в Канаду, из свидетельства И. Наживина в книге «Голоса на-

родов» (М., 1908). Однако уже в феврале 1903 г. в письме к П. В. Веригину Толстой дает совет, чтобы тот как можно умереннее употреблял свой авторитет руководителя, и уповает на то, чтобы «те, которые считают, что не надо пользоваться трудом животных, так же как и те, которые живут оседло земледелием, считали бы возможным любовь и единение между собою, несмотря на различие взглядов...»⁸. В письмах от 2 января и от 3 марта 1904 г. писатель выражает радость по поводу материального благосостояния, достигнутого общиной, при этом высказывая пожелание, чтобы духовные устремления от этого не пострадали⁹. Весной 1910 г. Толстой получает из Канады письмо от большого собрания духоборцев, состоявшегося 25 января 1910 г. в деревне «Веригин» (наименование указывает на существование известного культа личности...). В протоколе собрания говорилось: «Насколько возможно стараемся перейти на чисто-вегетарианскую растительную пищу, чтобы обойтись без скотоводства, а взамен всего заняться садоводством и пчеловодством. Для такой цели уже приобретено в Бритч-Колумбии около десяти тысяч акров земли, на которой вот уже два года живут наши братья и сестры». В собрании, которое длилось четыре дня, приняли участие представители 42 деревень¹⁰.

Ситуация духоборцев, переселившихся в Канаду, была позднее также описана «апостатами», чьи свидетельства православная церковь печатала в брошюрах, направленных на борьбу с сектантством. В этих брошюрах речь идет и о чисто растительных предписаниях духоборцев в еде, и об их негативных последствиях, а также в целом о радикализации различных группировок¹¹.

Часть духоборцев осталась в царской Империи. Из них пять тысяч проживали после Октябрьской революции в грузинском Закавказье близ турецкой границы. Советская власть, вплоть до конца гражданской войны проявлявшая по отношению к крестьянским сектам «не только высокую степень терпимости, но даже известное покровительственное отношение»¹², в конце 20-х гг. взялась за их систематическое притеснение. В ознакомительной брошюре Ф. Путинцева «Духоборье», изданной акционерным обществом «Безбожник» в 1928 г., представлен негативный образ жизни этой общины. В частности, о питании сообщается следующее: в целом духоборцы едят постное, но мясное по праздникам и у более зажи-

точных по будням. Иногда потребляют дикую птицу и рыбу. От однообразной и грубой пищи у духоборцев часты катаральные болезни желудка...¹³

10. Вегетарианство Толстого и советская власть

«Имя “Лев Толстой” и понятие “вегетарианство” давно слиты воедино, неразрывно связаны, — заявляет В. И. Порудоминский в начале своей статьи “Толстой и этика пищи”, напечатанной в 1992 году. — ...Всякое упоминание о вегетарианстве почти неотвратимо тянет за собой в качестве примера ссылку на Льва Толстого, как в ряду ассоциаций вслед за упомянутым именем Льва Толстого, вместе с “Войной и миром” и “Анной Карениной”, Ясной Поляной, Севастополем, мужиками, пахотой, седой бородой, серой блузой, неизбежно оказывается вегетарианство». Можно смело утверждать, что это замечание, сделанное в 1992 г., нельзя отнести к советскому времени.

Приверженцы вегетарианства, разумеется, рассчитывали на то, что после периода как тайного, так и явного подавления вегетарианства при царизме, с победой Октябрьской революции наступит время, когда и эта сторона личности Толстого получит всеобщее признание, а это будет оказывать на общество широкое воздействие. Такие надежды нашли трогательное выражение в одном из писем врача Толстого Д. П. Маковицкого. Вернувшись на родину (в Словакию), он написал в 1920 г. письмо, которое, однако, так и не было отправлено — черновик хранится в архиве Д. П. Маковицкого в Братиславе. Автор обращается к А. В. Луначарскому, первому народному комиссару просвещения, с предложением теперь, после революции, включить в учебные программы советских школ азбуки и книги для чтения Толстого «Для чего люди одурманиваются?» и «О вегетарианстве (первая степень)» [т. е. «Первая ступень»]¹. Очевидно, Маковицкий не был знаком со статьей В. И. Ленина «Лев Толстой как зеркало русской революции», напечатанной в газете «Пролетарий» (сентябрь 1908, № 35) и впоследствии очень известной. Будущий вождь излагал в ней свой взгляд на приверженцев Толстого: «...“Толстовец”, т. е. истасканный, истеричный хлюпик, называемый русским интеллигентом, который, публично бия себе грудь, говорит: “Я скверный, я гадкий, но я занимаюсь нравственным самоусовершенствованием; я не кушаю больше мяса и питаюсь рисовыми котлетками”»².

В СССР о вегетарианстве Толстого — насколько это было возможно — умалчивали. В комментариях к 90-томному Пол-

ному собранию сочинений Л. Н. Толстого этот вопрос затрагивается лишь вскользь там, где это оказалось неизбежным. Наряду с этим собранием сочинений, подготовка которого была начата в 1918 году под общей редакцией В. Г. Черткова³, предусматривалось выпустить «Свод» мыслей Толстого в десяти томах, который должен был выйти в 1928 г. Этот свод должен был представлять собой «грандиозную энциклопедию мыслей Толстого» и охватывать «все основные, главные проблемы жизни человеческой и извлеченных из всех, изданных и неизданных еще, произведений Толстого — мыслителя и художника, из всех его дневников, писем и т. д.». Над этим проектом работал сперва В. Г. Чертков, а затем, вплоть до своей смерти, Ф. А. Страхов (1861—1923). Этот свод был подготовлен к печати в 1926 г.: И. Горбунов-Посадов в сборнике «К столетию Л. Н. Толстого» (1927) глубоко сожалел о том, «что, несмотря на все усилия В. Г. Черткова, ничего не предпринято еще» для печатания этого компендиума⁴. Кстати, по поводу сороковой годовщины основания «Посредника» Н. Н. Гусев подчеркивал, что это издательство «в области личной нравственности» проявило себя «изданием ряда книг по вегетарианству (безубойному питанию) и половому вопросу»⁵.

В связи с юбилеем Толстого в 1928 г. журнал «Гигиена питания», орган «Ленинградского научно-гигиенического вегетарианского общества», опубликовал краткую программную статью А. Миронова, озаглавленную «Л. Н. Толстой и вегетарианство»⁶. В ней говорится: «... Л. Н. Толстой имеет свои отрицательные стороны. К числу таковых следует отнести его учение о непротивлении злу», противоречащее эволюционной теории Дарвина и «неизбежности классовой борьбы, научно обоснованной и детально разработанной тов. Лениным». И далее:

Л. Н. Толстой был вегетарианцем и пропагандировал вегетарианство, как протест против страданий животных при закалывании [и] против досрочного лишения их жизни. Его обоснование вегетарианства было этическое, гуманное, основанное на христианской буржуазной идее о непротивлении злу. <...>

[Пропагандируя эту идею. — П. Б.], церковь и капитал парализуют негодование масс, готовое вылиться в классовую революционную борьбу, и порождают политическое движение, именуемое нами социал-демократией предателей меньшевиков.

Вот почему научно-гигиеническое вегетарианство борется с вегетарианцами, пропагандирующими неппротивление эксплуататорам. <...>

Мы против профанации Л. Н. Толстого, которая ведется вегетарианцами-этиками, вырвавшими из его произведений теорию о неппротивлении злу, несомненно случайную ошибку Л. Н. Толстого, и старающимися использовать эту идею.

Мы за научно обоснованное вегетарианство, мы за реформу питания в интересах всей массы Пролетариата, мы за рациональное здоровое питание социалистического общества.

Мы уверены, что при рациональном реформированном питании рабочие, крестьяне и трудящиеся СССР сэберегут не только свои физические силы, но и будут иметь ежегодно 1 500 000 000 рублей экономии, которые они смогут вложить в государственные займы. <...>

Подготовка и агитация реформы питания в условиях неизбежной близкой войны [! Л. Б.] является нашей первойшей задачей.

<...> мы уважаем его [Толстого] как пламенного обличителя всех врагов трудящихся, в том числе и тех вегетарианцев, которые именуют себя толстовцами (сектантами) и тем самым унижают Л. Н. Толстого в глазах пролетариев своим пристрастным и неправильным толкованием его учения.

Неудивительно, что «Свод» мыслей Толстого, собранный Чертковым, напрасно ждал своего часа... Другая статья в том же номере журнала носит название «К юбилею Толстого»⁷. Так же как Вольтер расчистил почву для Конвента, — заявляет автор д-р Е. Изаксон, — так и Толстой подготовил путь Советам. «Может быть, что Толстой, разрушая старое, думал о новом иначе; но исторический ход вещей более логичен и последователен, чем отдельный, даже самый могучий ум». Толстой, написавший шедевры мировой литературы, «жалеет о написанном и предпочитает ему сухие, абстрактные, религиозные формулы; после излишеств светской жизни он переходит на босоножество, “толстовку” и вегетаризм». Но на эту перемену не надо смотреть под углом неппротивления злу. Такие приверженцы Толстого полагают,

<...> что вегетарианская идея явилась у Толстого как плод религиозных исканий. Но дело объясняется гораздо проще. От такого тонкого наблюдателя, как Толстой, не могло, конечно, ускользнуть, что вся масса крестьян, окружавшая его, питаясь главным образом овощами и молочными продуктами, была гораздо здоровее и работоспособнее городских мясоедов. Кроме того в своей жизни Толстой на самом себе испытал

благотворность растительно-молочного режима. Ратуя против излишеств и аномалий всего городского уклада, Толстой, само собой разумеется, включил и вегетаризм в один из символов своей морали.

Оставляя за другими художественную оценку великого писателя земли Русской, считаем своим долгом подчеркнуть, что в лице Толстого мы чтим революционного мыслителя и пропагандиста вегетарианской идеи.

Третьим в «Гигиене питания» следует «Привет одесским вегетарианцам». Сообщается, что в Одессе было основано «Одесское научно-гигиеническое вегетарианское общество», принявшее устав Ленинградского общества (Л.Н.Г.В.О.): «Особенно нас радует, что в борьбе религиозно-этического вегетарианства с научно-гигиеническим победили наука и здравый смысл. Этим самым положен конец мистическим бредням. (...) Приветствуем от всей души новое Общество и желаем, чтобы научная вегетарианская идея на юге ярко блистала и освещала путь рационального питания, которое должно привести к оздоровлению социалистического общества»⁸.

Но даже такое «приспособленчество» — по выражению советских времен — не помогло: в 1930 г. слово *вегетарианское* исчезло из названия и с титульного листа журнала.

Не удивительно поэтому и то, что в объемной статье о Толстом во втором издании Большой Советской энциклопедии (1956) слово *вегетарианство* отсутствует, а вопросы питания вообще не затрагиваются⁹. И все же в томе на букве В (1951 г.) в словарной статье *вегетарианство* есть упоминание о том, что Толстой в 1892 г. своей статьей «Первая ступень» «популяризировал» вегетарианство.

В 1965 г. в журнале «Филологические науки» появилась статья Б. Трубецкого под названием «А. Н. Толстой в воспоминаниях кишиневского журналиста». Вряд ли кто-нибудь мог бы подумать, что этот текст имеет прямое отношение к теме «Толстой и вегетарианство». Тем не менее, в нем действительно приводятся выдержки из описания встречи И. О. Перпера с Толстым в Ясной Поляне 1 июня 1909 г., которое И. О. Перпер напечатал в своем журнале под заголовком «У Льва Николаевича Толстого и его друзей (Вегетарианская поездка)». Б. Трубецкой сообщает: «Этот очерк не вошел в двухтомник “А. Н. Толстой в воспоминаниях современников” (1955), не перепечатывался, а потому неизвестен широ-

кой читательской публике. <...> Очерк И. О. Перпера дает ряд новых сведений об облике и жизни Л. Н. Толстого <...>¹⁰.

К эзопову языку прибегает также и Гр. Кулижников, автор статьи, напечатанной 7 октября 1983 г. в газете Московского университета: «“Быть воздержанным в питье [sic!] и пищу”. К 155-летию со дня рождения Л. Н. Толстого»¹¹. Под этим безобидным заголовком скрывается краткое, но информативное изложение отношения Толстого к вегетарианству. Указывается на «Первую ступень», а также на труды А. Беке-това и А. Воейкова. Впрочем, это было уже в преддверии перестройки. С ее приходом А. С. Коваленко (кандидат физико-математических наук!) в еженедельнике «Книжное обозрение» в 1988 г. категорически требует: «Опубликовать... Л. Н. Толстого!». В обвинительном тоне он указывает на то, что ни «Азбуки», ни «Книги для чтения» он не нашел в каталоге Научной библиотеки АН УССР, фонды которой составляют 10 млн книг. Эти сочинения Толстого были перепечатаны только в 1978 и в 1987 годах «мизерным тиражом» всего в 20 тысяч экземпляров, а другие педагогические и религиозные сочинения появились после 1917 года только единожды в 90-томном Полном собрании сочинений (5 000 тысяч экземпляров) и, таким образом, в СССР практически неизвестны даже учителям. Трескучие декларации о том, что «за годы Советской власти сочинения Толстого изданы тиражом свыше 200 млн экз. на 98 языках...» — «на поверку оказываются самой примитивной “лицемерной ложью”, столь свойственной официальной пропаганде в минувшие десятилетия. Ибо массовыми тиражами издано лишь небольшое число программных сочинений великого писателя». Между тем при царизме толстовские сочинения нравственно-педагогического характера были рекомендованы Министерством народного просвещения в качестве учебных пособий для школ, несмотря на то что они были направлены против существующего режима¹². К сочинениям Толстого, никогда после 1917 г. отдельно не публиковавшимся и практически недоступным, относится, безусловно, и эссе «Первая ступень»: в печати оно появилось вновь не ранее как в 1994 и 1998 гг.¹³ — наряду с другой «вегетарианой» Толстого.

VI. ВЕГЕТАРИАНСКИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ: ПРИВЕРЖЕНЦЫ И КРИТИКИ

Во «Введении» уже говорилось о том, насколько велико было в России количество философов, писателей и художников среди тех, кто проявлял интерес к вегетарианству или же практиковал его. Как явствует из книг Баркас (1975) и Спенсера (1993), подобное положение дел было и в других культурах. Уже Ф. Яковский обширную заключительную главу своей книги «Философия вегетарианства» («Philosophie des Vegetarismus», 1912) назвал «Вегетарианство и искусство» (с. 220—278). В ней, с одной стороны, он пишет о «Питании как предмете искусства» задолго до того, как современное литературоведение начало интересоваться «всеобщим социальным феноменом еды» (см., например, Wierlacher, 1987); с другой стороны, Ф. Яковский отдает дань творчеству таких художников, как Дифенбах, Фидус и Швенк, имевшему немалое значение и для русских вегетарианцев. Кроме того, в этой главе, как и в своем «Историческом обзоре», Яковский приводит многочисленные имена философов и писателей, признававших себя сторонниками разных форм вегетарианства.

Ева Барлэзиус в своей работе (1997), имеющей «социально-структурную» направленность, в главе о принадлежности немецких вегетарианцев к отдельным профессиям (с. 129—130), в частности, рассматривает вопрос, «почему в адресных книгах вегетарианцев группа художников была представлена сверхпропорционально». «Подавляющее большинство художников, ратующих за [немецкое] движение жизненной реформы, были живописцами, писателями или художниками-интерпретаторами вроде актеров, певцов или музыкантов» (с. 155). Она считает это фактом труднообъяснимым (с. 154—158, «Художники»). С полным основанием автор проводит различие между художниками, принадлежащими к движению жизненной реформы и считающимися его художественными представителями (как, например, Фидус, или Хуго Хёппенер), и теми, кто лишь временно симпатизировал этому

движению. Но поскольку Барлэзиус усматривает мотивацию отдельных художников почти исключительно в таких социологических категориях, как материальные интересы или стремление социально отделиться от большинства, постольку в ее попытках объяснения, соответственно, уделяется недостаточно внимания этическим вопросам. Взгляд за границу (например, в англосаксонские страны — с их движением реформ, основывающимся прежде всего на христианской традиции) или на весьма многие персоналии всеобщей истории вегетарианства мог бы привести к мысли, что художники и философы вообще склонны более чутко реагировать на вопросы отношения человека к окружающему миру. «Если заново писать историю восприимчивого художника, — пишет А. Вирлахер, — то нужно было бы ее рассматривать в соответствии с историей европейской дискуссии о моральной и физиологической концепции питания, отдающей предпочтение вегетарианской пище» (Wierlacher, 1987. S. 92).

Точно так же и в России обсуждением и пропагандой вегетарианских форм жизни занимались, в первую очередь, именно художники, опиравшиеся, как правило, на религиозную традицию или ее отдельные аспекты (этику сострадания, аскетические тенденции).

1. Московский Сократ: Н. Ф. Федоров

Одним из самых интересных русских мыслителей XIX столетия был Николай Федорович Федоров (1828 или 1829—1903). Он является автором «Философии общего дела» — фантастического проекта, рассматривающего преодоление смерти и «воскрешение отцов» как цель истории человеческого рода и совместную задачу живущих. Его учение связывает христианские воззрения с технической утопией¹. Федоров был знаком с Л. Н. Толстым, Ф. М. Достоевским и В. С. Соловьевым; его взгляды имели влияние на «евразийское движение», на В. В. Маяковского и В. В. Хлебникова, на основателя советской космонавтики К. Э. Циолковского и его «космическую философию». С 1874 по 1898 г. Федоров состоял в должности библиотекаря Румянцевского музея. Посвящение одной из глав настоящей работы Н. Ф. Федорову — дань преклонения перед уникальностью его образа жизни, перед его отказом от всякого рода материального благополучия. Федоров «вел очень скромную жизнь, похожую на жизнь аскета или киника»². Он получал скудное жалование, большую часть которого передавал нуждающимся: ел очень скромно, ежемесячно расходуя на еду всего три рубля; питался в основном чаем с хлебом или с баранками, а иногда ел кусок старого сыра или соленой рыбы и месяцами жил без горячей пищи. Его друзья, бывало, почти силой переселяли его на «подходящую», уютную квартиру, устраивали для него ежедневное меню из двух блюд, меблировали комнату хотя бы кроватью и периной. А если спустя неделю возвращались, то, как правило, находили комнату пустой: Федоров отдавал кровать и перину, а хозяин квартиры снабжал его, по его же настоянию, опять только хлебом и чаем³.

Несмотря на свой аскетический образ жизни, Федоров не был мрачным отшельником — он почти всегда имел в кармане сладости для детей...

После первой встречи с Толстым в 1878 г. Федоров не раз встречался с ним на протяжении 1880-х—1890-х гг. Об этих встречах сохранилось много свидетельств. Встречи их происходили либо в Румянцевской библиотеке, либо в доме Толстого в Хамовниках, либо в убогих обиталищах самого Федорова. Личность Федорова, последовательная непритязательность и аскетичность его образа жизни произвели на Толстого боль-

шое впечатление: «Он живет в крошечной комнате. Тут стоит деревянный сундук, прикрытый газетой, это — его постель. Платье у него только то, что на плечах; пища — молоко, за которым он ходит в молочную, где и выпивает его. Одно! (...) он курит! Говорит, что от этой привычки отстать не может»⁴. В. Ф. Лазурский сообщает об одном разговоре с Толстым летом 1894 г., в котором последний сказал об авторе «общего дела»: «Этот святой человек (...) у него ничего нет; всякую книжку, которую купит или ему подарят, он сейчас отдает в музей. Дома спит на сундуке и на газетах в маленькой комнате; живет на квартире у какой-то старушки. Он, конечно, вегетарианец, но не любит и стесняется говорить об этом»⁵.

Федоров, с своей стороны, замечал часто обсуждаемое несоответствие между требованиями и действительностью в жизни Толстого; ему же самому удовлетворение личного тщеславия было неведомо. В отличие от Толстого он никогда не позволял себя портретировать. Толстой, как известно, не принимал икон, называя их «дощечками». Однако, критикуя непоследовательность Толстого, Федоров замечал: «свои изображения, свои иконы Толстой распространяет всюду, так как если собрать все разнообразные иконы Толстого, — а это и будет когда-либо сделано, — получится громадный иконостас»⁶. Сфотографировать себя Федоров «позволил» лишь однажды — на смертном одре... Те немногие портретные эскизы, которые существуют, были набросаны тайно: так, например, на тайно сделанном рисунке основывается знаменитая картина Леонида Пастернака «Три философа», которая висит в «комнате философов» в Московском музее им. Толстого и изображает Федорова, Толстого и Вл. Соловьева за беседой (илл. 3)⁷. Сама картина была закончена только в 1919 г.

Со временем между Толстым и Федоровым установилось взаимное отчуждение: Федоров решительно отрицал учение Толстого о непротивлении злу, а также его все более положительное отношение к смерти, и страстно защищал науку, веря в ее великое будущее.

И Вл. Соловьев, высоко чтивший Фёдорова с момента первого знакомства с его идеями (1878), неоднократно встречался и беседовал с ним. Об этом, в частности, свидетельствует картина Пастернака. В одном из писем середины 1880-х гг. Соловьев называет Федорова своим «дорогим учителем и утешителем». Автор «Трех разговоров», правда, имел другое

представление о воскресении: «Простое физическое воскресение умерших само по себе не может быть целью. Воскресить людей в том их состоянии, в каком они стремятся пожирать друг друга, воскресить человечество на степени каннибализма, было бы и невозможно, и совершенно нежелательно»⁸.

2. Христианская этика: В. С. Соловьев

14 февраля 1905 г., как уже говорилось выше, у Толстых гостил Анри де Вогиюэ. Толстой спросил его: «Вегетарианских столовых много в Париже?» На это Вогиюэ ответил: «Есть, но немного. Я знал одного русского вегетарианца, Владимира Соловьева: бледный, высокий». Толстой заметил: «Но он рыбу ел. Не был вегетарьянцем...»¹.

Соловьев, между тем, все-таки был вегетарианцем, как указывал в 1992 г. лучший, пожалуй, знаток его дела и жизни Людольф Мюллер². В 1904 г. А. И. Воейков назвал Соловьева «вегетарианцем по убеждению»: «Вегетарианцы между молодежью были и в 70-х годах, когда граф Толстой еще не был вегетарианцем, затем и позже можно указать, напр., на Влад. С. Соловьева, которого уже никто не назовет последователем гр. Л. Н. Толстого»³. Соловьев знал о тех силах, которые можно черпать из воздержности; в его философии вопросы питания играют значительную роль.

В третьей главе труда «Духовные основы жизни», созданного между 1881 и 1884 гг. и отдельной книгой опубликованного впервые в 1884 г., он говорит «О посте»: «Как воплощенный Бог спасает человечество, так воссоединенное с Богом человечество должно спасти всю природу. <...> Весь природный мир должен стать живым телом возрожденного человечества»⁴. Этот тезис полностью соответствует одной из главных мыслей Л. Н. Толстого: улучшать мир человек может только тогда, когда он улучшает сам себя. Не может быть сомнения в том, что аргументы Соловьева в пользу поста являлись для Толстого подтверждением и его собственных убеждений⁵.

Соловьев различает *пост духовный*, *пост умственный* и *пост* в собственном смысле, или *пост физический*: «Есть пост духовный — воздержание от самолюбивых и властолюбивых действий, отказ от чести и славы человеческой. Этот пост особенно необходим общественным деятелям. <...> Есть пост умственный — воздержание от односторонней деятельности ума. <...> Не ищи знаний для знаний, без пользы для ближнего и для дела Божия. <...> Наконец, третий пост, в собственном смысле пост, есть пост чувственной души, т. е. воздержание от чувственных наслаждений, неуправляемых и не умеряемых сознанием ума и властью духа»⁶. Затем Соловьев излагает

свой взгляд на эти три вида поста в отдельности: «Основным и главнейшим видом физического поста всегда по справедливости считалось воздержание от кровавой пищи, от мяса теплокровных животных, ибо этого рода пищи прямо противоречит идеальному назначению нашей физической деятельности. Истинная задача нашей чувственной жизни — возделывать сад земли — превращать мертвое в живое, сообщать земным существам большую интенсивность и полноту жизни — *животворить* их. Прямая противоположность этому — умерщвлять живые существа в особенности там, где жизнь достигает наибольшей силы и напряженности, как у теплокровных животных. Пока мы еще не способны животворить мертвую природу [это, может быть, намек на теорию Н. Ф. Федорова. — П. Б.], мы по крайней мере должны как можно меньше умерщвлять живую. Таким образом, начальная обязанность физического поста направлена не только к ограничению наших чувственных наслаждений, но и к исправлению наших прямых отношений к внешней природе.

Мы не можем сразу исправить эти отношения, не можем совершенно избавиться от необходимости умерщвлять, чтобы жить; но мы можем и обязаны постепенно ослаблять и уменьшать эту необходимость. Если зло не может быть совсем уничтожено, то во всяком случае чем меньше его, тем лучше, и мы должны по мере возможности сводить его к наименьшему. Поэтому мудрость св. церкви, не требуя безусловного воздержания, признает много степеней и видов физического поста»⁷.

Во второй главе своего труда «Оправдание добра. Нравственная философия», написанного между 1894 и 1899 годами, Соловьев вновь говорит о воздержанности. «В области телесной жизни наша нравственная задача состоит собственно в том, чтобы не определяться страдательно плотскими влечениями — особенно в двух главнейших отправлениях нашего организма — питания и размножения»⁸. Рассмотрев вопросы, касающиеся контроля дыхания и борьбы со сном в различных исторических формах аскезы, Соловьев обращается к питанию:

«У животных перевес материи над формой происходит от избытка питания, как это наглядно можно видеть на примере гусениц между низшими и откормленных свиней между высшими животными. У человека та же причина (избыток

питания) обуславливает перевес животной жизни, или плоти, над духом. Вот почему воздержание в пище и питье — пост — всегда и везде составляло одно из основных требований нравственности. Это воздержание касается, во-первых, количества — и тут не может быть общего правила — и, во-вторых, качества. В этом последнем отношении правилом всегда и везде было воздержание от пищи животной и в особенности так называемой мясной (т. е. мяса теплокровных животных). Причина этого состоит в том, что мясо, легче и полнее претворяемое в кровь, скорее и сильнее повышает энергию плотской жизни⁹. Воздержание от мясной пищи, без сомнения, может утверждаться как всеобщее требование. Все возражения против этого правила не выдерживают критики и давно опровергнуты не только моралистами, но и естествоведами. Было время, когда употребление сырого или прошедшего через огонь человеческого мяса считалось делом нормальным¹⁰. С точки зрения аскетической, воздержание от мяса (и вообще животной пищи) вдвойне полезно: во-первых, поскольку этим ослабляется энергия плотской жизни, во-вторых, так как наследственная привычка развила естественную потребность в этой пище, то воздержание от нее, упражняя силу воли на счет материального влечения, повышает тем самым духовную энергию¹¹.

Что касается до питья, то самое простое благоразумие запрещает употребление крепких напитков, доводящее до потери разума. Аскетический принцип требует, конечно, большего. Вообще вино повышает энергию нервной системы и чрез нее психической жизни; на наших ступенях духовного развития, где преобладающая сила в душе еще принадлежит плотским мотивам, все, что возбуждает и поднимает служащую душе нервную энергию, идет на пользу этого господствующего плотского элемента и, следовательно, крайне вредно для духа; поэтому здесь необходимо полное воздержание “от вина и сикера”. Но на более высоких ступенях нравственной жизни, какие достигались и в языческом мире, например Сократом (ср. Платонов “Пир”), — энергия организма служит более духовным, нежели плотским целям, и повышение нервной деятельности (разумеется, в пределах, не затрагивающих телесного здоровья) усиливает действие духа и, следовательно, может быть в известной мере не только безвредно, но даже и прямо полезно. Всеобщим и безусловным правилом

остается здесь одно: сохранять духовную трезвость и ясность сознания»¹².

В примечании к этому месту следует дополнение: «Впрочем, так как при действительном уровне человечества господство плотских влечений есть правило, а преобладание духовных побуждений — только исключение и притом довольно неустойчивое, то проповедь трезвости и борьба против искусственного одурения может без всяких практических неудобств выставлять своим правилом полное воздержание от крепких напитков и всяких других возбуждающих средств. Но это уже имеет значение педагогическое и профилактическое, а не принципиально-нравственное»¹³.

Вопрос о вегетарианстве затрагивается Соловьевым и в 1892 г. — в споре с критиком-народником Н. К. Михайловским, назвавшим Достоевского «жестоким талантом». Это дало Соловьеву повод выступить в защиту писателя в статье «Несколько слов по поводу “жестокости”», опубликованной, правда, лишь в 1989 г.¹⁴ Ссылаясь на роман Эжена Сю «Парижские тайны», Соловьев критикует теорию Фурье, согласно которой и дурные наклонности, вложенные в человека природой, нуждаются только в известном приспособлении, чтобы сослужить обществу полезную службу: «Положим, вы грубо-кровожадны. Хорошо! говорит общественный идеал: ступайте мясником на бойню (причем предполагается, что бойни должны существовать вечно)». И это место показывает, как вопрос сознательного убийства невинной жизни не переставал занимать Соловьева; здесь слышится отзвук надежды, что человечество когда-нибудь будет обходиться без боен.

3. «Писатели-сердобольники»

3.1. *Заступник животных: Д. В. Григорович*

Писатель Д. В. Григорович (1822—1899), один из авторов «натуральной школы», известен прежде всего своим рассказом «Антон-Горемыка» (1847). В 1910 г. в *ВО* был посмертно опубликован его очерк «Горькая доля», написанный незадолго до смерти и направленный против разных форм жестокого обращения с животными: с пониманием относясь к профессиональной охоте, автор, тем не менее, решительно осуждает разные виды охоты «забавы ради». Он с возмущением говорит о том, что происходит в северных морях, когда тюлени, моржи и котики выползают на лед с тем, чтобы выкармливать своих детенышей: люди беспощадно убивают их дубинами — «в 1895 году одним только норвежским судном увезено было 30 000 шкур несчастных животных»¹. В тех же морях «то же происходит с китами, а на юге, в Индии, на Цейлоне и в Африке, — со слонами и птицами». Рассказчик напоминает и о том, что в течение долгих лет на Ходынском поле в Москве устраивали «медвежью травлю»: к столбу в центре арены «привязывали цепью медведя, которого предварительно томили жаждой и голодом, затем выжигали ему каленым железом глаза, выколачивали зубы и отпиливали когти. В таком виде несчастное животное должно было защищаться против нескольких медеянских собак, выпущенных их владельцами»². Это происходило задолго до того дня, когда во время давки на том же Ходынском поле в 1896 г. во время торжеств по случаю коронации Николая II, по официальным данным, погибли 1597 человек. Григорович осуждает, кроме того, голубиную стрельбу и оспаривает право человека выставлять животных в цирке — вопросы, актуальные и сегодня: «Все эти танцующие под музыку лошади, обезьяны, скачущие на собаках, балансирующие слоны, собаки, бегающие на передних лапах и кувыркающиеся через голову на подобие клоунов, все эти зрелища, возбуждающие смех и удивление, — ничего больше, как страшное злоупотребление силою над бессловесным, беззащитным живым существом, вынужденным молча покориться своей горькой участи»³.

Довольно сомнительную роль, однако, сыграл Григорович при первой в России попытке основания вегетарианского

журнала. Вскоре после публикации статьи Толстого «Первая ступень» студент К. Н. Смирнов в 1892 г. впервые выработал план издания такого органа (ср. ниже гл. V. 4). Подробная программа этого журнала предусматривала обсуждение не только вопросов питания, но также этических и сексуальных проблем. Программу согласовали с Толстым, который письменно⁴ и устно обещал сотрудничать с журналом и предложил Смирнову связаться с издательством «Посредник». Григорович случайно присутствовал на одной из этих встреч. Ввиду того, что он, как официальный «чтец» царского двора, имел связи с высшими кругами, Толстой попросил именно его ходатайствовать о цензурном разрешении. Проект программы был передан Григоровичу на дом для личного ознакомления. Очевидно, по неосторожности он выдал его своему собеседнику при дворе. Когда немного времени спустя Смирнов пошел в Комитет по делам печати осведомиться по поводу проекта, к нему вышел начальник и на вопрос о журнале сказал, что он журнала не разрешает, так как не может одобрить программы. — Но программа журнала очень скромная, — сказал Смирнов. — Да, та, которую вы мне представили, скромная; но которую мне передал Григорович, выходит за пределы допустимого, — сказал начальник и показал Смирнову подробную программу, переданную Григоровичу в Москве...⁵

3.2. Мужество убеждения: Н. С. Лесков

Малоизвестно, что далеко не последнюю роль в возникновении вегетарианского движения в России сыграл Н. С. Лесков. Вегетарианство повлияло на жизнь и творчество писателя, в особенности с момента личного его знакомства с Толстым 20 апреля 1887 г. в Москве¹.

В 1889 г. в газете «Новое время» Лесков опубликовал заметку «О вегетарианцах, или сердобольниках и мясопустах» — в этой заметке он высказался по поводу проживавшего в Петербурге г. Малиновского, о котором газеты тогда сообщали, что он якобы «не кушает мясо животных и рыб и пользуется до 60 лет прекрасным здоровьем и бодростью сил» [! — П. Б.], впрочем, от мясной пищи он отказался «по отвращению». Лесков задается вопросом, к чему именно г. Малиновский почувствовал отвращение: к качеству ли мясных кушаний, или к тому убийству, которое необходимо совершить

над животным, прежде чем подать часть его тела на блюде? «В этом есть огромная, очень интересная и очень существенная разница, которая занимает многих людей. В первом случае мы очевидно имеем дело только с особенностью вкуса, а во втором с причиною гораздо более сложною и поучительною. О вегетарианцах, которые не едят мяса потому, что не любят мясной пищи или считают ее нездоровою, говорить нечего. Это дело их вкуса и их личных гигиенических соображений. Но вегетарианцы или мясопусты по отвращению к убийству представляют собою очень характерное явление нравственного свойства, независимое ни от каких теорий и учений. В народе уважают только “сердобольников”, т. е. таких людей, которые не хотят есть мяса не потому, что оно не вкусно, а потому, что оно есть убойна. <...> Есть в народе молодые люди и старики, которые ничего не слышали о “вегетарианизме”, а <...> едят ничего ни мясного ни рыбного. Их не очень много, но, однако, все-таки их более, чем следующих вегетарианству. Они следуют просто одному своему чувству жалости»².

Три года спустя, 25 июня 1892 г., в той же газете под рубрикой «письмо в редакцию» Лесков опубликовал свой призыв «О необходимости издания на русском языке хорошо составленной обстоятельной кухонной книги для вегетарианцев»³. Чувствуется надобность, — пишет автор, — в издании на русском языке хорошо составленной, обстоятельной *кухонной книжки для вегетарианцев*, в которой были бы только изложены рецепты и способы приготовления вкусных столовых блюд без убойны. «Таких книжек есть уже на немецком языке и очень много на английском. Последние особенно одобряются. В Лондоне, как известно, существует несколько вегетарианских ресторанов (без убойны) и в числе их есть два перворазрядных. Наши русские вегетарианцы до сих пор обходились кое-как, но теперь, когда число их стало значительно и еще постоянно увеличивается — они тоже озабочиваются иметь для себя лучшие удобства в стол, что очень важно для людей слабых, престарелых и больных. Для достижения этого, теперь на очереди стоит издание русской поваренной книги для вегетарианцев. Для этого ими уже собраны иностранные книжки в подходящем роде, и есть лицо, готовое принять на себя расходы по изданию. Дело останавливается за недостатком хорошей, опытной хозяйки, которая знала бы английский язык настолько, чтобы понимать кухонные ре-

цепты английской вегетарианской поваренной книги, и могла бы их передать по-русски, и не без выбора, а именно выбрать из всего только такие кушания, которые соответствуют русским продуктам и русскому привычному вкусу. Издатель и лица, озабоченные изготовлением такой книги для русских вегетарианцев, встретили большие затруднения в отыскании такой особы и обращаются теперь к посредству печати с просьбой — помочь этому затруднению приданием искательству гласности.

Кто пожелает взять на себя труд составления вегетарианской кулинарной книги, тех просят сообщить свой адрес и свои условия Н. С. Лескову, Усть-Нарова, Шмецк, № 4».

Этот бесстрашный призыв известного писателя вызвал в русской прессе многочисленные насмешливые реплики. Критик В. П. Буренин, например, напечатал, между прочим, фельетон, в котором Лесков пародийно выведен в главе «Благоживый Авва, литературный древокол»: «Он во сне бредит убоиной, наяву же, пропустив стаканчик и закусив ветчиной и т. д. пишет фельетон “о вреде употребления в снедь убоины”»⁴. Лесков ответил на такого рода нападки и клевету письмом в редакцию, озаглавленным «Литературная справка»⁵. Я привожу его дословно ввиду малодоступности текста:

В местности, где я провожу лето, мне неизвестно многое, о чем пишут теперь в газетах, и я до вчерашнего дня не знал, что с тех пор, как в «Новом Времени» (25-го июня) напечатан мой анонс о намерении одного из моих друзей издать русскую поваренную книгу для неупотребляющих в пищу убоины — я сделался предметом значительного внимания и обильных насмешек. Вчера мне прислали несколько листов различных изданий, где осмеивают мое юродство, и попутно изъясняют, что заводчиками этой «нелепости» (не есть убоины) должно считать Льва Толстого и Владимира С. Соловьева.

О моем «юродстве» я не смею говорить ни одного слова, но по отношению к «нелепости», которая «выдуманна» будто Толстым и Соловьевым я считаю себя обязанным сделать поправку.

«Нелепость» — не есть плоти животных «выдуманна» *до* Соловьева и *до* Толстого. Помимо огромного количества, имена которых ничем особенно не известны, — в ряду лиц, прославившихся и известных, не употребляли в пищу плоти животных следующие достопримечательные люди старого и нового века: Зороастр, Сакия-Муни (Будда), Ксенократ, Пифагор, Эмпедокл, Сократ, Эпикур, Платон, Сенека, Овидий, Ювенал, Плутарх, Аполлоний Тианский, Климент Алекс., Ориген, Лак-

танций, Василий В., Иоанн Злат., Иероним, Августин, Вольтер, Руссо, Бернаден де с. Пиер, Монтень, Франклин, Паскаль, Говард, Байрон, Шелли, Гете, Шиллер, Ламартин, Ричард Вагнер, Алекс. Гумбольдт и мн. др.

Следовательно, Толстой и Соловьев в «заводчики» этому делу не годятся. Другое издание приводит в особенное раздражение та «уверенность, что род человеческий когда-нибудь отстанет от мясной пищи», но и эту «уверенность» в новой литературе выразили не Толстой и Соловьев, а ее громче всех провозгласил Ламартин. Я не могу сейчас в точности цитировать его слова, но помню, что он выводил свою «уверенность» из такого рассуждения: «Когда люди пожирали тела других людей, то им, в тогдашнем их состоянии, это казалось ни мало не *противно* и вполне *естественно*, но потом, когда люди стали умнее и нравственнее — они перестали есть тела своих стариков и пленников, и теперь это им уже *противно* и *несвойственно*».

По такому неведению Ламартин заключал, что «в отдаленном будущем, — когда люди проникнутся тем состраданием, которого *ожидает* и о котором *стенает* вся тварь* [Рим. VIII, 19—22], — людям того времени сделается жалко убивать животных и станет неприятно и страшно съедать их».

Ламартин почитал это «только за вопрос о времени», и находил, что воздержники от мясной пищи по мере сил своих *приближают* оное «*реченное* время», когда «корова будет пастись с медведицею и детеницы их будут лежать вместе»* [Исаия XI, 6—8].

Следовательно, шутки над ожиданием «оного *реченного* времени» надо начинать по меньшей мере отсюда. В заключение еще одно издание смеется над самым словом «вегетарианство», и предлагает называть вегетарианцев «зеленщиками».

Делая такое предложение, почтенное издание, вероятно, думает, что словом «вегетарианизм» выражается известный род пищи... Но это — ошибка: англичане и немцы производят слово Vegetarier от латинского слова Vegetas, что соответствует значению «здоровый» или «мощный».

Называть вегетарианцев «зеленщиками» пристойно не более, чем, например, назвать «мясниками» тех, которые, поев мяса, приходят в ярость на других за то только, что эти не едят мяса...

Все эти сведения, излагаемые мною здесь в литературной справке, конечно, очень отрывочные, но все-таки я надеюсь, что и они могут пригодиться для тех литераторов, которые вступают в полемику без всякого знакомства с литературою обсуждаемого вопроса и потому принимают иногда очень старинные вещи за нововведения того дня, в который процвели в России господа такие писатели.

Последовавшая за этим травля со стороны прессы — в особенности в фельетонах В. П. Буренина — вызвала возмущение у многих современников Лескова, в частности, у А. П. Чехова. Сам же Лесков не дал себя запугать насмешками — напротив, в декабре 1892 г., в том же «Новом времени», он публикует заметку под заголовком «Вопрос вегетарианских дам. Письмо в редакцию»⁶. И этот текст привожу здесь дословно, так как мне пришлось переписать его из очень потрепанного экземпляра этой газеты в филиале Российской государственной библиотеки в Химках:

Я получил из разных мест письма, в которых меня спрашивают: когда именно в Петербурге будет открыта гигиеническая выставка и могут ли вегетарианцы рассчитывать на то, что им дадут возможность представить на суд общества продукты, обработанные и приготовленные так, как это принято в вегетарианских хозяйствах? При желании не маскировать свои предметы, а прямо назвать их приготовлением *вегетарианским*. По-видимому, для этого у них есть и основания, так как опытные люди говорят, будто «обработка зерновых и фруктовых продуктов у вегетарианцев доведена до замечательного совершенства». Во всяком случае вопрос стоит ответа, а я этого ответа дать не могу, так как я нигде не мог получить верных сведений даже о том, когда (наверное) будет открыта в Петербурге гигиеническая выставка?

Позвольте мне, для пользы дела, предложить этот вопрос в вашей газете, с надеждою, что он, таким образом, дойдет до тех лиц, к которым могли бы обратиться с своими недоразумениями русские хозяйки вегетарианского согласия. Николай Лесков. 2-го декабря 1892.

Очевидно, Лескову хотелось, чтобы вегетарианские устремления были представлены в рамках общей гигиенической выставки. Он говорит о «вегетарианском согласии», т. е. употребляет термин, которым у сибирских староверов обозначается мирская сходка — неудивительно, что мы встречаем это слово у писателя, очень интенсивно занимавшегося формами русской религиозной жизни вне православия.

И в письмах Лескова начала 1890-х гг. довольно часто речь идет о новом образе жизни. Издателю «Нового времени» А. С. Суворину 12 октября 1892 г. он советует: «Мяса не ешьте. {...} В Одессе одною умнейшею дамою написана чудесная книга для стола без убоины. Жаль, что все это так не скоро издается. Надо бы поднимать пищевые вопросы к предстоящей гигиенической выставке: Вы, бывало, хорошо чуяли, что своевременно... Подумайте-ка об этом не с рутинерами и с

обжорами!.. [Суворин, очевидно, исполнил просьбу Лескова, напечатав его заметку «Вопрос вегетарианских дам», см. выше. — П. Б.]. Землю-то надо обратить в “рай” — в “сад, насаженный Богом” (умом). Этика пищи — великий вопрос. Не должно быть голодных и обжор! Теперь 9/10 пищевых продуктов пропадает даром. Неужто это так и следует? — Курить надо бросить. Я давно не курю и вина не пью <...> Моя болезнь (ангина), конечно, неизлечима, но с тех пор, как я не ем мяса (теперь как раз год), — я страдаю меньше, и могу читать, и иногда могу писать»⁷. Немного другой вариант вопроса о «перемене» в его жизни читаем в письме к В. В. Протопопову от 10 сентября 1892 г.: «Я до 47 лет пил вино, курил сигары и папиросы и ел мясо и все это почитал для себя за необходимое». Стало быть, Лесков перешел к новому образу жизни уже в 1878 г. Но в том же письме он заявляет: «... с 15-го ноября 1891 года перестал есть мясо», и с тех пор его здоровье стало гораздо лучше: «Всему этому облегчению я знаю только одну очевидную для меня причину — это то, что я стал жить *по-вегетариански*, т. е. ем пищу только растительную, молочную и яйца <...> Мне теперь совсем *никогда* не хочется есть мяса, и я вполне доволен простыми и скромными блюдами вегетарианского стола <...>»⁸. И в некоторых других письмах, почивающих пока в архиве Лескова, писатель высказывается в пользу больших преимуществ умеренного и безмясного питания, не уточняя, впрочем, до какой степени его признание вегетарианского режима обязано этическим или же медицинским мотивам. Очевидно тут были замешаны оба мотива, как он сам сообщает Суворину в цитированном уже выше письме от 12 октября: «К вегетарианству я перешел по совету Бертенсона; но, конечно, при собственном моем к этому влечению. Я всегда возмущался <бойнею> и думал, что это не должно быть так»⁹.

То, что этические мотивы играли решающую роль для Лескова, видно из писем, которые он написал 6 и 10 августа Ю. О. Якубовскому; они частично напечатаны в 1910 г. в *ВО*¹⁰, где Лесков отзывается о книге польского врача и вегетарианца (или точнее: веганца) Моэса-Оскрагелло «Природное питание человека и его влияние на человеческую судьбу» («*Przyrodzone pokarmy człowieka i wpływ ich na dołę ludzką*»). Лесков спрашивает: «Которые же из его книжек для души хороши?» Впрочем, Лесков отрицает крайние требования и слишком

строгие предписания Моэса-Оскрагелло, который, в частности, не допускал совместного потребления вареной и сырой пищи. Лесков называет кулинарную часть его книги «суровой» и осуждает такие крайности¹¹: «Кто гнет — не парит, а сломит — не тужит, тот достоин похвалы за решительность, но не за благоразумие. Нам <...> надо рассчитывать более на среднего человека <...> зачем пугать людей, что если не есть убоины, то уже непременно надо есть по-коровьи. Этой крайностью уже много испорчено. Столовая книжка “для воздержных” в Петербурге уже изготавливается г-жей В. Я боюсь, что это будет не то, что нужно. А нужно (по-моему) “Сто блюд без убоины” и более ничего. Я хлопочу о такой *маленькой* книжке для людей средней руки. Более строгие если найдут что — откинут. <...> До сих пор над нами, ведь, пока еще *только смеются*, и мы должны изловчаться, чтобы почему-нибудь делать свои “смешные” рассуждения предметом внимания...» Таким образом, Лесков высказывался в пользу тактического образа действий.

Вегетарианство Лескова как тему затрагивает и его сын Андрей в биографии отца, опубликованной лишь в 1954 г.¹² В главе «Без убоины» он в довольно пренебрежительном тоне говорит о том, что его отец якобы взял «курс на безубоину» у Толстого, а также о его «столовом аскетизме». В частности, А. Лесков ссылается на очерк «Дворянский бунт в Добрыньском приходе», написанный в 1881 г. Там описывается, как в Новый год на день Василия Кесарийского «все орловское православие кушает в честь благородного философа Кесарии “касарецкого поросенка”». По уверению крестьян, самим пороссятам это приносит большое удовольствие, так как всякое животное, убиваемое к христианскому празднику, «с радостью идет на нож» — уверение, явно порождаемое представлениями человека. Когда заколотых пороссят устанавливали рядом замораживать, с поднятыми вверх обрубленными лапками, крестьяне говорили: «У батьки пороссятки как молятся! На касарецкого их есть будем». Эту сцену А. Лесков называет «аттическими строками». Кто бы подумал, читая их, — говорит он, — что автор этих строк превратится в апостола «безубойного питания», в «мясопуста» и «сердобольника», который резко ополчится на табак и хмельное? При этом сам А. Лесков, по всей видимости, не замечает явно критическое изображение спившегося попа в этом очерке.

Более того, Лесков еще за несколько месяцев до знакомства с Толстым собирает вырезки из газет с этическими предписаниями последнего и записывает для самого себя: кто не действует согласно с тем, что повелевает *истина* и *добро*, — «тот бога недостоин, хотя бы весь век ел постное, как корова, и молился на все стороны». Для Андрея Лескова эти «противоцерковные аргументы» служат еще одним доказательством: «Вводится “корова”. Вегетарианству еще не пришел час». То, что корова здесь не назначена к убою, но в силу ее вегетарианского образа жизни служит примером, причем во век есть постное для человека еще не большая заслуга — этому А. Лесков тоже не придает значения¹³. В рассказе «Грабеж», появившемся немногим позже в декабрьской «Книжке недели» 1887 г., описывается убой молодых бычков богатым мясником: тот, стоя с ножом в руках, слушает, как над парной кровью в клетке яростно свищет соловей¹⁴.

Первый персонаж русской литературы, который изображается вегетарианцем¹⁵, — главный герой рассказа Лескова «Фигура», напечатанного в июне 1889 г.¹⁶. Фигура, собственно «Вигура», владеет скромной усадьбой в киевском предместье Куриневке. Он сам, хоть и дворянин, «копал огород», сам его возделывал и засеивал овощами и сам же вывозил эти овощи на Подол, на Житный базар (...) и продавал свои огурцы, гáрбузы (тыквы), дыни, капусту, бураки и репку. Живет он с молодою хохлушкой Христей, у которой есть дитя, девочка Катря. «Из них трех никто не употреблял в пищу ни мяса, ни рыб — словом, ничего, имеющего сознание жизни».

Рассказчик узнает, что Фигура «унаследовал» эту привычку от «чудесной» своей матери, которая «никого не могла огорчить, ни человека, ни животного, — даже ни мяса, ни рыбы не кушала, из сожаления к животным. Она ни у себя в доме, ни у соседей не хотела снестать мяса: «Этих, — говорила, — я живых видела: они мне знакомые, — не могу есть своих знакомых». А потом и незнакомых не стала кушать. «Все равно, — говорит, — с ними убийство сделано». Священник ее уговаривал, что «это от бога показано», и в требнике на освящение мясов молитву показывал, но ее не переспорил.

Фигуре, тогда еще молодому офицеру на военной службе, нанес оскорбление стоящий ниже чином; по своим же христианским убеждениям он не применяет требуемых кодексом чести санкций против обидчика. Генерал Д. Е. Остен-Сакен,

который ему благоволит, хочет уволить его со службы без наказания и предлагает ему вступить в монастырь, в монахи. «Трудно там только — безбрачная жизнь <...> А дальше что же остается трудное? — мяса не есть. — Я мяса совсем никогда не ем. — А зато у них прекрасные рыбы. — Я и рыбы не ем. — Как, и рыб не едите? Отчего? — Мне неприятно. — Отчего же это может быть неприятно — рыб есть? — Должно быть, врожденное — моя мать не ела тел убитых животных и рыб тоже не ела. — Как странно! Значит, вы так и едите одно только грибное да зелень? — Да, и молоко, и яйца. Мало ли еще что можно есть!»

Генерал отпускает молодого офицера с пенсией по 36 рублей в год, и Фигура начинает жить той жизнью садовника, о которой говорилось выше.

Литературоведы, как правило, мало обращают внимания на *vegetariana*. В этом смысле показателен пример Хью МакЛина (Hugh McLean), который в своей фундаментальной монографии о Лескове (1977) лишь вкратце упоминает о том, что Фигура — пожизненный вегетарианец («a lifelong vegetarian»), но ни слова не говорит о генезисе этого поведения и при этом считает героя «слишком уж нереальным» («all too unreal»)¹⁸. Между тем, автор уверял в письме к Толстому, что герой взят из жизни: это основатель украинского штундизма.

В октябре 1890 г. Лесков заканчивает рассказ «Полунощники». Сперва ни один русский журнал не был готов печатать этот рассказ — из-за антицерковной тенденции; в итоге, он появился в ноябрьском и декабрьском выпусках «Вестника Европы». Главный персонаж, Клавдия, убежденная приверженка Толстого, — вызывающая симпатию девушка. Она — строгая вегетарианка. Из-за толстовских воззрений ее подвергают допросу. Мясо, предназначенное для съедения, она принципиально называет «трупам», как это нередко делал Толстой (а также и Лесков в своих письмах):

«Мне кажется, вы слабы и нездоровы?»

«Нет, — говорит она, — я совершенно здорова».

«Вы, говорят, мясо не едите?»

«Да, не ем».

«А отчего?»

«Мне не нравится».

«Вам вкус не нравится?»

«И вкус, и просто я не люблю видеть перед собою трупы».

Он и удивился.

«Какие, — спрашивает, — трупы?»

Она отвечает:

«Трупы птиц и животных. Кушанья, которые ставят на стол, ведь это все из их трупов».

«Как! Это жаркое или соус — это трупы! (...) А кто вас этому научил?»

«Никто».

«Однако как же Вам это пришло в голову?»

«Вас это разве интересует?»

«Очень! Потому эта глупость теперь у многих распространяется, и мы ее должны знать»¹⁹.

Государство и церковь хотели получить больше информации о приверженцах Толстого...

Подробно вопросы воззрений Толстого обсуждаются и в повести «Зимний день» (1894): молодая Лидия Павловна и служанка Федора живут толстовцами, как непротивленки; во время разговора Толстого упрекают в том, что он будто бы «запрещает» есть мясо, и тут же этому мнению возражают²⁰.

Насколько «реформа жизни», которой требовал Толстой, и «заповеди библейского учения» занимали Лескова, видно и в тексте повести «Соляной столб», оставшейся незаконченной. Она была написана между 1891 и 1895 гг. и появилась в печати только в 1997 г.²¹ Эта повесть — своего рода ответ на нападки консервативного писателя Константина Леонтьева на «религию любви» Толстого. Прототипами персонажей являются члены семьи живописца Н. Н. Ге, тесно дружившего с Толстым. «Теперь, — замечает рассказчик, — часто говорят о “толстовцах”, но тогда их еще не было, и весь “толстовский кружок” в Петербурге состоял из очень небольшого числа людей, собиравшихся раз в неделю к вечернему чаю в одном доме на Миллионной²². В этом маленьком кружке были, однако, люди очень замечательные по своему значению и характерам». В их числе находился Плисов, главный герой рассказа, тогда уже пожилой человек. Он поселился в своем небольшом хуторе и вместе с женой ведет очень простую жизнь; землю он большею частью сдает в аренду соседним крестьянами и посвящает себя тому делу, на поприще которого он достиг известности и значительного совершенства [имеется в виду: живопись. — П. Б.]. В дальнейшем рассказчик предоставляет слово самому герою. Тот сообщает, что у них было очень хорошее соседство: «со всех сторон подряд все крестьяне рациона-

листической секты, все без исключения трезвые и трудолюбивые. <...> На горе за рекою стоял “пустой приход”, и в нем жило “духовное сословие”, но мы с этим местом никаких сношений не имели и сами для тамошних обитателей интереса, вероятно, не представляли, так как там хозяева и гости курили табак, пили вино и играли в карты, а мы не только обходились без всего этого, но даже все это не любили и притом еще не ели ни мяса, ни рыбы, а питались одною растительною пищею и находили, что это для нас и для наших детей предостаточно».

3.3. Переводчица-вегетарианка: А. П. Барыкова

I conjure those who love happiness and truth, to give a fair trial to the vegetable system.

Percy Bysshe Shelley

(Note 17 to «Queen Mab»)

Одной из наиболее активных представительниц вегетарианского образа жизни среди русских писателей середины 1880-х гг. была Анна Павловна Барыкова (1839—1893). Она происходила из очень образованной семьи. Ее отец, П. П. Каменский, писал рассказы и драмы; он вошел в сотню авторов, включенных в 1840-е гг. в многотомное издание «Сто писателей». Ее мать, М. Ф. Каменская, — дочь вице-президента Академии Художеств Ф. П. Толстого и кузина Л. Н. Толстого, — была также писательницей.

Поэзия А. П. Барыковой развивалась в русле некрасовской социально-обличительной и «гражданственной» традиции. Н. А. Некрасов, а также Д. В. Григорович ценили ее литературный талант¹. В 1887 г. она лично познакомилась с Чертковым, начала работать в издательстве «Посредник», стала жаркой почитательницей Л. Н. Толстого. Правда, без слепого поклонения. Так, она решительно отвергала «Крейцерову сонату» — «очень много ненависти и злобы в этом рассказе, жалости и любви нет»². Толстой со своей стороны хвалил переводы Барыковой. О ее переводе драмы Ф. Коппэ «Le Pater» (под заголовком «Прощанье») он писал следующее: «Барыковой перевод превосходен»³. И в другом месте: «Вообще сотрудница это очень хорошая. Я не люблю стихотворную

форму; что бы она написала в прозе <...> — все прекрасно бы было»⁴.

Рассказы и стихотворения А. П. Барыковой были опубликованы посмертно издательством «Посредник» в 1897 г.⁵ — эта книга разошлась в короткое время⁶.

С В. Г. и А. К. Чертковыми А. П. Барыкова вела оживленную переписку с 1885 г. и вплоть до своей смерти в 1893 г. — 112 писем, адресованных Чертковым, хранятся в РГАЛИ⁷. В одном письме, написанном, вероятно, в 1890 г., она сообщает: «Ах, чуть не забыла! Знаете, ***, вашего полку прибыло. Я — вегетарианка! Вот уже второй месяц, как я не ем никаких переодетых трупов... (Яйца, впрочем, еще ем). Я ничего мясного видеть не могу, — с души прет... А виноваты в этом Вольтер и вы. На сон грядущий я как-то в сказках Вольтера прочитала ужасно противное описание мясных кушаний... <...> А потом еще переводила я проповедь Будды в царстве царя Бимбисары о том, что все “живые твари родня...” Ну, вот!.. Я, впрочем, и без вас и без Будды давно подозревала свое родство с поросятами и их родителями, и потому не ела их...”⁸.

А. П. Барыкова была убежденной православной, но интересовалась также и буддизмом.

«Я с прошлого сентября не ем *зверей*; и вот все ко мне пристают из-за этого и уверяют, что надо есть говядину и рыбу, чтобы писать хорошие вещи! Я спорю, что это вздор, что между моим умом и талантом (если они у меня есть), и рыбой, и говядиной, которую я съем, нет ничего общего. [NB: этим же упрекали Лескова и Толстого. — П. Б.]. <...> Моя “тигрица” написана без содействия рыбы и говядины, — а мне кажется, что она ничуть не хуже других вещей, написанных раньше, когда я еще была *omnivore*... А я чувствую себя отлично от перемены диеты. <...> Я забыла вам написать, что выдержала пресмехотворную баталию со своим немцем-доктором из-за вегетарианства моего. И выдержала победоносно. Он мне говорит: “Что это вы не кушаете мясного — по отвращению от мясной пищи или по каким-нибудь предвзятым убеждениям? Если по убеждениям только, то им можно и изменить в виду опасности для вашей жизни от недостаточного питания!..” Я отвечала кратко: “Людоед, который убедился в том, что жрать человеческое мясо подло и противно, не станет есть ближних, — даже если ему скажут, что это необходимо для поддержания

его жизни". Немец только руками развел и замолчал. И я остаюсь вегетарианкой, что они там мне ни жужжи в уши!

Ну, умру от недостатка питания, такая значит мне судьба; а крови своих братьев-скотов не буду пить... <...> На днях навестил меня мой приятель доктор***, человек, очень хорошо знающий свое дело. Он сказал мне, что мой вегетарианский режим принес моему здоровью большую пользу; что я, сведя свои жизненные потребности до минимума, поступаю "премудро" и я могу продлить свою жизнь *до бесконечности*. <...> Я, смеясь, ему ответила, что заботы о долговечности моей и о здоровье вовсе не входили в мои расчеты при "перемене жизни"⁹.

Чувствую себя очень хорошо и бодро; меня пугали, что я поглупею от своей диеты; пугали и тем, что умру от истощения; но все это вздор: вот уже три года скоро, как я так живу *бескровною* пищей; и я не замечаю в себе ни особенной глупости, ни особенного истощения сил. И ни малейшего желания отступить от своей избранной пищи нет...»¹⁰. Она пришла к убеждению, что «жить — значит: любить и жалеть»¹¹. Итак, ее вегетарианство мотивировано в большой степени защитой животных.

Важными для издательства «Посредник» и для вегетарианского движения в России были, в первую очередь, переводы Барыковой. Она перевела по Овидию «Поучения Пифагора»¹²: «Полно вам, люди, себя осквернять недозволенной пищей! / Есть у вас хлебные злаки; под тяжестью ноши богатой / Сочных, румяных плодов преклоняются ветви деревьев: / Грозди на лозах висят наливные; <...> Люди! Убить человека не трудно тому, кто, внимая / Жалким предсмертным блеяниям, режет телят неповинных»; этот текст Толстой включил в «Круг чтения» от 20 июля¹³.

Барыкова перевела пять басен Джона Гея (John Gay; 1685—1732), автора комедии «Опера нищего» («The Beggar's Opera»):

«Овцы и кабан» (The Wild Boar and the Ram) — басня, в которой кабан называет пергамент и барабаны отмщением за заколотых баранов, — сделанные из кожи животных, они доводят людей до судебных тяжб и приводят их на поле брани¹⁴;

«Двор смерти» (The Court of Death)¹⁵ — Смерть своим лучшим другом называет Невоздержание;

«Пифагор и крестьянин» (Pythagoras and the Countryman) — Пифагор напоминает крестьянину, наказавшему хищ-

ного коршуна, о том, что ест всепожирающий человек и что за кровавые пиршества он справляет;

«Философ и фазаны» (The Philosopher and the Pheasants) — философ предостерегает птиц от людей и указывает на гусей, которые дают людям гусиные перья, и в благодарность за это их зажаривают¹⁶.

А, кроме того, она перевела фрагмент басни:

«Овчарка и волк» (The Shephardess and the Wolf) — Волк оправдывается тем, что ему — волку — лишь изредка барашек попадется, в то время как для добрых людей на убой ведется десять тысяч барашков¹⁷.

Из Джеймса Томсона Барыкова перевела отрывки из поэмы «Времена года» (The Seasons), содержащей «вегетарианские» вкрапления¹⁸;

Из В. Гюго «Караван» (La Caravane)¹⁹ — стихотворение, в котором человечество находится на пути к осуществлению высоких идеалов;

Из Ламартина — отрывки поэмы «Падший ангел» (La chute d'un ange), опубликованной в 1838 г.: автор указывает на гнусность кровавой пищи и превозносит режим, состоящий из плодов, злаков и меда²⁰;

Из Джеймса Фенимора Купера — фрагмент стихотворения, клеймящего жестокость человека в обращении с породами «низшими» и призывающего животных свидетельствовать в суде против человека²¹.

Из поэзии Шелли Барыкова перевела на русский «Оду западному ветру» (Ode to the West Wind), сонет «Осимандия» (Ozymandias), фрагменты из поэм «Королева Мэб» (Queen Mab. A Philosophical Poem), «Восстание ислама» (The Revolt of Islam)²² и «Аластор» (Alastor), а также отрывки из драмы в стихах «Освобожденный Прометей» (Prometheus Unbound).

«В истории русских переводов Шелли А. П. Барыкова — непосредственная предшественница К. Бальмонта», — пишет Л. И. Никольская, цитируя строки из «Королевы Мэб» в переводе Барыковой, при этом, конечно, выбирая не какие-либо «вегетарианские» части²³. «Королева Мэб» в переводе Бальмонта стала выходить в 1893 г., — год смерти Барыковой. Его перевод поэмы — в тех отрывках, которые запрашиваются для сравнения, — лучше, уже потому, что он больше радеет о форме; как и Шелли, Бальмонт использует пятистопный ямб, Барыкова же — шестистопный. Однако оба перевода обнаруживают принадлежность к той или иной «идеологии»: Барыкова — «вегетаризирует» текст, Бальмонт же — «девегетаризирует» его. Формулу Шелли, согласно которой человек

возвысил красоту земли *with taintless body and mind*, Барыкова переводит как *чистый, непорочный душой и телом*; между тем у Бальмонта эпитет *taintless* теряется: у него человек «умом и телом / Теперь лишь красит ласковую землю». Далее у Шелли: ... *no longer now he slays the lamb that looks him in the face*. В переводе Барыковой: ...не зарежет он без сожаленья / Ягненка жалкого, смотрящего с мольбой / Глазами кроткими и ждущими пощады, — таким образом она добавляет целую строку, говоря об отсутствии у человека сострадания к животному и о нежных, ищущих пощады глазах ягненка. Далее, у Бальмонта находим *убивать* вместо *резать* / *забивать*; смягчает он также двумя строками ниже: в строке *And horribly devours his mangled flesh* Бальмонт опускает *horribly* и избегает наглядное *mangled flesh* 'искромсанное мясо'. Перевод Барыковой здесь — точнее: не пожирает *трупов искаженных*; впрочем, и здесь Барыкова сгущает краски: у Шелли речь не идет о *убивать не надо*, и говорит он не о *святом любви законе*, а о «*nature's broken law*». Шелли вряд ли был бы доволен обоими переводчиками, поскольку Барыкова — драматизирует (и депоэтизирует), тогда как Бальмонт смягчает картину. Правда, оправданием для Барыковой могут послужить «*Notes to Queen Mab*» Шелли. Именно строки *No longer now / He slays the lamb that looks him in the face* Шелли сопроводил своей знаменитой речью в защиту вегетарианского образа жизни, которая охватывает половину печатного листа. Он ссылается на античную философию, сравнительную анатомию и аргументацию медицины и даже дает практические советы о переходе на вегетарианский режим питания. Он отвергает, как позже и Барыкова, утверждение о том, что чисто растительное питание рано или поздно приводит к преждевременной смерти...²⁴

Фрагменты из поэм «*Queen Mab*», «*The Revolt of Islam*», «*Prometheus Unbound*» А. П. Барыкова перевела для книги Говарда Уильямса «Этика пищи», вышедшей 1893 г. со вступительным эссе Л. Н. Толстого «Первая ступень». В это же издание в ее переводе вошли стихотворения и фрагменты из сочинений Дж. Мильтона, Э. Арнольда, А. Поупа, Томсона, Гей, Гесиода и других²⁵. О принципах Барыковой в выборе текстов для перевода И. И. Горбунов-Посадов позднее говорил, что всю ее поэзию надо брать целиком, не отделяя переводных ее произведений от оригинальных: «Она выбирала то или другое произведение для перевода не по капризу (...),

но лишь тогда, когда произведение иностранного автора совпадало с ее заветными чувствами и идеями. Поэтому переводные ее стихотворения представляют не грудку пестрого сборного материала, а необходимое дополнение к ее оригинальным работам»²⁶.

О том, какова была судьба произведений Барыковой в разные режимы правления, можно заключить из монографии А. Ефремина, вышедшей в 1934 г. В Советском Союзе приверженцы Толстого в то время уже подвергались преследованиям, в связи с чем автор монографии вынужден был сделать оговорку, что толстовство А. П. Барыковой (ее отход от Некрасовской традиции) относится лишь к самому последнему периоду ее творчества: собрание ее сочинений было напечатано «Посредником» лишь в 1897 г., уже после смерти поэтессы, что свидетельствует о том, что опубликование этих текстов не следует ставить ей в вину. Вместе с тем автор сообщает о решении царского цензора запретить всю книгу — за пропаганду толстовских воззрений о «непротивлении злу силой», за пропаганду вегетарианства [!] [восклицательный знак Ефремина! — П. Б.] и т. д. Петербургский комитет цензуры предоставил отчет цензора Главному управлению по делам печати. Оно, в свою очередь, не согласилось со строгим решением цензора и допустило книгу к печати²⁷.

3.4. Кровь животных: М. П. Арцыбашев

«Михаил Петрович Арцыбашев (1878—1927), реакционный писатель, после Великой Октябрьской революции — белоэмигрант». Это единственная справка об Арцыбашеве, которую дает Большое академическое издание сочинений Толстого в 90 тт. (том 79; 1955) в комментарии к письму Толстого М. А. Стаховичу от 5 февраля 1909 г. В этом письме Толстой благодарит М. А. Стаховича за высылку тома с рассказами М. П. Арцыбашева и хвалит эстетическую чуткость своего корреспондента: «Новое подтверждение верности вашего художественного вкуса — ваше суждение о рассказе Арцыбашева “Кровь”». Очевидно, Стахович высказал мнение, что «Кровь» — хорошая вещь. В тот же день Толстой пишет и И. И. Перперу, издателю «Вегетарианского обозрения», которое как раз тогда начало издаваться: «Хотя не непосредственно, но исполняю свое обещание и желание сотрудничать

в вашем журнале. Я прочел превосходный рассказ Арцыбашева “Кровь”, который своей художественностью сильнее всяких доводов может подействовать на людей в смысле привлечения их к вегетарианству или, скорее, освобождения себя от суеверия о необходимости пожирания живых существ. Не стану вам рассказывать содержание прекрасного этого рассказа, чтобы не испортить его, но очень советую приобрести от автора разрешение напечатать его и целиком или в выдержках поместить в вашем журнале»¹.

Впоследствии рассказ «Кровь» был перепечатан уже в апрельском и майском номерах 1909 г. «Вегетарианского обозрения»². Впервые он появился отдельным изданием в 1903 г.; в 1905 г. рассказ был включен в первый том издания сочинений Арцыбашева, а в 1908 г. и в третье издание³. Реакция тогдашней критики была разнородной и скупой. Об этом сообщает Николас Лукер (Nicholas Luker) в кратком, но замечательном отзыве, посвященном рассказу «Кровь» под заголовком «Кошмарный сон одного вегетарианца» («A vegetarian's nightmare»)⁴: А. Е. Богданович и В. А. Львов-Рогачевский похвалили рассказ, в то время как П. В. Пирогов назвал этот рассказ одним из самых слабых сочинений автора. Толстой же 4 февраля 1909 г. записал в дневнике: «... у Арц(ыбашева) и талант и содержание (<...> Рассказ Кровь — прекрасно»⁵. Конечно, тут можно возразить, что на суждение Толстого, может быть, влияла общность идеологических воззрений. Но Н. Лукер в 1985 году убедительно показал, что мнение Толстого о художественной ценности рассказа «Кровь» вполне оправдано. Рассказ «очень хорошо написан» (*extremely well written*) — таков итог его анализа. Статья Лукера, как и сам рассказ, малодоступна. Поэтому я пересказываю его аргументацию в основных чертах и в сильно сокращенном виде⁶. Текст рассказа «Кровь» приводится ниже в приложении⁷.

Рассказ отличается тщательное построение; в нем — восемь глав: приезд под вечер трех посетителей (братьев Борисовых, Николая и Сергея, и писателя Гвоздева) в имение Виноградовых (I); описание вечера, которым наслаждаются хозяева вместе с гостями (II и III); утром следующего дня: завтрак и охота (VI, VII и VIII); а потом — отъезд гостей, который предстоит в самом рассказе VIII. Кончается рассказ отъездом гостей, возвращающихся к своим делам⁸.

Приезд и отъезд как принцип композиции можно считать довольно традиционным приемом, хотя он и придает сочинению некоторую приятную симметрию. Однако, при ближайшем рассмотрении обнаруживается, что каждая глава рассказа связана со следующей разными и часто очень тонкими приемами; в результате получается весьма плотная текстура. Прежде всего рассказ построен на резком контрасте между событиями, разворачивающимися в доме, где Виноградовы и их гости проводят большую часть времени, и происходящим вне дома — убийство животных для еды. Кухня, где готовится мясо, является переходной зоной между совершающимся внутри и снаружи.

Сцена приезда выдержана в радостном ключе, однако выгрузка привезенных ружей и патронташей зловеще предвещает то, что должно случиться, так же как и замечание хозяина, что есть «уже пропасть и крякв, и чирков, а гусей я сам вчера видел...». Клавдия Николаевна, молодая супруга Виноградова, очень хрупкая и нежная блондинка маленького роста, имеющая «вид ангела», предлагает гостям для обеда на выбор цыплят или бифштекс. Действие второй главы начинается в кухне, но потом перемещается через двор в курятник, где кухарка Акулина в темноте хватает три цыпленка, а потом несет их в кухню, «в мучительном для всякого живого существа положении вниз головой»; она приказывает 12-летнему своему сыну Пашке подавать ей нож, но тот, «с детства привыкший и любивший убивать животных», хочет сам зарезать цыплят. Правда, на этот раз он промахивается, один цыпленок без головы и следственно «без крику, как-то боком побежал, ткнулся об крыльцо, свалился, перевернулся и вдруг весь задрожал и задергал ногами». Между тем, господа доели суп. В последовавшем разговоре один из гостей замечает: «В человеке всегда зверь сидит». А немножко ниже говорится о том, что «на здоровых белых зубах <...> Гвоздева вкусно похрустывали косточки рыжего петушка».

В третьей главе гости переходят после обеда в гостиную, обставленную очень уютно и со вкусом; хозяйка дома прилегла на кушетке, свесив красивые ножки на волчью шкуру, лежащую на полу. Хозяин гордится тем, что это он убил волчицу. Разворачивается дискуссия об охоте, и при этом цитируется Екклесиаст (глава 3, 19—21): «Не весте: души ли людей пойдут вверх, а души скотов вниз». Шуточно рассуждают об

обратной возможности. Потом Сергей поет звучным баритоном, под аккомпанемент Виноградова:

О поле, поле, кто тебя
Усеял мертвыми костями...

Эти строки из оперы Глинки «Руслан и Людмила» (1842) — тонкое предвещание «сцены убийства» во время охоты в конце рассказа. В четвертой главе, очень краткой, супруги-хозяева оказываются в спальне; Виноградов прощается с женой на ночь; она беременна; оба счастливы и довольны собою и своим культурным образом жизни.

Резко контрастируя, глава пятая начинается фразой: «Рано утром работник Иван зарезал барана». Так как Клавдия Николаевна боится крови, то хозяин «строго-настрого» приказал работнику справиться пораньше. Эта сцена находится в самой середине рассказа. В его начале были убиты цыплята, в его конце — сцена охоты. Будить гостей Клавдия Николаевна посылает Пашку, — он является связующим звеном между средой внешней и внутренней. В шестой главе охотники на линейке отправляются на охоту. Клавдия Николаевна в кухне замечает, что кошка Маша за ночь принесла пять котят; она капризно решает, что один черненький котенок останется в живых; Пашку отправляют утопить остальных в канаве за скотным двором; «он долго смотрел, как всплывали пузыри из неглубокой грязной воды».

Переход к шестой главе вновь приносит внезапную перемену — от смерти к жизни: пробуждающийся весенний ландшафт описывается во всей своей пышности и в радости всех тварей. Глава восьмая является подробным описанием охоты: она «была удачная, и выстрелы не прекращались. (...) Охотники совсем не говорили друг с другом. Их лица горели, глаза блестели, шапки съехали на затылок. Убитая дичь их уже не занимала, они торопливо, как попало, совали ее в яхташи и опять устремляли воспаленные, широко раскрытые глаза на собаку, которая окровавленной и слюнявой мордой тянула впереди».

Главную вину в резне, как это показал Николас Лукер в своем обстоятельном и чутком анализе, автор вменяет Клавдии Николаевне. Она, правда, как хозяйка дома, остается пространственно и временно далека от убоя, но тем не менее является главным палачом. Как раз в ней, боязливо беспокоя-

щейся за зарождающуюся в ней самой жизнь, демонстрирует несоответствие между утонченной, искусственной жизнью верхнего слоя и систематическим убийством, которое связано с его бытом. Но и другие герои рассказа изображаются как поверхностные и в то же время уверенные в себе люди: «Ни им самим и никому от их спора ни пользы, ни счастья не было и быть не могло, — им было приятно высказывать умные и гуманные взгляды, чувствуя себя умными и гуманными людьми». Не случайно, что рассказ сначала должен был называться «Диссонанс»⁹. От этого рабочего названия автор перешел к символическому заглавию «Кровь», оправданному насыщенностью рассказа этим мотивом, но все-таки не освобождающему читателя от необходимости вчувствоваться в его направленность очень внимательным чтением текста.

Челяди, происходящей из крестьянского сословия, грубое обхождение с животными кажется совершенно нормальным. Дворяне отмежевываются от этой грубости, они склонны приближать челядь к животным: беременная Клавдия любит поделиться своим чувством будущей матери с кухаркой Акулиной, о которой сообщается, что она «рожала чуть не каждый год» (подобно животным). Н. Лукер показывает, как в судьбе животных, устраиваемой людьми, автор отражает случайности человеческих судеб.

Лукер без колебания сравнивает рассказ «Кровь» с музыкальной пьесой, композитор которой для драматического эффекта включает диссонансные сцены. Он указывает на сильную образность рассказа, создаваемую цветовым богатством текста. В 1913 г. Львов-Рогачевский назвал Арцыбашева «Claude Monet русской литературы». Некоторое время (1897—1898) Арцыбашев учился в Харькове в Школе рисования и живописи.

Несметное число критических высказываний говорит о том, что современники совершенно односторонне рассматривали Арцыбашева лишь как автора романа «Санин», скандально известного своими аморализмом и эротизмами. Сосредоточивая свое внимание на социально-исторических вопросах, — как это нередко бывало в России — рецензенты «Крови» не заметили, что в этом рассказе сущность человека выявляется в манере его обхождения с животными. Так, например, критик И. П. Баранов в 1908 г. писал: «А вот и совершенно другая сторона нашего “быта” — очерк “Кровь”. Здесь на фоне послесвадебной жизни в деревне молодых интеллигентных

помещиков проходят, как в кинематографе, фигуры из сливок нашей передовой интеллигенции. Нам чудилось во всех этих фигурах нечто чеховское, в связи с проскальзывающими пережитками трансформированного благодушного и благоупитанного барства. Серьезного интереса при оценке творчества г. Арцыбашева не представляет и этот очерк. Это, сказали бы мы, — какое-то довольно изящное художественное “между прочим”¹⁰. То, что в этом рассказе речь идет и о животных, критик не замечает, так же как не замечает он и кровавого названия.

Сведения о том, жил ли Арцыбашев временно по-вегетариански, могут, вероятно, дать только архивы. Несомненно то, что о своем увлечении толстовством он сообщает прямо в одном автобиографическом признании¹¹, и что и в рассказе «Кровь» Николай Борисов, один из двух братьев, говорит о той насмешке, с которой трактуют толстовцев. Во всяком случае Арцыбашев этим рассказом, по суждению одного критика, «целиком вписывался в вегетарианскую проблематику». Начиная с № 4 1909 г. издания и до конца 1911 г. Арцыбашев числится среди сотрудников «Вегетарианского обозрения».

Не может вызвать удивления и то, что Толстой похвалил этот рассказ. Разговоры, которые в нем ведутся, затрагивают темы, о которых говорилось очень часто и в подобном смысле также и в Ясной Поляне — об этом мы знаем из записок Маковицкого и из многих других сообщений. Убеждение в том, что потребление мяса снизилось бы, если каждый должен был бы сам убивать животных, мясо которых он ест; протест против того, что прислугу заставляют заниматься этим для господ; вопрос о том, как дети переживают убийство нежеланных котят и собачек (они или особенно жестоки, или же особенно сострадательны); проблемы охоты, проблемы самоограничения, — обо всем этом беседовали и спорили в Ясной Поляне. И литературные приемы, применяемые Арцыбашевым, по всей вероятности, были близки Толстому: так, например, автор довольно часто, в манере Толстого, размышляет о том, что же, пожалуй, чувствуют животные в тот момент, когда люди предадут их смерти.

Толстой был художником, а также и критиком в области искусства, впрочем, как известно, далеко не безошибочным. Однако приятно сознавать, что скрупулезный анализ подобный тому, который дал Н. Лукер, может подтвердить положи-

тельное мнение писателя о художественной ценности рассказа. Рассказ «Кровь» является, впрочем, и образцом того, что тенденциозность не исключает художественной ценности.

«Возвращение Михаила Арцыбашева» — так гласит заголовок введения к объемистому собранию сочинений этого писателя, вышедшему в 1996 г.¹² Рассказ «Кровь» не был туда включен; бесполезно его искать и в трехтомном собрании сочинений Арцыбашева 1994 г.¹³

3.5. «Письмо» (взгляд на Украину): М. Коцюбинский

Если действие повести Арцыбашева «Кровь» происходит в среде русских помещиков-дворян, то рассказ Михаила Коцюбинского «Письмо» (в украинском оригинале «Лист»), написанный спустя восемь лет, в декабре 1911 года, разыгрывается в украинской деревне¹. Посвящение одной из глав книги этому рассказу и его напечатание в разделе «Тексты» находит оправдание в том, что возник он в период до Первой мировой войны в Царской России, а также в том факте, что Украина с Киевом была одним из центров вегетарианской деятельности. Об этом рассказе можно было прочесть в 1914 г. в *ВО*: «Известный вегетарианский рассказ Михаила Коцюбинского “Письмо” вышел отдельной брошюрой на украинском языке под названием “Кров”. Цена 3 коп.»². Изменение названия, вероятно, должно было указать на большое сходство его направленности с рассказом Арцыбашева «Кровь».

История возникновения рассказа «Лист» довольно хорошо документирована. Коцюбинский жил с 1864 г. по 1913 год, т. е. он умер до Первой мировой войны, и несмотря на иные «модернистские слабости» был *persona grata* в Советском Союзе. Исследование его жизни и творчества не встречало препятствий, — существуют многотомные издания. Между тем, Арцыбашев эмигрировал в 1923 г. в Польшу, в Советском союзе о нем замалчивали³. Много сведений о жизни и творчестве Арцыбашева лежит в архивах и еще ждет опубликования. Это один из многих примеров длительных последствий советской культурной политики.

Михаил Коцюбинский был одним из самых выдающихся украинских писателей. Он окончил духовное училище, потом сдал экзамен на звание народного учителя, а с 1900 по 1911 г. работал земским статистиком в управлении Черниговской

губернии. Раннюю известность принес ему цикл рассказов для детей. Его творчество можно разделить на два периода: реалистические повести 1890-х гг., когда он был близок к народническим традициям украинской литературы и в первую очередь изображал жизнь украинских крестьян и отношение украинской интеллигенции к народу; и более поздние произведения, сделавшие его основателем импрессионизма в украинской литературе. В это позднее время на Коцюбинского влияли Мопассан, Чехов и Леонид Андреев. Для его собственного творчества характерен был глубокий лиризм.

Рассказ «Письмо» был написан на Капри; Коцюбинский бывал там не раз, начиная с 1909 года по состоянию здоровья: он страдал чахоткой. При этом он познакомился с М. Горьким, который тоже тогда жил на острове. Благодаря многочисленным письмам, которые Коцюбинский посылал на родину, мы немало узнаем не только об истории написания рассказа «Письмо», но также об образе жизни писателя на острове. Можно предположить, что он там в целом жил по-вегетариански.

Вскоре после его приезда (20 ноября 1911 г.) он сообщает жене Вере Коцюбинской 23 ноября / 6 декабря⁴, что он устроился в *Villa Serafini*. Там же он и принимает завтрак: «Вранці дають мені в моїй хаті або в сусідній столовій каву з маслом, а докторським хлібом, подають і свіжий виноград, груші та яблука – все дуже парадно і смачно»⁵. Подобно 10 / 23 декабря: «Мій день сходить так: встаю у 8 ½, о 9 п'ю каву (властиво — молоко) з маслом і з докторським хлібом і заїдаю мандаринами, фігами, сухим виноградом або яблуками. Потом зараз сідаю за роботу (пишу оповідання – великодні свята, пам'ятаєш, розповідав) і працюю до 1 год»⁶.

Коцюбинский начал писать этот рассказ, который позже будет назван просто «Письмо», 3 / 16 декабря 1911 г. Первая редакция была закончена 15 / 28 декабря. А 16 / 29 Коцюбинский сообщает жене: «Тільки що скінчив оповідання. Воно ще ніяк не називається. Невелике, сторін на 10 друку, на тему, про яку я розказував тобі: великодні свята. Не буду посылати ще нікуди, нехай вилежиться, легше буде переробити»⁷.

И Коцюбинский действительно приостановил работу над рассказом на две недели. И только 30 декабря 1911 / 12 января 1912 г. сообщает Є. Чикаленко, издателю газеты *Рада*, что вскоре пошлет ему новый рассказ⁸. Два дня спустя — М. Мо-

гилянському: в течение месяца, проведенного на Капри, он смог написать маленький рассказ, а другой закончил. «Поки що — дуже незадоволений їми і не знаю навіть, чи надрукую. Хіба вдасться переробити»⁹. А Вере он пишет 8 / 21 января 1912 г.: «Тепер перероблюю перше (оповідання), щоб послати до “Ради”. Незадоволений я з своєї роботи, якось не виходить у мене»¹⁰.

Но через день он все-таки сообщает Чикаленко: «Разом з сим листом посилаю Вам рекомендованою бандероллю своє оповідання “Лист”. Якщо знайдете його можливим, то надрукуйте в “Раді”.

Хотів би я мати коректу, але може се незручно зробити, бо далеко посилати. Тоді прохав би звернути увагу того, хто буде вести коректу, щоб вона зроблена була докладно, без перемін (щодо змісту), як в рукописі». Коцюбинский просит о том, чтобы ему послали отдельные оттиски текста на Капри¹¹. Чикаленко отвечает, что получил прекрасный рассказ («гарне оповідання», а именно «Лист») и что тот сразу пойдет в печать¹². «Лист» появился в газете *Рада* № 18 от 22.1. / 4.2. 1912 г.

15-го 1. / 28.1. Коцюбинский пишет жене: «Досадно, що не можу тобі читати того, що написав, ти єдиний мій критик, якому я вірю і на смак якого покладаюся. Гляди ж, напиши мені свої враження од оповідання “Лист”, яке, певно, буде надруковане в “Раді”. Боюсь, що будеш лаять мене, ну, та я до того приготовлений вже заздалегідь»¹³. Подобно он просит ее высказать свое мнение 25.1. / 7.2. и в третий раз — 27.1. / 9.2.: «Напиши свої враження од мого оповідання в “Раді”. Мені здається воно дуже мізерним, хоч Чикаленко хвалить, а “Рада” його рекламувала, аж мені соромно було»¹⁴.

Очевидно Коцюбинский боялся непонимания друзей и опасался осуждения со стороны жены в том смысле, что этот рассказ-письмо, его резкая и беспощадная критика карниворного обхождения с животными, сильно выставит напоказ его убеждения — ведь и сам пишущий герой рассказа несколько раз высказывает опасение, что его друг будет смеяться над ним или упрекать его в сентиментальности. Но Вера, по-видимому, все-таки оценила рассказ: «13.2. / 31.1. 1912. Capri. Дуже я радий, що мій “Лист” не показався тобі зовсім нікчемним».

В собрании сочинений Коцюбинского приводятся план рассказа и несколько фрагментов, «автобиографичность» ко-

торых еще более налицо. Одно из рабочих названий гласило: «Великдень <Картка зі щоденника Коцюбинського>» [!]. Я привожу эти ранние варианты, опубликованные впервые в 1929 году, в переводе на русский, для того чтобы читатель мог их сравнить с окончательным текстом всего рассказа, перепечатанным, тоже на русском языке, в разделе «Тексты». Тон черновика резче, порой даже оскорбителен; некоторые сцены вошли в окончательный текст в явно смягченной, сглаженной форме.

Начинается текст черновика тем, что Коцюбинский ставит под вопрос украинское обозначение Светлого воскресенья («Великдень»), оживляя внутреннюю форму слова:

Я здоровый, нормальный человек, ничем не отличающийся от других, только, может быть, немножко более впечатлительный.

Великдень. На самом ли деле В е л и к - д е н ь? Резня. Поросяенок. На его лице застыло выражение глубокого страдания предсмертной муки. Глаза наполовину вытекли, наполовину впалые. Зубы оскалены, как у мертвеца. Глубокая рана на горле. Конвульсивно подобраны ноги, кожа обожжена и разорвана. Запах обожженного тела. Если б мы видели человека в таком состоянии, то вздрогнули бы. Но поросенка едим. Там все мясное, там трупы в целом виде, там части мертвых — ноги, ребра, кишки, сало, кожа — все это порою внушает страх человеку. Вспоминаешь рыночные палатки, — там белесоватые половины животных, трупы, синие, с желтым салом, с особенным запахом крови, изуродованное тело... Чем различается мясник — полезный член общества — от разбойника? В самом деле только тем, что право, изобретенное человеком, который умеет защитить себя эгоистически, наказывает убийство человека, но убийство животного — оставляет безнаказанным. Когда ем мясо, кажется мне, что совершаю преступление. Я это говорю одному из своих знакомых. Он, гладкий и сытый, только что откушав всякого мяса, с салом на губах, высмеивает меня, говорит, что моя философия — неразумна, говорит, что угрызений совести у него нет.

Иду в церковь, на обедню. Там хотелось бы отдохнуть, слиться сердцем с людьми, чтящими память Христа, который принес людям заповедь любви и справедливости. Но и там, у этого праздника всепобеждающей любви, я вижу, как принесли на освящение маленькие трупы поросят, колбасу, мясо и т. д. Оргия убийства, жадного аппетита, каннибализма. Когда же наступит настоящий «Великдень», великий день любви ко всему живому, день справедливости?¹⁵

И в другом месте:

Сегодня Великая суббота, день самого большого беспорядка у христиан. Все, кажется, выбились из колеи, оставили обычную работу, ощущают себя на границе между сегодня и завтра. <...>¹⁶

Я внезапно вскакиваю и смотрю из окна на задний двор. Наша кухарка Авдотья, с мокрыми, засученными рукавами бежит через двор, а у нее под согнутым локтем бьется и визжит белый поросенок. Вижу, как Авдотья энергично его зажимает между коленей, поднимает его голову и сверкающим кухонным ножом перерезывает ему горло. С диким, непоросячьим криком вырывается с коленей и бьется о землю: дрожит и заливает кровью себя и песок. <...> Вокруг Авдотьи сбежалась детвора с целого двора, окружила Авдотью и наблюдает за этой сценой. Еще мгновение, и Авдотья бежит быстро и деловито обратно в кухню, держит поросенка за задние ножки и при этом (как будто нарочно) показывает широко зияющую рану на горле. Это тот же поросенок, который, рано привезенный с базара, бегал по всем комнатам и копытами стучал о пол и тряс белесовато-розовым телом на нетвердых еще ножках.

Вот уже несколько дней как я нахожусь в какой-то особенной атмосфере. В моей семье, такой доброй, гуманной, неспособной кому-либо причинить вред, я только и слышу в последние дни: «надо сегодня зарезать», «разве еще не закололи?», «надо кровь сливать особо» «посмотри, чтоб разрезали печень, сердце и легкие», «ногу зажарим, а голову сварим», «кишки, куда задели кишки?» и т. д., и т. д., все такие же страшные слова, (призывающие убить, зарезать) носящие смерть, убийства. Сестра моя беспрестанно бежит с кухни в комнаты и своими голыми руками, с которых течет кровь, дотрагивается все время до посуды, оставляя на ней кровавые пятна. В доме нельзя найти (ничего, на чем) ни ножа, ни ложки, ни склянки, на которых не было бы каких-нибудь зловещих пятен, даже хлеб кажется мокрватым и чем-то пахнет. Из кухни несется специфический запах свежей крови и еще не остывшего, только что еще живого мяса. Этот отвратительный запах наполняет все комнаты, насыщая даже мою одежду. Какая-то сила тянет меня в кухню¹⁷.

Сомнения Коцюбинского насчет ценности рассказа «Лист», возможно, усилились теми суждениями, которые дошли до него письменно. 16.2 / 29.2 1912 г. М. Могилянський написал ему, что «Лист», напечатанный в «Раде», якобы не удовлетворяет его, несмотря на то что он написан хорошо¹⁸; спустя год, правда, тот же Могилянський выбрал как раз «Лист» для перевода на русский язык¹⁹. Уже 5.7 / 18.7 1912 г.

В. Корякин, казначей «Вегетарианского ресторана Скворода» в Киеве, «приветствовал с удивлением» этот рассказ и попросил о разрешении издать его отдельной брошюрой под названием «Кровь». Коцюбинский, по всей видимости, согласился: рассказ появился под этим заголовком в издательстве «Час».²⁰ Уже в июле 1912 г. рассказ был напечатан в *ВО* в русском переводе московского адвоката Ивана Оппокова²¹.

Направленность рассказа отчетливее, чем та, которую находим в повести «Кровь» Арцыбашева. Коцюбинский, правда, тоже пользуется контрастом между кровавыми событиями, причиняемыми действием человека, с одной стороны, и красотой и миром в природе с другой — именно здесь автор проявляет свое искусство лирического описания. Однако у него нет «эстетизирующего» замалчивания жестокости, присущего культуре питания дворянского быта. Напротив — всем действующим лицам, за исключением рассказчика, это бесчувственное обхождение с животными кажется естественным, совсем нормальным, в то время как в повести Арцыбашева это можно наблюдать только у домашней прислуги. Даже совмещение праздничного одеяния, приподнятого настроения и кровавых атрибутов, приносимых на освящение, вызывает возмущение только у него, приезжего из города интеллигента. Это отражается и в своеобразии повествовательной структуры: Коцюбинский использует форму письма, изложения от первого лица; Арцыбашев же может выразить свое критическое отношение к событиям лишь выступая в роли всезнающего рассказчика.

3.6. Гуманист: Шолом-Алейхем

В состав сотрудников «Вегетарианского обозрения» с 1910 по 1912 г. входил также Шолом-Алейхем¹, самый значительный юморист литературы на идиш, автор романа «Тевье-молочник» (1894), который был положен в основу американского мюзикла «The Fiddler on the Roof» (1964). Шолом-Алейхем, родившийся в Переяславле в 1859 г. и скончавшийся в Нью-Йорке в 1916 г., эмигрировал в 1905 г. в Швейцарию, а позже в США. В 1907 г. он вернулся в Европу, жил преимущественно в Швейцарии и Италии. Он не был вегетарианцем, но следил за устремлениями вегетарианцев с симпатией. В мае 1910 г. его дочь, по поручению отца, тогда заболевшего, пись-

менно извинилась перед редакцией *ВО* по поводу того, что его рассказ «Царь-Балахаем», предназначенный для *ВО*, по ошибке был напечатан в другом издании. Информирова читателей об этом недоразумении, редакция указывала на то, что Шолом-Алейхем «относится с большой любовью к вегетарианскому движению и во многих своих талантливых произведениях бичует обычай мясоедения, жестокое отношение к животным, и зовет к гуманности и любви ко всему живому». 23 января 1910 г. Шолом-Алейхем написал редакции *ВО*: «Я восхищен Вашими словами, что в моих произведениях проглядывает симпатия к вегетарианству. Вы угадали. Я много раз сам хотел сделаться вегетарианцем. Да грехи не пускали. А теперь — болезнь. Что меня занимает, как еврея, это то, что, если б вдруг все люди приняли Вашу веру (вегетарианскую), в том числе и евреи <...>, что стало бы с нашими резниками и раввинами? <...> А “молочная” посуда? А “мясной” горшок? <...> Я не шучу. Я Вам искренно благодарен за внимание и за присланные книжки. С любовью читаю Ваш журнал. С большой любовью»² (илл. № 4).

Просьбу И. Перпера написать для сборника мнений и воспоминаний о Толстом статью, в которой он выразил бы свое отношение к покойному, Шолом-Алейхем исполнил. Заболев в очередной раз, он послал ему письмо из Генуи-Нерви: «В последнее время я о “последнем дне” думаю значительно чаще, нежели до сих пор, хотя мне до возраста, в котором умер Толстой, остается еще скрипеть целых тридцать лет и три года. Но от думы о смерти до приготовления себя к ней дистанции больших размеров. Будьте надежны: не одна еще невинная курица будет принесена в жертву за нас, не один еще целомудренный теленок предаст Богу свою душу во имя бифштекса, который приказывает нам есть врач непременно полупрожаренным и непременно с кровью; не один десяток, не одна сотня живых радостных рыбок трепеща будут умирать за идею, чтоб превратиться в консервы и соленья, которые мы так любим — не столько из-за любви к этим милым, чистым, блестящим рыбкам, сколько потому, что они возбуждают наш аппетит... Дело, видите ли, в том, что раньше чем мы поступаем к жаркому или грудинке тельника, нам необходимо проглотить пару таких рыбок. Так учит нас медицинский катехизис, а современная человеческая мораль с ним совершенно солидарна... Вы меня простите, я несколько от-

клонился в сторону. Это все же имеет (Вы это хорошо знаете) некоторое отношение к Толстому, да еще к Вам и к “Веетар. Обзор.” Но Вы хотите, чтобы я писал Вам о Толстом. Боже Великий! Чтоб я написал о таком великане литературы».

Тем не менее, Шолом-Алейхем все-таки напишет о нем. Он подтверждает, что никогда не бывал в Ясной Поляне, но потом признает: «Всю мою жизнь рвался я к этому жизневорящему солнцу, которое называлось Т о л с т о й». Шолом-Алейхем несколько раз переписывался с Толстым и теперь пользуется случаем, дабы чествовать Толстого как писателя, который заступался не только за животных, но и за людей притесняемых. Шолом-Алейхем жалуется на карикатурные изображения евреев в мировой литературе и на злоупотребление этими образами в антиеврейской пропаганде. «Даже такой образец высокого гуманизма, как Шейлок Шекспира, истолковывается нашими ослепленными врагами, в своих антисемитских целях, единственно, как доказательство того, что все евреи кровожадны, что у каждого из них много денег и по красавице дочери. О, глупцы! Они не знают, что у большинства евреев очень мало денег, но много дочерей»³. Шолом-Алейхем сетует на изображение евреев также и в русской литературе: «О наших русских гениях, как Гоголь, Тургенев, Достоевский, я говорить не стану. Они знали еврея так же, как — мне стыдно сказать — я знаю марсианина. Но даже такой милый человек, как Чехов, которому, как видно, все же приходилось присматриваться к евреям, делает в этом отношении подчас — да простит он мне — такие уморительные промахи, о которых нельзя вспоминать без смеха». Что же касается Толстого⁴: «Я всегда думал, что его учение — наше учение — иудаистическое {...} Его постоянная и непрерывная борьба “с духом зла”, дьяволом искушения, его отказ от убоины, его великая проповедь любви ко всему живому. Его искание Бога, его последний уход {...} — все так напоминает великих духовных героев наших иудейских сказаний». После большого «классического» Кишиневского погрома в 1904 г. Толстой ответил ему несколькими сильными строками⁵.

4. Художники

4.1. «Воинственный» вегетарианец: Паоло Трубецкой

Проходя однажды в Интре [городок на Lago Maggiore] мимо одной бойни, я увидел, как убивают теленка. Душа моя наполнилась таким ужасом и возмущением, что с той поры я отказался от солидарности с убийцами: с тех пор я стал вегетарианцем.

Уверяю вас, что можно совершенно обойтись без бифштексов и жаркого, совесть моя теперь куда чище, так как убийство животных является настоящим варварством. Кто дал право на это человеку? Человечество стояло бы куда выше, если бы научилось уважать животных. Но уважать их надо серьезно, не так, как члены обществ покровительства животным, защищающие их порой на улицах и наслаждающиеся вкусом их мяса в своих столовых.

— Но вы пропагандируете, князь!

— Я сделал бы это охотно. Мне давно уж хочется прочесть лекцию на эту тему. Можно было бы столько хорошего сказать. И было бы так приятно победить! В настоящее время я не занят никакой работой, но с некоторых пор я полон мыслью о монументе человечеству, обновленному великим идеалом — уважением к природе.

— Символический монумент?

— Да. Этот был бы 2-м из всех моих многочисленных работ, так как я не люблю символов, но, иногда, они неизбежны. И второй mi fu ispirato dal vegetarianismo (мне вдохновлен вегетарианством): назвал я его «Les mangeurs de cadavres» (Трупоеды). На одной стороне изображен огрубелый, вульгарный человек пожирающий мертвечину, прошедшую через кухню, а немного ниже — гиена, выкапывающая труп для утоления своего голода. Один это делает для скотского удовлетворения — и называется *человеком*; вторая делает это для поддержания своей жизни, не убивает, но пользуется падалью и называется *гиеной*.

Я сделал также надпись, но это, знаете, для тех, которые ищут «сходство».

Этот разговор велся в Нерви близ Генуи и был опубликован в 1909 году в «Corriere de la sera» (Милан)¹. Он содержит рассказ о «переломном моменте», о внутреннем «перерождении» в жизни Трубецкого. О том, что в 1899 году подобный случай имел место, мы знаем также из воспоминаний брата Трубецкого, Луиджи, сообщающих о том же событии в форме даже более подробной, так что шок, испытанный Трубецким, станет еще понятнее: ведь ему случилось быть свидетелем то-

тальной эксплуатации животного — как рабочего и убойного скота².

Князь Петр (Паоло) Петрович Трубецкой, происходящий из известного русского дворянского рода, провел почти всю жизнь на Западе и поэтому имел только слабое знание русского языка — он говорил по-русски с сильным акцентом. Он родился в Интре в 1866 и умер в 1938 году в городке Суна, расположенном тоже над Lago Maggiore. Согласно суждению итальянского искусствоведа Rossana Bossaglia, он был захватывающей личностью — происходя из русского дворянства, бесшовно вживаясь в итальянскую культуру региона Lago Maggiore и последовательно применяя свои нравственные представления и вегетарианский образ жизни³. На пороге XX века он был приглашен профессором в Московскую художественную академию — «совсем новая фигура в русском искусстве. Новым было у него решительно все: начиная с внешности и принадлежности к знаменитому семейству князей Трубецких. “Высокого роста”, “красивой внешности”, с хорошими манерами и с “savoir faire”, а вместе с тем эмансипированный и скромный художник, свободный от светских приличий, с европейской образованностью, который позволял себе иметь оригинальные hobbies (как то: держать в своей студии зверей и животных и быть вегетарианцем (...))»⁴. Несмотря на свою московскую профессуру, Трубецкой работал главным образом в Париже: он находился под влиянием Родена, а сам писал картины импрессионистской живописи, прежде всего в бронзе — портреты, статуэтки, жанровые композиции и изображения животных.

Его скульптура «Питающиеся падалью» (*Divoratori di cadaveri*), созданная в 1900 году, впоследствии подаренная им ломбардскому обществу по охране животных, была единственной, которой он когда-либо дал название. Она показывает стол, на котором стоит миска с поросенком; за столом сидит мужчина, пожирающий котлету. Внизу написано: «Противно законам природы» (*contro natura*); рядом смоделирована гиена, которая бросилась на мертвое человеческое тело. Внизу надпись: Согласно законам природы (*secondo natura*) (илл. 5—6)⁵. По сообщению В. Ф. Булгакова, последнего секретаря Толстого, в книге с воспоминаниями и рассказами о Толстом, Московский музей Толстого в 1921 или 1922 году через посредничество П. И. Бирюкова получил в подарок две небольшие гипсовые

тонируемые статуэтки, выражающие идею вегетарианства: одна из статуэток изображала гиену, пожирающую мертвую серну, а другая неимоверно тучного мужчину, с жадностью уничтожающего лежащего на блюде жареного поросенка — очевидно, это были предварительные этюды для двух больших скульптур⁶. Последние выставлялись в миланском осеннем салоне 1904 года, как можно было прочесть в статье из «Corriere della Sera» от 29 октября⁷. Эта двойная скульптура, известная также под названием «Divoratori di cadaveri», «имеет целью прямую пропаганду его вегетарианских убеждений, о чем не раз упоминал автор: отсюда — явная склонность к гротеску, которая пронизывает фигурацию и является уникалом в творчестве Трубецкого»⁸.

Трубецкой «был воспитан в религии своей матери, в протестантизме», писал в 1954 г. его друг Luigi Lurano. «Религия, однако, для него никогда не была проблемой, хотя при встречах в Sabinas мы о ней говорили; но он был человеком глубокой доброты и страстно верил в жизнь; его уважение к жизни привело его к вегетарианскому образу жизни, который был у него не плоским пиетизмом, а подтверждением его энтузиазма ко всякому живому существу. Многие скульптуры должны были прямо морализировать и убеждать публику в вегетарианском режиме питания. Он мне припомнил, что и его друзья Лев Толстой и Бернард Шоу были вегетарианцами, и льстило ему, что он успел склонить великого Генри Форда на вегетарианство»⁹. Трубецкой портретировал Шоу в 1927 году, а Толстого несколько раз между 1898 и 1910 годами.

Вполне вероятно, что первые посещения Трубецкого в московском доме Толстых весной и осенью 1898 г., при которых он видел вегетарианство *in praxi*, подготовили почву для того решающего момента в жизни Трубецкого, который он испытал в городе Интра в 1899 году. С 15 по 23 апреля 1898 г. он моделирует бюст писателя: «Вечером был у нас князь Трубецкой, скульптор, живущий, родившийся и воспитавшийся в Италии. Удивительный человек: необыкновенно талантливый, но совершенно первобытный. Ничего не читал, даже «Войны и мира» не знает, нигде не учился, наивный, грубоватый и весь поглощенный своим искусством. Завтра придет лепить Льва Николаевича и будет у нас обедать»¹⁰. 9/10 декабря Трубецкой другой раз заезжает к Толстым, вместе с Репиным. 5 мая 1899 г. Толстой в письме Черткову ссылается на Трубец-

кого, оправдывая задержку в завершении романа «Воскресение», причиняемую новыми изменениями в рукописи: «Дело в том, что, как умный портретист, скульптор Трубецк(ой), занят только тем, чтобы передать выражение лица — глаз, так для меня главное — душевная жизнь, выражающаяся в сценах. И эти сцены не мог не перерабатывать»¹¹.

Спустя чуть более десятилетия, в начале марта 1909 года, Трубецкой создал еще две скульптуры писателя — Толстой верхом и маленькую статуэтку. С 29 по 31 августа Трубецкой моделирует бюст Толстого. В последний раз он пребывает со своей женой в Ясной Поляне с 29 мая по 12 июня 1910 г.; он пишет портрет Толстого маслом, создает два этюда карандашом и занимается скульптурой «Толстой верхом» (илл. 7). 20-го июня писатель снова выражает мнение, что Трубецкой весьма талантлив.

Как сообщает В. Ф. Булгаков, говоривший в это время с Трубецким, последний тогда был «веганцем», отрицал и молочные продукты: «Зачем нам молоко? Разве мы маленькие, чтобы пить молоко? Это только маленькие пьют молоко»¹².

Когда в 1904 году начал выпускаться первый «Вегетарианский вестник», Трубецкой с февральского выпуска стал соиздателем журнала, каковым и остался до последнего номера (№ 5, май 1905).

Об особой любви Трубецкого к животным знали на Западе. Friedrich Jaskowski в своей «Философии вегетарианства» (*Philosophie des Vegetarismus*, Berlin, 1912) в главе «Сущность художника и питания» («*Das Wesen des Künstlers und der Ernährung*») сообщает, что Трубецкой в своем искусстве натуралистичен и в общем светский человек, но живет строго по-вегетариански и, не обращая внимания на парижан, делает шуму на улицах и в ресторанах своими прирученными волками»¹³. «Успехи Трубецкого и достигнутая им слава», так писал в 1988 г. P. Castagnoli, «образуют единство с той известностью, которую художник получил своим непреклонным решением в пользу вегетарианства, и с той любовью, с которой брал под свою защиту животных. Собаки, олени, лошади, волки, слоны фигурируют среди излюбленных сюжетов художника»¹⁴ (илл. 8).

Трубецкой не имел никаких литературных амбиций. Но его желание выступить за вегетарианский образ жизни было так велико, что он выразил его также в трехактной пьесе на

итальянском языке «Доктор с другой планеты» (*Il dottore di un altro pianeta*). Одна копия этого текста, которую Трубецкой в 1937 г. передал своему брату Луиджи, появилась в печати впервые в 1988 г.¹⁵ В первом действии девушка, которая еще не потеряла уважения к братским созданиям, чья восприимчивость еще не испорчена условностями, порицает охоту. Во втором действии пожилой бывший каторжник рассказывает свою историю (*Ecco la mia storia*). Пятьдесят лет тому назад он жил вместе со своей женой и с тремя детьми: «У нас было много животных, на которые мы смотрели как на членов семьи. Мы питались продуктами земли, потому что мы считали низким и жестоким преступлением содействовать массовому убийству так гнусно умерщвленных братьев, хоронить их трупы в наших желудках и удовлетворять так извращенную и мерзкую прожорливость большей части человечества. Нам было достаточно плодов земли и мы были счастливы». И вот однажды рассказчик становится свидетелем того, как какой-то извозчик на крутой топкой дороге зверски бьет свою лошадь; он осаждает его, извозчик бьет еще свирепее, поскользывается и смертельно ударяется о камень. Рассказчик хочет помочь ему, а полиция несправедливо обвиняет его в убийстве. Как видно, случившееся в городке Интра все еще ощутимо в этой сцене.

Трубецкому исполнилось немногим более тридцати лет, когда он принимал участие в конкурсе на памятник Александру III (илл. 9). Конкурсная программа предусматривала, что царя изображают сидящим на троне. Это Трубецкому не нравилось, и, вместе с эскизом, соответствующим объявлению конкурса, он предоставил еще один эскиз, показывающий царя сидящим на коне. Этот второй макет привел в восхищение вдову царя, и, таким образом, Трубецкой получил заказ на 150 000 рублей. Однако правящие круги не были довольны оконченным творением: дату открытия памятника (май 1909 г.) художнику объявили так поздно, что он не мог вовремя попасть на торжество.

Описание этих событий оставила нам Н. Б. Нордман в своей книге «Интимные страницы». Одна из глав, датированная 17 июня 1909 г., называется: «Письмо к другу. День о Трубецком»¹⁶. Это, пишет К. И. Чуковский, «очаровательные страницы». Нордман описывает, как они с Репиным приезжают в Санкт-Петербург и направляются в гостиницу,

где Трубецкой остановился, и как сперва не могут его найти. При этом Нордман знакомится с актрисой Лидией Борисовной Яворской-Барятинский (1871—1921), основательницей «Нового драматического театра»¹⁷; Лидия Борисовна жалует Трубецкого. Он осунулся! И так одинок. «Все, все решительно против него». Вместе с Трубецким они все «летят трамваем» осмотреть памятник: «Стихийное, могучее творение, обвеянное свежестью гениальной работы!!» После осмотра памятника — завтрак в гостинице. Трубецкой и здесь остается самим собой. Он сразу же, на своем неправильном русском языке, в обычной своей манере пускает в ход вегетарианство:

— Maître d'hôtel, eh! Maître d'hôtel!?

Перед Трубецким почтительно склоняется Дворецкий.

— А ви варил покойник здесь? В этот суп? О! Нос слышит... труп!

Мы все переглядываемся. Ох, эти проповедники! Они, как статуи в Египте на пирах, говорят и напоминают о том, о чем не хочется думать в обычных формах нашей жизни. И к чему это о трупах за едой? Все сбито с толку. Не знают, что выбрать по карте.

А Лидия Борисовна с тактом женской души сейчас же становится на сторону Трубецкого.

— Вы меня заразили своими теориями, и я с вами буду вегетарианствовать!

И вот заказывают вместе¹⁸. И смеется Трубецкой детской улыбкой. Он в духе.

— О! Меня в Париже больше никогда не приглашают на обеды. Я всем надоел своей проповедью!! Теперь я решил каждому говорить о вегетарианстве. Извозчик меня везет, а я сейчас ему: Est-ce que vous mangez des cadavres? ну, и пошло, пошло. (...) Вот недавно мебель я зашел покупать — и вдруг начал проповедовать и забыл зачем я пришел, и хозяин забыл. Мы разговорились о вегетарианстве, пошли к нему в сад, ели фрукты. Теперь мы большие друзья, он мой последователь... А еще я лепил бюст с одного богатого скотопромышленника из Америки. Первый сеанс прошел молча. А на втором я спрашиваю — скажите, вы счастливы?

— Я, да!

— А совесть у вас спокойна?

— У меня? Да, а что... Ну, и началось!...

Позже Репин в ресторане «Контан» устраивает для своего друга Трубецкого банкет. Около двухсот приглашений были высланы,¹⁹ — но «во всем Петербурге нашлось всего 20 человек, которые пожелали чествовать всемирно известного ху-

дожника». Долго о нем замалчивали, «пока наконец Дягилев не понавез его вещей и не познакомил с ним русскими!». Репин в пустом зале выступает с бойкой речью, причем он намекает и на необразованность Трубецкого, нарочную и сознательно культивированную. Лучший в Италии памятник Данте создал Трубецкой. «Его спросили: — вы вероятно знаете каждую строчку Рая и Ада наизусть? ...Я никогда в жизни не читал Данте!» Как он учит своих учеников, спрашивает Репин риторически, «ведь он плохо говорит по-русски. — Да, он учит только одному — когда вы, говорит, лепите — вы должны понимать, где мягко, и где твердо. — Вот ведь! Где мягко и где твердо! Какая глубина в этом замечании!!! т. е. мягко — мускул, твердо — кость. Кто это понимает — у того чувство формы, а для скульптора это все»²⁰. На выставке 1900 г. в Париже жюри единогласно присудили Трубецкому *grand prix* за его работы. Он — эпоха в скульптуре...

Трубецкой на французском языке благодарит Репина за выступление — и при этом сразу же пускает в ход вопросы вегетарианства: «Je ne sais pas parler. Mais tout de même je dirai que j'aime, j'adore la vie! Par amour pour cette vie je voudrais qu'on la respecte. Par respect pour la vie il ne faudrait pas tuer les bêtes comme on le fait maintenant. On ne fait que tuer, sapristi! Mais je dis partout et à chaque personne que je rencontre ... Ne tuez pas. Respectez la vie! Et si vous ne faites que manger des cadavres — vous êtes punis par les maladies qui [sic! — П. Б.] vous donnent ces cadavres. Voilà la seule punition que les pauvres animaux peuvent vous donner». Все слушают насупившись. Кто любит проповеди? Мясные блюда становятся противны²¹. «Oh! moi j'aime la nature, je l'aime plus, que toute autre chose (...) Et voilà mon monument achevé! Je suis content de mon travail. Il dit juste ce que je voulais — la vigueur et la vie!»

Восклицание Репина «Браво, bravo Трубецкой!» было цитировано газетами. Гениальность памятника Трубецкого оказала глубокое впечатление и на В. В. Розанова; этот памятник сделал его «энтузиастом Трубецкого». С. П. Дягилев в 1901 или 1902 г. в редакции журнала «Мир искусства» показал Розанову проект памятника. Впоследствии Розанов написал восторженную статью «Paolo Trubezkoï и его памятник Александру III»²²: «тут, в этом памятнике, все мы, вся наша Русь от 1881 до 1894 года». Этого художника Розанов находил «страшно даровитым человеком», гениальный, оригинал и невежда.

О любви Трубецкого к природе и об его вегетарианском образе жизни в статье Розанова, конечно, не говорится.

Сам памятник постигла печальная участь. Не только правящие круги из окружения Николая II не благоволили ему, но и советские власти прятали его в 1937 г., во время сталинизма, на каком-то заднем дворе. Трубецкой, знаменитый скульптурами животных, отрицал, что это произведение задумано как политическая декларация: «Я хотел всего лишь изобразить одно животное на другом»²³.

Толстой охотно дал Трубецкому себя портретировать. Он сказал о нем: «Какой чудак, какой даровитый». Трубецкой не только признался ему, что он не читал «Войну и мир» — он даже забыл взять с собой издание сочинений Толстого, которое ему подарили в Ясной Поляне. Его групповая «символическая» пластика была известна Толстому. 20-го июня 1910 г. Маковицкий делает запись: «А. Н. разговорился про Трубецкого: — Вот этот Трубецкой, скульптор, ужасный сторонник вегетарианства, сделал статуэтку гиены и человека и подписал: “Гиена ест трупы, а человек сам убивает...”»²⁴.

Н. Б. Нордман завещала будущим поколениям предостережение Трубецкого о переносе болезней животных на человека. Слова: «vous êtes punis par les maladies qui [sic!] vous donnent ces cadavres» — это не единственное предупреждение из довоенной России, якобы предвещающее коровье бешенство.

4.2. Толстовец «avant-la-lettre»: Н. Н. Ге

«С Л. Н. Толстым Ге познакомился в 1882 г. Это знакомство, перешедшее в близкую дружбу, оставило глубокий след в творчестве последних лет жизни художника. Влияние Толстого на Ге не ограничивается моральным истолкованием библейских текстов и проповедью морального самосовершенствования. Выявляется оно и в глубокой психологии портретов этого периода. Написанные с большой художественной силой, они олицетворяют веру художника в человека и показывают его творческие возможности.

К 1884 году относится “портрет писателя Толстого” (Третьяковская галерея), написанный в рабочем кабинете его дома в Хамовниках, когда Толстой работал над книгой “В чем моя вера?” Этот творческий процесс воспроизвел Ге в портре-

те, он создал картину-портрет, как многие русские художники тех лет»¹.

Николай Николаевич Ге (1831—1894) был одним из самых оригинальных русских живописцев². Его прадед (Gay) иммигрировал из Франции в конце XVIII столетия. После ряда больших успехов, особенно картины «Тайная вечеря» (1863), Ге пережил глубокий творческий кризис в 1875 г. Он отрекся от искусства и впредь занимался вопросами религии и нравственности. Купив маленький хутор в Украине, близ Чернигова, он старался жить сельским трудом: ведь искусство, как он теперь говорил, не может служить средством к жизни, им нельзя торговать.

Дружба между Ге и Толстым завязалась в 1882 г. В этом году Ге случайно прочитал в газетах статью Толстого о «переписи населения» в Москве. Посетив подвалы и увидев в них несчастных, Толстой писал: «Наша нелюбовь к низшим — причина их плохого состояния». Эта фраза электризовала Ге, он отправился в Москву, прожил там больше месяца и каждый день бывал у Толстого. Он начал портретировать Толстого и его семью. Впоследствии Ге посещал писателя несколько раз и в Ясной Поляне; они сблизились, между прочим, еще и по той причине, что сам Толстой после окончания «Анны Карениной» испытал глубокий жизненный кризис и сильный процесс перерождения. Они переписывались, обменивались планами. Ге советовался с Толстым по поводу своих работ и следовал его совету выражать в своих картинах простое христианство, общепонятное и нужное людям.

Ге стал очень ранним «толстовцем». Он пытался следовать всем учениям Толстого в устройстве своей личной жизни, занимался физическим трудом, клал соседям печи. «Наработавшись так целый день, Н. Н. еще почти и не ел. В это время он стал вегетарианцем (раньше он почти исключительно питался говядиной) и даже усиленно желал есть то, что ему не нравилось: напр., он любил гречневую кашу, и потому ел пшеничную, все это с постным маслом, или совсем без масла. Впрочем, позже мало-помалу все эти утрировки прекратились»³. Толстой делает запись в дневнике, что Ге («дедушка») говорил: не надо «заставлять других служить себе в самых простых вещах»⁴. Художник читал Толстого особенно за то, что многие идеи и понятия, которые ему были дороги, Толстой сформулировал раньше и определеннее его. В 1886 г. он отрекся от своего

имущества, переписал его своей жене Анне Петровне и детям. Жене, правда, осталась довольно чужда та «упрощенная жизнь», которую Ге вел в течение двенадцати последних лет своей жизни. «Моя барыня не хочет жить просто», — писал Ге Толстому 30 июня 1890 г.⁵ Переписка Ге с Толстым началась вскоре после 1882 г. и продолжалась до самой смерти Ге.

В середине июня 1892 г. Ге горячо приветствует выход статьи Толстого «Первая ступень». В письмах к автору он восхваляет это заступничество за вегетарианство и пропагандирует этот текст, читая его другим. Впрочем, Ге подробно осведомляет Толстого и о состоянии своего сада: «Огороды хороши <...> кукуруза уже большая, картофель, фасоль, все хорошо»⁶.

Ге сблизился с Толстым до такой степени, что Толстой в шутку мог сказать: «Если меня нет в комнате, то Н. Н. может вам ответить; он скажет то-же, что я»⁷.

Когда в 1913 г. в Москве состоялся Первый всероссийский съезд вегетарианцев, Ге не было в живых уже почти двадцать лет. Но «вегетарианская выставка», открытая с 16 по 21 апреля, была украшена и его картинами⁸. Дружба с Толстым распространилась вскоре и на сына художника, Николая Николаевича Ге (1857—1949). Переписка Толстого с ним была даже обширнее, чем с его отцом. В альбоме столовой «Безубойное питание» города Ташкента можно было прочесть следующую запись Николая Николаевича: вегетарианский образ жизни — это «лишь та первая ступень, о которой 25 лет назад писал Лев Николаевич. И до сих пор она все первая. Это топтание на первой ступени ведет к тому, что многие спустились с нее после того, как когда-то с одушевлением взобрались на нее. <...> Чтобы первая ступень стала ступенью и была первой, необходимо, чтобы за нею шли другие ступени. Вегетарианство само по себе есть лишь чистоплотность и ведет к лицемерию и самоуслаждению, если оно не является началом больше разумной человеческой жизни: к “неядению домов вдов и сирот”, чтобы оно стало первой ступенью человеческой жизни. (8 июня 1910 г.). Николай Ге»⁹.

4. 3. Эзотерика и питание: Н. К. Рерих

«Овидий и Гораций, Цицерон и Диоген, Леонардо да Винчи и Ньютон, Байрон, Шелли, Шопенгауэр, а также

Л. Толстой, И. Репин, Св. Рерих — можно перечислять еще очень много знаменитых людей, которые были вегетарианцами». Так в 1996 г. говорил культуролог Борис Иванович Снегирев (род. 1916 г.), действительный член Философского общества Российской Академии наук, в интервью на тему «Этика питания» в журнале «Патриот»¹.

Если в этом списке упоминается «Св. Рерих», то имеется в виду живший с 1928 г. в Индии портретист и пейзажист Святослав Николаевич Рерих (род. 1904). Но не о нем и не о его вегетарианстве в дальнейшем будет идти речь, а о его отце Николае Константиновиче Рерихе, живописце, лирике и эссеисте (1874—1947). С 1910 по 1918 г. он был председателем близкого символизму художественного объединения «Мир искусства». В 1918 г. он эмигрировал в Финляндию, а в 1920 г. — в Лондон. Там он встретил Рабиндраната Тагора и через него познакомился с культурой Индии. С 1928 г. Рерих жил в долине Кулу (восточный Панджаб), откуда совершил путешествия в Тибет и в другие азиатские страны. Знакомство Рериха с мудростью буддизма нашло отражение в ряде книг религиозно-этического содержания. В дальнейшем они были объединены под общим названием *Живая этика*, причем жена Рериха, Елена Ивановна (1879—1955), активно этому содействовала — она была его «подругой, спутницей и вдохновительницей». С 1930 г. в Германии существует «Общество Рериха», а в Нью-Йорке действует музей «Николас Рерих»².

В краткой автобиографии, написанной 4 августа 1944 г. и появившейся в журнале «Наш современник» в 1967 г., Рерих отводит две страницы в частности собрату по живописи И. Е. Репину, о котором речь будет идти в следующей главе; при этом упоминается и его вегетарианский образ жизни: «И сама творческая жизнь мастера, его умение трудиться не покладая рук, его уход в Пенаты, его вегетарианство, его писания — все это необычное и крупное, дает яркий облик великого художника»³.

Самого Н. К. Рериха, думается, можно назвать вегетарианцем лишь в известном смысле. Если он почти исключительно пропагандировал и практиковал вегетарианский режим питания, то объясняется это его религиозными воззрениями. Он, как и его жена, верил в реинкарнацию, и такая вера, как известно, для многих людей является причиной отказа от животного питания. Но еще более важным для Рериха было

распространенное у некоторых эзотерических учений представление о различных степенях чистоты пищи и о действии, оказываемом последнею на умственное развитие человека. В книге Рериха «Братство» (1937) говорится (§ 21):

Всякая пища, содержащая кровь, является вредной для тонко-вещественной энергии. Если бы человечество воздерживалось от пожирания падали, то можно было бы ускорить эволюцию. Любители мяса старались удалить кровь из мяса (...). Но даже если кровь удаляется из мяса, то его нельзя полностью освободить от излучений мощной субстанции. Солнечные лучи устраняют эти эманации до известной степени, но их рассеивание в пространстве причиняет немало вреда. Попробуйте произвести эксперимент близ бойни и вы станете свидетелями проявления чрезвычайного помешательства, не говоря уже о существах, присасывающихся к открытой крови. Недаром кровь считается таинственной. (...) К сожалению, правительства слишком мало обращают внимания на здоровье населения. Государственная медицина и гигиена находятся на низком уровне; медицинский надзор не выше полицейского. Никакая новая мысль не проникает в эти устарелые учреждения, они умеют только преследовать, но не помогать. На пути к братству пусть не имеется боен⁴.

В книге Рериха «АУМ» (1936) читаем (§ 277):

Если указываю на растительную пищу, то это потому что Я хочу охранять от крови тонко-вещественное тело [т. е. тело как носителя связанных с тем светом духовных сил. — П. Б.]. Эманация крови очень нежелательна в пище, и только как исключение. (Мы позволяем мясо, сушеное на солнце.) Можно при этом употреблять те части тела животных, в которых кровная субстанция основательно преобразовалась. Так растительная пища имеет значение также для жизни в Тонко-вещественном Мире⁵.

Кровь, надо сказать, — сок особого рода. Недаром еврейство и ислам, частично и православная церковь, а, кроме них, и разные секты запрещают ее употребление в пищу. Или же, как, например, Касьян у Тургенева, подчеркивают священно-таинственный характер крови.

Елена Рерих цитировала в 1939 г. из неопубликованной книги Рериха «Надземное»: «Мы решительно против мясной пищи, она достаточно задержала эволюцию. Но все-таки бывают периоды голода, и тогда мясо, сушеное и копченое, позволяется как крайняя мера. Мы решительно против вина, оно

так же недозволительно, как и наркотики, но есть случаи такого невыносимого страдания, что у врача нет другого пути, нежели прибегнуть к их помощи»⁶.

И в настоящее время в России еще (или же вновь) есть община приверженцев Рериха («рерихи»); ее члены частично живут по-вегетариански⁷.

То, что для Рериха мотивы охраны животных были решающими только отчасти, становится видно из письма, написанного Еленой Рерих 30 марта 1936 г. и адресованного сомневающемуся искателю истины: «Вегетарианская пища рекомендуется не по сентиментальным причинам, но главным образом из-за ее бóльшей полезности для здоровья»⁸. Имеется в виду как телесное, так и душевное здоровье.

Рерих ясно видел единство всего живого и выразил его в стихотворении «Не убивать?», написанном в 1916 г., во время войны⁹:

Мальчик убил жука,
Хотелось ему его узнать.
Мальчик забил птицу,
чтобы ее рассмотреть.
Мальчик забил зверя,
только ради знания.
Мальчик спросил, позволительно ли
Для добра и для знания
Убить человека.
Если ты убил жука, птицу и зверя,
Почему же людей
Не убить?

4.4. «Гигиеническое» вегетарианство: И. Е. Репин

Среди художников, которых по праву причисляют к окружению Толстого и которые стали приверженцами его учений, в том числе вегетарианства, самой видной фигурой, несомненно, является Илья Ефимович Репин (1844—1930).

Толстой ценил Репина как человека и художника, не в последнюю очередь за его естественность и своеобразную наивность. 21 июля 1891 г. он писал обоим Н. Н. Ге (отцу и сыну): «Репин — хорошая художественная натура, но совсем сырая, нетронутая, и едва ли он когда проснется»¹.

Репин нередко восторженно высказывался о своем приверженстве вегетарианству. Одно из таких признаний нахо-

дим в письме, адресованном И. Перперу, издателю «Вегетарианского обозрения», вскоре после смерти Толстого:

В Астапове, когда Льву Николаевичу стало лучше и ему для подкрепления подали стаканчик овсянки с желтком, мне хотелось крикнуть отсюда: Не то! Не то! Дайте ему вкусно заправленный бульон из трав (или сена *хорошего*² с клевером). Вот, что восстановит его силы! Воображаю, как улыбнулись бы заслуженные авторитеты медицины, только что прослушавшие полчаса больного и уверенные в питательности яиц...

А я в восторге справляю медовый месяц питательных и вкусных растительных бульонов. Я чувствую, как благотворный сок трав освежает, очищает кровь и влияет самым целебным образом на начинавшийся уже очень явственно склероз сосудов. На 67-м году жизни при достатке и склонности к объедению я уже испытывал значительные недомогания, угнетения, тяжесть и особенно какую-то пустоту в желудке (особенно после мяса). И чем больше питался, тем больше внутренне голодал. Надо было оставить мясо — лучше стало. Перешел на яйца, масло, сыры, каши. Нет: растолстел, не могу уже снять с ног ботинок; пуговики едва держат накопившиеся жиры: работать тяжело... И вот доктора Ламан и Паско³ (кажется, они из дилетантов) — вот мои спасители-вразумители. Н. Б. Северова изучила их, сообщала мне их теории.

Выброшены яйца (мясо уже и прежде оставлено). — Салаты! Какая прелесть! Какая жизнь (с оливковым маслом!). Бульон из сена, из корней, из трав — вот элексир жизни. Фрукты, красное вино, сушеные плоды, маслины, чернослив... орехи — энергия. Можно ли перечислить всю роскошь растительного стола? Но бульоны из трав — какое-то веселье. Это же ощущение испытывает и мой сын Юрий и Н. Б. Северова. Сытность полная на 9 часов, ни пить, ни есть не хочется, все сокращено — свободнее дышится.

Вспоминаю 60-е годы: увлечение экстрактами мяса Либи-ха (белки, белки), а к 38 годам он был уже дряхлый, утративший всякий интерес к жизни старик.

Как я рад, что опять могу бодро работать и все мои платья, ботинки на мне свободны. Жиры, комками выступавшие сверху заплывших мускулов, ушли; тело помолодело и я стал вынослив в ходьбе, сильнее в гимнастике и гораздо успешнее в искусстве — заново освежился. Илья Репин⁴.

Репин познакомился с Толстым уже 7 октября 1880 г., когда тот посетил художника в его ателье в Большом Трубном переулке в Москве. Впоследствии между ними установилась тесная дружба; Репин гостил в Ясной Поляне часто, временами и подолгу; именно там он создал известную «репинскую серию» картин и рисунков Толстого и его семьи. В

январе 1882 г. Репин пишет портрет Татьяны Л. Толстой, в апреле того же года он посещает Толстого в Москве; 1 апреля 1885 г. Толстой в письме хвалит картину Репина «Иван Грозный и его сын» — отзыв, который, очевидно, весьма порадовал Репина. И последующие картины Репина вызывают похвалу со стороны Толстого⁵. 4 января 1887 г. Репин вместе с Гаршиным присутствует в Москве при чтении В. Г. Чертковым драмы «Власть тьмы». Первое посещение Ясной Поляны Репиным приходится на 9 по 16 августа 1887 г. С 13 по 15 августа он создает два портрета писателя: «Толстой за письменным столом» (сегодня этот портрет находится в Ясной Поляне) и «Толстой в кресле с книгой в руке» (Третьяковская галерея). Толстой сообщает П. И. Бирюкову, что за это время он еще больше сумел оценить Репина⁶. В сентябре на основании эскизов, сделанных в Ясной Поляне, Репин пишет картину «Л. Н. Толстой на пашне»⁷. В октябре Толстой хвалебно отзывается о Репине перед Н. Н. Ге: «Был Репин, написал хороший портрет. <...> живой, растущий человек»⁸. В феврале 1888 г. Толстой обращается к Репину в письме с просьбой создать три рисунка для книжек против пьянства, издаваемых «Посредником»⁹.

С 29 июня по 16 июля 1891 г. Репин вновь гостит в Ясной Поляне. В это время из-под его пера выходят картины «Толстой в рабочем кабинете под сводами» и «Толстой босиком в лесу»; кроме того, он моделирует бюст Толстого. Как раз в этот период, с 12 по 19 июля, Толстой работает над первой редакцией «Первой ступени». 20 июля он сообщает И. И. Горбунову-Посадову: «Я за это время был обуреваемым посетителями — Репин между прочим, но старался не терять дней, к <оторых> так мало остается, и подвинулся в работе, и написал начерно всю статью о вегетарьянстве, обжорстве, воздержании»¹⁰. 21 июля в письме к обоим Ге говорится: «Все это время был у нас Репин, попросил приехать <...>. Репин писал с меня в комнате и на дворе и лепил. <...> Репина бюст кончен и отлит и хорош...»

12 сентября в письме к Н. Н. Ге-сыну Толстой выражает удивление:

«Как смешон Репин. Пишет Тане [Татьяне Львовной Толстой] письма, в к <оторых> эмансипируется старательно от доброго влияния на него пребывания у нас»¹¹. И действительно, Репин, которому, без сомнения, было известно, что Толстой

работает над «Первой ступенью», написал Татьяне Львовне 9 августа 1891 г.: «Вегетарианствую я с удовольствием, работаю, а никогда еще не работал так успешно»¹². А уже 20 августа в другом письме говорится: «Вегетарианство я должен был оставить. Природа знать не хочет наших добродетелей. После того, как я писал Вам, ночью меняхватила такая нервная дрожь, что наутро решил заказать бифштекс — и как рукой сняло. Теперь я питаюсь попеременно. Да ведь здесь трудно: скверный воздух, вместо масла маргарин и т. д. Ах, если бы куда-нибудь выселиться [из Петербурга]! Но пока нельзя»¹³. Почти все письма Репина того времени адресованы Татьяне Львовне. Он рад, что именно она будет ответственна за художественный отдел издательства «Посредник»¹⁴.

Переход Репина к вегетарианскому образу жизни еще долго будет движением по схеме «два шага вперед — один назад»: «Знаете ли, как это ни грустно, я пришел к окончательному заключению, что я без мясной пищи не могу существовать. Если я хочу быть здоровым, должен есть мясо; без него у меня теперь сейчас же начинается процесс умирания, как Вы видели меня на страстной у Вас. Я долго не верил; и так и сяк испытывал себя и вижу, что иначе нельзя. Да вообще христианство живому человеку не годится»¹⁵.

Отношения с Толстым в те годы остались тесными. Толстой дал Репину сюжет для картины «Прием новобранцев»¹⁶; Репин пишет Толстому по поводу успеха у публики пьесы «Плоды просвещения»: «Доктора, ученые и все интеллигенты вопиют особенно против заглавия <...> Но публика ... наслаждается в театре, хохочет до упаду и выносит много назидательного о городской жизни бар»¹⁷. С 21 по 24 февраля 1892 г. Репин гостит у Толстого в Бегичевке¹⁸.

4 апреля 1892 г. Репин опять приезжает в Ясную Поляну, а также 5 января 1893 г., когда и рисует акварелью портрет Толстого для журнала «Север»¹⁹. С 5 по 7 января Репин вновь в Ясной Поляне, просит Толстого о сюжете. Толстой сообщает Черткову: «Одно из самых приятных впечатлений последнего времени было свидание с Репиным». А Репин восхищен трактатом Толстого «Что такое искусство?» 9 декабря того же года Репин и скульптор Паоло Трубецкой гостят у Толстого²⁰.

1 апреля 1901 г. Репин пишет очередной акварельный портрет Толстого. Тот, правда, не совсем доволен тем, что Репин опять пишет его портрет, но не хочет ему отказать.

В мае 1891 г. у коменданта Петропавловской крепости в Петербурге Репин впервые встречает Наталью Борисовну Нордман (1863—1914)²¹, с писательским псевдонимом Северова — в 1900 г. она станет его женой²². В своих воспоминаниях Н. Б. Северова описала эту первую встречу, так и озаглавив ее — «Первая встреча»²³. В августе 1896 г. в имении Талашкино, принадлежавшем княгине М. К. Тенишевой, меценатке искусства, происходит еще одна встреча между Нордман и Репиным. После смерти матери Нордман приобретает участок в Куоккале, на северо-западе от Петербурга, и строит там домик, сперва однокомнатный, а позже расширенный пристройками; среди них было и ателье художника (для Репина); ему дали название «Пенаты». В 1903 г. Репин поселился там навсегда (илл. 10).

С 1900 года, после брака с Н. Б. Нордман-Северовой, посещения Репиным Толстых становятся все реже. Но его вегетарианство будет строже. Об этом Репин сообщает в 1912 г. в своей статье к тому «альбому» ташкентской столовой «Безубойное питание», который печатался в журнале «Вегетарианское обозрение» за 1910—1912 гг. в нескольких выпусках; при этом повторяются некоторые из высказываний, вошедшие до этого двумя годами ранее, после смерти Толстого, в письмо к И. Перперу (см. выше с. 197):

Всякий момент я готов к благодарности Богу, что стал, наконец, вегетарианцем. Первый дебют был у меня около 1892 г.; продолжался два года — я не сумел и смалодушествовал под угрозой истощения. Второй продолжался 2 ½ года в прекрасных условиях и пресекся по настоянию доктора, запретившего моему другу [т. е. Н. Б. Нордман] вегетарианствовать: для питания заболевших легких «необходимо мясо». Вегетарианствовать я было прекратил «за компанию» и, из боязни отоцать, старался есть как можно больше и особенно сыры, каши; начал толстеть до тяжести — это было вредно: еда по три раза, с горячими блюдами.

Третий период — самый сознательный и самый интересный, благодаря *умеренности*. *Отброшены яйца* (вреднейшая пища), устранены сыры. Коренья, зелень, овощи, фрукты, орехи. Особенно супы и бульоны из крапивы и прочих трав и кореньев дают чудесное питательное и сильное средство к жизни и деятельности... Но я опять в особых условиях жизни: у моего друга *талант* изобретательности и *творчества* создавать из самых отбросов растительного царства необыкновенно вкусные яства. Все мои гости с восхищением хвалят мои

скромные обеды и не верят, что стол без убоины и что он так дешево стоит.

Я насыщаюсь за скромным обедом, из двух блюд, в 1 ч. дня на весь день; и только в половине 8-го *закусываю холодным*: салат, маслины, грибы, фрукты и вообще, что найдется *понемногу*. *Умеренность — счастье тела*.

Чувствую себя как никогда прежде; а главное, я спустил все лишние жиры, и платья все свободны стали, а прежде были все теснее и теснее; и я уже с трудом надевал себе ботинки. Ел три раза по несколько горячих всяких блюд и все чувствовал голод; а по утрам — угнетающую пустоту в желудке. Почки работали плохо от перцу, к которому я привык, я стал тяжелесть и дряхлеть заметно в 65 лет от излишка питания.

Теперь, слава Богу, я стал легче и, особенно по утрам, чувствую себя свежо и бодро внутри. И аппетит у меня детский — вернее подростка: все ем с удовольствием, только бы воздержаться от излишка. Илья Репин²⁴.

В августе 1905 г. Репин с женой путешествует по Италии. Он пишет ее портрет в Кракове и в Италии, в местечке Фасано над Лаго ди Гарда, на террасе на фоне сада — эта картина считается лучшим портретом Натальи Борисовны²⁵.

С 21 по 29 сентября 1907 г. оба гостят в Ясной Поляне; Репин пишет портрет Толстого и Софьи Андреевны. Нордман-Северова три года спустя даст живое описание этих дней²⁶. В них, правда, не говорится о том, что Репин два с половиной года не ел мяса, но теперь это делает иногда, потому как доктора предписали Наталье Борисовне есть мясо, в противном случае ей якобы грозит чахотка. 10 июля 1908 г. будет напечатано открытое письмо, в котором Репин выражает солидарность с манифестом Толстого против смертной казни «Не могу молчать».

Последнее посещение Репина и Н. Б. Нордман Ясной Поляны приходится на 17 и 18 декабря 1908 г. Эта встреча тоже запечатлена в наглядном описании, данном Нордман²⁷. В день отъезда будет снято последнее совместное фото Толстого и Репина (илл. 11).

В январе 1911 г. Репин пишет свои воспоминания о Толстом. С марта по июнь он вместе с Нордман — в Италии на мировой выставке, где его картинам отводится особый зал.

С ноября 1911 г. Репин становится официальным сотрудником редакции «Вегетарианского обозрения», он останется им до закрытия журнала в мае 1915 г.²⁸ В январском номере 1912 г. он печатает свои записки о современной Москве и ее

новой вегетарианской столовой под названием «Московская вегетарианская столовая»²⁹:

Перед Рождеством Москва, куда я попал на устройство нашей 40-й Передвижной выставки, мне особенно понравилась. Как она похорошела! Сколько свету вечером! И какая масса выросла совсем новых величавых домов; да ведь все в новом стиле! — И притом художественных изящных зданий... Музеи, киоски для трамваев... И, особенно вечером, эти плавающие с гулом, треском, блеском — обдающие вас часто ослепляющими искрами электричества — трамваи! Как это оживляет улицы и без того полные сутолоки — особой перед рождественской... И, торжественно дефилирующие — сияющие чертоги, кареты, особенно на Лубянской площади, переносят вас куда-нибудь в Европу. Хоть старые москвичи и ворчат. В этих кольцах железных змей-рельсов видят они уже призраки несомненной кончины мира, т. к. Антихрист уже живет на земле и все больше опутывает ее цепями ада... Ведь это дрожь берет: перед Спасскими воротами, перед Василием Блаженным и другими святынями Москвы дерзко визжат весь день и всю ночь — когда уже спят все «несуетные», они проносятся (и здесь!) со своими бесовскими огнями... Последние времена!..

Это все видят, все знают; а моя цель — описать в этом письме то, что еще не всем, даже москвичам, известно. И это не внешние объективные предметы, питающие только, избалованные красотою, глаза; я желаю поведать о вкусном, сытном, питавшем меня всю неделю, вегетарианском столе, вегетарианской столовой в Газетном переулке.

При одном воспоминании об этом симпатичном, светлом дворике, с двумя входными воротами, на два крыла, меня тянет опять идти туда, смешаться с непрерывной вереницей, идущих туда и таковой же возвращающихся, уже сытых и веселых, большею частью молодых людей, обоего пола, большей частью студенчества — русского студенчества — самой почтенной, самой значительной среды нашего отечества (...).

Порядок столовой образцовый; в передней гардеробным не велено ничего платить. И это имеет серьезный смысл, ввиду особого наплыва сюда недостаточного студенчества. Поднявшись по двукрылой лестнице со входа, направо и налево занимают большой угол здания веселые, светлые комнаты, установленные накрытыми столами. Стены всех комнат увешаны фотографическими портретами Льва Толстого, разных величин и в разных поворотах и позах. А в самом конце комнат, направо — в читальной висит огромный портрет Л. Н. Толстого в натуральную величину на сером, в яблоках коне, едущего по яснополянскому лесу, в осеннюю пору (портрет Ю. И. Игумновой). Все комнаты установлены столами, накрытыми чистой и довольно достаточной сервировкой необходимых приборов и

корзин, с разным хлебом, особого, приятного и сытного вкуса, который пекут только в Москве.

Выбор кушаний вполне достаточен, но не это главное; а то, что кушанья, чтобы вы не взяли, так вкусны, свежи, питательны, что невольно срывается с языка: да ведь это — объеденье! И так, каждый день, всю неделю, пока я жил в Москве, я уже с особым удовольствием стремился в эту бесподобную столовую. Спешные дела и неуправка по устройству выставки в Музее, заставляли меня быть в Вегетарианской столовой в разные часы; и во все часы моего прихода, столовая была так же полна, светла и весела, а яства ее все разные — были: одно вкуснее другого. <...> А какой квас!

Занимательно сравнить это описание с рассказом Бенедикта Лившица о посещении той же столовой Маяковским. (ср. с. 235). Репин, кстати сказать, сообщает, что перед отъездом из Москвы он встретил в столовой П. И. Бирюкова: «Только в последний день и уже уходя, я встретил П. И. Бирюкова, который и живет даже в этой же квартире, доме наследников кн. Шаховской. — Скажите, спрашиваю я, где Вы нашли такого чудесного повара? Прелесть! — Да у нас, простая баба, русская баба стряпуха; когда поступила к нам ничего даже не умела готовить вегетарианского. Но так скоро освоилась и теперь (ведь у нас много помощниц ей понадобилось; Вы видите, какое количество посетителей) она быстро выучивает своих приспешниц. А уж продукты у нас — самые лучшие. — Да это я вижу — чудо как чисто и вкусно. Я не ем сметаны и масла, но по нечаянности эти продукты были мне поданы в моих блюдах и я, что называется пальчики облизал. Очень, очень вкусно и здорово. Стройте такую же столовую в Петербурге, там нет хорошей — убеждаю я его. Да ведь нужны большие средства... Я: Да ведь это *дело верное*. Неужели не найдется людей с состоянием — помочь?.. Ил. Репин». Очевидно, таких не нашлось — одним из больших затруднений, которое испытывало русское вегетарианство даже в пору его процветания в период перед Первой мировой войной, было отсутствие состоятельных покровителей-меценатов.

Фотография той столовой, которая так восхитила Репина в декабре 1911 года, воспроизведена в ВО (а также ниже см. илл. 12)³⁰. Газета «Русское слово» осенью 1911 г. осведомляла читателей о переносе столовой МВО-ва в палату княгини Шаховской: «Столовая московского вегетарианского общества, которую в минувшем году посетило более 72 000 человек, к

1-му августу переведена в новое помещение в Газетном переулке. Ввиду успеха этой столовой, общество предполагает осенью открыть вторую дешевую столовую для народа, мысль о которой интересовала еще покойного Л. Н. Толстого». А «Голос Москвы» опубликовал подробную статью, включая интервью с казначеем МВО-ва, сообщая притом, что в этой «грандиозной столовой» ежедневно обедают 1000 человек³¹.

Из воспоминаний писателя К. И. Чуковского, дружного с Репиным, мы знаем, что художник посещал вегетарианские столовые и в Петербурге. Чуковский особенно с 1908 г. как в Петербурге, так и в Куоккале находился в тесном контакте с Репиным и Нордман-Северовой. Так, он рассказывает о посещении «столовки» за Казанским собором: «Там приходилось подолгу простаивать в очереди и за хлебом, и за посудой, и за какими-то жестяными талонами. Главными приманками в этой вегетарианской столовой были гороховые котлеты, капуста, картошка. Обед из двух блюд стоил тридцать копеек. Среди студентов, приказчиков, мелких чиновников Илья Ефимович чувствовал себя своим человеком»³².

Репин не перестает ратовать за вегетарианство и в письмах к друзьям. Так, в 1910 г. он уговаривает Д. И. Яворницкого не есть мясо, рыбу и яйца: они вредны для человека. В. К. Бялыницкому-Бируля он пишет 16 декабря 1910: «А насчет моего питания — я дошел до идеала (конечно, это не одинаково всякому): еще никогда не чувствовал себя таким бодрым, молодым и работоспособным. Вот дезинфекторы и реставраторы!!!!... А мясо — даже мясной бульон — мне отравя: я несколько дней страдаю, когда ем в городе в каком-нибудь ресторане... И с невероятной быстротой восстанавливаю меня мои травяные бульоны, маслины, орехи и салаты»³³.

После смерти Нордман 30 июня 1914 г. в Орселине близ Локарно, Репин поехал в Швейцарию. В «Вегетарианском обозрении» он опубликовал подробный рассказ об умершей спутнице своей жизни, о ее характере, ее деятельности в Куоккале, ее литературном творчестве и последних неделях ее жизни в Орселине. «Наталья Борисовна была строжайшая вегетарианка — до святости»; она верила в возможность лечиться «солнечной энергией», содержащейся в виноградном соке. «На высоком подъеме из Локарно в Орселино, в райски прекрасной местности над озером Маджоре, на маленьком сельском кладбище, выше всех великолепных вилл <...> лежит

наша строгая вегетарианка. Она слышит гимн этого пышно-го растительного царства Творцу. И глаза ее и сквозь землю смотрят с блаженной улыбкой в голубое небо, с какой она, прекрасная, как ангел, в зеленом платье, лежала в гробу, засыпанная дивными цветами юга...»³⁴

Завещание Н. Б. Нордман было опубликовано в «Вегетарианском вестнике»³⁵. Принадлежавшая ей вилла «Пенаты» в Куоккале была завещана в пожизненное владение И. Е. Репину, а после его смерти предназначена для устройства «домика И. Е. Репин». Куоккала с 1920 по 1940 гг. и затем с 1941 г. до капитуляции Финляндии находилась на финляндской территории — но с 1944 г. эта местность называется «Репино». Огромная коллекция картин Н. Б. Нордман, несколько сотен сочинений самых известных русских и зарубежных живописцев и скульпторов представляли огромную ценность. Все это было завещано для будущего музея имени Репина в Москве. Первая мировая война и революция воспрепятствовали осуществлению этого плана, но есть в Репино «Музей-усадьба И. Е. Репина «Пенаты»».

Театр «Прометей» в Куоккале, тоже принадлежавший Н. Б. Нордман, а также две виллы в Оллиле были назначены для образовательных целей. Свидетелями при составлении завещания были среди прочих актриса (и княгиня) Л. Б. Бяргинская-Яворская и скульптор Паоло Трубецкой.

Только недавно умер один из последних свидетелей, еще с раннего детства вспоминающий этот центр русской культуры — Д. С. Лихачев: «На границе с Оллилой (ныне Солнечное) были репинские Пенаты. Около Пенат построил себе дачу К. И. Чуковский (помог ему в этом — и деньгами, и советами — И. Е. Репин.). В те или иные летние сезоны жил Маяковский, наезжал Мейерхольд <...> приезжали к Репину Леонид Андреев, Шаляпин и многие другие. <...> На благотворительных спектаклях стремились поразить неожиданностями <...> Но были и «серьезные» спектакли. Репин читал свои воспоминания. Чуковский читал «Крокодила». Жена Репина знакомила с травами и травоедением»³⁶.

Чуковский уверяет, что Репин (по возвращении из Швейцарии) якобы заявил, что в «Пенатах» впредь будет царить другой порядок: «Раньше всего Илья Ефимович упразднил вегетарианский режим и, по совету врачей, стал есть в небольшом количестве мясо»³⁷. Неудивительно, что доктора дали та-

кие советы, но что от вегетарианства не осталось и следа, — маловероятно. Еще летом 1915 г. Маяковский жалуется, что его в Куоккале заставляли есть «репинские травки»... Давид Бурлюк и Василий Каменский тоже рассказывают о вегетарианских меню в год после смерти Нордман. Бурлюк пишет о 18 февраля 1915 г.:

...Все, поторапливаемые Ильей Ефимовичем и Татьяной Ильиничной, отрываясь от разговоров, затеянных между только что познакомившимися, тронулись к небезывестной вегетарианской карусели. Эту машину я, усевшись, принялся тщательно изучать со стороны ее механизма, так и по статьям содержимого.

За большой круглый стол село тринадцать или четырнадцать человек. Перед каждым стоял полный прибор. Прислуги, по эстетике Пенатов, не было, и весь обед в готовом виде стоял на круглом столе меньшего размера, который на подобие карусели, возвышаясь на четверть, находился посреди основного. Круглый стол, за которым сидели обедающие и стояли приборы, был неподвижен, зато тот на котором стояли яства (исключительно вегетарианские), был снабжен ручками, и каждый из присутствующих мог повернуть его, потянув за ручку, и таким образом поставить перед собой любое из кушаний.

Так как народу было много, то не обходилось без курьезов: захочет Чуковский соленых рыжиков, вцепится в «карусель», тянет рыжики к себе, а в это время футуристы мрачно стараются приблизить к себе целую кадучешку кислой капусты, вкусно пересыпанной клюквой и брусникой³⁸.

Знаменитый круглый стол в салоне «Пенатов» изображен на обложке этой книги.

Последние тридцать лет своей жизни Репин провел в финской Куоккале. Чуковскому удалось посетить Репина, тогда уже восьмидесятилетнего, 21 января 1925 г. и при этом вновь увидеть свой бывший домик. Он сообщает, что Репин, очевидно, все еще является приверженцем своих идей опрощения: с июня до августа он спит в голубятне. Чуковский задается вопросом: вегетарианец ли он теперь? Ответа в дневнике не находим, однако небезынтересен в этом смысле следующий эпизод: немногим раньше некий врач др. Стернберг, якобы председатель общества Куинджи, посетил Репина в сопровождении одной дамы и убеждал его переселиться в Советский Союз — обещали ему автомобиль, квартиру, 250 рублей жалования... Репин наотрез отказался. В качестве подарка ему принесли — в январе месяце из Советского Со-

юза — корзинку с фруктами — персики, мандарины, апельсины, яблоки. Репин отведал этих фруктов, но, так как он и его дочь Вера испортили себе при этом желудок, то он счел необходимым проверить эти фрукты в биохимическом институте г. Хельсинки. Он боялся, что его хотели отравить...³⁹

В основе вегетарианства у Репина, как это показывают тексты, здесь приведенные, лежали прежде всего соображения здоровья, оно имело «гигиеническую» мотивацию. Строгость к самому себе, склонность к спартанству, сближают его с Толстым. В черновике неоконченной статьи о Толстом Репин хвалит аскетизм Толстого: «На купаньи: после быстрой 2-верстной ходьбы, совсем потный, наскоро сбросив свой простой убор, он бросается в холодную ключевую запрудку речки в Ясной Поляне. Одевался не вытираясь, так как капельки воды держат кислород — тело дышит порами»⁴⁰.

Сам Репин с конца 1870-х годов всегда спал при открытом окне, по совету одного молодого московского врача, даже при морозе⁴¹. К тому же, он был, как и Толстой, неутомимым работником. Он скупился своим рабочим временем. Чуковский сообщает, что Репин, кроме большого ателье, имел еще и маленькую мастерскую, в которую он обыкновенно уходил. Сквозь маленькую форточку в двери между 1 и 2 часами ему доставляли скромный обед: редьку, морковку, яблоко и стакан любимого чая. В столовую он не спускался, чтобы не терять двадцать минут. Такое уединение при своем — вегетарианском — столе, экономящее время и деньги, считал полезным когда-то и 16-летний Бенджамин Франклин⁴². Но Репин должен был отказаться от этой практики в 1907 г. по совету доктора, и форточку пришлось закрыть⁴³.

Долгое время спорным оставался вопрос о том, как сказывалось влияние Н. Б. Нордман на Репина. И. Грабарь в 1964 г. высказал мнение, что влияние Нордман не было благотворным и никоим образом не стимулировало творчество Репина; сам художник якобы начал в конце концов тяготиться ее опекой и не слишком горевал, когда она в 1914 г. умерла. Загадочным, по Грабарю, остается факт раннего заката репинского творчества:

«В 900-х годах его высказывания и поступки начинали приобретать характер странный, почти ребяческий. Всем памятно увлечение Репина сеном и его горячая пропаганда этой «лучшей для человека пищи». (...) Весь свой огненный темпе-

рамент, всю свою страстность он отдавал уже не живописи, а Наталии Борисовне. <...> из безбожника, глумящего над религиозными предрассудками, он постепенно превращается в человека религиозного. <...> То, что было начато Нордман-Северовой, довершили после революции русские эмигранты, окружавшие Репина...»⁴⁴.

В противоположность этому И. С. Зильберштейн так писал в 1948 г. о первых годах в Куоккале: «Этот период жизни Репина ждет еще своего исследователя, который установит значение Нордман в жизни и творчестве Репина. Но уже сейчас можно утверждать, что никогда и никого Репин не писал и не рисовал так часто, как Нордман. Огромная галерея изображений, выполненная Репиным за тринадцать с лишним лет их совместной жизни, обнимает десятки портретов маслом и сотни рисунков. Случилось так, что в СССР оказалась лишь часть этих портретов и рисунков, — и часть не очень значительная.

Лучшие портреты Нордман и зарисовки с нее Репин до последних лет своей жизни хранил в “Пенатах”. В столовой неизменно висел тот портрет Нордман, который был выполнен Репиным в первые же недели их знакомства, во время пребывания в 1900 г. в Тироле, куда Репин вместе с Натальей Борисовной поехал после знакомства в Париже»⁴⁵ (илл. 13).

Портрет этот виден в правом углу фотографии 1915 г., где Репин снят вместе с своими гостями, среди них и В. В. Маяковский (ср. обложку книги). Тогда в Куоккале Маяковский написал свою поэму «Облако в штанах».

Также и К. И. Чуковский, близко наблюдавший жизнь Репина и Нордман в течение нескольких лет (с 1906 г.), оценивает их отношения скорее положительно. Нордман, говорит он, внесла порядок в жизнь Репина (в частности, ограничением посещений на «знаменитые среды»); уже с 1901 г. она начинает собирать всю литературу о его творчестве. А сам Репин не раз потворял, что одной из своих наиболее блестящих удач — композицией «Государственного совета» (1901—1903) — он всецело обязан Н. Б. Нордман⁴⁶. Правда, тот же Чуковский в своем дневнике, опубликованном только в 1991 г., сообщает о кризисе в их браке в октябре 1912 г. — Репин тогда хотел развестись⁴⁷.

5. Эмансипация русской женщины: Н. Б. Нордман

Если ты обременил себя яствами,
то встань из-за стола и отдохни.
Сифах 31, 24

«Часто меня спрашивают устно и письменно, как это мы питаемся сеном и травами? Жуем ли мы их дома, в стойле или на лугу и сколько именно? Многие принимают это питание за шутку, потешаются над ним, а некоторым кажется даже обидным, как это можно людям предлагать корм, которым до сих пор питались только животные!» Такими словами в 1912 г. в народном театре «Прометей» в Куоккале (дачном поселке, расположенном на Финском заливе в 40 км на северо-запад от Петербурга; ныне Репино) начала свою лекцию по вопросам питания и лечению природными средствами Наталья Борисовна Нордман¹.

Н. Б. Нордман, по единогласному мнению разных критиков, была одной из самых очаровательных женщин начала XX столетия. Став женой И. Е. Репина в 1900 г., она вплоть до самой своей смерти в 1914 г. была излюбленным объектом внимания, прежде всего, желтой прессы — из-за вегетарианства и других своих эксцентричных идей.

Позднее, при советской власти, ее имя замалчивалось². К. И. Чуковский, близко знавший Н. Б. Нордман с 1907 г. и написавший некролог в память о ней³, посвятил ей несколько страниц в своих очерках о современниках «Из воспоминаний», изданных лишь в 1959 г., после начала «оттепели»⁴. В 1948 г. искусствовед И. С. Зильберштейн высказал мнение, что тот период в жизни И. Е. Репина, который был определен Н. Б. Нордман, еще ждет своего исследователя (ср. выше с. 208). В 1997 г. в США вышла статья Дарры Гольдштейн «Is Hay only for Horses? Highlights of Russian Vegetarianism at the Turn of the Century», большей частью посвященная жене Репина: однако литературный портрет Нордман, предвзяемый довольно неполным и неточным очерком истории русского вегетарианства, вряд ли воздаст ей должное. Так, Д. Гольдштейн останавливается прежде всего на «скурильных» чертах тех проектов реформ, которые в свое время предлагала Нордман; подробное освещение получает и ее кулинарное искусство, что, вероятно, объясняется тематикой сборника, в рамках которого вышла эта статья⁵. Реакция кри-

тиков не заставила себя ждать; в одной из рецензий говорилось: статья Гольдштейн показывает, насколько «опасно отождествлять целое движение с отдельным лицом (...) Будущим исследователям русского вегетарианства не помешало бы проанализировать обстоятельства, в которых оно зарождалось, и трудности, с которыми ему приходилось сталкиваться, а потом уже заниматься его апостолами»⁶.

Более объективную оценку Н. Б. Нордман дает Катриона Келли в своей книге о русских советах и руководствах к поведению со времен Екатерины II: «И все же ее краткое, но энергичное существование дало ей возможность познакомиться с самыми популярными идеологиями и дебатами того времени, от феминизма до защиты животных, от “проблемы прислуги” до стремления к гигиене и самосовершенствованию»⁷.

Н. Б. Нордман (писательский псевдоним — Северова) родилась в 1863 г. в Гельсингфорсе (Хельсинки) в семье русского адмирала шведского происхождения и русской дворянки; финляндским своим происхождением Наталья Борисовна всегда гордилась и любила называть себя «свободной финляндкой»⁸. Несмотря на то что крестили ее по лютеранскому обряду, ее крестным отцом стал сам Александр II; одну из своих поздних любимых идей, а именно «раскрепощение прислуги» через упрощение работы на кухне и систему «самопомощи» за столом (предвосхищая сегодняшнее «самообслуживание») она оправдывала, не в последнюю очередь, воспоминанием о «Царе-Освободителе», который декретом от 19 февраля 1861 г. отменил крепостное право⁹. Н. Б. Нордман получила прекрасное домашнее образование, в источниках упоминаются четыре или шесть языков, которыми она владела; она занималась музыкой, лепкой, рисованием и — фотографией. Еще девочкой Наташа, по всей видимости, сильно страдала от той дистанции, которая существовала между детьми и родителями в высшем дворянстве, ведь уход за детьми и их воспитание были предоставлены няням, камеристкам и фрейлинам. Ее краткий автобиографический очерк «Матан» (1909), один из лучших детских рассказов в русской литературе, невероятно живо передает то воздействие, которое может оказать на детскую душу лишение ребенка материнской любви, обусловленное социальными обстоятельствами. Этот текст представляется ключом к той радикальности социального

протеста и отказа от многих норм поведения, которая определила ее жизненный путь¹⁰.

В поисках независимости и полезной общественной деятельности она в 1884 г., в возрасте двадцати лет, отправляется на год в США, где работает на ферме. После возвращения из Америки Н. Б. Нордман играла на любительской сцене в Москве. В то время она жила у своей близкой подруги княгини М. К. Тенишевой «в атмосфере живописи и музыки», увлекалась «балетными танцами, Италией, фотографией, драматическим искусством, психофизиологией и политической экономией»¹¹. В московском театре «Парадиз» Нордман знакомится с молодым купцом Алексеевым — именно тогда он берет себе псевдоним Станиславский, а в 1898 г. становится основателем Московского художественного театра. Режиссер Александр Филиппович Федотов (1841—1895) сулил ей «большую будущность комической актрисы»¹², о чем можно прочесть в ее книге «Интимные страницы» (1910). После того, как союз И. Е. Репина и Е. Н. Званцевой окончательно расстроился, Нордман вступила с ним в гражданский брак. В 1900 г. они вместе посетили Всемирную выставку в Париже, потом отправились в путешествие по Италии. И. Е. Репин написал несколько портретов жены, среди них — портрет на берегу Целльского озера «Н. Б. Нордман в тирольской шапочке» (илл. 13), — самый любимый Репиным портрет жены. В 1905 г. они вновь путешествовали по Италии; по дороге, в Кракове, Репин пишет очередной портрет жены; их следующая поездка в Италию, на этот раз на международную выставку в Турине, а затем в Рим, состоялась в 1911 г.

Н. Б. Нордман умерла в июне 1914 г. в Орселино, близ Локарно, от туберкулеза горла¹³; 26 мая 1989 г. на местном кладбище была установлена мемориальная плита с надписью «писательница и спутница жизни Великого русского художника Ильи Репина» (илл. 14). Последний посвятил ей патетический некролог, опубликованный в «Вегетарианском вестнике»¹⁴. В течение тех пятнадцати лет, когда он был близким свидетелем ее деятельности, он не переставал удивляться ее «жизненному пиру», ее оптимизму, богатству идеями и мужеству. «Пенаты», их дом в Куоккале, почти десять лет исполнял миссию народного университета, предназначенного для самой разнообразной публики; здесь читались лекции на всевозможные темы: «Нет, ее не забудешь; чем дальше, тем боль-

ше люди будут знакомиться с ее незабвенными литературными трудами»¹⁵.

В своих воспоминаниях К. И. Чуковский защищает Н. Б. Нордман от нападок русской прессы¹⁶: «Пусть ее проповедь была порой чересчур эксцентрична, казалась причудой, капризом — самая это страстность, безоглядность, готовность на всякие жертвы умиляла в ней и восхищала. И присмотревшись, вы видели в ее причудах много серьезного, здорового». Русское вегетарианство, по словам Чуковского, потеряло в ней величайшего своего апостола. «Ко всякой пропаганде был у нее огромный талант. Как восхищалась она суфражистками»¹⁷ Ее проповедь кооперации положила в Куоккале начало кооперативной потребительной лавки; она основала библиотеку; она много хлопотала о школе; она устраивала народный театр; она помогала вегетарианским приютам — все с той же всепожирающей страстью. Все ее идеи были демократичны». Напрасно Чуковский убеждал ее забыть о реформах и писать романы, комедии, повести. «Когда мне в “Ниве” попала ее повесть «Беглянка», я был поражен неожиданным ее мастерством: такой энергичный рисунок, такие верные, смелые краски»¹⁸. В ее книге «Интимные страницы» есть много очаровательных мест о скульпторе Трубецком, о разных московских художниках. Помню, с каким восхищением слушали в Пенатах писатели (среди которых были очень большие) ее комедию «Деточки»¹⁹. У нее был хваткий наблюдательный глаз, она владела мастерством диалога, и многие страницы ее книг — настоящие создания искусства. Могла бы благополучно писать том за томом, как и прочие дамы-писательницы. Но ее тянуло к какому-то делу, к какой-то работе, где кроме издательств и брани она не встретила до гроба ничего»²⁰.

Чтобы проследить судьбы русского вегетарианства в общем контексте русской культуры, необходимо более подробно остановиться на фигуре Н. Б. Нордман.

Будучи реформатором по духу, в основу своих жизненных устремлений она положила преобразования (на самых разных поприщах), причем вопросы питания — в самом широком их понимании — являлись для нее центральными. Решающую роль в переходе к вегетарианскому образу жизни в случае Нордман сыграло, очевидно, знакомство с Репиным, который уже с 1891 г. под влиянием Л. Н. Толстого начал временами вегетарианствовать. Но если для Репина на пер-

вом плане были гигиенические аспекты, хорошее здоровье, то для Нордман самыми существенными вскоре стали этические и социальные мотивы. В 1913 г. в брошюре «Райские заветы» она писала: «К стыду своему, должна признаться, что пришла к идее вегетарианства не моральным путем, а именно через физические страдания. К сорока годам [т. е. около 1900 г. — П. Б.] я уже была полукалека»²¹. Нордман не только изучала труды врачей Х. Ламанна и Л. Паско, известные и Репину, но и пропагандировала водолечение Кнейпа²², а также ратовала за опрощение и жизнь, близкую к природе. Из-за своей безоговорочной любви к животным она отвергала лактоововегетарианство: оно тоже «значит жить убийством и грабежом». Отказалась она и от яиц, масла, молока и даже меда²³ и, таким образом, являлась, в сегодняшней терминологии — как, в принципе, и Толстой — веганкой (но не сыроедкой). В своих «Райских заветах» она, правда, предлагает несколько рецептов сырых обедов, но далее делает оговорку, что приготовлением таких блюд она занялась только недавно, большого разнообразия в ее меню еще нет. Однако в последние годы жизни Нордман стремилась придерживаться сыроедения — в 1913 г. она писала И. Перперу: «Питаюсь сырым и хорошо себя чувствую (...) В среду, когда у нас был Бабин²⁴, у нас было последнее слово вегетарианства: все на 30 человек было сырое, ни одной вареной вещи»²⁵. Нордман представляла свои эксперименты и широкой публике. 25 марта 1913 г. она сообщала И. Перперу и его жене из «Пенат»:

Здравствуйте, мои светлые, Иосиф и Эсфирь.

Спасибо вам за ваши милые, искренние и доброжелательные письма. Очень жаль, что по недостатку времени приходится меньше писать, чем хотелось бы. Могу вам сообщить добрую новость. Вчера в Психо-Неврологическом институте Илья Ефимович читал «О молодежи», а я: «Сырое питание, как здоровье, экономия и счастье». Студенты целую неделю готовили кушанья по моим советам. Было около тысячи слушателей, в антракте давали чай из сена, чай из крапивы и бутерброды из протертых маслин, кореньев и рыжиков, после лекции все двинулись в столовую, где студентам был предложен за шесть копеек обед из четырех блюд: размоченная овсянка, размоченный горох, винегрет из сырых кореньев и смолотые зерна пшеницы, могущие заменить хлеб.

Несмотря на недоверие, с которым всегда относятся в начале моей проповеди, кончилось тем, что пятки все-таки удалось поджечь слушателям, съели пуд размоченной овсянки,

пуд гороху и безграничное количество бутербродов. Запили сеном [т. е. чаем из трав. — П. Б.] и пришли в какое-то электрическое, особенное настроение, которому, конечно, способствовало присутствие Ильи Ефимовича и его слова, озаренные любовью к молодежи. Президент института В. М. Бехтеров [sic] и профессора пили чай из сена и крапивы и с аппетитом закусывали всеми блюдами. Нас даже сняли в эту минуту. После лекции В. М. Бехтеров показал нам великолепнейший и богатейший по своему научному устройству Психо-Неврологический институт и Анти-алкогольный институт. В тот день мы видели много ласки и много добрых чувств.

Посылаю вам только что вышедшую книжку мою «Райские заветы». Напишите, какое на вас она произвела впечатление. Ваш последний номер мне понравился, всегда выношу много хорошего и полезного. Мы, слава Богу, бодры и здоровы, я теперь пережила все стадии вегетарианства и проповедую только сырое питание²⁶.

В. М. Бехтерев (1857—1927), совместно с физиологом И. П. Павловым, является основателем учения об «условных рефлексах»²⁷. Он хорошо известен и на Западе — как исследователь такого заболевания, как одеревенелость позвоночника, сегодня называемого «болезнью Бехтерева» (*Morbus Bechterev*). Бехтерев был дружен с биологом и физиологом проф. И. Р. Тархановым (1846—1908), одним из издателей первого «Вегетарианского вестника», был он близок и И. Е. Репину, который в 1913 г. написал его портрет (илл. 15); в «Пенатах» Бехтерев прочитал доклад о своей теории гипноза²⁸; в марте 1915 г. в Петрограде он вместе с Репиным выступил с докладами на тему «Толстой как художник и мыслитель»²⁹.

Потребление трав или «сена» — предмет едких насмешек русских современников и печати того времени — отнюдь не было революционным явлением. Нордман, как и другие русские реформаторы, переняла применение трав из западноевропейского, в особенности немецкого реформенного движения, в том числе от г. Ламанна. Многие из трав и злаков, которые Нордман рекомендовала для чая и экстрактов (отваров), были известны своими лечебными свойствами еще в античные времена, играли роль в мифологии, выращивались в садах средневековых монастырей. Аббатиса Гильдегард Бингенская (*Hildegard von Bingen*, 1098—1178) описала их в своих естественнонаучных сочинениях «*Physica*» и «*Causae et curae*». Эти «руки богов», как иногда называли лечебные травы, повсеместно употребляются и в сегодняшней альтернативной

медицине³⁰. Но и современные фармакологические исследования включают в свои программы изучение биологически активных веществ, встречающихся в самых различных растениях.

Недоумение русской прессы по поводу нововведений Н. Б. Нордман напоминает наивное удивление западной прессы, когда, в связи с распространением вегетарианских привычек питания и с первыми успехами тофу в США, журналисты узнали о том, что соя, одно из самых древних культурных растений, в Китае служит пищевым продуктом уже тысячелетиями.

Впрочем, надо признать, что часть русской прессы публиковала и благожелательные отзывы о выступлениях Н. Б. Нордман. Так, например, 1 августа 1912 г. «Биржевые ведомости» напечатали репортаж писателя И. И. Ясинского (он был вегетарианцем!) о ее лекции на тему «О волшебном сундуке [а именно о сундуке-варителе. — *П. Б.*] и о том, что надо знать небогатым, толстым и богатым»; эта лекция была прочитана с большим успехом 30 июля в театре «Прометей»³¹. Впоследствии Нордман представит «сундук-варитель» для облегчения и удешевления варки, вместе с другими экспонатами, на Московской вегетарианской выставке 1913 г. и ознакомит публику с особенностями употребления хранящей теплоту утвари — эти и другие проекты реформ она переняла из Западной Европы³².

Н. Б. Нордман была ранним борцом за права женщин, несмотря на то что при случае она отрекалась от суфражисток³³; описание Чуковского в этом смысле (см. выше) — вполне правдоподобно. Так, она постулировала право женщины стремиться к самореализации не исключительно через материнство. Между прочим, она сама пережила его: ее единственная дочь Наташа умерла в 1897 г. в возрасте двух недель³⁴. В жизни женщины, считала Нордман, должно быть место и другим интересам. Одним из самых важных ее устремлений было «раскрепощение прислуги». Хозяйка «Пенатов» даже мечтала законодательным путем установить восьмичасовой рабочий день для домашней прислуги, работавшей по 18 часов, и желала, чтобы отношение «господ» к прислуге вообще переменялось, стало гуманнее. В «Разговоре между “дамой настоящего” и “женщиной будущего”» высказывается требование, чтобы женщины русской интеллигенции боролись не только

за равноправие женщин собственного социального слоя, но и других слоев, например, свыше миллиона человек женской прислуги в России³⁵. Нордман была убеждена, что «вегетарианство, опрощающее и облегчающее заботы жизни, тесно связано с вопросом раскрепощения прислуги»³⁶.

Брак Нордман и Репина, который был старше жены на 19 лет, конечно, не был «безоблачным». Особенно гармоничной была их совместная жизнь в 1907—1910 гг. Тогда они казались неразлучными, позже бывали и кризисы.

Оба они были яркими и темпераментными личностями, при всем их своенравии дополняющими друг друга во многих отношениях³⁷. Репин ценил обширность знаний жены и ее литературный талант; она, с своей стороны, восхищалась знаменитым художником: с 1901 г. собирала о нем всю литературу, составляла ценные альбомы с вырезками из газет. Во многих областях у них получилась плодотворная совместная работа.

Репин иллюстрировал некоторые из литературных текстов жены. Так, в 1900 г. он пишет девять акварелей для ее рассказа «Беглянка», напечатанного в «Ниве»; в 1901 г. вышло в свет отдельное издание этого рассказа под названием «Эта», а для третьего издания (1912) Нордман придумала еще одно заглавие — «К идеалам». Для рассказа «Крест материнства». «Тайный дневник», опубликованного отдельной книгой в 1904 г., Репин создал три рисунка. Наконец, его работой является оформление обложки книги Нордман «Интимные страницы» (1910) (илл. 16).

Оба, Репин и Нордман, были чрезвычайно трудолюбивы и полны жажды деятельности. Обоим были близки социальные устремления: общественная активность жены, надо полагать, нравилась Репину, ведь из-под его пера в течение десятилетий выходили ставшие знаменитыми картины социальной направленности в духе передвижников.

Когда Репин с 1911 г. стал числиться в составе сотрудников «Вегетарианского обозрения», с журналом начала сотрудничать и Н. Б. Нордман. Ею были приложены все усилия, чтобы помочь ВО, когда его издатель И. О. Перпер в 1911 г. воззвал о помощи в связи с трудным финансовым положением журнала. Она звонила и писала письма для вербовки подписчиков, обратилась к Паоло Трубецкому и к актрисе Лидии Борисовне Яворской-Барятинской, с тем чтобы спасти этот

«очень симпатичный» журнал. Лев Толстой, — так она писала 28 октября 1911 г., — перед смертью «как бы благословил» издателя журнала И. Перпера³⁸.

В «Пенатах» Н. Б. Нордман ввела достаточно строгое распределение времени для многочисленных гостей, желавших посетить Репина. Это внесло порядок в его творческий быт: «Мы ведем жизнь очень деятельную и строго распределенную по часам. Принимаем исключительно по средам от 3 ч. дня до 9 часов вечера. Кроме сред у нас еще по воскресениям бывают собрания наших работников»³⁹. Гости всякий раз могли остаться на обед — непременно вегетарианский — за знаменитым круглым столом, с еще одним вертящимся столиком с ручками посередине, позволявшим самообслуживание; Д. Бурлюк оставил нам замечательное описание такого угощения⁴⁰.

Личность Н. Б. Нордман и центральное значение вегетарианства в ее жизненной программе отчетливее всего проступают в сборнике очерков «Интимные страницы», представляющем собой своеобразную смесь разных жанров. Наряду с рассказом «Матап», в него вошли также живые описания в письмах двух посещений Толстого — первого, более длительного, с 21 по 29 сентября 1907 г. (шесть писем к друзьям, с. 77—96), и второго, покороче, в декабре 1908 г. (с. 130—140); эти очерки содержат много разговоров с жителями Ясной Поляны. Резким контрастом к ним выступают впечатления (десять писем), которые Нордман получила, сопровождая Репина на выставки художников-передвижников в Москве (с 11 по 16 декабря 1908 г. и в декабре 1909 г.). Атмосфера, царившая на выставках, характеристики живописцев В. И. Сурикова, И. С. Остроухова и П. В. Кузнецова, скульптора Н. А. Андреева, зарисовки их образа жизни; скандал по поводу картины В. Е. Маковского «После катастрофы», конфискованной полицией; рассказ о генеральной репетиции «Ревизора» в постановке Станиславского во МХАТе, — все это нашло отражение в ее очерках.

Наряду с этим, «Интимные страницы» содержат критическое описание посещения художника Васнецова, которого Нордман находит слишком «*правым*» и «*православным*»; далее следуют рассказы о посещениях: в 1909 г. — Л. О. Пастернака, «истинного еврея», который «рисует и пишет <...> без конца своих прелестных двух девочек»; мецената Щукина — се-

годня его сказочно богатое собрание картин западноевропейского модернизма украшает петербургский Эрмитаж; а также встречи с другими, менее известными ныне представителями тогдашней русской художественной сцены. Наконец, в книгу вошел эскиз о Паоло Трубецком⁴¹, о котором уже шла речь выше, а также описание «Кооперативных воскресных народных собраний в Пенатах»⁴².

Эти литературные зарисовки написаны легким пером; умело вставлены фрагменты диалогов; многочисленны сведения, передающие дух того времени; увиденное последовательно описывается в свете социальных устремлений Н. Б. Нордман, с суровой и меткой критикой невыгодного положения женщин и низших слоев общества, с требованием опрощения, непризнанием различных общественных условностей и табу, с восхвалением деревенской жизни, близкой к природе, а также — вегетарианского питания.

Книги Н. Б. Нордман, которые знакомят читателя с предлагаемыми ею жизненными реформами, выходили скромным тиражом (ср.: «Райские Заветы» — всего в 1000 экземпляров) и сегодня представляют собой раритет. Лишь «Поваренная книга для голодающих» (1911) вышла тиражом в 10 000 экземпляров; она шла нарасхват и за два года была полностью распродана⁴³. В силу недоступности текстов Н. Б. Нордман, приведу несколько выдержек⁴⁴, неявно содержащих требования, следовать которым вовсе не обязательно, но которые могут навести на размышления.

«Часто думала в Москве о том, что в нашей жизни очень много отживающих форм, от которых надо бы скорее отделаться. Вот, напр., культ “гостя”»:

Какой-нибудь скромный человек, который живет тихо, ест мало, совсем не пьет, соберется к своим знакомым. И вот, как только он вошел в их дом, так сразу он должен перестать быть тем, что есть. Принимают его ласково, часто льстиво, и так торопятся поскорее накормить его, будто он изнурен голодом. За столом должно быть наставлено масса съедобного, чтобы гость не только ел, но и видел перед собою горы провизии. Ему предстоит в ущерб здоровью и здравому смыслу проглотить столько разных разностей, что он уверен заранее в завтрашнем расстройстве. Прежде всего закуски. Чем гость важнее, тем закуски острее и ядовитее. Много разных сортов, не менее 10. Потом суп с пирожками и еще четыре блюда; вино заставляют пить насильно. Многие протестуют, говорят доктор запретил, сердцебиение вызывает, дурноту. Ничего не

помогает. Он *гость*, какое-то состояние вне времени, и пространства, и логики. Сначала ему положительно тяжело, а потом желудок раздается, и он начинает поглощать все, что ему дают, а порции ему полагаются, как людоеду. После разных вин — десерт, кофе, ликер, фрукты, иной раз дорогую сигару навяжут, кури да кури. И он курит, и голова его совершенно отравленная, кружится в какой-то нездоровой истоме. Встают с обеда. По случаю гостя, переел весь дом. Переходят в гостиную, у гостя непременно должна быть жажда. Скорей, скорей — сельтерской. Только он попил, конфеты или шоколад предлагают, а там ведут чай пить с холодными закусками. Гость совсем, глядишь, осовел и рад-радешенек, когда к часу ночи попадает, наконец, домой и повалится без памяти на свою кровать.

В свою очередь, когда к этому скромному, тихому человеку соберутся гости, он вне себя. Еще накануне идут закупки, весь дом на ногах, прислуга изругана и затруканна, все вверх дном, жарят, парят, будто ждут голодающих индусов. Кроме того, в этих приготовлениях выступает вся ложь жизни — важным гостям полагается одно приготовление, одна посуда, вазы и белье, средним гостям — все уже также среднее, а бедным все похуже, а главное поменьше. Хотя это единственные, которые, может быть, в самом деле голодны. И дети, и гувернантки, и прислуга, и швейцар приучаются с детства, глядя по обстановке приготовлений, одних уважать, хорошо, вежливо им кланяться, других презирать. Весь дом привыкает жить в вечной лжи — для других одно, для самих иное. И Боже сохрани, чтобы другие узнали, как на самом деле живут они ежедневно. Есть люди, которые закладывают свои вещи, чтобы лучше накормить гостей, купить ананас и вино, другие урезают от бюджета, от самого необходимого для той же цели. Кроме того все заражены эпидемией подражания. «Неужели же у меня будет хуже, чем у других?»

— И откуда эти странные обычаи? — спрашиваю у И. Е. [Репин] — Это, наверное, к нам с Востока пришло!!!

— Востока!? Много вы знаете про Восток!⁴⁵ Там жизнь семейная замкнута и гостей не пускают даже близко — гость в приемной сидит на диване и пьет маленькую чашечку кофе. Вот и все!

— А в Финляндии гостей приглашают не к себе, а в кондитерскую или ресторан, а в Германии со своей кружкой пива к соседям ходят. Так откуда же, скажите, откуда этот обычай?

— Откуда да откуда! Это чисто русская черта. Почитай-те-ка Забелина, у него все документально⁴⁶. В старину блюд 60 бывало за обедом у царей и бояр. Даже больше. Сколько, наверное не могу сказать, кажется, до ста доходило⁴⁷.

Часто, очень часто в Москве приходили мне на ум подобные, съедобные мысли. И я решаюсь употребить все свои силы на то, чтобы самой исправиться от старых, отживших форм.

Равноправие и самопомощь — недурные все же идеалы! Выбросить надо старый балласт, осложняющий жизнь и мешающий добрым простым отношениям!

Разумеется, речь здесь идет об обычаях верхних слоев дореволюционного русского общества. Однако нельзя при этом не вспомнить знаменитое «русское гостеприимство», басню И. А. Крылова «Демьянова уха», жалобы медика Павла Нимейера на так называемые «откармливания» за частными обедами (*Abfütterung in Privatkreisen*, см. ниже с. 468) или же ясное условие, поставленное Вольфгангом Гёте, получившим 19 октября 1814 г. во Франкфурте приглашение от Морица фон Бетманна: «Разрешите вместе с тем поведать Вам с откровенностью гостя, что я никогда не привык ужинать»⁴⁸. А возможно, кому-то вспомнятся и собственные переживания.

Навязчивое гостеприимство стало объектом острых нападок Нордман и в 1908 г.:

И вот мы в нашей гостинице, в большой зале, сидим в уголку за вегетарианским завтраком. С нами Боборыкин. Он встретился у лифта и теперь засыпает нас цветами своей универсальности {...}⁴⁹.

— Завтракать и обедать будем вместе эти дни, предлагает Боборыкин. — Но разве с нами можно завтракать и обедать? Во-первых, время у нас урывчатое, а во-вторых, мы стараемся как можно меньше питаться, довести еду до минимума. Во всех домах на красивых тарелках и вазах подается подагра и склероз. И хозяева стараются всеми силами привить их приглашенным. На днях мы поехали на *скромный завтрак*. На седьмом блюде я мысленно решила не принимать больше никаких приглашений. Сколько расходов, сколько хлопот, и все в пользу ожирения и болезней. А еще я решила никогда более никого не угощать, потому что уже за мороженым почувствовала к хозяйке дома нескрываемую злобу. В продолжение двухчасового сиденья за столом она не дала развиваться ни одному разговору. Она прервала сотни мыслей, сбила с толку и расстроила не нас одних. Только что кто-нибудь открывал рот — его на корню срезал голос хозяйки — «Почему же вы не берете подливки?» — «Нет, как хотите, я положу вам еще индейки!..» — Гость, дико озираясь, вступал в рукопашную борьбу, но погибал в ней безвозвратно. Его тарелка нагружалась через край.

Нет, нет — не хочу брать на себя жалкой и возмутительной роли *хозяйки дома* в старом стиле⁵⁰.

Протест против условностей роскошной и ленивой барской жизни можно найти и в описании посещения Репиным и Нордман живописца и коллекционера И. С. Остроухова (1858—1929). На музыкальный вечер, посвященный Шуберту, в дом Остроухова съехалось много гостей. После трио:

И. Е. [Репин] бледен и утомлен. Пора уходить. Мы на улице.
 — А знаете, как трудно *в господах жить*. <...> Нет, как хотите, долго так я не могу.
 — И я не могу. Неужели опять садиться и ехать?
 — Идем пешком! Чудно!
 — Идем, идем!
 А воздух так густ и холоден, что с трудом проникает в легкие⁵¹.

На следующий день — подобная ситуация. На этот раз гостят у знаменитого живописца Васнецова: «А вот и жена. И. Е. говорил мне, что она из интеллигенции, из первого выпуска женщин-врачей, что она очень умна, энергична и всегда была добрым другом Виктора Михайловича. Так вот не идет она, а так — не то плывет, не то переваливается. Ожирение, друзья мои! И какое! Глядите. И она заравнодушенная — и как! Вот и портрет ее на стене 1878 года. Худенькая, идейная, с горячими черными глазами»⁵².

Признания Н. Б. Нордман в приверженности вегетарианству характеризует схожая откровенность. Сравним четвертое письмо из рассказа о путешествии 1909 г.: «С такими чувствами и мыслями вошли мы вчера в Славянский базар завтракать. Ох, эта городская жизнь! Нужно вжиться в ее никотинный воздух, отравиться трупной едой, притупить нравственные чувства, забыть природу, Бога, чтобы быть в состоянии вынести ее. Со вздохом вспомнила бальзамический воздух нашего леса. И небо, и солнце, и звезды дают отблеск в нашем сердце. — Человек, вычисти мне скорее огурец. Слышишь!? Знакомый голос. Опять встреча. Опять мы втроем за столиком. Кто это? Не скажу. Может быть догадается. <...> На нашем столе теплое красное вино, *wisky* [sic!], разные блюда, прекрасная в папильотках падаля. <...> Устала и домой хочется. А на улице-то суета, суета. Завтра сочельник. Всюду тянутся возы замороженных телят и другой живности. В Охотном ряду висят за ноги гирлянды битой птицы. Послезавтра Рождение Кроткого Спасителя. Сколько жизней погублено

во Имя Его»⁵³. Подобные размышления до Нордман можно найти уже у Шелли в эссе «On the Vegetable System of Diet» (1814—1815)⁵⁴.

Любопытно в этом смысле замечание о еще одном приглашении к Остроуховым, на этот раз к обеду (письмо седьмое): «Для нас был *вегетарианский* обед. Удивительно, и хозяева, и повар, и прислуга были под гипнозом чего-то скучного, голодного, холодного и *несущественного*. Надо было видеть этот тощий грибной суп, от которого пахло кипятком, эти жирные рисовые котлеты, около которых жалостливо катались отварные изюминки, и глубокую кастрюлю, из которой подозрительно вынимали ложкой густой саговый суп. Грустные лица с навязанной им идеей».

В видениях будущего, во многом более определенных, чем их рисуют катастрофические стихотворения русских символистов, Н. Б. Нордман с невероятной ясностью и остротой предсказывает катастрофу, которая разразится над Россией через десять лет. После первого посещения Остроухова она пишет: «В его словах чувствовалось поклонение перед миллионами Щукина. Я же, твердо подкованная своими 5-тикопеечными брошюрами, напротив того, тяжело переживала ненормальный социальный строй наш. Гнет капитала, 12-тичасовой рабочий день, необеспеченность инвалидности и старости темных, серых рабочих, валяющих сукно всю жизнь, из-за куска хлеба, этот великолепный дом Щукина, выстроенный когда-то руками бесправных рабов крепостного права, и теперь питающийся теми же соками угнетенного народа, — все эти мысли ныли во мне, как большой зуб, и этот большой шепелявый человек злил меня»⁵⁵.

В московской гостинице, где Репины остановились в декабре 1909 г., Нордман в первый день Рождества протягивала руки всем лакеям, швейцарам, мальчикам и поздравляла их с Великим праздником⁵⁶. «День Рождества, и тот господа забрали себе. Какие завтраки, чаи, обеды, катанье, визиты, ужины. И сколько вина — целые леса бутылок на столах. А им? <...> Мы интеллигенты, господа, одиноки — кругом нас кишат миллионы чужих нам жизней. <...> Неужели не страшно, что вот-вот разорвут они цепи и зальют нас своей тьмой, невежеством и водкой»⁵⁷.

Такие мысли не покидают Н. Б. Нордман даже в Ясной Поляне. «Все здесь просто, но не эксцентрично, по-помещи-

чи. (...) Чувствуется, что стоят беззащитно посреди леса два полупустых дома (...) В тишине темной ночи грезится зарево пожаров, ужас нападений и разгромов и невесть какие ужасы и страхи. И чувствуется, что та несметная сила рано или поздно возьмет верх, сметет всю старую культуру и устроит все по-своему, по-новому»⁵⁸. И год спустя, вновь в Ясной Поляне: «А. Н. уходит, а я иду гулять с И. Е. Надо же еще подышать русским воздухом» (перед возвращением в «финляндскую» Куоккалу). Вдали видна деревня:

— А вот в Финляндии все же совсем другая жизнь, чем в России, — говорю я. — Вся Россия в оазисах господских усадеб, где до сих пор роскошь, оранжереи, персики и розы цветут, библиотека, домашняя аптека, парк, купальня, а кругом сейчас же непосредственно эта вековая тьма, нищета и бесправие. Вон у нас в Куоккала — соседи крестьяне, да они по-своему богаче нас. Какой скот, лошади! Сколько земли, которая минимум ценится по 3 руб. сажень. Сколько дач у каждого. И дача ежегодно дает рублей 400, 500. Зимой у них также хороший заработок — набивка ледников, поставка ершей и налимов в СПб. Каждый наш сосед имеет несколько тысяч годового дохода, и наши отношения к нему совершенно как к равному. Куда еще России до этого?!

И мне начинает казаться, что Россия находится в эту минуту в каком-то междуцарствии: старое умирает, а новое еще не народилось. И мне жаль ее и хочется поскорее из нее уехать⁵⁹.

Предложение И. Перпера всецело посвятить себя распространению вегетарианских идей Н. Б. Нордман отклонила. Литературная работа и вопросы «раскрепощения прислуг» казались ей важнее и поглощали ее всецело; она боролась за новые формы общения; прислуга, например, должна была сидеть за столом с хозяевами — так было, по ее словам, у В. Г. Черткова. Книжные магазины не решились продавать ее брошюру о положении прислуги; но она нашла выход из положения, употребляя специально для этого напечатанные конверты с надписью: «Следует раскрепостить прислугу. Брошюрка Н. Б. Нордман», и внизу: «Не убивай. VI заповедь» (илл. 18)⁶⁰.

За полгода до смерти Нордман в *ВО* было напечатано ее «Воззвание к русской интеллигентной женщине», в котором она, в очередной раз выступая за освобождение трех миллионов женской прислуги, имевшихся тогда в России, предло-

жила свой проект «Устава Общества защиты подневольных». Этот устав постулировал следующие требования: урегулированное рабочее время, образовательные программы, организацию для приходящих помощниц, по примеру Америки, отдельных домов, чтобы они могли жить независимо. Предполагалось устраивать в этих домах школы обучения домашнему хозяйству, лекции, развлечения, спорт и библиотеки, а также «кассы взаимопомощи на случай болезни, безработицы и старости». В основу этого нового «общества» Нордман хотела положить принцип децентрализации и кооперативной структуры. В конце воззвания был напечатан тот самый договор, который применялся в «Пенатах» уже на протяжении нескольких лет. В договоре предусматривалась возможность переустанавливать, по обоюдному соглашению, часы трудового дня, а также дополнительная плата за каждого посещающего дом гостя (10 коп.!) и за лишние часы работы. О питании говорилось: «У нас в доме вы получаете утром вегетарианский завтрак и чай и в три часа вегетарианский обед. Завтракать и обедать вы можете, по желанию, с нами или отдельно»⁶¹.

Социальные идеи находили отражение и в привычках ее языкового обихода. С мужем она была на «вы», мужчинам без исключения говорила «товарищ», а всем женщинам — «сестрицы». «В этих названиях есть что-то объединяющее, разрушающее все искусственные перегородки»⁶². В очерке «Наши фрейлейны»⁶³, опубликованном весной 1912 г., Нордман выступила в защиту «фрейлин» — находившихся на службе у русских дворян гувернанток, нередко гораздо более образованных, чем их работодатели; она описала их эксплуатацию и потребовала для них восьмичасовой рабочий день, а также чтобы их называли обязательно по имени и отчеству. — «При нынешнем положении, присутствие в доме этого рабского существа действует растлевающим образом на детскую душу».

Говоря о «работодателях», Нордман употребляла слово «работовзятели»⁶⁴ — выражение, которое объективирует подлинные отношения, но отсутствует и еще долго будет отсутствовать в русских словарях⁶⁵. Ей хотелось, чтобы торговки-разносчицы, продававшие летом землянику и другие фрукты, не называли ее «барыней» и чтобы этих женщин защищали от эксплуатации их хозяйками (бабами-кулаками)⁶⁶. Она возмущалась тем, что про богатые дома говорят о «парадном» входе и о «черном» — об этом «протесте» читаем у К. И. Чуковско-

го в дневниковой записи от 18/19 июля 1924 г.⁶⁷. В описании посещения ею вместе с Репиным писателя И. И. Ясинского («юбиляра-вегетарианца») она с восторгом отмечает, что у них подают обед «без рабов», т. е. без прислуги⁶⁸.

Нордман любила заканчивать свои письма порой по-сектантски, а порой и полемически, — «с вегетарианским приветом»⁶⁹. Кроме того, она последовательно перешла и к упрощенной орфографии, писала свои статьи, также как и свои письма, без букв «ять» и «ер». Нового правописания она придерживается и в «Райских заветах».

В очерке «На именинах» Нордман рассказывает о том, как сын ее знакомых получил в подарок всевозможное оружие и другие военные игрушки: «Вася не узнавал нас. Он был сегодня генералом на войне, и единственное желание его было — убить нас (...) Мы смотрели на него мирными глазами вегетарианцев»⁷⁰. Родители гордятся сыном, рассказывают, что даже собирались купить ему маленький пулемет: «Есть прелестные... с таким тонким механизмом...». На это Нордман отвечает: «Оттого и собирались, что вы не глотаете репу и капусту...». Завязывается краткий письменный диспут. Через год начнется Первая мировая война.

Н. Б. Нордман признавала, что вегетарианству, раз оно хочет широкого признания, придется искать поддержку медицинской науки. Именно поэтому она сделала первые шаги в этом направлении. Окрыленная, по всей видимости, чувством сплоченности вегетарианского сообщества на Первом всероссийском съезде вегетарианцев, проходившем в Москве с 16 по 20 апреля 1913 г. (ср. VII. с. 301—308), находясь под впечатлением от успешного своего выступления 24 марта в Психо-неврологическом институте проф. В. М. Бехтерева, в письме от 7 мая 1913 г. Нордман обращается к знаменитому неврологу и соавтору рефлексологии с предложением учредить кафедру вегетарианства — начинание, весьма смелое и прогрессивное для того времени:

Глубокоуважаемый Владимир Михайлович,
(...) Как некогда, зря, без применения раститалася по земле пар и сверкало электричество, так в наши дни по земле носится в воздухе вегетарианство, как оздоравливающая сила природы. И носится, и надвигается. Во-первых, уже потому, что с каждым днем пробуждается в людях совесть и в связи с этим меняется и точка зрения на убийство. Размножаются

также болезни, вызванные мясным питанием, и поднимаются цены на продукты животного происхождения.

Схватить бы вегетарианство поскорее за рога, посадить бы в реторты, рассмотреть бы внимательно в микроскоп и наконец громко провозгласить с кафедры, как благую весть здоровья, счастья и экономии!!!

Все чувствуют потребность в глубоком научном изучении предмета. Мы все, преклоняющиеся перед Вашей через край бьющей энергией, светлым умом и добрым сердцем, — смотрим на Вас, с упованием и надеждой. Вы единственный в России, который мог бы встать инициатором и основателем вегетарианской кафедры.

Как только дело перейдет в стены Вашего волшебного Института, немедленно отпадут колебания, насмешки и сентиментальности. Старые девы, доморощенные лектора и проповедники кротко возвратятся в дом свой.

Уже через несколько лет Институт будет распылять(ь) в народные массы молодых медиков, твердо подкованных знанием и опытом. И мы все и будущие поколения благословят Вас!!!

Глубоко Вас почитающая Наталья Нордман-Северова⁷¹.

В. М. Бехтерев ответил на это письмо 12 мая в письме к И. Е. Репину:

Глубокоуважаемый Илья Ефимович,

Больше чем какие-либо другие приветствия обрадовало меня письмо, полученное от Вас и Натальи Борисовны. Предложение Натальи Борисовны и Ваше я начинаю обмозговывать. Не знаю еще, к чему сведется, но во всяком случае развитию мысли дан будет ход.

Затем, дорогой Илья Ефимович, Вы меня трогаете Вашим вниманием. <...> Но я прошу позволения быть у Вас через некоторое время, быть может, одну-две или три недели спустя, ибо сейчас нас, или по крайней мере меня, душат экзамены. Как освобожусь, поспешу к Вам на крыльях радости. Мой привет Наталье Борисовне.

С совершенным почтением преданный Вам В. Бехтерев⁷².

Наталья Борисовна ответила на это письмо Бехтерева 17 мая 1913 г. — согласно своей натуре, несколько экзальтированно, но вместе с тем не без самоиронии:

Глубокоуважаемый Владимир Михайлович,

Ваше письмо к Илье Ефимовичу, полное духом всеобъемлющей инициативы и энергии, привело меня в настроение Акима и Анны: я вижу любимое дитя мое, мою идею в нежных родительских руках, вижу его будущий рост, его мощь и могу теперь спокойно умереть или спокойно жить. Всэ [орфография Н. Б. Н.!] мои лекции связаны веревками и отправлены на чердак. Кустарный промысел заменится научной почвой, заработают лаборатории, заговорит кафедра (...) мне кажется, даже с практической точки зрения уже набухла потребность для молодых медиков изучить то, что на Западе уже разрослось в целые системы: огромные течения, имеющие своих проповедников, свои санатории и десятки тысяч последователей. Разрешите мне, неучу, скромно протянуть листик с моими вегетарианскими мечтами (...)»⁷³.

Привожу этот «листик» — машинописный эскиз с перечислением ряда проблем, которые могли бы быть предметом «кафедры вегетарианства»:

Кафедра Вегетарианства⁷⁴

1) История вегетарианства.

2) Вегетарианство как нравственное учение.

Влияние вегетарианства на человеческий организм: сердце, железа, печень, пищеварение, почки, мускулы, нервы, кости. И на состав крови. / Изучение опытами и лабораторными исследованиями.

Влияние вегетарианства на психику: память, внимание, трудоспособность, характер, настроение, любовь, ненависть, вспыльчивость, волю, выносливость.

О влиянии варенной пищи на организм.

О влиянии СЫРОЙ ПИЩИ НА ОРГАНИЗМ.

Вегетарианство как режим жизни.

Вегетарианство как предупредитель болезней.

Вегетарианство как целитель болезней.

Влияние вегетарианства на болезни: рак, алкоголизм, душевные болезни, ожирение, неврастению, эпилепсию и др.

Лечение целебными силами природы, являющимися главным подспорьем вегетарианства: свет, воздух, солнце, массаж, гимнастика, холодная и горячая вода во всех ее применениях.

Лечение Шрота.

Лечение голоданием.

Лечение жеванием (Орас Флетчер).

Сырое питание (Бирхер-Беннер).

Лечение туберкулеза по новым методам вегетарианства (Картон).

Изучение теории Паско.

Взгляды Хиндхеде и его система питания.

Ламанн.

Кнейп.

ГЛЮНИКЕ [Glünicke]

ХЕЙГ и другие европейские и американские светила.

Изучение устройств санаторий на Западе.

Изучение влияния трав на человеческий организм.

Приготовление специальных растительных лекарств.

Составление народных лечебников растительных лекарств.

Научное изучение народных целебных средств: лечение рака раковидными наростами березовой коры, ревматизма березовыми листьями, почек хвощем и т. д. и т. д.

Изучение иностранной литературы по вегетарианству.

О рациональном приготовлении кушаний, сохраняющем минеральные соли.

Командировки молодых медиков за границу для изучения современных течений вегетарианства.

Устройство летучих отрядов для пропаганды в массы идей вегетариан.

Влияние мясной пищи: трупные яды.

О передачи [sic!] человеку при посредстве животной пищи различных болезней.

О влиянии на человека молока от расстроенной коровы.

Нервность и неправильное пищеварение как прямое следствие такого молока.

Анализы и определение питательности различных вегетарианских пищевых продуктов.

О зернах, простых и необдирных.

О медленном умирании духа как прямом следствии отравления трупными ядами.

О воскресении душевной жизни постом.

Если бы этот проект был реализован, то в Петербурге, по всей вероятности, была бы основана первая в мире кафедра вегетарианства...

Как бы далеко Бехтерев ни дал ход «развитию [этой] мысли» — год спустя Нордман уже умирала и Первая мировая война была на пороге. Но и Западу пришлось ждать еще до конца столетия, пока не появились обширные исследования растительного питания, в которых, учитывая разнообразнос-

ти вегетарианских режимов питания, медицинские аспекты ставятся на первый план — именно такой подход выбирают Клаус Лейтцманн и Андреас Ган в своей книге из университетской серии «Униташенбюхер»⁷⁵.

6. Сочувствующая и насмешливая критика

6.1. Доброжелательный скептик: А. П. Чехов

Пока

Вот нож блестя, свиньи кричат,
Их потреблять нам нужно.
К чему свиньи, все говорят —
Съедем их разом дружно!
И гложут их, и зло урчат
В манере каннибалов
Пока не скажут: «к черту, тьфу!»
Копчености вестфалов.

Вильгельм Буш, 1832—1908
(Пер. П. Б., А. Б.)

«А, ты не ешь мяса! — заметил Аркадий Петрович.

— Да, я дала обет не есть ничего мясного... — тихо ответила жена.

— Что ж? Это не повредит здоровью... если химически разобрать, то рыба и все вообще постное состоит из тех же элементов, как и мясо. В сущности, ничего нет постного... <...> Этот, например, огурец так же скоромен, как и цыпленок...

— Нет... Когда я ем огурец, то знаю, что его не лишали жизни, не проливали крови...

— Это, моя милая, оптический обман. С огурцом ты съедаешь очень много инфузорий, да и сам огурец разве не жил? Растения ведь тоже организмы! А рыба?»¹.

Эта сцена разворачивается на первых страницах рассказа «Скука жизни», который появился в «Новом времени» в 1886 г., т. е. еще до увещательного письма Григоровича 1888 г., вызвавшего знаменитый перелом в творчестве Чехова. На рукописной копии первопечатного текста есть помета автора: «NB: В полное собрание не войдет». По всей видимости, сам Чехов не считал рассказ особенно удачным; тема рассказа, впрочем, не вегетарианство, являющееся здесь только побочным мотивом, но темные стороны глубокой старости, досконально известные молодому врачу.

Примечательно, что Чехов стал интересоваться вопросом растительного питания уже тогда, за несколько лет до появления статьи Толстого «Первая ступень» и до выхода книг и

брошюр по вегетарианству. Аркадий Петрович, старый генерал, начинает рассказывать об успехах, которые делает химия: «Скоро химически будут готовить молоко и дойдут, пожалуй, до мяса! Да! Через тысячу лет в каждом доме вместо кухни будет химическая лаборатория, где из ничего будут готовить все что хочешь!» Его жена чувствует, что муж, которого она видит первый раз после 17-летней разлуки, говорит о возможном в будущем питании только с тем, чтобы не говорить о чем-нибудь другом, о прошедшей жизни и о тяжести и немощи старости. «Но, тем не менее, его теория о постном и скоромном заняла ее». Впоследствии она раз застает мужа за интересным занятием: он сидит за столом и с жадностью ест третью редьку с конопляным маслом. Позже оба отказываются от растительного питания, отдаются вкусовым ощущениям, кулинарным наслаждениям и старческой прожорливости, ведь главная тема рассказа — унылость и скука жизни.

Действие рассказа «Хорошие люди» (1886) происходит в 1880-х гг., «когда у нас в обществе и печати заговорили о непротивлении злу, о праве судить, наказывать, воевать, когда кое-кто из нашей среды стал обходиться без прислуги, уходил в деревню пахать, отказывался от мясной пищи и плотской любви»². Этот рассказ, наряду с воспоминаниями современников, показывает, что Чехов тогда живо интересовался Толстым.

Впоследствии Чехов очень внимательно следил за деятельностью «Посредника»; с некоторыми авторами, печатавшимися в этом издательстве, он состоял в переписке. Кампания в печати против Лескова, которая началась осенью 1892 г. с его призыва к составлению кухонной книги для вегетарианцев, вызвала реакцию и со стороны Чехова как практикующего врача. А. С. Суворину он пишет 5 февраля 1893 г., что его отец болен, очевидно, страдает от грудной жабы. Но он «ест за десятерых, и нет никаких сил убедить его, что лучшее для него лекарство — воздержание. Вообще я в своей практике и в домашней жизни заметил, что если старикам советуешь поменьше есть, то они принимают это чуть ли не за личное оскорбление. Нападки на вегетарианство и, в частности, буренинские походы на Лескова кажутся мне очень подозрительными в этом смысле»³. 20 мая 1893 г. Чехов просит И. И. Горбунова-Посадова (1864—1940), работавшего тогда в

издательстве «Посредник» (в 1897 г. он станет его руководителем) послать ему взамен авторских экземпляров рассказа «Палата № 6» «две-три книжки по вегетарианской части»⁴. В этом году в «Посреднике» вышли несколько книг на различные темы вегетарианства, прежде всего обширный труд Говарда Уильямса «Этика пищи», вместе со статьей Толстого «Первая ступень» в виде вступления, кроме того эссе А. Н. Бекетова (1825—1902) «Питание человека в его настоящем и будущем» и книга Анны Кингсфорд «Научные основы вегетарианства». Книга «Вегетарианская кухня. Составлена по иностранным и русским источникам» (М.: Посредник, 1894) нашлась в библиотеке Чехова с его карандашными пометками.

В письме Суворину от 23 марта 1894 г. Чехов подробно излагает свое отношение к учениям Толстого: «Расчетливость и справедливость говорят мне, что в электричестве и паре любви к человеку больше, чем в целомудрии и в воздержании от мяса». Это замечание сделалось расхожей цитатой. Редко, правда, цитируется текст, ей предшествующий: «... толстовская философия сильно трогала меня, владела мною лет 6-7, и действовали на меня не основные положения, которые были мне известны и раньше, а толстовская манера выражаться, рассудительность и, вероятно, гипнотизм своего рода. Теперь же во мне что-то протестует; (...) дело не в (...) “за и против”, а в том, что так или иначе, а для меня Толстой уже уплыл, его в душе моей нет»⁵.

Но именно в следующие годы Чехов обращается к проблемам вегетарианства в некоторых из своих рассказов. В «Приложениях» к журналу «Нива» в октябре 1896 г. появилась повесть «Моя жизнь. Рассказ провинциала». Это — история жизни молодого дворянина Мисаила. Охваченный идеями народников и социалистов, он стремится зарабатывать себе на жизнь ручным трудом. Он работает маляром, но раз сопровождает мясника Прокофия на бойню, описание которой (1 стр.!) выдержано в самых мрачных красках: «Пахло трупами и навозом. Таяло, снег уже перемешался с грязью, и мне в потемках казалось, что я хожу по лужам крови»⁶. Мисаила вызывают к губернатору, который в беседе скорее частного характера тщетно пытается убедить его перестать быть изгоем. Губернатор спрашивает: «Вы вегетарианец? — Нет, ваше превосходительство, я ем мясо»⁷. В предыдущей главе рассказа Мисаил присутствовал при споре Марии Викторовны с

доктором Благого; последний издевается над ней: «Если (...) вы посвятите вашу жизнь таким задачам в современном вкусе, как освобождение насекомых от рабства или воздержание от говяжьих котлет, то — поздравляю вас, сударыня. Учиться нам нужно, учиться, учиться». Отсюда, впрочем, видно, что Ленин был не первым, кто употребил эту формулу⁸.

В «Записной книжке» Чехова (I, с. 29) нашлось замечание, предназначенное для рассказа «Три года» (1895): «Гомеопатия, гипнотизм, буддизм, вегетарианство — все это у спиритиста как-то мешалось вместе»⁹. В черновике этого рассказа, появившегося впервые в апрельском номере журнала «Русская мысль», опущено слово «вегетарианство»: «Если кто из нашей братии занимается спиритизмом или магнетизмом, тот уж непременно и гомеопат, и метафизик, и символист»¹⁰. Для книжного издания в издательстве «Маркс» Чехов совсем опустил данное место. Скорее всего, ему не хотелось попасть под подозрение в том, что он поддерживает Буренина и царские власти в подавлении вегетарианского движения.

В пьесе «Дядя Ваня» (1897) Астров, деревенский врач, усердный защитник русского леса, жалуется на то, что в современном русском обществе того, кто отличается своим поведением, считают «странным человеком»: «Я люблю лес — это странно; я не ем мяса — это странно».

Подробнее всего вопросы вегетарианства обсуждаются в рассказе «Печенег», напечатанном в журнале «Русские ведомости» 2 ноября 1897 г. Эскиз сюжета этого текста снова находим в «Записной книжке» (I, с. 47): «Х. приехал к приятелю Ц. ночевать, Ц. вегетарианец. Ужинают. Ц. объясняет, почему он не ест мяса. Х. все понимает, но недоумевает: “Но для чего же в таком случае свиньи?” Х. понимает всякое животное на свободе, но не понимает свободных свиней. Ночью он не спит, мучается и спрашивает: “Для чего же в таком случае свиньи?”». В окончательной редакции¹² роли поменялись: вегетарианцем является пришелец. Он при этом не друг, а лишь попутчик в поезде. Жмухин, владелец хутора, отставной казачий офицер, как-то получил от недовольного им проезжего землемера прозвище «настоящего печенег». Он предлагает частному поверенному, имя которого остается неназванным, переночевать у него на хуторе. В момент прихода (как и во второй раз, при отъезде на следующее утро), гость делается свидетелем грубого обхождения с животными: сыновья Жму-

хина забавляются тем, что подбрасывают куриц и стреляют в них из ружья¹³. Во время обеда гость отказывается от водки и ест только хлеб и огурцы.

— «А ветчинки что же? — спросил Жмухин.

— Благодарю, не ем, ответил гость. Я вообще не ем мяса.

— Почему так?

— Я вегетарианец. Убивать животных — это противно моим убеждениям».

Жмухин спрашивает, куда же деть домашних животных, если все люди перестанут есть мясо. Они, — говорит гость, — будут жить на воле, как дикие. Но, — спрашивает Жмухин, — взглянув на ветчину, со свиньями как быть? Ведь если их не резать, то они размножатся, и тогда прощайся с лугами и с огородами. Вопрос остается без ответа. Жмухин, который «любил пофилософствовать», всколыхан встречей с этим вегетарианским гостем. Ночью он не может спать, хочется ему «остановиться на какой-нибудь одной мысли, непохожей на другие, значительной, которая была бы руководством в жизни, и хотелось придумать для себя какие-нибудь правила, чтобы и жизнь свою сделать такою же серьезной и глубокой, как он сам. Вот хорошо бы и ему, старику, совсем отказаться от мяса, от разных излишеств. Время, когда люди не будут убивать друг друга и животных, рано или поздно настанет, иначе и быть не может». Жмухину хочется разговаривать, он вслух думает об ужасах и бедах сего мира, не дает спать гостю и достигает того, что тот на рассвете решается как можно скорее уехать. В конце гость не выдерживает. «Было похоже, — заключает рассказчик, — что ему, как когда-то землемеру, захотелось обозвать его печенегом или как-нибудь иначе, но кротость [соответствующая его натуре или “вегетарианская”? — П. Б.] пересилила, он удержался и ничего не сказал. Но в воротах вдруг не вытерпел, приподнялся и крикнул громко и сердито: — Вы мне надоели!»

И. А. Бунин считал этот рассказ одним из лучших у Чехова.

6.2. Склонный к скандалу: В. В. Маяковский

Маяковский не питал особой симпатии к вегетарианской пище. Он даже был готов агитировать против этических ос-

нований вегетарианства. Юбилей Толстого 1928 г. побудил его опубликовать в «Комсомольской правде» сатирическое стихотворение, направленное против приверженцев Толстого, которые в СССР в то время еще имелись. Но уже в 1913 г. Маяковский устроил скандал в столовой Московского вегетарианского общества. Об этом рассказывает Бенедикт Лившиц (1887—1938) в своих воспоминаниях, появившихся под заголовком «Полутораглазый стрелец» в 1933 г. Этот текст настолько показателен как для Маяковского, так и для атмосферы этой столовой, что я привожу его без сокращений¹:

В вегетарианской столовой, где, как и всюду, платили по счету за уже съеденное, я пережил по милости моего приятеля несколько довольно острых минут. За обедом он с размахом настоящего амфитриона уговаривал меня брать блюдо за блюдом, но, когда наступили неизбежные четверть часа Раблэ², Маяковский с каменным лицом заявил мне, что денег у него нет; он забыл их дома.

Мое замешательство доставляло ему явное наслаждение: он садически растягивал время, удерживая меня за столом, между тем как я порывался к кассе, намереваясь предложить в залог мои карманные часы. Лишь в самый последний момент, когда я решительно шагнул к дверям, он добродушно расхохотался: все было шуткой, пятерка оказалась при нем. На этом, однако, мои испытания не кончились.

Чтобы ясно представить себе всю картину скандала, в котором поневоле пришлось принять участие и мне, необходимо вспомнить, что вегетарианство десятых годов имело мало общего с вегетарианством современным. Оно в своей основе было чем-то вроде секты, возникшей на скрещении толстовства с оккультными доктринами, запрещавшими употребление мяса в пищу³. Оно воинствовало, вербуя сторонников среди интеллигенции приблизительно теми же способами, к каким прибегали трезвенники, чуриковцы и члены иных братств.

Ослепительно белые косынки подавальщиц и снежные скатерти на столах — дань Европе и гигиене? Конечно, конечно! А все-таки был в них какой-то неувимый привкус сектантства, сближавший эту почти ритуальную белизну с мельтешением голубиных крыл на хлыстовских радениях. Цилиндр и полосатая кофта⁴ сами по себе ворвались вопиющим диссонансом в сверхдиетическое благоговение этих стен, откуда даже робкие помыслы о горчице были изгнаны как нечто греховное. Когда же, вымотав из меня все жилы, Маяковский встал, наконец, из-за стола и, обратясь лицом к огромному портрету Толстого, распростершего над жующей паствой свою миродержавную бороду, прочел во весь голос — не прочел, а

рявкнул, как бы отрыкаясь от вегетарианской снеди, незадолго перед тем написанное восьмистишие:

В ушах обрывки теплого бала,
А с севера снега седей —
Туман с кровожадным лицом каннибала
Жевал невкусных людей.
Часы нависали, как грубая брань,
За пятым навис шестой,
А с неба смотрела какая-то дрянь
Величественно, как Лев Толстой, —

мы оказались во взбудораженном осином гнезде. Разъяренные пожиратели трав, забыв о заповеди непротивления злу, вскочили со своих мест и, угрожающе размахивая кулаками, обступали нас все более и более тесным кольцом.

Не дожидаясь естественного финала, Маяковский направился к выходу. Мы с трудом протиснулись сквозь толпу: еще одна минута накаливания страстей, и нам пришлось бы круто. Однако мой спутник сохранял все внешние признаки самообладания. Внизу, получив в гардеробе пальто, он даже рискнул на легкую браваду. Взглянув на перила лестницы, усеянные гроздьями повисших на них вегетарианствующих менад, и на миловидную кассиршу, выскочившую из-за перегородки, Маяковский громко загнул савил под Северянина⁵:

Въезжает дамы кавалерия
Во двор дворца под алый звон,
Выходит президент Валерия
На беломраморный балкон⁶.

Под звуки этих фанфар мы в полном боевом порядке отступили на заранее намеченные Маяковским позиции. Собеседований о происшествии в газетах не появилось, так как полиция к вегетарианцам относилась хорошо, а без протокола какой же это скандал?

Бедные вегетарианцы! Я не питал к ним никакой злобы в эти осенние дни, когда взоры всей России были устремлены на юг, к Киеву, где разыгрывался последний акт бейлисовской трагедии⁷. Они ведь были настоящими Дон-Кихотами в стране, населенной миллионами соплеменников-антропофагов!

Петербургские и московские газеты выходили с вкладными листами, посвященными процессу, а «Киевская мысль» разбухла до размеров «Таймса».

Иронически-дружелюбное понимание, проявляемое Лившицом по отношению к вегетарианцам, настроенным в общем миролюбиво, а также наблюдаемая им картина разгневанных

«пожирателей трав», спровоцированных Маяковским, замечательно соответствуют той ситуации, которую Чехов описал в последней сцене рассказа «Печенег».

В краткой автобиографии «Я сам», написанной в 1922—1928 гг., Маяковский в главе «Куоккала» пишет о 1915 году: «В четверг было хуже — ем Репинские травки. Для футуриста ростом в сажень — это не дело»⁸. Издевался Маяковский над вегетарианством и раньше. 13 ноября 1914 г., в очерке «Штатская шрапнель. Вручим кистью», при виде страшной действительности войны, он объявил о банкротстве бывшей пацифистской живописи: «Репины, Коровины, Васнецовы, доставьте последнее удовольствие: пожертвуйте ваши кисти на зубочистки для противоубойных вегетарианцев. (...) А ну-ка возьмите вашу самую гордящуюся идею, самую любимую идею вас, ваших Верещагиных, Толстых — не убивай человека, — выйдите с ней на улицу к сегодняшней России, и толпа, великолепная толпа, о камни мостовой истреплет ваши седые бороденки. (...) А теперь попробуйте-ка вашей серой могильной палитрой, годной только для писания портретов мокриц и улиток, написать краснорожую красавицу войну в платье кроваво-ярком, как желание, побить немцев, с солдцами глаз прожекторов»⁹.

После путешествия по Америке в 1925 г. Маяковский пишет в очерке «Мое открытие Америки»: «Без мяса не проживешь, и нечего кокетничать вегетарианством — поэтому в самом центре кровавое сердце — бойни»¹⁰. Но его описание этих фабрик для изготовления животного мяса никак не отстает, несмотря на краткость, по неприкрашенному изображению действительности от описаний Эптона Синклера в романе «Джунгли» (1906). Я цитирую его в главе «Бойня — взгляд изнутри» (ср. ниже с. 345).

Стихотворение к юбилею Толстого 1928 г., упомянутое в самом начале главы, так прямо и озаглавлено — «Вегетарианцы». Оно по качеству гораздо скромнее знаменитого юбилейного стихотворения для Пушкина; отношение автора к этим двум писателям, как известно, очень уж было различным:

Обликом / своим белея, // Лев Толстой / заюбилеил. // Травянее, / чем овцы, // собираются толстовцы. // В тихий вечер // льются речи // с Яснополянской дачи: «Нам // противна / солдатчина. // Согласно / нашей / веры, // не надо / высшей меры»¹¹.

Текст стихотворения изобилует характерными для Маяковского приемами рифмовки. Политическая соль: пусть пацифистской агитацией занимаются за границей, в империи Чемберлена, как можно интенсивнее, а не в советской республике.... Метафорическое словоупотребление в заглавии — «вегетарианство» как знак (слишком) миролюбивой установки — можно найти у Маяковского и в другом контексте. Когда в 1927 г. ему показали карикатуру на его поэтический манер, он заметил: «А на резкость удара мне, Маяковскому, обижаться не приходится. Я сам — не вегетарианец»¹².

6.3. «Вегетарианцы»: П. Гнедич

В 1912 г. Петр Петрович Гнедич (1855—1925), русский писатель, в свое время хорошо известный, — издание его сочинений было рассчитано на 35 т.¹ — опубликовал сатирический рассказ, о котором И. Перпер верно заметил в *ВО*, что он написан скучным, фельетонным языком². Несмотря на это, я упоминаю о нем, во-первых, потому что в этом рассказе отражены, пожалуй, воззрения большей части русского общества, а во-вторых, потому что он самим своим существованием доказывает, что вегетарианство незадолго до начала Первой мировой войны уже получило довольно широкое распространение³.

Рассказчик утверждает, что знает многих вегетарианцев: «молодых и старых, полных и тощих, убежденных, полуубежденных и неубежденных, искренних и неискренних». Он хочет показать вереницу своих наблюдений. Оказывается, что отставной профессор Бриндизин, румяный, здоровый, точно под кожей у него течет морковный сок, а не кровь семидесятилетнего старца, и который якобы уже пятнадцать лет не брал в рот ничего мясного, на самом деле делает свои вкусные вегетарианские супы еще вкуснее прибавлением мяса ершей и цыпленка. Некий Лабзаев прослушал курс трех заграничных университетов и в Выборге сделался вегетарианцем; летом он ходил босиком; но его доктор, швед, требует, чтобы он делал утром гимнастику и ел на завтрак яйца и пил портвейн, а за обедом побольше непрожаренного, кровавого мяса. Супруги Молокщеновы кушают только салат, на воскресных собраниях переманивают на вегетарианство многих гостей, постничают с ними, потому что мясные обеды

и ужины считают разорительными. Случайно рассказчик узнает, что они по будням тайно едят мясное. Таким образом, рассказ убеждает в том, что без мяса не проживешь.

Больше половины текста, а именно главы VI—IX, посвящены истории о «дальней родственнице» рассказчика, m-lle Nadine. В довольно пошлых диалогах автор издевается над ее толстовством. Эта худенькая блондинка, дева лет под сорок, внучка «аракчеевского» генерала, «в начале восьмидесятых годов, как раз, когда пошла мода на “опрощение”», перестала есть мясо (и таким образом сделалась подозрительной...). Она упразднила птичий двор, так как она не ест «все, что ходит на лапах». Из-за идеала «самопомощи» она отпускает горничную — моет полы, стирает пыль, чистит ботинки и сама подает к столу, и все это также потому что ей нелегко «выносить возле себя чужого человека» (!). Она желает питаться преимущественно растительной пищей. Все овощи должны быть первосортные — потому она отпускает и садовника Архипа: ведь немцы — лучше; она сама занимается грубой садовой работой. И все это только до тех пор, пока в конце концов не появляется «импозантный» мужчина, за которого она выходит замуж. Теперь она в корсете и причесана по моде. Рассказчик спрашивает ее мужа: «Вегетарианствуете? — Фи! Зачем! Мясо, при меньшем объеме проглатываемого, дает гораздо более элементов для питания. Зелень — только приправа. — И Nadine ест мясо? — Nadine стала благоразумна. <...> Она оставила все свои глупости. <...> Теперь у нас повар и два лакея».

6.4. Веселость и дерзость сатиры: И. Ильф и Е. Петров

«Пища — источник здоровья», «Одно яйцо содержит столько же жиров, сколько 1/2 фунта мяса», «Тщательно пережевывая пищу, ты помогаешь обществу» и «Мясо — вредно». Такие навязчивые изречения-лозунги, украшающие стены столовой в Старгородском доме для пенсионеров, «будили в старухах воспоминания об исчезнувших еще до революции зубах, о яйцах, пропавших приблизительно в ту же пору, о мясе, уступающем в смысле жиров яйцам, а может быть, и об обществе, которому они были лишены возможности помогать тщательно пережевывая пищу». Эти строки — из 8-й главы плутовского романа «Двенадцать стульев».

Юмористы и сатирики Евгений П. Петров (т. е. Е. П. Катаев, 1903—1942, брат известного писателя Валентина Катаева) и Илья А. Ильф (т. е. Илья Арнольдович Файнзильберг, 1897—1937) совместно сочинили этот роман в 1928 г.¹

Издевательство цитируемых слов — «святых», по словам рассказчика, — направлено, с одной стороны, против вегетарианцев, причем надо констатировать, что авторы, очевидно, были знакомы с тезисами американского писателя Хораса Флетчера (1849—1919), хорошо известными в кругах вегетарианцев. Флетчер приписывал жеванию значительную роль для наилучшего использования пищи (в русских вегетарианских текстах встречается глагол *флетчеризировать*, а в немецком языке глагол «fletschern» можно найти даже в известном словаре Дудена). С другой стороны, приведенные фразы, разумеется, пародируют свирепствующую в советском государстве тенденцию к лозунгам и транспарантам. Вместе с тем, они потешаются над явной попыткой скрывать распространенный в то время недостаток мяса, и вообще дефицитную экономику и вытекающую из нее необходимость обязывать к сотрудничеству в создании социализма каждого отдельного гражданина, а следовательно и жителей дома пенсионеров.

С особенным же удовольствием Ильф и Петров издевались над вегетарианством — это видно из того, что эта тема подхватывается в романе «Двенадцать стульев» даже дважды: в 16-й главе («Общежитие монаха Бертольда Шварца») и в 17-й («Уважайте матрацы, граждане!»). Плут и обманщик Остап Бендер и его компаньон Ипполит встречаются с Колей Калачевым и его красивой женой Лизой. Когда Коля на минутку выходит, Лиза говорит: «А мы примуса не держим. Зачем? Мы ходим обедать в вегетарианскую столовую, хотя я против вегетарианской столовой. Но когда мы с Колей поженились, он мечтал о том, как мы вместе будем ходить в вегетарианку. Ну вот мы и ходим. Я очень люблю мясо. А там котлеты из лапши. Только вы, пожалуйста, ничего не говорите Коле...».

17-я глава — единственная в книге, которая в немецком переводе 1978 г. (ГДР) получила другой заголовок, а именно «Tolstoi und die vegetarischen Bockwürste», — такая перемена, в известной степени оправдана содержанием. Глава эта начинается разговором между молодоженами:

- Лиза, пойдем обедать!
- Мне не хочется. Я вчера уже обедала.
- Я тебя не понимаю.
- Не пойду я есть фальшивого зайца.
- Ну, и глупо!
- Я не могу питаться вегетарианскими сосисками.
- Сегодня будешь есть шарлотку.
- Мне что-то не хочется.
- Говори тише. Все слышно.

И молодые супруги перешли на драматический шепот.

Через две минуты Коля понял в первый раз за три месяца супружеской жизни, что любимая женщина любит морковные, картофельные и гороховые сосиски меньше, чем он.

— Значит, ты предпочитаешь собачину диетическому питанию? — закричал Коля, в горячности не учтя подслушивающих соседей.

— Да говори тише! — громко закричала Лиза. — И потом ты ко мне плохо относишься. Да! Я люблю мясо! Иногда. Что же тут дурного?

Коля изумленно замолчал. Этот поворот был для него неожиданным. Мясо пробило бы в Колином бюджете огромную, незаполнимую брешь. Прогуливаясь вдоль матраца, на котором свернувшись в узелок, сидела раскрасневшаяся Лиза, молодой супруг производил отчаянные вычисления.

Копирование на кальку в чертежном бюро «Техносила» давало Коле Калачову даже в самые удачные месяцы никак не больше сорока рублей. (...) Обед на двоих (одно первое — борщ монастырский и одно второе — фальшивый заяц или настоящая лапша), съедаемый честно пополам в вегетарианской столовой «Не укради», вырывал из бюджета супругов тринадцать рублей в месяц. Остальные деньги расплывались неизвестно куда. (...) При таких условиях перейти на мясоедение значило гибель. Поэтому Коля пылко заговорил:

— Подумай только, пожирать трупы убитых животных! Людоедство под маской культуры! Все болезни происходят от мяса.

— Конечно, — с застенчивой иронией сказала Лиза, — например ангина.

— Да, да, и ангина. А что ты думаешь? Организм, ослабленный вечным потреблением мяса, не в силах сопротивляться инфекции.

— Как это глупо!

— Не это глупо. Глуп тот, кто стремится набить свой желудок, не заботясь о количестве витаминов.

Коля вдруг замолчал. Все больше и больше заслоняя фон из пресных и вялых лапшевников, каши и картофельной чепухи, перед Колиным внутренним оком предстала обширная свиная котлета. Она, как видно, только что соскочила со ско-

вороды. Она еще шипела, булькала и выпускала пряный дым. Кость из котлеты торчала, как дуэльный пистолет.

— Ведь ты пойми, — закричал Коля, — какая-нибудь свиная котлета отнимает у человека неделю жизни!

— Пусть отнимает! — сказала Лиза. — Фальшивый заяц отнимает полгода. Вчера, когда мы съели морковное жаркое, я почувствовала, что умираю. Только я не хотела тебе говорить.

— Почему же ты не хотела говорить?

— У меня не было сил. Я боялась заплакать.

— А теперь ты не боишься?

— Теперь мне уже все равно.

Лиза всплакнула.

— Лев Толстой, — сказал Коля дрожащим голосом, — тоже не ел мяса.

— Да-а, — ответила Лиза, икая от слез, — граф ел спаржу.

— Спаржа не мясо.

— А когда он писал «Войну и мир», он ел мясо! Ел, ел, ел! И когда «Анну Каренину» писал — лопал, лопал, лопал!

— Да замолчи!

— Лопал! Лопал! лопал!

— А когда «Крейцерову сонату» писал, тогда тоже лопал? — ядовито спросил Коля.

— «Крейцера соната» маленькая. Попробовал бы он написать «Войну и мир», сидя на вегетарианских сосисках!

— Что ты наконец прицепилась ко мне со своим Толстым?

— Я к тебе прицепилась с Толстым? Я? Я к вам прицепилась с Толстым?

Коля тоже перешел на «вы» {...}.

[Лиза выходит на улицу. Вспомнив о ссоре с Колей, она пошла медленнее.]

Кроме того, ей очень хотелось есть. Ненависть к мужу разгорелась в ней внезапно.

— Это просто безобразие! — сказала она вслух.

Есть хотелось еще сильнее.

— Хорошо же, хорошо. Я сама знаю, что мне делать.

И Лиза, краснея, купила у торговки бутерброд с вареной колбасой. Как она ни была голодна, есть на улице показалось неудобным. Как-никак, а она все-таки была матрацевладельцей и тонко разбиралась в жизни. Она оглянулась и вошла в подъезд двухэтажного особняка. Там, испытывая большое наслаждение, она принялась за бутерброд. Колбаса была обольстительна.

Принцип конструкции всего романа — нанизывание эпизодов, связанных меж собой лишь отдаленно, зачастую только через главного героя, — отражается также и в обхождении с вопросами вегетарианского образа жизни. Рассказчику чуж-

да боязнь противоречий. Коля сперва представляется убежденным вегетарианцем, но важной причиной отказа от мяса являются высокие цены на мясо, и немногим позже мы узнаем, что он сам не устоит перед соблазном благоухания жаркого. Тем сильнее его вспышки. Вегетарианские тезисы приводятся в форме лозунгов, например сравнение употребления животного мяса с канибализмом; авторы насмеваются над претензией, что все болезни можно лечить посредством правильного питания, осмеивается ссылка на авторитетов вроде Толстого; намекается на тот факт, что вегетарианское меню Толстого было чересчур утончено заботливой Софией Андреевной; приводится распространенное мнение о том, что, если более поздние труды Толстого «отстают» от произведений, написанных до его религиозного кризиса, то это связано с переходом писателя на вегетарианское питание. Определенная связь, несомненно, имелась, однако она не касается физиологии питания.

Как ни поверхностна была эта «литературная дискуссия» вегетарианства и насмешки в его адрес, в советском контексте, когда о проблемах вегетарианства нельзя было больше говорить открыто, ее воздействие не следует недооценивать. Надо иметь в виду, что этот сатирический роман, затрагивающий многие слабости и бюрократические извращения раннего периода советского режима, пользовался огромным успехом у читателей (еще при жизни авторов роман выдержал десять изданий). Трагично то, что почти одновременно с его первым появлением в печати началось систематическое преследование государственным аппаратом тех вегетарианских групп, которые выбрали вегетарианский режим питания по убеждению.

6.5. «Почему я стал вегетарианцем»: Н. Ватанов

«Сегодня у нас опять будет один голый картофель; ни мяса, ни масла, ничего у меня нет», — жалуется в рассказе писателя-эмигранта Н. Ватанова¹ русская Ольга Николаевна. Попад на Запад во время Второй мировой войны, она живет теперь в послевоенной Германии в статусе «ди-пи» («displaced person») в доме баварской вдовы, вместе с мужем Александром Ильичем, лет на двадцать старше ее, служившим до Октябрьской революции товарищем прокурора при Н-ском Ок-

ружном суде, а потом покинувшим Советский Союз. Он носит говорящее имя — Капустин. Кроме него там живут 14-летняя дочь Леночка, сам рассказчик и однорукий дядя Ваня, бывший архитектор. 25 лет назад Капустин и дядя Ваня дружили, а в 1944 году случайно встретились в Германии. Еще один русский «ди-пи», Степан Романович Мурый, некогда мясник в русском колхозе, а теперь на Западе, разбогатев торговлей на черном рынке, покупает корову всего лишь за 1500 марок на «черный убой», для того чтобы улучшить положение семейства с питанием. Два немецких полицейских, оказавшихся на месте в самый подходящий момент, хотят арестовать рассказчика, заявившего себя владельцем коровы. Но смекалившей Леночке вовремя приходит в голову мысль выдать дядю Ваню за вегетарианца. «Он, видите ли, кроме молока, овощей и фруктов ничего не ест...». Дядя якобы купил себе корову, чтобы снабжать себя молоком. Полицейские довольствуются этим объяснением, правда, они требуют, чтобы в виде доказательства им каждый день приносили литр молока. Старая корова ест ужасно много, но ее не доят, за сутки она дает всего полстакана молока. И так приходится ее новым владельцам каждый день носить жене полицейского литр молока, который докупают у соседки. Юмористический тон рассказа поддерживается тем, что каждый раз, как только ситуация напоминает известные сцены из русской литературы, вставляется название соответствующего сочинения. Цитируются «Юлиан отступник» Мережковского, «Мелкий бес» Сологуба, «Страшная ночь» Гоголя, «Преступление и наказание» Достоевского и в самом конце «Почему я стал вегетарианцем?» Толстого — статья, которую Толстой никогда не писал.

Рассказчик далек от намерения вступаться за вегетарианский режим питания. Тем не менее, он касается вопросов, играющих определенную роль в дебатах о вегетарианстве. Когда Капустин спрашивает, что же будут делать с коровой, мясник отвечает: «Конечно, не целоваться с ней <...>, а немедленно ей секир-башка делать <...> резал, жарил, солил». Когда идут за коровой и для камуфлирования заставляют его тянуть тележку, Капустин размышляет: «Как в сущности люди жестоки. Поймали бедную коровку, запрягли в воз с дровами и таким обманом ведут ее на казнь» (мотив двойной эксплуатации животного как рабочего и убойного — с этим мотивом мы уже сталкивались в рассказе о переломном моменте в жиз-

ни Паоло Трубецкого). А когда рассказчик на это замечает, что «Муньку» можно было пригнать и без этой канители, то Капустин почти испуганно просит: «Не надо, не надо имен! Поскольку она обречена и мы готовимся ее съесть, она должна для нас быть совершенно безымянным субъектом или лучше объектом X. Не надо даже на нее смотреть и привыкать к ней...» Капустин старается не допускать, чтобы корову били веткой, когда она не хочет идти дальше. Полицейские заявляют: «Мы арестовываем все мясо», на что рассказчик отвечает: «О каком мясе вы говорите. Пока что есть только живая корова...» «Вегетарианские» аргументы всегда приводятся Капустиным, которого рассказчик называет «чудаком» и «старым эмигрантом», — мягкое указание на то, что такое отношение можно было найти скорее в дореволюционные годы.

7. Казус Наживина

«На колени!» — так был озаглавлен писателем Иваном Федоровичем Наживиным краткий очерк, напечатанный в первом после смерти Толстого выпуске *ВО*¹. Заглавие возникло неслучайно: эти слова вырвались у людей, опускавших прах Толстого в могилу. Автор использует этот возглас как воззвание к современникам и потомству. Наживин описывает, как в середине 1890-х годов он впервые встретил Толстого в Москве, на Моховой около Манежа. Позже он познакомился с писателем поближе. Наживин представляет собой особый «казус» — из-за его раннего, чуть ли не безграничного благоговения перед писателем и его позднейшего отречения от своего вегетарианского кредо, а также и от других вероисповеданий.

Наживин родился в 1874 г. в Москве в семье богатого лесоторговца. Не окончив гимназии, он дальше занялся самообразованием. С 1892 г., благодаря постоянной поддержке отца, он имел возможность подолгу жить за границей, прежде всего во Франции и Швейцарии. Уже в 1890 г. он напечатал свой первый рассказ. Критики отзывались о нем как о скромном и непритязательном авторе, ограничивающемся небольшими темами. Революцию 1905—1907 гг., также как и Октябрьскую, Наживин не принял; с 1920 г. жил в эмиграции. Здесь появились его романы, по большей части исторические, а также ряд сборников разной тематики, объединенных в 45-томное собрание его сочинений. Они сделали его одним из самых успешных, хотя и не особенно значительных писателей русской эмиграции². Тем не менее, его творчество высоко ценили Томас Манн и Сельма Лагерлеф³. Наживин умер в 1940 г. в Брюсселе.

1 сентября 1901 г. Наживин впервые посетил Толстого в Ясной Поляне. Особенно часты беседы с Толстым были в марте-апреле 1906 г., когда Наживин с семьей жил два месяца в избушке редакции издательства «Посредник» И. И. Горбунова-Посадника на хуторе Овсяники в шести верстах от Ясной Поляны. Последний раз Наживин пробыл два дня у Толстого 10 и 11 октября 1910 г., за две недели до ухода Толстого из дома⁴.

Уже между 1911 и 1917 гг. вышли шесть томов восьмитомного издания сочинений Наживина⁵. В пятом томе (1912) есть подробный отчет о встречах Наживина с Толстым, озаг-

лавленный «Моя исповедь»⁶; в приложении впервые были напечатаны те 27 писем, которые Толстой написал Наживину с 1902 по 1910 год⁷. Уже в 1911 г. Наживин опубликовал биографический очерк «Из жизни Толстого»⁸. И в эмиграции он продолжал заниматься Толстым, так, например, в 1936 г. в книге «Неопалимая купина. Душа Толстого»⁹.

Влияние религиозно-философских учений Толстого заметно во всех сочинениях, написанных Наживиным до Первой мировой войны. Так, в частности, в собрании очерков «В долине скорби» (1907), о котором критика говорила, что рассказы читались бы с интересом, если бы не толстовские настроения автора... Это собрание содержит этюд, озаглавленный «Об опрощении». Влияние Толстого дает о себе знать и в романе Наживина «Менэ... тэке... фарес» (1907), переведенном вскоре на немецкий язык: интеллигент, разочаровавшийся в жизни, утешается толстовскими идеями всепрощения и самосовершенствования; он находит правду в мировоззрении патриархального крестьянства и сближается с одной религиозной сектой. Идейная близость к Толстому видна, наконец, и в сборнике «Голоса народов» (1908); в этой книге «наибольшую ценность представляют <...> сведения о Духоборцах» в Канаде (М. Гершензон). Толстой похвалил это сочинение, но посоветовал автору «пересевать»¹⁰. Критика считала и повесть «Белые голуби принцессы Риты» (1913) «проповедью толстовских идей». Уже в 1905 г. Наживина называли «певцом опрощения»¹¹ — ведь именно «опрощение» было одним из центральных требований в учении Толстого.

Вскоре после личного знакомства с Толстым, Наживин начал жить по-вегетариански. Новый способ питания сделался темой его разговоров с писателем: «Когда мы пошли, я заметил ему, что с тех пор, как, став вегетарианцем, я бросил охоту, я никогда больше не испытал того чувства жизни заодно с природой, какое испытывал раньше на охоте». На это Толстой ответил, что он нашел эту связь, когда «начал работать на земле, пахать, сеять, косить» (1 сентября 1901 г.)¹². Подробно и вместе с тем отдавая должное обеим сторонам, Наживин описывает конфликты, которые возникали в семейной жизни Толстых в Ясной Поляне вследствие образа жизни Толстого; о них уже была речь в главах о Толстом.

В 1909 г. в краткой статье, появившейся сперва в «Календаре для каждого», а потом и в *ВО*, Наживин описал колонию

вегетарианцев в Швейцарии на Monte Verità близ Локарно. Он сообщил, что колонисты питаются почти исключительно сырыми фруктами и овощами¹³, и при этом указал на то, что такое питание приняли также и русские духоборы-свободники: «Опыт “свободников”, не говоря уже о других, как опыты разных отшельников, напр., индийских или русских крестьян, и т. п. показали, что свои потребности в области питания можно не только без всякого ущерба, но с величайшей выгодой сильно сократить». Попутно автор указывает на свою собственную статью «Упрощение жизни»¹⁴.

После смерти Толстого Наживин опубликовал в *ВО* под заголовком «В дали веков» довольно пошлую картину будущего человечества, преодолевшего «человека-животного» — текст, явно заслуживающий названия «китч»¹⁵: действие очерка разыгрывается в середине XXIV столетия, недалеко от бывшей Москвы, от которой после международной войны [сочетания «мировая война» тогда еще не было. — П. Б.] остались лишь развалины. Здесь живет Марк Аврелий — проводник пилигримов (среди них был и Лао-Цзы), съехавшихся в это место со всех концов земли, чтобы присутствовать на празднике «Зеленой палочки»¹⁶. В светлом небе изредка проносятся быстрые воздушные корабли, которыми «пользуются лишь в редких случаях: больные, старики или иногда, когда нужно подать быструю помощь кому-нибудь дальнему». Индус Рама-Кришна замечает какой-то памятник, вырытый любопытствующими людьми из праха. Полустертая надпись на древнерусском языке гласит, что это памятник Минину и Пожарскому. Марк Аврелий объясняет, что это, вероятно, какие-нибудь полководцы — «тогда люди ставили памятники, главным образом, своим предводителям в войнах». Пилигримы питаются вкусным, душистым хлебом, свежей водой и плодами. Они отдыхают на золотой, пахучей соломе; читают книги, большей частью рукописные, изредка только печатные — изготовленные на ручном станке! — именно поэтому в люди шла книга только самая хорошая, самая ценная; и вся та масса гадостей и глупостей, которая печаталась в древности, исчезла без следа. Наконец, Марк Аврелий ведет пилигримов на пологий, покрытый лесом холм: «Это — Ясная Поляна». Пилигримы ноچуют под открытым небом: от былой изнеженности людей не осталось и следа; «исторические воспоминания о больницах, лекарствах, а особенно докторах вызывали невольную улыбку».

ку». На огромном памятнике виднеется красивая массивная каменная подставка, на которой, под старинным стеклянным футляром, лежала раскрытая рукописная книга — с высказываниями, которые Учитель [Толстой] составил «на каждый день». Эпиктет, «хранитель Ясной Поляны», перевертывает ежедневно одну страницу этой книги. Во время праздника появляется юноша, носивший имя Великого, Лев, «прекрасный и сияющий, как утро». Поднявшись на огромный постамент, он увенчает главу Учителя венком из ветвей дуба — и тысячи голосов запели «Отче наш»... Интересно, что бы сказал Толстой о таком тексте?

ВО в 1911 г. напечатало письмо читателя К. Г. Грекова, одного из основателей полтавского вегетарианского общества¹⁷. Он убежденный вегетарианец уже десять лет, но под заголовком «Нужно ли это? Письмо в редакцию» ставит под вопрос иные из форм крайнего вегетарианства. На его вопрос Наживин отвечает статьей: «Да, нужно!»¹⁸. Греков рассказал о судьбе русского артиллерейского офицера Розенкампа, который, став горячим сторонником учения Льва Толстого, а впоследствии сыроедом, закончил тем, что ел только фрукты и орехи и потому задумал уйти в тропические страны. Однако в Новочеркасске его арестовали за «бесписьменность» и посадили в тюрьму, а так как он там почти ничего не ел, то заболел и умер. Греков говорит, что не может себе представить совершенно «безубойное питание», которое проповедует И. Ф. Наживин; ведь каждое зерно, каждый фрукт, каждый глоток воды содержит в себе и внутри себя множество живых тварей, и будь это только микробы, которых, по мнению г. Наживина, убивать никак нельзя. Наживин реплицировал, что для него приближение к идеалу полного отказа от убийства, сострадание также и к гусеницам и мухам — составляет душу, суть вегетарианства. Ему думается, что в жизни мира более нужны сумасшедшие, чем умеренные и аккуратные, для того чтобы показать путь к идеалу.

Наживин сотрудничал с ВО, там он напечатал краткий очерк «Из жизни Мирки» — его дочери, рано умершей, воспитанной по-вегетариански¹⁹; он работал также переводчиком: в 1912 г. он перевел статью английского философа культуры Эдварда Карпентера «О необходимости новой науки»²⁰. В 1913 г. Наживин напечатал в нескольких номерах ВО серию кратких биографий знаменитых лиц под заголовком

«Календарь “Зеленой Палочки”», оставивших вклад «в той области, которая важнее всех остальных, в области религии, в области просветления человеческого сознания». В ней представлены Пифагор, Будда, Петр Хельчицкий, Франциск Ассизский, Рескин, Сковорода, Амизель; характеризуются и основатель религиозного движения В. А. Пашков и многие другие²¹.

Однако в 1914 г. Наживин довольно внезапно и решительно отрекся от реформенных идей Толстого и прежде всего от вегетарианства. Правда, уже осенью 1913 г., намечалось изменение его отношения к вегетарианству в смысле «движения». В письме к редакции *ВО* Наживин сделал объявление о том, что он ищет компаньонов для совместного поселения в деревне в средней полосе России, группу от четырех до пяти семейств, все с детьми дошкольного возраста. Главное условие — полная независимость друг от друга. Никаких общин, артелей и прочего основывать он не собирается, долгий опыт убедил его в том, что как ни прекрасны подобные начинания в замысле, в жизни они оказываются весьма непрочными. «Еще раз повторяю: я не задаюсь никакими широкими общественными задачами, я хочу дела чисто практического. Пора нам перестать говорить слишком много, спорить <...> пора работать»²².

А в 1915 г., в № 3—4 основанного годом ранее второго «Вегетарианского вестника» появилась статья «Вегетарианство и вегетарианцы» — острая, очень метко сформулированная расплата Наживина с бывшими своими догматами веры²³. В качестве введения напечатано краткое предисловие редакции, датированное 24 мая 1915 г.²⁴ Редакция оправдывает печатание этой статьи необходимостью предоставить свои страницы не только единомышленникам различных направлений, но и противникам; ведь важно дискуссиями установить «то общее, что связывает громадное количество людей, называющих себя вегетарианцами».

Наживин заявляет, что из трех главных мотиваций вегетарианства — моральной, эстетической и гигиенической — в течение одиннадцати лет его вегетарианствования, первая была для него самой важной. Но ему становилось все яснее, что безубойность вегетарианства — то есть питание без убийства — является мифом. Безубойным, по мнению Наживина, вегетарианство может быть только для городского жите-

ля. «Но тот вегетарианец, который сам производит это масло, яйца, картофель и фрукты, тот никак не может убежать убийства»²⁵. Для того чтобы вырастить съестные продукты, «надо перекопать или вспахать поле, при чем при работе этой погибнет бесконечное количество всяких червей и личинок» или мышей или даже зверей побольше, которые вредят урожаю. Не говоря уже о саранче. По мнению Толстого, все же легче убить долгоносика, чем быка. «Я полагаю, что это очень субъективно». Впрочем, «жизнь для оленки так же дорога, как и для медведя, как и для человека». Для того, чтобы человек один мог быть вегетарианцем, другой должен взять на себя обязанность быть охотником, «взять на себя кровь», которой тот боится. «Охота на жаворонков, как во Франции, или на мелких певчих перелетных птичек, как в Италии (...) конечно, мерзость (...), которая должна быть запрещена международным правом. Идеалом может быть только не причинять страданий *бесполезных* никому, даже цветку, да не причинять страданий *по неосторожности*, и, где уже необходимо, то ограничиться *самым необходимым* минимумом».

Эстетические преимущества вегетарианского образа жизни для Наживина теперь уже не убедительны. Конечно, кухня вегетарианца имеет вид более привлекательный, но это только потому, что все безобразное перенесено из кухни в сад или в поле. Гигиеническая же сторона для него, Наживина, никогда не имела большой цены. Всякий якобы знает очень хилых вегетарианцев и цветущих мясоедов. Посмотрим на мясников во время первомайских процессий рабочих за границей, — говорит Наживин, — «какой все это сильный, рослый, отборный народ!» Кроме того, по Наживину, одна из «маленьких лжей» — это мнимый, особенно *миролюбивый характер* вегетарианцев. Вегетарианцы-японцы не обнаруживали в недавней войне большего «добродушия», чем мясоеды-русские. Что же остается, в конце концов, от вегетарианства? — спрашивает он. Указывать будут на «самоограничение» вегетарианцев: не можно быть очень воздержанным человеком и будучи мясоедом, и быть обжорой, будучи вегетарианцем.

Впрочем, Наживин не только оспаривает разные мотивации вегетарианства, он имеет претензии и к самим вегетарианцам. Так, он отмечает, что на Московском съезде вегетарианцев в 1913 г. один из делегатов начал свою речь обращением «дорогие братья и сестры» и что иные подписывают свои

письма «с вегетарианским приветом». Толстой, по Наживину, был «глубоко не прав», называя вегетарианство «Первой ступенью», во всяком случае это ступень вторая: сперва — люди. В дальнейшем Наживин критикует нетерпимость и спесь, которые он встречал у вегетарианцев, а также сектантское отмежевание от других. А если вы их критикуете, говорит он, это «вызывает к вам ненависть совсем уже не вегетарианскую». При этом, Наживин упрекает именно русских вегетарианцев в крайностях: «русский человек не знает, когда довольно», не знает границ. «Я не встречал в заграничных вегетарианских изданиях, среди заграничных вегетарианцев, ничего подобного тому, что на каждом шагу встречаешь среди вегетарианцев русских». Он, Наживин, теперь не за вегетарианство, но он и не против него — просто все это перестало иметь для него какое то бы ни было значение: человек должен покорно поднять на свои плечи этот грех страдания и крови...

«Перемена» Наживина отчасти была основана на личных переживаниях. Около 1905 г. он приобрел участок земли на юге, в селе Береговое, на берегу Черного моря близ Новороссийска, и там занимался плодоводством и овощеводством. Этот эпизод он описывает в книге «Накануне (из моих записок)», появившейся в Вене в 1923 г.²⁶ Как фермеру, ему пришлось бороться не только с кавказским «норд-остом», но и со всякими вредителями самого разного сорта, и он, вегетарианец, должен был всегда держать ружье наготове. И в этой «ожесточенной схватке с этими вражьими — пусть невинными — силами и погребло мое вегетарианство. Здесь не теоретизированием, а жестоким опытом человек познавал, что жизнь это беспощадная борьба, и что, если ты хочешь удержать свое место в жизни, ты вооруженной рукой должен защищать его непрерывно. Отказаться от телятины не Бог весть какая премудрость — мы двенадцать лет были вегетарианцами — но это ни в малейшей степени не значит принять “безубойное питание”, ибо каждый кочан капусты, каждый персик, каждая кисть винограда все это добывается ценою бесконечного ряда убийств всякого рода живых существ». Как это ни тяжело, но «человек таким образом не может не убивать, и вегетарианство может быть названо безубойным питанием разве только по недоразумению, оно столь же многоубойно, как и всякое другое»²⁷.

Такого рода хозяйственные опыты и этические размышления побудили Наживина отречься от вегетарианства²⁸. «Таким образом прежняя вера потихоньку в процессе, от моей воли ни в малейшей степени независимом — как-то выкрашивалась <...> Человек разумный неустанно учится и неизбежно свое отношение к миру и жизни меняет. И оно у меня менялось — старое потихоньку отпадало, но нового ничего на его место в то время еще не становилось»²⁹.

Отказ Наживина от вегетарианства не был внезапным переломом, это результат длительного процесса, что уже можно обнаружить в набросках к его «филиппике». Первоначальный заголовок — «Нужно ли нам лгать», и это «мы», включающее самого автора, встречается в тексте неоднократно. «Прежде всего мы должны отделаться от лживой привычки приветствовать друг друга, как “братья и сестры” и даже, как “друзья”. Всякий из нас знает в среде вегетарианцев и людей очень богатых и людей, бьющихся в беспросветном труде из-за грошей. И вот эти богатые вегетарианцы пальцем не пошевелият, чтобы хоть чуточку облегчить положение их нищих собратий по вегетарианству, копейки не дадут, чтобы поддержать какое-то близкое вегетарианству дело, а ревниво берегут свои деньги в темных глубинах какого-нибудь банка. О каком же братстве тут может быть речь? <...> Курьезная подробность: величают так один другого только на большом расстоянии, — большею частью, когда обращаются к незнакомому единомышленнику»³⁰.

Редакция «Вегетарианского вестника» в предварительном слове к статье Наживина заметила, что к убийству вредителей и хищных зверей не должно присоединять еще и систематическое ежедневное убийство домашних животных для пищи; и что каждый, конечно, в случае особо острых положений предпочтет сохранить человеческую жизнь как жизнь существа высшей организации. Многие же вопросы, смущающие чутких людей (как-то вопросы об обуви, шубах, истреблении вредителей и зверей и т. п.) разрешатся, по мнению редакции, в рамках технического развития.

Впрочем, инвектива Наживина вызвала необычайно жаркие дебаты среди общественности также и в следующих выпусках *ВВ*, не в последнюю очередь из-за известности автора и его «предыдущей жизни»³¹. Издатель *ВВ* Л. Кораблев видел несомненную заслугу статьи И. Ф. Наживина в том, что появ-

ление ее резко подчеркнуло различие между двумя главными течениями в русском вегетарианстве — этического и гигиенического, различие хотя и сознававшееся, но до сих пор не сформулированное с достаточной полнотой и ясностью. Статья Наживина, по Кораблеву, касается главным образом той группы вегетарианцев, правда очень значительной, которую называют толстовцами. Толстовцы в силу исторических условий имели большое влияние на развитие вегетарианства в России³². Учение вегетарианцев-гигиенистов, завоевывающее все большее число приверженцев, выдвигает за свою основу не этику, а науку. Еще более определенно высказался в очередном своем выступлении В. П. Войцеховский, сам вегетарианец, но «воспитанный на других началах, чем большинство вегетарианцев в России»:

... Если бы русские приверженцы вегетарианства не увлеклись чувствительностью Л. Н. Толстого и его художественным представлением *этической стороны вегетарианства*, то не было бы разочарованных в роде г. Наживина и других, которые, как и он пишет — сделались прямо сектантами, думающими, что коль скоро не будут есть мяса, то это одно обстоятельство возведет их в степень превосходства среди человечества.

Среди вегетарианцев всего мира, только русские принцип «не убивай» поставили главным условием вегетарианства, ибо англичане например, ставят в основу вегетарианства именно целительное значение для людей различных категорий, среди различных климатов.

На западе Европы многие вегетарианство считают тренажем для различных форм умственного труда и работоспособности и, будучи вегетарианцами, — заботятся о себе и мечтают о своих делах, ни чуть не думая о том, что они благороднее других потому, что трупов не кушают³³.

«Кое-что о вегетарианстве» — так звучит высказывание некоего Н. Шерстюкова, который, как и Наживин, рассматривает абсолютное применение принципа «не убий» как «измышление праздного города», указывая на то, что даже сырое питание и питание только фруктами, удовлетворяющее биологическим и нравственным требованиям, а также отчасти и медицинским, по изысканиям д-ра Бирхер-Беннера и американского диетиста профессора Флетчера, не может обойтись без «убийств». Автор заметки утверждает: чтобы получить плоды, вегетарианцу, живущему в городе и тоскующему по райскому яблоку, нужно перешагнуть через груды трупиков

многочисленных грибков, насекомых, червей и трупов птиц и животных.

Но из всего этого нисколько не вытекает в виду кажущейся неприменимости абсолютных принципов вегетарианства, полного отречения от вегетарианства и сделаться ярым противником, как это поступил Ив. Фед. Наживин. Если, конечно, из вегетарианства делать «лекарство от всех болезней», как это делало в течении 6-и лет *Вег. Обзор.* и кормить читателей «манной кашкой», как малых наивных детей, оберегая всячески их от критических статей, — то, конечно, здравого человека это может только оттолкнуть, как от лицемерного и одностороннего сектантства³⁴.

Нападки Наживина, очевидно, способствовали уяснению позиций. До дальнейших дискуссий не дошло, скорее всего, из-за военных событий — в 1916 г. вегетарианские журналы в России не издавались, а когда в 1917 г. на протяжении года вновь стал выходить *ВВ*, грянула февральская революция, появились другие заботы.

VII. УСИЛИЯ ПО ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОПАГАНДЕ

1. Не только отец русской климатологии: А. И. Воейков

Одной из самых влиятельных личностей в истории русского вегетарианства был метеоролог и географ Александр Иванович Воейков (род. в Москве 8.5.1842, ум. 28.1.1916 в Петрограде). Воейков является основателем русской климатологии. В 1865 г. он получил степень доктора философии в Геттингенском университете. С 1881 г. он представлял Россию на всех международных съездах географов, в 1884 г. — опубликовал книгу «Климаты земного шара, в особенности России»¹. Одним из первых ученых он рассматривал метеорологические явления в их развитии и взаимодействии с другими явлениями природы. Он обратил внимание на важность изучения снежного покрова и его роли в формировании климата, почв, водного режима, растительности. Его называли «отцом учения о снеге». С 1887 г. он состоял ординарным профессором физики в Петербурге, с 1910 г. членом-корреспондентом Академии наук. Уделяя большое внимание вопросам климатолечения, он основал русскую «курортологию». Его заслуги получают высокую оценку как в русских, так и в советских энциклопедиях². Ни словом не упоминается та роль, которую он играл в вегетарианском движении; об этой стороне его достижений умалчивает даже монография А. К. Темашова (1957 г.)³.

Деятельность Воейкова очень тесно связана с устремлениями русских вегетарианцев к объединению и пропаганде вегетарианства. О своем пути к вегетарианству он рассказал в докладе, прочитанном 13 декабря 1914 г. в Петербурге: «Как я стал вегетарианцем»⁴.

Когда 1 декабря 1901 г. в Петербурге было основано первое в России вегетарианское общество — Петербургское вегетарианское общество (сокращенно *ВО-во СПб.*) — И. А. Воейков числился одним из его учредителей. После ухода с поста В. А. Долячко, первого председателя совета ВО-ва СПб.,

26 февраля 1904 г. он был избран общим собранием на эту должность⁵, которую занимал (с перерывами в 1909 г. и в 1912/1913 гг. в связи с долгими отсутствиями из Петербурга) вплоть до своей смерти⁶. После основания Международного союза вегетарианцев в 1908 г. Воейков, будучи специальным корреспондентом-сотрудником «Вегетарианского обозрения», представлял Россию на третьем Международном конгрессе вегетарианцев в Брюсселе (с 10 по 12 июня 1910 г.)⁷, во время Брюссельской всемирной выставки (первый конгресс — Дрезден 1908; второй — Манчестер 1909); в 1910 и 1911 гг. он был членом организационного комитета «Интернационального вегетарианского союза»⁸. На брюссельском конгрессе Воейков выступил с докладом о вегетарианских обществах в Петербурге, Киеве и Москве, а также о деятельности Толстого и его приверженцев: «Благодаря нашему знаменитому писателю миллионы людей, не подозревавших о существовании вегетарианства, ознакомились с ним». Кроме того, Воейков говорил о давно существующих вегетарианских сектах, а также о том, что «в последнее время и между православными тысячи людей отказываются от мяса, не слышавшие ни о вегетарианских обществах, ни даже об учении Л. Н. Толстого». На IV Международном вегетарианском конгрессе, состоявшемся в Голландии (близ Гааги) с 24 по 26 августа 1913 г., не было ни одного русского делегата⁹; V конгресс намечался в Сан-Франциско в 1915 г., VI — в Париже в 1916 г. ... В письменном отчете для *ВО* Воейков сообщал, что, по убеждению врачей, в настоящее время в Западной Европе лишь самые бедные люди не передают; впрочем, он выразил мнение, что нужна известная сила характера, дабы [в современном обществе] принять вегетарианский образ жизни¹⁰.

Воейков был одним из самых ревностных докладчиков *ВО-ва СПб*. 19 апреля 1903 г. он выступил с докладом «Об отношении вегетарианства к различным видам спорта», указывая при этом на успехи вегетарианцев в международных состязаниях пешеходов в Германии¹¹. 20 марта 1904 г. он говорил о «задачах Вегетарианского Общества». Им были выдвинуты следующие тезисы:

1. Убойное питание так распространено в высших и средних классах, что всякий вегетарианец становится, иногда поневоле, пропагандистом принятого им образа жизни. Мало знакомые с вегетарианцами «скотоеды» ограничиваются не-

многими вопросами, боясь надоесть и стать невежливыми, но в душе считают вегетарианцев несколько «ненормальными» людьми, выражаясь вежливо. Лучшая реклама в пользу безубойного питания — быть здоровым. Но а) многие вегетарианцы имеют слишком низкое понятие о здоровье; б) многие до сих пор считают полное здоровье несовместимым с умственной жизнью. Мало отказаться от мяса, а нужно вообще разумно строить свое питание (хлеб — одна из основ питания). Не жить так, как это описывается в «Плодах просвещения».

II. Предстоит обширная деятельность в области анализа пищевых продуктов: их результаты следовало бы оглашать не только в «Вегетарианском вестнике» и в [Вегетарианском] Обществе, но и в других обществах, особенно в Обществе Охранения Народного Здравия. Нужно, конечно, открыть вегетарианские столовые, столовую в центре города, давая здоровую, дешевую и вкусную пищу, которая привлекала бы и не вегетарианцев, как в США.

III. Даже многие вегетарианцы в России не знают о существовании «Общества» и о «Вегетарианском вестнике». Поэтому важно, чтобы сведения о вегетарианстве проникали в общую и медицинскую печать. Надо писать правду и ничего, кроме правды. Неудач не нужно скрывать.

IV. Существуют другие общества и учреждения, имеющие целью коренные реформы человеческой жизни, например, движение против злоупотребления крепкими напитками. Правительственные учреждения, к сожалению, рекомендуют только воздержание от опьянения, не вооружаясь против умеренного употребления даже водки. Сближение с подобными обществами и учреждениями очень полезно. Людям, стоящим в их главе, нужно посылать вегетарианские издания. Движение в пользу т. н. *природных способов лечения*, в России еще очень новое, нужно поддержать, а если в их санаториях есть хороший вегетарианский стол, то это полезно особенно для начинающих вегетарианцев.

V. Большинство членов СПб. ВО-ва и вообще вегетарианцев — люди уже не молодые. Поэтому очень важно привлечение молодежи и детей к вегетарианскому образу жизни.

Есть три категории:

- 1) Молодые вегетарианцы по убеждению;
- 2) Сильные, здоровые, молодые люди, занимающиеся разными спортами и играми;
- 3) Люди, с детства не евшие мяса.

Вегетарианство по убеждению существует среди молодежи по крайней мере с [18]70-х годов. Многие связывают это явление исключительно с именем гр. Л. Н. Толстого, но это несправедливо. Вегетарианцы среди молодежи были и в 70-х годах [см. об обществе «Ни рыба, ни мясо» ниже. — П. Б.], когда граф Толстой еще не был вегетарианцем, затем и позже можно указать, например, на Влад. С. Соловьева, которого уже

никто не назовет последователем гр. А. Н. Толстого. Кажется, теперь менее вегетарианцев по убеждению, чем прежде, между молодежью, но и теперь они есть. Так, — говорит Воейков, — совершенно случайно я узнал о следующих двух фактах: некоторые из слушательниц здешних высших женских курсов заявили заведующей столовой О. К. Нечаевой, что они вегетарианки. Они получают неубойную пищу по очень дешевой цене. Затем некоторые кадеты Орловского кадетского корпуса просили директора об отпуске им безубойной пищи и получили ее. Очень важно, чтобы такие порывы молодежи встречали поддержку со стороны старших (Подстрочное примечание: Вообще, помимо принципиального вегетарианства уже из одной экономии безубойная пища должна бы найти широкое применение в столовых высших учебных заведений).

Та часть молодежи, которая занимается спортом, могла бы перейти к безубойному способу питания. При разумном вегетарианском питании нет надобности подвергаться особой тренировке перед состязаниями, т. е. не нужно изменять пищи для высоких спортивных достижений.

Затем — вопрос о воспитании детей. Бездетные вегетарианские родители могли бы помочь детским дачным колониям. При этом здесь надо пользоваться хорошей, особенно молочной пищей. Вегетарианцы, давая свой труд и деньги на такие учреждения, должны требовать, чтобы приюты были в деревне, а питание — безубойное.

Воспитывая детей-вегетарианцев в той нравственной и физической чистоте, которая требуется нашими идеалами, мы приближаемся к мечте одного из лучших людей XVIII ст. Бецкого — *создать новую породу людей*¹².

Специфика отношения Воейкова к вегетарианству обнаруживается уже в этой программе: с одной стороны, он стремится к очень далеким целям, напоминая о стараниях Ивана Бецкого, знаменитого реформатора воспитания XVIII века (1704—1795), с другой стороны, он берется за решение проблем с научной трезвостью.

1 и 26 ноября 1904 г. Воейков выступил с докладом «Географическое распределение главных способов питания человечества»¹³. Его тезисы гласили: 1) Ввиду того, что мясной пищи на десятину земли получает гораздо менее, чем растительной, то вследствие прироста народоселения Европы и Америки необходимо будет перейти на растительную пищу по примеру Индии, Китая, Японии и о. Явы, население которых не только прокармливается своими растительными продуктами, но даже и вывозит их; 2) Прекращение убойной пищи можно ждать от двух умственных движений:

а) Сознания несправедливости убийства животных для пищи и

б) Сознания вреда убойной пищи.

Нынешнее вегетарианство, возникшее в странах усиленного убойного питания — в Англии и Соединенных Штатах — проникнуто обеими идеями, кто больше склоняется к одной, кто к другой. Торжество их должно привести к большому и многостороннему улучшению человечества.

В «Вегетарианском вестнике» (1904 г., № 11, стлб. 38) Воейков рецензировал немецкое издание книги Бирхер-Беннера «Grundzüge der Ernährungstherapie auf Grund der Energie-Spannung der Nahrung» (Berlin, 1903), затем и работы д-ра Хэйга (Haig), а также книгу «Моя гигиена» Л. Л. Толстого; в 1914 г. он опубликовал в «Вегетарианском обозрении» рецензию на русское издание книги Бирхер-Беннера «Основы лечения питанием на началах энергетики». Сам Бирхер-Беннер написал отдельное предисловие к русскому изданию¹⁴.

В 1909 г. Воейков опубликовал в *ВО* статью «Будущее питание человека»¹⁵, в которой он отзывается о теориях французского химика Бертло (Berthelot, 1827—1907), предсказавшего будущее питание человечества пилюлями и прекращение сельского хозяйства. Воейков считает производство такой искусственной пищи осуществимым, но ставит под сомнение его выгодность. Кроме того, он требует развития растениеводства, особенно тех растений, которые дают жир и масло (кокосовое масло, ореховое масло: мягкие масла из миндаля, грецких и лесных орехов) и в известной степени могут заменить молоко [Традиционным русским постным маслом было главным образом конопляное и льняное. — *П. Б.*]. Согласно Воейкову, требуется усовершенствование самих этих растений и способов их производства. Даже и младенцам не нужно никакое животное молоко, кроме материнского, — это, по мнению Воейкова, доказывают 400 миллионов китайцев и японцев. Но все-таки Воейков заступает за коровье молоко как продукт питания и жалеет о том, что в России не хватает того, что сегодня называют инфраструктурой: транспортное дело, перевозка молока в города пока плохо устроены, в отличие от Западной Европы¹⁶.

В 1913 г. в статье, озаглавленной «Нужно ли щадить всякую жизнь?»¹⁷, Воейков высказал свое мнение по вопросам: 1) Допустимо ли Буддийское уважение ко всякой жизни, боязнь

даже невзначай раздавить комара? и 2) Почему это уважение к жизни применяется только по отношению к животным, а не к растительному царству?

Второй вопрос с полным правом ставится довольно часто. Как мы видели, С. А. Толстая говорила, что ей больше жаль срубить дерево, чем убить букашку (ср. выше с. 127). И поэты тоже знали, что человеку подобает жалеть всякую тварь, включая растения — несмотря на то, что у животных можно предполагать более высокую степень сознательности и ощущения боли. Например, Алексей Константинович Толстой в прекрасном стихотворении «Мои колокольчики» (1840-х гг.) сожалеет о том, что его конь копытом топчет цветы, просит их, чтобы его не прокляли¹⁸. Сергею Есенину жаль в стихотворении «Песнь о хлебе» (1921), что сохранение собственной жизни предполагает уничтожение другой. Серп, движимый рукою человека, режет колосья, как под горло режут лебедей¹⁹. У символиста Александра Михайловича Добролюбова (1876—1945?), чья лирика свидетельствует о глубоком благоговении перед растительным и животным царствами, срубленная береза, которую принесли «в жертву богу неведомому», поет захватывающую «Жалобу березки под Троицын день»²⁰.

Глубокий смысл этого сострадания к растительному царству, должно быть, не был чужд Воейкову. Но его ответы на два вопроса, поставленные в начале статьи, показывают, что среди русских вегетарианцев, при всей своей вере в будущее, он занимает умеренно-прагматическую позицию:

1. Есть иерархия жизни, и высшее звено ее — человек. Он должен защищаться от врагов, нападающих на него, от медведей, кабанов, носорогов, обезьян. Но охота, некогда бывшая самозащитой, по мере успехов цивилизации превращается в злую забаву; охота на зайцев нужна, но она запрещается в течение нескольких месяцев в году в интересах охотников, против интересов сельского хозяйства. Какая разница между охотой на хищных животных в старые времена и нынешними охотами — бойнями, где животные содержатся в оградах, прикармливаются, а затем истребляются тысячами!

2. Воейков обращает внимание на различие между убийством животных и питанием убойной. Оно очень велико: но на него не обращено достаточно внимания в вегетарианской литературе. Калмыкам, ревностным буддистам, запрещено есть мясо убитых животных, но они едят падаль. В Бирме рыбаки ловят рыбу, но сами не убивают ее, а оставляют ее умирать на

берегу и не считают себя виноватыми — они не сами ее убили. Другие жители презирают рыбаков, но покупают и едят рыбу. Человек имеет право самообороны против маленьких вредителей вроде насекомых, но нужно помешать их зарождению — наука этим уже занимается. Лучше не давать возникать жизни, вредной для человека, чем уничтожить уже возникшую жизнь. В хирургии принцип антисептики все более заменяется асептикой. Все это противоречит строгому буддийскому уважению ко всякой жизни. Это буддийское воззрение о несопротивлении злу, к сожалению, проникло и в вегетарианскую среду, и «наш великий старец, Л. Н. Толстой, очень способствовал ее распространению». Но строго следуя этому правилу, мы дойдем, — говорит Воейков, — до абсурда, и буддийское уважение ко всякой жизни — явление в высшей степени некультурное и вредное.

Если человек не имеет другой пищи, кроме убойной, он имеет полное право ею питаться. Таковы, например, условия чукчей и эскимосов. В других странах растительная пища здоровее и дешевле.

Человеку в недалеком будущем придется отказаться от молока, яиц и мяса млекопитающих и птиц, потому что эта пища дорогая и становится все более дороже по отношению к растительной по мере успехов сельского хозяйства. Пока, — суммирует Воейков, — успехи животноводства были гораздо быстрее растениеводства; к последнему лишь недавно стали прилагать научные приемы; в близком будущем можно ожидать огромных успехов, которые скажутся удешевлением растительной пищи. Когда мясо млекопитающих потеряет свое нынешнее значение ввиду дороговизны, рыба еще надолго даст дешевую пищу — океаны велики, а рыба хорошо оплачивает корм, т. е. большая часть съеденного на прирост ее тела. Это дает возможность получать дешевую рыбу посредством рыбоводства.

Многие вегетарианцы возражают против ношения кожаной обуви, а также мехов. Толстой в последние годы своей жизни очень интересовался безубойными шубами. Замена кожаной обуви в опробовании, но пока не привилась.

Воейков полагается на технический прогресс и гигиену, т. е. учение о здоровье и питании. Предубеждения против него якобы исчезнут. «Я уверен, что в недалеком будущем человек не станет потреблять молока животных», но, к примеру, эмульсии орехов. Разные растительные продукты (например кислая капуста, квас и соленые огурцы) в состоянии доставить необходимую телу молочную кислоту²¹.

В 1910 г. в «Журнале русского общества охранения народного здоровья» Воейков опубликовал статью «Пища человека,

ее влияние на выносливость и способность к работе и зависимость от климата»²². Эта работа, объемом в 2 печатных листа, приводится в библиографиях, но из заголовка не видно, что это убежденное научное выступление в защиту вегетарианского режима питания. И в посмертном сборнике Российской Академии наук «Памяти А. И. Воейкова» (1916) тоже говорится лишь о том, что ученый в этой статье с успехом разрабатывал «вопросы питания»²³. Только в одной из статей этого сборника, написанной И. Клингеном, подчеркивается, что этот этюд Воейкова опирается на точные и продолжительные научные работы самых выдающихся специалистов по питанию. Она, по Клингену, заключает в себе выводы самого высокого интереса, как с точки зрения общественной экономии, так и непосредственно для будущего сельского хозяйства, так что он не может о ней умолчать [!], также как и о статье Воейкова «Об опьяняющих напитках, их свойствах и географическом распространении». Свод Клингеном тезисов Воейкова в статье о питании гласит:

Многочисленными, солидно подкрепленными аргументами наш автор доказывает:

1) Классическая норма Фойта²⁴ в 118 граммов белка не выдерживает критики и должна быть забыта.

2) Достаточно, если в норме пищи будет до 40 граммов, то есть, почти в 3 раза менее.

3) Отсюда вытекает возможность сильного удешевления пищи, так как белок, особенно животный, оплачивается очень дорого.

4) Самая дорогая пища — мясо, копченая жирная рыба, вообще животная пища, в то же время, самая вредная, так как содержит в продуктах распада яды, отравляющие медленно, но верно любой организм, особенно в пожилом возрасте.

5) Вегетарианцы из числа спортсменов, солдат, рабочих, при самых продолжительных и массовых испытаниях (войска), развивали гораздо большую выносливость, чем мясоеды и т. д.

Если это, говорит Клинген, «подтвердится окончательно дальнейшими массовыми опытами, то я в качестве агронома свидетельствую, что тогда мы станем лицом к лицу со следующими положениями:

1) Перевода энергию, заключающуюся в растениях, в животное и затем поедая его, мы за большие деньги растрачиваем непосредственно энергию при соответствующем переходе.

2) Откорм и питание животных на пастбищах совершается при условиях, в высокой степени неэкономных, и по существу, и по количеству затрачиваемых для этого материалов.

3) В нечерноземной полосе содержание мясного и гулевого скота (не говоря пока о молочном) оправдывается до сих пор необходимостью копить навоз для получения азота, причем, даже при отличном хранении, потеря азота все же значительна.

4) Если мясная пища вредна и дорога, то человечество скоро придет к сознанию необходимости свести разведение скота до минимума потребного в хозяйстве рабочего и молочного скота. Первому угрожает огромная эволюция в области распространения в хозяйстве механических рабов в виде машин. Второму, пока, правда, в слабой степени — конкуренция молока из орехов (миндаль и пр.).

5) Соответствующее сокращение скота должно быть заменено зеленым удобрением и возделыванием вообще азотособирающих растений, главным образом, бобовых.

6) Последние нуждаются, для гарантии в урожае, в перекрестном опылении насекомых.

7) Так как диких оплодотворителей вообще мало, они ненадежны, то необходимо прибегнуть к систематическому разведению наиболее подходящей для этого домашней пчелы соответствующих пород в весьма крупных размерах.

8) Отсюда значение пчеловодства вырастает в грандиозных размерах, а сама система хозяйства становится тем, что я называю «пчелопольным хозяйством» (...)

10) Если вегетарианство, хотя в умеренной форме, восторжествует, то ясно, какой переворот оно произведет в сельском хозяйстве, садоводстве и огородничестве.

Сочинитель этой памятной речи, профессор-агроном Иван Николаевич Клинген, сам числился членом-соревнователем *ВО-во СПб.*²⁵. С декабря 1904 г. он принимал участие в издании «Вегетарианского вестника» до тех пор, пока журнал не перестал выходить...

2. Вегетарианские общества

В Западной Европе первое объединение вегетарианцев возникло в сентябре 1847 г., когда в Англии было основано «The Vegetarian Society», которое уже к концу первого года существования насчитывало 478 членов. Это общество провело первое свое годовое собрание в Манчестере в 1848 г.¹; в 1853 г. в нем состояло 889 членов. В 1867 г. в Германии пастор Эдуард Бальцер основал в Нордгаузене «Verein von Freunden der natürlichen Lebensweise» («Союз друзей природного образа жизни»), а в 1868 г. Густав фон Струве основал в Штуттгарте «Die vegetarische Gesellschaft». Эти два самых значительных общества Германии объединились в 1892 г. в сверхрегиональное общество. Таким образом возник «Der Deutsche Vegetarier-Bund». Французское вегетарианское общество было основано в 1899 г.², датское — в 1896 г., шведское — в 1903 г., норвежское — в 1930 г.³ Однако Всероссийского вегетарианского общества, по разным причинам, не существует и по сегодняшний день.

«Ни рыба, ни мясо»

Датой первого объединения русских вегетарианцев обыкновенно считается 1 декабря 1901 г. Тогда было основано «С.-Петербургское вегетарианское общество» (СПб. ВО-во). Но это общество, очевидно, имело предшественника. Об этом сообщает Ю. О. Якубовский (1857—1929), знакомый с Толстым с 1886 г. и состоящий с ним, как и с Лесковым⁴, в переписке. «Радостно видеть, — писал ему Толстой 3 сентября 1892 г., — что вегетарьянство, как часть только или скорее прак(ический) вывод из учения Хр(иста), все больше и больше распространяется»⁵.

В опубликованном летом 1910 г. некрологе Якубовского памяти Константина Моэс-Оскараелло, польского врача и ревностного вегетарианца (1850—1910), автора книги «Przyrodzone pokarmy człowieka i wpływ ich na dolę ludzką» (Варшава, 1888⁶, русск. пер.: «Природная пища человека». М.: Посредник, 1896), можно прочесть: «В 80-х годах в Петербурге, приблизительно в 1888—1889 гг. особенно усердно заговорили о вегетарианстве. Русская вегетарианская литература состояла тогда из одной только брошюрки профессора А. Бе-

кетова “Питание человека в его настоящем и будущем”. Приблизительно в это время в Петербурге праздновало 25-летие своего существования первое русское общество вегетарианцев, которое в шутку называли “Ни рыба ни мясо”⁷. Лично меня вопрос о вегетарианстве интересовал еще с детства, и мне хотелось познакомиться с литературой этого вопроса». Таким образом, это первое, скорее частное объединение вегетарианцев возникло, очевидно, уже в середине 1860-х гг. Вслед за ним, в феврале 1896 г., в Москве состоялось «собрание у Моода» (ср. ниже с. 270)⁸.

Петербург

Первым официально учрежденным обществом, имевшим влияние на общественность, являлось *СПб. ВО-во*. Оно возникло при активном содействии ряда врачей (в том числе А. П. Зеленкова и А. И. Бургера) и профессоров (среди них А. И. Воейков). Это общество имело ярко выраженный научный характер. Его деятельность документирована прежде всего обстоятельными печатными отчетами, содержащими и списки членов⁹. Общество издало библиографию вегетарианской литературы, основало вегетарианскую библиотеку и выработало устав, который был подтвержден Министерством внутренних дел 21 октября 1901 г. Впоследствии этот устав был положен в основу практически всех местных вегетарианских обществ, основанных в России до Октябрьской революции¹⁰. Он был опубликован впервые в выходившем тоже в Петербурге в течение полутора лет (1904—1905) «Вегетарианском вестнике»¹¹.

Царские власти взяли с общества строгие обязательства: В § 1 в двух добавочных «примечаниях» оговаривалось, что при чтении лекций и при устройстве клубов или общественных собраний требуется разрешение надлежащей власти. В § 2 говорится, что «Общество распространяет свое действие на г. С.-Петербург. Для образования отделений в других городах Обществу надлежит испрашивать каждый раз особое разрешение». § 40 гласит: «Если бы, независимо от предоставленного Градоначальнику по закону <...> права закрывать общественные собрания при обнаружении в них чего-либо противного государственному порядку и общественным безопасности и нравственности, С.-Петербургский Градоначальник

признал необходимым закрыть Общество по другим причинам, то он представляет об этом на усмотрение Министерству внутренних дел».

По свидетельству Киевского ВВ за 1914 г. (№ 1, с. 2), в период до Первой мировой войны *СПб. ВО-во* проводило хорошую «идейную работу», организовав ряд докладов на тему «вегетарианства» и тем самым способствуя распространению вегетарианского учения. Менее успешной была «практическая деятельность» общества; в частности, обществу удалось открыть собственную столовую, общедоступную для всех слоев населения, относительно поздно, в августе 1912 г., несмотря на то что уже в 1903 г. О. Зеленкова требовала учреждения вегетарианской столовой, предназначенной для менее состоятельных слоев населения. И. Перпер был прав, в 1911 г. выражая свое удивление по поводу плачевной ситуации в Петербурге и сравнивая ее с блестящим материальным положением вегетарианских столовых в Москве и Киеве: «СПб. Вегетари. Обществу нечего страшиться убытков и потерь. В городе, в котором имеется около двух миллионов жителей и десятки тысяч учащейся молодежи высших учебных заведений — общественная, хорошо руководимая вегетарианская столовая должна процветать»¹². Тем не менее опасались потерь: летом 1911 г. председатель совета *СПб. ВО-ва* профессор Воейков обратился к И. Е. Репину: «Совет С.ПБГ. Вегетарианского Общества, озабочиваясь изысканием средств на покрытие расходов (предварительных), связанных с проектируемым открытием осенью 1911 г. Общественной Вегетарианской Столовой в ПБ. (...) обращается к Вам с покорнейшей просьбой, не желаете ли Вы (...) прийти обществу на помощь (...) хотя бы изъявлением согласия гарантировать уплату известной суммы на случай, если бы начинание Общества потерпело бы почему либо неудачу (...) Вместе с тем Общество обращается к Вам с просьбой, не отказать переговорить с Г-жей Н. Б. Нордман-Северовой, не согласится ли она прочесть в Обществе доклад о травяных бульонах и питании сеном или что-либо из кулинарной области, по ее избранию...»¹³

Число членов *СПб. ВО-ва* сильно колебалось; это было связано с тем, что числились членами только те, кто платил годовой взнос, который был довольно высоким — он составлял три рубля. Так как в научных исследованиях нередко давались неточные сведения о членстве¹⁴, то я привожу циф-

ры (поскольку они мне доступны)¹⁵ на начало каждого года: 1903 г. — 94 члена, 1904 г. — 125, 1905 г. — 157, 1906 г. — 174, 1909 г. — 158, 1910 г. — 44, 1912 г. — 42, 1913 г. — 55, 1914 г. — 51, 1915 г. — 90, 1916 г. — 116. Как можно убедиться, число членов было невелико. При этом следует иметь в виду, что, как правило, число вегетарианцев повсюду многократно превышает количество тех, кто вступает в вегетарианские организации. «Совету известно немало вегетарианцев, которые, к сожалению, по каким-либо причинам до сих пор не примкнули к нашему обществу», — говорилось в «Отчете за 1902 г.», первый год существования *СПб. ВО-ва*. Сравним с Германией: в 1900 г., согласно адресным книгам, к которым обратилась Е. Барлэзиус, насчитывалось 1213 членов, в 1904 г. — 1468, а в 1905 г. — 1395; «в среднем в адресных книгах числилось только от 1000 до 1500 человек, в то же время иные издания по вопросам вегетарианства достигли тиража 30 000 экземпляров. (...) Большинство вегетарианцев отказывались от крепкой институциональной привязанности и предпочитали более свободную связь с обществом»¹⁶. Во Франции, в 1912 г., проживало всего 1618 зарегистрированных вегетарианцев, в Италии, в 1906 г., их было — 56 и все еще только 157 — в 1913 г.¹⁷ Даже в 1994 г. немецкое общество вегетарианцев «Союз за возобновление жизни» насчитывало от 3000 до 4000 зарегистрированных членов, а число вегетарианцев в 1995 г. равнялось 2,9 млн, по данным Европейского Вегетарианского Союза¹⁸. В Швейцарии в рамках «опроса по мясу», проведенного в июне 2001 г., 3% опрошенных заявили, что вообще не едят мяса; из этого следует, что приблизительно 200 000 швейцарцев живут по-вегетариански.

Председателем *СПб. ВО-ва* после врача А. П. Зеленкова стал В. А. Долячко († 1912), будущий издатель «Вегетарианского вестника». Третьим председателем в течение долгих лет являлся климатолог А. И. Воейков (1904—1908, 1910—1912, 1914—1916). Он вновь предоставил себя в распоряжение также в 1913 г., когда Общество переживало глубокий кризис: Избранный 4 апреля 1913 г. председателем Н. П. Евстифеев самовольно выделил деньги Общества на ресторан, который он открыл на Невском проспекте, 110. 10 октября ему пришлось оставить должность, а 9 ноября его заместителем стал А. И. Воейков. Скандал вызвал громкий отклик в печати, в целом мало интересовавшейся проблемами вегетарианцев.

Москва

16 февраля 1896 г. в Москве, по случаю открытия частной вегетарианской столовой, состоялось «Собрание у Моода». Оно считается началом вегетарианской организации в старой столице. На собрании присутствовали: англичане господин и г-жа Моод¹⁹, Татьяна Львовна [Толстая], Е. И. Попов²⁰, В. П. Быков²¹, П. И. Бирюков и еще четыре лица. Было постановлено, что главными принципами вегетарианства следует считать его нравственные основания и что предполагаемая к открытию вегетарианская столовая должна будет служить не только удовлетворению пищевых потребностей, но и быть центром объединения вегетарианцев и распространения вегетарианства. Было решено искать «особое, самостоятельное помещение», был составлен финансовый план²².

Имели место дальнейшие попытки открыть частные столовые; в 1904 г. их было уже четыре²³. Кроме того, в этом же году московские вегетарианцы обсуждали основание собственного вегетарианского общества в Москве²⁴, что удалось осуществить лишь пять лет спустя. Московские вегетарианцы переняли устав *СПб. ВО-ва*, существующего уже с конца 1901 г. 28 февраля 1909 г. этот устав был утвержден московскими городскими властями, а 16 марта состоялось учредительное собрание в присутствии 26 лиц. Председательствовал И. И. Горбунов. Председателем общества был избран А. Зонов. Уже на следующем собрании была избрана особая комиссия для учреждения столовой — чего в Петербурге не могли реализовать годами (в ущерб делу). Открытие столовой в Москве состоялось уже 13 октября 1909 г. Предполагалось распространять практические знания о вегетарианских формах питания через «образцовое предприятие». В январе 1910 г. была открыта библиотека с читальным залом. Исполняя желание Л. Н. Толстого, учредили еще другую, «народную столовую». Основанная в конце 1909 г. столовая имела столь большой успех, что вскоре пришлось искать помещение побольше. Удалось приобрести дворец княгини Шаховской в Газетном переулке, недалеко от Кремля, между Большой Никитской и Тверской. Это была именно та столовая, которую с таким восхищением впоследствии опишет Репин и в которой Маяковский устроит известный скандал.

На момент основания общество насчитывало 32 члена, в конце 1909 г. — уже 166, а в конце 1910 г. — всего 128. Одной из причин уменьшения числа членов была, очевидно, как и в Петербурге, низкая платежная мораль, связанная с довольно высокими членскими взносами.

Немецкая публика узнала об основании Московского вегетарианского общества из сообщения (Ессентуки) неутомимой Женни Шульц в журнале «Vegetarische Warte» (Франкфурт-на-Майне). Женни Ивановна Шульц (род. 1855 в Шлохау, западная Пруссия), вместе с венгерским проф. В. Вейкселгертерном, основателем Венгерского вегетарианского общества (1896), открыла в том же году первую в Венгрии вегетарианскую столовую в Будапеште; в 1900 г. она прошла переподготовку, обучаясь «вегетарианской гастрономии» в Швейцарии, — в Цюрихе, Берне и Локарно, — а 2 февраля 1903 г. она открыла первую в Москве частную вегетарианскую столовую, просуществовавшую до 1906 г.²⁵ В своем репортаже для немецкого журнала «Vegetarische Warte», озаглавленном «Das vegetarische Russland», она, в целом правильно оценивая ситуацию, не без иронии замечает: «Вообще в русском народе есть еще много идеализма. Здесь смотрят на вегетарианство большею частью с идеальной стороны; гигиеническая сторона пока что мало известна. Таким образом, здесь, к сожалению, еще очень много медицинского суеверия [Medizinaberglaube], даже среди долголетних единомышленников, и особенно велика боязнь свежего воздуха. Это, между прочим, слабая сторона русских вообще»²⁶.

В январе 1910 г. Московское вегетарианское общество намеревалось выпускать собственный ежемесячный вегетарианский журнал, несмотря на то что на тот момент уже в течение года существовало киевское «Вегетарианское обозрение»; новый журнал должен был сперва называться «Природная жизнь», а затем — «Естественная жизнь и вегетарианство». Предусмотренный тираж составлял 1200 экземпляров. Рассчитывали на сотрудничество около 40 лиц, в частности Толстого, Воейкова и Наживина, однако впоследствии было решено ограничиться изданием альманаха, который появился под тем же заголовком в 1913 г.²⁷ Кроме того, МВО-во приглашало на открытые доклады, также литературные. Так, например, 13 января 1911 г. состоялся доклад С. Н. Дурылина «Вегетарианство в поэзии А. Добролюбова»²⁸.

В марте 1911 г. председателем Московского ВО-ва был избран П. И. Бирюков, будущий биограф Толстого.

Вскоре после основания *МВО-ва* Иосиф Перпер в докладе от 11 июля 1909 г. о положении вегетарианства указал на крайнюю необходимость как можно скорее создать Всероссийский вегетарианский союз²⁹. Если бы такой союз существовал, то неутверждение устава властями, как то случилось в Одессе в 1908 г., не смогло бы препятствовать официальному объединению вегетарианцев в отдельных городах.

Но вместо всероссийского объединения имел место раскол именно Московского ВО-ва. Известное число членов не было довольно «практической» направленностью общества, невзирая на то, что именно эта политика общества привела к большому успеху столовых; весной 1912 г. недовольные члены *МВО-ва* основали общество «Духовное пробуждение». Это общество имело целью развернуть свою деятельность по всей России на основе подчеркнуто этического вегетарианства; предусматривалось организовать для членов общества «Дружеские беседы» на религиозно-философские темы (искание истины), а также о вегетарианстве и связанных с ним вопросах (этика, эстетика и гигиена). Предполагалось собирать адреса всех в России вегетарианцев и сочувствующих вегетарианству лиц, подготовить к выпуску «Справочник вегетарианства» (карманный ежегодник) и выработать проект Всероссийского центрального вегетарианского справочного бюро. Общество требовало также установления связи с Международным союзом вегетарианцев.

Прежде всего, молодое объединение планировало проведение в Москве во время пасхальных каникул 1913 г. Первого Всероссийского вегетарианского съезда (см. с. 301—308). Подготовка этого съезда поглощала все силы, вследствие чего новое общество только в сентябре 1913 г. смогло начать собственную работу³⁰.

Основатели «Духовного пробуждения» проповедовали, что вегетарианство нельзя сводить лишь к лекарственной диете, надо очертить вегетарианство пограничной линией от всего, что не по праву пожелало бы носить имя этого нравственного учения. Или же отбросить слово «вегетарианство», если оно слишком истаскано, если под ним проводится слишком много чуждых взглядов. Во время «бесед», организованных зимой 1913/1914 гг., на которых присутствовали от 25 до

40 лиц, один из основателей общества (П. Гуров) подчеркнул, что этическое вегетарианство есть единение социально-этическое, обращенное против перевеса эволюции технической в современном прогрессе, как в экономике, так и в политике, и стремится к эволюции социальных чувств справедливости и гуманности. В своей среде оно будет культивировать «смягчение нравов», что само собой вытекает из признания этического вегетарианства. Пропагандировалась также идея создания «Вегетарианского дома», учреждения, в котором проводились бы дружеские вегетарианские собрания и организовывались бы лекции, курсы и съезды. По примеру английского фабианского общества (Fabian Society) предвиделось устраивать деловые курсы и съезды на дачах. Вопрос финансирования таких проектов оставался пока открытым...

Киев

Киевское вегетарианское общество было основано 30 марта 1908 г. как третье в царской России — после Петербурга (1901) и Варшавы (1903)³¹ — т. е. еще до основания обществ в Кишиневе (1908) и в Москве (1909). Первые проекты основания общества в Киеве имелись уже в 1903 г.³², а в «Киевских вестях» (№ 147) за 1907 г. было опубликовано воззвание к основанию общества и учреждению столовой. В 1909 г. Киевское общество пережило кризис из-за конфликта в его совете, приведшего к уходу основателей общества М. М. Пудавова и Е. Д. Кондратковской. Однако заметное оживление именно в это время произвело основание первой в Киеве общественной вегетарианской столовой. Ввиду того, что ежедневное число посетителей первой столовой уже вскоре достигло свыше 700 (в 1911 г. только в одной этой столовой выдавались 490 000 порций), в 1911 г. была открыта вторая общественная столовая³³.

Третья киевская общественная столовая появилась в 1914 г.³⁴ Еще в 1911 г. было основано «Киевское Вегетарианское Потребительское Общество», устав которого был официально утвержден. Между тем Киевскому ВО-ву было запрещено открыть вегетарианскую библиотеку и склад вегетарианской литературы... Только в 1912 г. было дано разрешение на открытие того и другого³⁵.

В годы до Первой мировой войны именно Киев был центром русского вегетарианства как по числу столовых, так и по другим видам деятельности. Если в 1909 г. имелось четыре или пять вегетарианских столовых, то в 1910 г. Иосиф Перпер смог сообщить Л. Н. Толстому, что к осени этого года в Киеве их было уже восемь (в самом конце 1910 г. — 10, а в 1911 г. — 12)³⁶, при этом самая большая выдавала ежедневно 600 обедов. Число дней отдыха для служащих столовых было повышено с 2-х до 4-х — мера, относительно передовая в тогдашнем социальном контексте.

Быстрый рост интереса к вегетарианскому образу жизни побудил Киевское вегетарианское общество провести 20 ноября 1912 г. анкету среди посетителей всех киевских вегетарианских столовых и как можно скорее опубликовать ее результаты³⁷. Из общего числа людей (1462), посетивших в этот день столовые, было возвращено 1392 листка, годных для разработки. Из отвечавших 398 (28,6 %) назвали себя вегетарианцами, 994 (71,4 %) — невегетарианцами. По критерию «национальность» вегетарианцы распределились следующим образом: 37,4 % — евреи, 31,4 % — русские, 9,8 % — украинцы и поляки — 8,3 %; по профессии 40,7 % вегетарианцев были учащиеся, 16,1 % — служащие в банках, конторах и т. п., 12,1 % — лица свободных профессий, 9,5 % — предприниматели (торговцы, подрядчики), 8,3 % — рабочие и приказчики (прислуга). Холостыми и «девицами» назвали себя 74,1 %. По возрастному критерию 74,1 % были моложе 30-ти лет. 80,4 % показали, что живут менее чем четыре года по-вегетариански. Мотивы вегетарианства распределились по одной трети на три группы: этическую, этически-гигиеническую и гигиеническую. Среди вегетарианцев — знакомых с вегетарианской литературой всего 42,2 %; среди невегетарианцев только 18,5 % читали вегетарианскую литературу.

В 1913 г. «Первую Киевскую [общественную] Вегетарианскую Столовую» посетили 233 077, а «Вторую» — 58 977 человек³⁸. Военное время принесло за собой рост посещаемости столовых в связи с трудным продовольственным положением. Вегетарианские столовые во всех городах были переполнены, вегетарианские поваренные книги раскуплены. Посещаемость только трех киевских общественных столовых в январе месяце 1915 г. составила 23 840; в январе 1916 г. —

28 392; в январе 1917 г. — 50 798³⁹, а в ноябре 1916 г. число посетителей достигло 53 215 человек⁴⁰.

История Киевского вегетарианского общества с 1908 по 1913 гг. документирована в брошюре Л. Кораблева, довольно подробно освещающей ряд вопросов: устав, издательскую деятельность, анкеты, принятие участия в съездах за границей и в Москве, работу столовых⁴¹. Л. Кораблев, несколько месяцев спустя ставший издателем второго «Вегетарианского вестника», указывает на то, что устав 1908 г. якобы недостаточно ясно определяет вегетарианство. В нем говорилось о «безубойном питании» и о «произведениях растительного царства», но вопрос о молочных продуктах и о яйцах оставался открытым. Кроме того, из брошюры можно узнать, что по предписанию киевского губернатора в июле 1910 г. пришлось исключить из числа членов Киевского вегетарианского общества студентов — они составляли тогда 25 % членов общества и в г. Киеве даже 60 %! И все же брошюру завершают слова: «Пусть же историк десятилетия скажет: “то, что составляло только мечту первого пятилетия, осуществилась во втором”. И это не желание только — история первого пятилетия дала результаты, далеко превзошедшие самые смелые мечты учредителей». Брошюра вышла в свет в военном 1914 году...

Одесса, Саратов, Полтава, Харьков

В Одессе первая вегетарианская столовая открылась уже в начале 1904 г. под управлением Е. А. Пудоненко. Предполагалось, что первое вегетарианское общество в Одессе будет основано в 1908 г., но тамошняя власть нашла неправильным какой-то параграф устава и общество не было утверждено, несмотря на то что устав был точной копией устава *СПб. ВО-ва*...⁴². Лишь весной 1912 г. была предпринята новая инициатива. По сообщению «Одесского листа» от 8 июня 1908 г., первое собрание «вновь возникшего в Одессе вегетарианского о-ва» состоялось в переполненном зале городского Кредитного общества в присутствии многих местных общественных деятелей. Записались в члены общества 270 человек; к концу года их число равнялось 266. Правда, градоначальник не разрешил членам устроить между собою подписку для сбора денег на открытие вегетарианской столовой⁴³. Год спустя одесское общество «на вечные времена» было переименовано

в «Общество имени д-ра А. А. Ясиновского», первого председателя, еврейского врача и поборца вегетарианства, скончавшегося в возрасте 48 лет; на этот раз градоначальник дал разрешение, необходимое для присвоения имени...⁴⁴. Открытие столовой Одесского вегетарианского общества состоялось 5 мая 1913; в 1914 г. число посетителей достигло 152 928⁴⁵. 4 декабря 1914 г. был утвержден новый устав с некоторыми изменениями по отношению к уставу *СПб. ВО-ва*; была учреждена хозяйственная и культурно-просветительная комиссия⁴⁶. Председатель общества С. Г. Повес заявил, что требуется «атмосфера приязни и сочувствия, вне каковых условий всякая общественная работа обречена на бесплодие». К 1 января 1915 г. Одесское ВО-во имело 151 члена. Был опубликован отчет за 1914 г. объемом в 7 печатных листов.

22 октября 1910 г. в Саратове было основано «Вегетарианское Общество», в состав которого входили около 40 человек. Поскольку столовая в силу разных обстоятельств долго не могла быть учреждена, на первый план были выдвинуты теоретические проблемы: в течение 2-х лет было прочитано 19 докладов. Весной 1912 г. правление саратовского ВО-ва взяло на себя инициативу завязать в целях объединения контакты со всеми вегетарианскими обществами в России⁴⁷. Летом 1915 г. в Саратовском ВО-ве возникли серьезные разногласия. Некий кандидат на членство не был принят в общество, так как один из его членов, на основании сведений, полученных путем частных справок, заявил, что желающий вступить в общество (действительным членом) не исполняет обязательства не есть мяса. На общем собрании от 6 июня того же года выяснилось, что такие случаи имели место не раз. По этой причине был поставлен на баллотировку вопрос о совместимости подобных справок с общественной этикой. Большинством (14 голосов против 10) собрание высказалось против допустимости подобных справок. Тем не менее, после этого инцидента 9 членов, противников частных справок, вышли из состава общества.

Местные газеты, в отличие от прессы в Одессе, Киеве и других городах, никогда не удостоивавшие вегетарианцев своим вниманием, узнали о разногласиях и сейчас же стали об этом трубить. В «Саратовском вестнике» в течение нескольких недель появлялись обличительные, издевательские статьи в стихах и в прозе.

Например, 14 июня 1915 г. (№ 128) под заголовком «Дневник вегетарианца» были напечатаны следующие стихи:

1 марта
Да, убивать — великий грех,
Я не зулус, не африканец,
Животных возлюбил я всех.
Я, словом, — вегетарианец!
Я — человек! Не оскверню
Желудок мой убойным мясом,
Заменят прежнее меню —
Капуста, сено, редька с квасом;
Труха, картофельный салат
И прочие деликатесы...
Вот это жизнь! Вот интересы!
Вступаю в Общество... Виват!

5 Апреля
Прошение подал я вчера.
И взнос, положенный для члена.
Сегодня в два, иль три утра
Пришли два странных джентльмена.
Прислуге учинив допрос,
Весь дом вверх дном перевернули,
Лизали сковороду, кастрюли,
И в противень совали нос...
Нигде мясного не нашли,
Но все ж, решив, что пахнет салом,
И крупным пригрозив скандалом,
С доносом в Общество пошли.

Еще четыре строфы повествуют о судьбе автора дневника вплоть до 16 июня. Рассказчик сообщает о нарушении мира в семье, его жена впадает в истерику и хочет развестись, тем более после того, как у нее появилась растрепанная дама, «кричала про какой-то идеал, грозила перед всеми обнажиться» — насмешка над нудизмом, а может быть даже отголосок марша протеста канадских духоборцев на Виннипег...⁴⁸

Успехи Саратовского вегетарианского общества за 1914 г. документированы в печатном отчете, оставшемся мне недоступным⁴⁹.

В Полтаве растущий интерес к вегетарианству привел в 1911 г. к тому, что в газетах стало появляться множество статей на вегетарианские темы. 5 ноября 1911 г. в зале купеческого клуба И. О. Перпер прочел лекцию на тему «Вегетарианство и его значение». Указав на древнее происхождение

идеи вегетарианства, он подчеркнул, что эта идея может уживаться с самыми разнообразными общественными и научными понятиями, что вегетарианцы не призывают к идейной узости. На этом месте лектор был остановлен представителем полиции, заявившим, что сказанное не относится к программе. Лектор получил первое предостережение. А когда он заявил, что его слова имеют тесную связь со всей программой, полицейский чиновник попросил не критиковать его действий⁵⁰. Во время своего доклада И. Перпер призвал присутствующих основать ВО-во и открыть столовую. Торжественное открытие столовой праздновалось в начале 1912 г., а в октябре того же года ВО-во Полтавы провело первое общее собрание. Речь при открытии, прочитанная М. С. Дудченко, была напечатана в газете «Полтавская речь», а затем и в «Вегетарианском обозрении»⁵¹. В начале 1914 г. Полтавское ВО-во, согласно отчету за 1913 г., имело 63 члена. Число посетителей полтавской общественной столовой в этом году достигло 47 000⁵².

К концу 1916 г. ВО-во Полтавы обратилось к посетителям столовой с анкетой, — впоследствии напечатанной в *ВВ* 1917 г., — на предмет желательности упрощения пищи. Отдельные результаты не публиковались, но председатель ВО-ва М. Дудченко в газете «Полтавский день» сообщал, что предполагалось, в ущерб, может быть, коммерческому расчету, отказаться от «излишней вычурности в пище», заведенной по примеру других (не вегетарианских) столовых, а также по воскресеньям сократить меню приблизительно до трех блюд для разгрузки служащих, работавших на кухне в каторжных условиях с 6 часов утра до 5 часов вечера⁵³.

Открытие ВО-ва в Харькове планировалось в 1912 г. Там имелось известное число людей, живших в течение 25-ти лет по-вегетариански. Впрочем, среди крестьянского населения окрестности нашлось много вегетарианцев, особенно в Чугуеве, родном селе И. Е. Репина. В поселке Люботине жили толстовцы-вегетарианцы. 15 мая 1912 г. открылась первая вегетарианская столовая, а летом того же года — вторая⁵⁴.

Устав Харьковского ВО-ва был утвержден 11 февраля 1913 г. десятью членами. 17 марта состоялось общее собрание ВО-ва в Харькове с лекцией А. Л. Гурова «Наши задачи». Председателем был избран М. Г. Парик. Намечалось создание клуба. К концу 1914 г. ВО-во имело 37 членов, а в конце

1915 г. — 50. С 1914 г. председателем был профессор Харьковского университета Н. Ф. Белоусов.

Пожертвования сделали возможным основание первой общественной столовой, торжественно открытой 14 декабря 1914 г. Был отслужен молебен, священник произнес приветственное слово, указав, что идеи вегетарианства согласны с учением Христа. Харьковские газеты сообщали об открытии столовой. Желающих посетить столовую было так много, что не хватило обедов. Затем ежедневное число посетителей составляло от 100 до 160 человек. Газета «Южный край» печатала об этом обширные репортажи⁵⁵.

Другие города

Помимо семи названных больших городов в 1914 г. вегетарианские общества существовали и в других городах царской России:

Екатеринодар [Краснодар]. Устав этого общества был зарегистрирован 15 июня 1914 г. Совету было предоставлено право избирать Хозяйственную комиссию. Предусматривалась возможность получить пожизненное членство за взнос в 50 руб.⁵⁶

Екатеринослав [Днепропетровск]. Учредительное собрание состоялось 1 июня 1914 г. в присутствии 50 человек. Были прослушаны, а потом напечатаны в брошюрах доклады Е. О. Дымшица «Общественное значение вегетарианства» (29 июня) и председателя И. Я. Акинфиева «Вегетарианство с биологической точки зрения» (21 сентября)⁵⁷. ВО-во открыло столовую, субсидированную городом, где могли обедать семьи запасных. Число ежедневных посетителей достигло 300–400 человек; предусматривалось открытие первой общественной вегетарианской столовой. Общество издавало листовки с целью популяризации вегетарианских идей, между прочим, с известными строфами из Овидия: «Полно вам, людям, себя осквернять недозволенной пищей!»⁵⁸.

Кишинев. Здесь в 1908 г. открылась вегетарианская столовая, а в 1909 г. по инициативе И. Перпера, «с большим трудом», было основано вегетарианское общество⁵⁹. В чем состояли эти затруднения, видно из краткого сообщения, появившегося год спустя: «Кишинев. Бессарабским губернатором закрыто кишиневское вегет. общество»⁶⁰.

Минск. 7 мая 1911 г. местные вегетарианцы решили организовать вегетарианское общество. Было постановлено хлопотать перед администрацией об утверждении общества. Устав был утвержден и 26 сентября принят учредительным собра-

нием, 31 член нового общества обсуждали вопрос об открытии первой вегетарианской столовой⁶¹.

Ростов-на-Дону. В ноябре 1912 г. 40 человек основали «Ростовское-на-Дону Вегетарианское Общество». Решено было открыть вегетарианскую столовую, которая, однако, и в 1914 г. еще не существовала⁶².

Тюмень. В январе 1914 г. началось планирование вегетарианского общества. Были конфликты в частном коммерческом училище в Тюмени, по той причине, что детей-вегетарианцев там заставляли делать опыты препарирования живых существ (червей, лягушек и проч.)⁶³.

Вильна. ВО-во, основанное 17 мая 1910 г., в том же году открыло общественную вегетарианскую столовую⁶⁴. При ее открытии произошел крупный скандал, вызванный допущением азартных игр в клубе⁶⁵.

Житомир. Путем помещения статей в газетах удалось сплотить местную группу вегетарианцев, решившую образовать общество. Был представлен на утверждение устав; учредительное собрание состоялось 26 апреля 1915 г.; устраивались лекции в местной публичной библиотеке⁶⁶.

Поскольку Кишиневское ВО-во уже не существовало ввиду официального запрета, таким образом, к началу Первой мировой войны в царской России действовало 14 вегетарианских обществ⁶⁷.

3. Вегетарианские столовые

Первый Всероссийский вегетарианский съезд 1913 г. в Москве сопровождался соответствующей выставкой. В одном из помещений висела карта, которая должна была наглядно представить тогдашнюю ситуацию вегетарианства в России. Маленькими флажками на ней были обозначены места, где действовали вегетарианские столовые, вегетарианские санатории, сельскохозяйственные трудовые общины, а также места особенно оживленной издательской деятельности. По этой карте можно заключить, что наиболее широкое распространение вегетарианство получило на юго-западе царской империи; сеть вегетарианской деятельности была особенно густа западнее линии, соединяющей Петербург с Москвой, Харьковом, Полтавой и Одессой¹.

К сожалению, этой картой я не располагаю. Однако о распространении и судьбах вегетарианских столовых я постарался узнать из журналов, достаточно регулярно опубликовывавших выдержки протоколов собраний вегетарианских обществ, и других печатных источников².

О вегетарианских столовых речь уже шла в предыдущей главе, ведь в России их история особенно тесно связана с судьбами «вегетарианских обществ». Впрочем, были и вегетарианские рестораны, сегодня есть вегетарианские кафе и бистро.

Как сообщает И. Перпер, в 1904 г. во всей России насчитывалось не больше 10 вегетарианских столовых³. Десять лет спустя, к началу войны в 1914 г., по моему подсчету, в 37 городах имелось всего 73 вегетарианских столовых, а именно по одной — в городах Чита, Ессентуки, Геленджик, Ялта, Калуга, Кишинев, Кисловодск, Коканд, Липецк, Лодж, Минеральные воды, Минск, Николаев, Полтава (общественная столовая), Рига, Ростов-на-Дону, Самара, Семипалатинск, Ташкент, Тифлис, Тюмень, Тобольск, Томск, Тула, Умань, Вологда и Вильна; по двум — в Елизаветграде и Саратове (из них одна общественная); по трем — в Харькове (одна общественная), Екатеринославе и Гельсингфорсе; четыре — в Варшаве; шесть — в Одессе (две общественные); по семи — в Киеве (три общественные; в 1911 г. их было всего 12⁴) и в Москве (четыре общественные и одна «украинская»), девять — в Петербурге (одна общественная). Цифры менялись из года в год, не в последнюю очередь из-за того, что кроме столовых, при-

надлежавших обществам, имелось много частных заведений, не всегда фигурировавших в отчетах вегетарианских обществ. Уже в 1909 г. И. Перпер отмечал, что домашний вегетарианский обед можно было найти в любом русском городе⁵. В Германии в 1913 г. существовало 184 вегетарианских столовых или ресторанов, т. е. почти «лишь» вдвое больше, чем в России.

Число посетителей столовых, находившихся под управлением Московского вегетарианского общества, составляло:

1909.....	11 000
1910.....	72 000
1911.....	151 000
1912.....	340 000 ⁶
1913.....	560 831 ⁷
1914.....	642 870 ⁸

В военные месяцы с августа по декабрь 1914 г. прирост посетителей был слабее, что было связано с изменением состава населения (вынужденный отъезд многих, пленение немцев...). Тем не менее, ежедневная посещаемость одной только Центральной вегетарианской столовой МВО-ва достигала 1300 человек⁹. Представление об объеме оборота четырех столовых МВО-ва может дать тот факт, что к концу 1916 г. состав служащих в них колебался между 200 и 210¹⁰.

В 1911 г. Киевская общественная вегетарианская столовая снабдила 489 163 обедами 200 326 посетителей¹¹. В 1913 г. имевшиеся тогда две столовые ВО-ва посетили 291 954 человека (илл. 19). В ноябре 1916 г. в трех столовых, принадлежавших Киевскому ВО-ву, было выдано 53 215 обедов, а в январе 1917 г. — 50 798. Точные данные о количестве выдаваемых ежедневно вегетарианских обедах в Москве и в Одессе за 1914 г. вместе с экстраполяцией данных о пяти других городах (Киев, Екатеринослав, Петербург, Полтава, Харьков) показывают, что только для одиннадцати столовых, принадлежавших вегетарианским обществам, общее число посетителей составляло 1 581 000. В сравнении с положением на Западе, прежде всего в Англии и в Германии, это, конечно, немного. Между тем эта цифра показывает, что Россия (или царская империя) не была таким белым пятном, как это представляет информация, имеющаяся на сегодняшний день. Кроме того,

эта цифра в очередной раз доказывает, что Первая мировая война и Октябрьский переворот положили конец явлению, получившему столь быстрое распространение за пять предвоенных лет (перед 1914 г.).

4. Журналы

Осенью 1893 г. в петербургской «Неделе» (№ 46) была опубликована следующая заметка:

«Нас просят сообщить, что в Петербурге возникла мысль издавать вегетарианский листок, который в то же время служил бы органом и других общественных течений в русском обществе: трезвости, бережливости, воздержности от табаку и проч. Лицо, предполагающее взять на себя издание и редакторство листка, обращается к лицам, заинтересованным в успехе этого дела, с просьбою откликнуться для совместной работы в этом направлении». Внизу заметки указывался адрес некоего К. Н. Смирнова¹.

Константин Николаевич Смирнов, студент петербургской Военно-медицинской академии, сочувствовавший взглядам Л. Толстого, вместе с группой единомышленников решил издавать журнал под названием «Первая ступень». Л. Толстой письменно выразил готовность содействовать этому предприятию. Он приветствовал то, что центр тяжести полагался на этические задачи. Толстой предложил Смирнову сойтись с редакцией «Посредника», среди нее, — писал он, — Вы найдете людей (он назвал, между прочим, Е. И. Попова и П. И. Бирюкова), которые уже занимались этим делом (т. е. вопросами вегетарианства)².

Разрешение на основание журнала не было выдано, поскольку цензура из-за неосторожности писателя Д. В. Григоровича располагала подробными сведениями о темах, которым должен был посвятить себя журнал³. Впоследствии, однако, русская общественность смогла получать богатую информацию о вегетарианстве благодаря изданиям «Посредника».

Вегетарианский вестник (I)

Первый в России вегетарианский журнал, «Вегетарианский вестник» (в дальнейшем — *ВВ*), стал выходить только с января 1904 г.⁴ (илл. 20) — гораздо позже, чем в Западной Европе. Английский «Vegetarian Messenger», который, по всей вероятности, послужил образцом для названия *ВВ*, был основан в Манчестере уже в 1848 г.; в Германии с 1868 г. выходила «Vegetarische Warte» под редакцией Эдуарда Бальцера, а с 1881 г. и «Vegetarische Rundschau»⁵. Русский *ВВ* перестал

выходить уже через полтора года. Почему это случилось так рано, не мог сказать даже И. Перпер в своем некрологе памяти издателя Б. А. Долячко (1838—1912), знавший последнего лично. В 1916 г. П. И. Бирюков в своем докладе на «Вегетарианском социальном конгрессе на Монтеверита» в Швейцарии, очерчивая историю вегетарианства в России, заявил, что *ВВ* был запрещен цензурой («*Essai d'un organe Messenger Végétarien, prohibé par la censure*»)⁶. В самом деле, цензурное разрешение для предпоследнего выпуска (№ 5, май 1905 г.) было дано только 3 августа того года. Но, может быть, здесь играли роль личные мотивы и нужда в деньгах. Число объявлений в редакционной части журнала, сначала очень значительное, уже в конце первого года сильно сократилось.

В издании *ВВ* принимал участие ряд известных ученых: климатолог А. И. Воейков, состоявший в 1901 г. одним из членов-учредителей Петербургского вегетарианского общества, а позже в течение долгих лет его председателем⁷; а также другие профессора, среди них — химик Александр Васильевич Пель (род. 1859), князь Иван Романович Тарханов (1846—1908), член Академии Наук, и еще шесть докторов наук; а со второго выпуска в состав редколлегии вошел также скульптор князь Паоло Трубецкой.

Программа журнала предусматривала: 1) оригинальные статьи и научные сообщения по вопросам вегетарианства, а также переводы, рефераты и извлечения из зарубежных книг и журналов — по предмету разведения плодов, огородных овощей и приготовления из них консервов, по общим вопросам, касающимся сохранения здоровья, в связи с вегетарианским режимом; 2) рецепты, библиографию и критику, кроме того и сообщения о деятельности вегетарианских обществ в России и за границей (существовало тогда уже ВО-во в Варшаве, основанное в 1903 г., два года после Петербургского) (илл. 21). Стоит поближе рассмотреть отдельные из статей этого журнала, принять к сведению забытые, но частично и сегодня поразительно актуальные доводы тогдашних протажистов русского вегетарианства.

Программная статья издателя Б. А. Долячко («Наши задачи»⁸) знакомит с распространением вегетарианства в Западной Европе, в частности в Англии и Германии, а также в Америке; кроме того, она осведомляет читателя об основании вегетарианских обществ, об устройении вегетарианских сто-

ловых, лечебниц и приютов. Автор отклоняет мнение о том, что Россия — страна вегетарианская: «Наши сельчане действительно питаются преимущественно растительной пищей, но назвать их вегетарианцами нельзя, ибо вегетарианцы всецело исключают употребление убойной пищи, чего не делают первые». В праздники они все-таки употребляют мясо. Но русский сельский народ по обычному его питанию близок к вегетарианству. И также среди не принадлежащих «к какой-либо религиозной секте, отсутствием которых редкий наш деревенский уголок может похвалиться», есть немало верующих православных, которые являются вегетарианцами (такая фигура — Василиса из романа «Казус Кукоцкого» Л. Улицкой, 1998. — П. Б.). Б. А. Долячко приводит истории жизни русских крестьян, не едящих мяса по религиозным убеждениям. Он сообщает о людях из народа, которые вопреки царствующему мнению в течение десятилетий не понесли никакого вреда вегетарианским образом жизни; он приступает к изданию своего журнала «с полной верою в медицинскую науку — ближайшую нашу союзницу — и с полным уважением и доверием к представителями этой науки».

Журнал опубликовал ряд весьма интересных статей с продолжениями, среди них — исследование проф. Воейкова «Идет ли человечество к безубойному питанию или нет?»⁹ Несмотря на то что в настоящий момент, указывает Воейков, человечество переживает эпоху растущего потребления мяса (и алкоголя), автор убежден, что значение растительного питания повысится, прежде всего из-за прироста населения. Земной шар при растительной пище может питать по крайней мере 15 миллиардов людей вместо ныне живущих на нем менее 2-х миллиардов (в начале XXI столетия, как известно, число их равнялось 6-ти млрд. — П. Б.)¹⁰; «если б хоть четверть человечества потребляла столько мяса на жителя, сколько потребляют его жители Европы, Северной Америки и Австралии, то мяса давно бы не хватило». Воейков уверен, что растениеводство может со временем посредством технического прогресса удешевляться, в то время как животноводство станет дороже. Цены на мясо, правда, начиная с 1870-х годов, стали падать, но меньше, чем на хлеб (не мог Воейков предвидеть, что и мясopодукция еще значительно удешевится за счет рационализации и специализации, интенсивного (безвыгульного) содержания, фабрик животных, кормления

животных трупным фуражом (трупной мукой) и ввоза кормовой муки из стран «третьего мира». Рост потребления мяса, к сожалению, — говорит Воейков, — приветствуется и в России, потому что к «скотоедам» «принадлежит большинство врачей и физиологов, как в Западной Европе, так и у нас». Потребление мяса «пропагандируется химиками (например, Либихом), физиологами, гигиенистами, врачами. Как было не поверить таким авторитетным голосам!» Знаменитый физиолог Моле-шотт писал: «Алкоголь — сберегательная касса тканей» («Der Alkohol ist eine Sparkasse der Gewebe»), а пиво считалось «жидким хлебом бедняков». Радостно, по Воейкову, то, что на юге России и на Северном Кавказе развивается приготовление овощных консервов.

Далее, программный номер содержит статью под названием «Сущность вегетарианства», переведенную из «The Vegetarian and our Fellow Creatures» (Чикаго, 1903); в конце этого текста приводятся таблицы, долженствующие показать, что мясоед переполняет свой организм белками и жирами, а также ядовитыми отбросами животных тканей, «и потому природа, законы которой им нарушены, раньше или позже требует расплаты столь же неумолимо, как Шейлок требовал свой фунт мяса»¹¹. Надо иметь в виду, что эти строки были напечатаны тогда, когда в промышленных странах только началась утилизация трупов животных для корма и жвачных животных, когда получило распространение повсеместное кормление животных трупной мукой, когда никто еще не знал о коровьем бешенстве или болезни Кройтцфельда-Якоба и когда еще не было известно, что коровье бешенство может распространиться как эпидемия «только вследствие каннибальской практики кормления». До 1 декабря 2000 г. от этой болезни умерли 90 человек¹².

Еще одна статья в первом выпуске *ВВ* была посвящена острову Капри и положила, таким образом, начало традиции рассказов о южных краях в русских вегетарианских журналах; в дальнейшем не раз речь будет идти о тессинском *Monte Verità*.

В февральском номере 1904 г. был напечатан устав С.-Петербургского вегетарианского общества (*СПб. ВО-ва*) — первого в царской России, — утвержденный 21 октября 1901 г. Министерством внутренних дел. Кроме того, этот номер содержит статью проф. Тарханова «Мысли биолога о вегетариан-

низме»¹³; автор статьи, очевидно, сам был вегетарианцем¹⁴. В общем, во главе стоит, — говорит он, — этическая мотивация; но есть и медицинская. «Редакция Вегетарианского Вестника, насколько мне известно, преследует только одну цель: это — выяснить беспристрастно на почве научной сильные и слабые стороны вегетарианизма с точки зрения гуманитарной, биологической и врачебной»¹⁵.

И действительно, в сравнении с более поздними русскими вегетарианскими журналами религиозно-этическая мотивация в *ВВ* отступает на второй план. Издатели сознательно стремились быть как можно более беспристрастными и свободными от предрассудков. Тем не менее, они перепечатали из переведенного на русский язык бестселлера немецкого автора Ф. Э. Бильца «Новое естественное лечение» («Das neue Naturheilverfahren», первое нем. изд. 1888, общий тираж 1 млн.) сатирический рассказ «Ужасающий пример» — текст, высмеивающий предрассудки против вегетарианства: герой рассказа, противник вегетарианства, хочет доказать пагубность вегетарианского режима питания, выбрав самого себя объектом эксперимента. Но его попытка самоубийства терпит крах¹⁶.

В № 4—7 под заголовком «Вопрос о безубойном питании человека, решаемый с “христианской” точки зрения» печаталась публичная лекция Александра Александровича Бронзова, профессора Санкт-Петербургской Духовной академии. Эта статья своим доброжелательным отношением к вегетарианским устремлениям представляет собой резкий контраст критической оценке С. Розановым эссе Толстого «Первая ступень» (ср.: выше «Что говорит православная церковь?», с. 103—106). По вопросу о мясной пище А. А. Бронзов сперва прибегает к библейским ветхозаветным и новозаветным источникам, а далее к источникам по истории церкви — с шестого Вселенского Собора (691 г.) до «соборов поместных» и локальных, — а также ко мнению по этому вопросу Св. Отцов и учителей христианской церкви и подвижников вплоть до В. С. Соловьева¹⁷. Он подвергает критической оценке сначала те места, которые говорят в пользу потребления мяса: согласно Пятикнижию, человеку было разрешено потреблять «животную пищу» лишь после всемирного потопа (причем указывается известное число животных, мясом которых он не имеет права питаться: верблюд, заяц, свинья, коршун, страус, ле-

1 191

Die

Ernährung des Menschen

in der

Gegenwart und in der Zukunft.

Von

Professor **A. Beketoff**,
Rektor an der Universität in St. Petersburg.

Aus dem Russischen übersetzt

von

Ludwig Bauer.

des Berliner Vereins für

Volkerverständnis

1892

Rudolstadt.

Verlag von H. Hartung & Sohn.

1892.

Die erste Sprosse.

Von

Leo Tolstoj.

B i x 428



Deutsche Verlags-Anstalt.

Stuttgart, Leipzig, Berlin, Wien.

1893.

487 (Hb. Vllm.)

Katalog

2. (См. с. 100). Титульный лист немецкого перевода «Первой ступени» Л. Н. Толстого



5. (См. с. 185—186). Паоло Трубецкой «Divoratori di cadaveri» (около 1900)



6. (См. с. 185—186). Паоло Трубетцкой «Divoratori di cadaveri» (около 1900)



7. (См. с. 187). Глиняная статуэтка Паоло Трубецкого «Tolstoj a cavallo» (1909)



8. (См. с. 187). Паоло Трубецкой «Bambino con orso»



9. (См. с. 191). Паоло Трубецкой. Памятник царю Александру III (раньше перед Московским вокзалом в Санкт-Петербурге)



10. (См. с. 200). «Пенаты» в Куоккале



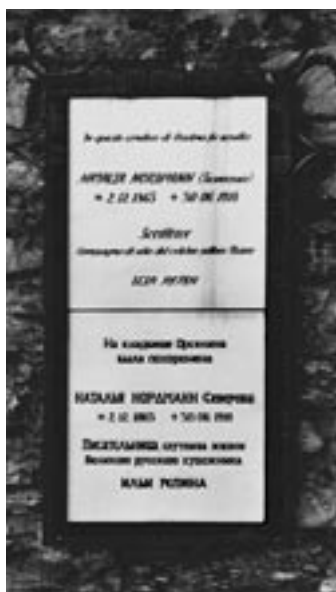
11. (См. с. 201). Толстой и Репин в Ясной Поляне (18 декабря 1908 г.)



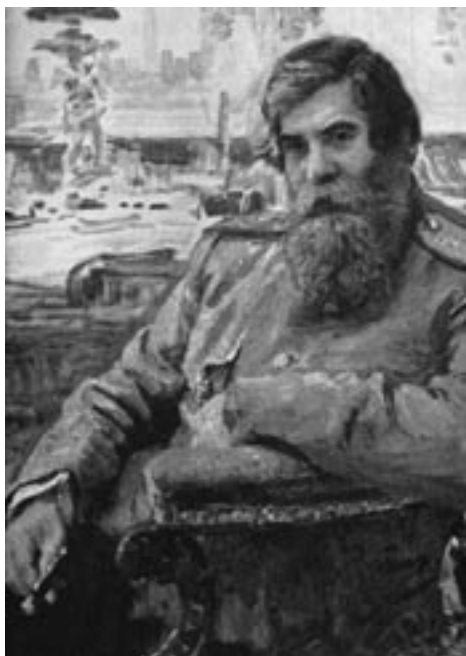
12. (См. с. 203). Московский вегетарианский ресторан в Газетном переулке, 12. Апрель 1913 г.



13. (См. стр. 00 и фото на переплете). Картина Репина «Н. Б. Нордман в тирольской шапочке», Целль-ам-Зее, 1900



14. (См. с. 211). Мемориальная плита, установленная для Н. Б. Нордман 26-го мая 1989 г. по инициативе барона Эдуарда Фальц-Фейна на кладбище села Орселино, близ Локарно



15. (См. с. 214). И. Е. Репин. Портрет В. М. Бехтерева



16. (См. с. 216). И. Е. Репин. Обложка книги Нордман «Интимные страницы» (СПб., 1910)



Домъ гр. Толстыхъ въ Ясной Полянѣ.

17. (См. с. 223) Ясная Поляна в мрачной перспективе, в которой ее видела Н. Б. Нордман



18. (См. с. 223) внизу: Конверт Н. Б. Нордман с надписями: «Следует раскрепостить прислугу» и с «Не убивай. VI заповедь»



19. (См. с. 282). Ресторан Киевского вегетарианского общества, 1913 г.

Годъ 1-й.

№ 1.

Январь 1904.

Вегетарианскій Вѣстникъ.



Ежемесячный журналъ.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

Приложение къ № 3 журнала „Вегетарианский Вестник“.

Въ книжномъ магазинѣ Н. Л. Риккера

С.-Петербургъ, Невскій пр., 14.

имѣются слѣдующія книги:

- Карреръ. Лекція о питаніи съ точки зрѣнія вегетарианца, СБВ. 1892 г. 1 р.
 Динель. Краткая исторія жизни вегетарианца. Москва, 1893 г. 10 к.
 Гю-де. Первые шаги жизни вегетарианца. М. 1893 г. 10 к.
 Гю-де. Третье шаги жизни вегетарианца. М. 1897 г. 10 к.
 Гю-де. 18 лекцій для ознакомленія и безпосредственнаго изслѣдованія жизни и оцѣны питанія какъ употребленія животныхъ. Москва. 1897 г. 10 коп.
 Гю-де. Почему же больше и какъ лучше питаться и почему такъ это лучше? Москва, М. 1896 г. 30 коп.
 Гю-де. Оппозиціонныя способы питанія и жизни, такъ сказать, противъ вегетарианства современнаго человѣка передъ будущимъ, его приращеніемъ старости и излечиваемости. Москва, 1896 г. 30 коп.
 Вегетарианство. Что это вегетарианство? кн. I. СБВ. 1902 г. 15 коп.
 Вегетарианство. Что это вегетарианство? кн. II. СБВ. 1903 г. 30 коп.
 Вегетарианство. Что это вегетарианство? кн. III. СБВ. 1903 г. 30 коп.
 Динель. Вегетарианство какъ средство для жизни и продолженія жизни. 25 коп.
 Ньюфилдъ. Вегетарианство. По общепринятымъ канонамъ. СБВ. 1902 г. 20 коп.
 I T. 120 страницъ филологическаго, историческаго и медицинскаго вегетарианства и вегетарианца. М. 1903. 30 коп.
 Вегетарианская кухня. Наставленіе въ приготовленіе пищи 800 страницъ, таблицъ и рецептовъ для безпримѣрнаго опыта, по употребленію овощей и фруктовъ вегетарианства и въ практическомъ разсказѣ о питаніи, трехъ разсказахъ по дѣлу жизни. 3-й изд. М. 70 коп.
 Селъ. Вегетарианство, или какъ вегетарианство. Передъ съ вегетарианства. 30 коп.
 Чаданъ. Вегетарианство современнаго человека. 35 коп.
 Ньюфилдъ. Вегетарианство и вегетарианство. 3-е изд. 30 коп.
 Лордсманъ. Препарируемая жизнь человека. 30 коп.
 Гельмъ. Ученіе о жизни, или вегетарианство, или вегетарианство для жизни. По употребленію овощей. „Врачебный журналъ“ Ц. № 2 рр.
 Сиверсъ. Вегетарианство современнаго человека. 1894 г. 35 коп.
 10 фактовъ въ пользу вегетарианства. СБВ. 1903 г. 25 коп.
 Шапелъ. Вегетарианство: какъ изобрѣсти питание въ практическомъ и медицинскомъ отношеніи. СБВ. 1903. 35 коп.
- Айхъ, А. Die vegetarische Diät. Kritik ihrer Anwendung für Gemüths und Knechts. 1902. 2 p. 20 k.
 Байеръ, E. Vegetarisches Kochbuch für Freunde der natürlichen Lebensweise. 1902. 80 k.
 Бонанъ, E. Was bedeutet der Vegetarismus und wie lässt sich derselbe einführen? 1904. 15 k.
 Бюппе, F. Der moderne Vegetarismus. 1900. 55 k.
 Шенкеръ, A. F. W. Anleitung zur mikroskopischen Untersuchung der vegetabilischen Nahrungs- und Genussmittel. 2. verbesserte Auflage. Mit 134 Abbildungen. 1900. 2 p. 20 k.
 Шлихтерманъ, G. Obst und Brot. Die wissenschaftliche Diätetik des Menschen. Dritte Auflage. 1903. 1 p. 65 k.
 Беккеръ, Dr. Der Orben der Toppoten und die vegetarische Lebensweise. 1902. 45 k.
 Селъ, E. Le végétarisme et le régime végétarien. 1902. 90 k.
 Селъ, E. Le végétarisme. 14. 2. végétarisme moderne. 1902. 90 k.
 Спрингер, K. Vegetarisches Kochbuch. Mit einer Abhandlung über den Vegetarismus. 1901. 85 k.
 Селъ, C. Kleines vegetarisches Kochbuch für Jungfrauen und andere einzellebende Personen. 1897. 40 k.
 Хаузенбергъ, E. A. Ueber gesunde Lebens-Erhaltung oder die Beacht., von, über, und nützliche Ernährung mit Brot oder Speise aus pflanzen, tierischen, vegetabilischen oder durch vegetarischen Genuss oder Nahrungsmitteln. 1901. 90 k.
 Хаузенбергъ, E. Die wissenschaftliche Begründung des Vegetarismus. 1900. 11 k.
 Кутнеръ, L. Die vegetabilische Diät und deren Bedeutung als Heilmittel. 1902. 35 k.
 Брунсмюль, A. Was man aus dem Vegetarismus lernen? 1902. 55 k.
 Хаузенбергъ, E. Die vegetarische Lebensweise in einem Vegetarier (und Nicht-vegetarier). 1902. 30 k.
 Вилльмаръ, A. Kritik des Vegetarismus. 1902. 45 k.
 Вилльмаръ, D. Practical vegetarian Cookery. 1899. 2 p. 40 k.
 Селъ, C. Vegetarian Dietetics, history and usage as Food Reform. 1895. 60 k.
 Фордъ, C. M. Practical vegetarian recipes, as used in Principal Vegetarian Restaurants in London and the Provinces. 1899. 90 k.
 Бонъ, A. Vegetable Culture: Primer for amateurs, Vegetarians, Abolitionists. 1896. 60 k.
 Селъ, E. M. Practical Food and Vegetarian Cookery. 1895. 1 p. 20 k.
 Беккеръ, Dr. Vegetarian Diet. 1892. 60 k.
 Пауль, M. Best Diet for vegetarians. 1893. 2 p. 10 k.

Черноморская
САНАТОРІЯ
 на берегу моря, по системѣ
ЛАМАНА,
 морскаго, воздушнаго и солнечнаго
 купанья. Виноградное лѣченіе.
 Подружница зданія ст. Геленджикъ,
 Черноморск. губ. д-ръ Суриковскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1904 г.
 на ЕЖЕНЕДЕЛЬНУЮ ГАЗЕТУ
„Сельскохозяйственный Листокъ“
 издающийся на русскомъ и киргизскомъ языкахъ,
 подъ редакціей агронома, состоящаго при Степномъ Генераль-Губернаторѣ, съ участіемъ спеціалистовъ практиковъ по различнымъ отраслямъ
 сельскаго хозяйства.
 Подписная цѣна:
 для издательскихъ подписчиковъ въ годъ съ пересылкой 2 р. 50 к.
 для необязательныхъ подписчиковъ въ годъ съ пересылкой 3 р.
 Адресъ редакціи: г. Омскъ, „Сельскохозяйственный Листокъ“.
 Редакторъ-агрономъ Н. Кудимовъ.

21. (См. с. 285). «Вегетарианский вестник» 1904 г., № 3: Рекламная страница вегетарианских книг и брошюр



22. (См. с. 292). Титульный лист немецкого журнала «Vegetarische Rundschau», год шестой, Берлин, 1886 г., № 5 (стиль периода грюндерства)



23. (См. с. 292). Титульный лист русского журнала «Вегетарианское обозрение», год третий, Киев, 1911 г., № 5—6 (стиль модерн, югендштилъ)

ТРЕТИЙ ГОДЪ
КІДАНІЯ.
3 р. 50 к.
въ годъ
съ перс.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1911 г.

НА ЕДИНСТВЕННЫЙ

Вегетарианский журналъ въ Россіи

ТРЕТИЙ ГОДЪ
КІДАНІЯ.
10 №№
въ годъ.

„ВЕГЕТАРИАНСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

„Вегетарианское Обозрѣніе“ выходитъ ежемѣсячно, за исклю-
ченіемъ іюня и іюля, — 10 разъ въ годъ,

при ближайшемъ участіи **Іос. ПЕРПЕРА.**

Программа журнала:

1) Статьи оригинальныя и переводныя по вопросамъ вегетарианства. 2) Пособья научно-образованія о вегетарианскомъ режимѣ. 3) Хроника вегетарианскаго движенія въ Россіи и за границей. 4) Перевода, рефераты и выдержки изъ интернаціональной вегетарианской литературы. 5) Имѣющія и заграничная корреспонденція (въ предѣлахъ программы). 6) Сообщенія о вегетарианскихъ, трудныхъ колоніяхъ и санаторіяхъ, естественнаго метода леченія. 7) Художественная литература: небольшіе рассказы, стихотворенія, новеллы, фельетоны и стихотворенія въ прозѣ. 8) Фотографія и вырезки въ портретахъ выдающихся вегетарианскихъ дѣятелей. 9) Статьи по исторіи интернаціональнаго вегетарианскаго движенія. 10) Статьи, сообщенія и извѣстія по вегетарианскому культурному искусству съ указаніемъ „мѣст“ для стола и способа приготовленія блюдъ. 11) Биографія и критика. 12) Сѣбѣ. 13) Вопросы и отвѣты, корреспонденція вегетарианства. 14) Редакціонныя сообщенія. 15) Объясненія.

Въ составъ сотрудниковъ вошли:

Айва (А. А. Каменская), М. П. Арцыбашевъ, А. А. Боллеръ, проф. А. Н. Воейковъ, д-ръ мед. А. А. Галуновъ, Ф. Р. Горнштейнъ, Н. Н. Гусевъ, Хр. Досевъ, д-ръ мед. А. П. Зеленковъ, А. С. Зонновъ, д-ръ мед. А. О. Карпицкій, В. А. Лебренъ, На. Наживинъ, Іос. Перперъ, Пинагеръ (псевд.), Евг. Поповъ, В. А. Посевъ, С. П. Полтавскій, М. М. Пузыловъ, Е. Ю. Рейнъ, Г. К. Реммеръ (художн.), Ф. А. Стреховъ, Старый Вегетарианецъ (псевд.), Н. Б. Северова, д-ръ мед. П. П. Тутинскій, П. Халипина, Н. Г. Чертковъ, А. К. Чертова, А. Н. Шарашова, Ф. С. Шауленъ, Шоломъ-Алейхемъ, Ж. Н. Шульцъ, Ю. О. Якубовскій, д-ръ мед. А. А. Яковлевскій и др.

ЖУРНАЛЪ ВЫХОДИТЪ СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

Подписка цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ — 3 руб. 50 коп., на полгода — 2 руб. (5 №№). За границу на годъ — 4 руб. 50 коп.

Цѣна отдѣльнаго № — 40 коп.

Подробный проспектъ высылается безплатно.

Пробный № высылается за 5 семимесячныхъ марокъ.

Контора и редакція: Кіевъ, Пушкинская, 31.

Полн. годъ экз. „Вег. Об.“ за 1910 г. (10 №№) — 3 р. 50 к. съ перс. Нал. экз. — 4 р.

Полн. годъ экз. „Вег. Об.“ за 1909 г. (10 №№) — 3 р. съ перс. Нал. экз. — 3 р. 50 к.

Цѣна объявленій: За 1 страницу — 35 руб., $\frac{1}{2}$ стр. — 20 руб., $\frac{1}{4}$ стр. — 10 руб. и $\frac{1}{8}$ стр. — 5 руб. За строку въ 1 столбецъ (въ страницѣ 2 столбца) — 30 коп. Объявленія передъ текстомъ и годовые — по особому соглашенію.

Контора „Вегетар. Обозрѣнія“ высылаетъ вегетарианскую литературу.

За перенѣку адреса — 4 семим. марк. @ Контора и редакція открыты ежедневно.

На отѣты редакція и контора должны быть приложены марки.

Редакторъ Д-ръ **Е. Л. Склоевскій.**

Издатели: **А. М. Фишъ и І. О. Перперъ.**

Кіевъ. Типо-литографія Т-во „Печатни С. П. Яковлева“, Златоногородская, 11.

24. (См. с. 294). «Вегетарианское обозрение», год третий, Киев, 1911 г., № 8: Страница с выходными данными — с программой и именами сотрудников, между иными: Арцыбашев, Воейков, Гусев, Досев, Зеленков, Наживин, Перпер, Северова, Чертков, Шолом-Алейхем



25. (См. с. 294). Виньеты стиля модерн с «вегетарианскими мотивами» Фидуса и Г. Реммера в «Вегетарианском обозрении», Киев, 1909—1915 гг.

ВЕГЕТАРИАНСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ



Проф. А. Реклю



Л. Н. Толстой



З. Н. Бальцер



Анна Кингсфорд



П. М. Шелли

Въ человеческой природѣ есть нечто, истекающее изъ самой ея сущности, что делаетъ непріятнымъ для насъ страданіе другихъ: оно заставляетъ насъ съчувствовать имъ и какъ бы включать насъ въ кругъ чуждъ страданій. Тяжело видѣть мученіе кого бы то ни было, человека или животнаго; тяжело даже слышать объ этихъ мученіяхъ. Воистинно.

Единственный вегетарианскій журналъ въ Россіи.

Выходить еженедѣльно, за исключеніемъ іюня и іюля.

на 1915 г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ "Вегетарианское Обозрѣніе" на 1915 г.

Которая проситъ воспользоваться прилагаемымъ переводомъ для подписки.

СЕДЬМОЙ ГОДЪ.

Хочется начать съ благодарности. Спасибо вамъ, читатели, за теплое, братское отношеніе къ нашему журналу.

На нашъ „Опросный листокъ“ откликнулось около половины нашихъ подписчиковъ. Всѣ отѣты*) дышатъ любовью и сочувственнымъ отношеніемъ къ „Вегетарианскому Обозрѣнію“ и его задачамъ. Многие въ цѣляхъ распространенія журнала рѣшили выписать его въ нѣсколькихъ экземплярахъ на 1915 г.

Эти добрыя отношенія, этотъ дружескій откликъ, даютъ намъ силы и бодрость продолжать изданіе журнала, даютъ намъ глубокую вѣ-

ру, что сѣмена любви, лежащія въ основѣ вегетарианской идеи, всходить, цвѣтутъ и разрастаются.

Какая глубокая радость ощущать эту любовь, чувствовать ее! Да, истинно понимаемое вегетарианство соединяетъ людей, сближаетъ ихъ.

Вступая въ седьмой годъ существованія, „Вегетарианское Обозрѣніе“ будетъ служить тѣмъ же задачамъ, что и въ предыдущіе годы, будетъ содѣйствовать всему свѣтлому, радостному и человѣчному, содѣйствовать оздоровленію людей нравственно и физически.

Полученные отѣты на „Опросный листокъ“ представляютъ много интереснаго. Мы надѣемся подробно коснуться этой анкеты въ ближайшихъ номерахъ „Вегетар. Обо-

*) Единственный несочувственный отѣтъ получилъ отъ бывшаго сотрудника „Вег. Обзор.“ Ив. Накикина, ушедшаго изъ рядовъ вегетарианцевъ.

№ 3. Киевъ. Февраль 1917 г. Цѣна 12 к.

Вегетаріанскій Вѣстникъ.

Годъ издаванія третій.

Органъ Кіевскаго Вегетаріанскаго Общества.

Вегетаріанскій вѣстникъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ (кроме Іюня и Іюля) два-
дцать разъ въ годъ.
Подписная плата: 2 р. 40 к. въ годъ съ пересылкой. (На меньшіе сроки подписка
не принимается).
Плата за объявленія. За каждую строку печати или за ее мѣсто средъ текста 60 к.
впередъ текста 40 к. послѣ текста 30 к.
Вегетаріанскіе общества, конгломераты, школы, секціи и стѣпенны кон-
султы 50% скидокъ. Годовые и конторные объявленія по соглашенію.
Адресъ редакціи и конторы: Пушkinsка 9, кв. 12—кабинетъ Вегетаріанскаго Об-
щества. Редакторъ принимаетъ въ редакціи по Носковскому 1—3 ч. и въ прочіе
дни у себя на квартирѣ 4—6 ч. (Бибическій Бульваръ 44 кв. 13). Тука же принять
направлять рукописи.

Что такое вегетаріанство?

Его настоящее и будущее.

(Окончаніе).

Гдѣ же у насъ любовь къ чело-
вѣку?

Гдѣ братскія отношенія?

— Вотъ къ этому, главнымъ
образомъ, признается вегетаріанство.

Человѣкъ, который не можетъ
убивать животныхъ, не можетъ тѣмъ
болѣе убивать человѣка.

А сколько совершается убійствъ!...

Сколько жизней человѣческихъ
гибнетъ!...

Какой ужасъ!...

И, конечно, не достаточно при-
знать одно простое грубое убійство,

(кажется такое безчисленное множи-
ство), человѣкъ можетъ быть косвен-
нымъ убійцею. Въ каждой каплѣ яду,
въ каждомъ револьверномъ выстрѣлѣ
виновны мы, оставшіеся.

Такъ сложна, такъ богата душа
человѣка, что убить, изгнать
его можно, не проливая крови, не
прекращая жизни его, не заставляя
страдать его тѣло. Убивать, значитъ,
терять можно душу человѣческую.

Вегетаріанецъ, бережно относя-
щійся къ животному, къ растенію,
тѣмъ болѣе долженъ бережно отно-

27 и 28 (справа). (См. с. 296 и с. 299 соответственно). Титульный лист «Вегетаріанского вестника», Киев, третий год, 1917 г., № 3, февраль, с окончанием статьи «Что такое вегетарианство? Его настоящее и будущее» и с выходными данными того же номера: орган Киевского вегетарианского общества с новой, расширенной программой. Девиз — любовь ко всему живому

Вегетаріанскій Вѣстникъ.

Органъ Кіевскаго Вегетаріанскаго Общества
выходитъ по новой расширенной программѣ
2 раза въ мѣсяцъ, 20 №№ въ годъ (кроме Іюня и Іюля).

ДЕВИЗЪ—ЛЮБОВЬ КО ВСЕМУ ЖИВОМУ.

„Вегетаріанскій вѣстникъ“ объединяетъ какъ
всѣ вегетаріанскія общества и группы вегета-
рианцевъ, такъ и вообще общества и группы,
по духу тѣхъ или иныхъ проводимыхъ въ
жизнь идеаловъ родственныя вегетаріанству.

Въ Вегетаріанскомъ Вѣстникѣ помѣщаются: статьи по вегетаріан-
ству, повѣсти, рассказы, стихотворенія, стихотворенія въ прозѣ, пси-
хологическіе этюды, миниатюры, дневники и пр. произведенія худо-
жественной литературы, отражающія любовь ко всему живому, статьи
по продовольственному вопросу (дѣятельность кооперативовъ, продо-
вольственныхъ попечительствъ и пр.) обзоры дѣятельности вегета-
ріанскихъ обществъ, группъ и отдѣльныхъ единомышленниковъ,
обзоры дѣятельности различныхъ обществъ, группъ и отдѣльныхъ
лицъ, работающихъ хотя и подъ другимъ именомъ, но по духу
тѣхъ или иныхъ проводимыхъ въ жизнь идеаловъ родственныя ве-
гетаріанству, справочный отдѣлъ, библіографія и критика, вопросы и
отвѣты, рецепты вегетаріанскихъ кушаній, и пр.

Подписная цѣна

на годъ 2 руб. 40 коп. съ пересылкой. (На меньшіе сроки
подписка не принимается).

Цѣна отдѣльнаго номера 12 коп.

Контора и редакція: Кіевъ. Пушкінская 9 кз. 12.

Редакторъ Ольга Прогако.



29. (См. с. 301). Титульный лист брошюры с высказываниями знаменитых мыслителей по вопросу растительного образа питания, собранными Толстым: «Безубойное питание или вегетарианство» (впервые в 1903 г.)



30. (См. с. 309). Титульный лист библиографии литературы по вегетарианству



31. (См. с. 309). Титульный лист брошюры Е. О. Дымшиц, Москва 1914 г.: «вегетарианство» и «безубойное питание» — синонимы

ИЗДАНИЯ „ПОСРЕДНИКА“.

- Толстой, Л. Первая ступень. Ц. 5 к.
— Одна душа во всех. (Изъ книги «Путь жизни». Вып. 4). Ц. 4 к.
Безубойное питаніе (Вегетарианство). Мысли разныхъ писателей. Собралъ Л. Н. Толстой. Ц. 1 к., лучшее изданіе 3 к.
250 мыслей философовъ, ученыхъ и поэтовъ о вегетарианствѣ и воздержности. Составилъ Т. Т. Ц. 20 к.
Чертковъ В. Злая забава. Мысли объ охотѣ. Изд. 2-е. Ц. 15 к.
— Жизнь одна. Объ убійствѣ живыхъ существъ. Ц. 8 к.
Бекетовъ, А., проф. Питаніе въ его настоящемъ и будущемъ. Ц. 10 к.
Кингсфордъ, А., докторъ медицины. Научныя основанія вегетарианства. Изд. 2-е. Ц. 35 к.
Ульянскій, Х. Этима пищи или нравственныя основы безубойнаго питанія для человѣка. Собраніе жизнеописаній и выдержекъ изъ сочиненій выдающихся мыслителей всѣхъ временъ. Ц. 2 р.
Петерсонъ, І. Наша пища. Чѣмъ надо питаться, чтобы быть здоровымъ. Переводъ съ нѣмецк. Ц. 90 к.
Мозесъ-Оскаргелло, К. Природная пища человѣка. Перев. Ю. Якубовскаго. Ц. 35 к.
Лозинскій. Вегетарианство и воспитаніе.
Указатель вегетарианской литературы. Составили: В. Лукьянская, А. Зоновъ и Ѳ. Германъ. Ц. 5 к.
Реклю, Э. О вегетарианствѣ. Перев. съ англійск. М. Измайковой. Подъ ред. А. Кошница. Ц. 10 к.
Гуманитарное ученіе или гуманитаріанизмъ. Ц. 30 к.
Вегетарианская кухня. Наставленіе къ приготовленію болѣе 800 блюдъ, хлѣбныхъ и лавитковъ для безубойнаго питанія, со вступительной статей о значеніи вегетарианства и съ приложеніемъ расписанія обѣдовъ трехъ разрядовъ на двѣ недѣли. Составлено по иностраннѣмъ и русскимъ источникамъ. Изд. 3-е. Ц. 70 к.
Краткая вегетарианская поваренная книга. Изд. 3-е. Ц. 25 к.
Сто вегетарианскихъ блюдъ. Совѣты о приготовленіи свыше ста блюдъ вегетарианскаго (безубойнаго) питанія и меню 30 вегетарианскихъ обѣдовъ. На основаніи многолѣтней практики г-жи Шмидтъ, заведывавшей вегетарианскими столовыми за границей и въ Россіи, и личнаго опыта составила Л. Николаева. Ц. 25 к.

Всѣ изданія «Посредника» продаются въ книжномъ магазинѣ «Посредникъ» (Москва, Петровскія линіи) и въ другихъ книжныхъ магазинахъ. — Выписывать изъ главнаго склада издательства: Москва, Арбатъ, домъ Тѣстовыхъ, И. И. Горбунову.

Отсюда же высылается полный каталогъ издательства бесплатно.

Въ папкѣ 10 коп.

32. (См. с. 310). Рекламная страница вегетарианскихъ продуктовъ въ русскомъ переводѣ брошюры Г. С. Солтъ «Flesh or Fruit?» («Мясо или плоды?» М.: Посредникъ, 1912)

Die vegetarische Bewegung in Rußland.

Von Elen von Galezki-Golpja.

Der Aufstieg der vegetarischen Bewegung in Rußland lehte im Jahre 1909 ein, als es den Brüdern J. und S. Derper gelang, mit Hilfe von Bekanntheitsfreunden eine tätige Propaganda einzuleiten und den Reformbestrebungen in dem neugegründeten Organ „Die vegetarische Rußland“ einen Sammelplatz zu schaffen. Zu gleicher Zeit entstand die vermehrte Tätigkeit der Moskauer vegetarischen Gesellschaft ein. Große vegetarische Speisehäuser wurden gegründet, Vertragskassende und Vegetarierreisen veranstaltet, Bücher und Schriften gedruckt und manches andere unternommen. Abschließend, wenn auch nicht mit dem gleichen bedeutenden Erfolge, wirkten die Gesellschaften in Petersburg, Kiew, Nischnen und Odessa. Die vegetarische Literatur nimmt monatlich zu, gute Zeitschriften treten in freundchaftliche Beziehung zu dem vegetarischen Organ und tragen ihrerseits zur Verbreitung des vegetarischen Gedankens in Rußland bei. Hier und da nimmt auch die Tagespresse von dieser jüngsten Bewegung Notiz. Der in Rußland sehr bekannte Diätetiker Jwan Gorbunow-Possadow gründet das Klosterjournal „Majak“, und W. A. Dolbe die populärwissenschaftliche Zeitschrift „Leben für alle“, beide bewegen sich auf vegetarischer Grundlage. Gelehrte, Ärzte, Lehrer werden Mitarbeiter der Rußland, als deren bedeutendster Förderer Graf Leo Tolstoi erscheint. Nicht bloß von einheimischen, auch von ausländischen Gesinnungsgenossen, von deutschen, französischen, englischen, japanischen, bulgarischen Schriftstellern werden Beiträge erteilt. Mit Nischenkritiken über die Entdeckung des Vegetarismus fort, besonders in Kiew 1910, wo zu den schon bestehenden vegetarischen Speisehäusern neue traten, so daß ihre Gesamtzahl 10 erreicht. Einer dieser Speisehäuser kann am Schluß des Jahres 1910 auf rund 130000 Besucher zurückblicken! Vegetarische Speisehäuser werden auch in Wilna, Lissa, Charkow, Jekaterinowgrad gegründet, in Wilna und Saratow entstehen vegetarische Gesellschaften.

In einigen jungen und sehr begabten Mitarbeitern der Rußland, wie Mininow, Dolzjanin, Jafanow, Dolzjanin (Lehrer an verschiedenen geistreichen Anstalten, die in der deutschen „Vegetarische Werte“ erscheinen, auch hier bekannt) erteilen der jungen Bewegung eifrige Förderer, die mit großer Begeisterung und Hingabe für die Sache wirken!

Als im Jahre 1910 der bekannte Pflanzverlag in Moskau, dessen Leitung in Händen des schon erwähnten Gorbunow-Possadow liegt, sein 25 jähriges Jubiläum feiern durfte, blies er auf eine stattliche Zahl vegetarischer Schriften, die von ihm veröffentlicht worden sind, zurück.

In demselben Jahre, 1910, konnte die russische vegetarische Gesellschaft Herrn Professor A. J. Woznow als Delegierten zum 3. internationalen Vegetarierkongress nach Brüssel entsenden, wo dieser erste russische Sendbote auf einem rein vegetarischen Kongress sehr gefeiert worden ist.

1911 erscheint wiederum eine stattliche Zahl vegetarischer Werte, meist von russischen Autoren, im Pflanzverlag und auch bei anderen Verlegern.

Die männliche Propaganda nimmt außerordentlich zu, bis in die entlegensten Gebiete des weiten Reiches wird der vegetarische Gedanke getragen, in Minsk wird eine neue Gesellschaft gegründet. Die Frage der Errichtung von Genossenschaftsbibliotheken in allen Teilen des Reiches wird von Gesinnungsgenossen überall lebhaft erörtert, im Kaukasus entsteht die erste Siedlungsgenossenschaft. Am Schluß dieses Jahres zugehörig das aus vegetarischer und humanitärer

Grundlage errichtete und geführte Oligarchen in Petersburg, eine Erziehungsanstalt für junge Damen, die stattliche Zahl von 600 Pensionärinnen!

Nach größerer Ausbreitung gewinnt die Bewegung im Jahre 1912. In diesem Jahre nimmt der Gehalts der Abhaltung eines allrussischen Vegetarierkongresses mit daran anschließender Sachausstellung größere Formen an. In den Hungersüchten werden jährliche Mittagsessen mit rein vegetarischer Kost eingerichtet, unter den Bekanntheitsfreunden Bekanntheitsfreunden veranstaltet. Jetzt bringt auch die Tagespresse häufiger schon Aufsätze zur „richtigen Ernährungsweise“. Die harte Propaganda führt zur Begründung von neuen Gesellschaften und Speisehäusern. Professor Woznow, J. Derper und die in Rußland sehr bekannte Vegetarierin H. B. Nordmann-Semowowa erteilen ihre Vertragsreisen bis nach dem hohen Norden (Sibirien) (Kasaba, Kasaba), bis Kachet und Tobolsk (Sibirien). Bei den Vorträgen ist ihre vegetarische Literatur ausgelegt, die viel gekauft wird. In Moskau entsteht eine neue vegetarische Gesellschaft unter dem Namen „Gesellschaft für geistige Ernährung“. Auch in Poltawa und Rostow bilden sich neue Gesellschaften, in Kiew wird sogar eine vegetarische Konsumgenossenschaft begründet. In Moskau und Kiew werden außerdem vegetarische Bibliotheken gegründet. Die vegetarische Literatur dieses Jahres ist wieder sehr reich.

Das Hauptergebnis des Jahres 1913 ist der große allrussische Vegetarierkongress zu Moskau.

Der moralische Erfolg des Kongresses war bedeutend! Mehr als ein Dutzend Vorträge waren gehalten worden, täglich hatten in den verschiedenen Sälen Diskussionen stattgefunden, die Gründung eines russischen Vegetarierbundes, der die Eingeweihten aufnehmen sollte, war in Aussicht genommen worden.

In demselben Jahre — 1913 — werden noch große Propagandareisen unternommen, in Charkow wird eine neue Gesellschaft begründet, neue Speisehäuser entstehen in Odessa, Moskau, Kiew; in Moskau öffnet ein vegetarischer Dolzpeisehaus seine Pforten. Hier wird ein Mittagsessen, bestehend aus 2 Gerichten, für 25—30 Pfennigen verabreicht. Der Anblick zu diesem Tisch ist das Jahr über ungeheuer. Überhaupt verzeichnet das kleine Speisehaus auf der vegetarischen Ausstellung, das vier Monate lang — während der Dauer der Ausstellung — geöffnet war, 140000 Besucher!

Der Jahrgang 1914 der „Vegetar. Rußland“ hat nur 5 Hefen. Der Juni- und Juliheft sind, wie immer, ausgefallen, und im August 1914 verjagte der Krieg alle friedlichen Bestrebungen in Rußland. Alle Bemühungen, über das Ergehen der russischen Bekanntheitsfreunde etwas zu erfahren, sind bis heute fruchtlos geblieben.

Die Rußland wurde von Tolstojanhängern redigiert. Von Tolstojanem selbst war auch die ganze Bewegung in Rußland getragen. Dem Kriegergeist des großen, tiefen Pflanzentropen konnte sie sich nicht entziehen; Tolstoi war wie die Zentralstation, die alle auf sich zog.

Wir müssen daher, vorläufig, die Lebensarbeit der ruhigen vegetarischen Dozenten in Rußland mit den vorliegenden 5 Jahrgängen der Rußland als abgeschlossen betrachten. Wenn ich bemerke, daß diese 50 Hefen mehr Schätze an vegetarischer und dem Vegetarismus verwandter Literatur bergen, so sage ich nicht zuviel. Was aber die russischen Vegetarier weit über ihre Dolzgenossen hinaushebt, ist ihre selbstgründete und mühselige Anstrengung zum wahren Menschenkenn. Diese Anstrengung haben sie von ihrem erlauchten Lehrmeister, Leo Tolstoi.

33. (См. с. 358). Корреспонденция Ф. фон Галецкого «Вегетарианское движение в России» в журнале «Vegetarische Werte», Франкфурт на Майне, 48-й год, № 6, ноябрь 1915 г., с. 189

№ 9.

Кievъ. Июль 1917 г.

Цѣна 12 к.

Вегетарианскій Вѣстникъ.

Годъ изданія третий.

Органъ Кіевскаго Вегетарианскаго Общества.

Вегетарианскій вѣстникъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ (кроме Іюня и Іюля) двадцать разъ въ годъ.
Подписная плата: 2 р. 40 к. въ годъ съ пересылкой. (На мѣсячные сроки подписка не принимается).
Плата за объявленіе. За каждую строку текста, какъ за ее мѣсто среди текста 60 к. впередъ текста 40 к. впередъ текста 20 к.
Вегетарианскіе общества, вегетарианства, клубы, салаторіи и столовыи помъ" ауты 20% скидки. Горюхи и конторныя объявленія по соглашенію.
Адресъ редакціи и конторы: Бибиковскій Бульваръ 44 кв. 11.
Лѣтніе мѣсяцы редакція открыта только по Субботамъ 4—6 ч. дня и по Понедѣльникамъ 10—11 ч. утра и 4—6 ч. дня.

Смертная казнь.

Смертная казнь снова введена въ Россію!

Не будемъ и говорить, по какимъ причинамъ она введена, въ какихъ случаяхъ, какъ она производится—все это безразлично. Есть одинъ только фактъ—смертная казнь снова существуетъ.

Мы такъ радовались, когда первымъ шагомъ революціоннаго правительства была отмена этого ужаса!

Ужасъ войны громаденъ, но не слабѣе ужасъ смертной казни, и при всемъ сходствѣ есть тутъ и коренныя различія.

Одно—это что называется шаловымъ лутомъ, это дѣло случая—остаться въ живыхъ или умереть.

Другое—какъ бы по закону уже назначается человѣку смерть и производится въ исполненіе съ сознаниемъ, что дѣлается правосъ дѣло—лишеніе жизни именно данного человѣка.

Не будемъ вдаваться въ разсужденія всегда-ли правильно назначается смертная казнь, нѣтъ-ли при этой быстротѣ рѣшенія ошибки...

Для насъ всегда смертная казнь—неправое дѣло.

Редакція „Вегетарианскаго Вѣстника“ глубоко потрясена и возмущена введеніемъ вновь смертной казни въ возрождающейся Россіи.

Ольга Прохаско.

ПРОТОКОЛ № 6

Заседания Совета М.В.О-ва имени Л.Н.Толстого 18 апреля 1929 г.

СЛУШАЛИ:

1. а/ Отношение АСМГИН*а от 15/IV с.г. за № 11220131 с тем, что в регистрации устава О-ва Мосгубисполкомом отказано, почему АСМГИН предлагает прекратить волонтерскую деятельность от имени О-ва.
- б/ Подписку, данную В.В.Чертковым и И.К.Роме АСМГ*у о прекращении дальнейшей деятельности от имени М.В.О-ва.
- в/ Протокол № 7 заседания Президиума Совета с постановлением, что деятельность от имени М.В.О-ва прекращается с 15 апреля с.г.
- г/ Отделение Управления Водопроводом МВХ от 17/IV о сложении дополнительной платы за воду и канализацию.
- д/ О расплате с кредиторами.
- е/ О ликвидации Детского Счастья. Четверо детей взяты родителями, 1- В.И. Алексеевой и 3-ое помещены в Детский Дом. Все детей, взятые родными находятся под присмотром кого-либо из членов О-ва. Очень хорошо было бы устроить детей, находящихся в Детдоме у кого-либо в семье.

ПОСТАНОВИЛИ:

1. Информацию принять к сведению.
2. В связи с предложением АСМГИН*а, прекратить деятельность О-ва, послать протест с обоснованием этого предложения в Совнарком РСФСР. Составление текста поручить В.Г.Черткову и И.К.Роме.
3. Просить Толстовский Музей в виду ликвидации О-ва принять в архив музея все материалы М.В.О-ва.
4. Поручить Президиуму Совета вести ликвидацию дел О-ва и по окончании ликвидации созвать заседание Совета.

35. (См. с. 369). Протокол заседания Совета МВО 18 апреля 1929 г. с сообщением о ликвидации общества



36. (См. с. 370). Выращивание земляники в Западной Сибири толстовцами коммуны «Жизнь и труд», конец 1920-х годов



37. (См. с. 371). Титульный лист журнала «Гигиена питания», издававшегося «Ленинградским научно-гигиеническим вегетарианским обществом»



38. (См. с. 402). «Вегетарианцы России выходят из подполья»: Вегетарианское бистро в Санкт-Петербурге, 2001 г.



39. (См. с. 402). У стойки «Вегетарианского бистро». Санкт-Петербург, 2001 г.

ОБРАЩЕНИЕ к Президенту, Правительству и Депутатам России

Вегетарианство — неизбежный исторический выбор человечества. Дело только времени, когда убивающий живую плоть животных станет расцениваться как неполноценный член человеческого сообщества. И нам далеко не все равно, будет ли наша Родина плестись в хвосте исторического прогресса, или она станет провозвестницей живого и благотворного образа жизни.

Во всем мире нравственный рост человечества привел к значительному увеличению сторонников вегетарианства и охраны прав животных. Всё больше людей переходит к вегетарианскому питанию и к отказу от товаров, основанных на убийстве или насилии над животными. Всё больше фирм отказывается от технологий, использующих убийство животных. Всё больше банков отказывается от кредитования производителей, использующих убийство животных.

С медицинской точки зрения вегетарианство является благом, поскольку употребление в пищу каких бы то ни было продуктов животного происхождения приводит к постепенному отравлению человеческого организма и, как следствие, его раннему износу. Человек не имеет никаких потребностей в питательных веществах, которые нельзя было бы удовлетворить с вегетарианского стола.

Переход на вегетарианский образ жизни несет не только положительный нравственный заряд, но и немалую экономическую выгоду. Так, по теоретическим расчетам с одной и той же площади сельскохозяйственных земель можно кормить в 10 раз больше людей, чем мясной, а по практическим данным президентского Консультативного комитета США по науке — в 15 раз больше! То продовольствие, которое можно было бы сэкономить, если бы люди потребляли непосредственно растительную пищу, в несколько раз превышает его количество, необходимое, чтобы прокормить всех голодающих в мире.

Развитие России традиционно является централизованным. Частная инициатива ещё слаба. Поэтому мы считаем, что вегетарианские инициативы, являющиеся на Западе частной практикой, в нашей стране должны проводиться на государственной основе.

В связи со всем вышесказанным и учитывая, что слишком быстрое движение в этом направлении может привести к экономическому и продовольственному дисбалансу, предлагаем организовать разработку государственной Программы постепенного перехода к вегетарианству и отказу от убийства животных.

Общие пункты этой Программы можно заметить уже сейчас:

1. Активная пропаганда вегетарианского образа жизни и защиты животных в средствах массовой информации с приданием ей статуса социальной рекламы.
2. Финансовая поддержка и налоговые льготы юридическим и физическим лицам, занятым производством, переработкой, продажей или финансированием исключительно вегетарианской продукции, не требующей применения убийства или насилия над животными.
3. Участие в международном проекте сертификации товаров на отсутствие составляющих животного происхождения.
4. Создание сети хозяйства, производящих и потребляющих исключительно вегетарианскую продукцию.
5. Создание сети магазинов натуральных товаров, торгующих исключительно вегетарианской продукцией.
6. Разработка новых видов промышленной продукции без использования сырья животного происхождения.
7. Запрещение эксплуатации зверей на ипподромах, в цирках и зоопарках.

Редакция газеты вегетарианского общества "Вегетарианские товары"

125438 Москва л/я 51
тел. 454-0054, факс: 454-3166
E-mail: luch@luch.msk.su

40. (См. с. 402). Открытое письмо к руководящим органам России: Предложение государственной программы для постепенного перехода к вегетарианству (1998)

бедь и другие и всякое животное, пресмыкающееся по земле); но человек *не обязан* потреблять мясо. Что касается Христа, то, по Евангелию, говорит А. А. Бронзов, в жизни Спасителя нет ни одного случая, когда бы он вкушал «мясо» животных. Есть предположение, что он вкушал так называемого пасхального агнца; но это, во-первых, не бесспорно-очевидный факт, а, во-вторых, носило особый религиозный характер и не могло быть приравнено к обычной пище. Иисус позволял вкушение рыбной пищи множеству народа; ничто не говорит против того предположения, что он сам вкусил и рыбы.

Начиная с апостола Павла, вкушение мяса становится своего рода обязанностью, так как «все — чисто», все, что Бог ни создал, «всякое творение Божие хорошо». В дальнейшей истории церкви запрещается только потребление мяса с кровью, и поэтому «Славянская кормчая» указывает с укоризной, что «нецыи хитростью некоею сотворяют снєдну, аще глаголетсѣ колбасы, и ина таковая, и тако кровь ядят»¹⁸. Потреблять же некровавое мясо прямо предписывается церковью, вкушать его является как бы знаком правоверия, и поэтому иные «соборы поместные», как, например, «Анкирский собор» (314—315 гг.), даже требуют того, чтобы «состоящим в клире, пресвитерам или диаконам», «если» они «воздерживаются от мяса», «дѣлжно отвѣдывать их», а потом они могут «воздерживаться». «А если» кто из них «не повинуетсѣ, так что не отвѣдает и овощей варенных с мясом, то должен быть извержен...» — правило, которое, очевидно, являлось выражением подозрения в ереси — обвинения, преследовавшие разнообразные формы вегетарианства и в его позднейшей истории вплоть до советского времени¹⁹.

Далее А. А. Бронзов цитирует из тех же источников ранние тексты, говорящие в пользу отказа от мяса, среди них, например, эпизод из первой книги пророка Даниила (гл. 1, 11—16), где Даниил стал просить Амелсара, чтоб последний «сделал опыт над рабами своими в течение десяти дней». «Пусть дадут нам в пищу овощи и воду для питья. И потом пусть явятся пред тобою лица наши и лица тех отроков, которые питаются царскою пищею (...) По истечении же десяти дней лица их оказались красивее, и телом они полнее были всех тех отроков, которые питались царскими яствами» (см. выше с. 19). Указав на то, что в православной России многочисленный класс монахов питается лишь растительной и рыб-

ной пищей, а в иных монастырях и без рыб, и что большая часть русского, т. е. деревенского населения, и в настоящее время питается почти одною только растительною пищею, а в «посты» ею одною питаются и все без исключения православные христиане, остающиеся верными установлениям церковным²⁰, А. А. Бронзов приводит следующее соображение: «если пользование “животной” пищей не есть следствие повеления Божьего, а лишь разрешения, то каждый христианин, стремящийся к достижению райской-нравственной высоты жизни, должен все более и более отвыкать от животной пищи и питаться лишь одною растительною, с тем, чтобы «нести печальные последствия нашего райского греха, *насколько* все это, конечно, находится в нашей власти, предоставленной нам Богом... Да! А мы, между тем, за свою же вину, из-за которой страдает животный мир, заставляем до известной степени расплачиваться его же представителей: “животных”, рыб, птиц..., убивая их и поедая..., мы, которые, наоборот, должны были бы заботиться всего скорее об облегчении участи страдающего по нашей вине животного царства!!»²¹ «Внутренний голос», нравственное чувство, сострадание ко всему живому, «должны не позволить нам по своему произволу положить конец этой чужой, не мне данной, жизни. Животные относятся к нам доверчиво (...) А мы предательски их убиваем». И это в то время, когда — зоолатрически и до известной степени психопатически — мы к своим собакам и кошкам относимся с чрезмерною и уродливою любовью²². Далее Бронзов приводит высказывания нескольких отцов церкви и христианских мыслителей, призывающих к воздержанию в пище и питии: Ефрема Сирина, Исаака Сирина, Григория Синайского и Иоанна Златоуста. Последний говорил: «Пища у истинных христілюбцев, у “монахов”, строгих подвижников, самая лучшая: они питаются не вареными мясами бессловесных животных, но словом Божиим». Итак, «в христианстве все говорит в пользу “безубойного питания”»²³.

Известным добавлением к статье Бронзова является очерк А. Бахтиярова «Близкая по духовному родству с этическими вегетарианцами наша вегетарианская братия»²⁴. Он сообщает о своем посещении Валаамского монастыря на Ладожском озере. Монахов в этой обители числится 600 и послушников 400 человек. Они больше всего крестьянского происхождения. Самих себя, но и тех несколько тысяч богомольцев, кото-

рые в храмовой праздник 29 июня приезжают на 3-4 дня, они питают «лакто-вегетариански»; иногда позволяют себе рыбу, а в Великий пост и рыбы не едят. У Валаамских иноков процветает садоводство; между животными, обитающими на островах Валаамских, и монашествующею братиею установились, так сказать, дружеские отношения.

Среди множества основополагающих статей, переведенных для *ВВ* с западноевропейских языков (в том числе со шведского), особенно подкупает этюд Гентского профессора философии П. Гоффманна «Вегетарианство и общественное мнение» — своим ясным и в высокой степени верным до сегодняшнего дня анализом множества трудностей, возникающих при распространении информации о вегетарианстве²⁵. К значительным оригинальным статьям в *ВВ* принадлежит лекция А. И. Воейкова «Задачи вегетарианского общества» (о ней шла речь в главе о Воейкове) и доклад д-ра С. А. Апраксина «К вопросу о лечебном значении вегетарианского питания», прочитанный в Нижнем Новгороде в 1903 г.²⁶

В 1905 г. в *ВВ* появилось в частности исследование А. Воейкова «Главные способы питания у разных народов и их географическое распределение»²⁷, а также статья Е. Ю. Рейнке «Мысли Рихарда Вагнера о вегетарианстве», указывающая на то, что в книге Р. Вагнера «Религия и искусство» говорится о крестьянском населении русского севера и его преимущественно растительном режиме питания²⁸.

Иллюстрации и виньетки *ВВ* вдохновлены стилем «модерн» (Jugendstil). Среди них есть портреты Леонардо да Винчи, убежденного вегетарианца, Жоржа Кювье, основоположника сравнительной анатомии, первым определившего человека как фруктоеда; австрийской императрицы Елизаветы (Сисси; 1837—1898), которая, согласно журналу «*Neues Wiener Tagblatt*», тоже была вегетарианкой²⁹; кроме того, в *ВВ* печатались картины бойни и групповой портрет более 50-ти петербургских скотобойников, а также фотографии младенцев, которые еще живы, несмотря на то что их кормили сырыми фруктами, и, наконец, детей и взрослых, никогда не евших мяса... Вообще *ВВ* был солидным журналом, может быть, даже уж слишком серьезно-солидным. Это можно объяснить, вероятно, высокой долей сотрудников из академической научной среды. Позже, издатель *ВО* И. Перпер в своей краткой оценке достоинств *ВВ* выразит это так: «Порой хотелось, что-

бы из-за серьезных научных статей выглянуло бы живое человеческое лицо, почувствовалась бы живая душа, трепетная, волнующая... Но этого не было»³⁰.

В журнале печатались также вегетарианские рецепты, как и во всех трех русских вегетарианских журналах, но в отличие от других он не имел никаких литературно-беллетристических амбиций.

Вегетарианское обозрение

С января 1909 г. в Кишиневе, а затем с 1910 г. по май 1915 г. и в Киеве выходило «Вегетарианское обозрение» (в дальнейшем *ВО*; название — калька с немецкого «Vegetarische Rundschau») (илл. 22). Подзаголовок «Единственный вегетарианский орган в России» журнал некоторое время сохранил за собой — даже тогда, когда в 1914 г. стал выпускаться второй «Вегетарианский вестник»³¹. На страницах этого журнала (2500 с. в два столбца, включая двадцатистраничный общий указатель содержания) находят отражение те годы, когда движение вегетарианства в России, несмотря на все преграды, быстро росло и достигло наибольшего распространения (илл. 23).

Уже из предисловия издателя И. Перпера становится ясно, что этот журнал носит совершенно иной характер, стремясь «пойти навстречу широкой массе народа и в многочисленных отделах» дать «полное освещение» вегетарианской идеи.

Иосиф Иосифович Перпер (собственно — Овсиевич; 1886—1965), вегетарианец с 1904 г.³², начал обучение в «торговой академии» Ст. Галлена в 1905 г.; в России, как известно, лишь очень ограниченное число евреев допускалось к университетским занятиям. Во время своего пребывания в Швейцарии Перпер имел контакты с врачами, выступавшими за вегетарианский образ жизни³³. Перпер издавал *ВО* с самоотверженным идеализмом. Ему беспрестанно приходилось жаловаться на недостаток интереса к журналу. В письме от 1 апреля 1910 г. И. Перпер просит И. М. Трегубова говорить в пользу *ВО* у «брatца Иоанна», вoждя петербургского движения трезвенников (см. выше с. 26). «Если брatец Иоанн найдет Вег. об., как за настоящий, так и за прошлый год, достойным для распространения среди трезвенников, то я бы сде-

лал ему и его друзьям большую скидку»³⁴. Надо иметь в виду, что в 1909 г. вегетарианские общества существовали только в пяти городах царской империи и что всероссийского союза не существовало. Мало, очевидно, помогало и то, что Толстой, начиная с № 2 первого года издания и вплоть до своей смерти, фигурировал среди сотрудников журнала. При этом, надо сказать, вклад его ограничивался собственно советом³⁵ и пропагандой; так, например, 24 августа 1910 г. он письменно и не без успеха обратился к ряду газет с просьбой напечатать бесплатно объявление *ВО*³⁶. Он переписывался с Перпером и 1 июня 1909 г. принял его у себя в Ясной Поляне. Маковицкий, о котором говорили, что он имеет склонность к антисемитизму, запишет в своем дневнике: «24-летний симпатичный, серьезный молодой еврей».

И. Перпер был убежден, что страдания неизбежны, что страдание — неотъемлемая часть жизни в этом мире; но он был уверен, что переход к вегетарианству уменьшит лишние, ненужные страдания живых существ. Борясь за человечность, вегетарианство не признает национальности, классовых различий и других рамок, установленных людьми. То, что это именно так, доказывает интернациональная история вегетарианского движения³⁷.

Тон этого журнала не отличается трезвостью, присущей в свое время *ВВ*: он нередко поражает своей экзальтированностью, миссионерством и чувствительностью. Предисловие к журналу «Наши цели» кончается словами: «Наша цель — человечность. Наш лозунг — Да здравствует жизнь!» Уже во втором номере издатель обращается с призывом вербовать подписчиков («К единомышленникам и читателям»): «Братья и сестры, отцы, матери и деды!»; все заинтересованные встречи будут «гостеприимным, вегетарианским приветом». Седьмой же номер начинается возгласом: «Братья и сестры, побольше любви! Больше теплых, искренних человеческих поступков и слов. Мимо проходим мы, не замечая страдальцев, жаждущих ласки, простого, сочувственного искреннего слова. Слова “брат” и “сестра” исчезли из нашего обихода. Мы все какие-то “милостивые государи” и “государыни”». Свой рассказ о поездке к Л. Толстому и его друзьям 31 мая 1909 г. он публикует под заголовком «Вегетарианские поездки»: «Я иду навстречу солнцу интернационального вегетарианского мира»³⁸.

Несмотря на определенное своеволие и порой довольно странный подбор слов, *ВО* имеет много достоинств. Более того, оно является бесценным источником по истории русского вегетарианства. И не только русского, ведь журнал регулярно публиковал сводки о судьбах вегетарианского движения не только в царской России, но и за рубежом (в первом номере — Скандинавия; затем в нескольких выпусках — Болгария, важная для вегетарианского движения, и другие европейские страны). В каждом номере велась «вегетарианская хроника» под заголовком «По миру». В рубрике «Галерея выдающихся вегетарианских деятелей» *ВО* по достоинству оценило А. Н. Толстого³⁹, В. Г. Черткова, Густава фон Струве и Эдуарда Бальцера, а также других лиц, которые имели заслуги перед вегетарианским движением: так, например, Хауарда Уильямса, автора «The Ethics of Diet»⁴⁰, или Женни Шульц (см. выше с. 271).

Можно найти в *ВО* тексты о Ламартине, Метерлинке и других писателях — о том, что они принципиально или же временно «вегетарианствовали», почти никто не знает и в Западной Европе. В отличие от *ВВ*, *ВО* публиковало и литературные тексты, новеллы и новеллеты, очерки и стихотворения. Тексты этого «художественного отдела» отчасти представляют истинный интерес (как, например, «Кровь» Арцыбашева или «Письмо» Коцюбинского, очерк Григоровича «Горькая доля» или переводы Барыковой из Джона Ге, А. Поупа, Томсона или Шелли). Но в большинстве своем эти тексты в литературном отношении — незначительны, порой даже пошлы либо сентиментальны⁴¹.

ВО имело многочисленных сотрудников, причем их состав постоянно менялся. На конец 1910 г., как можно узнать из выходных данных, в издании журнала принимали участие писатели Арцыбашев, Наживин и Шолом-Алейхем, художники Фидус и Реммер и другие известные представители вегетарианского движения (илл. 24). Все выпуски *ВО* снабжены были иллюстрациями, большею частью в стиле «модерн» (илл. 25), шапка титульного листа обыкновенно украшалась портретными виньетками, изображавшими Э. Реклю, А. Толстого, Э. Бальцера, Анну Кингсфорд и П. Б. Шелли (илл. 26).

Немало статей журнал посвящал вопросам воспитания, садоводства и, конечно, медицины; медицинские статьи часто переводились с западноевропейских источников, прежде все-

го французско-бельгийского журнала «La réforme Alimentaire»; нередко, наоборот, статьи *ВО* переводились на другие языки: так, например, отчет «Вегетарианское движение в России за 1913 год» был напечатан немецким журналом «Vegetarische Warte» (1914 г., № 10. S. 91; ср. ниже с. 358). Число рецензий было очень высоко. В отделе «Литература» регулярно печатались краткие, а иногда и более длинные выдержки из русских газет по вопросам вегетарианства.

Издатель И. Перпер постоянно находился в затруднительном финансовом положении, несмотря на то что, например, Киевское вегетарианское общество иногда приобретало часть издания (так, 300 экземпляров 1911 г. издания, октябрь-декабрь); начиная лишь с 1912 г. киевские и одесские общества согласились на скромную регулярную денежную поддержку. На призыв И. Перпера о помощи в ноябре 1913 г. московское вегетарианское общество «Духовное пробуждение» ответило предложением больше заниматься рекламой журнала и обратиться ко всем вегетарианским обществам с просьбой ссудить посильную сумму⁴². Итак *ВО* было вынуждено приостановить выпуск издания в мае военного 1915 г. В ноябре этого года И. Перпер в открытом письме к подписчикам должен был признать, что не сможет выпустить очередные пять номеров журнала за второе полугодие. Взамен он обещал разослать при первой возможности сборник «Вегетарианское обозрение», в котором примут участие многие постоянные сотрудники по программе журнала...⁴³

Бюллетени вегетарианства в Санкт-Петербурге

1 января 1914 г. стал выходить самый недолговечный из русских вегетарианских журналов: вышел всего один номер «Бюллетеней вегетарианства в С.-Петербурге»⁴⁴. Журнал был основан Н. П. Евстифеевым и К. С. Дроздовым, владельцами столовой «Вегетарианство», открытой в 1913 г. на Невском, 110. Его целью была пропаганда вегетарианства. Этот журнал должен был стать органом, в первую очередь, петербургских вегетарианцев и выступать в защиту практического вегетарианства. Имевшиеся тогда публикации (т. е. *ВВ* и *ВО*), по мнению издателей, слишком мало занимались этими проблемами. *ВО* И. Перпера ставилась в упрек излишняя склонность к теоретической (имеется в виду — идеологической) разработке

вопросов вегетарианства, что объясняет отсутствие у общей прессы в России интереса к этому движению. Последняя пока «не может подойти к такому типу энциклопедических информационных изданий, каким являются крупные западноевропейские и американские издания. Наша печать, по остроте общественно-политических болезней, хронически переживаемых русским обществом, невольно отстает от своих более счастливых собратьев по широте и разносторонности своих интересов <...> Она уделяет многим движениям (в том числе и вегетарианству) внимание ровно постольку, поскольку наблюдает в них <...> явления <...> типа <...> скандала, обмана, развала».

Надежды издателей на то, что будет возможным финансирование «Бюллетеней» прибылью столовой — они должны были выходить до 30 раз в год! — не оправдались. Январский номер, первый и единственный, в статье под заголовком «Нужно ли нам общество?» выступил с резкими выпадами против *СПб. ВО-ва*, существовавшего с 1901 года. «Что такое вегетарианство?» — спрашивается в другой статье, очень пространной и самонадеянной; то же можно сказать и по поводу отчета об одной анкете, не очень успешной (56 отзывов в течение трех месяцев). Причины неуспеха журнала станут ясны, если обратиться к отчету *СПб-ВО-ва* за 1913 г., вышедшему в Петрограде только в 1915 г. (ср. выше с. 269)⁴⁵. Поведение издателей в очередной раз привнесло раскол в лагерь приверженцев вегетарианства.

Вегетарианский вестник (II)

Третий из наиболее крупных русских вегетарианских органов своим названием «Вегетарианский вестник» возобновил традицию первого журнала, издававшегося в 1904—1905 гг. Этот двухнедельник выходил в Киеве с 15 мая 1914 г. (одиннадцать недель до начала войны) по декабрь 1914 г. (вышло 6 номеров); затем в течение всего 1915 г. (16 номеров) и после перерыва в 1916 г. вновь в 1917 г. (11 номеров). Начиная с третьего номера журнал носил подзаголовок «Орган Киевского Вегетарианского Общества» (илл. 27). Почему он, как и *ВО*, редактированное И. Перпером, был основан тоже в Киеве? Десяток уединенно стоящих вегетарианских обществ, говорится в первом номере, мало удовлетворяет давно осознан-

ной русскими вегетарианцами потребности в объединении и общении. Полагалось, что в новой газете «вегетарианская семья» обретет форум для дискуссий, возможность дальше развивать вегетарианское учение и более точно определять их отношение к окружающей жизни. При этом считалось необходимым подчеркнуть положения, принимаемые всеми вегетарианцами: «не убий», идея сострадания ко всему живому, призыв к природе. По заверению редакции, им не чужда оценка питания с гигиенической точки зрения, но она встречается и у сектантов, и у сторонников растительного режима из гигиенических соображений. Несмотря на это, гигиенические аспекты, не являясь существенным пунктом вегетарианского учения, облегчают борьбу со сторонниками трупоедения. Так как главную задачу редакция усматривала в более точном формулировании вегетарианского учения, то критика ими приветствовалась: газета, по их мнению, должна быть открытой для противников (это она доказала в связи с «казусом Наживина»; см. выше с. 250). В частности говорилось, что Первый Всероссийский съезд вегетарианцев 1913 г. еще более показал всю разрозненность вегетарианцев: «Но вот уж недалек новый съезд 1915 г., времени осталось немного». И действительно, уже на первых страницах журнала издатель М. Пудавов опубликовал «Проект программы II-го Вегетарианского съезда» (с. 3—4), отмечая при этом с грустью и даже душевной болью, что, по словам И. Перпера, рано устраивать второй съезд на Пасху 1915 г. Еще яснее необходимость издания второго вегетарианского печатного органа была обоснована в четвертом номере журнала Л. Кораблевым, с 11 августа являвшимся редактором *ВВ*. Надо, по его словам, способствовать выяснению вегетарианства как особого миропонимания: «желудочное вегетарианство» должно отойти на второй план. I Всероссийский съезд постулировал расширить программу существующего тогда вегетарианского органа [т. е. *ВО — П. Б.*] до тех пор, пока не будет создан новый орган со значительно более широкой программой, где вегетарианство являлось бы необходимым условием. Ответом на эту мысль явилось создание «Вегетарианского вестника»...

Этот журнал — всего 370 страниц большого формата в два столбца — подробно информирует о событиях в отдельных вегетарианских обществах Петербурга, Москвы, Киева, Одессы. В № 3 и 4 за 1915 г. была напечатана резко антивегетари-

анская статья «апостата» Ивана Наживина и вызванная этой публикацией дискуссия. Отводилось место и дискуссиям доклада С. П. Полтавского (Саратов), озаглавленного «Существует ли вегетарианское мировоззрение» и оставшегося на Московском съезде 1913 г. без обсуждения⁴⁶. С. П. Полтавский заявил, что вегетарианство не «один из ручейков, вливающих в общее море идей», но самостоятельное широкое море, определенное принципом «не убий!» Однако Г. Г. Боссе (председатель общества «Духовное пробуждение») в статье под заголовком «Возможно ли вегетарианское миросозерцание?» указал на глубокий разрыв между представлениями «гигиенических» и этических вегетарианцев. Поскольку вегетарианство — этическая проблема, пишет Г. Г. Боссе, то надо искать его определение в учениях великих «вегетарианских мыслителей». Если рассмотреть наиболее видных проповедников вегетарианства — Пифагора, Будды, Шелли, Толстого и Реклю, — то оказывается, что не вегетарианство было основной мыслью их учения, но стремление избегать удовлетворения своих потребностей средствами, требующими убийства или мучения живых существ. Кто следил за вегетарианством последних лет или присутствовал на вегетарианском съезде в Москве, тот знает, что нет большего разнообразия органических и формальных миросозерцаний, чем среди вегетарианцев. А если утвердить жизнепонимание человека на каком-либо принципе, вроде, например, «не убий», то это отдало бы его во власть догматизма, как это случилось с Чертковым и его единомышленниками⁴⁷. Догматизм же противен истинному вегетарианству.

ВВ военных лет, как и его предшественник (*ВВ* 1904—1905 гг.), печатал ряд обширных научных исследований, которые теперь почти исключительно переводились с английского. К ним относятся: речь председателя Совета Манчестерского Вегетарианского общества Э. Белла («Идеалы вегетарианства»), предостерегавшего от догматизма и от стремления предписать другим, как жить и что есть⁴⁸; статьи «Вегетарианство и юношество»⁴⁹, «Женщины и вегетарианство»⁵⁰, «Города-сады»⁵¹; статья одной из самых популярных личностей среди английских вегетарианцев, «чудо-вегетарианки» мисс Линд («Единство жизни») ⁵², а также, в нескольких выпусках, объемистая статья д-ра Аллинсона «Гигиеническая медицина» о природных методах лечения и профилактическом обра-

зе жизни (вегетарианство, моцион, воздушные и солнечные ванны и т. д.)⁵³ — этот этюд вышел также отдельной книгой в Киеве в 1917 г.

Невыход из печати издания 1916 г. был мотивирован военной неразберихой. Возобновленный в начале 1917 г. *ВВ* стал выходить по поручению Киевского вегетарианского общества под редакцией Ольги Прохаско теперь уже с программой (под девизом «Любовь ко всему живому»), расширенной новыми рубриками и соединяющей христианский социализм с вегетарианством (илл. 28). Кроме научных статей по вегетарианству, журнал предусматривал опубликование повестей, рассказов, стихотворений, стихотворений в прозе, психологических этюдов, миниатюр, дневников и пр. произведений художественной литературы. Таким образом, частично была возобновлена традиция *ВО*, что, разумеется, из-за характера многих из этих текстов, привело к известной сентиментальности. Вновь были поставлены очень уж высокие цели. Так, например, идеалом вегетарианства было провозглашено «устройство Царствия Божия на земле»⁵⁴.

Уже следующий номер журнала извещал о начале февральской революции, а последний — о приходе к власти советов в Киеве. О том, как эти события были отражены в журнале, речь будет идти в гл. VIII («Русские вегетарианцы в Первую мировую войну и при Советах»)⁵⁵.

Единение

В 1916 г. в Москве стал выходить издаваемый приверженцами Толстого двухмесячник «Единение», основным направлением которого было стремление ко всеобщему обновлению жизни. В программе журнала 9-й пункт гласил: Вегетарианство. Охота. Вивисекция. Обиход жизни без животных продуктов. В издании были задействованы: П. И. Бирюков, В. Ф. Булгаков, И. И. Горбунов-Посадов, Н. Н. Гусев, Хр. Досев, В. Лебрен, Д. П. Маковицкий, И. Е. Репин, Т. А. Сухотина-Толстая, В. Г. Чертков, Е. И. Попов и К. С. Шохор-Троцкий. В 1916 г. вышли три номера. Первый номер содержал статью И. Горбунова-Посадова о борьбе с алкоголизмом начиная с 1880-х годов и о тотальном запрете продажи спиртных напитков, наложенном царским правительством в июле 1914 г., а, кроме того, сообщение Н. Кабанова «Об интерна-

циональном языке эсперанто». Во втором номере была посмертно опубликована статья А. В. Архангельского (1888—1916) «Вегетарианство как идеал» и статья Е. Попова о том, что можно очень выгодно жить по-вегетариански («Дешевая пища»). В революционном 1917 г., с выходом четвертого номера журнал прекратил свое существование. Об отдельных публицистических попытках пропаганды вегетарианства, предпринимавшихся в 1920-х гг., речь пойдет в гл. VIII.

5. Всероссийский съезд в Москве 1913 г.

Московский съезд стал первым всеобщим выступлением-манифестацией вегетарианства в России. Он так и остался единственным. Оглядываясь назад, нельзя не отметить всю трудность ситуации вегетарианцев в царской империи, особенно явственно ощущаемую сегодня. Но этот съезд показывает также, в какой степени русские вегетарианцы, ставя перед собой слишком высокие цели и не умея достичь соглашения, обрекали тем самым многие из своих начинаний на провал.

В то время как петербургские вегетарианцы после учреждения *СПб. ВО-ва* (1901 г.) не подхватили никакой инициативы по основанию всероссийского союза, «Вегетарианское обозрение» И. Перпера еще в первом номере (Кишинев, январь 1909 г.) опубликовало проект устава «Всероссийского Вегетарианского общества», составленный М. М. Пудавовым в Киеве¹. В проекте предусматривалось учитывать региональные пожелания. Таким образом, для Киева была предусмотрена особая печать с оттиском собственного наименования: «Киевское отделение Всероссийского Вегетарианского Общества». Правление Всероссийского общества должно было находиться в Петербурге. Предвиделось, что оно имеет право открыть отделения в разных местах России, а также иметь представителей и за границей. Был установлен порядок процедур в 45 параграфах; в частности, предвиделись ежегодные всеобщие собрания.

На основании доступных мне источников не удалось установить, нашло ли это предложение отклик, было ли оно передано царским властям на рассмотрение. И. Перпер в докладе, прочитанном в *МВО-ве* 11 июля 1909 г. «О современном положении вегетарианства в России»², указывая на проект устава, горячо призывал объединиться всех интересующихся вегетарианской идеей. Ему представлялось крайне необходимым создать мощный Всероссийский вегетарианский союз. И. Перпер не видел ничего удивительного в том, что, «при современных условиях жизни русского общества», вегетарианские общества нарождаются так редко; он упомянул пример Одессы, где устав не был утвержден; то, что случилось там, говорил автор, может случиться завтра в другом месте. Конечно, будут

тысячи и десятки тысяч вегетарианцев, которые не зачисляются в члены, но «это не должно нас смущать».

Первую попытку провести съезд русских вегетарианцев можно приурочить к 1911—1912 гг. В *ВО* в марте 1911 г. сообщалось, что во время вегетарианской выставки в Киеве (в рамках киевской областной выставки) предполагается «устроить в Киеве “Первый съезд российских вегетарианцев”»³. С 10 по 15 августа 1911 г. И. Перпер посетил съезд и выставку немецких вегетарианцев в Дрездене — там впервые было представлено и русское отделение⁴. Вспомним, что Н. С. Лесков уже в 1892 г. требовал выставки по вегетарианству (ср. выше с. 159).

Решающий толчок дали вегетарианцы г. Саратова. Тамошнее вегетарианское общество взяло на себя инициативу завязать, в целях объединения, сношение со всеми вегетарианскими обществами в России. Оно обратилось к вегетарианской общественности в воззвании, опубликованном в *ВО* (май 1912), с просьбой прислать свои соображения по организации Всероссийского Вегетарианского Съезда. И. Перпер поддержал саратовское начинание призывом, озаглавленным «Наша разрозненность»⁵. Почти в то же самое время вегетарианское общество «Духовное пробуждение», только что учрежденное в Москве, выдвинуло предложение организовать в конце 1912 г. Первый Всероссийский вегетарианский съезд. Затем Саратовское ВО-во выразило готовность передать все полученные материалы в бюро съезда, организованное обществом «Духовное пробуждение»⁶.

Организаторы разослали 1500 анкетных листов с предварительной программой для съезда и выставки⁷; кроме того, они опубликовали ее в сентябрьском номере *ВО*⁸. И. Перпер приветствовал эту инициативу: по его словам, было что-то символическое в том, что устройство съезда приняло на себя это «юное общество». Вегетарианцам давно следует духовно пробудиться, а не ограничивать свою деятельность и стремления одним только устройством красивых вегетарианских столовых. «Недоставало еще, как это водится в некоторых заграничных вегетарианских столовых, чтобы музыка играла за обедом для нашего лучшего и более спокойного вегетарианского пищеварения!»

25 сентября совет общества «Духовное пробуждение» «возбудил перед министром внутренних дел ходатайство о

разрешении созыва съезда с выставкой при нем». Текст был опубликован в *ВО*⁹, «покорнейше» просили о том, чтобы власти разрешили съезд «без ограничений прав въезда в Москву участников Съезда на время Съезда», и обещали, что «списки участников Съезда, не имеющих право жительства в столицах, будут также представлены г-ну московскому градоначальнику к 1-му декабря». 21 ноября было решено отложить съезд на Пасху 1913 г., из-за «неполучения до сего времени ответа от министра», а также потому, что подготовительные работы затягивались¹⁰. Министерство дало решение 18 декабря — для января! Позже, 10 марта, оно согласилось с переносом съезда на 16—20 апреля. При этом было поставлено пять условий, в том числе, чтобы градоначальнику был заблаговременно представлен список участников Съезда и чтобы к участию в Съезде не допускались лица иудейского вероисповедания, «не пользующие правом жительства в Москве»¹¹.

Двойной номер *ВО* за апрель-май 1913 г. почти целиком был посвящен съезду и выставке¹². Записалось на съезд около 200 лиц, среди них Паоло Трубецкой и Н. Б. Нордман-Северова. Не присутствовали И. Е. Репин и проф. А. И. Воейков. Газета «Русские ведомости» отмечала, что «бросается в глаза отсутствие видных “вегетарианцев-толстовцев”»: нет В. Г. Чертова, П. И. Бирюкова и др.».

Сравнение тематики Третьего Международного Съезда Вегетарианцев в Брюсселе (1910), в котором принимал участие проф. Воейков, с темами Первого Всероссийского съезда позволяет распознать известные характерные черты течений, преобладавших в русском вегетарианстве. В Брюсселе предвиделась следующая тематика:

1. Вегетаризм и гигиена;
2. Вегетаризм как средство лечения;
3. Экономическая и социальная сторона вегетаризма;
4. Моральная сторона вегетаризма¹³.

Программа московского съезда выдвинула на первый план темы:

1. Что такое вегетарианство?
2. Вегетарианство и нравственность;
3. Вегетарианство и красота;
4. Вегетарианство с религиозной точки зрения;
5. Вегетарианство и воспитание.

И только как темы 6 и 7 следовали:

6. Вегетарианство и здоровье;

7. Вегетарианство с экономической точки зрения¹⁴.

Этому спектру целевых установок соответствовали в общем и резолюции, принятые московским съездом¹⁵. В них можно узнать почерк «пробужденцев» — московского общества «Духовное пробуждение», организовавшего съезд:

1) Участники съезда желали, чтобы вопросы питания перестали быть главным предметом внимания вегетарианцев, а также, чтобы при освещении теоретических вопросов вегетарианства первое место было отведено духовной стороне. «Вегетарианство только тогда имеет высшую ценность, когда оно освещено моральным идеалом осуществления царства гармонии и справедливости на земле»;

2) Выдвигалось требование воспитания детей как можно ближе к природе, устройства городов-садов, организации в школах кружков для охраны и защиты всего живого и для совместного изучения природы, а также преподавания естествознания, при котором больше внимания уделялось бы изучению живой природы, нежели коллекционированию;

3) Съезд выступил против алкоголизма, требовал создания детских кружков трезвости, борьбы с ядом, «люющим» в душу подрастающего поколения из получивших такое огромное распространение кинематографов, главным содержанием картин которых являются картины всевозможных жестокостей, убийств, охоты, поединков, насилий, преступности всякого рода и картин половой распущенности¹⁶;

4) Участники съезда высказали безусловное осуждение вивисекции;

5) Учреждение всероссийской вегетарианской организации было отложено до следующего съезда; решено было пока ограничиться устройством Справочного вегетарианского бюро;

6) Было постановлено оказать содействие журналу «Вегетарианское обозрение» путем отчисления некоторой части доходов обществ на расширение программы ВО, с тем, чтобы оно могло бы приблизиться к типу вегетарианского органа, объединяющего в себе статьи по вопросам личного и общественного духовного возрождения.

В пунктах 7—9 резолюций участники, полагая, что одной из причин распространения пьянства среди городского ра-

бочего люда является питание мясной пищей, обратились к обществам трезвости с просьбой ввести в народных столовых растительный стол для желающих; высказывалось требование развития вегетарианских потребительных и производительных кооперативов, а также издания «Справочника вегетарианца». Пункт 10 предписывал Справочному бюро устроить передвижную вегетарианскую выставку. В пункте 11 было высказано пожелание, чтобы 2-й Всероссийский вегетарианский съезд был созван в городе Киеве в 1914 г. на праздниках Пасхи.

По предложению московского общества «Духовное пробуждение» было решено ежегодно отмечать 25 марта как день «вегетарианского праздника»¹⁷. То, что выбор пал именно на этот день, объясняется, очевидно, тем, что Благовещение Богородицы в русском православии является важной датой в истории искупления, — днем, в который освобождение человеческого рода в космическом смысле символизируется тем, что верующие «даруют свободу пойманным птицам»¹⁸. Этот «вегетарианский праздник» отмечали, например, в Киеве в 1915 г., уже во время войны.

13 октября 1913 г. общее собрание членов общества «Духовное пробуждение» решило немедленно приступить к подготовке и разработке материалов для издания трудов по съезду¹⁹. Однако эти материалы, по всей видимости, никогда не были опубликованы. Правда, несколько докладов, прочитанных на съезде, были напечатаны в *ВО*, в том числе сообщения В. Кименталя «Вегетарианство и воспитание», С. П. Полтавского «Существует ли вегетарианское мирозерцание?» (ср. главу «Журналы») и В. Лебрена «О необходимости энциклопедического органа печати».

Виктор Анатольевич Лебрен (Victor Lebrun, род. 1882 г.), выросший в России в семье французского инженера путей сообщения, с 1900 г. состоял в переписке с Толстым и знал его лично. В упомянутом докладе он требовал сплочения вегетарианцев России с целью установления нового органа — энциклопедического вегетарианского ежегодника как средства образования для вегетарианцев, который способствовал бы распространению вегетарианских идей и за пределами России. При этом он создал образ идеального супер-вегетарианца, который, для того чтобы быть вровень с веком, неустанно работает над собственным образованием, находится в кур-

се всех передовых философских и религиозных учений (грубый материализм ему чужд) а, кроме того, осведомляется о новейших тенденциях в области естественных наук; который занимается интернациональным языком эсперанто, — по той причине, что вегетарианство — движение международное: обособление эсперантистов в «Общество эсперантистов-вегетарианцев», основанное в 1908 г., было ошибкой; который жалеет животных, но также видит, что две трети человечества живут в нищете и непосильном труде и что ежегодно миллионы людей умирают с голоду «среди сказочного изобилия нашего времени». Без такого «нового органа» печати есть опасность, что и впредь «в удел нам остаются одни только пустые разговоры на высокие темы, к которым, к сожалению, до сих пор еще так падка интеллигенция»²⁰.

К. С. Юнаков (Саратов) в докладе «Вегетарианство и нравственность» призывал к терпению. Нравственный прогресс, например, облегчение участи рабов, справедливость в осуждении преступников, система воспитания детей не наказанием, а кротостью к ним, — все это результат достаточно продолжительных мыслительных процессов; таким же образом и распространение вегетарианства и изменение отношения к животным требуют времени. Однако принятие вегетарианства народными массами приведет к тому, что производство многих ненужных предметов потребления, вредных для здоровья, прекратится; техника различных производств должна будет получить направление к удовлетворению разумных потребностей, а не болезненных проявлений моды, привычек и психопатических капризов. Исчезнут в поражаемых неурожаем областях бедствия голодовок, потому что, при вегетарианском питании, пищевых припасов не требуется в столь огромном количестве²¹. С некоторой тревогой Юнаков отмечал, что на съезде обнаружилось некоторое разномыслие — определились три несогласных друг с другом течения, оценивавших вегетарианство с трех различных точек зрения: религиозной, научно-позитивной и гигиенической²².

С. Полтавский, напротив, сожалел о том, что за вегетарианством утвердилось дурная репутация «кухонной доктрины», высказывал пожелание, чтобы борьба мыслей на 2-м съезде в Киеве вспыхнула бы еще с большей силой и страстностью — только она, по его словам, укрепит то единство духа, начало которому положено первым съездом...²³

Критическую оценку съезду дал П. И. Гуров: итоги конгресса, по его мнению, были ничтожны (мнение, с которым редакция *ВО* не могла согласиться): «Десяток рефератов, десяток резолюций — на большее у съезда не хватило ни времени, ни сил». Добрых два часа ушло на ненужные разговоры о пользе и вреде медицины, когда не были поставлены к разрешению вопросы первостепенной важности: что такое вегетарианство; пропаганду какого вегетарианства съезд считает наиболее рациональным; как съезд определил бы отношение вегетарианства к этико-социальным проблемам; как сделать идею и практику вегетарианства доступной массам. В отношении будущего, однако, Гуров был полон надежд: вегетарианство как социально-этическое мировосприятие сможет разрешить как проблему индивидуальную, так и проблему социальной жизни, примиряя обе крайности²⁴.

30 ноября 1913 г. в Киеве состоялось чрезвычайное общее собрание Киевского ВО-ва, на котором, согласно резолюции Московского первого съезда, было решено устроить Второй Всероссийский вегетарианский съезд в Киеве. Было постановлено взять на себя все нужные по этому делу хлопоты²⁵. Подготовка 2-го съезда была поручена трем лицам: писателю и руководителю издательства «Посредник» И. Горбунову-Посадову, председателю общества «Духовное пробуждение» Г. Боссе и А. С. Зонову, президенту 1-го съезда. В феврале 1914 г. этот комитет опубликовал проекты программы 2-го съезда, выставки при съезде и «Устава Справочного вегетарианского бюро». Вместе с тем он был вынужден сообщить, что «по ряду причин» невозможно будет устроить съезд в Пасху 1914 г., «а потому является вопрос об устройстве его в 1915 г.»²⁶.

Но уже в январе 1914 г. И. Перпер в одном из кратких сообщений в *ВО* ставит вопрос: «Следует ли спешить с устройством Второго вегетарианского съезда?», предлагая напрячь все силы на выполнение сперва резолюций первого съезда и откладывать подготовку второго²⁷. Вместе с тем, киевляне уже решительно были настроены на проведение съезда, и второй «Вегетарианский вестник», выходивший с мая 1914 г. в Киеве, вторично опубликовал проект программы съезда²⁸. Председатель киевского ВО-ва призвал к тому, чтобы 2-й съезд состоялся не позднее Пасхи 1915 г. О точном месте проведения 2-го съезда он обещал говорить в следующем номере. Одной из главных задач этого съезда, по его словам, должно

было стать закрепление единения уставом Всероссийского вегетарианского союза. Представители русского вегетарианства по-прежнему так и не сумели достичь согласованной совместной работы. 1 августа 1914 г. началась Первая мировая война. Однако 21 октября 1914 г. издатель ВВ Л. Кораблев еще писал: «год назад был первый съезд и мы накануне второго»²⁹.

6. Издательство «Посредник»

Иосиф Перпер обозначил основание в 1884 г. по инициативе Толстого издательства «Посредник» второй ступенью в развитии русского вегетарианского движения. Первой ступенью он рассматривал статью А. Н. Бекетова (1878 г.), третьей — эссе Л. Н. Толстого «Первая ступень» (1892)¹. Руководили издательством, открытым в 1885 г. в Санкт-Петербурге, а с 1892 г. перемещенным в Москву, первоначально В. Г. Чертков, затем П. И. Бирюков и с 1897 г. И. И. Горбунов-Посадов, вегетарианствовавший с 1892 г. Целью издательства было очистить от лубочного сора русскую народную литературу, выпуская для народа книги нравственного и художественного содержания по доступным ценам, быть посредником между писателями и народом. Толстой деятельно сотрудничал с «посредниковцами», в их издательстве он напечатал свой «Круг чтения». Кроме того, в «Посреднике» публиковались труды и других писателей, таких как В. М. Гаршин, В. Г. Короленко, А. М. Горький и Н. С. Лесков. С конца 1890-х гг., наряду с отдельными публикациями, выпускались всевозможные серии. Так, с 1898 г. в свет вышла «Библиотека для детей и юношества», а с 1904 г. — «Библиотека свободного воспитания». Первые издания датируются 24 апреля 1885 г., до 1910 г. отдельным тиражом вышли 1 500 изданий, уже в 1900 г. общий тираж книг и брошюр превышал двадцать миллионов.

Одной из идей, распространение которой активно поощрялось издательством, было вегетарианство. В 1893 г. в «Посреднике» был напечатан русский перевод книги Говарда Уильямса «Этика питания», в 1903 г. здесь появились составленные Толстым под заголовком «Безубойное питание или вегетарианство» «мысли разных писателей по этому вопросу»² (илл. 29), в 1909 г. — «Вегетарианство и вегетарианские общества в Англии» А. И. Иванова, в 1910 г. — «Указатель русской и иностранной вегетарианской литературы» (58 с., тираж 20 000, цена 5 коп.; илл. 30), «О вегетарианстве / О безубойном питании» Е. О. Дымшица (№ 1140; илл. 31), статья А. Н. Бекетова 1878 г. (10 коп.), книга Е. Лозинского «Вегетарианство и воспитание», в переводе с английского — труды Анны Кингсфорд, озаглавленные «Научные основания вегетарианства», а в 1903 г. снова Говард Уильямс «Этика пищи» (2 руб.), в переводе с французского — этюд Элизе Ре-

кля (Elisée Reclus) «О вегетарианстве»³. Издательство публиковало также много поваренных книг: книга «Вегетарианская кухня» в 800 блюд, появившаяся впервые в 1894 г., вышла в 1916 г. девятым изданием. На съезде немецких вегетарианцев в Дрездене (1911) была организована Первая международная выставка гигиены, там было также представлено издательство «Посредник»; посетители были в восторге от книг и брошюр, удивление вызывали прежде всего низкие цены (илл. 32).

Правда, «вегетарианская» деятельность издательства обнаруживала значительные слабости, с резкой критикой которых еще в 1895 г. выступил врач-вегетарианец А. П. Зеленков. В статьях и книгах по вегетарианству, отмечал он, свои принципы и наблюдения излагали лишь те, кто сами были вегетарианцами, а «это осторожным людям и противникам вегетарианства дает право предполагать в их авторах и фанатизм идеи, и прямолинейность взглядов, и стремление рассматривать факты через известную призму; во-вторых, знакомя общество с вопросом о питании человечества впервые, должно было стараться обнять его во всей полноте; иметь авторитетные доводы не только *pro*, но и *contra* этого вопроса». Этого «“Посредник”, очевидно, не успел еще выполнить»⁴.

До 1905 г. издательству приходилось бороться с невероятными препятствиями, чинимыми цензурой. В. Г. Чертков и П. И. Бирюков были вынуждены жить в эмиграции с 1896—1898 гг. вплоть до революции 1905 г. По случаю 30-летия деятельности издательства, И. Горбунов-Посадов в 1915 г. опубликовал общий указатель издательства «Посредник»⁵. Издательство «Посредник» просуществовало до 1935 г, но уже в первые годы советского режима оно временно прекратило свою деятельность⁶, а после возобновления издательской работы в нем печаталась в основном детская литература.

Пропагандой преимущественно этического вегетарианства занималось также издательство «Зеленая палочка»⁷, основанное в 1911 г. Иваном Наживиним в местечке Береговое на северном побережье Черного моря. Впрочем, двумя годами позже издательство Наживина прекратило свое существование — его основатель отказался от вегетарианства.

7. Альманах «Естественная жизнь и вегетарианство»

Московское вегетарианское общество планировало издание собственного журнала с января 1910 г. Проект не осуществился, а потому пришлось довольствоваться изданием альманаха, который, как говорилось в предисловии редакции, был «первым опытом подобного издания и, кажется, не только в России, но и вообще в вегетарианской литературе». В первом альманахе Московского вегетарианского общества — «Естественная жизнь и вегетарианство»¹, вышедшем в 1913 г. [1914], издатели пытались расширить рамки вегетарианства до размеров «общего гуманитарного движения». Первоначально задумывалось включить в заглавие сборника слова «и праведность», однако было замечено, что подобное название звучало бы как-то нескромно и лицемерно и могло бы создать впечатление «высокомерного, холодного и сухого осуждения с высоты фарисейского величия». Тем не менее, П. И. Бирюков и Н. Н. Гусев выражают пожелание, — как они пишут в предисловии, — чтобы вегетарианство понималось не как вопрос еды, а как вопрос религиозно-нравственного мировоззрения.

Альманах содержит письма Толстого о вегетарианстве, отрывки из записок Д. П. Маковицкого об отношении Толстого к вегетарианству и «естественной жизни»; кроме этого, сюда входит также свидетельство сына Толстого — Льва Львовича, датированное 9 апреля 1905 г., о том, что в Петербурге рабочие возмущались собранием вегетарианцев: «Вы, дармоеды, выдумываете вегетарианство, когда вам еда с салом тяжела!»² Реакция Толстого: «А кому же более всего нужно вегетарианство, как не рабочим?» В альманахе напечатано также описание Степаном Радаевым его посещения петербургской скотобойни, в которой ежегодно убивают более трехсот тысяч одних быков, и разговор с директором, не без гордости делаящимся новыми, стерильными способами убоя: стерильным отделением здорового мяса от больного. Различные сообщения (с. 31—65) информируют о положении вегетарианского движения в Западной Европе. В этом можно видеть заслугу цензуры: под предисловием стоит дата — 14 февраля 1913 г., однако сразу перед страницей 66 находится примечание: «Страницы 30—65 уничтожены по приговору Московской Судебной Палаты от 7 сентября 1913 г. и заменены другими статьями, занявшими несколько больше места, вследствие чего и

получилось несоответствие в нумерации страниц». Издателям пришлось позаимствовать тексты из западных журналов³. В частности, было переведено сообщение «Vegetarische Warte» о 4-м Международном вегетарианском конгрессе в Гааге (24 по 27 августа 1913 г., около 100 участников); в этой статье, впрочем, можно узнать, что в то время в Германии существовало 184 вегетарианских ресторана; была напечатана, по журналу «La Hygie», речь президента Французского вегетарианского общества, основанного в 1899 г., а также отчет главного секретаря этого общества, в котором особенностью вегетарианства во Франции он назвал «научную идею» (медицина, спорт).

Вместе с тем альманах выносил также на обсуждение вопросы о переедании и посте, о вреде алкоголя; далее следовала статья о международном союзе эсперантистов-вегетарианцев, а также ряд заметок о новейшей истории русского вегетарианского движения (Москва, Саратов, Полтава). В заключение приводились адреса вегетарианских столовых в России и Западной Европе (с. 174—190).

Нельзя не сожалеть о том, что за этим выпуском альманаха не последовали другие. Между тем и на Западе создание соответствующих органов печати затягивалось. Лишь в 1913 г. на конгрессе в Гааге было высказано пожелание основать интернациональный вегетарианский журнал.

8. «Вегетарианство и воспитание», или споры вокруг тезисов Лозинского

Вопросы воспитания в их связи с вегетарианским питанием обсуждались в книге «Вегетарианство и воспитание», появившейся в 1912 г. в издательстве «Посредник». Ее автор, Евгений Устинович Лозинский (род. 1867)¹, адвокат и публицист, симпатизирующий анархизму, опубликовал несколько книг, высоко ценимых Толстым².

Вегетарианцам Е. Лозинский стал известен в 1910 г. в связи с напечатанием в *ВО* его письма в редакцию, озаглавленного «Вегетарианство и антропофагия»³. В нем он жаловался на то, что заметка в журнале о его статье «Нравственное начало в жизни и в воспитании ребенка»⁴, напечатанной до этого в «Вестнике воспитания», замалчивала суть отношения автора к современному вегетарианству. При существующем социальном строе, говорил Лозинский, человек может перестать питаться мясом животных и все же продолжать — самым фактом своего привилегированного существования — «питаться мясом своих ближних». До осуществления «социального вегетарианства», т. е., в его понимании, до полной отмены каннибальских начал жизни [социальной эксплуатации], все вегетарианские радения могут иметь почти только медицинское, но не истинно моральное значение.

Само уже привилегированное положение ребенка, «гармонически» и «всесторонне» распускающегося посреди и за счет массы других безвременно увядающих младенцев, постепенное свыкание его души с данным социальным строем, растлевающая система домашних рабов, в лице разных горничных, мамок, нянек, кухарок и т. д., обреченных на пожизненный и подневольный черный физический труд, — все это даже при доброй воле воспитывающих и воспитываемых не может не отражаться самым губительным образом на нравственности (...)

То или иное состояние желудков командующих классов и всего современного образованного общества (не исключая и сиятельнейшей интеллигенции), живущих хищничеством и эксплуатацией, есть дело в социальном и нравственном отношении совершенно безразличное. Между тем, если более внимательно присмотреться к современному вегетарианскому движению в его целом, то окажется, что в своем огромном большинстве это есть движение господское, барское, движимое исключительно кулинарно-медицинскими мотивами, с

большей или меньшей примесью некоторого слащавого сентиментализма по адресу «малых сих». Но эта идеологическая мишура не должна вводить нас в заблуждение <...> Социальный состав современного вегетарианского движения — образованные классы общества, поглотившие и поглощающие одним уже фактом своего привилегированного образования и воспитания целые массы социально незащищенных затаптываемых на самое «дно» жизни человеческих существований. Современный, типичный вегетарианец — это людоед, испортивший свой желудок в самом процессе своей каннибальской жизни и ищущий своего оздоровления в перемене мясной пищи на растительную, — не изменяя, конечно, ни на йоту самых основ своего господского, каннибальского существования. Дело в том, что отказаться от «убойного питания» в вегетарианском смысле несравненно легче, чем отречься от *убойного питания своими ближними, принадлежащими к пожираемым слоям общества*. Гораздо легче, например, организовать вегетарианские столовые под разными заманчивыми лозунгами, чем отказаться, хотя бы в этих одних столовых, от эксплуатации наемного физического труда, от подчинения последнего 12–14-часовой рабочей каторге⁵. Вот почему мы и наблюдаем теперь вокруг себя своеобразный тип людей, двуликих янусов *вегетарианцев-антропофагов*, увеличивающих собой и без того уже пестрый социальный маскарад <...>.

Чтобы не затеряться в этом хаосе, необходимо мужественное и неуклонное проведение вегетарианских начал «безубойного питания» во все сферы жизни, как личной, так и социальной; необходимо тщательное различение тех вегетарианцев, которые примыкают к данному течению исключительно лишь в интересах своего правильного пищеварения, от тех, которые смотрят на безубойное питание, лишь как на незначительную часть нравственной задачи.

Надо признать, что не только рента и прибыль, но и вознаграждение современного умственного труда — гонорар, жалованье, содержание предполагают в своей основе насилие и эксплуатацию, и что от этого не спастись даже бегством в разные земледельческие колонии. <...> Прежде чем «сесть на землю», надо купить ее.

Это выступление, разумеется, вызвало дискуссию среди ведущих представителей русского вегетарианства. И. Перпер заявил, что редакция опубликует отзывы на это письмо; и, действительно, в следующих номерах журнала была напечатана серия пяти высказываний-ответов под заголовком «Беседы о вегетарианстве»⁶. Сам И. Перпер не мог согласиться с «тщательным различением» между вегетарианцами этически и «гигиеническими», есть и то, и другое в различном соче-

тании; и многие люди, примкнувшие к вегетарианству с гигиенической точки зрения, впоследствии проникались и его этическими идеями. Ф. Страхов⁷ указал на то, что отношения человека к животным вполне просты и их изменение в принципе нетрудно. «Взаимные же отношения людей спутаны сложной сетью всевозможных условностей, суеверий, предрассудков, соблазнов, правил, преданий, обычаев, законов и т. д.», так что тут к постепенной перемене можно стремиться лишь в смысле второй ступени. Н. Гусев — впоследствии один из самых видных биографов Толстого — заметил, что Е. Лозинскому напрасно вегетарианство представляется как вопрос о «состоянии желудков командующих классов»; есть, по его мнению, и религиозное вегетарианство, которое стремится к тому, «чтобы, как выразился один мой приятель, не стыдно было корове в глаза глядеть»; известно, «что многие сектанты, как хлысты, частью молокане, малеванцы и другие, также признают религиозным требованием отказ от мясной пищи; но эти люди — редкое исключение в среде трудового народа». Наверное, говорит Н. Гусев, «нет и никогда не было ни одного религиозного вегетарианца, который бы не стремился к улучшению отношений также и между людьми». Особенно подробно и убедительно в ответ на статью Лозинского высказался Ф. Р. Герман (Коканд / Узбекистан). Письмо Лозинского его удивило. Как можно отрицать серьезное значение вегетарианства без немедленного практического применения его во всем объеме? — спрашивает он, считая даже неуместным поднимать поднятый им вопрос. Но — «каждому овощу свое время, так и эзотерической проповеди вегетарианства»:

Собственно говоря, наш великий учитель предупредил книгой «Первая ступень» те претензии, которые г. Лозинский предъявляет к вегетарианству, требуя, чтобы оно сразу попало на последнюю ступень и в противном случае отказывая ему в своем уважении. Очевидно, что нельзя подняться на последнюю ступень, минуя первую, на что как будто рассчитывают очень многие другие — конечно, только идеологически — воображая себе, что у них есть или будут крылья. — С этим следовало бы соображаться г. Лозинскому.

Но кроме того, дает ему ответ и Г. Ф. Страхов своей записью в Ташкентском альбоме, отвергающей положение «Или все, или ничего», и, наконец, я сам, в том же месте, принципиально признавая самое широкое толкование вегетарианства, отказываюсь от обоснования его сентиментальностью. (...) Жизнь не терпит скачков, как не терпит пустоты. Жизнь дви-

жется противоречиями. <...> Теория исключает противоречия, но именно поэтому она отвлеченна, неестественна, однобока. <...> Но для единомышленников вегетарианские радения имеют именно не медицинское только, но и социальное значение, так как гигиена служит предположением этики и долг каждого человека прежде всего быть здоровым и бодрым; одно медицинское значение они могут иметь для отдельной личности, а не для коллектива. Конечно, и в коллективе — после устранения эксплуатируемых мамок и нянек — слабая личность будет тем или иным образом утилизироваться сильной — закона природы смертным не прейти! <...> И дело не в том, чтобы уничтожить черный труд или изъять его из рук, более способных к нему, нежели к чистому труду, и заставить пачкаться белоручек, а в изменении отношения к исполняющим черный труд и к нему самому. <...> Конечно, классовый строй препятствует доброй воле многих, но вегетарианство тут ни при чем, как ни при чем и другие течения обновления; они только способствуют возрождению в границах достижимости. <...>

Вегетарианство не есть аскетическая блажь пережившихся и перепившихся богачей-самодуров, ищущих спасения, а практика жизнерадостности живых, движущихся людей. <...> Исключить же вообще эгоизм из действий живых — это значит, исключить жизнь. <...> С развитием личности дифференциация неизбежна; из этого вытекает разделение труда и эксплуатация, которую ничто не может уничтожить, а только более или менее смягчить. <...>

Вегетарианство стремится к сближению людей через смягчение, облагораживание и опрощение их, к освобождению свободоспособных и к установлению человеческого достоинства для всех, но земной мир и рай устроить не берется, как не берется добиться утопичных всеобщего согласия и всеобщего блага методологии учения о социальном равенстве. <...>

Если даже коллективная покупка земли на трудовые гроши не есть переходное разрешение вопроса о земле, — исход, — то придется возвратиться к первобытному средству, простому завладению необходимым участком и отстаиванию захваченного. <...> При свободе всегда будет нравственный хаос <...> и только догмат и регламент вводят насильственный порядок от имени Великого Инквизитора. <...> Если вегетарианство и ведет к общей реформе всех сторон нашей жизни, то требовать его немедленного отождествления с ней не приходится.

С. П. Полтавский (Саратов)⁸ заметил, что абсурдно как раз вегетарианство обвинять в тенденции оправдывать эксплуатацию, и посоветовал Е. Лозинскому стать вегетарианцем, — тогда он увидит, что его «вегетарианские радения» не

помешают ему ненавидеть узаконенную общественную антропофагию.

Свою точку зрения по поводу статьи Е. Лозинского тогда еще мог высказать и Л. Н. Толстой; по-видимому, статья его порадовала, так как в ней был упрек в высокомерии, нередко встречающемся у вегетарианцев. 10 октября 1910 г. Л. Н. Толстой писал автору, что статья — очень хорошая и что с содержанием он совершенно согласен: «Статья эта очень полезна тем, что уничтожает ложное представление многих вегетарианцев о том, что они что-то сделали очень хорошее и отделяются от других людей тем, что питаются здоровою пищею, а не трупами»⁹.

Был ли Лозинский вегетарианцем — мне не известно. По утверждению Маковицкого, Толстой считал, что Лозинский «симпатизирует вегетарианству». В 1912 г. Лозинский, действительно, привлек внимание своим исследованием (упомянутым в начале главы), свидетельствующим об основательном знании истории вегетарианства. Это была первая на русской почве попытка помимо эстетических, физиологических, гастрономических и т. д. аспектов, исследовать также и связи между вегетарианским образом жизни и воспитанием детей. Несмотря на довольно скромный объем книги — 80 страниц — Лозинский касается множества вопросов: питание матери во время беременности, питание кормящей матери, младенца, малютки, действие на духовно-нравственное и сексуальное развитие детей.

Первая часть (с. 1—24) посвящена заслуживающему чтения очерку истории вегетарианства начиная с древности. Разумеется, Лозинский подробно останавливается на Ж.-Ж. Руссо; он сожалеет о том, что русские дети в школе знакомятся только с баснями И. А. Крылова, басни же Джона Гейя (в русском переводе А. П. Барыковой) остаются им неизвестны. Кроме того, им упоминается указание П. Б. Шелли на зараженную атмосферу переполненных городов (!); цитируется рассказ Ламартина (из «L'enfance»), как мать будто бы случайно проводит мальчика через бойню и как тот потом до двенадцати лет питался исключительно хлебом, молочными продуктами, овощами и фруктами. Лозинский приветствует успехи органической и прежде всего физиологической химии, проливших свет на все возрастающее число вопросов питания. Он задается вопросом, не находимся ли мы накануне «великой рево-

люции питания», способной отразиться на других сторонах нашей жизни. Во второй части статьи Лозинский, основательно знакомый с *pro* и *contra* литературой по вегетарианству, а также с работами А. И. Воейкова, обращается к медицинским аспектам, вопросу питания матери и ребенка. Вместе с тем он сетует на консерватизм многих врачей, опирающихся на неактуальные исследования, утверждающие, например, что количество молока у матери во время поста уменьшается и оно делается водянистее, в то время как русский *постный* режим и вегетарианство — две разные вещи. Третья часть (с. 44—64) содержит информацию о стараниях врачей и ученых, имеющих благосклонное отношение к растительной пище и пропагандирующих реформу питания младенцев и детей (прежде всего Г. Ламанн, А. Хейг и А. И. Бургер, говорится также о А. И. Воейкове и В. М. Бехтереве). В четвертой же части (с. 64—79) автор рассуждает о значении вегетарианства для гармонического развития личности. Если вегетарианство способно пробудить в ребенке страдание ко всему живому, в том числе и к животным, то оно, по мнению Лозинского, может сыграть некоторую положительную роль в духовном развитии ребенка.

Воинственные социально-критические воззрения Лозинского находят выражение также и в этом труде: он не убежден в необходимости любви без различий ко всему живому; истинная любовь, по его мнению, немыслима без ненависти, и любовь не «должна распространяться на весь паразитический и хищнический мир». Это замечание побудило издателей книги (т. е. издательство «Посредник»), приверженцев учения Толстого о «непротивлении злу насилием», в развернутом примечании высказать свое несогласие с мнением «уважаемого автора»¹; подобно они поступили и в том месте, где автор разграничивает аскетические тенденции христианства (пост) от современного вегетарианства — оно ведь, по мнению Лозинского, не только не против наслаждения жизнью, но и учит «как достигнуть наивысшего наслаждения и предостеречь себя от преждевременной, болезненной старости и напрасных страданий». Здесь издатели сочли нужным указать на проповедь воздержания Толстого...¹⁰

9. Вклад евреев

«В распространении вегетарианского движения в России, в подготовке Съезда мы, евреи, принимали и принимаем сильное участие, но нам не дано “войти туда” [аллюзия на Пятикнижие Моисеево, V, Второзаконие 34.4, где Господь показывает Моисею, взошедшему перед смертью на гору Нево, всю землю, обещанную Израилю, и говорит: «Но в нее ты не войдешь». — П. Б.]. Будем надеяться, что это больше не повторится. Следующие Съезды необходимо будет устраивать в городах “черты оседлости”, дабы евреи-единомышленники могли бы принять в них свободное участие. А в будущем стигнет эта “черта”¹ и спадут тяжелые цепи с шеи миллионов людей, вся вина которых состоит только в том, что они — лица “иудейского вероисповедания”». Такой постскрипtum Иосиф Перпер поместил в конце провозглашения Первого Всероссийского съезда вегетарианцев². И в самом деле Министерство внутренних дел одним из условий проведения съезда выдвинуло требование не допускать к участию в съезде лиц иудейского вероисповедования, не имеющих права на постоянное место жительства в Москве (ср. выше с. 303).

О том, что евреи среди вегетарианцев были представлены в большом количестве, во многом превосходящем их процентную долю в общем составе населения, свидетельствует опрос, проведенный в Киеве в ноябре 1912 г. Из 994 вегетарианцев, посетивших за день вегетарианскую столовую, 37,4% обозначили себя евреями; между тем, по переписи 1897 г. евреи составляли всего 12,8% от общего населения г. Киева. Необычайно живой интерес к вегетарианству, проявлявшийся евреями, подтверждается, в частности, концентрацией вегетарианской деятельности на юго-западе царской империи, а также большим числом еврейских имен среди представителей этого движения (Перпер, Дымшиц, Файнерман, Френкель и др.). В 1909 г. перперовское ВО сообщало о переводе на иврит полемической статьи «Долой мясо и мясное» еврейского врача А. А. Ясиновского; в ней говорилось: «... среди моих единоплеменников вегетарианство распространяется с невероятной быстротой: нет ни одного вегетарианского общества в мире, в котором бы не числились евреи. Некоторые из этих обществ состоят сплошь из евреев, как например, “Кишиневское Вегет. Об-во”». Может быть, и по этой причине, кроме других,

бессарабскому губернатору не составило труда запретить это объединение...³

В 1910 г. *ВО* сообщало из г. Дрогобыча «в Австрии» (точнее — в Галиции), известного как место рождения польского поэта Бруно Шульца, что там вот уже несколько лет существует «Еврейский Вегетарианский Союз», называющий себя «Не убий»⁴; по сообщениям из Чикаго того же года, в этом городе было основано «Еврейско-русское вегетарианское объединение»⁵. Ю. О. Якубовский в некрологе памяти польско-еврейского врача К. Моэса-Оскрагелло сообщал, что книга последнего о природной пище человека (ср. выше с. 160, 266) имела большой успех особенно у евреев-сионистов, что, в частности, привело к основанию «Яффского вегетарианского клуба», — первого объединения вегетарианцев в Палестине⁶.

Неутомимый И. Перпер вынашивал планы издания вегетарианского журнала на идише и даже основания еврейско-вегетарианского издательства. 27 января 1911 г. он выступил в Киеве с докладом о необходимости издания общедоступного еврейского вегетарианского органа под названием «Вегетарианская мысль» («Der vegetarischer Gedank»), с подзаголовком «Единственный еврейский вегетарианский журнал в мире». План, состоявший из десяти пунктов, имел целью широкую пропаганду вегетарианства среди еврейского народа, а также объединение евреев-единомышленников во всем мире (!). Сотрудниками должны были стать еврейские писатели: Шолом-Алейхем, М. Я. Абрамович (1881—1922), С. Г. Фруг (1860—1916), И. Л. Перец (1851—1915), А. Рейзен (1876—1953). Однако этой задумке не суждено было осуществиться, так как приблизительно в то же время в Нью-Йорке начал выходить ежемесячный журнал «Вегетарианец»⁷.

В 1915 г. *ВВ* опубликовал в русском переводе статью из «Jewish Chronicle» под заголовком «Евреи и вегетарианство», согласно которой вегетарианство есть территория, на которой абсолютно на равных основаниях могут встретиться как евреи, так и не-евреи, ведь многочисленные запреты еврейской кухни касаются исключительно продуктов животного происхождения; еврейский закон не запрещает, впрочем, ни овощей, ни плодов. «Как упростило бы вегетарианство еврейское хозяйство!». К тому же, «Великий Закон Милосердия» к животному проходит через весь Ветхий Завет. Автор статьи полагает, что причина [относительной] малочисленности ве-

гетарианцев среди евреев кроется, должно быть, в консерватизме их натуры⁸.

Заповедям в еврейской религиозной традиции, говорящим в пользу вегетарианского образа жизни, недавно посвятила свое основательное исследование «Vegetarian Judaism. A Guide for Everyone» Роберта Калехофски (Roberta Kalechofsky). Отдельные главы книги отводятся таким темам, как Kashrut (еврейская традиция. — П. Б.) and Modernity, Guard Your Health, The Pain of Animals, Use Nature Prudently, Charity и Community Responsibility. Опираясь на книги Рихарда Шварца (Richard Schwartz) «Judaism and Vegetarianism» и Луи Бермана (Louis Berman) «Vegeterianism and the Jewish Tradition» (обе — 1982 г.), она включила в свое исследование мнения еврейских мыслителей не только двадцатого века, но и прежних веков⁹. Впрочем, эта книга не представляет собой истории практики вегетарианства у евреев; отсутствует в ней, разумеется, и информация о распространении вегетарианства среди евреев в царской империи. Еще Филип Леон Пик (Philip Leon Pick), издатель ежеквартальника «The Jewish Vegetarian», за четверть века до этого в своей статье «Vegetarismus aus jüdischer Sicht»¹⁰ заметил, что процентная доля вегетарианцев среди евреев намного выше, чем среди их соседей в различных странах света и что существует множество примеров активного участия евреев в распространении знаний об этом великом деле. То же, очевидно, можно было бы отнести и к евреям в дореволюционной России. Дарра Гольдштейн, возможно, не права, объясняя пренебрежительное отношение представителей Петербургского вегетарианского общества к киевским вегетарианцам тем, что среди них якобы имелось так много евреев¹¹. Но вполне вероятно, что вообще в России времен погромов высокая доля еврейских активистов оказалась «бременем» для устремлений вегетарианцев, — впрочем, не только в политико-административной сфере...

10. Вегетарианцы-эсперантисты

Karaj Samideanoj,
Ni estas gointaj kun vi per niaj animoj kaj sendas al vi nian
vegetaran saluton*.

21 мая 1887 г. врач-окулист Людвик Лазарь Заменгоф (1859—1917) опубликовал (под псевдонимом D-ro Esperanto) проект искусственного мирового вспомогательного языка, озаглавив его *Lingvo Internacia*. Впоследствии новый язык стал известен под именем «эсперанто». Иосиф Перпер в статье «Праздник света», опубликованной в «Вегетарианском обозрении» в мае 1912 г., призывал вегетарианцев торжественно отметить двадцатипятилетие этого языка. Люди 1880-х годов, говорил он, встретили автора эсперанто злыми насмешками и подтруниванием: однако теперь «во всем мире имеются больше двух тысяч эсперантских обществ» и «на эсперанто издается около двухсот журналов». Как можно ускорить приближение к цели Заменгофа — слиянию людей всего мира в одну братскую семью, в которой люди разных стран и государств могли бы встречаться попросту, говоря на языке понятном всем и каждому? Взяться за изучение языка эсперанто!¹

Этому призыву предшествовала долгая фаза постепенного взаимного сближения вегетарианского движения и эсперантистов. Родство между идеями мира Заменгофа, — еврея, воспитанного в традициях талмуда, но, тем не менее, обратившегося к «нейтральной» религии «гиллелизма» и «гомаранизма», — и Толстого, стремившегося к возобновленному «чистому» христианству, было очевидным.

Когда в 1887 г. был издан проект искусственного языка, Толстой находился на пути к преодолению своего духовного кризиса. Заменгоф избежал установления прямого контакта с Толстым, но тот ознакомился с новым искусственным языком благодаря Владимиру Владимировичу де Майнову (Maunov, род. в 1871 г.), ученику Заменгофа. 13 сентября 1889 г. Толстой отметил в дневнике: «Написал Страхову и Майнову об языке эсперанто. Хорошее дело»². В тот же день он пишет Майнову: «Я внимательно прочел присланный вами учебник

* Дорогие единомышленники // Мы соединены с вами через наши сердца и посылаем вам наш вегетарианский привет (Привет вегетарианцев-эсперантистов съезду 1913 г. // *ВО* 1913: 4—5 143).

междунар(одного) языка и нахожу, что этот язык удовлетворяет требованиям международного европейского (Европа с колониями, включая Америку) языка. <...> буду по мере сил стараться распространять этот язык»³. В другом письме к Майнову (от 30 мая 1892 г.) он писал, что заниматься новым языком не имеет времени⁴.

В журнале «Эсперантисто» (№ 62, т. е. № 2, 1895 г. издания) Заменгоф сообщил своим читателям, что издательство «Посредник» примкнуло к эсперантскому движению и решило издать в первую очередь сочинения Толстого и на международном языке. Вместе с тем в журнале было опубликовано письмо Толстого, озаглавленное «Ум или вера». Для цензуры это было достаточным поводом для того, чтобы изъять из печати этот выпуск, что привело к временному закрытию журнала. После революции 1905 г. появилось больше возможностей для сотрудничества. В числе вегетарианцев Европы к тому времени имелось уже довольно много эсперантистов (или наоборот: среди эсперантистов — много вегетарианцев). Из русских вегетарианцев и приверженцев Толстого страстными эсперантистами были, между прочим, Юрий Осипович Якубович и Виктор Лебрен (1882—1979). Поэтому неудивительно, что в 1908 г., сразу после Первого Международного вегетарианского конгресса в Дрездене, в том же городе был основан «Интернациональный союз эсперантистов-вегетарианцев». Толстой был избран почетным председателем этого союза и дал согласие на избрание⁵. На Втором Международном вегетарианском конгрессе в Манчестере в августе 1909 г. молодой союз представляла Mrs. M. L. Jones из Ливерпуля, а ее отчет о встрече был переведен на русский язык Анной Николаевной Шараповой, 2-м секретарем по России Интернационального союза эсперантистов-вегетарианцев. Английский писатель и социальный реформатор Эдвард Карпентер (1844—1919), закрывая заседание, указал на то, что у вегетарианцев и эсперантистов, призывающих к братству между людьми, много общего. Он настоятельно советовал, чтобы все вегетарианцы безотлагательно учились эсперанто⁶.

В августе 1911 г. на съезде немецких вегетарианцев в Дрездене один из русских гостей, представитель делегации из Киева, Р. С. Добржанский, выступил с речью на языке эсперанто; его слова были переведены на немецкий Ф. Радеком. В 1913 г. делегат русского союза эсперантистов-вегетарианцев

А. Н. Шарапова жаловалась на то, что вследствие разрозненности русских вегетарианцев секретарям по России до сих пор нелегко действовать так, как следовало бы⁷. Вместе с тем, после смерти Толстого «Посредник» успел опубликовать некоторые из сочинений писателя на эсперанто, в том числе «Первую ступень», «Севастополь», «Кавказский пленник» и «Чем люди живы». В июне 1914 г. киевский «Вегетарианский вестник» пригласил вегетарианцев принять участие в X Универсальном конгрессе эсперантистов, который должен был состояться в Париже со 2 по 10 августа. На этом съезде говорилось в сообщении, будет представлена и международная «Лига вегетарианцев-эсперантистов», с ее девизом «сделать вегетарианцами эсперантистов, эсперантистов вегетарианцами (...) На целом ряде Международных съездов эсп-в функционируют вегетарианские столовые»⁸. 1 августа началась Первая мировая война.

В 1915 г. Анна Шарапова опубликовала в Саратове брошюру «Эсперанто и Вегетарианство»⁹. После Октябрьской революции эсперантисты разделили судьбу «этических» вегетарианцев — приверженцев Толстого: сперва была ограничена свобода их действий, потом их запретили и в дальнейшем подвергли преследованиям¹⁰.

11. Врачи — *pro* и *contra*

«С наступлением летних жаров, — писала московская газета “Раннее утро” в 1911 г., — у москвичей всегда вспыхивает симпатия к безубойному питанию, и процент постоянных вегетарианцев получает довольно изрядную временную прибавку. Вызывает ли это явление “сезонное” вздорожание мяса и сезонные же боенские сюрпризы, или просто-напросто москвичи считают нужным дать своим желудкам временный отдых — не знаем, только увлечение вегетарианством прогрессирует с каждым годом. 15 лет тому назад, когда вегетарианство делало только первые попытки привиться в Москве, число его адептов было очень незначительно. Только несколько десятков москвичей рискнули отвернуться от мяса, пренебрегая советами московских медиков, суливших безубойникам чуть ли не все существующие болезни одновременно, с истощением всего организма впридачу. Основалось вегетарианское общество [имеется в виду, очевидно, “собрание у Моода 1896 г.”. — П. Б.], но стало влачить жалкое существование, чуть ли не по пальцам считая своих членов, открылась вегетарианская столовая, но тотчас принуждена была закрыться за недостатком клиентов. (...) Интересно отметить, что в Москве прививается исключительно “половинное” вегетарианство, разрешающее употребление молочной пищи. Последнее время медицина единогласно стала признавать пользу вегетарианства при целом ряде болезней. И в хронике московских врачей зарегистрирована масса случаев излечения только полным отказом от мяса таких болезней, как хронические страдания печени, почек, застарелых катаров желудка и кишечника»¹.

Весьма скромная перемена в отношении к вегетарианским обычаям питания со стороны русских врачей, кратко очерченная в приведенной выше заметке, будет рассмотрена в этой главе более подробно и в более широком контексте.

Д-р А. П. Зеленков (1850—1914; псевдоним — «Вегетарианец»), с 1901 по 1902 г. — первый председатель СПб. ВО-ва, автор различных книг вегетарианской кухни и многочисленных статей о преимуществах вегетарианства для здоровья, в 1895 г. объяснял затруднения, испытываемые русским вегетарианством, в частности, тем, что в тогдашней России не было ни одного авторитетного врача, компетентного в данной области, несмотря на то что вопрос вегетарианства, касающийся-

ся всего человечества, был «перенесен в русское общество вот уже скоро три года» [с выходом статьи Л. Н. Толстого «Первая ступень». — П. Б.]².

Впрочем, почти двадцать лет спустя, в 1914 г., профессор А. И. Воейков в некрологе памяти д-ра Зеленкова с сожалением отмечал: «Многие другие врачи также убедились в том, что мы правы, но они более чем осторожны, прислушиваются к тому, что говорят коллеги, предписывают вегетарианскую диету лишь в немногих случаях и трусливы до того, что большинству пациентов только *запрещают черное мясо*. Они прекрасно знают, что и белое столь же вредно, но боятся того, что их осудят медицинские знаменитости и уменьшится число пациентов. Трудно пока живется врачам-вегетарианцам в России»³.

То, что русские медики упорно придерживаются своего мнения, констатировал еще в конце 1870-х гг. географ А. Н. Бекетов в своих критических замечаниях в адрес «практиков-физиологов», и почти в то же самое время и совершенно независимо от него об этом писал Н. Г. Чернышевский из своей сибирской ссылки. Впрочем, бытовавшие тогда мнения медиков относительно роли животного белка были распространены во всей Европе: они высказывались таким убежденным тоном, что неспециалистам ничего не оставалось, как верить медикам на слово. России же потребовалось особенно много времени на то, чтобы традиционная медицина научилась более свободному обхождению с вопросами питания, что опять-таки связано с известной спецификой духовной истории России.

«Кто знает, — писал в 1912 г. Е. Лозинский, — каким авторитетом пользовались в шестидесятые годы, особенно *благодаря Писареву*, немецкие физиологи Карл Фогт и Мошотт, тот найдет весьма естественным, что русский переводчик “Эмilia” (издание 1866 года) пытался опровергнуть взгляды Руссо на питание и воспитание ребенка простой ссылкой на Мошотта. В наше время Мошотт считается уже устаревшим»⁴ (курсив в цитате мой. — П. Б.). Я. Мошотт (1822—1893), физиолог и антрополог, родом из Голландии, с 1856 г. профессор в Цюрихе, а позже в Турине и Риме, был одним из ведущих представителей научного материализма. Ему принадлежит известная формула: «Мясо дает мясо» («Fleisch giebt Fleisch»); он советовал уже в период кормления давать младенцу «напитки

и пищу, питающие, прежде всего мясо»⁵; к тому же он придерживался мнения, что алкоголь — «сберегательная касса тканей» (ср. выше с. 287). Как заметил А. И. Воейков, это значит, «выражаясь иначе: “пей — будешь здоров”. Это дало ему большую популярность, и как же могло быть иначе? Прежде, особенно в России, пили крепкие напитки, но в душе сознавали, что дело нехорошее, а затем стали пить “во славу науки”»⁶.

В России, согласно Е. Лозинскому, сочинение Мошотта «*Lehre der Nahrungsmittel für das Volk*» (1850, 3-е изд. 1858, русск. пер. «Учение о пище» 1865; 2-е изд. 1868)⁷ впервые популяризировал Д. И. Писарев, изложивший учение немецкого физиолога в статье «Физиологические эскизы Мошотта». Эта статья была напечатана в 1861 г. в журнале «Русское слово», позже она войдет в собрание сочинений Д. И. Писарева⁸. С умелой риторикой и свойственной ему самоуверенностью Писарев сообщает читателям, что мясо и молоко по своему химическому составу подходят крови ближе печеного хлеба, и что и картофель не питателен и, сверх того, неудобоварим. «Может ли, — цитирует Писарев Мошотта, — ленивая картофельная кровь придавать мускулам силу для работы и сообщать мозгу животворный толчок надежды? Бедная Ирландия!» В Европе питаются смешанной едой, «поэтому в европейце нет той дикости, которая характеризует собою племена звероловов; нет и той сонливости, которою отличаются индусы, питающиеся корнями и овощами»⁹.

На тезисы Мошотта опирался также историк и социолог знания В. А. Зайцев (1842—1882), полагавший, что социальные проблемы можно решить, подобрав подходящую диету. Люди, — писал он, — принужденные обстоятельствами питаться веществами, содержащими в себе самое ничтожное количество фосфорного жира и белка, например, картофелем, составляющим исключительную пищу жителей целых стран, обнаруживают самое вредное влияние на умственные способности таких бедняков¹⁰. Воззрения Мошотта были известны и И. С. Тургеневу; его Базаров поучает Кукшину: «Кусок мяса лучше куска хлеба даже с химической точки зрения»¹¹.

Попутно отметим, что не обошлись без наставлений Мошотта и швейцарцы — им он рекомендовал увеличить производство и потребление мяса. В 1856 г. в своей речи по случаю вступления в должность профессора физиологии Цюрихского университета он поучал: «Только там, где процве-

тает скотоводство и есть излишки молока, получают сыр. Где получают сыр — не может быть недостатка в мясе. Где нет недостатка в мясе — там богатая кровь, а богатая кровь с силой мускулов создает благородный дух и высокое мужество, готовое защитить свободу». В 1981 г. д-р Ральф Бирхер, сын М. Бирхер-Беннера, заметил по поводу этого высказывания: «... кто, как не медицинская наука, должен, казалось бы, разбираться в этом лучше других? Мошотт, правда, не знал о том, что основатели Швейцарской Конфедерации и борцы в битвах при Моргартене [1315 г.] и Земпахе [1386 г.] были еще крестьянами, культивировавшими зерновые, не знавшими ни сыра, ни алкоголя»¹².

Между тем, даже такие авторитеты, как знаменитый физиолог Густав фон Бунге (1844—1920), автор научного обоснования полной воздержанности от алкоголя, профессор Дорпатского, а с 1885 г. — Базельского университетов, только способствовали укреплению предрассудков в области диетологии. В докладе «Вегетарианство» (!), прочитанном в Дорпате в 1885 г., Бунге заявил, что возможность жить без мяса пока не доказана, а вегетарианцев похвалил только за их принципиальное воздержание от алкоголя...¹³ Все же он был «может быть, одним из первых, кому открылись глаза на всемирно-исторические связи между вегетарианством и алкогольной воздержанностью»¹⁴.

Учитывая все эти факты, пожалуй, можно понять крайне критическую позицию Толстого по отношению к наукам вообще и к медицине в частности: начиная с 1880-х гг., он интересовался прогрессом вегетарианства на Западе и изучал сочинения таких врачей, как Хейг, Анна Кингсфорд и др. По собственному опыту питания Толстой знал, что формулы дневной потребности в белке, предложенные Ю. Либихом и К. Фойтом, ошибочны. В этом кроется одна из главных причин его частых пренебрежительных замечаний в адрес науки и врачей. Так, например, 4 августа 1906 г. он замечает: «До недавнего времени наука стояла за мясо. Это образец самоуверенности науки. Только лет 20 тому назад признала вегетарианство»¹⁵. И еще за несколько недель до смерти, 5 октября 1910 г.: «Наука только тогда сдастся, когда не может иначе»¹⁶. На замечания такого рода досадовала прежде всего Софья Андреевна, считавшая вегетарианские идеи мужа вредными и верившая в традиционную медицину¹⁷. 1 июля

1903 г. она с возмущением отмечает в дневнике: «Л. Н. с наивной усмешкой, при большом обществе, начал обычно бранить медицину и докторов. Мне было противно (теперь он здоров), но после Крыма и девяти докторов, которые так самоотверженно, умно, внимательно, бескорыстно восстановили его жизнь, нельзя порядочному и честному человеку относиться так к тому, что его спасло»¹⁸.

Огульное неприятие медицины Толстым и его враждебное отношение к науке как таковой общеизвестно. Оно представляется глубоко несправедливым ввиду феноменальных успехов XX века в области медицинских и технических возможностей, фармацевтических знаний и средств, — успехи, размеры которых никто тогда не мог еще прогнозировать. И все же принципиальное значение вплоть до сегодняшнего дня сохраняет высказывание Толстого от 17 февраля 1905 г.: «Есть два способа борьбы с болезнями. Один — в том, чтобы закалять себя, чтобы болезнь не пристала (правильно жить); другой — в том, чтобы, заболев, лечить болезнь. Теперешние медики делают последнее и ставят на первый план. Первый способ — медленнее, но гораздо важнее»¹⁹.

Современная медицина научилась предоставлять большую свободу действий профилактическому лечению, впрочем, врачи могут оказывать воздействие на индивидуума только путем просвещения, — это же можно отнести и к средствам массовой информации, наглядно демонстрирующим последствия избыточного веса, чрезмерного потребления алкоголя и курения, — как в индивидуальном, так и в общественно-социальном плане. «Пусть тебя не удивит то, что есть несметное число болезней — посчитай только число поваров», — замечал уже Сенека в одном из писем к Люцилию²⁰.

Физиологи и медики, в том числе русские, принимали участие еще в одной дискуссии, которая ведется еще со времен античности. «Человек есть то, что ест» — эту фразу, ставшую крылатой, впервые употребил Людвиг Фейербах в своей рецензии на книгу Мошешотта «*Lehre der Nahrungsmittel für das Volk*» (имея в виду, очевидно, Ансельма Брилья-Саварена). Вопрос о том, в какой степени пища определяет характер и поведение человека, обсуждался еще в древности, причем уже достаточно рано привлекались аналогии из животного мира.

Учитель Сенеки, Сотион, говорил, что жестокость овладевает человеком тогда, когда он прибегает к убийству, чтобы

удовлетворить жадность чрева. Плутарх (ок. 47—120) отзывался о самых разных аспектах вегетарианства в двух своих трактатах «О едении мяса» (Περὶ Σαρκοφαγίας, I и II), которые П. Б. Шелли перевел на английский язык уже в 1813 году... В 1935 г. Йоханнес Хаусслеитер [Johannes Haussleiter] произвел подробный анализ текстов Плутарха²¹. Греческий писатель-философ полагал, что мясная пища, возможно, укрепляет тело, но она ослабляет дух. Львов, тигров и змей называют хищными и жестокими, но это убийство — единственное для них средство к существованию, и то, что они пожирают, они убивают сами. Впрочем, люди, по мнению Плутарха, своим воздержанием от животной пищи привыкают к человечности, филантропии²².

Этой цепочкой аргументации руководствуется в XVIII столетии и Ж. Ж. Руссо, требуя возврата к природе и в вопросах воспитания. Не следует извращать естественные вкусовые ощущения ребенка: а ведь почти у всех без исключения наблюдается сначала отвращение к мясу. По мнению Руссо, мясо вредно и в физическом, и в нравственном отношении. «Как ни пытаться объяснить это наблюдение, несомненно одно: люди, едящие много говядины, в целом более жестоки и дики, чем другие». В качестве примера Руссо приводит англичан, называющих себя «good natured people», но в действительности известных своей жестокостью. Не случайно, — пишет Руссо, — что в самой Англии при разбирательстве дел, по которым может быть вынесен смертный приговор, закон не допускает мясников в качестве присяжных заседателей²³. Небезынтересно, что Шелли, видевший в вегетарианстве панацею чуть ли не от всех социальных зол, уверял своих читателей, что этот образ жизни смягчает свирепые страсти и порочные наклонности²⁴.

Дискуссии такого рода имели место и в России во второй половине XIX века, хотя, в зависимости от той или иной точки зрения, предполагаемое воздействие мясной пищи толковалось по-разному. Мошешотт полагал, что состав крови и мозга, определенный соответствующим образом питания, влияет и на характер человека: «Должны ли мы после того удивляться, что пылкие и спокойные, сильные и слабые, мужественные и робкие, умственно развитые и неразвитые народы становятся от пищи, по преимуществу ими употребляемой?»²⁵ Он считал эту гипотезу аргументом в пользу высокого потребления

мяса, упуская из виду действие других факторов — климата и других условий, природных или социальных.

А. Н. Бекетов, с другой стороны, придерживался мнения, что могут быть весьма различными причины того факта, что именно англичане, выделяющиеся особенно высоким потреблением мяса (по среднестатистическим данным), дали столько знаменитых ученых и литераторов и «облагодетельствовали человечество» столькими изобретениями. Он считал, что руководствоваться принципом *cum hoc ergo propter hoc* здесь опасно. Правда, сам Бекетов допустил подобную же ошибку, утверждая, что менее всех интеллектуальны народы, в первую очередь придерживающиеся мясного питания, как, например, обитатели стран Ледовитого океана²⁶.

Дискуссия была продолжена в докладе «Пища и характер»²⁷, который прочитал 9 марта 1891 г. в Харькове Александр Данилевский (1838—1923), основатель первой школы физиологической химии в России, специалистом по вопросам диетологии, с 1885 г. состоявший профессором медицинской химии в Харьковском университете²⁸. Исходя из того факта, что развитие жизни на Земле стало возможным только благодаря белкам, он высказывает свои соображения по вопросу, какое влияние имеет пища на характер животных существ — насекомых, птиц и млекопитающих — и при этом наглядно иллюстрирует «белковую догму XIX столетия». Плотоядные (из млекопитающих), — замечает автор, — отличаются в психическом и телесном отношении высоким развитием: тело крепкое, формы красивые, часто грациозны, движения быстры, сильны; в духовном отношении сварливы, злы, вспыльчивы, жадны, не любят труда; психическое развитие в высокой степени эгоистическое. Плодо- и корнеядные отличаются хорошим, красивым сложением тела, веселым нравом, игривостью, они умны, наблюдательны. Всеядные обладают также красивым крепким сложением, большею частью трудолюбивы, умны, нрава мягкого, не трусливы, довольно подвижны. Травоядные имеют тело крепкое, но тяжелое, неуклюжее; они часто громадного роста, вялы, ленивы, но способны к продолжительному труду. В некоторых отношениях исключение представляют лошади, антилопы. Перемена пищи у млекопитающих, следуя А. Данилевскому, может произвести иногда очень резкие изменения. Медведь на хлебной пище — добродушен, на мясе — скоро делается диким, злым. Свиньи на рас-

тительном корме — не злы, послушны, на пище мясной легко делаются свирепыми, опасными даже для своих пастухов. Крутой нрав хищных зверей в зверинцах можно обуздать, если продержать их некоторое время почти на одном хлебе.

Что касается человека, — продолжает автор доклада, — то действие пищи на него в значительной степени не так очевидно, как у животных, потому что только в редких случаях встречаются группы, употребляющие исключительно один род пищи, а также потому, что люди находятся в многообразных отношениях с окружающей природой. Тем не менее, — констатирует А. Данилевский, — существуют точные наблюдения, показывающие, что различного рода пища вызывает и в людях различные качества телосложения, жизнедеятельности, склонности и различия в степени морального и умственного развития. При этом он указывает только на общие места. Охотничьи племена Америки, эскимосы, киргизы, калмыки и др. питаются исключительно или по преимуществу пищей животного происхождения. Все эти народы отличаются крепким, сильным телосложением. Все они бодры, выносливы, смелы, храбры, ловки, внимательны, но вместе с тем они раздражительны, сварливы, вспыльчивы, жестоки, воинственны, кровожадны, хитры; они способны к умственному развитию, но при первой же возможности предаются лени.

Плодоядные же, по мнению А. Данилевского, отличаются здоровым, хорошим сложением, ловки в движениях, не особенно выносливы в труде, склонны к лени, добродушны, легко подчиняются, отличаются преданностью, привязчивостью. В качестве примера он приводит разнообразнейшие негритянские племена Африки. К растительной пище он относит индусов Ост-Индии, малайцев, китайцев, мексиканцев, японцев, египтян и др., при этом указывая, что из этих народов некоторые — чистые вегетарианцы (индусы), другие — изредка примешивают к растительной пище некоторые животные продукты, преимущественно из группы молока, яиц и рыбы. В телесном отношении растительные люди якобы развиты хуже предыдущих народов: мышцы слабые, малоспособны к сильным напряжениям, движения значительно более вялые, ловкости меньше, мужества мало, нрав кроткий, а, кроме того, растительные мало воинственны, легко подчиняются решительным людям и туго поддаются высшему умственному развитию.

Высшие человеческие племена, — согласно тезису А. Данилевского, — безусловно всеядны. Мало уступая плотоядным в телесном развитии, они далеко превосходят их в моральном и умственном отношениях, в особенности, в прогрессе этих высших сторон человеческой жизни. Среди всеядных людей некоторые народы и группы пристрастны к мясу больше, другие меньше. И здесь уже видна разница в складе характера как следствие разных родов питания; например, «мясники» отличаются крепким телосложением, почти идеальным здоровьем, но вовсе не славут мягкосердечными. То же самое в значительной степени относится к англичанам. Они больше других наций едят мясо и притом любят мясо полусырое. Это народ предприимчивый, серьезный, решительный; англичане — отличные боксеры, любители кровавых зрелищ; они эгоистичны, но способны к высокому психическому развитию²⁹. В конце доклада Данилевский все же допускает, что, кроме пищи, существуют и другие факторы, влияющие на телесное и умственное развитие³⁰.

Знакомство с вопросами влияния питательного режима на характер человека помогает Данилевскому, по-видимому, также и при оценке часто обсуждавшейся в то время «желтой опасности». Много говорится о том, — замечает профессор, — что в Китае должно предвидеть скорое наступление завоевательного периода, взрыва страстей и т. д. По его мнению, такие ожидания пока преувеличены: к глубокому общему и продолжительному подъему народного духа китайцы не способны, и эта неспособность — органическая, зависящая, несомненно, от химического сложения их нервной и мышечной системы. Китайцы, — пишет автор, — как и растительноядные животные, крайне терпеливы, выносливы в лишениях в высокой степени, скромны в требованиях жизненных удобств и благ. Но такое состояние китайцев и Китая не беспредельно: «Под влиянием ли Европейской культуры или от других причин китайцы изменяют род своего питания. Когда они станут есть много мяса, тогда только зашевелиятся в их существе жажда знания, дух предприимчивости, критики, тогда только теснота населения, недостаток пищи и других удобств жизни заставит их выйти из пассивного спокойствия». Тогда может быть вызван в них «тот взрыв страстей, который при их действительно поразительной многочисленности может сделать их страшным бичом для соседей»³¹. Как видно, уроки Ю. Ли-

биха, подчеркивавшего особую ценность животных белков, — здесь еще дают о себе знать.

Впрочем, Данилевский указывает и на то, что мясная пища оказывает опьяняющее действие на дикарей и вообще располагает к употреблению алкоголя. Опытные врачи знают, — утверждает докладчик, — что «невозможно излечить пьянства, не отказавши больному наперед в употреблении мяса»³².

Возглавляя многочисленную комиссию, созданную по приказанию военного министра в конце 1905 г. (уже после опубликования октябрьского манифеста царя), Данилевский, назначенный к этому времени профессором Военно-медицинской академии в Санкт-Петербурге, разработал новые пищевые раскладки для нижних чинов войск царской армии³³. Известно, что общественное питание всегда сопряжено с особыми вопросами³⁴. Доклад комиссии, напечатанный в 1907 г., свидетельствует о том, что известный биохимик спустя полтора десятилетия после своих популярных обобщений все же принял ряд передовых позиций — правда, с некоторыми «но». Теперь Данилевский уже допускает, что чисто или преимущественно растительный режим питания не лишает человека возможности жить и быть работоспособным, но присутствие известного количества животных пищевых продуктов, по его мнению, облегчает нормальную и высокую работоспособность и выносливость. Он подтверждает, что лецитин, открытый незадолго до этого, содержится не только в мясных продуктах, но и в растительных семенах, однако для усвоения его из растительных продуктов человек «должен затрачивать силы». Жалобы некоторых лиц на якобы чрезмерное и будто бы вредное для здоровья количество белков в рационе русских солдат (165—190 граммов в сутки) он находит преувеличенными, что побудило его коллегу подполковника Гарлинского послать в военное министерство «специальный вотум» (по Лейтцманну, сегодня рекомендуется 50—60 граммов белка в сутки для мужчин и 50 граммов — для женщин³⁵). Однако теперь Данилевский высказывается в пользу разнообразия в питании, в пользу частичной замены обычной — для того времени — говядины другими сортами мяса или же сыром, молоком и творогом; он даже считает долгом «очертить вкратце физиологическое значение некоторых пищевых статей, которые обыкновенно ставятся на задний план», но небрежение

которыми «в пищевом довольствии людских масс не остается безнаказанным для здоровья людей», а именно овощей (большое значение витаминов было признано официально только в 1912 году!). По утверждению Данилевского, вследствие разнообразия климатических поясов Российской империи невозможно устанавливать для войсковых хозяйств «определенный шаблон употребления овощей», но необходимо «всячески поощрять пользование разнообразными овощами». Сибирь, Южная Россия, Средняя Азия, Кавказ, Манчжурия — каждый из этих краев имеет свою «овощную флору», и «войсковым начальникам стоит только внимательно присмотреться, чтобы решить, какие из местных овощей подходят к денежным средствам солдатского стола и какие годятся во вкусовом отношении». Данилевский рекомендует также «сухие овощи», правда, только те, которые выращивались в почве, не питаемой «нечистотными удобрениями» (!); относительно солдатского пищевого довольствия он высказывается в пользу включения в рацион чечевицы, фасоли, кукурузы, овсяной крупы и в целом осуждает излишний консерватизм в питании солдат.

Столь подробное изложение позиции, которую Данилевский занимал в 1905—1907 гг., объясняется тем, что оно как нельзя более наглядно иллюстрирует наблюдение А. И. Воейкова относительно того, как неохотно врачи меняют свои воззрения. А. И. Воейков замечал, что у медиков слишком мало времени для того, чтобы следить за развитием своей отрасли науки; они, как правило, довольствуются изучением врачебных журналов, в то время как новые познания часто излагаются в специальных книгах и статьях³⁶. Так, вероятно, было и в случае с Данилевским: с его пищевыми раскладками для довольствия войск, по всей вероятности, был знаком лишь узкий круг врачей.

Упорное следование традиционным мнениям по вопросам питания отмечают также Р. Э. Ф. Смит и Дэвид Кристиан [R. E. F. Smith и David Christian] в работе «Bread and Salt. A Social and Economic History of Food and Drink in Russia» (1984). С точки зрения авторов, определенное количество животных белков полезно для рационального питания, поскольку их биологическая ценность, как известно, выше. Именно поэтому большинство исследователей народного питания и, в частности Морис Эймар (Maurice Aymard, 1975), доказывали, что наличие в рационе адекватного количества животного белка

может стать пробным шаром в вопросе обогащения питания в развитых странах.

«Подобные воззрения, — пишут Э. Ф. Смит и Дэвид Кристиан, — встречаются в XIX столетии у большинства русских, интересовавшихся питанием крестьян. Наличие или отсутствие мяса в пище крестьян всегда считалось самым наглядным показателем качества питания, надежным признаком улучшения или снижения уровня жизни в целом, а также чувствительным индикатором классовых различий». В качестве примера авторы указывают на то, что в докладе высочайше учрежденной Комиссии для исследования положения сельского хозяйства и сельской промышленности в России за 1872 г. (СПб., 1873) читатель постоянно наталкивается на формулу-рефрен: «Потребление мяса не повысилось и питание крестьян не улучшилось» (Московская губерния) или: «В иных областях питание улучшилось и потребление мяса повысилось» (Тверская губерния). «Сами же крестьяне, — продолжают авторы, — не были убеждены в том, что мясо представляет жизненную необходимость». В этом контексте Э. Ф. Смит и Д. Кристиан цитируют «Из деревни» А. Н. Энгельгардта (1872—1887): «Все мы [т. е. представители образованного класса. — П. Б.] (...) считаем мясо чрезвычайно важною составною частью пищи, считаем пищу плохую, неудовлетворительною, если в ней мало мяса, стараемся побольше есть мяса. Между тем мужик даже на самой трудной работе вовсе не придает мясу такой важности. Я, конечно, не хочу этим сказать, что мужик не любит мяса, разумеется, каждый предпочтет щи с “крошевом” пустым щам, каждый с удовольствием будет есть и баранину, и курицу — я говорю только о том, что мужик не придает мясу важности относительно рабочего эффекта»³⁷. Воззрения как «образованных классов», так и крестьян были известны и Толстому...

О том, что мнения врачей не допускали возражений, а запугивание публики традиционными заверениями в необходимости употребления мяса было повсеместным явлением, косвенно свидетельствует тот пафос (который сегодняшнему читателю покажется, скорее, смешным), с которым русские вегетарианские журналы до Первой мировой войны публиковали фотографии детей, «вот уже три или четыре года, или даже с рождения» живущих без мяса.

Сами вегетарианцы подчас не были уверены в том, может ли вегетарианство во время беременности представлять опасность для зарождающейся жизни или нет, ведь повсюду утверждалось, что будущая мать непременно должна придерживаться усиленного режима питания, т. е. преимущественно мясной пищи, и должна есть за двоих³⁸. Другие взгляды пробивали себе дорогу с трудом. «Велика заслуга вегетарианства в деле научной разработки вопроса о питании», — писал Е. О. Дымшиц 29 июня 1914 г. в ВО-ве (Екатеринослав); по его замечанию, именно благодаря вегетарианству плоды, яблоки и проч., всевозможные орехи, овощи уже не считаются многими исследователями лакомствами и приправами, а признаются пищей самой рациональной³⁹.

Во время открытого диспута о вегетарианстве в Саратовском университете (6 и 13 февраля 1913 г.)⁴⁰ при участии нескольких профессоров один из докладчиков высказал мнение, что вегетарианцы для медиков — просто люди, которые проводят опыты с безмясным питанием. Некоторые профессора выдвигали старые аргументы: проф. С. И. Вертоградов, например, заметил, что за вегетарианцами, может быть, остается преимущество в смысле выносливости, но в смысле продуктивности работы первенство всегда останется за мясоедами; а проф. В. В. Вормс говорил, что вегетарианцы должны принимать пищу в увеличенном, против нормального, объеме и что прямых указаний на вред мясной пищи при обыкновенных условиях не имеется.

Однако в целом, в годы, предшествовавшие Первой мировой войне, можно отметить более деловой тон в дискуссиях вегетарианцев с врачами-традиционалистами. Именно поэтому вегетарианец П. И. Гуров, оценивая результаты Первого Всероссийского съезда вегетарианцев в Москве (1913 г.), выразил сожаление по поводу того, что имели место неуместные выпады «одного из участников съезда по адресу русских врачей и русской науки», а также по поводу принятия съездом «проникнутой духом слепого догматизма резолюции о вивисекции»⁴¹.

В этой главе я сознательно не касаюсь статей таких врачей-вегетарианцев, как А. П. Зеленков и А. А. Ясиновский, или же многочисленных переводов статей из западноевропейской медицинской литературы предвоенного периода. В них можно найти главным образом воззрения и тезисы, имеющие

всеобщее значение в рамках «вегетарианского дискурса», но не являющиеся характерными для истории русского вегетарианства.

В советский период медицинскую науку, как и всю политическую систему в целом, очевидно, мало волновали проблемы вегетарианского питания. В 1984 г. М. Самсонов и В. Будаговская в статье «Вегетарианство: польза реальная и мнимая» («Медицинская газета») сообщали, что в странах Запада нарастающими темпами распространяется увлечение различными пищевыми культурами⁴². «К сожалению, в последние годы увлечение научно не обоснованными диетами, в том числе и вегетарианскими, наблюдается и у нас». Однако «даже при самом тщательном составлении пищевого рациона лактоово- и лактовегетарианцы могут обеспечивать потребности организма только по некоторым компонентам. Строгие же вегетарианцы (...) получают пищу дефицитную». Если же, — заключают авторы статьи, — в рацион входит рыба (!), молоко, творог и яйца, тогда вегетарианская пища и при долгом таком вегетарианстве не опасна и даже целительна для пожилых и больных людей.

В 1987 г., т. е. уже в годы перестройки, доктор медицинских наук В. А. Конышев, заведующий лабораторией по разработке перспективных и комплексных проблем питания Института питания АМН СССР, в краткой статье «Современное состояние старой концепции (вегетарианство)», напечатанной в журнале «Вопросы питания», высказался по вопросу современного состояния медицинских познаний о растительном питании⁴³. Статья начинается словами: «Значительный опыт изучения вегетарианства накоплен за рубежом»; и, действительно, в списке научной литературы по предмету, наряду с десятью русскими работами, приводятся 47 работ на английском языке. Широкое распространение вегетарианства за рубежом автор объясняет существованием там групп населения, придерживающихся вегетарианства по религиозным мотивам (упоминаются, в частности, адвентисты) или вследствие приверженности учению макробиотиков японского направления.

В. А. Конышев сообщает, что за рубежом часто встречается термин «веганы», что существует и термин для обозначения вегетарианцев, питающихся только фруктами и орехами (fruitarians), а также что в советской популярной литературе под вегетарианцами подчас понимают людей, довольствующихся при потреблении мяса небольшим количеством...

Далее автор указывает на то, что в русских энциклопедических изданиях все еще бытуют термины «старовегетарианцы» (для обозначения веганцев и сыроедов) и «младовегетарианцы» (для обозначения лактовегетарианцев), фактически уже вышедшие из употребления. Ссылаясь на использованные источники, он заключает, что школьники-вегетарианцы (особенно из семей макробиотиков) отстают от своих сверстников по физическому развитию, а также, что железодефицитные анемии обычно затрудняют способность детей к обучению, «и именно такого влияния следует ожидать от вегетарианских рационов». Если дети-дошкольники из вегетарианских семей, в том числе веганских, значительно обгоняют своих сверстников по умственному развитию, то это, по утверждению автора, происходит вследствие большей заботы родителей об их воспитании; аналогичным образом обнаруженные в Индии различия в заболеваемости детей вегетарианцев и невегетарианцев, по его мнению, являются следствием различий в уровне санитарных навыков.

В дальнейшем В. А. Конишев, опираясь на различные исследования, подробно останавливается на том, что вегетарианство способствует долгожительству, а также снижает риск заболевания такими болезнями, как, например, рак, что подтверждают как опыты на животных, так и случаи пациентов, придерживающихся вегетарианской диеты. Он упоминает, что в свое время уже И. И. Мечников и его последователи подчеркивали полезное действие молочнокислых продуктов. «Неясно, происходит ли у человека под влиянием возрастных изменений метаболического статуса смена пищевых мотиваций с проявлением предпочтения к растительной и молочной пище»; опыты на животных выявили такие тенденции. «Представленный обзор, — заключает автор статьи, — показывает, что вегетарианство интенсивно изучается во многих странах мира». Но, например, о том, что в Великобритании — 3,5 млн., а в США более 12 млн. людей живут по-вегетариански (Джулия Робертс не является исключением), — о таких фактах в этой статье не говорится⁴⁴.

Можно констатировать, что с конца 1980-х годов и в России пробивают себе дорогу новые взгляды медицины на вегетарианство, хотя, по-видимому, не без затруднений.

12. Бойня — взгляд изнутри

Корми его не мясом от ловитвы,
Но яство мирное росой полей!
Насыти жизнью тихой, как молитвы,
Как теплый вздох, идущий от полей.

Р. М. Рильке. Часослов
(1905; пер. В. Летучий, 1907)¹

В сельской среде убой домашнего скота — явление само собой разумеющееся. Так было и остается в деревенской жизни России и Украины, что наглядно иллюстрирует М. Коцюбинский в рассказе «Письмо». Рассказ М. Арцыбашева «Кровь» рисует, напротив, совершенно иную картину: в дворянских поместьях деликатное чувство вины и такта отодвигает все процедуры убийства, сопряженные с потреблением мяса, на задний план: господа предоставляют их исполнение подданным, тем самым заставляя других делать то, чего им самим делать не хочется; исключение составляет лишь такое спортивное переживание, как охота — атрибут определенного социального положения.

Как пишет в своих заметках «О вкушении мяса» социолог Норберт Элиас, на Западе начиная со Средних веков и вплоть до XVII, а частично и до XVIII столетия в верхних слоях общества не находили ничего удивительного в том, что на стол обыкновенно подавалось целое животное, которое разрезалось тут же. То, что с XVIII столетия такое открытое обхождение с мертвым животным постепенно исчезает, объясняется различными социально-экономическими факторами, а также всеобщим смещением границы стыда. К середине XIX века западноевропейский застольный этикет частично перенял так называемую «русскую систему», которая состояла в том, что разрезание животного производилось на кухне². Действительно, сборник советов и наставлений «Хороший тон» (издание 1889 г.) рекомендует: «если общество значительно и представляет некоторым образом более праздничный вид, то удобнее разрезывать в кухне, и потом, сложив их (мертвых животных) на блюде, по возможности, в том виде, в каком они были первоначально, подавать на стол»³.

На рубеже XX века социально-экономические перемены, а также повышение порога стыдливости привели к тому, что в России, как и везде, разделывание животных для их потре-

бления в городских условиях переместилось на бойню. Отныне происходящее там старались отгораживать от любопытных взглядов⁴. Лишь относительно недавно телевидение дало зрителям возможность заглянуть на бойню, особенно тогда, когда проблема потребления мяса стала занимать первые полосы газет в связи с эпидемией «коровьего бешенства» или болезнью Кройтцфельда-Якоба. Впрочем, литературной темой бойня стала уже значительно раньше. Некоторые из соприкасающихся с этой темой текстов советского периода обсуждались несколько лет тому назад А. Жолковским в статье «Slaughterhouse motifs...»⁵. Однако первым, кто описал происходящее за стенами бойни в России, был Л. Н. Толстой: описание тульской бойни в «Первой ступени» — самое раннее и самое волнующее из существующих описаний; между прочим, не только все эссе, но также изданное отдельно описание бойни под заголовком «На бойне» можно было купить в «Вегетарианской библиотеке» издательства «Посредник» за $\frac{3}{4}$ копейки.

Вегетарианская печать, что неудивительно, обращалась к этой теме постоянно. В 1910 г. Валентин Булгаков, последний секретарь Толстого, рассказывает в одном из фельетонов в *ВО* о Всероссийской мясной выставке в Москве, открытой после торжественного молебствия московским городским головой Н. И. Гучковым. Выставка должна была «сблизить сельских хозяев и скотоводов со скотопромышленниками». Городской голова провозгласил тост «за процветание городских боен», пообещал принять меры «в целях предотвращения дальнейшего сокращения потребления мяса», сообщив при этом о намерении «строить конебойню и птичьейбойню...»⁶

Год спустя *ВО* напечатал выдержки из живо написанного репортажа о киевской бойне, опубликованного в «Киевской мысли» под заголовком «В кровавом тумане»⁷. Репортаж, автором которого был П. Корневский, не так уж далек от описания тульской бойни Толстым:

... Во дворе — кровь: багровый снег. Мокнет и тает в лужах крови. На осях и колесах телег, на дверях и оконных рамах — сгустки запекшейся крови. Воздух насыщен острыми парами. Лижут лицо, ударяют в нос, щекочут в горле...

— Эй, ты, черепаха! Еще упирается!..

И он больно хлещет ее плетью по хребту, толкает в живот, тащит за рога.

— Му-у-у-у!..

Так кричит скотина ночью, во время пожара...

Все делается в мгновение ока. Десяток носилок уносит трепещущее тело в дымящийся павильон. «Смальян». Десятки огненных языков вырываются из преисподней, пожирают шерсть, запекают кровоточащие раны. Едкий дым, насыщенный жирными парами...

— Хотите обогреться? Пожалуйте!..

Курят, обмениваются остротами, хохочут... Точно блины пекут...

⟨...⟩

Как теперь вижу бычка... Полный сил и здоровья. Обнюхал освежеванную тушу, попятился назад. Понял, видно. Долго к нему подкрадывались то с той, то с другой стороны. Не поддается.

И «он» тут; в руке — острый клинок. Улучил удобный момент, нащупал в затылке уязвимое место. Чах!.. Упал, как подкошенный. Но еще жив. Повернул голову, поглядел умоляюще...

— Мне больно!..

Без слов, но красноречиво-умоляюще...

Но тот уже улегся на голове, повернул клинок, приналег. Что-то хрустнуло... Опять те же глаза ясные, сознательные...

— Пощадите!..

Опять удар — под левую лопатку — глубокий, роковой... Брызнула кровь — пенистая, горячая... Целый ушат крови... Освежевали, отрезали голову, подняли тушу на блок, вынули внутренности. А она все еще жива. Сознание умерло, но в неостывших мускулах долго еще замечалось судорожное движение. Что же еще оставалось в живых, выполняло свое назначение?..

Тысячи казней в день, никем не опротестованных, никем не оплаканных, казней медленных, мучительных...

Считите только жертвы: 1132 овцы, 240 озимков, 45 телят, 625 свиней, 7 лошадей, 235 голов крупного скота убивает бойня ежедневно. Иногда и больше. И этим Киев не насыщается — еще привозят...

Появившийся в ведущей газете, этот текст нашел большой отклик — может быть, не совсем случайно как раз в этом году число вегетарианских столовых в Киеве достигло максимальной величины — 12...

О еще одном описании бойни, напечатанном в 1913 г. в альманахе «Естественная жизнь и вегетарианство» и характеризующем обстановку на петербургской скотобойне, речь шла уже выше (ср. с. 311).

Значительно повлияло на распространение вегетарианства появление в русском переводе романа Эптона Синклера «The Jungle». Этот роман, как известно, описывает

эксплуатацию рабочих и ужасные гигиенические условия на бойнях и мясных фабриках Чикаго. Опубликованный в конце 1905 г. в социалистическом еженедельнике «Appeal to reason», роман вышел отдельной книгой в Нью-Йорке в 1906 г. В том же году в Киеве появился первый русский перевод под названием «Дебри» (в более поздних переводах предпочиталось заглавие «Джунгли», см. изд.: Москва, 1956).

«The Jungle» имел последствия в масштабе государства: парламент США ужесточил законы о контроле за качеством пищевых продуктов, а потребление мяса в стране снизилось. Немецкое правительство, в свою очередь, использовало роман как повод для ограничения мясного импорта из Америки посредством повышения ввозных пошлин.

В России И. Перпер приветствовал появление романа: «Для нас, вегетарианцев, эта книга представляет особенно выдающийся интерес, так как автор главную часть своей книги посвятил описанию чикагских боен, в которых он работал простым работником. Ужасом веет от тех зверств, творимых в бойнях над людьми и над животными. Нам известно, что “Дебри” сделали многих людей вегетарианцами, и это вполне понятно. Синклер указал на то зло, с которым мы, вегетарианцы, боремся. Синклер разворачивает перед глазами читателя все мерзости, творимые для добывания убойного питания, и зовет выбраться из дебрей, на новый путь, на лучшую дорогу»⁸.

Год спустя Н. Гусев цитировал фразу из романа Синклера: «Это было какое-то машинное производство свинины, убой посредством прикладной математики». «Нам, вегетарианцам по требованию религии, — писал он, — книга Синклера особенно важна тем, что она напоминает не только о грехе убивания животных, но и о еще большем грехе медленного убивания людей сверхсильным и нездоровым трудом, том грехе, который лежит в основе всего строя нашей жизни и к избавлению от которого вегетарианство служит только лишь “первой ступенью”»⁹. Эта книга, по замечанию Гусева, может иметь значение для распространения вегетарианства тем больше, что автор ее «не принадлежит, по-видимому, к числу людей, признающих вегетарианство как одно из требований религии»¹⁰: Синклер якобы жил по-вегетариански всего лишь в течение трех лет. Однако, кроме «The Jungle», его перу принадлежит также работа «Good Health and How We Won it»

(1919), в которой он пропагандировал безмясной режим питания. Эта книга опирается, в частности, на «проповедника постничания» Ораса Флетчера. О синклеровском методе «лечения голодом» сообщалось также в киевском «Вегетарианском вестнике» (1915)¹¹.

На спорные аспекты данной темы обращали внимание и другие русские авторы, и не только в связи с вопросами вегетарианства. Выше уже шла речь о краткой сцене из рассказа А. Чехова «Моя жизнь», разыгрывающейся на бойне. В повести Юрия Олеши «Зависть» (1927) Николай Кавалеров читает корректуру текстов, написанных Андреем Бабичем:

...Так, собираемая при убое кровь может быть перерабатываема или в пищу, для изготовления колбас, или на выработку светлого и черного альбумина, клея, пуговиц, красок, землеудобрительных туков и корма для скота, птицы и рыбы. Сало-сырец всякого рода скота и жиросодержащие органические отбросы — на изготовление съедобных жиров: сала, маргарина, искусственного масла, — и технических жиров: стеарина, глицерина и смазочных масел. Головы и бараньи ножки при помощи электрических спиральных сверл, автоматически действующих очистительных машин, газовых опалочных станков, резальных машин и шпарильных чанов перерабатываются на пищевые продукты, технический костяной жир, очищенный волос и кости для разнообразных изделий...¹²

«Техноубой»¹³, господствовавший на протяжении всего XX века, становится предметом критики и в повести Бориса Пильняка «Мать сыра земля» (1924—1925). Герой видит героиню на бойне во время работы — и больше уже не в состоянии ее любить:

Арина заговорила деловито, но очень поспешно, так показалось Некульеву:

— Кожа идет на обделку, жировые вещества идут на мыло, белками мы откармливаем свиней. Сухожилия и кости идут на клееварню. Потом кости размалываются для удобрения почвы. У нас все используется.

Руки Арины были в крови, земля залита была кровью, — рабочие обдирали лошадей, другие конские трупы валялись уже ободранные, — лошадь подвесили за ноги, на блоке, к виселице.

Некульев понял: здесь пахнет так же, как всегда от Арины, и он почувствовал, что горло его сжала тошнотная судорога¹⁴.

Город Чикаго и его бойни произвели огромное впечатление и на В. Маяковского. Правда, в своем рассказе-репортаже об этом городе он утверждает, что без мяса не проживешь и нечего кокетничать с вегетарианством¹⁵. Однако затем он пишет:

Чикагские бойни — одно из гнуснейших зрелищ моей жизни. Прямо фордом вы въезжаете на длинейший деревянный мост. Этот мост перекинут через тысячи загонов для быков, телят, баранов и для всей бесчисленности мировых свиней. Визг, мычание, блеяние — неповторимое до конца света, пока людей и скотину не прищемят сдвигающимися скалами, — стоит над этим местом. Сквозь сжатые ноздри лезет кислый смрад бычьей мочи и дерьма скотов десятка фасонов и миллионного количества.

Воображаемый или настоящий запах целого разливного моря крови занимается вашим головокружением.

Разных сортов и калибров мухи с луж и жидкой грязи перепархивают то на коровьи, то на ваши глаза.

Длинные деревянные коридоры уводят упирающийся скот.

Если бараны не идут сами, их ведет выдрессированный козел.

Коридоры кончаются там, где начинаются ножи свинобоев и быкобойцев.

Живых визжащих свиней машина подымает крючком, зацепив их за живую ножку, перекидывает их на непрерывную цепь, — они вверх ногами проползают мимо ирландца или негра, втыкающего нож в свинячье горло. По несколько тысяч свиней в день режет каждый — хвастался боевский провожатый.

Здесь визг и хрип, а в другом конце фабрики уже пломбы кладут на окорока, молниями вспыхивают на солнце градом выбрасываемые консервные жестянки, дальше грузятся холодильники — и курьерскими поездами и пароходами едет ветчина в колбасные и рестораны всего мира.

Минут пятнадцать едем мы по мосту только одной компании (...)

Бойни не проходят бесследно. Поработав на них, или станешь вегетарианцем или будешь спокойно убивать людей, когда надоест развлекаться кинематографом. Недаром Чикаго — место сенсационных убийств, место легендарных бандитов...¹⁶

Литературной темой бойня осталась и в постсоветское время. Рассказ Виктории Фоминой «Мраморное мясо» повествует об одном шведском гуру, учителе героини, уже два года

живущей по-вегетариански, — который «изобретает натуральные пищевые прибавки и читает лекции московским докторам о пользе вегетарианства»¹⁷. Какой-то друг знакомит ее с американским миллионером — владельцем мясных заводов в США и одного в Москве, а кроме того, ресторана. Рассказчица проводит с этим американцем одну ночь. Он вырос в России, тринадцать лет назад эмигрировал в США. Он рассказывает ей об одном специальном сорте мяса, привозимом из Японии:

Быка не кормят, а только спаивают <...> А потом забивают. Не сразу убивают, а долго бьют колотушками. Знаете, живые отбивные. Мясо с жиром и кровью перемешивается, и получается рисунок в разрезе, как у мрамора — тонкие белые прожилки и волокна разных оттенков. Так и называется — «мраморное мясо». Красиво. И все пропитано вином. Хотите попробовать? Ничего, что вегетарианка. Один раз, потому что никогда не ели <...>

Хотите, проспекты свои покажу, рекламу... Вот, это заводы, где я покупаю мясо. Свиные туши, разделанные по всем законам диалектики, напоминают тела обесчещенных женщин. Некрофилия <...> Мои компаньоны используют новейшие щадящие способы. Убивают током. Смерть наступает мгновенно и неожиданно. Да ладно вам. Людям сам Бог повелел питаться. Да, родятся, чтобы их съели. Карма у них такая <...>

Затем он показывает ей фабрику.

Конечно, вы увидите, какие мясорубки огромные и чаны для варки и копчения. Образцы — у меня в холодильнике, в кабинете — хотите попробовать? Некуда? Да, поужинали мы плотно, не то слово. Где морозильник? Хотите войти? Лучше не надо. Там на крюках мясо висит. Колбаса — на складе. Это разделочный цех, это разделочный стол. Да, чистый.

Далее следует описание нескольких снов, дневных и ночных, в которых то он, то она переживают то, что делается с животными:

Поддается упругое тело, начинает сдаваться, прогибаться под молотом, пропустил — не встретил всего лишь один удар, устал, — и жалобное, стервенеющее «муууууу!» Муууууууууу! Будьте прокляты, сучьи дети! Мууууууу-ииииии-ааааах! Хрустнул хребет, и заработал молот быстро-быстро, легко пошло, все легче с каждым разом. Бык захрипел, задержался и показал язык, толстый, синий и очень вкусный, захлупала, поплыла кровь, из морды закапала, с языка, потом полилась малой и

тихой речкой, почти черной от густоты. Молот чавкал и бил, заворачивал до оупения. Стоять и смотреть — смысл жизни. Мясо, как мясо, чавкает и пружинит, пропитывается кровью, смешивается перед употреблением, туша бесформенная, неживая, скоро застынет, затвердеет, как мрамор. И будет сон. Тихое, бесформенное «муууу»...

До свиданья, Маня, до свиданья...

В начале рассказа есть поистине гротескная сцена: «Я видела голову коровы. Тушу разделали и продавали на вес: мясо — из него выходил пар, теплые внутренности, вымя и требуху. Продавали у всех на глазах, на глазах у головы — корова смотрела на себя глазами с ресницами и поволокой. Застывшими, мертвыми. Люди хвалили и выбирали мясо. Даже спорили и ругались, бабы хватались за лучший кусок. А бык, который ее любил? Или у коров все не так?»

В середине 1990-х гг. русское телевидение транслировало репортаж Александра Невзорова под названием «Бойня». А в «Литературной газете» (№ 34, 2003) был напечатан рассказ В. Исаева-Меленковского «Забойщик скота Федор Лыков», герой которого не выносит «кровавых» требований своего ремесла¹⁸. Тема бойни остается актуальной.

13. Поваренные книги

В англоязычных странах в период между 1960 и 1980 гг. были изданы 183 вегетарианские поваренные книги, 35 из них — в Соединенном Королевстве. Первая книга вегетарианской кухни на английском языке — «A New System of Vegetable Cookery» — вышла в свет в 1821 г. (без указания автора) под редакцией некоего «члена общества библейских христиан», а именно Mrs. Brotherton¹.

В России история вегетарианской поваренной книги начинается в 1892 г. с настойчивого призыва Н. С. Лескова в газете «Новое время» издать подобную книгу на русском языке. Годом позже издательство «Посредник» объявило о выходе такой книги под заголовком «Вегетарианская кухня». Насмешки прессы не заставили себя ждать. Ежемесячный журнал «Русское богатство» прокомментировал это так: «“Посредник” серьезно задался целью распространить вегетарианское учение среди интеллигентных читателей. (...) Он обещает “в самом непродолжительном времени” выпустить поваренную книгу: “Вегетарианская кухня. Наставление к приготовлению более 800 блюд, хлебов и напитков для безубойного питания...”². Очевидно, вегетарианцы из редакции “Посредника” не прочь сладко покушать, хотя чревоугодие идет вразрез с требованием воздержания, о котором пишет Л. Толстой в своей статье “Первая ступень”...»³.

Это насмешливое изумление отражает разнообразие мотивов, приводивших к «вегетарианскому образу жизни»: помимо аргументов, говорящих в пользу воздержанности и опрощению в смысле Толстого и заверяющих в том, сколько удовольствия можно получить при сознательном потреблении «основных продуктов питания» (Толстой и овсянка!), были и другие доводы ратовавших отказаться от рыбы и мяса, но при всем том желавших, по возможности, сохранить вкусовые привычки карниворного меню. Думается, что интерес к возможностям, представляемым растительным питанием, был невероятно высок и далеко выходил за пределы круга вегетарианцев. В предисловиях и других сопроводительных текстах поваренных книг содержалось, впрочем, немало информации о вегетарианском движении и его целях.

Большой успех имели три маленькие брошюры, опубликованные врачом А. П. Зеленковым (1850—1914) под псев-

донимом «Вегетарианец» и озаглавленные как «Обеды вегетарианца» (1894, 1895 и 1897; издательство В. П. Быкова в Москве). С 1902 по 1904 гг. А. П. Зеленков был первым президентом Санкт-Петербургского вегетарианского общества. Его «Обеды» были перепечатаны в 1990 г. издательством «Медицина» тиражом в 200 000 экземпляров.

Жена Зеленкова Ольга Константиновна Зеленкова также занималась составлением поваренных книг. В 1911 г. она опубликовала книгу «Я никого не ем», содержащую 365 вегетарианских меню и 1500 рецептов; тираж третьего издания этой книги в 1914 г. составил 13 000 экземпляров. Профессор А. И. Воейков назвал эту книгу «самой большой и лучшей поваренной книгой на русском языке»; он только нашел, что книга слишком уж «лактовегетарианская» — автор не обращает достаточно внимания на сырые продукты, которые дают возможность разнообразить пищу, и из растительных масел признает одно прованское⁴.

Кроме того, имели успех «Поваренная книга для голодающих» Н. Б. Нордман и «Вегетарианский стол» — книга, составленная свояченицей Толстого Татьяной Андреевной Кузминской, урожденной Берс, младшей сестрой Софьи Андреевны и прототипом Наташи Ростовской. Она и ее дочери жили по-вегетариански. Эта книга вышла вторым изданием в 1905 г., третьим — в 1907 г. и пятым (с 416 рецептами) — в 1914 г.⁵

Особенно много рецептов можно было найти в трех вегетарианских журналах, которые, как правило, вели вегетарианский кулинарный отдел. В этом отделе печатали свои рецепты такие известные вегетарианцы, как Н. Б. Нордман и проф. Воейков. Последний часто сетовал на то, что книги вегетарианской кухни содержат слишком много иностранных рецептов, в большинстве — немецких, вместо того чтобы использовать рецепты растительных блюд русской кухни, а также других народов царской империи и привлекать опыт русской кулинарии поста. Еще очень недавно, пишет Воейков, многие богатые люди соблюдали 9 недель поста, в течение двух из которых не разрешалась и рыба⁶.

В советский период, прежде всего в двадцатые годы, по разным причинам прилагались большие усилия по «обобществлению» питания. Уже в одном из первых декретов советского правительства в ноябре 1917 г. городским самоуправлениям было предоставлено право организовывать «общественное

питание»⁷. При этом одним из главных мотивов было стремление освободить женщину от семейных обязанностей и повысить ее роль в общественном производстве. П. Кожаный в 1923 г. в популярной брошюре «Долой частную кухню!» призывал к тому, чтобы как можно скорее устранить частную кухню⁸. На предприятиях и в школах были открыты «фабрики-кухни» с тем, чтобы «освободить» женщин от работы на кухне, правда, совершенно другими методами и в других целях, нежели как это представляла себе Н. Б. Нордман. Предполагалось перевести общественное питание на «здоровую научную основу». БСЭ (1952) указывала: «Советские ученые установили оптимум потребного количества различных пищевых продуктов. В СССР разработаны пищевые рационы (нормы питания) для детей и подростков, для беременных женщин, для рабочих горячих цехов (где потребность в белке оказывается выше, чем в холодных цехах), для людей, живущих в Заполярье и в жарком климате...»⁹. Однако в начале советского режима все-таки наблюдались неоднородные тенденции:

During the turbulent 1920s and early 1930s, when the entire country was in the throes of the Kulturkampf, cookery too became the object of competing approaches. In one camp were the experts who wanted to make a clean break with the past. This radical group included those whom we shall here call «culinary ascetics» and «food futurists». Opposed to them were those whom we shall refer to as traditionalists, who wanted to build on the experience of prerevolutionary Russian and classical Western cuisine¹⁰.

«Аскеты» продолжали тенденции опрощения в русле воззрений Толстого. Представляется, что эти тенденции нашли ясное выражение в книге М. П. Дубянской «Здоровая пища и как ее готовить» (1929)¹¹. М. П. Дубянская подвергла критике излишнюю изощренность в питании и даже пропагандировала сыроедение. «Футуристическое» же направление делало ставку на синтетические продукты питания, производством которых тогда и начала заниматься промышленность (ср. гл. IX: «Утопия питания советского времени»). В частности, для улучшения ситуации с питанием делались попытки ввести соевую культуру, которую в то время уже засевали на Украине. Эти попытки не вызвали симпатии консервативного советского потребителя, несмотря на то что использовались они в основном для «разбавления» обычных мясных рецептов¹².

Традиционное направление, зиждившееся на дореволюционной русской кухне, в период правления Сталина утвердилось окончательно, самая яркая иллюстрация тому — объемистый фолиант весьма «мещанской» «Кулинарии» 1955 года издания (репр. изд. 1996). Советская политика питания форсировала обеспечение населения достаточным количеством мяса. Показательны в этом смысле, например, строки из романа Людмилы Улицкой «Казус Кукоцкого» (М., 2000): «Хозяйка (...) показала погреб, где на полке стояли в стеклянных банках залитые соленой водой куски сливочного масла и пирамиды из тушенки, насущного хлеба советского человека».

Специальных вегетарианских кулинарных изданий в Советском Союзе, по всей видимости, почти не было, не считая диетических, ведь печать тоже находилась в руках государства. Тем не менее, в 1931 г. была издана книга «Сырая пища и ее приготовление»¹³. Кроме того, безмясное питание частично было введено в психиатрических клиниках, о чем говорится в вышедшей в 1970 г. брошюре «Разгрузочно-диетическая терапия нервно-психических заболеваний. Лечение дозированным голоданием», предназначенной, правда, только для узкослужебного пользования¹⁴.

Начиная с 1990 г. вышли в свет разнообразные книги вегетарианской кухни, частично содержащие и информацию о вегетарианстве и его истории в России: ср. «Рецепты вегетарианской кухни» («Библиотека популярной литературы Вассанта». М., 1992. 80 с.) и «1000 рецептов вегетарианской кухни» (СПб., 1997. 606 с. Тираж 10 000). Сюда следует отнести также «Целебную вегетарианскую кухню» (М.: СП Интербук, 1992), «Вегетарианскую кухню» Г. И. Молчанова (М.: Радуга, 1993) и «Необычные блюда из обычных овощей» М. А. Воробьевой (М.: Колос, 1993). В 1991 г. была переиздана поваренная книга О. К. Зеленковой «Я никого не ем»¹⁵. Общие работы по вегетарианству, как, например, книга И. Л. Медковой, Т. Н. Павловой и В. В. Брамбурга «Все о вегетарианстве» (1992; 1993) или книги о лечебном голодании, содержат многочисленные рецепты чисто растительных блюд¹⁶.

VIII. РУССКИЕ ВЕГЕТАРИАНЦЫ В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ И ПРИ СОВЕТАХ

«The outbreak of the First World War in August 1914 saw many vegetarians in a crisis of conscience. How could men who had an abhorrence of shedding animal blood take human life? If they enlisted, would the army pay any regard to their dietary preferences?»¹. Так на страницах своего Интернет-портала характеризует ситуацию английских вегетарианцев накануне Первой мировой войны сегодняшнее The Vegetarian Society UK (Вегетарианское общество Великобритании). С подобной дилеммой столкнулось и русское вегетарианское движение, которому тогда еще не было и двадцати лет.

Первая мировая войны имела катастрофические последствия для русской культуры — в том числе и потому, что ускоренное сближение России с Западной Европой, начавшееся около 1890 г., резко оборвалось. Особенно разительны были последствия на малом поприще усилий, направленных на переход к вегетарианскому образу жизни.

1913 год принес первую всеобщую манифестацию русского вегетарианства — Всероссийский вегетарианский съезд, который проходил с 16 по 20 апреля в Москве². Учредив Справочное вегетарианское бюро, съезд тем самым сделал первый шаг на пути к основанию всероссийского вегетарианского общества³. Одиннадцатая из резолюций, принятых съездом, постановила, что «Второй съезд» должен будет состояться в Киеве на Пасху 1914 г.⁴ Срок оказался слишком кратким, поэтому было выдвинуто предложение провести съезд на Пасху 1915 г. Для этого, второго, съезда была опубликована подробная программа⁵. В октябре 1914 г., уже после начала войны, «Вегетарианский вестник» еще выражал надежду на то, что русское вегетарианство находится в преддверии второго съезда⁶, но в дальнейшем о реализации этих планов речь уже не шла.

Для русских вегетарианцев, как и для их единомышленников в Западной Европе, начавшаяся война повлекла за

собой период сомнений — и нападок со стороны общественности. Маяковский едко высмеял их в очерке «Гражданская шрапнель», и он был отнюдь не одинок. Слишком общим и не соответствующим духу времени было звучание призывов вроде тех, которыми И. И. Горбунов-Посадов открыл первый выпуск *ВО* 1915 г.: «И в наши дни, как никогда, особенно необходимо напоминание братьям-людям о заветах гуманизма, о заветах человечности, о заветах любви ко всему живому, и во всяком случае, уважения ко всем живым созданиям Божиим без различия»⁷.

Однако вскоре последовали обстоятельные попытки оправдания собственной позиции. Так, например, во втором номере *ВО* 1915 г. под заголовком «Вегетарианство в наши дни» была опубликована статья, подписанная «Э. К.»: «Нам, вегетарианцам, нередко теперь приходится выслушивать упреки в том, что в настоящее тяжелое время, когда беспрестанно льется человеческая кровь, мы продолжаем заниматься пропагандой вегетарианства (...) Вегетарианство в наши дни, говорят нам, это — злая ирония, насмешка; можно ли заниматься теперь жалостью к животным? Но люди, так говорящие, не понимают, что вегетарианство не только не мешает любви и жалости к людям, а, наоборот, увеличивает еще больше это чувство». При всем том, говорит автор статьи, если даже не согласиться с тем, что сознательное вегетарианство воспитывает доброе чувство и новые отношения ко всему окружающему, «то и тогда мясоедение никакого оправдания не может иметь. Оно наверное не уменьшит страданий (...) а создаст только, в лучшем случае, те жертвы, которые (...) наши противники съедят за обеденным столом...»⁸.

В том же номере журнала была перепечатана статья Ю. Волина из «Петроградского курьера» от 6 февраля 1915 г. — разговор с неким Ильинским. Последнего упрекают: «Как же вы можете думать и говорить теперь, в наши дни, о вегетарианстве? Даже жутко делается!.. Растительная пища — человеку, а человеческое мясо — пушкам! “Я никого не ем”, никого, то есть ни зайца, ни куропатки, ни цыпленка, ни даже корюшки... никого, кроме человека!..» Ильинский, однако, приводит в ответ убедительные аргументы. Разделяя путь, пройденный человеческой культурой, на век «людоедства», «животноедства» и растительного питания, он соотносит «кровавые ужасы» тех дней с обычаями питания, с убойным,

кровавым мясным столом, и уверяет что быть вегетарианцем в настоящее время и труднее, и значительнее, чем быть, например, социалистом, так как социальные реформы — лишь маленькие этапы в истории человечества. А переход от одного способа питания к другому, от мясной пищи к растительной — это переход к новой жизни. Самые смелые идеи «общественников», по словам Ильинского, — «жалкие паллиативы» в сравнении с той великой революцией быта, которую он предвидит и проповедует, т. е. в сравнении с революцией питания⁹.

25 апреля 1915 г. в харьковской газете «Южный край» появилась статья того же автора под названием «Странички бытия (“мясные” парадоксы)», в основу которой легли наблюдения, сделанные им в одной из часто посещаемых в те дни петроградских вегетарианских столовых: «... Когда я смотрю на современных вегетарианцев, которых тоже упрекают в эгоизме и “аристократизме” (ведь, это “личное самоусовершенствование”! ведь, это путь отдельных единиц, а не масс!) — мне кажется, что и ими руководит предчувствие, интуитивное познание значительности того, что они делают. Разве не странно? Рекой льется человеческая кровь, крошится пудами человеческое мясо, а они печалятся о крови бычачьей и о мясе бараньем!.. И совсем не странно! В предвидении будущего знают они, что этот “антрекот из кочерыжки” сыграет в истории человеческой не меньшую роль, чем аэроплан или радий!»¹⁰.

Были споры о Льве Толстом. В октябре-ноябре 1914 г. *ВО* цитирует статью из «Одесского листка» от 7 ноября, «дающую, — как сказано в редакционной врезке, — меткую картинку современных событий в связи с ушедшим Л. Н. Толстым»:

Сейчас Толстой от нас дальше, чем прежде, недостижимее и прекраснее; он еще обесплотился, стал легендарнее в суровую годину насилия, крови и слез. <...> Настала пора страстного противления злу, настал час мечу решать вопросы, силе быть верховным судьей. Пришло время, когда в старину пророки бежали из долин, объятых ужасом, на высоты, чтобы в тишине горней искать утolenия неизбывной печали <...> При криках насилия, при зареве пожаров, таял образ носителя правды и становился мечтой. Мир кажется предоставленным самому себе. «Не могу молчать» не раздастся вновь и заповеди «не

убий» — мы не услышим. Смерть справляет свой пир, безумное торжество зла продолжается. Не слышно голоса пророка¹¹.

Представляется странным, что Илья Львович, сын Толстого, в интервью, данном им на театре военных действий, счел возможным утверждать, что его отец ничего не сказал бы о нынешней войне, как он якобы ничего не говорил в свое время о Русско-японской войне. *ВО* опровергло это утверждение, указав на несколько статей Толстого 1904 и 1905 гг., в которых война осуждалась, а также на его письма¹². Цензура, вычеркнув в статье Е. О. Дымшица все места, где речь шла об отношении Л. Н. Толстого к войне, тем самым косвенно подтвердила правоту журнала¹³. Вообще, вегетарианские журналы во время войны испытывали немало вторжений со стороны цензуры¹⁴: четвертый номер *ВО* за 1915 г. был конфискован в самой редакции, три статьи пятого номера были запрещены, в том числе статья С. П. Полтавского, озаглавленная «Вегетарианское и общественное»¹⁵.

В России вегетарианское движение в значительной мере руководствовалось этическими соображениями, о чем свидетельствуют многочисленные приведенные выше тексты. Эта направленность русского движения не в последнюю очередь объяснялась огромным влиянием, которое оказывал на русское вегетарианство авторитет Толстого. Нередко слышались сожаления о том, что у русских вегетарианцев гигиенические мотивы отступали на второй план, уступая приоритет лозунгу «не убий» и этико-социальным обоснованиям, что придавало вегетарианству оттенок религиозного и политического сектантства и тем самым препятствуя его распространению. Достаточно в этой связи вспомнить замечания А. И. Воейкова (VII.1), Женни Шульц (VII.2: Москва) или же В. П. Войцеховского (VI.7). С другой стороны, преобладание этического компонента, увлечение мыслями о создании миролюбивого общества уберегли русское вегетарианство от шовинистских установок, которые тогда были присущи, в частности, немецким вегетарианцам (точнее — их официальным представителям) в общем контексте немецкого военно-патриотического подъема. Русские вегетарианцы принимали участие в смягчении нужды, но они не рассматривали войну как возможность для пропаганды вегетарианства.

Между тем в Германии начало войны дало редактору журнала «*Vegetarische Warte*», д-ру Зельссу из Баден-Бадена,

повод объявить в статье «Война народов» («Völkerkrieg») от 15 августа 1914 г., что только фантазеры и мечтатели могли верить в «вечный мир», пытаясь обратить в эту веру и других. Мы находимся, писал он (и в какой степени этому суждено было сбыться!), «в преддверии событий, которые оставят глубокий след в мировой истории. Смелей вперед! Пусть “воля к победе”, которая, по пламенным словам нашего кайзера, жива в наших оруженосцах, живет во всем остальном народе, воля к победе над всей этой гнилью и всем тем, что сокращает жизнь, что гнездились в наших границах! Народ, который одержит *эту* победу, такой народ действительно пробудится к вегетарианской жизни, и это *сделает наше вегетарианское дело, которое не имеет никакой другой цели, кроме закалки народа* [! — П. Б.], *делом народа*»¹⁶. «Со светлой радостью, — писал Зельсс, — читал я послания с севера, с юга и с востока от восторженных вегетарианцев, радостно и гордо исполняющих воинскую повинность. “Знание — сила”, поэтому *часть нашего вегетарианского знания, отсутствующего у наших соотечественников, должна стать всеобщим достоянием*» [Курсив здесь и далее принадлежит оригиналу]. Далее д-р Зельсс советует ограничивать расточительное животноводство и воздерживаться от излишней пищи. «Довольствуйтесь трехразовым, а еще лучше двухразовым питанием в день, при котором вы будете чувствовать (...) настоящий голод. Ешьте медленно; пережевывайте тщательно [ср. советы Г. Флетчера! — П. Б.]. Снижайте привычное потребление алкоголя планомерно и постепенно (...) В тяжелые времена нам нужны ясные головы (...) Долой истощающий силы табак! Наши силы нужны нам для лучшего»¹⁷.

В январском номере «Vegetarische Warte» за 1915 г. в статье «Вегетарианство и война» некто Христиан Беринг предложил воспользоваться войной для привлечения немецкой общественности к голосу вегетарианцев: «*Мы должны завоевать для вегетарианства известную политическую власть*». Для достижения этой цели он предлагает «*Военную статистику вегетарианства*»: «1. Сколько вегетарианцев или называющих себя друзьями этого образа жизни (сколько среди них действительных членов) принимают участие в военных действиях; сколько среди них добровольных санитаров и других добровольцев? Сколько из них являются офицерами? 2. Сколько вегетарианцев и какие вегетарианцы получили военные награды?»

Должны исчезнуть, — заверяет Беринг, — и обязательные прививки: «Нам, презиравшим всякое обещание нашей божественной германской крови горами трупов животных и гнойной жижей, — как презирают чуму или грехи, — кажется невыносимой идея обязательности прививок...»¹⁸ Тем не менее, помимо такого рода словоизвержений, в июле 1915 г. журнал «Vegetarische Werte» напечатал доклад С. П. Полтавского «Существует ли вегетарианское мирозерцание?», прочитанный им на московском съезде 1913 г.¹⁹, а в ноябре 1915 г. — статью Т. фон Галецкого «Вегетарианское движение в России», которая воспроизводится здесь факсимильно²⁰ (илл. 33).

В силу военного положения русские вегетарианские журналы стали выходить нерегулярно: так, предполагалось, что в 1915 г. *ВВ* выпустит только шесть номеров вместо двадцати (в итоге из печати вышли шестнадцать)²¹; а в 1916 году журнал вообще перестал выходить²².

ВО прекратило свое существование после выхода майского номера 1915 г., несмотря на обещание редакции издать следующий номер в августе²³. Еще в декабре 1914 г. И. Перпер извещал читателей о предстоящем переезде редакции журнала в Москву, поскольку именно Москва есть центр вегетарианского движения и там живут наиважнейшие сотрудники журнала²⁴. В пользу переселения говорил, может быть, и тот факт, что тогда в Киеве начал издаваться *ВВ*...

29 июля 1915 г., по случаю первой годовщины начала войны, в московской вегетарианской столовой в Газетном переулке (в советское время — улица Огарева) состоялось большое собрание приверженцев Толстого, с выступлениями и чтением стихов. На этом собрании П. И. Бирюков сообщал о тогдашней ситуации в Швейцарии — с 1912 г. (и вплоть до 1920 г.) он постоянно жил в Оне (Опех), деревушке близ Женева. По его словам, страна была переполнена беженцами: настоящими противниками войны, дезертирами и — шпионами. Кроме него, выступили также И. И. Горбунов-Посадов, В. Г. Чертков и И. М. Трегубов.

С 18 по 22 апреля 1916 г. П. И. Бирюков председательствовал на «Вегетарианском Социальном Конгрессе» на Монте Верита (Аскона) — первом вегетарианском конгрессе, проходившем в Швейцарии²⁵. В комитет съезда вошли, в частности, Ида Гофманн и Г. Эденкофен, приезжали участни-

ки из России, Франции, Швейцарии, Германии, Голландии, Англии и Венгрии. «Перед лицом ужасов нынешней войны» («en présence des horreurs de la guerre actuelle») конгресс постановил основать общество для пропаганды «социального и сверхнационального вегетарианства» (в других источниках используют термин «анациональное»), местопребывание которого предполагалось в Асконе. «Социальное» вегетарианство должно было следовать этическим принципам и строить социальную жизнь на основе интегрального кооперативизма (производства и потребления). П. И. Бирюков открыл конгресс речью на французском языке; он не только охарактеризовал развитие вегетарианства в России начиная с 1885 г. («Le mouvement végétarien en Russie»), но и убедительно высказался в пользу более гуманного обхождения с прислугой («domestiques»). Среди участников съезда были, кроме прочих, известный основатель «учения о свободной экономике» («Freiwirtschaftslehre») Сильвио Гезелл (Silvio Gesell), а также представители женеvских эсперантистов. Конгресс принял решение ходатайствовать о принятии новой организации в международный вегетарианский союз, заседавший в Гааге²⁶. Председателем нового общества был избран П. Бирюков, членами правления — Г. Эденкофен и И. Гофманн. Трудно учесть практические результаты этого конгресса, заметил П. Бирюков: «Быть может, они очень малы». В этом отношении он, вероятно, был прав.

На протяжении войны число посетителей вегетарианских столовых в России то повышалось, то понижалось. В Москве число вегетарианских столовых, не считая частных столовых, возросло до четырех; в 1914 г., как отмечалось выше, в них было подано 643 000 блюд, не считая выданных бесплатно; война во втором полугодии отняла 40 000 посетителей...²⁷ Вегетарианские общества принимали участие в благотворительных мероприятиях, оборудовали кровати для военных госпиталей и предоставляли залы столовых для шитья белья²⁸. Дешевая вегетарианская народная столовая в Киеве в помощь запасных, призванных в армию, кормила около 110 семейств ежедневно. Помимо прочего, *ВВ* сообщал о лазарете для лошадей. Статьи из зарубежных источников заимствовались теперь уже не из немецкой, а преимущественно из английской вегетарианской печати. Так, например, в *ВВ* (1915 г.) была напечатана речь председателя манчестерского вегетарианско-

го общества об идеалах вегетарианства, в которой докладчик предостерегал от догматизирования и вместе с тем от желания предписывать другим, как они должны жить и что есть²⁹; в последующих номерах была опубликована английская статья о лошадях на поле сражения³⁰. В целом число членов вегетарианских обществ сократилось: в Одессе, к примеру, — с 200 до 150; кроме того, читалось все меньше докладов.

Когда в январе 1917 г., после годовичного перерыва, снова стал выходить «Вегетарианский вестник», издаваемый теперь уже Киевским ВО-вом под редакцией Ольги Прохаско, в приветствии «К читателям» можно было прочесть:

Тяжелые события, переживаемые Россией, отразившиеся на всей жизни, не могли не отразиться и на нашем небольшом деле. (...) Но вот идут дни, идут, можно сказать, годы — люди привыкают ко всем ужасам, а свет идеала вегетарианства понемногу начинает снова привлекать измученных людей. В самое последнее время недостаток мяса заставил усиленно обратить взоры всех на ту жизнь, которая не требует крови. Вегетарианские столовые сейчас переполнены во всех городах, вегетарианские поваренные книжки все раскуплены³¹.

Передовица следующего номера содержит вопрос: «Что такое вегетарианство? Его настоящее и будущее»; в ней констатируется, что слово «вегетарианство» встречается теперь повсюду, что в большом городе, например в Киеве, на каждом шагу — вегетарианские столовые, но что, несмотря на эти столовые, на вегетарианские общества, вегетарианство людям как-то чуждо, далеко, непонятно³².

Февральская революция приветствовались с восхищением и вегетарианцами: «Раскрылись пред нами светлые врата лучезарной свободы, к которым давно шел измученный народ русский!» Все, что приходилось терпеть «лично каждому в нашей жандармской России, где с детских лет синий мундир не давал дышать», не должно быть поводом для мести: ей нет места, — писал «Вегетарианский вестник»³³. Сверх того, появились призывы основать братские вегетарианские коммуны³⁴; праздновалась отмена смертной казни — вегетарианские общества России, писал Нафтали Бекерман, теперь ожидают следующего шага — «прекращения всякого убийства и отмены смертной казни над животными»³⁵. «Вегетарианский вестник» вполне согласился с тем, что пролетарии демонстрировали за мир и за 8-часовой рабочий день, а Киевское ВО-во

выработало план сократить рабочий день для преимущественно молодых женщин и девушек-работниц в общественных столовых с 9—13-часового до 8-часового³⁶. В свою очередь, полтавское ВО-во требовало (см. выше с. 278) известного опрощения в еде и отказа от излишней вычурности в пище, заведенной по примеру других столовых³⁷.

Издатель «Вегетарианского вестника» Ольга Прохаско призывала вегетарианцев и вегетарианские общества принять самое горячее участие в строительстве России — «Вегетарианцам открывается широкое поле деятельности для работы на устроение в дальнейшем полного прекращения войн»³⁸. Последовавший за этим девятый номер за 1917 год открывается возгласом возмущения: «Смертная казнь снова введена в России!» (илл. 34). Впрочем, в этом номере есть также сообщение об основании 27 июня в Москве «Общества истинной свободы (в память Л. Н. Толстого)»; это новое общество, которое вскоре насчитывало от 750 до 1000 членов, расположилось в здании *МВО-ва* в Газетном переулке, 12³⁹. Кроме того, в возобновившемся *ВВ* обсуждались общие темы, актуальные во всем мире и сегодня, как то: фальсификация пищевых продуктов (например, сливок)⁴⁰ или отравление в связи с окраской комнат, вызванное масляной краской, содержавшей терпентин и свинец⁴¹.

«Контрреволюционный заговор» генерала Корнилова осуждался редакцией «Вегетарианского вестника»⁴². В самом последнем номере журнала (декабрь 1917 г.) была опубликована программная статья Ольги Прохаско «Настоящий момент и вегетарианство». Автор статьи, приверженка христианского социализма, так высказалась по поводу Октябрьской революции: «Каждый сознательный вегетарианец и вегетарианские общества должны все дать себе отчет, что представляет из себя настоящий момент с вегетарианской точки зрения». Не все вегетарианцы — христиане, вегетарианство — вне религии; но путь подлинного глубокого христианина не может миновать вегетарианства. По христианскому учению, жизнь — дар Божий, и никто, кроме Бога, над ней не волен. Вот почему отношение христианина и вегетарианца к настоящему моменту одно и то же. Иногда есть, дескать, и проблески надежды: военный суд в Киеве, оправдав офицера и нижних чинов, не пошедших в бой, тем самым признал уже права человека на свободу отказаться от обязанности убивать людей. «Жаль,

что вегетарианские общества не достаточно уделяют внимания настоящим событиям»⁴³. В своем рассказе-переживании, озаглавленном «Еще несколько слов», Ольга Прохаско выразила возмущение по поводу того, что войска (а не большевики, заседавшие в это время во дворце!) на Думской площади стрельбой *усмиряли* жителей, которые привыкли собираться в группы для обсуждения событий, и это после того, как накануне Советы рабочих и солдатских депутатов признали власть за Советами и объявили, что поддерживают петроградские Советы. «Но как они это проведут в жизнь, никому не было известно, и вот мы собрались на заседание, у нас были важные для жизни нашего общества вопросы, которые требовалось решить. Горячие прения и вдруг, совершенно неожиданно, как бы в самые наши окна... пальба!.. (...) Вот это был первый звук революции, вечером 28 октября в Киеве»⁴⁴.

Этот, одиннадцатый, номер журнала был последним. Редакция объявила, что Киевское ВО-во терпело большие убытки от издания *ВВ*. «Только при том условии, — пишет редакция журнала, — если бы у наших единомышленников по всей России было бы много сочувствия пропаганде наших идей, возможно было бы издание каких-либо периодических выпусков».

Впрочем, Московское вегетарианское общество в период с Октябрьской революции до конца 20-х гг. продолжало существовать, а вместе с ним — и некоторые местные вегетарианские общества. Архив ГМИР в Санкт-Петербурге располагает документами по истории *МВО-ва* с 1909 по 1930 гг.⁴⁵. Среди них, в частности, находится отчет об общем годичном собрании членов, датированный 7 мая 1918 г. На этом собрании Владимир Владимирович Чертков (сын В. Г. Черткова) предложил Совету *МВО-ва* выработать план реорганизации общественных столовых. Уже с начала 1917 г. между служащими столовых и Советом *МВО-ва* «стали возникать недоразумения и даже антагонизм, которого раньше не было». Это было вызвано, не в последнюю очередь, тем, что служащие столовых объединились в «Союз взаимопомощи официантов», который якобы внушал им враждебное отношение к администрации общества. Хозяйственное положение столовых затруднялось еще и тем обстоятельством, что Союзное товарищество потребителей г. Москвы отказало вегетарианским столовым в получении необходимых продуктов, а городской

продовольственный комитет, со своей стороны, дал такой же отказ, сославшись на то, что две столовые *МВО-ва* «не считаются народными»⁴⁶. На собрании в очередной раз выражалось сожаление о том, что вегетарианцы пренебрегают «идейной стороной дела». Число членов *МВО-ва* в 1918 г. составляло 238 человек, из них 107 — действительных (в том числе И. И. Перпер, его жена Э. И. Каплан, К. С. Шохор-Троцкий, И. М. Трегубов), 124 соребнователя и 6 почетных членов⁴⁷.

Помимо прочих документов, в ГМИР находится эскиз доклада П. И. Бирюкова (1920 г.) об истории русского вегетарианства начиная с 1896 г., озаглавленный «Пройденный путь» и охватывающий 26 пунктов. Бирюков, только что вернувшийся из Швейцарии, занимал тогда должность заведующего рукописным отделом Московского музея Л. Н. Толстого (в середине 1920-х гг. он эмигрировал в Канаду). Доклад завершается воззванием: «К вам, молодые силы, я обращаюсь с особенной искренней и сердечной просьбой. Мы, старики, отходим от жизни. Худо ли, хорошо ли, сообразно с нашими слабыми силами мы пронесли живой огонек и не потушили его. Берите его у нас нести дальше и раздувайте в могучее пламя Правды, Любви и Свободы»...⁴⁸

Подавление большевиками толстовцев и разных сект, а вместе с тем «организованного» вегетарианства началось еще во время Гражданской войны. В 1921 г. секты, преследовавшиеся царизмом особенно до революции 1905 г., встретились на «I-м Всероссийском съезде сектантских сельскохозяйственных и производительных объединений». § 11 резолюции съезда гласил: «Мы, группа членов Всероссийского съезда сектантских земледельческих общин, коммун и артелей, вегетарианцы по убеждению, считаем убийство не только человека, но и животных недопустимым грехом перед Богом и не употребляем мясной убойной пищи, а потому от лица всех сектантов-вегетарианцев просим Наркомзем не требовать от сектантов-вегетарианцев выполнения мясной повинности, как противной их совести и религиозным убеждениям»⁴⁹. Резолюцию, подписанную 26 участниками, в том числе К. С. Шохор-Троцким и В. Г. Чертковым, съезд принял единогласно.

Владимир Бонч-Бруевич (1873—1955), специалист большевистской партии по вопросам сект, в докладе «Кривое зеркало сектантства», опубликованном вскоре и в печати, высказал свое мнение об этом съезде и о принятых им резолюциях.

В частности, он с иронией прокомментировал это единогласие, указав на то, что далеко не все секты, представленные на съезде, признают себя вегетарианцами: молокане и баптисты, например, употребляют мясо. Его выступление являлось показательным для общего направления большевистской стратегии. Элементом этой стратегии были попытки разделить секты, в особенности толстовцев, на прогрессивную и реакционную группы: по словам Бонч-Бруевича, «острый и беспощадный меч революции произвел разделение» и среди толстовцев⁵⁰. К реакционерам Бонч-Бруевич отнес К. С. Шохор-Троцкого и В. Г. Черткова, в то время как И. М. Трегубова и П. И. Бирюкова он относил к более близким народу толстовцам — или, как называла их Софья Андреевна, к «темным», вызывавшим у этой якобы «кичливой, властной, гордящейся своими прерогативами женщины» негодование...⁵¹ Кроме того, Бонч-Бруевич подверг резкому осуждению единодушные высказывания съезда сектантских сельскохозяйственных объединений против смертной казни, всеобщей воинской повинности и единой программы Советских трудовых школ. Его статья вскоре дала повод для озабоченных дискуссий в московской вегетарианской столовой в Газетном переулке⁵².

За еженедельными собраниями толстовцев в здании *МВО-ва* велось наблюдение. Сергей Михайлович Попов (1887—1932)⁵³, в свое время состоявший в переписке с Толстым, 16 марта 1923 г. сообщал философу Петру Петровичу Николаеву (1873—1928), с 1905 г. жившему в Ницце: «Представители власти выступают как оппоненты и иногда в острой форме выражают свой протест. Так, например, на последней моей беседе, где присутствовали 2 детских колонии, а также взрослые, после окончания беседы подошли ко мне, в присутствии всех, два представителя власти и спросили: “Есть ли у Вас разрешение на ведение бесед?” “Нет, — отвечал я, по моим убеждениям все люди братья, а потому я отрицаю всякую власть и не спрашиваю разрешения на ведение бесед”. “Дайте Ваши документы”, — говорят они (...) “Вы арестованы”, — говорят они и, вынув револьверы и размахивая ими, наставляют их на меня со словами: “Приказываем Вам идти за нами”»⁵⁴.

20 апреля 1924 г. в здании Московского вегетарианского общества научный совет Музея Толстого и совет *МВО-ва* про-

вели закрытое празднование 60-летия И. И. Горбунова-Посадова и 40-летия его литературной деятельности как руководителя издательства «Посредник».

Несколько дней спустя, 28 апреля 1924 г., советским властям было подано ходатайство об утверждении проекта устава Московского вегетарианского общества им. Л. Н. Толстого, — основанного в 1909 г.!, — с указанием на то, что все десять заявителей — беспартийные. Как при царизме, так и при Советах — а по всей видимости, и при Путине (ср. ниже с. 394—395), — уставы всех общественных объединений должны были получить официальное утверждение со стороны власти. Среди документов архива *МВО-ва* есть набросок письма от 13 августа того же года, адресованного Льву Борисовичу Каменеву (1883—1936), состоявшему в то время (и до 1926 г.) членом Политбюро и главой исполкома Совета г. Москвы, а также заместителем председателя Совета Народных Комиссаров. Автор письма сетует на то, что устав *МВО-ва* все еще не утвержден: «Более того, по имеющимся у меня сведениям, вопрос об его утверждении как будто может разрешиться отрицательно. По-видимому, здесь происходит какое-то недоразумение. В целом ряде городов существуют вегетарианские общества — почему же аналогичная организация не может существовать в Москве? Деятельность общества совершенно открытая, происходит в ограниченном кругу его членов, и если бы когда-либо была бы признана нежелательной, то могла бы быть, помимо утвержденного устава, пресечена иными способами. Политической деятельностью О-во никогда, разумеется, не занималось. С этой стороны оно вполне себя рекомендовало за время своего 15-тилетнего существования. Очень надеюсь, многоуважаемый Лев Борисович, что Вы найдете возможным устранить возникшее недоразумение и окажете мне содействие в этом деле. Был бы Вам благодарен, если бы Вы изложили свое мнение на этом моем письме»⁵⁵. Однако и такого рода попытки установления контакта с высшими органами власти не принесли желаемого результата.

Ввиду ограничительных мер советских органов власти вегетарианцы-толстовцы около середины 20-х годов начинают тайно издавать машинописным или ротاپринтным способом скромные журналы. Так, в 1925 г. (судя по внутренней датировке: «недавно, в связи со смертью Ленина») «на правах рукописи» с двухнедельной периодичностью выходит издание под

названием «Общее дело. Литературно-общественный и вегетарианский журнал» под редакцией Ю. Неаполитанского⁵⁶. Этот журнал должен был стать «живым голосом вегетарианского общественного мнения». Редакция журнала выступила с резкой критикой односторонности состава совета Московского вегетарианского общества, требуя создания «коалиционного Совета», в котором были бы представлены все наиболее влиятельные группировки общества; лишь такой совет, по мнению редактора, мог бы стать авторитетным для ВСЕХ вегетарианцев. По поводу существующего совета выражалось опасение, что со вступлением в его состав новых лиц может измениться «направление» его политики; кроме того, подчеркивалось, что этим Советом руководят «заслуженные ветераны Толстовства», которые с недавних пор идут «в ногу с веком» и пользуются всяким случаем, чтобы публично проявить свои симпатии к новому государственному строю (по автору, «толстовцы-государственники»); оппозиционно же настроенная молодежь в руководящих органах вегетарианцев представлена явно недостаточно. Ю. Неаполитанский упрекает руководство общества в недостатке деятельности и мужества: «Точно в противоположность общему темпу Московской жизни, столь живучей и лихорадочно-бурливой, вегетарианцы с 1922 года обрели себе покой, устроив “мягкое кресло”. (...) В столовой Вегетарианского О-ва больше оживления, нежели в самом Обществе» (с. 54). Очевидно, что и в советские времена не был преодолен старый недуг вегетарианского движения: разрозненность, раздробленность на многочисленные группировки и неспособность прийти к согласию.

25 марта 1926 г. в Москве состоялось собрание членов-учредителей *МВО-ва*, в котором приняли участие давние сотрудники Толстого: В. Г. Чертков, П. И. Бирюков и И. И. Горбунов-Посадов. В. Г. Чертков зачитал заявление об основании обновленного общества, именуемого «Московским Вегетарианским Обществом», а вместе с тем и проект устава. Впрочем, на очередном собрании 6 мая пришлось принять решение: «Ввиду неполучения от заинтересованных ведомств отзывов устав рассмотрением отложить»⁵⁷. Несмотря на сложившуюся ситуацию, доклады все еще читались. Так, в дневнике бесед *МВО-ва* с 1 января 1915 г. по 19 февраля 1929 г. есть сообщения о докладах (на которых присутствовали от 12 до 286 человек) на такие темы, как «Духовная жизнь Л. Н. Толстого»

(Н. Н. Гусев), «Духоборцы в Канаде» (П. И. Бирюков), «Толстой и Эртель» (Н. Н. Апостолов), «Вегетарианское движение в России» (И. О. Перпер), «Толстовское движение в Болгарии» (И. И. Горбунов-Посадов), «Готика» (проф. А. И. Анисимов), «Толстой и музыка» (А. Б. Гольденвейзер) и др. Только во втором полугодии 1925 г. было прочитано 35 докладов⁵⁸.

Из протоколов заседаний совета *МВО-ва* с 1927 г. по 1929 г. видно, что общество пыталось бороться с политикой властей, все усиливавших ограничения его деятельности, но в конце концов все-таки было вынуждено потерпеть поражение. Очевидно, не позднее 1923 г. некая «Артель «Вегетарианское питание»» узурпировала главную столовую *МВО-ва*, не выплачивая должных сумм за аренду, коммунальные услуги и т. д., хотя марки и абонементы *МВО-ва* продолжали быть в ходу. На заседании совета *МВО-ва* от 13 апреля 1927 г. констатировалось «продолжающееся насилие» артели над обществом. «Если Артель одобрит решение своего Правления продолжать занимать помещение *МВО-ва*, то Совет Общества предупреждает, что он не считает возможным заключать с Артелью какой бы то ни было договор на этот предмет»⁵⁹. На очередных заседаниях Совета присутствовали от 15 до 20 его членов, в том числе некоторые из самых близких сотрудников Толстого — В. Г. Чертков, И. И. Горбунов-Посадов и Н. Н. Гусев. 12 октября 1927 г. совет *МВО-ва*, в ознаменование наступающего столетия со дня рождения Л. Н. Толстого, «принимая во внимание близость идейного направления *МВО-ва* жизнепониманию Л. Н. Толстого, а также ввиду участия Л. Н. в образовании (...) О-ва в 1909 году», принял решение присвоить *МВО-ву* имя Л. Н. Толстого и внести это предложение на утверждение общего собрания членов Общества. А 18 января 1928 г. было постановлено подготовить сборник «Как повлиял на меня Л. Н. Толстой» и поручить И. И. Горбунову-Посадову, И. Перперу и Н. С. Трошину написать обращение о конкурсе на статью «Толстой и вегетарианство». Кроме того, И. Перперу было поручено обратиться к иностранным фирмам для подготовки вегетарианской [рекламной] киноленты. 2 июля того же года был одобрен проект анкеты для рассылки членам общества и было решено провести в Москве «Толстовскую неделю». И действительно, в сентябре 1928 г. *МВО-во* организовало многодневную встречу, на которую в Москву со всех концов страны прибыли сотни толстов-

цев. За встречей следили советские органы; впоследствии она стала поводом для ареста членов Кружка молодежи, а также для запрета последнего из толстовских периодических изданий — ежемесячного информационного бюллетеня *МВО-ва*.

В начале 1929 г. ситуация резко обострилась. Еще 23 января 1929 г. было решено командировать В. В. Черткова и И. О. Перпера на 7-й Международный Вегетарианский Конгресс в Штайншенау (Чехословакия), но уже 3 февраля В. В. Чертков вынужден сообщить, что дальнейшее существование *МВО-ва* находится под угрозой «в связи с отказом МУНИ [Московского управления недвижимым имуществом] перезаключить договор на аренду помещения». После этого была даже избрана делегация «для переговоров с высшими Советскими и Партийными органами относительно помещения О-ва»; в ее состав вошли: В. Г. Чертков, «почетный председатель МВО-ва», а также И. И. Горбунов-Посадов, Н. Н. Гусев, И. К. Роше, В. В. Чертков и В. В. Шершенев. 12 февраля 1929 г. на экстренном заседании совета *МВО-ва* делегация известила членов Совета, что «отношение МУНИ о сдаче помещения было основано на постановлении высших органов власти», и отсрочка для передачи помещения не будет предоставлена. Помимо этого, сообщалось, что ВЦИКом [с которым в 1924 г. затеял ссору В. В. Маяковский в знаменитом стихотворении «Юбилейное», посвященном А. С. Пушкину] было принято постановление о передаче помещения *МВО-ва* антиалкогольному обществу, вопрос же о закрытии *МВО-ва* ВЦИКом не разбирался.

На следующий день, 13 февраля 1929 г., на заседании совета *МВО-ва* было решено назначить на понедельник, 18 февраля, в 7 ч. 30 м. вечера, экстренное общее собрание членов *МВО-ва* для обсуждения создавшегося положения в связи с лишением общества помещения и необходимостью очищения его к 20 февраля. На этом же заседании общему собранию было предложено утвердить вступление в *МВО-во* действительными членами 18 лиц, а соребнователями — 9⁶⁰. Следующее заседание совета (31 присутствующий) состоялось 20 февраля: В. Г. Черткову пришлось сообщить о полученной им выписке из протокола Президиума ВЦИКа от 2/2–29 г. за № 95, где упоминается о *МВО-ве* как о «бывшем» обществе, после чего В. Г. Черткову было поручено лично выяснить во ВЦИКе вопрос о положении общества. Кроме того, была решена

судьба библиотеки *МВО-ва*: в целях наилучшего использования было постановлено передать ее в полную собственность почетного председателя общества В. Г. Черткова; 27 февраля совет постановил «Книжный Киоск считать ликвидированным с 26/II с. г.», а 9 марта было принято решение: «Считать Детский Очаг О-ва ликвидированным с 15 марта с. г.». На заседании Совета от 31 марта 1929 г. сообщалось о ликвидации столовой общества, состоявшейся 17 марта 1929 г.

ГМИР (ф. 34, оп. 1/88. № 1) хранит документ, озаглавленный «Устав Моск(овского) Вегет(арианского) общ(ества) им. Л. Н. Толстого». На титульном листе есть отметка Секретаря совета *МВО-ва*: «22/5-1928 г. (...) за № 1640 устав общ. был переслан в секретариат (...) Президиума ВЦИК. Отношением (...) 15-IV [1929] за № 11220/71 О-во было поставлено в известность, что в регистрации устава отказано и что (...) прекратить всякую деятельность от им. МВО». Это распоряжение ВЦИКа нашло отражение в «Отношении АОМГИК-а от 15-IV с. г. [1929] за № 11220131 о том, что в регистрации устава О-ва Мосгубисполкомом отказано, почему АОМГИК предлагает прекратить всякую деятельность от имени О-ва». 18 апреля советом *МВО-ва* в связи с «предложением» АОМГИКа прекратить деятельность общества было решено послать протест с обжалованием этого предложения в Совнарком РСФСР. Составление текста было поручено И. К. Роше и В. Г. Черткову (тому самому Черткову, которому Л. Н. Толстой между 1883 и 1910 гг. написал столько писем, что они составляют 5 томов 90-томного академического издания...) ⁶¹. Совет решил также просить Толстовский музей ввиду ликвидации принять в архив музея все его материалы (илл. 35) — заведующим музеем в то время являлся Н. Н. Гусев... Музеем Толстого, со своей стороны, позже пришлось передать эти документы ленинградскому Музею истории религии и атеизма, основанному в 1932 г., — сегодняшнему ГМИР.

Протокол № 7 *МВО-ва* от 18 мая 1929 г. гласит: «Считать законченными все ликвидационные дела О-ва».

Пришлось приостановить и остальные виды деятельности общества, в том числе рассылку гектографированных «Писем друзей Толстого». Ср. текст следующей машинописной копии:

Дорогой друг, сообщаем Вам, что «Письма Друзей Толстого» прекращены по независящим от нас причинам. Последний

№ «Писем» был за октябрь 1929 № 7, но в средствах мы нуждаемся, так как многие наши друзья очутились в заключении, а также ввиду увеличивающейся переписки, которая отчасти заменяет прекратившиеся «Письма Друзей» Т(олстого)», хотя и требует больше времени и почтовых расходов.

28-го октября были арестованы и препровождены в Бутырскую тюрьму несколько наших московских друзей, из них 2-е, И. К. Роша и Н. П. Черняев, были спустя три недели выпущены под подписку о невыезде, а 4-ро других молодых друзей — И. П. Басутин (секретарь В. Г. Черткова), Сорокин И. М., Пушкин В. В., Неаполитанский Юрий были высланы в Соловки на 5-ть лет. Вместе с ними был выслан арестованный ранее наш друг А. И. Григорьев на 3 г. Аресты наших друзей и единомышленников произошли также и в других местах России.

18-го января с. г. постановлено местными властями разогнать единственную подмосковную коммуны единомышленников Л. Н. Толстого, «Жизнь и Труд». Детей коммунаров постановлено исключить из учебных заведений, а Совет Коммунаров под суд.

С дружеским поклоном по поручению В. Черткова. Сообщите, получили ли Вы Письмо Друзей Толстого № 7⁶².

В двадцатые годы в больших городах вегетарианские столовые первое время продолжали существовать — об этом, в частности, свидетельствует роман И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев». Еще в сентябре 1928 г. председателю коммуны «Новый Ерусалим-Толстой» (северо-западнее Москвы), Васе Шершеневу, предложили заведовать «Вегетарианской столовой» в Москве во время зимнего сезона⁶³. Он был также избран председателем Московского вегетарианского общества и потому часто совершал поездки из коммуны «Новый Ерусалим-Толстой» в Москву. Впрочем, около 1930 г. коммуны и кооперативы им. Л. Н. Толстого были переселены в принудительном порядке; с 1931 г. в Кузнецкой области появилась коммуна, насчитывавшая 500 членов. Эти коммуны, как правило, вели продуктивную сельскохозяйственную деятельность; например, коммуна «Жизнь и труд» под Новокузнецком, в Западной Сибири, на 54-м градусе широты, ввела выращивание земляники с помощью теплиц и тепличных грядок (илл. 36), и вдобавок снабжала новые промышленные комбинаты, в частности Кузнецкстрой, крайне необходимыми овощами⁶⁴. Однако в 1935—1936 гг. коммуна была ликвидирована, многие из ее членов были арестованы⁶⁵.

О преследованиях, которым при советском режиме подвергались толстовцы и другие группировки (в том числе малеванцы, духоборцы и молокане), детально сообщает Марк Поповский в книге «Русские мужики рассказывают. Последователи Л. Н. Толстого в Советском Союзе 1918—1977», опубликованной в 1983 г. в Лондоне⁶⁶. Термин «вегетарианство» у М. Поповского, надо сказать, встречается лишь изредка, а именно в связи с тем, что здание *МВО-ва* вплоть до 1929 г. было самым важным центром встреч приверженцев Толстого.

Консолидация советской системы к исходу 1920-х гг. положила конец вегетарианским экспериментам и нетрадиционным укладам жизни. Правда, отдельные попытки спасти вегетарианство еще предпринимались — результатом их было сведение идеи вегетарианства к вопросам питания в узком смысле при радикальном отказе от религиозно-нравственных мотиваций. Так, например, Ленинградское вегетарианское общество теперь было переименовано в «Ленинградское научно-гигиеническое вегетарианское общество», которое начиная с 1927 года (см. выше с. 140—142) стало издавать двухмесячник «Гигиена питания» (илл. 37). В письме от 6 июля 1927 г. ленинградское общество обратилось к совету Московского ВО-ва, продолжавшему толстовские традиции, с просьбой дать отзыв о новом журнале⁶⁷.

К юбилею Л. Н. Толстого в 1928 г. журнал «Гигиена питания» опубликовал статьи, приветствовавшие то, «что в борьбе религиозно-этического вегетарианства с научно-гигиеническим победили наука и здравый смысл». Но и такие приспособленческие маневры не помогли: в 1930 г. слово «вегетарианское» исчезло из названия журнала.

*

То, что все могло сложиться иначе, показывает пример Болгарии. Уже при жизни Толстого здесь широко было распространено его учение (см. выше с. 98 о реакции, которую вызвала публикация «Первой ступени»). На протяжении всей первой половины XX века в Болгарии процветало толстовство. У болгарских толстовцев были свои газеты, журналы, издательства и книжные магазины, пропагандировавшие главным образом толстовскую литературу. Образовалось и вегетарианское общество, насчитывавшее большое количе-

ство членов и, помимо прочего, обладавшее сетью столовых, которые служили также местом проведения докладов и собраний. В 1926 г. состоялся съезд болгарских вегетарианцев, в котором приняли участие 400 человек (вспомним, что число участников Московского съезда 1913 г. достигло всего лишь 200). В том же году была образована толстовская земледельческая коммуна, к которой даже после 9 сентября 1944 г., дня прихода к власти коммунистов, правительство продолжало относиться с уважением, так как она считалась лучшим кооперативным хозяйством в стране. «Болгарское толстовское движение насчитывало в своих рядах трех членов Болгарской академии наук, двух известных художников, несколько университетских профессоров и по меньшей мере восемь поэтов, драматургов и беллетристов. Оно получило широкое признание как важный фактор подъема культурного и нравственного уровня личной и общественной жизни болгар и продолжало существовать в условиях относительной свободы вплоть до конца 40-х годов»⁶⁸. В феврале 1949 года центр Софийского вегетарианского общества был закрыт и превращен в офицерский клуб. В январе 1950 г. пришел конец существованию и Болгарского вегетарианского общества, насчитывавшего на тот момент 3846 членов в 64 местных организациях.

IX. УТОПИЯ ПИТАНИЯ СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ

1. «Научная утопия»

Общая ситуация вегетарианцев на территории исчезнувшей царской России значительно ухудшилась вскоре после Октябрьского переворота (см. предыдущую главу). С 1918 г. были запрещены все частные общества, устав которых не был прямо утвержден советскими властями (впрочем, уже с 1869 г. прерогатива подтверждать или отклонять уставы таких обществ принадлежала Министерству внутренних дел). Запрещение касалось и объединений вегетарианцев; власть имущие отнеслись к ним с особым недоверием, поскольку именно в России религиозно-этические вегетарианцы, прежде всего благодаря влиянию на вегетарианское движение Л. Н. Толстого, были чрезвычайно активны и задавали тон.

Кроме того, огосударствление хозяйства имело следствием нивелирование ассортимента продуктов питания; богатые фруктовые сады, о которых в 1882 г. мечтал Чернышевский, вспоминая Саратов своей молодости, сады, о которых А. И. Воейков в 1910 г. говорил как о нечто существующем¹, ухоженные вишневые сады, описанные Чеховым, — все они исчезли. Об особых привычках питания, вегетарианских пожеланиях — подумать только о корзинке для покупок Софьи Андреевны — теперь не могло быть и речи. Но все же имелись две области, где вегетарианские идеи продолжали жить, терпимые или даже поддерживаемые высшими органами власти, а именно: научная утопия в диететике и научная фантастика в художественной литературе.

В 1909 г. А. И. Воейков в статье «Будущее питание человека»² находил вполне возможным в техническом отношении питание синтетическими пилюлями, при этом, однако, выражая сомнение относительно экономической выгоды такого питания: «Не на химическую лабораторию и не на химический завод нам нужно надеяться, а на усовершенствование самих растений и способов их производства»³.

Пища будущего: А. Н. Несмеянов

В советское время ведущим представителем научной утопической диететики был А. Н. Несмеянов (1899—1980). Занимая с 1935 г. должность профессора органической химии Московского университета, он с 1948 по 1951 г. был его ректором, а с 1951 по 1961 г. — президентом советской Академии Наук. А. Н. Несмеянов был этическим вегетарианцем. Как и следовало ожидать, справочные книги замалчивают его вегетарианские наклонности. В 1979 г. вместе с В. М. Беликовым он опубликовал книгу «Пища будущего»⁴.

Эта книга высказывается в пользу «синтетического питания». Первое преимущество такого образа питания, по мнению авторов, — надежность: после перехода к нему впредь не бывает урожаев, не играют роли засухи с суховеями, снежные и бесснежные зимы, ранние заморозки, град. Не страшны уже гусеницы, жучки, полевые мыши, даже саранча. Нет нужды делать запасы до следующего урожая. Не нужны больше огромные хранилища, где пища постепенно портится; не нужны консервы, в которых витамины убиваются сразу же, при изготовлении. Другое преимущество заключается в том, что синтетическая пища — гигиеничнее: ее можно точно дозировать, приспособливать к нуждам среднего человека вообще и данного индивидуума в частности. В продукте содержится медицински установленная пропорция жиров, белков и углеводов, и нет больше толстяков с ожирением сердца, нет болезней желудка и печени. Кроме того, для больного можно подобрать специальные рационы: «Вкус любой, запах любой, а содержание — по назначению врача»⁵. Третья выгода «синтетического питания», по Несмеянову, — «но не последняя по значению» — моральная: «Питаюсь мясом, мы вынуждены убивать миллионы быков, баранов, свиней, гусей, уток, кур, приучая тысячи и тысячи людей к хладнокровному кровопролитию, к работе кровавой и грязной. И очень это не вяжется с воспитанием любви к природе, доброты, сердечности»⁶. Синтетическая пища, замечает Несмеянов, «снимает это противоречие раз на всегда. Будет мясо. Но без кровопролития. Будут животные, но в парках, на воле»⁷.

В романах XIX века столовые будущего нередко изображались как некое подобие аптеки. «Нередко и нас, химиков, спрашивают: не собираемся ли мы кормить человечест-

во синтетическими таблетками? Проглотил. Запил водой и зарядился энергией до завтрашнего дня. Нет, не так просто, к сожалению. И не так скучно, к счастью»⁸.

А. Н. Несмеянов предвидит возможность создания пищи, во многом похожей на теперешнюю, с той только разницей, что производится она будет искусственно. Органическая химия, как он заверяет, будет играть ведущую роль при разрешении проблем человеческого питания. Он называет ряд институтов советской России, занимающихся соответствующими исследованиями⁹. Сахар будут получать из целлюлозы; жиры и углеводы, как известно, могут заменять друг друга; витамины — сравнительно просты по строению, синтез большинства уже налажен. Траву и листья можно употреблять для получения белка, это лучше, чем кормить телят, которые используют для своего привеса только 8% съеденной люцерны. Балансирование растительной пищи позволяет обходиться без животного звена. Соя — если придать ей необходимый запах, цвет и вкус — может заменять любые сорта мяса, что уже давно практикуется в Японии с тофу: ежегодно там производится 1 млн тонн соевых продуктов, в США — около 500 тыс. тонн. В лабораториях химии запаха и вкуса анализируются ароматные пары и цвет мяса или лососины, икры и сыра¹⁰. А. Н. Несмеянов перечисляет из каталога одной из американских фирм более десятка разных сортов мяса, приготовленных из сои или пшеницы:

Котлеты отбивные из пшеницы.
Жареное мясо из пшеницы.
Котлеты вегетарианские из пшеницы и сои.
Колбаса из сои и кукурузы.
Говядина из сои.
Ветчина из сои.
Сосиски из пшеницы и сои.
Цыпленок из сои.
Индюшатина — воскресное жаркое из сои и пшеницы.
Бекон из сои, пшеницы и дрожжей.
И еще десятка два мясных и вегетарианских блюд.

Пища из нефти, мясо без скотоводства, хлеб без сельского хозяйства — все это сегодня вполне возможно. Человек может жить синтетической пищей: все это реальность сегодняшнего дня.

Крепко веря в прогресс науки, А. Н. Несмеянов заявляет: «Прорывы были в прошлом, прорывы намечаются и сейчас, почти в каждой науке. К подготовке иных наука уже приступила, другие ожидаются в следующем столетии. Например, в энергетике ожидается прорыв к гелиотехнике — использованию энергии Солнца. В медицине поговаривают о прорыве к отмене старения <...> Прорыв в генетике — управление наследственностью <...>. А в органической химии — создание искусственной пищи, которая избавит человека от ежедневной заботы о хлебе насущном...»¹¹

Идеальный строй жизни: К. Э. Циолковский

Еще до Несмеянова по проблемам питания высказывались некоторые представители русского «космизма», ряд «русских ученых, живших на рубеже девятнадцатого и двадцатого веков»¹². К ним принадлежали такие представители естественно-научного и натурфилософского направления, как К. Э. Циолковский, «отец русской космонавтики», и В. И. Вернадский, создатель учения о биосфере и «ноосфере»; представителями религиозно-философского направления «космизма» считаются В. С. Соловьев и Н. Ф. Федоров, которым выше уже были посвящены отдельные главы.

Несмотря на значительные различия данных посылок мышления их всех объединяет холистический подход, в целом оптимистический взгляд на жизнь и вера в творческую, преобразовательную силу разума, при всем том, что они не закрывали глаза на трудность фундаментальных перемен на пути к осуществлению своих утопических целей. Медленно только можно переменять образ жизни людей к лучшему, — заметил в 1928 г. К. Э. Циолковский.

Следует отметить, что в общественных сценариях будущей жизни как у «космистов», так и у авторов научно-фантастической беллетристики, переход к чисто растительному образу питания не является ядром их концепций; он представляется само собой разумеющимся, сопутствующим явлением.

Константину Эдуардовичу Циолковскому (1857—1935) принадлежат не только разработки в области ракетостроения; дань его заслугам — огромный памятник, сооруженный в 1964 г. в Москве на проспекте Мира. Начиная с 1916 г. он занимался созданием смелых проектов построения общества,

из-за которых его исключили из Академии общественных наук уже в первые годы советской власти. В 1920-е гг. в Калуге, где он в то время жил, он напечатает некоторые из этих фантастических текстов в виде брошюр в собственном «Издании автора» — подобное еще было возможным в Советском Союзе во времена НЭП-а в период с 1921 по 1928 гг. Предложения К. Э. Циолковского по созданию нового общества продолжают традицию утопических проектов государственного и общественного устройства, выдвигаемых Платоном, Томасом Мором, Ж. Ж. Руссо, Сен-Симоном и Фурье. Как все подобного рода концепции идеального государства, они ужасают своим правом распоряжаться человеком, даже если авторы и выступают за добровольность или же прямо пропагандируют, как в случае Циолковского, отказ от насилия как основной закон будущего устройства мира («не насилиуй!»).

Эссе, излагающие представления Циолковского, носят названия «Будущее Земли и человечества» (1928), «Общественная организация человечества. Горе и гений» (1928)¹³ и «Любовь к самому себе, или истинное себялюбие» (1928)¹⁴. Показательным является также текст «Идеальный строй жизни» (1917), опубликованный лишь недавно по архивным данным¹⁵.

Основная идея проектов Циолковского, порой противоречащих друг другу, заключается в том, чтобы сделать человечество счастливым. Самый большой вклад в достижение человеческого счастья, согласно написанному в 1916 г. эссе «Горе и гений», приносят гениальные люди (мыслители, изобретатели и т. д.); «нравственный всякий свет исходит от гениев». А как же отыскивать гениев?¹⁶ Задача это может быть разрешена, открытие гениев — разных степеней — будет возможным, если люди будут жить вместе, в артелях, самые маленькие из которых могли бы иметь около 100 членов. Члены артелей избирают самых лучших в высшие разряды обществ (последовательные выборы)¹⁷. Отсюда — пирамидальное построение человечества, насчитывавшего на тот момент 1,6 миллиарда¹⁸, причем каждое маленькое общество, по мнению Циолковского, может отделить из своих членов наиболее великодушных, общественных, талантливых, здоровых, долголетних, плодотворных и красивых людей¹⁹. Правда, «могут быть и даже неизбежны ошибки». Люди живут в семьях или же холостяками в общественных домах на несколько сот человек.

Такой дом составляет население нескольких обществ; он окружен научно возделанными полями и садами, устроен главным образом из металла, искусственного камня и стекла. Жители обязаны работать — не больше 6 часов ежедневно — в механизированном сельском хозяйстве или в промышленности. Таким образом, они располагают большим количеством свободного времени для самой разнообразной творческой деятельности или всякого вида отдыха. Есть много общественных учреждений. Представления Циолковского имеют много общего с проектами Н. Ф. Федорова, с которыми он ознакомился уже рано. Но в отличие от последнего он не ограничивается общими набросками, а представляет жизнь будущего общества наглядно и в деталях; это приближает его к социальной утопии Чернышевского или же научно-утопических романов: «Сущность устройства общества изложена была в моем изданном сочинении "Горе и гений" (1916 г.) (...) Кроме того, вскоре постараюсь издать подробности, хотя полнота тут менее всего возможна». Впрочем, полнота — «недостижимый идеал. К нему общество всегда будет идти, но никогда не дойдет. Останется расстояние, которое с течением времени будет уменьшаться все более и более»²⁰.

На проектах Циолковского по вопросам социальной структуры я здесь останавливаюсь не только потому, что они малоизвестны, но также по причине того, что основатель русской космонавтики мечтает об отказе от насилия, распространяющемся и на животных. В пункте 5-м своего резюме в эссе «Биологическая жизнь» он выдвигает следующее требование: «Не должно быть в мире несознательных животных, но и их нужно не убивать, а изоляцией полов или другими безболезненными способами останавливать их размножение. Сейчас жители северных стран не могут обойтись без домашних животных, но со временем, когда каждый получит право на 4 десятины земли в теплом климате, не только дикие, но домашние животные окажутся излишними»²¹. Здесь, помимо «вегетарианского принципа», вновь находит выражение уже не раз упоминавшаяся тоска русских по южным краям. В самом деле, Циолковский помышляет прежде всего о превращении в плодородные края субтропических и тропических поясов Земли.

Соответственно, пища в мире будущего — вегетарианская. В эссе Циолковского «Общественная организация чело-

вечества» некий неженатый молодой человек, обязанный исполнять земледельческие работы, описывает свой распорядок дня так: «В определенные промежутки времени я получаю подкрепление в виде растительной пищи — вареной, сырой или жареной — приготовленной весьма искусно, в особых печах, на основании научных исследований и многолетних опытов. Она состоит из обработанных овощей, фруктов, зерен, сахара и т. д. Выбор пищи свободен и весьма разнообразен»²².

В эссе «Идеальный строй жизни» (1917 г.), опубликованном впервые в 1998 г., Циолковский указывает на богатство солнечной энергии, пока что еще очень мало использованной, а также на огромные урожаи картофеля, свеклы, ржи, овса, ячменя, пшеницы и рису, которые можно получить при умелой обработке почвы в теплом климате; напоминает он также о высокой питательности банана (ссылаясь на Александра фон Гумбольдта!) и корнеплодного арума. «Правда, политические условия, также леса, болота, бактерии, насекомые, болезни, климат и т. д. мешают сейчас использоваться тропической землей и т. д. Но если миллионные армии труда пойдут на это дело, то природа будет побеждена. Леса, болота и вредные животные будут уничтожены и человек заживет там райской жизнью»²³. Уже очень рано, с 1896 г., Циолковский пробует силы также в научно-фантастической беллетристике, поэтому речь о нем будет идти и в начале следующей главы.

Человек не убивающий: В. И. Вернадский

18 сентября 1919 г. минералог и философ-культуролог Владимир Иванович Вернадский (1863—1945) после беседы с Ф. В. Тарановским записал в дневнике: «С ним разговор о социологии, живом веществе и тех перспективах, которое оно открывает мне <...> С одной стороны, идея автотрофности человечества <...> Мне кажется, что ряд мыслей, мной высказывавшихся, затронули Таран(овского). Я чувствую, что они несут новое, могущее развиваться. Он указывал на значение этих идей для истории и социологии»²⁴.

Это было первое указание на концепцию В. И. Вернадского, опубликованную впервые на французском языке в 1925 г., а именно его идею о том, что когда-нибудь человек сможет отказаться от убийства живых существ, не только животного, но и растительного мира, и добывать средства для

питания из анорганических веществ — представление, которое впоследствии войдет в теорию В. И. Вернадского о будущем развитии человечества от «биосферы» к определенной разумом «ноосфере»²⁵. Это понятие эволюционистской антропологии, впервые предложенное французским философом Эдуардом Ле Роа (Eduard Le Roy) в 1929 г., подразумевает постепенный переход от «натуры» к «культуре», понимаемым в самом широком смысле. Для такого перехода к ноосфере, по Вернадскому, в XX веке есть вполне реальные предпосылки благодаря прогрессу наук. Человек — это единственное живое существо, которое может сознательно изменять не только свое окружение, но и собственную натуру. Первая и важнейшая связь человека с целым рядом жизненных процессов — это его включенность в последовательно развивающийся ряд форм органической жизни, в цепь человеческих поколений «от отца к сыну». Второй тип связи человека с живым существом — это включенность, через питание, в цикл пожирания и быть пожранным. Но это «не есть (...) такой же глубокий природный процесс...»: из этого второго цикла человек может освободиться. К такому освобождению может привести фундаментальный запрет: «Не убий! Не убий для начала такого же человека, как ты сам, не убий ни при каких обстоятельствах, никогда и никак». Этот запрет «воспитывать надо всем с самого раннего детства, с божественной “чистой доски” только что родившегося ребенка; на ней постепенно и все глубже должно быть оттиснуто родовое самоопределение: ты родился на свет как представитель рода “человека разумного и неубивающего”» [курсив мой. — П. Б.]²⁶ — замечательная анти-формула к известной с 1970-х годов формуле *homo necans*, человек убивающий, восходящей к антропологии древнегреческих ритуальных жертвоприношений²⁷.

Цель развития человека, по Вернадскому, состоит в том, чтобы человек от «гетеротрофности» дошел до «автотрофности», к новым формам питания, к непосредственному синтезу пищи с помощью солнечной энергии, но без посредничества органических существ, аналогично тому, как это делают растения. Различение между «гетеротрофными» и «автотрофными» организмами, т. е. классификация живых существ по их принципу питания, впервые была введена в XIX столетии немецким физиологом Вильгельмом Пфеффером (1845—1920). «Здесь, — так интерпретирует тезисы Вернадского литера-

туровед и культуролог С. Г. Семенова, — речь пока идет о промышленном синтезе пищи, первые опыты которого производил французский химик Марселен Бертело. Недаром его (Бертело) друг, философ Эрнест Ренан, мечтал о таком времени: “Пусть представят ту социальную революцию, которая произойдет, когда химия найдет средство подражать работе растений, выделять угольную кислоту из воздуха и производить пищевые продукты лучше тех, которыми питаются растения и травоядные животные. Тот день, когда человек будет избавлен от необходимости убивать, чтобы жить, тот день, когда исчезнет ужасное зрелище, которые представляют мясные лавки, — этот день будет также отмечен как прогресс в развитии чувств”²⁸.

Сам Вернадский впоследствии, после открытия «тяжелого водорода» (в 1933 г.), порой ставил под сомнение свои тезисы, опубликованные впервые в 1925 г.: «... можно поставить вопрос, не явится ли искусственное изготовление пищи человека утопией (...) Для синтеза пищи необходимо будет не только создать те химические тела и их смеси, которые в виде хлеба, мяса и т. п. употребляет в пищу человечество, но и изменить изотопические смеси некоторых входящих в их состав химических элементов, и это, кажется нам, по крайней мере сейчас, может быть сделано. Автотрофность человека может быть создана и при этом условии»²⁹.

Философско-техническая утопия Вернадского, предвидевшая новые формы питания, идет гораздо дальше социально-политических видений Циолковского — ее надо рассматривать в контексте 1920-х годов, времени всеобщего подъема. Утопия эта — подлинно русская, но вместе с тем и советская, правда, только с оговорками, ведь опубликование и дискуссия текстов ученого не были возможны.

Примечательно, что знаменитый польский философ Винценты Лютославский (1863—1954), родившийся в том же году, что и Вернадский, развил весьма похожую философию прогресса, исходя из совсем иных традиций мышления. Лютославский являлся поздним представителем «польского мессианизма», философско-литературного направления, которое, после исчезновения Польши с карты Европы в эпоху разделений отводило польскому народу особую миссию в истории человечества. В 1903 г. Лютославский познакомился с йогой и с учением Рахма-Кришны и, кроме того, был приверженцем

веры в реинкарнацию. В своей книге «Развитие силы воли психофизическими упражнениями» («Rozwój potęgi przez psychofizyczne ćwiczenia». 2-е изд., 1910; 3-е изд., 1923) он рекомендовал полный отказ от мяса и пропагандировал, между прочим, тезисы Макса Бирхера-Беннера и Ораса Флетчера. Лютославский говорил также о необходимости научного исследования самосознания животных.

В книге «Знание действительности» («The knowledge of Reality», Cambridge, 1930) он высказал твердое уверение, что философский материализм ученых мыслителей вроде Карла Фогта (1817—1895), Якоба Молешотта (1822—1893) и Людвиг Бюхнера (1824—1899) будет преодолен научно-техническим прогрессом человечества. Все большая перенаселенность мира приведет к «натуральному переходу от животной пищи к вегетарианству (vegetarianism) или “фругиворству” (fruitarianism) и живому интересу к предотвращению жестокости в обращении с животными»³⁰. Еще в двадцатые годы, задолго до изобретения Интернета, В. Лютославский, на основании тогдашнего уровня техники, предвидит событие, быстро развивающееся перед нашими глазами — глобализацию: «Улучшение связей между далекими местами, электрифицированными железными дорогами и воздушным сообщением, создаст новые условия для торговли. Передача вестей почтой, телеграфом, телефоном и радио объединит человечество в неизвестных до того размерах»³¹. Каждому домашнему хозяйству пища будет доставляться в готовом к употреблению виде, причем *vegetarianism* и *fruitarianism* будут всеобщими³².

В России 1920-х годов наряду с наукой и поэзия обратилась к мотивам, способным облегчить понимание устремлений Вернадского и других космистов. Выше я уже указывал на стихотворения С. А. Есенина и А. М. Добролюбова, в которых растения и деревья изливают свое горе. Высокое чувство нравственности, распространяющееся не только на животных, но и на растительный мир, позднее можно найти в поэзии Николая Алексеевича Заболоцкого (1903—1958). В раннем своем творчестве, по словам С. Г. Семеновой, «он в поэзию введет такой уровень отношений человека к природе, который возможен при принципиально новом, активном осознании эволюции, когда человек признается ответственным за ее дальнейший ход». В сборнике стихов Заболоцкого «Столбцы» (1929) «человек становится последней инстанции-

ей пожирания, царящего в мире, поистине “наивеличайшим убийцей на Земле”, по слову Гердера. Пища, ее приготовление, поглощение ее, “кровавое искусство жить” становятся чуть ли не основным “поэтическим” предметом Заболоцкого в эти годы. Уж поистине, такого еще в поэзии не бывало! <...> Пища у Заболоцкого всегда представлена буквально как трупы, препарированные убитые и мертвые животные. Почти шокирующая необычность “Столбцов”, первого сборника поэта, во многом задавалась этой какой-то фантазмагорической точкой зрения — увидеть страдание и убийство там, где тысячелетняя привычка лишь предчувствует вкусную еду»³³: «Там примус выстроен, как дыба, / На нем, от ужаса треща, / Чахоточная вост рыба / В зеленых масляных прыщах. / Там трупы вымытых животных / Лежат на противнях холодных» («На лестницах», 1928). Описание рыбной лавки: «Повсюду гром консервных банок, / Ревут сиги, вскочив в ушат. / Ножи, торчащие из ранок, / Качаются и дребезжат («Рыбная лавка», 1928)³⁴.

В поэме «Торжество земледелия» (1919—1930) изображаются «Страдания животных», после чего следует описание мечты о таком будущем, когда человек перестроит природу, возведет животных на свой уровень и устроит новый закон истинного родства, где принцип взаимного пожирания исчезнет и где, впрочем, и звери иногда будут получать химическую, автотрофную пищу и принимать участие в преображении мира. Такие поэтические картины будущего были вдохновлены утопиями научного космизма, ведь Заболоцкий был хорошо знаком с трудами Циолковского и Вернадского.

2. Научная фантастика

Видения райской жизни, встречающиеся у иных вегетарианцев дореволюционного времени, не совсем были преданы забвению и после 1917 г. Это видно, в частности, из того, что они появляются вновь в целом ряде текстов научно-фантастической беллетристики советского периода.

Космический корабль с оранжереей: К. Э. Циолковский

Мало известно, что К. Циолковский является не только создателем проектов космических полетов, но также и автором научно-фантастической прозы¹. Пожалуй, самое интересное из этих фантастически-утопических сочинений, повесть «Вне земли», была начата уже в 1896 г. и публиковалась с 1903 по 1916 г. в журнале «Природа и люди», а в 1920 г. вышла отдельным изданием в Калуге².

1 января 2017 г. герои этой повести, двадцать человек, среди них Лаплас, Ньютон, Гельмгольц, Бенджамин Франклин, Галилей и никому не ведомый Иванов, каждый, представляющий свою нацию, отправляются в космическое пространство на реактивном приборе из местности, находящейся в долине Гималайских гор. Принимая пищу в пространстве, свободном от силы тяжести, видные космонавты Циолковского сталкиваются с теми же техническими проблемами, что и их коллеги в наше время. И все же их пища — растительная. Глава 21 носит заголовок «Ракета превращается в цветущий сад». Эта глава повествует о том, как на одной стороне ракеты устраивается оранжерея площадью в триста квадратных метров. Собранные плоды содержат крахмал, сахар, масла, азотистые и ароматические вещества. Удобрение осуществляется за счет компостированных выделений легких, кожи, почек и т. д., а также отбросов растений. Поскольку фруктов и овощей все же не совсем хватает на питание, космонавты решают устроить со временем еще большую оранжерею вне ракеты, площадью в 1000 квадратных метров. Выполнение этих планов подробно описывается в главах 31 «Оранжерея» и 32 «Сооружение оранжереи. Неиссякаемые жизненные продукты». Оранжерея соединена с ракетой двумя тонкими трубками; для того, чтобы в нее попасть, нужно надеть скафандр. Для этого нужно сначала из эфира влететь в особую камеру при

оранжерее, вроде прихожей. Оранжерея дает урожай каждые десять-пятнадцать дней: клубнику, землянику, разнообразные овощи и фрукты. Сажают карликовые яблони, груши и другие небольшие плодовые кусты и деревья. Одни деревья зацветают, другие имеют уже спелые ягоды. Особенно удаются арбузы, дыни, ананасы, вишни, сливы... Если сравнить эту повесть с текстами Циолковского, цитированными в предыдущей главе, — «Идеальный строй жизни» (1917)³, «Любовь к самому себе, или истинное себялюбие» (1928)⁴ и «Общественная организация человечества. Горе и гений»⁵, «Будущее Земли и человечества» (1928), — то станет ясно, что Циолковский имеет в виду чисто растительное питание.

Вегетарианский образ жизни сатурнитов: Э. Зеликович

С января по июль 1930 г. в журнале «Борьба миров» в нескольких номерах (№ 1—7) печатался научно-фантастический и политический роман Эммануила Семеновича Зеликовича «Следующий мир». «Бешено развивающаяся техника и достигшая невиданного расцвета научная мысль позволяют нам уже сегодня нарисовать яркую картину будущей жизни коммунистического общества, за которое с упорством борется наша страна. Э. Зеликович в своем романе разворачивает увлекательные страницы, используя метод известного Герберта Уэлса». Так говорится во вступительном замечании к роману⁶.

Американский профессор математики Джемс Брукс и его ассистент Брайт в космическом корабле совершают посадку на одном из спутников Сатурна. Аппаратура, предусмотренная для возвращения на Землю, отказывает. После того как с посторонней помощью они все же возвратились на Землю, Брайт пишет подробной отчет о пережитом. Этот рассказ составляет большую часть романа. Как это нередко бывает в сочинениях научной фантастики, читатель находит на страницах этого романа не одно предсказание технических возможностей, принадлежащих сегодня к повседневной жизни; я ограничиваюсь указанием лишь на те мотивы, которые связаны с «вегетарианскими видениями» романа.

В то время как Брукс и Брайт уже готовы примириться с мыслью о близкой смерти, недалеко от них на землю опускаются изящные эллипсоиды, метров десяти в высоту и двад-

цати в длину — два астронавта с Земли были замечены жителями на спутнике Сатурна благодаря телескопу, «какой еще не снился астрономам земли». С космических кораблей, «воздушно-плавательных снарядов», (февр., с. 57) выходят живые существа, похожие на людей. Пришельцы-сатурниты показывают гостям «кинофотографию» первого дня землян на новой планете (февр., с. 66). В явном акте дружелюбия они протягивают гостям какие-то неизвестные плоды (февр., с. 59). «Я робко взял плод и начал его есть. Он был мясист, сочен и ароматен, как ананас, своею же формой и величиной походил на небольшую дыню».

После межпланетного полета наши космонавты оказываются на Сатурне. «Попав скоро в новое здание, мы очутились в густом и прохладном тропическом лесу среди цветов, лиан и деревьев (...) Кругом искрились фонтаны, и раздавалась музыка (...). Мы сели за один из накрытых для еды столов, утонув в глубоких и мягких креслах». Сатурниты впервые показывают им лица: «Все свидетельствовало о громадном расовом прогрессе [! — П. Б.] и производило сильное и неизгладимое впечатление: орлиные носы, резко очерченный правильный профиль, высокие лбы, тонкие линии губ, длинные ресницы, спокойный, пронизательный взор карих сияющих глаз и гладко зачесанные назад блестящие черные волосы (...) Перед всеми стояли сосуды с фруктами и лежали разного сорта и цвета булки — от оранжевых до снежно-белых. Сильно отличаясь от земного хлеба, они были необычайно нежны и приятны на вкус». Блюда искусным механизмом доставляются с потолка: «Через полминуты крышка опустилась на место, нагруженная всякого рода “вторыми блюдами”, неизвестно из чего приготовленными. Они оказались, впрочем, превосходными. Им не уступали также и напитки — легкие, густые и ароматные. “Нектар и амброзия!” — воскликнул я» (февр., с. 67).

За завтраком в столовой: «Принимаясь после какой-то жидкости за нечто голубое, похожее на пудинг, профессор спросил [своего сотрудника Брайта]: “А вы не скучаете о ветчине, чае, кофе, яичнице?..” — “Нисколько! Все это слишком вкусно здесь. Мне кажется, что пища сатурнитов очень гигиенична и, несмотря на ее легкость, чрезвычайно питательна”. “Не химическая ли она?..” “Не думаю. На Земле время от времени появляются в качестве курьеза идеи о химическом

питании в будущем. Но с биологической точки зрения они не выдерживают никакой критики, ибо пищеварительный тракт должен иметь работу <...> Поэтому фантастические капли или пилюли, которые сразу бы сделали человека сытым, принципиально неприемлемы и не являются разрешением проблемы питания человека в будущем. Я подозреваю, что сатурниты — вегетарианцы на основе как гигиенической, так и этической точек зрения. Они никого не убивают и не едят трупов. Вспомните все, что мы видели в снарядах и зданиях: кожи нигде не было! Даже обувь сделана из металлической чешуи, что еще более подтверждает высказанную мною мысль» (март, с. 65).

Во время полета над городом, изумленные и восхищенные, два жителя Земли видят «многочисленные полевые машины и орудия, пестрые огороды, целые фруктовые леса, сети каналов искусственного орошения и огромные, сверкающие в лучах солнц оранжереи. “Это, — заметил профессор, — известный и людям способ выращивания хлебных злаков и овощей под стеклом: урожайность в таком случае повышается в десятки раз”» (март, с. 66). Города, над которыми они пролетают, имеют характер агрогородов, они имеют номера: 357, 1034...

Сатурниты из племени ийю интуитивно понимают, что думают профессор и его ассистент; благодаря этой способности они быстро учатся говорить по-английски и так, при дальнейшем знакомстве с миром сатурнитов, вскоре оказывается возможным словесное общение.

В главе 21-й, озаглавленной «Всемирная коммуна» (апрель, с. 70—75), Брукс и Брайт в сопровождении одного из ийю знакомятся с фабрикой-кухней и со способами приготовления пищи. «Нажим кнопки — дно опустилось, крышка захлопнулась, и мы очутились в колоссальном зале. На его пол опускались из всех отверстий крыши прозрачные колонны, наполненные всевозможными молочными продуктами, яйцами, овощами, фруктами, маслами, посудой и рядом других известных нам предметов и веществ». Определенный вид ассортимента в кухне, ежедневно посещаемой несколькими тысячами ийю, производится полностью автоматически, под наблюдением всего лишь трех ийю, причем энергия добывается путем распада атомов. «Машины убрали грязную посуду, мыли тарелки, приборы, фрукты и овощи, очищали их от шелухи, изящно резали на части, передавали друг другу по-

луфабрикаты для дальнейшей обработки, варили и жарили, нагружали блюда различными яствами, разливали суп по вазам...» Профессор Брукс замечает:

«В связи же с кухней остается только выяснить причины вегетарианского питания». Сопровождающий их представитель народа ийо поясняет: «Вы уже давно угадали их (...) Строго говоря, мы не вегетарианцы, потому что, как вы видели, употребляем в пищу молочные продукты и яйца — мы не кушаем только мяса и рыбы. Во-первых, из гигиенических соображений: мясо тяжело переваривается, быстро разлагается, засоряет организм и перегружает желудок, сердце и почки. С тех пор, как ийо отказались от мяса, они стали значительно бодрее, здоровее и выносливее. Кроме того, увеличилась продолжительность жизни». «Сколько лет, между прочим, ийо живут?» — «До ста двадцати. В среднем, около ста десяти, в то время как в древние эпохи эксплуатации средний возраст рабочего равнялся сорока пяти годам, и лишь немногие доживали до шестидесяти пяти лет». «А какова у вас смертность среди детей?» «Очень незначительная. Мы рассматриваем эти случаи как исключения. Прежде более половины всех детей умирало в возрасте до четырех лет, в особенности среди рабочих. Причины здесь в основном, конечно, социально-экономического характера, но не меньшую роль сыграло также и вегетарианство, если принять во внимание, что детская смертность процветала, главным образом, на почве желудочно-кишечных заболеваний. Недоброкачественное мясо опасно, а рыба — ядовита, гнилым же плодом, овощем или молочным продуктом вы никогда не отравитесь. Испорченное молоко, например, дает сметану и простоквашу. С отказом от рыбы и мяса у нас совершенно исчезли некоторые болезни, например тиф. Кроме того, мы стали иммунны по отношению к туберкулезу и всякого рода лихорадкам. Это — первая причина. Во-вторых, мы совершенно не нуждаемся в мясе благодаря нашей легкой работе, гигиеническим условиям жизни и теплоте климату. И наконец, третья причина — чисто этическая. При нашем эстетическом развитии мы считаем отвратительным как убий животных, так и поедание их трупов и крови. Подумайте сами, как бы это выглядело при всей той красоте, художественности, гармонии и всеобщем счастье, которые вы нашли на Айю! Бойня и стоны несчастных животных были бы здесь резким диссонансом». «Но в таком случае, — заметил я, — животные и звери размножатся до бесконечности и наводнят всю планету. На земном шаре люди съедают ежедневно миллионы свиней и быков, и все же их не становится меньше». «Этого нам опасаться нечего. Путем безболезненных прививок и особого питания мы научились, во-первых, выращивать любой пол. Таким образом, мы имеем девяносто девять процентов самок, дающих молоко и яйца. Во-вторых, мы повышаем их

производительность почти до конца их жизни, и в-третьих, мы пресекаем излишнее размножение животных тем же путем особого питания и аналогичных прививок самкам. Не считая удоя, они нигде на Айю не работают, ибо давно уже заменены машинами. Им здесь не хуже, чем нам, потому что ийю любят своих животных и живут с ними в большой дружбе».

Эти места романа являются эхом представлений о райском царстве мира между человеком и животными... Дореволюционные дискуссии о вегетарианстве отражаются, впрочем, и в замечании по поводу пресечения беспрепятственного размножения животных. Ведь этот вопрос не давал покоя уже «Печенегу» Чехова, играл он роль и в дискуссиях в доме Толстых. В романе эта проблема разрешается средствами в 1930 г., пожалуй, еще казавшимися утопическими, но имеющимися в распоряжении современного человека (к примеру, раннее определение пола). Более того, в этом романе слышны отзвуки мнения, согласно которому вегетарианцы якобы менее предрасположены к известным болезням; безусловно, и русским медикам уже задолго до Первой мировой войны было известно, какие именно это болезни (в статистическом порядке) — правда, тиф к ним не относился. О недостаточном знакомстве с опытом, накопленным в области диететики, свидетельствуют попытки обоснования вегетарианства через теплый климат или отсутствие необходимости в тяжелом физическом труде. С другой стороны, замена рабочих животных машинами предсказывалась уже достаточно рано (в частности А. И. Воейковым); подобная замена провозглашалась как цель и в молодом Советском Союзе, но именно с освобождением животных от труда был связан переход к их массовому (фабричному) содержанию во всех промышленно развитых странах.

Марсиане: А. П. Казанцев

Александр Петрович Казанцев (1906—2003), получивший образование в области естественных наук, в течение десяти лет работал на фабриках и в научно-исследовательских институтах, пока в 1940 г. не стал заниматься сочинением научно-фантастических романов. В трилогии «Фаэты» действие разыгрывается в космическом пространстве⁷. Земляне принимают жителя Марса, жившего много тысяч лет назад. Ему приносят

еду: «Он с опасением посмотрел на блюда. Даль (переводчик) перевел его слова: “Умоляю понять, что марсиане не едят трупов”. Таня смутилась: “Что вы! Что вы! Это синтетические продукты. На Земле научились, как и у Вас на Марсе, готовить искусственные питательные белки”. “Я знал, что так будет”, — улыбнулся гость и с осторожностью положил в рот маленький кусочек. Ведь он ел впервые за много тысяч лет».

Роман Казанцева «Купол надежды» (1980) посвящен проблеме устранения голода на Земле искусственными продуктами питания.

С перспективы растений: Абрам Терц

Также у Абрама Терца (Андрея Синявского; 1925—1997) научно-фантастическая «чужая перспектива» используется для того, чтобы подвергнуть критике обращение культурного человечества с животным, причем сам автор, очевидно, не обнаруживает никаких вегетарианских амбиций. Еще до своего ареста (1965) и выезда за границу (1973) Терц написал короткий рассказ «Пхенц» (1961)⁸. Имя героя этого рассказа — Андрей Казимирович Сушинский. Ему 61 год. Он наполовину поляк, наполовину русский, и притом горбоват. Он тайно живет в Москве как нормальный советский гражданин. На самом же деле он — существо из другого мира, житель другой планеты, оказавшийся на Земле. Он единственный, кто пережил катастрофу космического корабля. Теперь он постоянно боится, как бы его не разоблачили. Студентка Вероника, живущая на той же квартире, признается ему в любви и требует «воздаяния». Он отклоняет ее любовь, акцентируя свой горб. Но она успокаивает его: «Просто мне нравятся кактусы, а вы похожи на кактус». Этим замечанием она интуитивно очень близка к истине, ведь Андрей питается исключительно той водой, которую прямо воспринимает через кожу. Если доступ к воде затруднен, как это нередко бывает в советской коммуналке, то это для него — катастрофа: «Пить-есть надо. Конечно — [я] не человек, не зверь, и, пожалуй, склонен скорее всего — из того, что у вас имеется — к растительному царству, но тоже обладаю своими первичными потребностями. Мне, в первую очередь, вода нужна, за неимением лучшей влаги, и желательно — определенной температуры, да чтоб к воде — время от

времени — недостоящие соли». Ему кажется жестокостью, что люди едят животных (и растения):

На столе дымилась и скверно пахла еда. Меня всегда поражал садизм кулинарии. Будущих цыплят поедают в жидком виде. Свиные внутренности набиваются собственным мясом. Кишка, проглотившая себя и облитая куриными выкидышами — вот что такое на самом деле яичница с колбасой.

Еще безжалостней поступают с пшеницей: режут, бьют, растирают в пыль. Не потому ли мукá и мýка разнятся лишь ударением?

— Да вы кушайте, Андрей Казимирович, — уговаривает Вероника. — Не расстраивайтесь, пожалуйста. Всю вину я беру на себя.

А что если человека приготовить тем же порядком? Взять какого-нибудь инженера или писателя, нашпиговать его его же мозгом, а в поджаренную ноздрю вставить фиалку — и подать сослуживцам к обеду? Нет, муки Христа, Яна Гуса и Стеньки Разина — сушая безделица рядом с терзаниями рыбы, выдернутой на крючке из воды. Те по крайней мере ведали — за что?

Х. ПОСЛЕ ПЕРЕСТРОЙКИ

Вегетарианство — это питание без мяса животных из уважения к законам, к фактам природы, жизни и внутреннего мира человека.

Ясковский. Философия вегетарианства (1912)

После Второй мировой войны потребовались десятилетия, чтобы вегетарианцы в России вновь получили возможность объединяться в общества. Долгое время подавлявшийся интерес к вегетарианству вновь возродился. Разумеется, все это время были люди, по самым разным причинам придерживавшиеся вегетарианского образа жизни. Однако соответствующей издательской деятельности практически не существовало, не было публичности, не было гласности. Невероятным новшеством стал выпуск в 1990 г. (в 200 000 экз.!) издательством «Медицина» брошюры врача А. П. Зеленкова «Обеды вегетарианца», впервые напечатанной в 1894—1897 гг. в издательстве В. П. Быкова; эта брошюра содержит в сжатом виде информацию о положении русского вегетарианства в 1890-е гг. Уже во «Введении» к книге я указывал на то, что статьи вроде очерка В. И. Порудоминского о вегетарианстве Толстого не случайно появились в печати лишь в 1992 г.

В 1989 г. было зарегистрировано «Вегетарианское общество города Москвы» (английское название — «Vegetarian Society of Russia»), руководителями которого являются Т. Н. Павлова и д-р мед. н. И. А. Медкова. Первоначально общество было прикреплено к Экологическому фонду СССР («Вегетарианское общество в СССР при Экологическом фонде СССР»), но в 1992 г. стало самостоятельной организацией. Общество отстаивает концепцию вегетарианства, построенную как на медицинских, так и на этических принципах¹. В соответствии с этими задачами в обществе были созданы два центра: «Научно-практический медицинский центр» и «Центр этичного отношения к животным»². Первый центр занимается исследованиями воздействия вегетарианского питания на хронические заболевания, второй разрабатывает проблемы

использования животных человеком. Усилия обоих центров направлены на распространение идей вегетарианства: организуются лекции, семинары, выступления по радио и телевидению, а порой и пропагандистские акции на улицах Москвы.

В июле 1995 г. в Москве возникло «Общество вегетарианской культуры», председателем которого является Лариса Марковна Позняк. Это общество, базирующееся на биологическом факультете Московского государственного университета, проводило чтения и семинары, собирало информацию о вегетарианстве и соответствующей научной литературе, устанавливало контакты с медиками, рекомендующими вегетарианский образ жизни³. Кроме того, общество содержало «Благотворительную вегетарианскую столовую при биологическом факультете МГУ», которая ежедневно обеспечивала обедами 150 студентов и называлась «Островок Вегето-Према», так как спонсором столовой была фирма «Према-Инвест» вегетарианца А. Р. Флейшера. И действительно, эта столовая — островок в море дезинформации о вегетарианстве. В МГУ функционировала еще одна вегетарианская столовая, которая вначале получала финансовую поддержку от приверженцев Кришны, движения, активно агитирующего среди русских вегетарианцев; под управлением кришнаитов находились и четыре из семи вегетарианских ресторанов, действовавших в Санкт-Петербурге на 2001 г., а также одно вегетарианское кафе во Владивостоке...

В Петербурге с 13 марта 1991 г. под руководством Ларисы Викторовны Колтуновой действует «Вегетарианское общество Санкт-Петербурга и области», которое сотрудничало с Московским обществом и получало оттуда «скромную поддержку»; председатель этого объединения, хорошо помня о дореволюционных традициях, назвала *ВО-во СПб.* «возрожденным обществом». Помимо прочего, оно издавало «Вегетарианский бюллетень» (№ 1—2, 1995).

В 1995 г. вегетарианское общество города Москвы вступило в «European Vegetarian Union». В 1999 г. Т. Н. Павлова на мой вопрос, почему же не существует пока всероссийской вегетарианской организации, ответила, что для учреждения такой организации потребовались бы значительные денежные средства; в феврале 2002 г. она дополнила это объяснение справкой, что разрешение называться «Российским вегетарианским обществом» будет дано только тогда, когда общество

будет иметь отделения в сорока русских городах — постановление, очень напоминающее ограничения, бывшие в ходу в царские времена. Д-р мед. н. И. Медкова, врач, действительный член Российской Академии естественных наук, все же добилась от Министерства здравоохранения официального признания научной обоснованности вегетарианского питания и разрешения применять его в лечении разных болезней.

С мая 2001 г. в Москве действует также «Евразийское Вегетарианское Общество», возглавляемое Николаем Калановым (о нем см. ниже)⁴. Таким образом, в 2001 г. только в Москве существовало четыре вегетарианских общества.

В 1997 г. в Харькове был основан «Центр этичного отношения к животным “Жизнь” им. Льва Толстого», председателем которого является Игорь Парфенов. С 1998 по 2003 г. этот центр издавал богато иллюстрированный ежегодник «Крик». Однако по финансовым причинам выпуск этого издания пришлось приостановить. С 2003 г. центр издает ежемесячник «Время. В защиту животных» (объемом 4 с.). По сообщению И. Парфенова (2004 г.), завершается крупный проект — создание художественного фильма, пропагандирующего вегетарианство и защиту прав животных.

В ноябре 2003 г. в Симферополе было зарегистрировано «Крымское общество вегетарианской культуры».

Количество членов этих и подобных обществ в других городах России (официально зарегистрированное вегетарианское общество есть и в Армении) пока, очевидно, довольно скромно. Нередко говорится о том, что вегетарианство «завоеывает (!) все большее число приверженцев» и в России⁵. Интерес, проявляемый к разным видам вегетарианства, можно отметить прежде всего у интеллигенции и молодежи.

В последнее время появляется все больше вегетарианских кухонных книг, вступительные статьи к которым зачастую содержат краткие сведения по истории вегетарианского питания (ср. гл. VII.13). Подробнейшую информацию можно найти, в частности, в книге «Всё о вегетарианстве», изданной И. А. Медковой, Т. Н. Павловой и Б. В. Брамбургом в 1992 г. [1993]⁶. Название книги, возможно, восходит к названию серии «Нечто о вегетарианстве», выходившей в 1902—1904 гг. под редакцией Ольги Зеленковой (псевдоним — «Вегетарианка»)⁷. Впрочем, это название оправдано еще и тем, что книга информирует читателя о самых разных

аспектах вегетарианского образа жизни — медицинских, этически-религиозных и экологических, а также содержит множество рецептов вегетарианских блюд (с. 98—177). Впрочем, истории вегетарианства посвящены лишь первые страницы вступления (с. 7—12).

В 1996 г. московский еженедельник «Патриот» опубликовал интервью с культурологом и философом Борисом Ивановичем Снегиревым (род. 1916 г.) под заголовком «Этика питания». В этом интервью Б. И. Снегирев выступает за переход к лактовегетарианскому питанию по экономическим, экологическим и медицинским соображениям, подчеркивая, что потребление мяса и мясопродуктов в бывшем СССР приближалось к 70 кг на душу населения в год, а по Москве составляло даже 126 кг, в то время как в США этот показатель равнялся 115 кг, а в Португалии и Японии — 36 кг. Более того, Снегирев высказался в пользу предпочтения «местных продуктов», т. е. продуктов, выращенных в радиусе 800 километров от места проживания потребителя, — вероятно, тут сказываются русские представления о расстояниях...⁸

Вегетарианство заявило о себе и в периодике. В декабре 1996 г. в Москве начала печататься газета «Вегетарианские товары» (*ВТ*); до декабря 1998 г. из печати вышли 40 номеров (в трех различных форматах; как правило, 4 страницы формата А4). Это издание — по форме напоминающее, скорее, листовку — ставило целью пропаганду охраны природы и животных, вегетарианского образа жизни и, в известной степени, рекламу продуктов и технологий, не использующих сырья животного происхождения.

В газете не раз перепечатывались отдельные главы из упомянутой книги Т. Н. Павловой и И. Л. Медковой, а также из «Целебного питания» Г. С. Шаталовой, врача, уже в советские времена практиковавшего методы лечения природными факторами. Публиковались в *ВТ* и статьи иностранных авторов, например о губчатом энцефалите («BSE» — «коровье бешенство». № 5, сентябрь 1997 г.). Помимо прочего, в газете можно было найти информацию о положении российских вегетарианцев до перестройки и после. Так, например, читатель узнает о том, что существовал «лечебный Самиздат», то есть тайное издание книг по вопросам природной медицины, и что их автор, Сергей Александрович Бородин, рекомендовавший лечение голоданием, подвергался репрессиям. *ВТ*

сообщало также о демонстрации русских вегетарианцев на Пушкинской площади в Москве в апреле 1994 г. (первое публичное обращение к общественности), привлечшей внимание телевидения, и о кафе «Вегетарианское», открытом в том же году в Москве на улице Ямское Поле, близ Белорусского вокзала (число посетителей кафе в первое время не превышало 80–90 человек в день). Редакция газеты сетовала на то, что положение некурящих в России гораздо хуже, чем на Западе; в ноябре-декабре 1997 г. (№ 9—12) в *ВТ* была напечатана «в полном виде, без купюр» онлайновая статья «Почему веганство?» из журнала «Vegan Outreach» (в дословном переводе газеты — «Веганская пропаганда»), а в комментарии к этой публикации читателю не без горькой иронии предлагалось сопоставить ситуацию вегетарианского движения в США «с реалиями нашей страны», где не найти «ни единого (...) магазина натуральных и здоровых товаров!» Таким образом читатель мог «сравнить напряженную добровольную общественно-вегетарианскую жизнь в “мире чистогана” с почти полным отсутствием оной на высокодуховных просторах нашей Родины». Раньше, по утверждению *ВТ*, дело обстояло иначе: «В Государственной библиотеке им. Ленина имеется великое множество литературных источников дореволюционного времени по вопросам вегетарианства: книги, периодические издания, отчеты о деятельности вегетарианских обществ в различных городах России. Соответствующая литература нынешнего времени по большей части переводная, а о периодике и говорить не приходится: газета “Вегетарианские товары” — единственное на всю страну периодическое издание по данной тематике».

В начале 1998 г. газета *ВТ* имела 64 подписчика. При этом говорилось, что редакция уже успела уловить тонкую разницу между понятиями *подписчик* и *читатель*. Разумеется, число читателей было значительно выше. Впрочем, сравнение с другой цифрой все же проясняет ситуацию: когда А. П. Зеленков в 1894 г. разослал брошюру «Обеды вегетарианца», он получил около 2000 писем со всех концов царской России. Однако уже и он сожалел о «русском опоздании»: в Лондоне в то время имелось около 40 вегетарианских ресторанов, в коих ежедневно отпускалось до 30 тыс. обедов. Как мы знаем, в течение следующих двух десятилетий и в России отмечалось быс-

трое развитие вегетарианского движения, прекратившееся в 1917 году...

В январе (№ 14) и в июле (№ 25—26) 1998 г. редакторы *ВТ* провели анкетирование по поводу вегетарианского образа жизни («Анкета Вега»), вроде того, которое в конце 1912 г. провела самая большая киевская столовая, а еще раньше, в 1895 г., В. П. Быков. Отчета о результатах анкетирования мне найти не удалось. В № 15 за февраль 1998 г. газета дала подробное и объективное изложение различий между вегетарианством и православным режимом поста.

В выпусках за май-июнь 1998 г. (№ 21—23), по предложению 93-летнего Ю. С. Николаева (он умер в том же году), впервые после 1917 г. в виде брошюры было напечатано эссе «Первая ступень» (по изданию 1905 г.); отец Ю. С. Николаева, Сергей Дмитриевич, в свое время вместе с Толстым штудировал учения аграрного реформатора Генри Джорджа... В выпуске № 12 (24) за июнь 1998 г. редакция *ВТ*, в целях сравнения, предоставила слово двум противникам вегетарианства — П. Енько (Санкт-Петербург, 1893) и А. Цареву (Интернет, 1997), чтобы показать, что сегодняшние аргументы против вегетарианства звучат так же, как и сто лет назад. А в выпусках № 13—14 (июль 1998 г.) слово было предоставлено В. В. Радугину, автору вышедшей в 1908 г. брошюры, малодушно морализировавшему по поводу трудной жизни вегетарианца, неспособного противостоять своему враждебному окружению⁹; разительный контраст этому тексту составляет помещенная в *ВТ* статья Элисон Грин «Жить в гармонии с вегетарианцами» (впервые опубликованная в «Washington Post» в августе 1995 г.), автор которой убежденно отстаивает вегетарианство.

О том, насколько далеки от «вегетарианских мыслей» в России сегодня, через 80 лет после Октябрьской революции, даже представители интеллигенции, свидетельствовал симпозиум «Благоговение перед жизнью», проведенный в 2000 г. в Санкт-Петербурге в честь 125-летия со дня рождения Альберта Швейцера¹⁰. В одном из 25 докладов указывается на неприятие А. Швейцером корриды и охотничьей травли, убийства ради игры; некоторые из авторов говорят о том, что он, подобно К. Э. Циолковскому и В. И. Вернадскому, постулировал «единство всего живого» и требовал бережного обхождения с миром растений. Один скептически настроенный участник

симпозиума заметил, что «благоговение перед жизнью» в виде общей доктрины — сомнительно, если мы ежедневно убиваем сотни тысяч голов баранов, свиней, кроликов и т. д. Однако ни в одном из 25 докладов не содержится указания на то, что А. Швейцер, хотя он редко употреблял слово «вегетарианский», «по крайней мере в последние десятилетия своей долгой жизни в Ламбарене был вегетарианцем». Весной 1945 г. 70-летний Швейцер (он умер в возрасте 90 лет) сам удивлялся своей работоспособности и приписывал ее «почти исключительно вегетарианскому питанию, какое мы здесь имеем в Ламбарене». 30 августа 1965 г. в одном из писем он пишет: «Я считаю, что мы, вступающие за бережное отношение к животным, должны совсем отказаться от употребления мяса и высказаться против него. Так я сам делаю»¹¹.

Интенсивную деятельность разворачивает в последнее время Евразийское Вегетарианское Общество (ЕВО), президентом которого с октября 2001 г. является Николай Александрович Каланов. ЕВО, член Международного и Европейского вегетарианских союзов, было основано в мае 2001 г. в Москве. Одной из своих целей это общество считает создание и объединение вегетарианских обществ на территории России и стран бывшего СССР. Новое общество планирует вести просветительскую работу и строить вегетарианские общественные структуры «западного типа». Оно определяет себя как «некоммерческое партнерство по пропаганде здорового образа жизни». Несмотря на то, что вегетарианство рассматривается им как средство физического, умственного, морального, духовного и экономического усовершенствования человечества, что преследуются цели распространения вегетарианства как образа жизни, способствующего сохранению окружающей среды, защите и охране животного мира и улучшения экологии, не последнее место в его уставе занимают вопросы гигиены и здравоохранения. Общество имеет свой Интернет-сайт, где представлена богатая информация о его деятельности и о вопросах вегетарианского образа жизни¹². Оно поддерживает связь с Екатеринбург, Казанью, Красноярском и Владивостоком. С июня 2001 г. ЕВО издает журнал «Вегетарианец». Правда, после выхода двух печатных номеров (тиражом в 25 000 экз.) выпуск издания прекратился. Общество старается поддерживать контакты со средствами массовой информации и не без их помощи добилось, в частности, того, что мэр Мос-

квы Юрий Лужков приостановил попытки ввести в России португальскую корриду. Общество учредило вегетарианскую библиотеку, проводит встречи с выдающимися вегетарианскими медиками (И. А. Медкова, Т. Н. Павлова, Г. С. Шаталова) и с ветеранами русского вегетарианства (в том числе с Мирой Иосифовной Перпер, дочерью И. И. Перпера, 1918—2001), с тем чтобы осветить «трагические стороны истории вегетарианства между 1920 и 1953 годами». В декабре 2001 г., в связи со столетием основания *СПб. ВО-ва*, обществом была организована пресс-конференция «Сто лет вегетарианскому движению в России».

С октября по декабрь 2001 г. ЕВО провело в Москве опрос о современном положении и перспективах вегетарианства. Студентами Московского государственного института международных отношений (МГИМО), являющимися членами ЕВО, было опрошено 295 информантов; при этом использовались метод включенного открытого наблюдения, анализ документов, интервьюирование и «multiple choice». Удивительно, что более 10 % опрошенных назвали себя вегетарианцами. Впрочем, при этом надо иметь в виду, что для русских вегетарианство зачастую означает отказ от мяса, но не от рыбы, и что анкетирование проводилось в Москве, среди городского населения. Убеденных вегетарианцев можно найти, с наибольшей вероятностью, среди интеллигенции и состоятельных людей. Более 75 % вегетарианцев не едят мясо по причинам вкуса и/или здоровья — религиозные мотивы играют довольно скромную роль. 66 % всех опрошенных не обнаружили никакого интереса к вегетарианскому образу жизни.

В постсоветской России в дискуссиях по вопросам вегетарианства вновь заявила о себе православная церковь. В 1998 г. Московский патриархат опубликовал брошюру «Христианское отношение к пище: Нормы питания, вегетарианство, пост»¹³. Автор брошюры проявляет удивительное понимание вегетарианских постулатов воздержания в питании; он приводит ряд примеров долгожительства знаменитых постников: так, например, монахиня Рахиль из Бородинского монастыря скончалась в 1928 г. в возрасте 128 лет; старец Антиох, о котором рассказывается в жизнеописании Феодора Сикеота (память 23 апр.), питаясь последние 30 лет своей жизни только травами, не вкушая хлеба, прожил более 160 лет и т. д. Далее

подчеркивается, что пресыщение имеет отрицательное влияние как на здоровье, так и на духовную жизнь. Автор дает советы для постепенного сокращения нормы пищи, опираясь не только на пример духовных отцов, но и на мнения врачей, и одобряет воздержание «от изысканной, слишком вкусной пищи»... В брошюре приводятся также высказывания «О противоборстве чревообъядению» преподобного Нила Сорского, идеолога русского скитского движения в XV веке. В главе «Вегетарианство» напоминает о том, что мясо совершенно исключено из пищи иноков и что наиболее ревностные из них ограничивают себя чисто растительной пищей. Отмечается также, что и светская наука, прежде всего медицина, имеет теперь «неоспоримые доказательства преимущества для нас вегетарианской пищи» и что «при вегетарианском питании человек становится здоровее, выносливее и долговечнее». Спортсмены, живущие по-вегетариански, добиваются рекордных результатов. Наряду с этим обстоятельно цитируется эпизод из книги пророка Даниила (гл. 1, 8—20, ср. выше с. 289): «Современных вегетарианцев отделяет от пророка Даниила более трех тысяч лет. Но результаты их воздержания и мудрой осмотрительности в питании были совершенно те же»¹⁴. Кроме того, перед приемом пищи, после обычной застольной молитвы, рекомендуется читать добавочную заключительную формулу — «Окончание молитвы перед едой», которая просит об избавлении от пресыщения и сластолюбия.

Данная брошюра в то же время предостерегает от опасностей аскетизма: усиленное воздержание в пище может приводить человека в высокое мнение о самом себе и в ожидание видений и сверхъестественных ощущений. Брошюре завершает авторитетная статья «Вегетарианство и его отличие от христианского поста» (1895; см. гл. V.5)¹⁵ святителя Тихона, патриарха Московского и всея Руси, опубликованная в 1995 г. в «Православной газете» (№ 19—20) по случаю столетия первого издания¹⁶.

Несомненно, издание Московского патриархата надо рассматривать также в контексте новой фазы борьбы церкви с сектами, которые начиная с конца 1980-х годов все более обращают на себя внимание¹⁷ (вспомним ситуацию, существовавшую до 1917 г.). Кроме движения Кришны, есть совсем новые секты, как, например, «Церковь последнего завета» Виссариона (он же Сергей Тороп; род. 1961), основавшего в

1991 г. в Сибири экопоселение Тиберкул, в котором в сельской коммуне живут 3000 человек, строго придерживающиеся вегетарианства (веганства) на мировоззренческих началах. Полагают, что это движение, получившее, между тем, распространение и в Германии, насчитывает 50 тыс. приверженцев в 83 местах (по другим источникам, однако, — всего 10 тыс.)¹⁸.

Либерально-открытому, не связанному идеологическими ограничениями вегетарианству, в смысле высказывания Ф. Ясковского в эпиграфе к этой главе, в России приходится по-прежнему нелегко. И по сей день вегетарианские рестораны Москвы и Санкт-Петербурга можно сосчитать по пальцам (илл. 38—39). Есть магазины лекарственных трав и диетических продуктов, но почти нет магазинов натуральных товаров, торгующих исключительно вегетарианской продукцией, вроде, например, «Reformhäuser» в немецкоязычных странах. Таких магазинов в одной Германии в 2003 г. имелось 2500, дающих ежегодный оборот в 600 млн евро...

В январе 1998 г. редакция газеты «Вегетарианские товары» (№ 14) в открытом письме направила «Обращение к Президенту, Правительству и депутатам России». Изложив самые разные аргументы в пользу вегетарианского образа жизни и указав на то, что «развитие России традиционно является централизованным», что частная инициатива еще слаба, в отличие от стран Запада, авторы обращения предлагают «организовать разработку государственной “Программы постепенного перехода к вегетарианству и отказу от убийства животных”» (см. илл. 40). Однако это открытое письмо, по всей вероятности, не вызвало никакого официального отклика; вряд ли можно было ожидать ответа от Б. Н. Ельцина.

ХІ. ВЗГЛЯД НАЗАД И В БУДУЩЕЕ

Среди вегетарианцев всего мира только русские принцип «не убивай» поставили главным условием вегетарианства.

В. П. Войцеховский (1915)¹

Послушайте мене, аще не всего примете то половину.

Владимир Мономах. Поучение (1117 / 1125)²

«Новейшее» вегетарианство пришло в Россию с опозданием — в последней четверти или, точнее, в последнем десятилетии XIX века. Как и в Западной Европе, новое вегетарианское движение на русской почве возникло в результате как этических и религиозных мотивов, так и оздоровительно-гигиенических. При этом в целом для России особенно весомыми были религиозные мотивы.

Причины тому были разные. Воздержание от мяса, качественный пост — предписание, обязательное для русского монашества («черного духовенства»), — в отличие от большинства монашеских орденов на Западе; в 1892 году в русских монастырях жили 43 тыс. монахов и монахинь, в 1907 г. насчитывалось 90 тыс. монашествующих, включая послушников³. Но и в жизни верующих православных мирян воздержание от мяса и молочных продуктов играло большую роль по сравнению с христианами Западной Европы, что объясняется предписаниями постных дней в течение православного церковного года. Кроме того, полного отказа от мясной пищи требовали от своих приверженцев и некоторые русские секты (об этом подробно шла речь в гл. II). Впрочем, причиной преобладания в России именно этических мотивов являлось также и то, что самый большой вклад в распространение вегетарианства внес, пользуясь своим мощным авторитетом, Лев Толстой, выдвигавший на первый план «любовь ко всему живому», уважение к жизни, хотя, разумеется, и для него не последнюю роль играли «гигиенические» мотивы.

Неоднозначность позиции Толстого по отношению к вегетарианству давала повод для недоразумений. 17 января 1910 г. он записывает в альбом ташкентской столовой «Безубойное питание»: «Цель жизни человека состоит никак не в полном достижении совершенства, а в совершенствовании, т. е. во все большем и большем приближении к совершенству. Полное совершенство есть свойство только Бога, свойство же человека есть приближение к совершенству. И потому рассуждение о том, что, если мы не можем никогда быть свободными от убийства, то и заповедь “не убий” не может быть нравственным руководством, — такое рассуждение совершенно неправильно и есть обман или грубое заблуждение». Эта формулировка подчеркивает, что человек всегда находится на пути к совершенству. Однако в конце «Первой ступени» речь шла о том, что распространение вегетарианства «особенно радостно для людей, живущих стремлением к осуществлению царства Божия на земле». Хотя здесь говорится лишь о стремлении (человек «в пути»), но поставленная цель слишком высока, и поэтому не удивительно, что Русская православная церковь усматривала в этом признак гордыни. Тезис, выдвинутый в «Вегетарианском вестнике» в 1917 г., во время революционного подъема чувств, христианской социалисткой Ольгой Прохаско: «В двух словах: идеал вегетарианства — устройство Царствия Божия на земле, — должен был казаться крайне проблематичным. Джордж Бернард Шоу также был убежденным вегетарианцем и в Великобритании для многих являлся фигурой идентификации, но наступления царства Божия на земле он не предвещал.

Опасность такого рода идеологизации подчеркивалась неоднократно — ее осознавали участники московского Всероссийского вегетарианского съезда 1913 г.; находит она выражение и в инвективах «апостата» И. Ф. Наживина, отрекшегося в 1914 г. от своего «толстовского» прошлого. Однако подобные опасения высказывались и раньше: в 1895 г. врач А. П. Зеленков, ставший вегетарианцем по лечебно-гигиеническим причинам, сожалел о том, что издатели «Посредника» (иными словами: приверженцы Толстого) не рассматривали вопросы питания с разных точек зрения, во всей их полноте, и забывали о необходимости предвосхищать контраргументы (ср. гл. VII.6 «Посредник»). Как мы видели, против крайних установок высказывались такие личности, как Н. С. Лесков,

А. И. Воейков или К. Г. Греков, и даже сам Толстой, в тех случаях, когда его уличали в непоследовательности (что случалось довольно часто): «Отступление в приложении к действительности от закона (идеала) не преступно, но неизбежно, и не есть сделка (компромисс) в смысле нехорошего чего-то», — писал он В. Г. Черткову 28 февраля 1889 г.⁴

Едва ли удачным был эффект, оказываемый частым употреблением слова «безубойный» (без убоины, без убоя, без убийства). Этот термин, впрочем, тщетно искать в русских словарях, даже в академических, в то время как в вегетарианской литературе он встречается неоднократно. Весьма вероятно, что первым слово «безубойный» употребил В. Г. Чертков еще в середине 1880-х годов⁵. У Н. С. Лескова это выражение находим лишь в виде предложного словосочетания: в Лондоне, — сообщал он в 1892 г., — есть «несколько вегетарианских ресторанов (без убоины)». Частотное употребление слова «безубойный» перенесло дискуссии в сторону этических обоснований и впоследствии нередко вызывало критические замечания вроде тех, что всякая жизнь на нашей планете — за исключением растительной — не может существовать без умерщвления другой жизни. Таким образом, уже сама идея, что приветствия заслуживает хотя бы уважение ко всему живому (пример тому — существование щадящих средств защиты растений от «вредителей»), — была отодвинута на задний план. Отношения между лактовегетарианцами и веганцами (или же между «младовегетарианцами» и «старовегетарианцами») обострились еще и вследствие того, что нередко для обозначения вегетарианского и растительного питания синонимично употреблялось выражение «безубойно». Впрочем, известные разногласия между вегетарианцами различных направлений можно констатировать везде: так, например, в апреле 2000 г. президент швейцарского общества вегетарианцев пожелал читателям своего журнала «веселой вегетарианской/веганской Пасхи». Тем не менее, постоянное подчеркивание «безубойности» усугубило расхождения между вегетарианцами, преимущественно «идейными», и «гигиенистами», прежде всего заинтересованными в оздоровительной стороне вегетарианского образа жизни⁶. Последние, по всей видимости, преобладали по численности и в России (в США в середине 1990-х гг. насчитывалось полмиллиона веганцев и 12 миллионов вегетарианцев; ср. выше с. 339); однако аргументы «ги-

гиенистов» имели меньше веса в дискуссиях, касавшихся основных положений вегетарианского движения. В решающие годы перед Первой мировой войной представителям русских вегетарианских течений не удалось прийти к согласию.

История вегетарианства в России лишний раз подтверждает факт, известный по примерам распространения этого движения в других странах: особый интерес к растительному питанию всегда проявляли определенные круги общества, а именно художники, писатели, философы и вообще представители интеллигенции. В этом отношении ничего не изменилось со времен Пифагора. То, что народ (за исключением сектантов) нередко считал вегетарианство делом верхнего слоя, — видно из рассказа Л. А. Толстого о срыве собрания вегетарианцев петербургскими рабочими: «Вы, дармоеды, выдумываете вегетарианство, когда вам еда с салом тяжела!» В этом смысле любопытно замечание 39-летнего Геннадия Фадеева о решающей роли интеллигенции в журнале «Вегетарианские товары» (июнь 1998 г.), к тому моменту вегетарианствовавшего уже шесть лет (до этого он не знал, что можно обходиться без мяса!): «До революции особенный подъем общественного внимания к вопросам вегетарианского, или, как тогда было модно выражаться, “безубойного”, питания возник с начала девяностых годов прошлого века и резко упал в 1917 году после небезызвестных событий, потрясших державу. Вопрос — что есть? — большинством голодного населения стал рассматриваться в совершенно ином ракурсе... А когда людей накормили, оказалось, что тех просвещенных личностей, которые восприняли и способствовали возрождению прогрессивной идеи растительного питания человека, в России почти не осталось»⁷. Действительно, война и преследования, добровольная или вынужденная эмиграция и, как следствие, «прореживание» культурного слоя населения дореволюционной России принесли тяжелые потери для русского вегетарианства. В 1920-е годы временно допускалось известное число толстовских коммун, но делалось это почти исключительно за закрытыми дверями; образовательный же уровень «советской интеллигенции» формировался в особых условиях, с характерными для них определенными ограничениями.

Впрочем, как в Западной Европе и США, так и в России особенно восприимчивыми к вегетарианским концепциям

жизни оказывались прежде всего женщины. Еще в 1895 г. д-р А. П. Зеленков в своих «Обедах вегетарианца» счел нужным обратить на это внимание: «В заключение не можем не подчеркнуть того факта, что из полученных нами [2000] писем усматривается, что большинство интересующихся вопросом о вегетарианстве представляют собою женщины. Мы это констатируем с особенным удовольствием, как еще новое подтверждение того, что все, что только носит в себе результаты высшего проявления гуманных начал нравственно развитого культурного человечества, то делается прежде всего доступным женщине...»⁹. То, что различное отношение полов к вопросу потребления мяса имеет также культурно-антропологические и социально-исторические предпосылки, показывают новые исследования в этой области, как, например, работа Нэн Меллингер (NAN MELLINGER, 2000; ср. главу «Der Mann isst Fleisch»).

В общем следует отметить, что полемика против вегетарианских концептов зачастую не отличалась дифференцированностью аргументов, порой обнаруживая полное незнание фактов. Так, в 1894 г. в одной газетной статье сообщалось, что при вскрытии трупа одного преждевременно закончившего свое земное странствование вегетарианца кишки были найдены настолько тонкими, что стенки их оказались не толще листа папиросной бумаги¹⁰. Почти сто лет спустя, в 1993 г., В. В. Похлебкин, автор книги о репертуаре кушаний и напитков в русской классической драматургии с конца XVIII до начала XX столетий, весьма пренебрежительно характеризует драматическое творчество Толстого, в котором, по его словам, «... отразился искаженный, старческий вегетарианский стол, обусловленный не русскими историческими кулинарными традициями и не личными гастрономическими склонностями Толстого к тем или иным блюдам, а религиозно-этическими воззрениями писателя в последнее десятилетие его жизни»¹¹. В. В. Похлебкину не мешало бы не ограничиваться драматическими произведениям Толстого и обратиться хотя бы к «Анне Карениной» или к дневникам.

В ближайшем будущем русским вегетарианцам крайне необходимо будет пробить «стену молчания» вокруг вегетарианства. На Западе ее почти уже не существует, причем эпидемии «коровьего бешенства» и ящура способствовали достижению этой цели. В России вегетарианство в известной

степени табуировано или же не принимается к сведению из-за отсутствия интереса. Мало о нем говорится и в тех случаях, когда оно играло важную роль в жизни известных личностей. В биографическом словаре «Русские писатели 1800—1917» (Т. 3. 1994), — издании, безупречном в научном отношении, — в статье, посвященной Н. С. Лескову (девять страниц убоистой печати!), не имеется ни малейшего указания на то, что последние годы жизни писатель вегетарианствовал — несмотря на то, что этот факт сыграл большую роль в его творчестве. С подобного рода замалчиванием столкнулся и я: нередко в отношении тех или иных известных лиц мне было трудно установить, признавали ли они себя вегетарианцами вообще, и если да, то когда, в какой степени и в силу каких мотивов. Это относится, в частности, к художнику и лирику Николаю Константиновичу Рериху (Roerich; 1874—1947)¹². Именно поэтому иных «нежелательных» пробелов избежать в этой книге не удалось. Обращаясь с источниками, я старался быть как можно более осторожным, ведь «каталоги» видных вегетарианцев, не проверенные тщательно, приносят скорее вред, чем пользу, в чем мы уже смогли убедиться на примере того, как «Вегетарианский вестник» в 1904 г. по ошибке причислил австрийскую императрицу Елизавету (Сисси; 1837—1898) к вегетарианцам.

Аргументом, нередко приводимым против перспектив распространения в России вегетарианского образа жизни, является указание на климат и географическое положение. Нельзя не согласиться с тем, что в стране, где зима бывает столь суровой, трудно круглый год иметь в распоряжении фрукты и овощи; еще Державин посчитал нужным упомянуть об этом факте. Такого богатого выбора фруктов и овощей, какой круглый год встречаешь в Западной Европе или США, даже в маленьких местечках, в России при теперешних обстоятельствах можно найти разве что в больших городах. Причем цены на эти растительные продукты по отношению к мясным — менее выгодны для безмясного режима питания; но так быть и так оставаться не должно. Можно жить по-вегетариански даже в Сибири — это, в чем мы уже убедились, доказали, в частности, не только Дмитрий Яковлевич Суворец, но и — в условиях куда более трудных — Н. Г. Чернышевский. Посредством культивирования и селекции возможно отодвинуть границу произрастания растений и деревьев на север: существ-

вует, к примеру, сорт вишни «Владимирка», выращиваемый в 150 км на северо-восток от Москвы. Вся Владимирская губерния, если верить статистическим данным Брокгауза-Ефрона, в 1890 г. была раем фруктов, с яблонями, вишнями, сливами и ягодными кустами разных сортов¹³. В наши дни садовники-любители обмениваются информацией о лучших способах их выращивания через Интернет. В дворянских усадьбах оранжереи разбивались уже в XIX и начале XX века — несмотря на то что на пользу они шли только немногим. Об оранжерее в Ясной Поляне Т. А. Кузминская рассказывает: «В саду была теплица для зимних цветов и оранжерея с персиками чудной породы»¹⁴. Страна, владеющая несметными запасами топлива, должна бы быть в состоянии широко пользоваться ими для выращивания фруктов и овощей. Сегодня на Аляске «сажают картофель, капусту, морковь и другие овощи, в Анкоридже [62 градус широты, подобно Якутску] выращиваются также помидоры, цукини и земляника. Это же, должно быть, возможно и в Сибири; и Сибирь таит в своих недрах еще большие запасы сырья и энергии»¹⁵. Даже скромная доля денежных средств, расходуемых в рамках военного бюджета, могла бы тут открыть широкие возможности.

ХИ. ТЕКСТЫ

М. П. Арцыбашев
КРОВЬ

I

К молодым помещикам Виноградовым, которые только прошлой зимой обвенчались и жили всю зиму в деревне, приехали гости: два брата Борисовы и писатель Гвоздев.

Старший Борисов был очень худощавый, близорукий и очень добрый человек лет тридцати. Волосы в бороде и на голове у него были очень светлые и жидкие. Звали его Николаем Андреевичем. Был он приват-доцентом университета.

Брата его, студента, все звали просто — Сергей, и все любили его за здоровую, красивую наружность, веселый, ровный характер, остроумие и симпатичные убеждения.

Гвоздев Алексей Петрович был беллетристом, произведения которого очень ценились той частью публики, которая прежде всего требует от писателя симпатичной, искренней и доброй идеи. Одевался он по-русски и волосы стриг в кружок.

Все трое приехали в самом лучшем настроении духа, и с их приездом оживился весь дом. Не только господа, но и прислуга была рада приезду веселых и щедрых гостей. А особенно был доволен сам Виноградов: хотя он недавно женился и еще не пережил горячки наслаждения первыми счастливыми общениями с молодой, красивой и здоровой женой, но все-таки однообразие деревенской жизни и одной любви уже начинало тяготить его.

Когда земская бричка, запряженная парой крепких и круглых, с подвязанными мокрыми хвостами, лошадей, звеня и громыхая, подкатила к крыльцу виноградовского дома, там поднялись шум и беготня. Сам Виноградов, без пальто и шапки, в одной старой студенческой тужурке, которую дома носил потому, что она нравилась его жене, выскочил на крыльцо, улыбаясь с радостным и оживленным видом.

— Вот молодцы ребята, что приехали! — закричал он славным звучным голосом.

Гости, смеясь и отвечая на приветствия, вываливались на обе стороны брички, вытаскивая за собой привезенные ружья и патронташи. За ними выскочили и две прекрасные охотничьи собаки: темно-рыжий, кудряво-мягкий сеттер Гвоздева, по кличке «Аякс», и крепкий, стройный гордон «Маркс», принадлежащий Сергею Борисову.

Подоспевший работник Иван, весело скаля зубы, подхватил из брички два рогожных кулька и следом за господами втащил их в переднюю.

— Это что? — радостно спрашивал Виноградов, высоко поднимая брови.

Иван, все скаля зубы, отворотил уголок кулька и оттуда выглянули серебряные и красные горлышки бутылок. Гвоздев, снимавший пальто, приостановился и свободной рукой так выразительно щелкнул себя по воротнику, что все засмеялись.

— Ну, как я вам рад, — говорил Виноградов, блестя глазами и помогая то одному, то другому снимать пальто и крепко пожимая всем руки.

Со старшим Борисовым он даже поцеловался, так как они были давнишними и крепкими приятелями, товарищами по университету:

— Ну, мы, брат, больше тебя рады, — смеялся Борисов, — у нас там без тебя как-то все расклеилось... Все хандрят, скука смертная...

— Будто уж? — с удовольствием спросил Виноградов.

— Спроси их. Да и вообще, как посидишь в каменном мешке, так рад будешь на вольный воздух вырваться.

— А у нас тут чего-чего, а воздуху хоть объедайся, — смеясь говорил Виноградов.

— Уж мы видели дорогой... благодать!..

Вышла в переднюю и сама хозяйка, молодая жена Виноградова.

Клавдия Николаевна была очень хрупкая и нежная блондинка маленького роста, с маленькими ножками и ручками. У нее были большие невинные светлые глаза, которые, вместе с мягкими вьющимися волосами, придавали ей вид ангела, что она знала и чем она гордилась; и потому она старалась быть всегда доброй и мягкой, оправдывая это сходство. Одета она

была по моде, красиво, но просторно, чтобы не так был замечен округлившийся живот: она была беременна.

— Добро пожаловать, господа, — сказала она, радушно и со спокойным кокетством протягивая им обе руки.

— Не прогоните? — весело спросил Гвоздев, с удовольствием и так осторожно, точно она стеклянная, пожимая ей руку.

— Прогоню, — шутиливо ответила она.

Муж перебил ее, беспокойно и поспешно кидаясь к ней.

— Уйди, уйди, Клава... дверь открыта...

Клавдия Николаевна, еще более красиво кокетничая, повела шутя головой, как это делают избалованные дети, но все-таки отступила назад в зал.

Она была очень счастлива своей беременностью и сама береглась, как могла, каждую минуту трепеща за своего будущего ребенка, который, как ей казалось, был так нежен и хрупок, что даже от повеявшего на нее ветра мог родиться мертвым или уродцем.

Гости, деликатно стараясь ее не задерживать, поторопились освободиться от пальто, и все через зал прошли в столовую, где прислуга, красивая, здоровая девка Аннушка, накрывала на стол, поспешно гремя тарелками.

— Мы уже пообедали, — говорила Клавдия Николаевна с той приятной уверенностью, которую дает сознание, что не будешь ложно понятой, — а вы наверное проголодались?

— Есть тот грех, — потирая руки, признавался Гвоздев.

— Ну, так я вам дам закусить. Пока выпейте водки, а потом я распоряжусь вам чего-нибудь. Вы чего хотите: можно цыплят или бифштекс.

— Все равно, лишь бы чего пожрать, — разом ответили Гвоздев и Сергей Борисов.

Клавдия Сергеевна улыбнулась им и, поправляя волосы, вышла приказать зажарить цыплят. Мужчины шумно расселись вокруг стола, придвигая водку и закуски.

— Еле, брат, дотащились... Раза два чуть-чуть не выкупались в грязи, — рассказывал Борисов.

— Да, дорога страшно попортилась, — подтвердил Виноградов. — Вечером вчера я ездил в Остадное к земскому, так еле вылез у овражка... знаешь, за мостиком?..

— Вот, вот, там же и мы застряли.

— Пришлось вылезать и вытаскивать бричку. Мы бы не вытащили, да какой-то ледащий мужичонка помог. Вообрази — сам тощий, обтрепанный, заморенный, а говорит: «это — ничаво...», подлез под задок, да ка-ак двинет, так чуть меня не задавил! — с тем наивным восторгом, с которым все очень слабосильные люди говорят о проявлениях чужой силы, им непонятной, рассказывал Борисов.

Виноградов, смеясь, слушал его и с удовольствием гладил по голове рыжего Аякса, уткнувшегося мордой в его колени. Он очень любил собак. Аякс радостно вилял хвостом, скашивая умные, добрые глаза на стол.

— А вы видели мою собаку? — спросил Сергей и, не дожидаясь ответа, крикнул:

— Маркс, иси!

Красивый пес, стучаясь о колени сидевших, опрометью бросился на зов и стал, точно маятником колотя твердым хвостом по ножкам стула.

— Вот, — с гордостью сказал Сергей.

Собака, точно, была очень хороша.

Виноградов, который любил выказать себя и действительно был знатоком породистых собак, внимательно осмотрел собаку.

— Славный пес, — с искренним убеждением сказал он.

— Вы пощупайте нос, — горячо говорил Сергей, — как лед.

— Да, — согласился Виноградов, ткнув ладонью в холодный, мокрый нос собаки, — чутье, должно быть, очень хорошее. А вы ее пробовали?

Сергей немного омрачился, потому что сам еще не знал, какова собака на охоте, и боялся, чтобы не оказалась плоха.

— Нет, еще...

— Ну вот завтра и попробуем. Мне Кирилла говорил, что уже пропасть и крякв, и чирков, а гусей я сам вчера видел... И совсем близко... Такая досада, ружья не взял. Совсем не предполагал... Что ж вы, господа, водки?

Виноградов уверенными движениями разлил водку по рюмкам, и хотя сам уже пообедал, но налил и себе «за компанию». Все чокнулись и выпили, а потом стали вкусно и долго закусывать кильками, селедкой и маринованными грибами. Потом выпили еще по одной и еще, пробуя то ту, то другую закуску.

Вошла Клавдия Николаевна и присела за свободный край стола. С ее приходом разговор оживился, так как она была легкой, остроумной, а главное — хорошенькой собеседницей, и перешел на городские темы. У Виноградовых в городе было много родных и знакомых. В пылу разговора мужчины незаметно выпили еще по четыре рюмки водки и заговорили о бывшем недавно кровавом столкновении двух политических партий. Так как они все были одинаковых убеждений, то разговор шел весело и приятно для всех, несмотря на печальную тему.

II

Аннушка, которая была равнодушна к Сергею Борису-ву и очень обрадовалась его приезду, опрометью побежала на кухню и крикнула в дверь:

— Акулина, барыня приказала цыплят!..

Акулина, толстая и рыхлая баба, с пухлым добродушным лицом, подоткнула подол юбки и ответив: — Ччас! — пошла через двор в курятник.

На дворе уже смерклось, и зажглись звезды. На земле все казалось темным и страшным, а в воздухе было прозрачно и пахло мокрой землей и свежим навозом со скотного двора. В курятнике было темно, хоть глаз выколи. Куры уже давно усе-лись на насест и спали. Только старый петух все ворочался и кряхтел в темноте, да где-то попискивали молодые цыплята: целый день они бегали по солнцу и весело рылись в глубоком теплом навозе. Им было хорошо, тепло и сытно, и до сих пор они не могли успокоиться и сквозь сон перепискивались и во-рошились.

Акулина вошла в курятник, нагнувшись и бормоча:

— Разве пестренького взять... да беленьких пару. Белень-ких много.

Расставив руки, она легко, хотя ровно ничего не было видно, нашла насест и стала осторожно ощупывать кур. Куры беспокойно завоились; но они были так глупы, что ничего не понимали и не подозревали, беспокоились, только чувствуя на себе пальцы Акулины, и сейчас же успокаивались, как только она переходила дальше. Когда Акулина, по ее предпо-ложению, добралась до пестренького цыпленка, она крепко схватила его обеими руками и понесла вон на свет. Цыпленок

пронзительно запищал и неистово забился. Петух громко и сердито заворчал, но не тронулся с места. На свету цыпленок оказался вовсе не пестреньким, а черным, но Акулина все-таки связала ему лапки какой-то тряпкой и бросила на землю. Потом она опять долго шарила впотьмах и вынесла еще двух цыплят. Хотя и эти были не белые и не пестрые, она связала им лапки, как и первому, и взяв их всех за ноги, вниз головой понесла в кухню.

Цыплята испуганно пищали и рвались, совершенно не понимая, что с ними делается. Все, — и неестественное, мучительное для всякого живого существа положение вниз головой, и вечер, которого они никогда не видали, засыпая вместе с солнцем, все производило на них впечатление ни с чем не сравнимого, смертельного животного ужаса. Но скоро они затекли и замолчали, беспомощно разинув клювы, растопырив крылья и болтаясь головами.

— Пашка, дай нож-то! — громко крикнула Акулина в открытую дверь кухни.

Пашка, двенадцатилетний сын Акулины и прохожего солдата, вихрастый и рябой мальчуган, выученный Клавдией Николаевной грамоте, бросил азбуку, над которой корпел целый день, вытер пальцами нос и вприпрыжку, с большим ножом в руке, выбежал на крыльцо.

— Дай я, мамка, — попросил он, подпрыгивая.

— Ну, на, — равнодушно согласилась Акулина и дала Пашке одного рыжего цыпленка.

Пашка, с детства привыкший и любивший убивать животных, хотя был очень добрый и тихий мальчик, с наслаждением схватил рыжего петушка за оба крыла, положил головой на приступок крыльца и, нацелившись, ударил его ножом. Но уже было темно, и Пашка промахнулся, только отхватив петушку пол-головы. Брызнуло каплями крови, мозга и вытекшего, пополам перерубленного, глаза. Пашка ударил второй раз, и обезображенная головка отскочила. Густая, почти черная кровь обильно полилась на землю, а Пашка держал петушка за ноги и смотрел, как кровь льется.

— Дурак, почто голову срубил!.. Дай-кось я, — сердито проговорила Акулина, взяла нож и уверенными движениями перерезала горло сначала одному, а потом и другому цыпленку, побросала их на землю и ушла в кухню.

Первый зарезанный петушок без крику, как-то боком, побежал, ткнулся об крыльцо, свалился, перевернулся и вдруг весь задрожал и задергал ногами. Другой захрипел было, подпрыгнул и закружился на одном месте, как волчок, распутив крылья и волоча головку по земле.

Пашка крепко похватал их и, держа за ноги, ждал, пока кровь стечет. Рыжий петушок и в руках Пашки долго еще дрожал и трепетался, но глаза всех, только что живых и здоровых, уже подернулись беловатой непрозрачной пленкой. Пашка понес их в кухню и стал скубить. Потом Акулина их вкусно зажарила и, порубив на части, уродливые, лишенные всякого образа и заострившиеся, симметрично разложила на чистом красивом блюде. Пришла Аннушка, выругала Акулину, что долго, и унесла блюдо.

Господа доели между тем суп, лениво и редко перебрасываясь замечаниями, потому что гости были голодны и хозяева не хотели им мешать.

Когда Аннушка убрала тарелки и ушла за жарким, разговор оживился с прежним интересом и горячностью. Сергей, краснея и горячась, рассказал об одном студенческом скандале. Клавдия Николаевна, которой была противна всякая грубость, жалко сморщилась и недоумевающе спрашивала:

— Да неужели же?

— В человеке всегда зверь сидит, — отозвался Борисов.

Рассказ Сергея и слова Борисова неприятно действовали на всех, и они замолчали.

Клавдия Николаевна с присущей ей силой воображения представила себе грубую сцену, кровь, возбужденные лица, — вздрогнула и, сейчас же поймав на себе тревожный взгляд мужа, вдруг побледнела: она вспомнила, что ее волнение может быть вредно для ребенка.

Виноградов постарался замять разговор.

— А вот и цыплята... Прошу. Наша Акулина их великолепно готовит. Сергей, тебе водки?

Сергей мрачно выпил водку и стал есть цыпленка.

— Водки, — обращался Виноградов к другим, держа графин наготове.

— Гм... пожалуй, — согласился Борисов.

Гвоздев только кивнул головой, потому что рот его был полон мясом цыпленка, и на его здоровых белых зубах, кото-

рыми он очень гордился, вкусно похрустывали косточки рыжего петушка.

III

После обеда все перешли в гостиную, обставленную очень уютно и со вкусом.

Сюда Аннушка принесла чай, и мужчины расселись вокруг стола, на диване и мягких креслах, с наслаждением закуривая папиросы. Клавдия Николаевна, немного утомившаяся за день, так как входила во все мелочи хозяйства, томно прилегла на кушетке, свесив ножки на волчью шкуру, лежавшую на полу. Так как она была очень красива и ноги у нее были красивые, то все невольно посмотрели на ее ноги и, считая это дурным, притворились, что интересуются волчьей шкурой.

— Откуда это у тебя? — спросил Гвоздев.

— Сам убил, — с гордостью отозвался Виноградов.

Гости все была завязатыми охотниками, а потому им стало завидно, что не они убили такого большого и красивого зверя.

— Матерый волк, — заметил Сергей.

— Волчица, — поправил Виноградов.

— Как убил, на лазу? — поинтересовался Борисов.

— Нет, это случайно: ехали мы с Боровиковским на мельницу, знаешь, через рощу, что за оврагом... вот, где вы сегодня застряли...

Борисов кивнул головой.

— Ну вот... Только мы проехали через мост, а он вдоль дороги бежит, к оврагу пробирается... Близко, шагов сорок, не больше. Боровиковский первый увидал, да пока возился с ружьем, я — бац!.. Так и растянулась... Две картечины из шести в голове нашли! — самодовольно прибавил Виноградов.

— Ты хорошо стреляешь, — заметила со своей кушетки Клавдия Николаевна.

Ей была приятна ловкость мужа и хотелось подчеркнуть ее и обратить на нее внимание других.

Борисов, который уже выпил свой чай и рассматривал номер валявшегося на столе иллюстрированного журнала, нашел в нем портрет известного немецкого публициста.

— А, это тот, помнишь, — показал он Гвоздеву.

Мужчины по очереди посмотрели. Клавдия Николаевна тоже поинтересовалась, и Виноградов, чтобы она не вставала, подал ей номер на кушетку.

Но портрет толстого и обрюзгшего господина с нерусским бритым серьезным лицом и носом, похожим на грушу, ровно ничего не говорил смотревшим на него, а потому Виноградов спросил:

— Чем же он, собственно, замечателен?

— Разве ты не знаком с его идеями? — спросил в свою очередь Борисов, с полунасмешливым ударением на слове «идеи».

Виноградов кое-что припомнил об этом писателе, но потому, что с первых же слов счел его идеи утопичными, не обратил на них серьезного внимания.

— Смутно... Что-то насчет женской лиги мира и еще что-то такое...

— О рае на земле! — засмеялся Сергей.

Смеялся он потому, что искренне считал глупым всякого, кто предлагал людям не ждать, пока добродетель при посредстве политических переворотов, революций и законов придет к ним, а стремиться прежде всего воспитать ее в самих себе.

Борисов, который очень любил говорить, и говорил всегда так, как будто читал лекцию, очень хорошо и подробно рассказывал все, что знал сам об идеях писателя.

Писатель, несмотря на свою мертвенно прозаическую наружность, был большим мечтателем и идеалистом. Он ничего не говорил о настоящем, а все твердил о лучшем будущем и требовал от людей того, чего они не могли дать. Он добивался пересоздания общества и человека, опираясь не на факты, а только на учение Христа. Политика представлялась ему лишней серьезного содержания. Он утверждал, что никто в сущности не может понять, как могут люди поднимать целые бури споров из-за того, как будет называться тот или другой кусок земли, или какое у них будет правительство. Он говорил, что истинное спасение людей в труде; что когда не будет праздности или тех форм труда, которые равны ей, тогда сами собой исчезнут зло и несправедливость, в которых уже не будет никакой нужды.

— Да ведь для этого надо изменить природу человека, — с совершенно искренним недоверием сказал Виноградов.

— Ну, разумеется, — с насмешкой крикнул Сергей.

Они думали и говорили так потому, что были, как все, убеждены, что человек рождается злым и что добиться от него чего-либо можно только наказанием или поощрительными наградами.

— Ну, а женская лига — при чем же здесь? — с интересом спросила Клавдия Николаевна.

Сергей, с той шутливостью, с которой хорошо знакомые мужчины любят говорить с нравящимися им женщинами, стал подшучивать над ней, говоря, что каждому свое. Все смеялись. Не оттого, чтобы сказанное Сергеем было особенно смешным, а потому, что всем было уютно, удобно и хотелось быть веселыми.

— Ну, а все-таки? — настаивала Клавдия Николаевна.

Борисов не заставил себя просить. Ему было очень приятно говорить с хорошенькой хозяйкой.

— Вот в этой-то лиге и вся штука... Строгий немец обижает нас, бедных мужчин...

И, впадая, как и Сергей, в шутливый тон, Борисов продолжал дальше, представляя идею писателя в комичном виде.

А идея эта заключалась в том, что женщины должны были сделать первый шаг к достижению цели, образовав священный союз с обетом не выходить замуж за праздных мужчин.

— Фу, глупость! — воскликнул Виноградов. — Ведь женщины всегда были празднее мужчин.

— И притом это старо, — отозвалась Клавдия Николаевна, — это я еще девочкой у Фламариона читала.

— Да, может, Фламарион у него и украл.

— Не стоило красть, — небрежно заметил Гвоздев.

— Впрочем, у Фламариона не так, — припомнила Клавдия Николаевна, — у него женщины дают обет не любить мужчин, носящих оружие.

— А все равно, идея не без пикантности, — пошутил Виноградов.

— Вот я тебе дам пикантность, — погрозила ему Клавдия Николаевна.

— Он за идею потому, что для него она вполне безопасна, — шутил Сергей, — во-первых, женат, во-вторых, целый

день по имению мечется, а в третьих, наверное ни в жизнь за оружие не возьмется.

— Да, не возьмется, — а вчера целый день с ружьем возился.

— Так то для мирных целей, — защищался Виноградов.

— Если и охоту считать за ношение оружия, то мы все навеки рискуем остаться холостяками, — смеялся Борисов.

— И следовало бы, — кокетливо потрянув головой, заявила Клавдия Николаевна, — убиваете бедных птичек.

— А оттого черствеете и теряете способность ценить своих нежных супругов, — дурачливо dokonчил Сергей.

Опять все засмеялись.

— Да, да, — отстаивала Клавдия Николаевна, вы напрасно воображаете, что это пустяк... Помните, где-то сказано: не весте ни дня... или нет, не так, — засмеялась Клавдия Николаевна.

— Не весте: души ли людей пойдут вверх, а души скотов вниз, — перевирая текст писания, припомнил Гвоздев.

— Или...

— Совсем наоборот, — подсказал Сергей.

— Или души скотов пойдут вверх, а души людей... — продолжал Гвоздев, который почему-то думал, что писатель непременно должен знать священное писание.

— Вверх тормашками, — закончил Сергей.

— Шалопай, — ласково обозвал его Гвоздев.

Мужчины весело шутили и смеялись, но Клавдия Николаевна вдруг стала серьезной: мысль о душе животных показалась ей слишком унижительной для того, как ей думалось, великого процесса, который совершался в ней самой.

Хотя мысль эта была высказана вскользь, будто очевидная нелепица, но все-таки произвела на нее впечатление. Она часто видела беременных домашних животных, но ей и в голову не приходило сопоставление. Собственная беременность, вызывавшая такие заботы у окружающих ее людей, была в ее сознании чем-то неизмеримо важным, полным глубокого и сокровенного смысла, почти чудом. То, что в животных не вызывало в ней ничего кроме брезгливого хозяйственного внимания, в ней самой казалось ей единственным смыслом и

целью всего живущего. И это различие, по ее понятиям, было так естественно, что вопрос — почему так, а не иначе? — никогда не приходил ей в голову. Он не приходил в голову и почти всем другим людям. И вот эта случайная мысль задела ее, почти как святотатство и личное оскорбление. Ей инстинктивно захотелось высказать что-нибудь уничтожающее эту мысль и возвышающее ее самое. Но она не могла найти ничего.

Разговор перешел на мелочи городской жизни. Потом все стали просить Сергея спеть, и он спел славным звучным баритоном, под аккомпанемент Виноградова:

О, поле, поле, кто тебя
Усеял мертвыми костями...

В передней сейчас же столпилась вся виноградовская прислуга с Пашкой кухаркиным во главе.

Сергей пел очень хорошо. Пел он и грустные и веселые песни, запел даже какую-то фабричную песню и наконец пустился плясать под неудержимый общий хохот.

Вечер до ужина прошел весело и непринужденно. Когда Сергей устал, заспорили о современной музыке и, хотя все они могли прожить без музыки всю жизнь, спорили очень горячо и серьезно. Клавдия Николаевна с интересом прислушивалась к их спору, но под конец утомилась, потеряла нить разговора и стала думать о том, о чем теперь постоянно думала: о своем ребенке. Ей казалось, что это будет непременно мальчик и непременно похожий, как две капли воды, на ее мужа. И она почувствовала прилив умиленной нежности к мужу и влажными глазами следила за ним, за его красивым лицом, оживленным от спора, и за всей его статной, сильной фигурой.

Мужчины много курили и много спорили. Ни им самим и никому от их спора ни пользы, ни счастья не было и быть не могло, — им было приятно высказывать умные и гуманные взгляды, чувствуя себя умными и гуманными людьми. Часов в одиннадцать Клавдия Николаевна, слегка утомленная, но довольная, тихо встала и прошла в кухню заказать ужин.

«Какие они славные», думала она, слыша за собой горячие, молодые мужские голоса.

IV

Ужин прошел так же весело, как и весь этот удачный вечер. Когда уже убрали тарелки и пустое блюдо, и было выпито по несколько рюмок водки, мужчины закурили папиросы, придвинули к себе бутылки вина и положили локти на стол.

Клавдия Николаевна, привыкшая, что всегда, после хорошего ужина, у мужчин за вином начинаются бесконечные и горячие беседы, встала, улыбаясь, пожелала гостям покойной ночи и ушла спать.

Когда она уже разделась и легла на чистые, свежие простыни, укрывшись мягким теплым одеялом, пришел Виноградов. Она никогда не засыпала без его поцелуя, и теперь ей было приятно, что он и с гостями этого не забыл. Виноградов нежно поправил ей подушки и поцеловал в лоб.

— Ну, рад, что есть с кем поболтать? — спросила Клавдия Николаевна, улыбаясь ему. — Хорошо, что они приехали, а то тебе со мной скучно.

— Они — славные, — задушевно ответил Виноградов, — а только мне и без них хорошо с моей деточкой.

Они улыбнулись друг другу, растроганные и любящие.

Когда муж ушел, Клавдия Николаевна чувствовала себя счастливой от сознания, что у нее такой хороший, нежный, любящий муж и что ее жизнь так легка, чиста и счастлива.

И Виноградов был счастлив сознанием, что у него такая красивая и добрая жена, что она его любит, а следовательно он достоин любви: хорош, красив, умен и полон прекрасными чувствами и мыслями.

Виноградов и его гости просидели за столом чуть ли не до света; курили и пили вино, что, в соединении с хорошим пищеварением, настраивало их на мечтательный лад. Хотя они говорили о самых разнообразных вещах, но суть их разговора сводилась к высказыванию хороших, добрых и честных мыслей о том далеком утопическом времени, в которое они не верили, когда все, и люди и порядок жизни, будут не такими, как теперь, а гораздо лучше, когда будет ясно для всех разграничено понятие о добре и о зле.

V

Рано утром работник Иван зарезал барана. Барашка этого выбрал сам Виноградов, наметив его в стаде именно потому, что он был здоровее, жирнее и жизнерадостнее других.

Так как Клавдия Николаевна боялась крови, то Виноградов строго-настрого приказал Ивану справиться пораньше. И Иван встал до света, мимоходом разбудил Пашку, а сам пошел на скотный двор.

Был резкий утренний холодок. Хотя была уже сильная весна, но лужицы за ночь затянуло тоненьким иглистым ледком, чуть похрустывавшим под тяжелыми сапожищами Ивана. Утро было туманное. Вблизи казалось ясно, а дальние строения и деревья тонули в мутной беловатой дымке, которая уже начала оседать и тихо колыхалась. Солнце еще не всходило, но небо посветлело и поглубело, и за туманом розовела полоса рассвета, над которой слабо блестели не золотые, как ночью, а серебряные, бледные звезды. Чуть-чуть папхивало будто от невидимого опахала, и казалось, вся земля легко и радостно дышит.

Все еще было голубым и прозрачным, но очертания ближних крыш, заборов и деревьев уже начали сереть. Над двором низко пролетели, тяжело, но бодро махая отсыревшими за ночь крыльями, две черные вороны. Около сараев, под стрехой, слабо чирикнул не совсем проснувшийся воробей.

С каждой минутой становилось все светлее и светлее и радостней. Звуков становилось все больше и больше. Далеко на деревне протяжно прокричал петух, то там, то сям ближе отозвались другие, и в курятнике, когда мимо него проходил Иван, завозился, захлопал крыльями и вдруг хрипло, но громко и бодро заорал старый петух; а потом долго не мог успокоиться и все возился, ворча и икая. Воробьи зачирикали уже в разных местах и все громче. А за двором, в степи, где сажился утренний туман, слышались смутные голоса всякой вольной птицы.

Иван поднял жердяные ворота, которые протяжно закрипели, и, тяжело ступая по мягкому навозу, вошел на скотный двор. Лошади и овцы в своем загоне уже проснулись и толпились на дворе, выдавливая жижу из глубокого истоптанного навоза.

Когда вошел Иван, взрослые лошади повернули к нему свои умные, добрые морды и зашевелили ушами, а глупые жеребята, на тоненьких ножках, испуганно прижались к своим маткам, высоко подняв мягкие невинные мордочки и чутко выставив острые ушки. Овцы же, налезая друг на друга, столпились вокруг Ивана и вопросительно глядели на него глупыми круглыми глазами. То тут, то там раздавалось их дребезжащее блеяние. Иван, зевая и почесывая грудь, высмотрел намеченного барашка и вдруг сразу наскоком схватил его за заднюю ногу. Он его неожиданного движения овцы мигом шарахнулись в сторону, а жеребята так и заметались по загону, смешно подкидывая непомерно тоненькими и еще неуклюжими ножками. Большие лошади не пошевелились, покорно глядя на Ивана, и только одна старая седая кобыла переступила с ноги на ногу и вздохнула. Барашек, черный с маленькими рожками, испуганно дергал ногой и вырывался, но Иван перехватил его за рога, подталкивая коленями в зад, вывел за ворота и потащил его через двор в сарай. Барашек бежал довольно охотно, семеня крошечными копытцами и беззаботно помахивая хвостиком.

На крыльце дома стояла Акулина и, зевая, крестила рот.

— Чего копаешься, чорт! — крикнула она на Ивана. — Пашка, подь, пособи...

Пашка, заспанный и взлохмаченный, сердито скрипнул дверью кухни и, поеживаясь от холода, вышел на крыльцо.

В сарае было темно. Земля в нем была твердая, убитая и вонючая, потому что чаще чем раз в неделю Иван убивал здесь животных для господского и людского стола.

— Держи, — сказал Пашке Иван, доставая из старых яслей топор.

Пашка перехватил барашка за рога и, чтобы он не рвался, стал его гладить. Но барашек и не думал рваться; он чувствовал себя прекрасно, как всякое здоровое и не голодное животное, весело крутил хвостиком, тянулся мягкими, теплыми губами к пашкиным рукам и даже попробовал пожевать подол пашкиной рубахи.

— Ты его промежь ног-то, — сказал Пашке Иван.

Пашка послушался и оседлал барашка коленями. Тому это сначала не понравилось, но Пашка погладил его, и он успокоился и стоял неподвижно, широко расставив ножки. Иван зашел сбоку, изловчился, коротко и страшно сильно

размахнулся и изо всей силы ударил барашка обухом по голове. У барашка глаза почти выскочили из орбит; заливаясь кровью, он рванулся и упал сначала на колени, а потом на бок. Иван бросил топор, вынул нож и, загнув барашку голову, стал резать ему горло, водя ножом взад и вперед. Тогда барашек судорожно забился и начал рваться. Пашка держал его изо всех сил за ноги, а Иван наступил коленом так, что ребра затрещали. Но все-таки им было трудно удержать бьющегося за свою жизнь барашка. Он поминутно вырывался, брыкаясь и дергаясь, с диким ужасом в прекрасных, еще живых глазах. Густая, теплая кровь лилась из перерезанного горла струей, и оттого Пашка и Иван в один миг перепачкались с ног до головы. Но это их несколько не смущало.

Наконец барашек перестал биться, затих, и только его судорожно сведенные ножки дрожали мелкой-мелкой дрожью. Глаза его уже потускнели и остановились в неестественном, непонятном положении. Иван сейчас же стал снимать с него шкуру, а Пашка стоял возле и смотрел. Оба были заняты своими мыслями и вовсе не думали о том, что делали. Пашка,ковыряя в носу, соображал, как бы выпросить у матери пятак. А Иван думал о своих делах и время от времени ожесточенно ругался.

На дворе уже было совсем утро.

Мимо сарая, топоча ногами, с веселым, радостным бляением прошло стадо. Воробьи неистово чирикали и тучами носились с гумна на сарай и обратно. Слышались громкие голоса, скрипели ворота.

Все звуки казались какими-то особенно звучными и сильными, а омытые росой и крыша, и земля, и деревья, даже люди и животные казались ясными, чистыми и радостными. Все блестело, сверкало, переливалось тысячами красок, двигалось, звучало и жило полной, могучей и прекрасной жизнью. Нигде не было ни одного темного пятна, даже тени казались удивительно легкими и прозрачными. Только у сарая, на железном крюке, вбитом в стену, висело что-то сине-багровое, сальное, безобразное и неподвижное, и с него тихо капала холодная мертвая кровь.

VI

Клавдия Николаевна встала около девяти часов, а в десять разбудила мужа и послала Пашку будить гостей.

Еще свежие от умыванья и оживленные ожиданием предстоящего удовольствия охоты, мужчины собрались в столовой. Предполагалось идти сейчас же после чая и побродить с ружьями до обеда. А после обеда гости должны были ехать на полустанок, чтобы поспеть к пассажирскому поезду.

— Напьемся чаю и — марш! — сказал Виноградов, блестя глазами.

Все они страстно любили охоту, а погода была так хороша и благоприятна, что лучшего удовольствия для них нельзя было и придумать. А потому они торопились пить чай, обжигаясь кипятком и забывая о булках и варенье, которые тщетно подвигала к ним Клавдия Николаевна.

— Вы, точно мальчики, горите нетерпением, — ласково улыбаясь, говорила она. — И что вы такое находите в этой охоте?

— Ну, Клавдия Николаевна, вы этого не поймете. Чтобы понять всю прелесть охоты, надо самому быть охотником. Охота — это такая поэзия...

И с присущим ему мастерством описания Гвоздев стал описывать ощущения охотника, и это вышло у него так хорошо и увлекательно, что даже Клавдии Николаевне показалось, будто нет ничего приятнее и интереснее, как бродить с ружьем и собакой по полям.

— А жаль, право, что я не мужчина, — слабо улыбаясь, сказала она.

— Благодарю покорно, — шутивно воскликнул Виноградов.

Все засмеялись, а Клавдия Николаевна притворно нахмурилась, но не выдержала и тоже расхохоталась.

— Ну, так что же? — горячась заговорил Сергей, — в Англии женщины уже давно охотятся наравне с мужчинами.

— Так то в Англии, не у нас; а попробовала бы я вздеть большие сапоги и взять ружье, — воображая, сколько мне «комплиментов» пришлось бы послушаться.

— Охота вам обращать внимание на мнения всяких дураков...

Борисов стал доказывать, что пора женщине сделаться самостоятельной и не зависеть от суждений общества. И по его словам, незаметно для него самого, выходило так, будто Клавдия Николаевна, по мере сил, будет способствовать прогрессу и женской эмансипации тем, что возьмет ружье и убьет несколько животных.

И все с ним согласились.

— Ну, братцы, живо! — скомандовал Виноградов, посмотрев на часы.

— А то до обеда и к месту не доедем.

Шумно отодвигая стулья, мужчины встали из-за стола.

Лошади уже были запряжены; об этом Виноградов позаботился еще с вечера, и Иван, который всегда ездил с баринном на охоту, уже давно сидел бочком на длинной линейке, терпеливо поджидая господ. С веселым смехом и шутками охотники расселись, втащив за собой собак. Лошади были расхожие, лохматые и приземистые, но крепкие; они легко подхватили с места и бойкой, веселой рысью выкатили за ворота.

Клавдия Николаевна смотрела в окно, кланялась и улыбалась.

Когда линейка скрылась из виду, она медленно отошла от окна. В доме сразу стало и пусто и тихо. Клавдии Николаевне, как это часто бывает со слабыми беременными женщинами, вдруг стало грустно и захотелось плакать. Но сейчас же вспомнив, что это может быть вредно для ее ребенка, она сделала усилие и виновато улыбалась сама себе, удерживаясь от слез.

Никогда так ясно, как теперь, когда в доме было так пусто и тихо, она не чувствовала, что она — не одна, что в ней живет какое-то другое, неизвестное, бесконечно дорогое ей, но все-таки непонятное существо. Живет, растет и даже двигается по временам, мягко повертывается. От этого приятного и странного ощущения весь организм ее переполнился особым, бесконечно счастливым чувством восторженного страха.

И Клавдии Николаевне стало почти больно быть одной с этим великим сознанием своего счастья. Ей захотелось поделиться им с кем-нибудь. Такое желание приходило к ней уже не в первый раз, и всегда в таких случаях она шла на кухню к Акулине.

Акулина, которая рожала чуть не каждый год, охотно говорила об этом с барыней, и в это время они обе уже чувство-

вали себя не барыней и прислугой, а двумя одинаково созданными женщинами.

Но теперь беседа не удалась. Акулина была сильно не в духе: серая, тощая кошка, которая жила на кухне, за ночь принесла котят и еще мокрых и грязных перетаскала к Акулине на кровать, на ее новое лоскутное одеяло.

Когда пришла барыня, кошка и котята были пристроены на полу за печкой, Акулина хмуро замывала одеяло в корыте, а Пашка, присев на корточки, любовался котятами.

Их было пятеро. Один черненький, два беленьких и два сереньких. Все они были слепые и маленькие; на голом полу им было твердо и неудобно. Хотя старая кошка и старалась устроить их возле себя, но они то и дело сползали на холодный пол и жалобно, едва слышно пищали. Больная кошка страдала от этого и беспокойно поглядывала на людей. Но ей никто не помогал.

Пашку очень интересовало, как котята ползают; он нарочно отодвигал их от матери и, радостно улыбаясь, следил, как они копошились, беспомощно тыкаясь мордочками в твердую печку и холодный пол.

— Ах, какие хорошенькие! — воскликнула Клавдия Николаевна, которая очень любила всех маленьких животных.

Она присела возле Пашки и с любопытством следила, как котята сосали мать.

Подошла и Акулина.

— Правда — хорошенькие? — оживленно подняла на нее глаза барыня. — В особенности вот этот черненький... Черненького непременно оставим.

— А я думала, барыня, всех покидать, — сказала недовольная Акулина.

— Нет, зачем... Черненького оставим. Смотри, какой он хорошенький. Да и Машке будет скучно совсем без котят.

Один котенок, не тот, которого хотели оставить, вдруг перевернулся на спину и жалобно пискнул.

— Ах, бедненький, — жалостно протянула Клавдия Николаевна, осторожно взяла его на руки, погладила и пристроила к грудям матери.

— Так ты, Пашка, черненького оставь, — говорила Акулина, — а тех закинь сейчас, а то Машка привыкнет... Сейчас Пашка закинет, — зачем-то сообщила она барыне.

Клавдии Николаевне стало жаль котят; она отвернулась, пока Пашка похватал их одного за другим в подол рубахи и побежал из кухни. Клавдия Николаевна заперла за ним дверь и, жалея, не пустила старую кошку, которая, беспокойно и жалобно мяукая, побежала было за Пашкой.

Пашка утопил котят в канаве за скотным двором и долго смотрел, как всплывали пузыри из неглубокой грязной воды.

VII

День был яркий, солнечный. Было и тепло и свежо. На голубом небе стояли маленькие, белые, перистые облачка. Земля уже сильно зазеленела, и по обе стороны дороги, когда не чернела пахоть и не рыжела унавоженная земля, далеко была видна нежно-зеленая, радостная молодая трава. Воздух был чистый и густой, как мед.

— Эка благодать! — пришел в восторг Сергей, когда они миновали развалившиеся плетни деревни и выехали в поле.

— А мы сидим в своих каменных мешках и дышим, как кроты, всякой мерзостью.

— Завидна ваша участь, помещиков, — с искренней завистью сказал Гвоздев Виноградову.

— Ну, не всегда, — возразил Виноградов, очень довольный, что ему завидуют.

Когда Виноградов был один, он мало обращал внимание на природу, то есть на то, что принято называть этим именем: поля, леса, животных, траву, воду, небо и солнце. Он гораздо лучше замечал прелесть всего этого на картинах и в книжных описаниях, говорил, что обожает природу. В деревенской жизни обилие этой природы даже надоело ему и казалось нестерпимо однообразным. И это не потому, что он был сухой и прозаический человек, а просто он привык смотреть на природу, как на созданную исключительно для его утешения и употребления. Но теперь, когда Гвоздев, славившийся своими описаниями природы, позавидовал ему, в глазах Виноградова его жизнь среди природы сразу стала необыкновенно поэтической, интересной и полной недоступным для других людей, не с такой поэтической душой, как у него, проникновенным общением с природой.

—хлопотно очень, — сказал он, хотя вовсе сейчас не думал об этом.

— Э, что — хлопотно, — возразил ему Борисов, это, ведь, не то, что наши бумажные хлопоты.

— Все в своем роде... — начал было Виноградов, самодовольно улыбаясь.

— Нет, брат, — перебил Борисов, — разве можно сравнить: у тебя все это в движении... Твои хлопоты — твоя жизнь, а мы убиваем ими свою... Мы, понимаешь, только тогда и живем, когда хоть на час освободимся от своих хлопот, а ты...

— Да я понимаю, что ты хочешь сказать, — перебил Виноградов.

— К вашим хлопотам мы как к отдыху переходим, — вставил Гвоздев.

— Ты вон дышишь полной грудью, а мы дышать-то так разучились, — закончил Борисов, но вовсе не с грустью, какую можно было ожидать от его слов, а с каким-то веселым удовольствием.

Все умолкли и с наслаждением дышали густым вкусным воздухом, шире обычного открывая рты, и почти влюбленными глазами глядели в зеленеющий простор.

Лошади бежали мелкой, быстрой рысцой, бодро потряхивая гривами, и Иван только для виду передергивал вожжами. Сзади, по свежей земле, быстро и ровно стлались следы колес, так что было приятно смотреть, и пестро рябились мелкие лужицы, точно кусочки битого голубого и розового стекла.

— Вот мы смеемся над толстовцами, — опять начал Борисов, мечтательно щуря глаза, — а как посмотришь вокруг, так не то, что «в толстовцы», а и в пустынники потянет...

— Ну, и иди, — улыбаясь, сказал Сергей.

— Да, иди...

— А почему — нет? — тоже улыбаясь спросил Виноградов.

— Да потому, что я — природе чужой. Нас с детства так воспитывают, что мы смотрим на природу как на место прогулок и воспитательных экскурсий. Покажут три травинки и один камешек, расскажут из какого они рода, класса, вида, разновидности, видоизмененности и прочую дребедень... И мы выносим такое представление, что... «хороша Маша, да не наша», Бог с ней совсем... Ну, потом господа писатели, — Борис подмигнул в сторону Гвоздева, — рассказывают нам о природе увлекательные сказки...

— Ну?

— Ну, мы и начинаем любить природу смесью любви к литературе и страха к трудной естественной истории... Да и вообще, слишком мы отошли от жизни природы и можем только платонически обожать ее... Я здесь шагу ступить не сумею... Меня тут всякая букашка заест.

Иван оглянулся на господ и, усмехаясь, передернул плечами.

«Ишь, ты, выдумают», подумал он.

Виноградов посмотрел на Борисова и невольно засмеялся: очень щуплым, маленьким и беспомощным показался ему Борисов.

— Смейся, смейся, здоровяк, — беззлобно закивал ему Борисов.

— Тебе-то хорошо, если ты быка за рога свалить можешь; при случае и пахать, и косить, и все такое можешь, а я что...

— Мозгляк... — неожиданно подсказал Сергей. Все засмеялись.

— Конечно, мозгляк... — согласился Борисов. — А природа мозгляков не терпит. Ей силу подавай. Ты посмотри: тут, ей Богу, всякий кулик сильнее меня. Все сильное и здоровое, слабого ничего. А если и есть что слабое, то как быстро исчезающая аномалия. Я, городской, культурный, интеллигентный, и прочая, и прочая, человек — самое слабое существо здесь, а потому и...

— Дрянь одна! — опять подсказал Сергей.

Гвоздев, слегка прислушиваясь к разговору, задумался, и у него уже мелькала смутная идея рассказа на тему розни между культурным человеком и природой. И, под бодрящим впечатлением простора, воздуха и света, эта избитая тема не казалась ему избитой, а, напротив, особенно оригинальной, свежей и глубокой.

Виноградов, изо всех сил забирая воздух в свои могучие легкие, чувствовал себя здоровым и сильным от слов Борисова и глядел вокруг не как чуждое ничтожество, а как свой природе и даже как будто царь ее.

Сергей просто наслаждался, смотрел на молодую траву, не думая о ней, и представлял себе упругую высокую грудь Аннушки, которая приходила к нему ночью. Он воображал, как бы устроить ее в городе, и чувствовал, что жить вообще хорошо.

Скоро показались кочки, прошлогодние камыши, и между ними заблестела вода. Потянуло свежестью и запахом воды и мокрой травы. Иван, передернув вожжами, свернул с наезженной дороги, и колеса, приминая мягкую траву, неслышно покатали к болоту.

И сразу стало ясно слышен неумолчный гомон, повисший в воздухе.

VIII

Болото было большое, кочковатое, с мелким и чистым озерцом посредине.

С одной стороны болота расстилались бесконечные, сплошь густо зеленые луга, а по другую — синела еще почти безлистная роща и чуть-чуть виднелись отсюда тоненькие, как ниточки, стволы белых березок. Все болото покрывали пухлые круглые кочки, между которыми всюду весело блестела вода и желтели камыши. Небо над болотом как будто бы еще чище и голубее, а воздух прозрачнее. Все было видно отчетливо и ярко, и последняя тростинка желтела на солнце, как золотая палочка.

И казалось, все болото было живое: за каждой кочкой была жизнь и шевелилось живое существо. Утки крикали спокойно и рассудительно, и их мерное криканье отчетливо было слышно на берегу. То тут, то там какой-нибудь красавец селезень неожиданно срывался на воздух, с криком проносился над водой и, описав широкий полукруг, садился, шумно бороздя голубую воду, которая долго не могла успокоиться и вся рябилась, точно улыбаясь отражавшемуся в ней небу. Длинноногие кулички, с востренькими носиками, вытянув тоненькие комариные ножки, один за другим перепархивали с кочки на кочку и с радостным писком уносились все дальше и дальше к синеющей роще. Далеко подымались две-три гусыни и, тяжело махая крыльями, перегоняя друг друга, подымались невысоко над болотом и вдруг грузно шлепались на чистое местечко, блестевшее между камышами. Там, где болото было чище и начиналось озерцо, были десятки нырков, как черные точки, быстро кружившихся по воде. Ближе, по мелкому месту, чинно стояли на одной ноге цапли и, втянув головы в плечи, важно поводили длинными носами, точно любуясь природой. Белые чайки, как всегда, кружились пов-

сюду, припадая белой грудью к воде, и опять взмывали кверху, махая длинными гибкими крыльями и зорко выглядывая по сторонам. Далеко вереницей пролетели гуси и опустились где-то за рощей, утонувшей в волнах голубого воздуха и света.

И все гомонило, кричало, пищало. И все эти могучие звуки прекрасной вольной жизни сливались в один торжествующий гул, покрывающий все озеро.

Иван подъехал к самой воде и, завернув лошадей, сказал тоненьким голоском:

— Тпррр...

— Приехали, — закричал Виноградов и первый соскочил наземь.

Трава мягко подалась под его ногами.

— Топко? — спросил Борисов, вылезая.

— Ничего, — возразил Виноградов, притопывая сапогами, под которыми хлопала вода.

Собаки, нервно вертелись по берегу, бегая к воде и обратно к людям, вертя хвостами и тихонько повизгивая.

— Отсюда и двинемся, — сказал, весь дрожа от нетерпения, Виноградов.

— Вместе или разойдемся?

— Разойдемся, — сказал Борисов, который любил охотиться в одиночку.

— Ну, ладно: вы туда, а мы сюда, — притворно равнодушно говорил Виноградов, приберегая лучшее место для себя. — Возле той рощи и встретимся, а лошади прямо туда и поедут.

Гвоздев уже зашагал по болоту, посвистывая своего Аякса. Борисов потянул за ним, но ближе к берегу. Сергей, вкладывая патроны в свою новенькую централку, нетерпеливо ждал Виноградова, отдававшего приказания Ивану, куда ему ехать и где ждать.

— Слушаю-с, хорошо-с, — весело отвечал Иван на все приказания барина и тихо, шагом тронул лошадей вдоль берега.

— Ну, идем, — сказал Виноградов.

И они пошли, глубоко увязая в мокрых кочках и зорко следя за белым Марксом, потянувшим впереди.

Вдруг что-то щелкнуло и дробью прокатилось над озером в дальней роще.

Виноградов и Сергей оглянулись.

Над зеленью болота легко расплывался голубоватый дымок, и отчетливо виднелись, точно нарисованные фигурки Гвоздева и Борисова. Желтый Аякс, как клочок рыжей шерсти, скачками неся куда-то по кочкам.

— Ишь, как красиво, — с восторгом заметил Сергей.

Но в это время Маркс сделал стойку и весь вытянулся в струну, поджав переднюю ногу и далеко вытянув оскаленную морду. Глаз его не было видно, но по белой коже натянутых, точно вросших в траву, ног отчетливо пробегала дрожь. И как будто такой же точно, неприятной и приятной в одно и то же время, дрожью вздрогнули оба охотника и замерли, судорожно сжав ружья.

— Пиль! — отрывисто шепнул Сергей, точно укусил воздух.

Маркс рванулся...

Что-то трепыхнулось, плеснуло, крякнуло, и две утки и один селезень с испуганным криком вырвались из-за кочек. Совершенно машинально, еще не отдавая себе отчета, и Сергей и Виноградов вскинули ружья и ударили. Сразу все вздрогнуло вокруг. Грохот выстрелов оглушил их самих, и дым затянул воздух. Раскатистое эхо гулом пошло по озеру, заглушая птичий гомон. Утка и сизый селезень, беспомощно кувыркаясь в воздухе, камнями шлепнулись в кочки, роняя пух и перья. А другая утка с диким ужасом понеслась через головы охотников по направлению к Гвоздеву. И тотчас же послышался с той стороны гулкий выстрел, и видно было, как кувыркалась убитая утка.

— Маркс, пиль, аппорт! — сбиваясь от оживления, кричал Сергей.

Маркс с горящими глазами и окровавленной мордой уже тащил к ним селезня, мертвая головка которого беспомощно болталась у него между зубами.

Утка была еще жива, и Маркс насилу поймал ее. Махая одним крылом и широко разинув от ужаса рот, она бросалась из стороны в сторону, пока Маркс не попал ногой на повисшее, разбитое выстрелом, крыло. Утка еще хотела защищаться и глупо, бесполезно шипела на собаку. Но разгоряченный пес схватил ее прямо за голову и потащил, наступая лапами на крылья.

Вся грудь его была испачкана кровью, и, когда охотники пошли дальше, на измятой, истоптанной траве и в мутных

взбаламученных лужицах виднелись пятна этой красной крови, валялись разорванные, расщипанные перья и мягкий серый пух еще долго тихо кружился в воздухе.

Выстрелы следовали за выстрелами и дробно разносились по обе стороны болота. Измазанные кровью собаки опрометью носились по кочкам. И чем дальше подвигались охотники, тем больше оставалось на зеленой молодой траве пятен крови.

После каждого выстрела птичий гомон мгновенно утихал, но потом впереди опять слышались живые, радостные голоса. Позади же охотников, на пройденном ими пространстве, надолго воцарялась мертвая тишина и пустота.

Охота была удачная, и выстрелы не прекращались. Кувыркались подбитые утки; кулики и бекасы легко, точно прихлопнутые хлопущей комары, валялись в воду, беспомощно шевеля длинными ножками. Сизый дым длинными полосами тянулся по озерцу и тихо, печально таял, умирал в чистом воздухе. Встревоженные цапли, махая широкими крыльями, снимались с места и без оглядки пугливо уносились подальше, вглубь болота.

Охотники совсем не говорили друг с другом. Их лица горели, глаза блестели, шапки съехали на затылок. Убитая дичь их уже не занимала, они торопливо, как попало, совали ее в ягдташи и опять устремляли воспаленные, широко раскрытые глаза на собаку, которая окровавленной и слюнявой мордой тянула впереди.

С одной большой, старой уткой, только чуть пристреленной, желтый Аякс Гвоздева никак не мог справиться. Он хватал ее и за крылья, и за хвост, но она все вырывалась, оставляя у него в зубах клочья пуха и капли крови, и все кричала хрипло и отчаянно. Наконец ее схватил сам Гвоздев. Но она была еще жива и все рвалась с неистовым криком.

Жажда жить в ней была так очевидна, что Гвоздев чуть ее не бросил, но, пересилив себя, взял ее за крылья и быстро и сильно ударил ее головкой о приклад. Из клюва брызнули капли крови, и утка так мгновенно замолчала, что Гвоздеву даже странно и неприятно показалось, будто и все вокруг замолчало.

«Вот скверная сторона охоты...», — подумал он.

Но Аякс уже опять сделал стойку, и Гвоздев, выпростав ружье, сейчас же забыл об утке, свернутая головка которой, с полным густой кровью клювом, торчала из ягдташа.

Обойдя все большое болото, охотники стали медленно сходить по опушке рощи.

Болото осталось позади. Дым еще до сих пор полосами тянулся над ним, цепляясь за сухие камыши. По-прежнему был слышен гомон птицы, но уже не такой, как прежде: в нем уже слышались тоскливые нотки беспокойства и короткие паузы, точно в шум жизни местами вкралось мертвое молчание смерти.

Борисов, огибая топкое место, взял в сторону и пошел прямо по молодой заросли, которою начиналась роща. Он все время шел дальше всех от болота и убил меньше. Хотя и он был страстным охотником, но собственно удача его не интересовала. Он даже не любил стрелять слишком часто: ему нравилось не проявление своей ловкости, а то особое, как ему казалось, поэтическое настроение, которое овладевало им всегда, когда он оставался с ружьем, один, в поле или лесу. Он искренно воображал, что, отправляясь с ружьем истреблять живую жизнь природы, он больше, чем когда-либо, сливается с нею. Эта мысль так владела им, что он и вправду старался настраивать себя на тихие, мечтательные чувства.

Но напрасно: природа не радовала его, а наводила на него тихую, непонятную грусть. И это чувство особенно сильно охватывало его, когда он вошел в рощу.

Кругом стояли тоненькие, бледные березки, с повисшими тоненькими веточками. Красноватые прутья кустов молчаливо тянулись кверху. На земле еще лежал мягкий темный покров прошлогодних листьев, заглушавший шаги и треск сухих веточек; какие-то молчаливые зеленоватые птички беззвучно порхали с дерева на дерево, беззвучно трепеща крылышками. И все кругом было тихо.

Борисов не понимал, что эта тишина вовсе не была тишиной умирания. В этой кажущейся неподвижности шла могучая скрытая работа: корни изо всех сил тянули из земли влагу, и на их веточках надувались и лопались пухлые клейкие листья, молодая острая травка прокалывала насквозь сухие листья и тянулась кверху; опущенные веточки были полны силы, гибкости и жизни. Кое-где у корней выглядывали задумчиво торжественные глазки первых цветов. Беззвучные

птички порхали к своим гнездам, устраивая их для новой жизни. Жизнь пробивалась везде, тихая, незаметная, но могучая.

Но все это было скрыто от понимания Борисова и казалось ему грустным и безжизненным. Тишина не успокаивала, а тяготила. Незаметно для него самого Борисов почти обрадовался, когда гулкий деревянный стук разрушил эту тишину.

Тук, тук, тук... — бойко разносилось по роще.

Шагах в тридцати от Борисова по стволу старой березы проворно бегал старый дятел, деятельно и поспешно постукивая носом.

«Экий франт, — улыбаясь подумал Борисов, — хорошее чучело выйдет».

Он тихо, осторожно приложился и спустил курок.

Сразу вся роща загудела. Ближайшие веточки вздрогнули и задрожали. Птички словно куда-то исчезли, и от дыма все потемнело. Несколько веток, сбитых выстрелом, тихо кружась, упали за землю. Дятла нигде не было видно, и Борисов долго искал его. Он совсем уже хотел уходить, когда вдруг увидел его у корней березы, в ямке, полной сухих листьев. Дятел лежал на спине, смирно поджав скрюченные лапки и сложив крылья. Борисов поднял его. Черные, как две ягодки черники, глазки дятла были раскрыты, но неподвижны. Под крылом у него была кровь и клюва не было, а вместо него торчал безобразный короткий обломок, полный крови. Он не годился на чучело.

— А черт!.. — с досады выругался Борисов, бросая дятла в кучу листьев.

Комочек пестрых перьев остался лежать на земле, а Борисов пошел дальше.

Впереди замелькали просветы и слышались громкие голоса, смех, фыркание лошадей и тоненький голос Ивана, говорившего:

— Тпррру...

— Борисов, ау! — кричал Гвоздев, и его резкий голос победно звучал в тихой роще.

— Иду, — ответил Борисов.

— Скорее иди, — опять крикнул Гвоздев.

Э-э... и-и... — повторило эхо.

Охотники уже сидели на линейке, и застоявшиеся лошади нетерпеливо встряхивали головами.

— Чего ты там застрял? — спрашивал Виноградов.

— Дятла хотел убить, — ответил Борисов, усаживаясь.

Иван шевельнул вожжами, и лошади опять так же бойко и охотно подхватили дробной рысью. Быстро миновав рошу, выкатили на луга. Назад ехали уже другой дорогой, оставив болото в стороне, и по бокам опять потянулись то черные, то рыжие, то зеленые поля. Дорога была неровная, и колеса дробно и часто постукивали, встряхивая линейку. Куча убитой птицы, сваленная в задке линейки, подпрыгивала и шевелилась. Торчащие из массы взбитых окровавленных перьев скрюченные окоченелые лапки и болтающиеся мертвые головки с омертвевшими глазами придавали ей странный и печальный вид.

Все были веселы и довольны. До самого дома они не переставая говорили и смеялись, вспоминая, как была убита та или другая птица.

Высоко над землею летели журавли, широко и плавно размахивая крыльями.

— Смотрите, журавли, — сказал Борисов.

— А ну, постой-ка, Иван, — сказал Сергей.

Иван остановил лошадей.

Сергей с ружьем в руках слез на землю.

— Ты что? — спросил Борисов.

— Хочу попробовать, долетит ли, — ответил Сергей и вскинул ружье.

Грянул выстрел, показавшийся в этой бесконечной степи удивительно негромким и незаметным.

Прошла минута. Журавли все так же плыли в недостижимой высоте, мерно и широко взмахивая крыльями. Только один, самый задний, чуть-чуть повернул голову вниз и опять устремил глаза вперед, будто молчаливым презрением ответил на эту бессмысленную попытку лишить его жизни.

— Не долетело, — сказал Сергей и полез на свое место.

— Очень высоко, — отозвался Виноградов.

Лошади тронули, и колеса опять застучали по неровной дороге. Болото осталось где-то далеко позади.

— Неужели же вы сегодня и поедете? — спросил Виноградов.

— Что делать, брат, нужно... люди мы подневольные, — не то шутя, но то серьезно ответил Борисов.

И разговор перешел на те дела, к которым предстояло возвратиться гостям.

1903 г.

М. Коцюбинский
Письмо

Дорогой друг! Долго ждал ты моего письма и, как теперь вижу, напрасно надеялся хоть через меня вдохнуть в себя тепло семейного уюта, которого мы с тобой — уже не молоденькие — годами были лишены средь чуждого, холодного гомона большого города.

Рестораны и кофейни, где еда для нас стала лишь досадной потребностью тела, где противны были чужие аппетиты, и фабричные — сказал бы я — формы кормежки людей, стертые, как монеты, бренчавшие в обмен за кушанья, временами вызывали в нашем воображении полузабытые картины, щекочущий обоняние запах вкусного обеда в семейном кругу. Не раз, в минуты отдыха, в сумерках, когда предметы окутывались тенями, а мы прижимались плечом к плечу, чтобы усилить нежность и силу наших переживаний, твой голос дышал теплотой при воспоминаниях про далекие уже годы детства, про поэзию святок, чистого снега и колядок или про пасхальное солнце, каким оно никогда уж более не бывает в течение остального года... Ты завидовал мне — признайся! — когда я на сей раз собрался провести свою семью, мать и сестру, надеясь после долгих лет разлуки сделать им своим приездом пасхальный подарок. Темное весеннее небо и радостные зорьки... Вся в золоте церковка, взволнованная и теплая, как сердце людское... Нежный цветок любви и прощенья, распускающийся вместе с весной, — все это — признайся — теплится и у тебя под пеплом скептицизма.

Я приехал днем ранее, чем меня ожидали. Мне было так приятно везти с собой эту неожиданность людям, которые меня любили.

Прежде всего увидел я маму. Молодое солнце сияло во все четыре окна, и мамино лицо, как сухой гриб, резко темнело в его лучах. Но то был лишь миг. Вдруг брызнуло светом другое солнце, растянуло морщины, засветилось в очах — и я уж ничего больше не видел. Слышал лишь, как где-то у моего лица колотилось мамино сердце, как сухое тело грело меня теплом, таким знакомым и ни на что не похожим, а руки стискивали шею.

— Петя приехал! — зазвенел вблизи молодой голос, и радостно застучали каблуки.

Мамины руки разогнулись неохотно, и я увидел, как летит на меня в золотистом сиянии волос румяное лицо. Какая же она стала большая! Голые по локоть руки, влажные, с запахом свежего мяса, скользнули близ моих щек, а на уста слетела свежая, душистая весна.

Радость первой встречи слилась с утренним солнцем. Я забыл притворить двери, и оттуда тянуло бодрящим ветерком, надеждой на фиалки. У порога блестели молочные зубки травы.

Я переходил из объятий в объятия, среди беспорядочных вопросов, начатых и тотчас покинутых дел, минутных волнений, сменявшихся другими.

Под окнами гоготали гуси.

У сестры было, видно, много работы, и она ежеминутно бегала на кухню. Мы остались вдвоем в залитой солнцем комнате, и когда мать немного успокоилась и тихо зажурчала ее ласковая речь, как два ручейка — радости и печали, — я почувствовал себя снова маленьким и добрым.

Все эти морщины, наложенные материнством, грели и светились, как лучи солнца, а в теплых ладонях было что-то от молодой травы. Где-то в сених ежеминутно хлопали двери, кричали куры и хлопала вода. Сестра влетала к нам на миг, красная от печного жара, вытирая фартуком руки.

— Прости, я к маме...

Спрашивала наскоро, поспешно, зарезать ли петуха, не пора ли заколоть поросенка, и, обняв меня добрым, невинным взглядом, исчезала, как язык пламени, что лизнул, оторвался и растаял в воздухе. И снова мы вели с мамой нашу тихую беседу, а в кухне со свистом и скрежетаньем точили об оселки ножи.

В тот солнечный день я сам был солнцем, вокруг которого реяли планеты. Я не мог шагу ступить, чтобы за мной не ухаживали, не советовали, не помогали. Каждый час я должен был что-либо есть — и в маминих глазах теплились лучи, из которых каждый хотел впитать в себя мою похвалу, удовлетворение, благодарность. Но то было лишь только начало. Для меня — сдавалось — готовилось на праздник настоящее пиршество, словно у меня был аппетит людоеда или я приехал из голодных краев. Что я больше люблю — жареную ли индейку или фаршированного гуся? Мать вызывала из кухни сестру, и в уголке велись таинственные разговоры, в которых для меня

понятными были лишь отдельные слова: «изрезать печенку... сцедить кровь... вымыть кишки»...

С кухни несло нудным запахом свежего мяса.*

На ночь меня уложили в комнате, где я родился. Кровать была коротковата, на полках скромно ютились детские книги, свет мягко золотил выбеленные стены и свежую постель. В темной раме окна висел молодой месяц, а над ложем — невинный, пухленький мальчик — Христос. Изю всех уголков, со стен, из окон, с полу, из меня самого вставали воспоминания детства и плыли передо мной, как солнечные пятна по лесной полянке. Столько в них было ясного и привлекательного, скорее радостного, чем грустного, что я стал забывать действительность. И странным мне показалось, когда на эти солнечные пятна закапали вдруг словно капельки крови, чужие слова: «заколоть... зарезать... отрезать голову, ножки...» Что это такое? Откуда? Ах, да...

Как могли так непринужденно и так спокойно проходить эти жестокие слова чрез невинные уста сестры, как с ними мирилось доброе мамино сердце? «Сцедить кровь... вынуть кишки...» И это в день нашей встречи, в день радости и любви... Я старался себя успокоить: ведь то были обычные хозяйственные беседы, которые ведутся повсюду всеми... Но под этими словами было же какое-то реальное содержание, и я невольно представлял себе Олю, мою нежную сестру, как она... Нет, я не хотел представлять, я гнал от себя жестокие картины, прогонявшие мой сон... Заснул я поздно и спал беспокойно.

Вскочить из постели заставил меня дикий, не людской крик. Я вскочил с таким впечатлением, что в доме случилось несчастье. Свет ослепил меня сразу, и я ничего не мог рассмотреть сквозь стекло окна. Распахнул обе половинки и первое, что бросилось мне в глаза, были розовые искры, которые земля, казалось, отбрасывала от себя. Расставив руки, с искаженным от гнева лицом, по траве бегала девушка и словно ловила этот крик. Я разглядел красную дорожку у нее под ногами, а далее маленький белый клубочек, неровно катившийся по муравке. В смертном ужасе, еще бесшерстый, как голый ребенок, по двору метался поросенок и из-под ножа, торчав-

* Эта строка, отсутствующая в украинском оригинале, почти дословно встречается в черновике; значит, русский перевод И. Оппокова, напечатанный в *ВО* 1912: 7 263—269, очевидно, был авторизован самим автором.

шего у него в груди, сбегала вдоль ножки кровь. Затем девушка упала, прикрыла телом крик, и через минуту я видел, как с руганью несла она на кухню в одной руке окровавленный нож, а в другой за задние ножки трупик, который сразу вытянулся, стал длинным, конвульсивно двигал ногами в воздухе и еще дрожал голою шкуркой.

Когда я вышел к чаю, мать озабоченно спросила, отчего я такой бледный, а я старался ее успокоить, ибо мне стыдно было признаться, что на меня произвела впечатление такая мелочь.

День начался давно. Солнце светило во все окна, самовар закипал вторично и сквозь окна было заметно, что среди грязи успели просохнуть тропки. На кухне, по-видимому, давно уже кипела работа и предпраздничным ускоренным темпом наполняла весь дом. На столе в столовой стояла ваза, полная желтков, блестевших как коровьи глаза; рассыпанный сахар хрустел под ногами; мок в спирте шафран, остро раздражая ноздри, и бросал на скатерть ярко-желтые блики. Белый мешок с мукой важно расселся подле буфета и в широкой полосе солнечного света роилась мучная тонкая пыль.

— Где же Оля?

— Ах, она, бедняжка, так завертелась, что даже тебя не видит... Олечка! Оля!... Иди поздоровайся с Петей...

Но Оля бежала уже сама, вся сияющая, хлопотливо озабоченная, немного бледная. Вдоль полных рук, обнаженных по локоть, сбегали струйки свежей крови.

— Ах, мамочка, сколько на поросенке сала!... Не подавай, Петечка, руки: видишь, какова я!

Она откинулась, чтобы дать мне утренний поцелуй, — и впервые ее поцелуй был для меня в тягость.

— Он сидит тут и не знает, что для него готовят, — улыбнулась Оля, и смеялись глаза у нее, голые пухлые руки, ямки на щеках и свежая кровь на руках.

— Иди, неблагодарный, и погляди!...

Я не хотел.

— Но ты должен!

Она вытерла руки, окрасив ими белый фартук, и легонько подталкивала меня в спину.

— Дай же ему хоть чаю напиться... — сердилась мама.

— Ничего, допьет потом.

И повела меня на кухню.

Ты будешь смеяться надо мной, назовешь меня сентиментальным странным. Ну, что ж делать, — смейся. Но мне было совсем не до смеху. Лишь только я вдохнул сладковатое тепло свежего мяса, перед глазами встала у меня смерть бабки. Сухая, как бесперый воробушек, закрыла бабка уже остеклевшие глаза, а ее тело, наполовину прикрытое, отдавало в воздухе остаток своей теплоты, которой я дышал. И этот нудный запах навсегда связался у меня с образом смерти.

— Смотри, — восторгалась Оля, — что за поросенок!

Я и сам глядел во все глаза. Оправленный, чистенький, как голое дитя, захлебнувшееся в купели, он подогнул под себя сломанные ножки и крепко-накрепко замкнул зубами свои боли и ужас. В уголке закрытого веком глаза блестела еще свежая слеза, а узкая рана в груди, куда вошел нож, слегка курилась теплой кровью.

— А это для кого? — торжествовала Оля, поворотив меня к куче битой птицы, грудой лежавшей на столе.

Чтоб угодить ей, я все осмотрел.

Ощипанная курица бессильно припала в столу мертвой головой на тонкой шее, бесстрастно глядя вниз, на свое перерезанное горло. Синева смерти пробивалась сквозь желтую, в пупырышках, кожу, которая, казалось, мерзла без перьев. Утки, уже без лапок, в напряженьи разворачивали свои широкие голени, как роженица, скончавшаяся в потугах рождения. Я слушал Олино щебетание, а мой глаз невольно встречался с мутным стеклом мертвых очей, таких холодных и далеких, что каждый раз меня тянуло куда-то вглубь.

— С чем ты любишь колбасы, с горчицей или с чесноком?

Оля любовно шевелила длинные кольца еще сырых колбас с их сизым блеском застывшего сала, туго набитых, полных, словно только что вынутых из сытого желудка, без тени отвращения марая руки в слизистой жиже, стекавшей на столешницу с мертвой птицы.

Моя мать, моя добрая старенькая мама, равнодушно глядела в миску, переполненную кровью, зловеще застывшей в ней, будто мистическое око несытой смерти.

Кухарка с треском сбрасывала чьи-то поломанные ребра.

Когда я наконец вырвался из кухни, должно быть я был очень бледен, ибо мой вид очень обеспокоил маму. Она посоветовала выйти на свежий воздух. Действительно, я нуждался в воздухе.

На солнце я почувствовал себя лучше. Длинной весенней вереницей, как журавли, плыли по небу тучки. Недавно просохший камень белел на солнце. А деревья были осыпаны почками, словно их мухи обсели роем.

Я направился в город.

Навстречу мне спешили с базара женщины с лицами, пронизанными солнцем, свежие, как прохладное еще дуновение весеннего дня, и из их корзин, полных слизкого мяса, высматривали барвинок и первоцвет. И их тоже хотели выкрасить в кровь?

Веселые воды, что час назад были еще снегом, торопливо бежали домой по канавкам, с камешка на камешек. Тревожные, дикие крики неслись из города ко мне. Связанные куры трепыхались в корзинах, вырывались из них, падали на тротуары и бились в смертельном страхе крыльями о камень.

Все торопились скорей донести живность.

В мешках, закинутых за плечо, плясали последний свой танец испуганные поросята, выпирая стенки своей темницы, и будто агонизировали с охрипшим детским плачем отчаяния. Гуси не могли расправить свои сильные, теперь связанные, крылья, зато сильно били клювами на гибкой шее, будто хотели скорее увидеть своим ярко-желтым глазом тот нож, что ждал их с недобрый, холодным блеском.

Проезжали вozy, навьюченные свиньями, с сытым покоем и покорным стоном ожидавшими смерти. Тупые рыла сонно глядели на трупы своих братьев, уже опаленных, голых, в беспорядке наваленных на тележку, колеса которой были обрызганы кровью.

Весенний ветер гнал по камням перья, еще, должно быть, теплые, утеранные в борьбе, а из каждой улицы, из каждого двора поднимался жуткий крик смерти и густо плыл по земле, как плыли тучи по синему небу. И было так дико... Так дико было видеть торжество убийства на бескровном празднике творца — весны.

Не знаю, что меня гнало вперед, в город, откуда лилось все более сильным потоком стенание. Я не пошел в поле с его покоем и лес не притянул меня своими грезами про весну, — меня тянуло на базар.

Я ходил между палатками, будто на зло себе, полный того нового чувства отвращения, что все более во мне нарастало. Смотрел на ободранные туши, повешенные вдоль стен, с за-

стывшим жиром, с синими артериями, по которым еще недавно струилась жизнь, на кучи кишек, мертвых голов и ног на грязных столах, где темно-кирпичная печенка, свежая и блестящая, слезилась рассолом на узорчатое легкое. Топоры с жутким хряском рубили кости, дробили мозг, а люди беспечно толкались среди застарелого запаха трупов и мяли в руках сердце, такое же, как и их собственное, равнодушные к холодному отблеску мертвых очей, таивших в себе следы предсмертного ужаса. Не поверишь, сколь отвратительными и даже страшными показались мне люди, морившие себя постом, чтобы подготовить свой желудок для мертвецов, люди, которые, зарезав или заколов живое существо, могли тою же самой рукой гладить головку своего дитяти и целовать мать устами, лоснящимися жиром замученных ими.

— Барин! Телятина свежая. Ей Богу резали нынче...

— Что покупаете, баринок милый?

— Пожалуйте ко мне. Мозги бычачьи... ножки... грудинка...

Они поблескивали ножами и копались руками в мясе, эти добродушные, толстые, бабы, любовно поглядывая на покупателей.

В их круглых глазах светилась предпраздничная радость и угодливость, а я бежал от них, как и от тех инквизиционных приемов, с какими они заправляли ножки поросят под шкурку, чтобы придать им пристойный вид.

Вижу снова усмешку на твоем лице... Не говори — прошу — что это нервы. Что если б люди и перестали потреблять мясо, все же не избегли бы проклятия судьбы уничтожить чужую жизнь для своего существования. Я и сам знаю, что невозможно провести грань между живым и мертвым, что не только живут, но и на жизнь имеют такое же право растения и даже камень... Но было время, когда люди пожирали людей. И кто знает, если б ты тогда жил, не играла бы на твоём лице такая же усмешка?

Фу! У меня была физическая потребность подышать свежим воздухом.

Дохнул я им в поле, за городом, где земля пила снеговые воды, мягкие и добрые под лаской солнца, где молодой ветер бил копытами землю, как степной лошак, а жаворонки делали свой первый посев на еще не вспаханных плугом нивах.

И это дало мне силу снова слушать, как дорогие для меня уста изрекали слова убийства и мучения...

* * *

... Собирались в церковь. Сестра вертелась по комнатам, забыв утомление, вся белая в своей легкой одежде, как весеннее облачко, — и теперь для нее наиважнейшим вопросом жизни было, какие ленты надеть — голубые или бледно-розовые. Мы все втроем мудровали над этим трудным вопросом и после долгих колебаний остановились на весеннем колорите неба. Розового было вдоволь на щечках и губах. А когда зеркало отразило наши прифранченные фигуры и смех еще больше спаял содружество, мы открыли окно и всматривались в туго напряженную тьму, готовую принять в себя бархатный звук первого удара в колокол. Уже подле церкви зажгли смоляные бочки. Стены зарумянились, дрогнули и поплыли куда-то в свет, а мы почуяли тревожный трепет ожидания праздничных звезд.

Ты знаешь, я годами не бывал в церкви. Теперь я шел охотно. Я думал: омоют люди руки от крови и, сойдясь вместе во имя любви и добра, забудут ежедневное убийство, тем-то и ужасное, что оно стерло лукаво свой облик, сменило имя и стало гостем меж людей, как домашний вор.

Пойду и буду иметь хоть там отдохновение.

Колокола гудят. Гурьба разбуженных звуков тревожно несется в воздухе, а по черной земле, повитой тьмою, плывет людской поток. Шелестит летним шумом новая одежда, пахнет душистым мылом и шафранным духом свежей пасхи. Четко стучат каблуки по сухим тротуарам. За стеклами темных, опустелых домов празднично блестит мерцание лампадок.

Церковные стены колеблются среди острых теней тополей и рисуют на темной ночи невиданные замки. Ныррем в толпу. Вокруг нас светятся воском исхудавшие от поста лица. Девушки-мещанки, в туго сплетенных косах, еще мокрых от мытья, держат в руках, не отмытых от краски, узелки со свяченым.

В церкви уж душно. Воздух густо напоен огнями, и пение духовенства вставляет в него, как в рамки, пасхальные картины. Мама хочет молиться и ищет местечко, где бы можно было стать на колени, а меня и Олю тянет на погост. Мы сно-

ва ныряем в тьму, в радостный блеск обновленных зорь, в помолодевший гомон людей и, жадно упиваясь ночной прохладой, с завистью глядим, как дети обрывают серебристый шелк барашков на вербе.

— А мы и не поцеловались с тобою, — вспоминает Оля. — Христос воскрес! — и теплое, легкое облачко прижимается к моей груди.

Нам весело теперь. В сдержанном говоре голосов, в церковных песнях и огнях, в волнующем веянии весны, наконец в нас самих — ожидание чего-то. Что-то должно произойти.

Но вот дрогнуло небо, позеленив на рассвете наши лица. Из церкви, при радостном перезвоне и песнях вылился огненный поток пылающих свечей, риз и лиц и влился в море притихшей толпы, принесшей святить пасхи.

И когда священник утомленным движением поднял крест и кропило, благословляя яства людей, а они наклонили благовейно головы над корзинами, я снова встретился с угасшим зраком, с выражением муки и боли, с перерезанным горлом, с запахом шкуры, которая еще недавно шкварилась на огне.

И тут благословляли убийство!..

Мне сделалось дурно.

Но еще горше стало, когда пришлось разговляться. Я не мог есть. Мама так радостно хлопотала, упрасывая откусать:

— Кусочек индюшки... или ножку от поросенка... Как! Я не ем поросенка? Да ведь он совсем молоденький, сытенький; мясо такое нежное. Ему и трех недель не было.

Но я не мог.

— А мы так готовились! — вздыхала опечаленная мать и подсовывала мне то колбасу, то копченый язык. — Ну, хоть кусочек... — Оленька, ты, должно быть изготавить не сумела, коли Петя ничего не ест...

Мне было так прискорбно гасить радость молодой хозяйки, но что же мне было делать?

Оля надулась и не раз украдкой вытирала покрасневшие глаза.

Я придумал, что заболел, что боюсь есть мясо. Поднял тревогу, должен был принимать какие-то капли от желудка и испортить разговорье, еле уговорив наших, что все пройдет, и я обойдусь и без компресса.

Отщипнул кусочек пасхи, воздушной и душистой, долго жевал, хвалил без меры — что за чудесный хлеб! — и еле про-

глотил, не совсем уверенный в том, что и она не закапана кровью, недавно стекавшей по сестриным рукам.

От запаха жареного мяса у меня закружилась голова.

Приходили гости. Они ели и похваливали. Я должен был сидеть и смотреть, как исчезали в их ртах ножки и крылья, бочки и грудки, печенки, кишки и прочее, как их зубы рвали мясо, которое еще недавно дышало и жило, бегало и летало, имело свои радости и горе.

Кости хрустели в их зубах, а мне чудилось предсмертное хрипенье, еще живое в моих ушах.

И когда гости, поевши, говорили слова любви, а на их губах лоснилось сало убитых, — я им не верил.

— Ну, как себя чувствуешь, сыночек? — тревожилась мама.

Как мог, я ее утешал, а она кликала Олю в уголок и шепотком советовалась с ней, какие бы оставить кусочки получше для меня, когда я выздоровею.

Однако все это было ни к чему. Я не ел мяса.

Дни тянулись безрадостно, вяло и без того тепла, которое я так жаждал испытать в родном кругу. Между нами что-то встало. Я не смел прижаться к материнской груди, обнять сестру. Солнце раздражало меня своим назойливым светом, ветер докучно свистел в уши, земля была голая, в лишаях, словно нищий в струпьях, а луна!.. Боже, что с нею случилось. Из бодрой, острой, что так любопытно глядела на свет, точно собиралась завоевать его, проколов молодыми рогами, — она стала полной, растолстела, обросла жиром и уж выпячивала круглый живот, как сытый банкир, на груди у которого блестит тяжелое золото цепочки. Вечерами она низко висела на небе, зловещая, красная, словно упырь, насосавшийся крови, и даже тени бежали от ее недоброго облика, припадая со страха к земле.

Целыми днями на улицах хрипло кричал пьяный народ, горланил непристойные песни, ругался, заводил драки. Кровь текла из людей и сохла на камнях вместе с грязью. Однажды, на Святой, против нашего дома убили даже человека. Ну что ж! Я принял это спокойно. Разве могло быть иначе? Кровь имеет волшебную силу притягивать кровь. Люди плакали и кричали, а мне лицемерными казались и их сожаления, и их ужас перед злодеянием. Убьют человека и, чтобы утешиться

в потере, зарежут курицу или гуся, заколют свинью и заедят сожаление...

Вот так-то испортил я праздники не только себе, а и, — что наиболее досадно, — доброй моей маме и сестре. Но знаю, может быть, все это, что я пережил, смешно и «неразумно», быть может, и меня ждет такая же судьба, как молодую луну весною, а пока...

А пока — я не завидую мудрости мудрых и не влечет меня покой спокойных на прославленной ими земле...

Декабрь 1911, Капри

Стихотворения

Алексей Константинович Толстой

Колокольчики мои (отрывок)

Колокольчики мои,
Цветики степные!
Что глядите на меня,
Темно-голубые.
И о чем звените вы
В день веселый мая,
Средь некошенной травы
Головой качая?

Конь несет меня стрелой
На поле открытом;
Он вас топчет под собой,
Бьет своим копытом.
Колокольчики мои,
Цветники степные!
Не кляните вы меня.
Темно-голубые!

Я бы рад вас не топтать,
Рад промчаться мимо,
Но уздой не удержать
Бег неукротимый! <...>
(1854)¹

Николай Алексеевич Заболоцкий

Рыбная лавка

И вот, забыв людей коварство,
Вступаем мы в иное царство.

Тут тело розовой севрюги,
Прекраснейшей из всех севрюг,
Висело, вытянувши руки,
Хвостом прицеплено на крюк.
Под ней кета пылала мясом,

Угри, подобные колбасам,
В копченой пышности и лени
Дымились, подогнув колени,
И среди них, как желтый клык,
Сиял на блюде цар-балык.

О самодержец пышный брюха,
Кишечный бог и властелин,
Руководитель тайный духа
И помыслов архотриклин!
Хочу тебя! Отдайся мне!
Дай жрать тебя до самой глотки!
Мой рот трепещет, весь в огне,
Кишки дрожат, как готтентотки.
Желудок, в страсти напряжен,
Голодный сок струями точит,
То вытянется, как дракон,
То вновь сожмется что есть мочи,
Слюна, клубясь, во рту бормочет,
И сжаты челюсти вдвойне...
Хочу тебя! Отдайся мне!

Повсюду гром консервных банок,
Ревут сиги, вскочив в ушат.
Ножи, торчащие из ранок,
Качаются и дребезжат.
Горит садок подводным светом,
Где за стеклянною стеной
Плывут лещи, объятый бредом,
Галлюцинацией, тоской,
Сомненьем, ревностью, тревогой...
И смерть над ними, как торгаш,
Поводит бронзовой острой.

Весы читают «Отче наш»,
Две гирьки, мирно встав на блюде,
Определяют жизни ход,
И дверь звенит, и рыбы быются,
И жабры дышат наоборот.

(1928)²

*Сергей Есенин***Песнь о хлебе**

Вот она, суровая жестокость,
Где весь смысл — страдания людей!
Режет серп тяжелые колосья,
Как под горло режут лебедей.

Наше поле издавна знакомо
С августовской дрожью поутру.
Перевязана в снопы солома,
Каждый сноп лежит, как желтый труп.

На телегах, как на катафалках,
Их везут в могильный склеп — овин.
Словно дьякон, на кобылу гаркнув,
Чтит возница погребальный чин.

А потом их бережно, без злости,
Головами стелют по земле
И цепами маленькие кости
Выбивают из худых телес.

Никому и в голову не встанет,
Что солома — это тоже плоть!..
Людоедке-мельнице — зубами
В рот суют те кости обмолоть.

И, из мелева заквашивая тесто,
Выпекают груды вкусных яств...
Вот тогда-то входит яд белесый
В жбан желудка яйца злобы класть.

Все побои ржи в припек окрасив,
Грубость жнущих сжав в духмяный сок,
Он вкушающим соломенное мясо
Отравляет жернова кишок.

И свистят по всей стране, как осень,
Шарлатан, убийца и злодей...

Оттого что режет серп колосья,
Как под горло режут лебедей.
(1921)³

Александр Добролюбов

Жалоба березки под Троицын день

Под самый под корень ее подрезал он,
За вершинку ухмыляясь брал,
С комля сок как слеза бежал,
К матери сырой земле бежал.
Глядеть на зеленую-то радостно,
На подкошенную больно жалобно.

Принесли меня в жертву богу неведомому,
Срубили в начале светлой весны,
Продали в великий праздник весны.
Все порадовались листве моей,
Никто не помог жалобе моей,
Каждый ухмыляясь подходил,
Каждый насмехаясь говорил...
(1905)⁴

Примиренье с землей и зверями

Мир и мир горам, мир и мир лесам,
Всякой твари мир объявляю я.
И идут уже зайцы робкие,
Песня им любя, вразумительна <...>
Вот у ног моих козы горные,
Лижут руки мои лоси глупые...
Ай вы звери мои, вы свободные!
Пусть у каждого неизведанный,
Вы идите своим ли одним путем,
Только мирную человеческую речь принимайте!
Вот, медведи, вам мирный заговор:
Вы не трогайте жеребеночка,
Пощадите крестьянскую животинушку...
Ай вы змеи ползучие подколенные!

Вы не жальте нас на родных полях,
Недосуг болеть да крестьянствовать в пашню жаркую.
Вы примите мир — слово крепкое:
С нами праздновать воскресение!
Чтоб ветра текли только тихие,
Волки прыткие на своих местах застоялись бы,
Чтоб былиночек понапрасному не обидели <...>.
(1905?)⁵

ХІІІ. ПРИМЕЧАНИЯ

І. ВВЕДЕНИЕ

¹ P. BRANG, M. ZÜLLIG. Kommentierte Bibliographie zur Slavischen Soziolinguistik. Bd. 1—3. Bern u. a., 1981.

² ВИСЬНЕВСКА-РОШКОВСКА. Вегетарианство.

³ Там же. С. 5. Об «истории вегетарианства» см. с. 14—21; о медицинских, этических и экономических аспектах см. с. 21—175.

⁴ Краткий исторический очерк вегетарианских устремлений можно найти также в: HÄNGER, 2001. С. 181—200.

⁵ Lebensreform, 2001. Ср. главу «Europäische und amerikanische Ausprägungen der Lebensreform», в которой даются краткие очерки движений, имеющих своей целью реформу жизни в Англии, Скандинавии, Австрии и Швейцарии, Бельгии и Голландии, Франции, Испании и Италии, а также США. Россия, впрочем, не упоминается. Bd. 1. S. 521—527.

⁶ Ср. воззвание киевского ВВ «К Вегетарианским обществам, Вегетарианским столовым, группам вегетарианцев и отдельным единомышленникам» (ВВ 1917: 1 11). Г. Г. Боссе, председатель вегетарианского общества «Духовное пробуждение», уже в докладе, прочитанном в 1913 г., сожалел о том, что трудно ознакомиться с литературой, посвященной вегетарианству: «библиография вегетарианства еще дело будущего» (ВВ 1915: 11—12 2).

⁷ А. Солженицын. Архипелаг Гулаг: В 3 т. Париж, 1973—1975. Т. 2. С. 71; подобно — там же, с. 201.

⁸ MAURIZIO, 1927. S. 189. Что касается медицинской критики вегетарианства, то исключением является книга: CL. LEITZMANN / A. HANN. Vegetarische Ernährung. UTB. Stuttgart, 1996. В ней содержится информация об истории и мотивациях самых важных разновидностей вегетарианства.

ІІ. К ПРЕДЫСТОРИИ: ЭТИКА ОТРЕЧЕНИЯ

В ЦЕРКВИ И СЕКТАХ

¹ Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового завета в русском переводе. Брюссель, 1973. С. 1273.

² Посты // Полный толковый православный энциклопедический словарь (репринт). М., 1992.

³ О Дженни Шульц (род. в 1855), см.: гл. VII. 2, с. 271, а также *ВО* 1911: 6—7, 38—41.

⁴ *Vegetarische Warte*. Jg. 39, № 10 (Mai 1906). S. 115.

⁵ Повесть временных лет // Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Вып. 1. 2-е изд. Л., 1926. Стлб. 184—185, 188, 194.

⁶ Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 2. М., 1998. С. 693. — Если Сергей влиял на свою мать таким образом еще до рождения, то это, без сомнения, надо рассматривать в контексте топики святых. Впрочем, современные исследования показали, что развитие памяти начинается уже в утробе матери. Грудные младенцы помнят мелодии, которые они слышали постоянно после 32-й недели беременности, как, например, заставочную мелодию телевизионной серии.

⁷ ADOLF STENDER-PETERSEN. *Anthology of Old Russian Literature*. New York, 1954. P. 229.

⁸ Die Legenden des Heiligen Sergij von Radonež Reprint der Ausgabe von Tichonravov. Hrsg. von LUDOLF MÜLLER. München, 1967. S. 7 — В. Н. Топоров (ср. примеч. 6), цитируя эти места в своем подробном исследовании, посвященном св. Сергию (с. 303—792), указывает на ярко выраженный аскетизм святого, но видит в этом прежде всего «культуру молчания», не принимая во внимание то значение, которое имеет воздержание в еде у более позднего монашества и, следовательно, у сектантства.

⁹ История русской литературы: В 10 т. Т. 2. Ч. 1. М.; Л., 1946. С. 125—126.

¹⁰ Das Speisungsbuch von Volokolamsk. Кормовая книга Иосифо-Волоколамского монастыря. Eine Quelle zur Sozialgeschichte russischer Klöster im 16. Jahrhundert. Hrsg. von L. STEINHOFF u. a. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 1998.

¹¹ KARL KONRAD GRASS. *Die russischen Sekten*. Bd. I: Die Gottesleute oder Chlūsten. Leipzig, 1907. X, 716 S.; Bd. II: Die weissen Tauben oder Skopzen. Leipzig, 1914. XI, 1016 S. См.: Bd. I. S. 621.

¹² *БСЭ*. 2-е изд. Т. 46. М., 1957. С. 247.

¹³ GRASS. Bd. I; ср. прежде всего: Bd. I. S. 304—334: Die Askese; ср. также: Bd. II. S. 740—748: Die Nahrungs- und Genussmittelaskese.

¹⁴ GRASS. Bd. I. S. 310.

¹⁵ Там же. S. 310—311. Грасс цитирует из книги Н. Реутского «Люди Божии и скопцы: Историческое исследование». (М., 1871. Ч. 1: Люди Божии. С. 1—90).

¹⁶ GRASS. Bd. I. S. 309.

¹⁷ *IBID.* S. 320.

¹⁸ *IBID.* S. 311.

¹⁹ *IBID.* S. 312—313. В цвинглианских церквях немецкоговорящей Швейцарии вино на Тайной вечере уже десятилетиями заменяют винным соком, чтобы не способствовать распространению пьянства.

²⁰ *GRASS.* Bd. II. S. 740—741.

²¹ *IBID.* S. 743—744.

²² *IBID.* S. 742.

²³ *GRASS.* Bd. I. S. 558, со ссылкой на М. Кальнёв, 1903. Это же представление разделяли духоборцы в Канаде. Ср. ниже.

²⁴ *GRASS.* Bd. I. S. 559.

²⁵ Киевская Мысль. 1911. № 128—132; отрывок из № 128 цит. в *ВО* 1912: 5 191. Этот текст написан П. Корневским, ср. выше с. 341.

²⁶ *ПСС* 75: 248—249.

²⁷ *ВО* 1910: 9—10 62.

²⁸ *ВО* 1911: 2 37 приводит описание одной поездки, напечатанное в газете «Бессарабская жизнь» (Кишинев), в котором говорится, что учение «субботников» нашло распространение во всех колониях. Автор замечает, что они еще левее, чем «штундисты»: «Они самые рьяные вегетарианцы. Кротость их невероятна». Из высказывания токарного мастера: «Моя вера заключается в любви, в работе и в исполнении заповеди “не убий” в самом широком смысле этого слова, “не убий” даже животного». Секта «субботников» возникла во времена Екатерины II в Воронежской губернии. В 1823 г. в двух уездах секта насчитывала 3771 приверженца. *БЕ* в 1901 г. не мог назвать точного их числа после их расселения по всей европейской части России и Сибири. «Но ни в одном пункте не насчитывают их более 2500 <...> С. трудолюбивы, грамотны <...>, в их среде не замечается пьянства, разврата и бедности». *БЕ.* Т. 62. С. 874—875.

²⁹ Серафимовцы — секта, основанная в самом начале 1870-х годов в Псковской губернии иеромонахом Серафимом. Среди серафимовцев было много девиц 13–17 лет, которые называли себя «сестрами». Употребление мяса, а также посещение народных гульбищ было им запрещено. В 1885 году немецкий журнал «*Vegetarische Rundschau*» сообщал о «секте иерусалимовцев»: «В деревнях Уманского уезда в Киевской губернии водится новая секта. Приверженцы ее называются иерусалимовцами. Они воздерживаются от употребления мяса и крепких спиртных <...>». Название происходит от обязанности членов секты как можно чаще

совершать паломничества в Иерусалим (Vegetarische Rundschau. Jg. 5. 1885. S. 49).

³⁰ *ВО* 1913: 4—5 198.

³¹ В действительности текст гласит так: «Лучше не есть мяса, не пить вина и не делать ничего такого, отчего брат твой претыкается, или соблазняется, или изнемогает». Ср. 1 Кор. 8, 13: «если пища соблазняет брата моего, не буду есть мяса вовек, чтобы не соблазнить брата моего».

³² Рим. 14, 2: «... иной уверен, что можно есть все, а немощный ест овощи».

³³ *ВО* 1910: 3—4, 26—28.

³⁴ Там же. С. 28—29.

³⁵ Вероятно, Николай Митрофанович Жданов († 1934), публицист и адвокат.

³⁶ Русская мысль. 1913. 6. С. 127—136.

³⁷ Ср. также: LEONID HERETZ. The Practice and Significance of Fasting in Russian Peasant Culture at the Turn of the Century // Food in Russian History and Culture. Bloomington, 1997. P. 67—80.

³⁸ Ср. SPENSER, 1995. P. 148—179, гл. 7: «The Bogomils, the Cathars and the Orthodox Church».

³⁹ HOFFMANN, 1902—1903.

⁴⁰ *ВО* 1913: 3 122—123.

⁴¹ HANSEN-LÖVE, 1996. Ср. s. 211: «Besonders verpönt war naturgemäss der Fleischgenuss, wie ja überhaupt der Vegetarianismus der Häretik mit Elementen der Seelenwanderungslehre zusammenhängt, die auf archaische Weise alle Lebewesen in einen panpsychischen Kreislauf einbindet. Das Essen von Tieren würde in diesen Kreislauf kannibalisch eingreifen <...> So steht das Speise- und Trinkverbot gleichwertig zum Gebot, an Gott zu glauben und seine Gesetze einzuhalten».

⁴² *БЕ* 57 (1900). С. 324—330: «сектантство» (здесь: с. 329). Штундисты — приверженцы протестантско-пиетического движения, возникшего после 1824 г. среди украинских и южнорусских крестьян под влиянием евангелических колонистов. Название их происходит от «штунд» пастора Й. Бонекэмпера в приходе Рорбах (Харьковская губерния), имевших целью духовное пробуждение. О возникновении и специфике русского штундизма см.: HERMANN DALTON. Der Stundismus in Russland. Studie und Erinnerungen. Gütersloh, 1896 (заметим, эта работа и сегодня не утратила своего значения).

Экскурс. Г. Р. Державин и пост

¹ Г. Р. Державин. Рассуждение о посте // Санкт-Петербургский вестник. Декабрь 1779. С. 414. Цит. по: Державин. Сочинения: В 9 т. Т. 7. СПб., 1872. С. 501—503. См. также перепечатку в книге: Е. В. Лаврентьева. Культура застолья 19-го века: Пушкинская пора. М., 1999. С. 183—184.

² Имеется в виду Зенон Младший (из города Кития), основатель стоической философской школы.

³ Слово «чревобесие» встречается еще в словаре Даля, но отсутствует в более поздних словарях.

⁴ Лаврентьева. Указ. соч. С. 47—48.

⁵ Илья Виноцкий. «Ветренная Геба» (Причуды сентиментального вкуса) // *НЛО* 21 (1996). С. 236.

⁶ Ср.: ANNA NASIŁOWSKA. Poezja opisowa Stanisława Trembeckiego. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1990. S. 256—257 и др.

ІІІ. Краткий исторический обзор

¹ Ср. сообщение Ю. О. Якубовского 1860-х гг. об обществе «Ни рыба, ни мясо». (см. гл. VII. 2 «Вегетарианские общества», с. 267). Кроме того, в 1874—1876 гг. в Вильнюсе были опубликованы «первые печатные труды о вегетарианстве на русском языке»: А. Владимиров. Мясной вопрос, За птиц (из подготовленной к печати книги «Вегетаризм и мясоедство»), Кухня как путь эмансипации женщины // *ВО* 1909: 6 37.

² Толстой, *ПСС* 49: 100, 105; см. также ниже с. 90—91.

³ «Библией современного вегетарианства» называли также книгу FRANÇOIS GLEİZÉS. *Thalysia ou la nouvelle existence*. Париж, 1821. 2-е изд.: 1842 в 3-х частях; ср. *ВО* 1910: 2 11.

⁴ Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук. Вып. 1. СПб., 1891, Стлб. 358. В ходу, правда редко, было также слово «вегетаризм», которое, очевидно, не вошло в словари.

⁵ Новый энциклопедический словарь (НЭС). Т. 9. СПб., 6. г. Стлб. 792—795. Второе издание Энциклопедии Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона начало выходить в свет в 1911 г.

⁶ *ВО* 1909: 7 23.

⁷ *ПСС* 87: 73—74.

⁸ *ВО* 1909: 7 23.

⁹ *Vegetarische Rundschau*. Jg. 27 (1894). S. 274—275.

¹⁰ *Vegetarische Warte*. Jg. 1903. № 4. S. 83.

¹¹ *Vegetarische Warte*. Jg. 1904. № 1. S. 12.

¹² Отчет *СПб. ВО-ва* за 1903 г. СПб., 1904. С. 14; *ВО* 1909: 7 24 ошибочно указывает годом возникновения варшавского вегетарианского общества 1904 г.

¹³ «Проект устава Всероссийского Вегетарианского О-ва», ср. *ВО* 1909: 1 29, 2 35—36; 5 39; 6 35—36.

¹⁴ *ВО* 1912: 5 157—158.

¹⁵ Ср. А. Солженицын. Август четырнадцатого. Париж, 1971: «Или, ставший вегетарианцем, никак не мог Исаакий объяснить отцу и семейным, и станичным, что делает это по совести; нельзя убивать живое, а потому и есть нельзя, — позор и смех поднялся бы и по семье, и по станице. Оттого Исаакий лгал, что не есть мясного — новейшее медицинское открытие одного немца, обеспечивает долгую жизнь, и вот хочется испытать» (с. 11). По-другому переживает «мясной вопрос» в этом романе Саня (там же, с. 18). — Но нельзя забывать также и о теософах (Е. П. Блаватская), которые были вегетарианцами по «эзотерическим» причинам; «Русское теософское общество» было основано в 1908 г. Вегетарианского образа жизни частично придерживались и русские антропософы; к примеру Андрей Белый (и Ася Тургенева) в период их пребывания в Базеле с 1913 г.; см также об этом: Андрей Белый. Материал к биографии (интимный). Изд. Й. Е. МАЛЬМСТАД: Андрей Белый и антропософия // Минувшее. Исторический альманах. Т. 6—8. Париж, 1988—1991. Т. 6. С. 347 («помнится, что мы с Асей с начала 13 года перешли на вегетарианство»).

¹⁶ Ср.: Проект издания вегетарианского журнала «Естественная жизнь» // ГМИР, ф. 34, оп. 1/88 МВО 1909—1930. № 33. Л. 1—2 (см. об этом ниже: глава VII. 7).

¹⁷ Естественная жизнь и вегетарианство. М., 1913. 193 с.

¹⁸ *ВО* 1913: 3 127: «Первый вегетарианский альманах (Вегетарианство и Естественная жизнь), вышедший под ред. Н. Н. Гусева и П. Бирюкова, конфискован». Конфискацию произвела Московская Судебная палата, ср. *ВО* 1914: 5 197.

¹⁹ Об обществе «Духовное пробуждение» см. *ВО* 1913: 8 321—323 и 10 390—393 (этическое «вегетарианство» — «единение социально-этическое», с. 391), а также: Естественная жизнь и вегетарианство. М., 1913. С. 171—173.

²⁰ *ВО* 1912: 7 271—274; здесь содержится также проект программы съезда и проект выставки.

²¹ *ВО* 1913: 3 89—92 и 4—5 129—144.

²² Ср.: FELIX PHILIPP INGOLD. Der grosse Bruch. Russland im Epochenjahr 1913. Kultur. Gesellschaft. Politik. München, 2000. Автор книги, со своей стороны, высказывает сожаление о том, что су-

ществующие исследования данного периода не учитывают «социальный, экономический и бытовой контексты» (S. 11).

²³ Ср. «Вегетарианское движение в России за 1913 год» (BO 1914: 1 34—35), в немецком переводе Тео Керна: «Die vegetarische Bewegung in Russland im Jahre 1913» (Vegetarische Werte. Jg. 47. 1914. S. 91).

²⁴ BO 1913: 4—5 130.

²⁵ Там же. С. 133.

²⁶ BB 1914: 1 (Май) 1—4.

²⁷ Там же. С. 2.

²⁸ Ср.: Memoirs of Peasant Tolstoyans in Soviet Russia. Translated, edited, and with an Introduction by WILLIAM EDGERTON. Bloomington, 1993. P. XIII. Во введении к этой книге (p. IX—XXIV) дан обстоятельный обзор истории развития «толстовства» с конца 1880-х гг., однако вопросы вегетарианства затрагиваются лишь косвенно.

²⁹ Журнал «Братство» (стеклографированное издание 1923 г.), выпускаемый Московским вегетарианским обществом, сетует на то, что, к сожалению, с ресторанов МВО-ва и вообще с занимаемого им здания взимаются высокие налоги, платить которые обществу не по силам. (№ 1, с. 7; см. в.: Отдел рукописей музея Л. Н. Толстого, шифр: Кн. 3882, III, 3а).

³⁰ БСЭ. Т. 9. М., 1928. Стлб. 139—142.

³¹ БСЭ. 2-е изд. Т. 7. М., 1951. Стлб. 83—84.

³² БСЭ. 3-е изд. Т. 4. М., 1971. Стлб. 1039—1040.

³³ Всё о вегетарианстве / Под ред. И. Л. Медковой, Т. Н. Павловой, Б. В. Брамбурга. М.: Экономика, 1993. С. 12.

³⁴ В. М. Рошаль. Тысяча рецептов вегетарианской кухни. СПб.: Диамант, 1997. С. 5.

³⁵ См. прежде всего книгу «Всё о вегетарианстве» (примеч. 33).

³⁶ С содержательной брошюрой Лебланка «Vegetarianism in Russia: The Tolstoy(an) Legacy» я ознакомился уже после того, как рукопись была готова (см. библиографию на с. 538). Из 39 страниц брошюры 22 страницы посвящены Толстому и пять — вопросу о вегетарианском движении в советской и постсоветской России («The Vegetarian Movement in Soviet and Post-Soviet Russia»); брошюра Т. фон Галецкого «Л. Н. Толстой и вегетарианство» (М.: Посредник, 1913; пер. с нем.: Th. von GALETZKI: Leo Tolstoi und der Vegetarismus. Frankfurt am Main, 1906) не представляет научного интереса. Однако ср. отчет Галецкого о вегетарианском движении в России в журнале «Vegetarische Werte», 1915 (илл. 33).

³⁷ НЛО. № 21. М., 1996. С. 220—287.

Экскурс. К истории терминологии

¹ Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / Сост. Ф. ПАВЛЕНКО. СПб., 1900. Стлб. 95.

² TEUTEBERG, 1994. С. 53; о происхождении слова *vegetarisch* ср. также многочисленные, но не всегда достоверные примеры в JASKOWSKI, 1912. S. 52—60 («Namenserklärung»).

³ Новый полный словарь иностранных слов, вошедших в русский язык / Сост. Е. ЕФРЕМОВ. М., 1911. С. 80.

⁴ Несмотря на то, что слово *беззубойный* пока не зафиксировано в словарях, в Интернет-портале www.yandex.ru (март 2005) это слово встречается 1624 раза.

⁵ Отчет СПб. ВО-ва за 1903 г. СПб., 1904. С. 7.

⁶ Ср. ССРЯ: В 17 т. Т. 16. М.; Л., 1964. Стлб. 71; или Д. Н. УШАКОВ (ред.) Толковый словарь русского языка: В 4 т. М., 1935—1940. Т. 4. Стлб. 862.

⁷ Толковый словарь русского языка. Т. 1. Стлб. 238.

⁸ Словарь иностранных слов / Гл. ред. Ф. Н. ПЕТРОВ. 2-е изд. М., 1942. С. 119.

⁹ Н. Б. Нордман в письме к Л. Б. Барятинской от 1912 г. о своих связях с Парижем: «Наш режим / без масла, молока и яиц / у них называется *вегетализмом*». РАХ, ф. 25, оп. 1, № 1813, л. 15.

¹⁰ Ср.: ДАЛЬ. Т. 4. С. 683.

¹¹ Ср. ВО 1911: 5 37, а также: Вегетарианец. № 2. 2001. С. 6.

¹² «Вегетарианский режим питания обеспечивает организм достаточным количеством протеинов, витаминов и минералов. Иные аспекты культуры находят выражение в языке. “Pig” является животным, его мясо называется “pork” или “swine”. Тот факт, что мясо было животным, вуалируется» (англ.). BÄR-MÄTZNER. 1999. P. 37.

IV. РАННИЕ ПОПЫТКИ НАУЧНОГО ОБОСНОВАНИЯ

1. Первый манифест: А. Н. Бекетов

¹ Бекетов играл ведущую роль на съездах русских естествоиспытателей и врачей. Он пытался донести естественнонаучные знания до широкой публики. Его «Беседы о земле и тварях» были опубликованы в период между 1864 и 1879 гг. и выдержали шесть изданий. Он был редактором журнала «Труды вольно-экономического общества».

² А. Н. БЕКЕТОВ. Питание человека в его настоящем и будущем // Вестник Европы. 1878. Кн. 8. С. 566—605. Все цитаты из этого сочинения далее приводятся по этому изданию; в качестве исключения страницы указываются в круглых скобках непосредственно в тексте.

³ А. Н. БЕКЕТОВ. Питание человека в его настоящем и будущем. Изд. А. Пантелеева. СПб., 1879, 78 + 2 с.; на французском в: *Revue scientifique*. 1881. 13; на немецком: А. БЕКЕТОВ. Die Ernährung des Menschen in der Gegenwart und in der Zukunft. Aus dem Russ. übers. von LUDWIG BAUER. Rudolstadt 1882. IV. 71 S. Перепечатано: Küssnacht/Schweiz, 2004. 44 S.

⁴ Среди проч. в: *Giornale della società d'igiene* (1881, fasc. XII); см. также: *Veget. Rundschau*. Jg. 3 (1883). S. 19.

⁵ АФАНАСИЙ ПРОКОПЬЕВИЧ ЩАПОВ. Развитие человеческой способности питания // Отечественные записки. Т. 206 (1873). № 1. С. 153—182.

⁶ Международный союз вегетарианцев («Internationale Vegetarier-Union») был основан только в 1908 г. в Дрездене. Очевидно, Бекетов имеет в виду «Вегетарианское общество» («Vegetarische Gesellschaft»), возникшее в Германии в 1868 г., возможно, также и «Vegetarian Society», действующее в Манчестере уже с 1847 г.

⁷ Бекетов цитирует по: CARL CHRISTOPH VOGT. *Physiologische Briefe*, 4. Aufl., 1873.

⁸ КОНСТАНТИН ВАСИЛЬЕВИЧ ВОРОШИЛОВ (род. в 1842 г.), профессор физиологии Казанского Университета. Исследование о питательных свойствах мяса и гороха. СПб., 1871.

⁹ KARL-IVERSEN LAPP. *Täglich Saubohnen. Ernährung um 1000 im Alimentarium Vevey*. В: *NZZ* 13.4.2000; ср. каталог: *Gesellschaft und Ernährung um 1000, eine Archäologie des Essens*. Vevey, 2000.

¹⁰ Н. М. КАРАМЗИН. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 329.

¹¹ В начале 1980-х гг. Швейцария импортировала 1 млн тонн зернового корма в год, что составляет 150 кг на душу населения.

¹² По всей видимости, у Бекетова не было контактов с движением вегетарианцев в Англии или Германии. Редкие указания источников относятся к исследованиям по экономике и физиологии.

¹³ G. N. G. BYRON. *Don Juan*. Canto II, строфа CLVI / Пер. Татьяна Гнедич (1959).

¹⁴ Е. ЛОЗИНСКИЙ. Вегетарианство и воспитание. М.: Посредник, 1912. С. 23.

¹⁵ В. Истомин. Несколько слов по поводу статьи А. Бекетова <...> // *Здоровье: Научно-популярный гигиенический журнал: Орган русского общества охранения народного здравия*. Т. IV, год 5. № 96. 1 окт. С. 358—360; № 97, 15 окт. С. 381—383.

¹⁶ Неделя (СПб.) 1878, № 34. Стлб. 1114—1116.

¹⁷ Русское богатство. 1893. № 9. С. 59.

¹⁸ П. А. БАРАНОВ. А. Н. Бекетов (к 50-летию со дня смерти). М., 1952. 38 с. Оказалась недоступной монография А. А. ЩЕРБАКОВОЙ: «А. Н. Бекетов: Выдающийся русский ботаник и общественный деятель». М., 1958. 256 с.

¹⁹ Русские писатели 1800—1917. Т. 1. М., 1992. С. 202—203.

2. Вегетарианец в сибирской ссылке?

Н. Г. Чернышевский

¹ ВО 1909: 8—9 41.

² ВО 1910: 1 36.

³ Вл. Беренштам. Около политических: Из путевых впечатлений поездки в «гибельные места» Якутской области. СПб.: Изд. С. В. Бунина, 1908. С. 110—115.

⁴ Н. Г. Чернышевский. *ПСС*: В 15 т. Т. 14 (М., 1949). С. 513—718; Т. 15 (М., 1950). С. 5—405.

⁵ Н. Г. Чернышевский. *ПСС*. Т. 14. С. 520 (1 июня 1872).

⁶ Конечно, надо иметь в виду, что автор писем должен был считаться с цензурой и иногда подвергал себя «самоцензуре». Так, например, он пишет 10-го февраля 1877 г.: «Ученых терминов не употребляю, чтоб из-за справок о их значении не было задержки письма».

⁷ Н. Г. Чернышевский. *ПСС*. Т. 14. С. 647 (3 апреля 1876).

⁸ Там же. С. 520.

⁹ Там же. С. 534 (10 августа 1873).

¹⁰ Там же. Это сообщение Чернышевского подтвердилось четверть века спустя благодаря наблюдениям В. Серошевского. Ср.: MAURIZIO. 1927. S. 431—432.

¹¹ Н. Г. Чернышевский. *ПСС*. Т. 14. С. 535.

¹² Там же. С. 633.

¹³ Н. Г. Чернышевский. *ПСС*. Т. 15. С. 8.

¹⁴ Н. Г. Чернышевский. *ПСС*. Т. 14. С. 621.

¹⁵ Там же. С. 621—622.

¹⁶ Там же. С. 336—337.

¹⁷ Там же. С. 595.

¹⁸ Там же. С. 632—633.

¹⁹ Там же. С. 646—647.

²⁰ Там же. С. 83.

²¹ Там же. С. 148.

²² Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ. *ПСС*. Т. 15. С. 288.

²³ Там же. С. 303.

²⁴ Не совсем ясно, относятся ли «мне жалко» и «стыдно» к животным или же к тому, что его поведение противоречит общепринятым нормам общества. Более вероятно — второе объяснение.

²⁵ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ. *ПСС*. Т. 15. С. 69.

²⁶ Там же. С. 102—111.

²⁷ Там же. С. 102.

²⁸ Там же. С. 103. Ср. PAUL NIEMEYER. *Populäre Heilkunde und Persönliche Gesundheitspflege. Eine culturgeschichtliche Studie // Unsere Zeit. Deutsche Revue der Gegenwart. Neue Folge. Zwölfter Jahrgang. Zweite Hälfte. Leipzig, 1876. S. 810—822, 896—909 (= Jahrbuch zum Konversationslexikon Brockhaus). У Чернышевского указано: № 23 и № 24.*

²⁹ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ. *ПСС*. Т. 15. С. 110.

³⁰ Не может подлежать сомнению то, что Чернышевский подразумевает здесь в том числе презрение хлеба и одобрение мяса со стороны Д. И. Писарева, ср. гл. VII, с. 327.

³¹ Сегодня Нимейера назвали бы врачом-гигиенистом. Отрывок, который произвел такое сильное впечатление на Чернышевского — он свободно пересказывает текст — находится на страницах 905—906. Нимейер ссылается на знаменитого Рудольфа Вирхова, призывавшего в своем этюде «Über Nahrungs- und Genussmittel» к реформе общества. Цитирую Нимейера дословно: «Immerhin ist doch schon eine Minderheit als Vorstreiterin des Virchow'schen frommen Wunsches zu verzeichnen, nämlich die sogenannten Vegetarianer. Kann ich zwar den Grundsatz der gänzlichen Enthaltensamkeit von Fleischnahrung nicht als maßgebend, sondern nur als Geschmacksache gelten lassen, so bietet diese «Sekte», wie sie zu Unrecht, vielleicht aber in selbstverschuldeter Misdeutung ihres absonderlichen Namens genannt wird, im allgemeinen das Musterbeispiel, daß sie, Essen und Trinken mit Überlegung treibend, sich gegen das Übermaß von stofflicher Ernährung, insonderheit der Beefsteakesserei, um mich kurz auszudrücken, auflehnt, zu welchem sich nach einem treffenden Ausspruche von Rohden die gedankenlose Menge dadurch verleiten läßt, daß sie die Möglichkeit der Beschaffung von reichlicher Nahrung verwechselt mit deren Notwendigkeit. Nicht zu übersehen ist auch, daß die Anhänger der «naturgemäßen Lebensweise», wie sie sich neuerdings schlichter nennen, nebstdem auch Luft- und Wasserfreunde erster Klasse sind. Diesem Ganzen ihrer Körperpflege haben sie es denn auch zu danken, daß sie sich

durchweg eines trefflichen Gesundheitszustandes, ausdauernder Arbeitskraft und frischen Geistes erfreuen.

Der Umstand, daß die Vegetarianer beim großen Haufen als Sonderlinge verschrien sind, läßt deutlich den Widerstreit hervortreten, in welchen hygienisches Streben mit dem gegenwärtigen Handel und Wandel auf Schritt und Tritt geräth. Ganz besonders stellt die landläufige Form der Geselligkeit, sowohl das deutsche Wirthshausleben als die sogenannte Abfütterung in Privatkreisen, eine so ausgebildete Versündigung wider die Gesetze der Luftpflege und der Ernährung dar, daß man, auch ohne in der Enthaltsamkeit so weit zu gehen wie die Vegetarianer, vor die Wahl gestellt bleibt: mitzuthun oder sich auszuschließen».

Позже, в 1880-е гг., Нимейер вступит в полемику с вегетарианцами, отраженную в журнале «Vegetarische Rundschau» (ср. 1885 г. S. 119—120 и 369—370, а также 1890 г. S. 97).

³² Н. Г. Чернышевский. ПСС. Т. 15. С. 110—111.

³³ Там же. С. 333—334.

³⁴ Там же. С. 334.

³⁵ Более ранние высказывания по вопросу о потреблении мяса имели социально-критический характер. В поэме Н. А. Некрасова «Современники» (1875) предприниматель при строительстве железных дорог раздает рабочим квас и этим добивается того, что артель «обходилась охотно без мяса», что повышает дивиденд; у А. И. Герцена в блестящем очерке «Скуки ради» (1868) находим следующее скептическое замечание вымышленного собеседника автора, французского «доктора», относительно «свободной воли». Этот доктор-философ не верит в *libre arbitre*: «я вижу, что если человек (...) захочет есть траву и хлеб — и ест одну траву да хлеб, возле жареных рябчиков».

³⁶ Н. Г. Чернышевский. ПСС. Т. 15. С. 308 (6 февраля 1880 г.).

³⁷ Там же. С. 83—85.

³⁸ Там же. С. 288.

³⁹ Там же. С. 342.

⁴⁰ Н. Г. Чернышевский. Избранные сочинения. М.; Л., 1950. С. 16.

⁴¹ Н. Г. Чернышевский. ПСС. Т. 15. С. 586 (9 июня 1886 г.).

⁴² Там же. С. 596 (23 июня 1886).

В. А. Н. Толстой: «Солнце вегетарианского мира»

1. Раннее становление: «единый Толстой»

¹ К. С. Станиславский. Моя жизнь в искусстве. М., 1988. С. 199 // К. С. Станиславский. Собр. соч.: В 9 т. Т. 1.

² BRANG, 2000. S. 161.

³ Журнал «Vegetarische Warte» чествовал Толстого по случаю 75-летия и 80-летия обширными статьями; после его смерти вышла статья: «Tolstoi tot» (Jahrgang 43, 1910. S. 251—252).

⁴ И. ПЕРПЕР. «Лев Толстой как вегетарианец». См. в: *ВО* 1909: 1 19—20; ср. также: «Я иду навстречу солнцу интернационального вегетарианского мира, иду так легко, просто...», в статье «У Льва Николаевича Толстого и его друзей (Вегетарианские поездки)». *ВО* 1909: 6 3—9, здесь: 7.

⁵ KJETSAA, 2001. S. 288, при упоминании о поездке на бойню в Туле: «После этого посещения бойни он никогда уже не будет есть мясо! Соня не хотела слушать его: вегетарианская пища только сделала бы его упрямым». И далее приводится эпизод с курицей (см. выше с. 123—124); KJETSAA. S. 372—373: «Он был того мнения, что это овощи спасают ему жизнь. Вегетарианцы якобы тоже наилучшие защитники животных...» (всего 6 строк).

⁶ *ПСС* 47: 5 («возвращаюсь к прежней мысли — мысли об усовершенствовании»).

⁷ *ПСС* 29: 74.

⁸ *ПСС* 46: 262.

⁹ *ПСС* 46: 292.

¹⁰ *ПСС* 46: 164.

¹¹ *ПСС* 47: 176.

¹² *ПСС* 59: 69.

¹³ *ПСС* 60: 197.

¹⁴ *ПСС* 47: 130.

¹⁵ *ПСС* 47: 137.

¹⁶ *ПСС* 48: 47.

¹⁷ *ПСС* 48: 63.

¹⁸ *ПСС* 48: 65.

¹⁹ *ПСС* 48: 65—66.

²⁰ Гимнастическими упражнениями Толстой занимался уже давно, как это видно из дневника, ср., например, записи от 13, 15 и 18 ноября 1857 г. (*ПСС* 47: 163).

²¹ *ПСС* 61: 110—111. Н. Н. Зинин (1812—1880), известный химик, в течение многих лет состоял в должности профессора Медико-хирургической Академии в Петербурге и в 1868 г. стал первым президентом Русского химического общества; временно работал у Ю. Либиха в Гиссене.

²² *ПСС* 61: 82.

²³ Этот кризис начался уже в 1877 г., как видно из длинного письма-исповеди к С. А. Толстой от 15—18 декабря 1885 г. (*ПСС* 83: 539, 547).

²⁴ *ПСС* 25: 190; 25: 384.

²⁵ Ср. у Людвиг Фойербаха: «Der Mensch ist, was er isst» (из рецензии на книгу Я. Мошотта: *Lehre der Nahrungsmittel für das Volk*, 1850).

²⁶ *ПСС* 18: 37—47.

²⁷ *ПСС* 18: 40.

²⁸ *ПСС* 18: 38.

²⁹ GOSCILO-KOSTIN, 1984, здесь: р. 485—487.

³⁰ WIERLACHER, 1987. S. 86—89.

2. «Это гибельное вегетарианство»

¹ *ВО* 1909: 1 9.

² *ПСС* 78: 79—80 и 312.

³ С. А. Толстой. Очерки былого. 3-е изд. Тула, 1965. С. 152.

⁴ *ПСС* 49: 100.

⁵ *ПСС* 49: 105. Издатели юбилейного издания не сочли эти записи достаточно важными, чтобы включить их в «хронологическую канву 1884 г.», ср. там же с. 170. Впрочем, Т. Л. Сухотина в письме к Г. И. Почепне от 11 янв. 1910 г. называет 1888 г. годом начала безоговорочного вегетарианства у Толстого. Цит. по *ВО* 1912: 1 33.

⁶ *ПСС* 83: 437.

⁷ «Записки И. М. Ивакина». Впервые в изд.: Лев Толстой. Кн. 2 (= *ЛН* 69,2). М., 1961. С. 26—124, здесь: с. 73. Ср. также перепечатку в книге: Новые материалы Л. Н. Толстого и о Толстом из архива Н. Н. Гусева / Сост. Л. Д. Громова-Опульская, З. Б. Иванова. Мюнхен, 1997.

⁸ Г. Мачтет оставил после себя очерк под заглавием «Русская семья в Канзасе» (впервые в: «Неделя». № 31. 1875), в котором охарактеризованы Фрей и некоторые другие члены коммуны, а также их образ жизни. В английском переводе см. в книге: *America Through Russian Eyes. 1874—1926*. Ed. and transl. by О. Р. HASTY and S. FUSO. См. также AVRAHAM YARMOLINSKY. *A Russian's American Dream. A Memoir on William Frey. Lawrence, Kansas*, 1965.

⁹ *ПСС* 63: 289—290 (15—18? окт. 1885).

¹⁰ Сама Т. А. Кузминская впоследствии стала вегетарианкой. Ср. поваренную книгу Т. А. Кузминской: *Вегетарианский стол*. 2-е изд., 1905. 5-е изд., 1914; а также *РП*. Т. 3. С. 207—208.

¹¹ *ПСС* 83: 511.

¹² ПСС 83: 512.

¹³ ПСС 83: 524.

¹⁴ Записки И. М. Ивакина. 1961. С. 57.

¹⁵ Там же. С. 85.

¹⁶ Ср. МАКОВИЦКИЙ. Т. 2. С. 196.

¹⁷ ПСС 83: 539—548.

¹⁸ ПСС 83: 547.

¹⁹ ПСС 83: 548.

²⁰ ПСС 83: 549.

²¹ ПСС 83: 552.

²² ПСС 83: 553.

²³ ПСС 83: 560.

²⁴ ПСС 83: 569.

²⁵ ПСС 83: 569.

²⁶ Ср. С. А. Толстой. Очерки былого. См. прим. 3. С. 182—183.

²⁷ С. А. Толстая. Дневники в двух томах. Т. 1 (1862—1990). М., 1978. С. 116.

²⁸ ПСС 84: 27.

²⁹ С. А. Толстая. Цит. соч. С. 119 (18 июня 1887).

³⁰ А. Ф. Кони. Собр. соч.: В 8 т. Т. 6. М., 1968. С. 462.

³¹ «Записки И. М. Ивакина». 1961. С. 45.

³² ПСС 64: 129.

³³ ПСС 64: 164.

³⁴ ПСС 84: 45. Софья Андреевна жалуется сестре Татьяне в письме от 6-го мая: «Левочка <...> упорно вегетарьянствует, пашет, ведет самую вредную жизнь... Никогда Лёвочка не был так крайне упрям и упорен в своих безумствах, как нынешний год». Цит. по: Гусев. Летопись. 1958. С. 695.

³⁵ ПСС 84: 47.

³⁶ ПСС 84: 55. Желудочные заболевания Толстого были известны целой Европе. Поэтому критики могли утверждать, что его требования аскетического образа жизни свидетельствовали никак не о нравственности, но исключительно об условиях его личной жизни. Например, его вегетарианство объясняли плохим пищеварением из-за бывших роскошных обедов (ср. CURT GROTTIEWITZ. Leo Tolstoi und die moderne Kultur // Magazin für die Literatur des In- und Auslands. 24/1891. S. 378—381; цит. по кн. WOLFGANG SANDFUCHS. Dichter — Moralist — Anarchist. Die deutsche Tolstojkritik 1880—1890. Stuttgart, 1995. S. 188—189). В то время еще не знали, что аскетические требования можно найти и у молодого Толстого.

³⁷ ПСС 50: 63.

³⁸ Подобное описание дает и Дженни Шульц (Москва) в 1906 г. в журнале «Vegetarische Warte» (Frankfurt a. M.), Jg. 39. S. 114—115 под заголовком: «Wie der russische Bauer lebt und isst»: «... Die Nahrung der Landbevölkerung besteht aus Schtschi, Suppe aus Sauerkraut, Schwarzbrot, schwarzer Kascha (ungemahle- nem Buchweizen), welch letzterer mit wenig Wasser langsam im Ofen dünstet und ein sehr gesundes Nahrungsmittel ist, auch selbst in un- serem (Moskauer vegetarischen) Speisehaus selten fehlen darf. Fer- ner gibt es zur Abwechslung noch Kartoffeln, und als Leckerbissen Gurken. Als Fett wird sehr viel Sonnenblumenöl verwendet. Bei die- ser Lebensweise sind die russischen Dorfbewohner zum größten Teil gesund. Oft wird die Familie aber der bittersten Not ausgesetzt, wenn das Oberhaupt den letzten Kopeken für Schnaps ausgibt. Fleisch kommt bei den Bauern nur an großen Feiertagen auf den Tisch und hat dann meist üble Folgen für die an diese Kost nicht gewöhnten Leute...».

³⁹ ПСС 27: 23.

⁴⁰ ПСС 27: 156—158.

3. «Первая ступень»: возникновение и значение

¹ ПСС 51: 42.

² ПСС 51: 45.

³ ПСС 51: 140.

⁴ ПСС 51: 53.

⁵ Ср.: А. П. СЕРГИЕНКО. Первая ступень // А. П. СЕРГИЕНКО. Рассказы о Л. Н. Толстом: Из воспоминаний. М., 1978. С. 62—80, здесь: с. 64—67.

⁶ Лесков переносит архиерейское пиршество в прошлое: «Нынешние епископы плохие гурмандисты». Ср. Н. С. ЛЕСКОВ. Собр. соч.: В 11 т. Т. 6. М., 1957. С. 440.

⁷ П. В. БЫКОВ. Силуэты далекого прошлого. М., 1930; А. М. СКАБИЧЕВСКИЙ. Литературные воспоминания. М.; Л., 1928.

⁸ Пер. на русский Петера Бранга. Ср. оригинал письма Э. Бореля:

Jasnaja-Poljana, 21.XII.90 (Russ. Zeit)
Hochgeehrter Herr!

In Antwort auf Ihren Brief vom 14. Dezember bittet mich der Graf Ihnen mitzuteilen, dass er seine vegetarische Lebensweise kei- neswegs unterbrochen oder ihr aus irgend welchen Gründen entsagt hat, sondern diese Diät befolgt und sich dabei wohl befindet. — Unter seinen Freunden — denjenigen, die seine religiösen Ideen teilen — ist diese naturgemässe Lebensweise, ohne dass es als Prinzip aufgestellt ist, ziemlich verbreitet, und glaubt der Graf, dass die vegetarische Be- wegung auch hier mehr und mehr Verbreitung finden wird. — Die

Broschüre des Prof. Beketoff ist dem Grafen seit längerer Zeit als eine gute Schrift bekannt. Der Graf spricht Ihnen für die Zusendung der vegetar. Flugblätter seinen Dank aus und sieht fernerer Mitteilungen über den Fortschritt und die Verbreitung dieser Sache mit Interesse entgegen. In vollkommener Achtung Eduard Borel. (Vegetarische Rundschau. Jg. 11. 1891. S. 39—40).

⁹ Ср. отчет об этом заседании съезда в: Vegetarische Rundschau. Jg. 28 (1894). S. 121—122, а также Гусев. Летопись. Т. 2. С. 119.

¹⁰ С. А. Толстая. Дневники. Т. 1 (1862—1900). М., 1978. С. 152.

¹¹ ПСС 29: 383.

¹² ПСС 84: 78.

¹³ ПСС 87: 84.

¹⁴ ПСС 52: 29—31.

¹⁵ ПСС 84: 79.

¹⁶ С. А. Толстая. Указ. соч. С. 197.

¹⁷ ПСС 52: 36.

¹⁸ ПСС 52: 38.

¹⁹ Т. А. Сухотина-Толстая. Воспоминания. М., 1976. С. 201.

²⁰ С. А. Толстая. Указ. соч. С. 191.

²¹ ПСС 52: 38, 43. Εὐκρατεία — воздержание (*зреч.*)

²² ПСС 66: 18.

²³ Вопросы философии и психологии. 1892. Кн. 13 (май). С. 109—144. — Н. Я. Грот (1852—1899) был знаком с Толстым с 1885 г., он напечатал несколько статей писателя в своем журнале. Толстой высоко ценил книгу Грота о Джордано Бруно (ПСС 85: 164).

²⁴ Говард Уильямс. Этика пищи или нравственные основы безубойного питания для человека. Собрание жизнеописаний и выдержек выдающихся мыслителей всех времен / Пер. с английского (Марии Л. Толстой); Со вступит. ст. «Первая ступень» Льва Толстого; Стихотв. цит., помещенные без подписи, переведены А. И. Барыковой. М., 1893. 354, III с. Очень показательно изменение заглавия: у Г. Уильямса говорится о личностях, порицающих питание мясом, а не о «безубойном питании» (ср. «Библиографию»). Дальнейшие издания вышли в издательстве «Посредник» в 1903, 1905 и 1914 гг. Примечательно, что в большом академическом собрании сочинений постоянно говорится только о «The Ethics of Diet» или же об «Этике пищи»; таким образом, читатель так и не узнает, что речь идет о вегетарианском режиме питания (ср. ПСС 29: 383—386).

²⁵ Ср. СПб. ВО-во, Отчет совета за 1904 г. СПб., 1905. С. 14; ср. также ВО 1909: 2 24.

²⁶ ПСС 29: 57—85. Третье отдельное издание вышло в 1914 г. (ВО 1915: 1 35).

²⁷ ПСС 29: 63—64.

²⁸ ПСС 29: 70—73.

²⁹ ПСС 29: 73.

³⁰ ПСС 29: 75.

³¹ ПСС 29: 73.

³² ПСС 29: 74.

³³ ПСС 29: 74—76.

³⁴ ПСС 29: 77.

³⁵ CHRISTIAN. 1993. P. 12.

³⁶ UPTON SINCLAIR. The Jungle. With an Introduction and Notes by JAMES R. BARRETT, Urbana and Chicago, 1988. Chapter 3. P. 31—41 (резание свиней и волов).

³⁷ A. ZHOLKOVSKY. «Slaughterhouse» Motifs in the Egyptian stamp and Environs // The Language and Verse of Russia: In Honour of Dean Worth on his sixty-fifth Birthday. Ed. H. BIRNBAUM, M. FLIER. M., 1995. P. 304—310 (ср. гл. VII, 12, с. 340—347).

³⁸ ПСС 29: 84 (см. примеч.).

³⁹ Представляется нецелесообразным приводить текст этого эссе без сопровождающего комментария уже по той причине, что задумано оно было как предисловие.

⁴⁰ ПСС 29: 85.

⁴¹ 3 июля 1910 г. Толстой велел Валентину Федоровичу Булакову, своему последнему секретарю, сообщить А. П. Прохорову, владельцу предприятий сушеных овощей и фруктов, следующее: «Вегетарианство интересует Л(ьва) Н(иколаевича) как одно из оч(ень) многих проявлений нравств(енной) жизни, а никак не одно вегетарианство, выделенн(ое) из всего остального. Вегетар(ианство) важно и интересно Л(ьву) Н(иколаевичу) как одно из последствий возвышенной духовной жизни, а как одно, само по себе вегетарианство для Л(ьва) Н(иколаевича) не имеет никакой цены». Ср. ПСС 82: 248.

⁴² ПСС 52: 6 (25.1.1891), 52: 14 (26.2.1891).

⁴³ Безубойное питание или вегетарианство: Мысли разных писателей. Собрал А. Н. Толстой. М.: Посредник, 1903, 32 с.; 2-е изд.: 1911 (Издание «Посредника» № 753). К поэтам, высоко ценимым Толстым, принадлежал П. Б. Шелли. Отвечая на одно из писем Е. В. Эллиса, Толстой заявил 3/16 12.1906: «I quite agree with you about Shelley». Эллис считал Шелли «самым великим поэтом Англии». (ПСС 76: 253—254).

⁴⁴ Ср. ПСС 41: 119—120, 308—309, 420—421, 511—514; ПСС 42: 74—75).

⁴⁵ ПСС 42: 443—448.

4. Эхо в России и на Западе

¹ Ср. И. Перпер в: *ВО* 1909: 2 24; 1910: 9—10 53.

² Письма Толстого и к Толстому. М., 1928. С. 47 (Труды публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина).

³ *ВО* 1910: 2 37.

⁴ *ВО* 1909: 1 16.

⁵ Кирилл Григорьевич Греков (1852—1916), учитель начальной школы, был знаком с И. И. Горбуновым и другими сотрудниками издательства «Посредник». Ср.: «Как я сделался вегетарианцем» // *ВО* 1914: 4 148—151, а также главу «Казус Наживина».

⁶ *ВО* 1911: 6—7 11.

⁷ *ВО* 1911: 5 34.

⁸ См. <http://www.ivu.org/history/tolstoy>.

⁹ Ср. EDGERTON. 1993. P. 201—202.

¹⁰ *ВО* 1909: 6 34. На болгарском языке «Первая ступень» была напечатана сначала в журнале *Novo Slovo*, 1902, № 5, 6.

¹¹ Ср. с. 35, а также с. 284.

¹² *ВО* 1909: 1 19—20.

¹³ Бирюков. 1921. Т. 3. С. 189.

¹⁴ Книжки недели. 1892. № 6. С. 185—191.

¹⁵ Русское богатство. 1893. № 9. С. 55—59.

¹⁶ П. Енько. Зло вегетарианства. СПб., 1893. 15 с.

¹⁷ L. TOLSTOI. Die erste Stufe. Pervaja stupen'. Übers. von WILHELM HENCKEL. Berlin: Rentzel, 1892. 67 S. Журнал «Vegetarische Rundschau» в 1893 г. (Jahrgang 26. S. 345) ссылается на этот перевод. Он был повторно опубликован в 1931 г. под заглавием «Die Enthaltksamkeit: eine Forderung wider den Luxus unserer Zeit».

¹⁸ L. TOLSTOI. Die erste Sprosse. Stuttgart u. a.: Deutsche Verlagsanstalt 1893, 82 s. (без имени переводчика).

¹⁹ *ПСС* 29: 386.

²⁰ *ПСС* 66: 47. Датское издание появилось осенью 1891 г., стало быть, еще до выхода русского издания? Рукопись «Первой ступени» была выслана Черткову 31 августа 1891 г. Уже 18 сентября 1891 г. Толстой сообщил Ганзену, жившему в то время в Петербурге, что статья написана и что он ее ему вышлет как можно скорее. В России борьба с цензурой длилась долго — еще 26 апреля 1892 г. Н. Я. Грот думал о том, как бы влиять на духовных цензоров, и статья появилась только в мае 1892 г. Вполне возможно, что датское издание вышло раньше первой русской публикации.

²¹ *ВО* 1909: 2 24.

²² TOLSTOY. The First Step // *Recollections and Essays by Tolstoy. The World's Classics Series, OUP, 1937. P. 90—135*; это издание

многократно перепечатывалось. В последнее время один отрывок опубликован также в *Ethical Vegetarianism* (1999). Р. 97—105.

²³ *ВО* 1911: 3 38 и *ВО* 1912: 5 192.

²⁴ L. N. Tolstoj, *První stupeň*, издание 1908 г. на чешском вышло в: *Časopis pokrovského studentstva*. Т. 8 / Пер. Н. Hrusovský, а также в сборнике *Tolstého čítanka*, hgb. Dr. Karel Kolman, 1908; а в 1924 г. — в книге L. N. Tolstoj. *Mravní požadavky, První stupeň*. Knihovna L. N. Tolstého, hgb. B. Kocí. Band IX, 1924.

²⁵ CHRISTIAN BARTOLF (Hrsg.). *Die erste Stufe. Tolstoi, Gandhi und die Ethik der vegetarischen Ernährung*. Berlin: Gandhi-Informationszentrum, Selbstverlag, 1996. Эссе Толстого на С. 30—70.

²⁶ CHRISTIAN. 1993. Р. 7—16.

²⁷ LEBLANC. 1997. Р. 81—102. Здесь: р. 88—89.

²⁸ Там же, р. 85.

²⁹ Ср. Маковицкий. 1979. Т. 2. С. 537 (15.10.1907).

³⁰ Там же. Т. 2. С. 121 (25.4.1906).

³¹ *ПСС* 68: 226.

³² TEUTEBERG, 1994. S. 60.

5. Что говорит православная церковь?

¹ Розанов. 1892. № 6. С. 219—242.

² Там же. С. 219—226.

³ Там же. С. 226—242.

⁴ Не цитируется 13 стих той же главы: «И потому, если пища соблазняет моего брата, не буду есть мяса вовек, чтобы не соблазнить моего брата», а также Римл. 13, 3 или там же 14: 17 и 21.

⁵ Розанов. С. 234.

⁶ Там же. С. 228.

⁷ Там же. С. 239—240.

⁸ Там же. С. 240; здесь содержится ссылка на Римл. 8, 18—22.

⁹ Там же. С. 240—241.

¹⁰ Полное название книги Кингсфорд в русском переводе: *Научные основания вегетарианства или безубойного питания*. М.: Посредник 1893. 2-е изд., 1904.

6. Вегетарианство-веганство Толстого и его семья

¹ Доклад Л. Л. Толстого был напечатан в издании: *ВЕГЕТАРИАНКА* (О. Зеленкова). Нечто о вегетарианстве. Вып. 3. СПб., 1904. С. 26—42.

² Проф. А. Воейков опубликовал доброжелательную рецензию на 2-е издание книги Л. Л. Толстого «Моя гигиена» в журнале *ВВ* 1904: 12 42—43.

³ В отчетах *СПб. ВО-ва* 1904—1908 Л. А. Толстой числился членом-соревнователем. Выдержки из его воспоминаний, напечатанные в серии «Наше наследие». М., 1991. № 5. С. 83—97, не дают прямых указаний на его вегетарианство. Однако в комментариях упоминается сотрудничество Л. А. Толстого с отцом при написании очерка «Первая ступень» (ср. также *ПСС* 29: 386) и говорится о том, что Маша, Лева и Таня отцу были ближе всех.

⁴ *ПСС*. Т. 52—56.

⁵ С. А. Толстая. 1978. Т. 1 (1862—1900). С. 225.

⁶ Там же. С. 160.

⁷ Там же. С. 192.

⁸ Там же. С. 274.

⁹ Там же. С. 359.

¹⁰ Через пятнадцать лет в публичном диспуте врачей о вегетарианстве (Саратовский университет, февраль 1913 г.) будет говориться о том, что положительная роль балластных веществ давным-давно признана.

¹¹ С. А. Толстая. 1978. Т. 1. С. 391.

¹² Там же. С. 392.

¹³ *ПСС* 72: 252—253.

¹⁴ С. А. Толстая. 1978. Т. 2 (1901—1910). С. 36.

¹⁵ Там же. С. 39.

¹⁶ С. А. Толстая. 1978. Т. 1. С. 360. Уже 7 ноября 1897 г. Софья Андреевна отмечает в своем дневнике, что и дети брата Толстого, Сергея, живут по-вегетариански: «У этих трех девушек [Вера Сергеевна Толстая, 1865—1923; Варвара Сергеевна Толстая, 1871—1923; Мария Сергеевна Толстая (впоследствии Бибикова), 1872—1954] 2 коровы, лошадь; они сами их кормят, доят и молоко едят, потому что вегетарианки» (там же, с. 315).

¹⁷ С. А. Толстая. 1978. Т. 2. С. 11.

¹⁸ С. А. Толстая. 1978. Т. 1. С. 221.

¹⁹ *ПСС* 74: 11.

²⁰ С. А. Толстая. 1978. Т. 1. С. 292.

²¹ Там же. С. 303.

²² Дневники Софьи Андреевны изобилуют записями о покупке вегетарианской провизии: 21.4.1898, 30.11.1898 и т. д.

²³ *ПСС* 84: 314.

²⁴ Иван Наживин. Моя исповедь. М.: Зеленая палочка. 1912. С. 466—467 (= Собр. соч. Т. 5). Ср. в этой связи высказывание младшей дочери Толстого Александры Львовны в 1910 г. в дни его предсмертного бегства: «Какая судьба отца! Хотел опроститься, а тут Прохоров предлагает вегетарианский стол Л. Н-чу. По-

ехал третьим классом — предлагают особый вагон» (Маковицкий. Т. 4. С. 428).

²⁵ С. А. Толстая. 1978. Т. 2. С. 30.

²⁶ ПСС 84: 349.

²⁷ ПСС 57: 57.

²⁸ О Фон Бунде ср.: Т. А. Сухотина-Толстая. Друзья и гости Ясной Поляны. М., 1922. С. 125—139; Она же. Воспоминания. М., 1976. С. 305—314. Показательна реакция шведа на предложение Тани отвезти молоко: «Моя мать давно умерла, — ответил он, мрачно посмотрев на меня. Так как я не поняла связи между моим предложением и его ответом, то я вытаращила на него глаза. — Это единственное молоко, на которое я имел право, — объяснил мне швед, — а коровье молоко принадлежит теленку» (с. 309—310). Ср. также ВО 1911: 2 4—5 и аналогичные аргументы у Паоло Трубецкого.

²⁹ ПСС 84: 146.

³⁰ Там же. С. 152.

³¹ ULRICH SCHOOP. Ein Besuch bei Tolstoy. NZZ 1895. № 231 М, 232 М.

³² Н. Н. Апостолов. Живой Толстой. Жизнь Льва Николаевича Толстого в воспоминаниях и переписке. Т. 5. Л.: Лениздат, 1995. С. 408.

³³ Маковицкий (ср. примеч. 40). Т. 2. С. 516.

³⁴ ПСС 29: 75.

³⁵ Гусев. Два года с Толстым. М., 1973. С. 51. Цит. по: Порудоминский, 1992. С. 113.

³⁶ Илья Толстой. Мои воспоминания. М., 1969. С. 72; Т. А. Кузминская. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. М., 1986. С. 472.

³⁷ С. А. Толстая. 1978. Т. 1. С. 219—221.

³⁸ ПСС 82: 152.

³⁹ Маковицкий (ср. следующее примеч.). Т. 3. С. 424.

⁴⁰ Д. П. Маковицкий. У Толстого 1904—1910. Яснополянские записки. Т. 1—4. М., 1979 (= Литературное наследство. Т. 90. Ч. 1—4). Все цитаты в тексте приводятся по этому изданию; первая цифра обозначает том, вторая — страницу.

⁴¹ Ср. Маковицкий. Т. 1. С. 11—31.

⁴² Ср. запись от 23 января 1902: «Так вот предписания докторов: (...) 4. Кушать три раза в день, причем не употреблять вовсе гороха, чечевицы, *капусты цветной*. Пить молоко с кофе, не менее четырех стаканов в день (1/4 стакана кофе, 3/4 стакана молока). Молоко, если пить отдельно, то с солью (1/4 чайной ложки на

стакан). (...) Бертенсон. Еда Льва Николаевича должна быть: 4 стакана молока с кофе.

Каши: гречневая, рисовая, овсяная, смоленская, размазня гречневая и каша с молоком манна.

Яйца: глазунья, сбитые яйца, заливные яйца, яичница со спаржей.

Овощи: морковь, репа, сельдерей, брюссель, картофель печеный, картофельное пюре, жареный картофель лапшой, кислая, мелко изрубленная капуста (?) [sic! — Л. Б.], салат, предварительно ошпаренный кипятком.

Питье: портер, вода с вином, молоко с солью.

Фрукты: печеные протертые яблоки, вареные плоды, сырые, мелко изрубленные яблоки, апельсины только сосать.

Желе и кремы всякие хороши. Дутые пироги» (С. А. Толстая. 1978. Т. 2. С. 42—43).

⁴³ С. А. Толстая. 1978. Т. 1. С. 348.

⁴⁴ Маковицкий. Т. 2. С. 418.

⁴⁵ И. Л. Толстой. Мои воспоминания. М., 1969. С. 171—172.

⁴⁶ Церковное освящение мяса критикуется также в повести «Лист» («Письмо») украинского писателя М. М. Коцюбинского, написанной в 1911 году. Ср. ниже в повести Лескова «Фигура» упоминание молитвы в требнике «на освящение мясов», а также *ВО* 1910: 5 32—33, где перепечатано сообщение Булгакова о торжественном молебствии для мясной выставки в Москве в апреле 1910 г.

⁴⁷ Здесь следует упомянуть о запрете на зеленую фасоль (зеленые бобы) у Пифагора, который, правда, объясняется, может быть, и тем, что ее цветки, покрытые черными пятнами, в древности считались символом смерти. О запрете на фасоль ср. также в: HAUSLEITER. 1935. С. 85—86 и др.

⁴⁸ А. НАIG. Diet and Food, considered in relation to strength and power, впервые в 1898 г., 4-е издание: Лондон, 1902 г. Александр Хэйг был одним из первых врачей, кто в лечение природными факторами включил питание. Как уже до него Теодор Хан, а после него М. Бирхер-Беннер и Х. Ламанн, Хэйг вступился за вегетарианский режим питания.

⁴⁹ Несмотря на отказ от форсированного развития мышц, Толстой, как известно, любил экскурсии на велосипеде, чтобы быть в форме. Он выучился езде на велосипеде в возрасте 60-ти лет и, кроме того, часто купался в холодной воде. Для гимнастических упражнений он приобрел гири: «Он мне показал две семифунтовые гири, которыми хочет делать гимнастику и ко-

торые купил сегодня <...> Упражнения гириями тоже начались» (С. А. Толстая, 1978. Т. 1. С. 345).

⁵⁰ Рока Токутоми (1868—1927) происходил из знатной самурайской семьи; позже стал христианином; христианство, романтизм и любовь к природе пронизывают все его сочинения. Его книга «Nature and Man», первоначально вышедшая в 1900 г. на японском языке, вышла на английском языке в 1913 г.

⁵¹ Ср.: MICHAEL KINSKI. Braten fürs Vaterland. Wie die Japaner Fleischessen lernten (Как японцы выучились есть мясо) // NZZ, 21/22 апреля 2001 г. S. 61. Потребление мяса в Японии началось с открытием Японии Западом после 1868 года и с началом «просвещения» через внедрение технической и духовной культуры Европы и Северной Америки. До этого потребление мяса было крайне незначительным — из-за буддизма, а также потому, что при высокой плотности населения все сельскохозяйственное производство было направлено непосредственно на нужды питания человека. Быстрое распространение потребления мяса в таких странах, как Япония и Индия, отмечал уже Ф. Ясковский. К вегетарианцам он причислил также «jenen Sohn Asiens, der daheim wie draussen an der guten alten Sitte seines Volkes festhält, wenn auch Europas übertünchte selbstherrliche Moden sich ihm aufdrängen» (JASKOWSKI 1912. S. 62). Любопытно, что современные авиакомпании считают с этим «сыном Азии» и предлагают клиентам блюда «веги-азиатские».

⁵² Л. Д. Николаева (род. 1875) была одним из организаторов «Московского вегетарианского общества», основанного в 1909 году. Ее сын, профессор Юрий Сергеевич Николаев (1905—1998), принимал активное участие в основании нового Московского вегетарианского общества в 1989 году.

⁵³ Ср. илл. в ВО 1909: 6, 5.

⁵⁴ С. А. Толстая. 1978. Т. 1. С. 145.

⁵⁵ Там же. С. 124.

⁵⁶ Там же. С. 396.

⁵⁷ Там же. С. 400.

⁵⁸ Там же. С. 392.

⁵⁹ Т. А. Сухотина-Толстая. Воспоминания. М., 1976. С. 425. Очевидно, Софья Андреевна временами жила по-вегетариански. Около 1908 года она заявила Ф. Р. Герману, «что <...> ради единства стола стала вот уже третий год придерживаться того же [вегетарианского] режима, но не придает ему никакого значения» (ВО 1910: 9—10 16).

7. Охота, любовь к животным и вегетарианский образ жизни

¹ Ср. D. GIENL: «quite apparent that Tolstoy had adopted the vegetarian diet out of his compassion for animals». Цит. по LeBlanc, 1997, p. 95.

² ПСС 21: 281—287, 662—663.

³ Толстой Илья Львович, 1969. С. 103.

⁴ ПСС 83: 446.

⁵ ПСС 27: 290.

⁶ ПСС 47: 151.

⁷ Естественная жизнь и вегетарианство. 1913. С. 6; ср. также у Маковицкого. Т. 1. С. 151. О Чехове см.: Щукин С. Н. Из воспоминаний о Чехове. Цит. по: ВО 1911: 8 37—38.

⁸ Маковицкий. Т. 4. С. 80.

⁹ Маковицкий. Т. 1. С. 289.

¹⁰ Т. А. Сухотина-Толстая. Воспоминания. М., 1976. С. 438.

¹¹ Маковицкий. Т. 4. С. 114.

¹² Маковицкий. Т. 2. С. 163.

¹³ Маковицкий. Т. 1. С. 384—385.

¹⁴ Гусев. 1960. С. 636, а также ПСС 37: 5.

¹⁵ Маковицкий. Т. 4. С. 235.

¹⁶ Маковицкий. Т. 2. С. 536; ПСС 42: 74—75; Л. Н. Толстой. Безубойное питание, или вегетарианство. Мысли разных писателей. М.: Посредник, № 753 [6. г.]. С. 10—11.

¹⁷ Маковицкий. Т. 3. С. 100.

¹⁸ Маковицкий. Т. 3. С. 412.

¹⁹ Естественная жизнь и вегетарианство. 1913. С. 10—11.

²⁰ ПСС 80: 175—176.

8. «Алкоголь и табак»

¹ E. M. DE VOGÜÉ. Le Roman Russe. Paris, 1886; 19. Aufl. 1924.

² К этому мнению, противоречащему общему опыту, находим множество предварительных размышлений, датированных весной 1890 г. Толстой высказывает здесь мнение главным образом относительно наркотических средств. Потреблять алкоголь, курить — значит закрывать глаза. К пьянству относится также и одурманивание «себя» газетами (К пьянству. Одурманивание газетам). 12 мая 1890 г. (ПСС 51: 137).

³ Маковицкий. Т. 1. С. 174—176.

⁴ Бирюков. Т. 3. С. 62—63.

⁵ ПСС 64: 155.

⁶ ПСС 64: 171.

⁷ Цит по: Н. Н. Апостолов. Живой Толстой. Жизнь Льва Николаевича Толстого в воспоминаниях и переписке. СПб., 1995. С. 392.

⁸ ПСС 50: 8.

⁹ ПСС 50: 8 и далее.

¹⁰ ПСС 50: 64.

¹¹ ПСС 52: 116.

¹² Апостолов. Там же. С. 536—537.

¹³ Маковицкий. Т. 2. С. 151.

¹⁴ Апостолов. Там же. С. 576.

¹⁵ ПСС 47: 210.

¹⁶ ПСС 47: 137.

¹⁷ ПСС 90: 132, 402. Текст обязательства частично цитируется также в информативной книге И. Р. Такала: Веселие Руси. История алкогольной проблемы в России. СПб., 2002. Ср. с. 154—155.

¹⁸ Ср.: В. Д. Бонч-Бруевич. Итоги «Согласия против пьянства». Известия Толстовского Музея. 1911. № 3—5. Здесь также приводится список членов.

¹⁹ ПСС 64: 145.

²⁰ ПСС 64: 169.

²¹ ПСС 64: 168.

²² ПСС 64: 237. GUSTAV BUNGE. Борьба с пьянством. М., 1890. Ни строчки об этих устремлениях не упоминается в книге В. В. Похлёбкина. Чай и водка в истории России. Красноярск, 1995.

²³ С. А. Толстая, 1978. Т. 1. С. 405.

²⁴ А. В. Жиркевич. Встречи с Толстым // ЛН 37—38. М., 1939. С. 421—439, здесь: с. 432.

²⁵ Н. Н. Гусев. Два года с Л. Н. Толстым. М., 1973. С. 224—225.

²⁶ Маковицкий. Т. 4. С. 11.

²⁷ Маковицкий. Т. 4. С. 214. О данном признании Масарика относительно вегетарианства сообщает I. SILBERSTEIN. L. N. Tolstoj und T. G. Masaryk // Slavische Rundschau. Prag, 1935. S. 159. Томаш Масарик (1850—1937) уже в конце 1870-х гг. в Вене состоял в клубе «Пифагорейцев», местом встречи которых был вегетарианский ресторан на углу Вальнерштрассе и Фаненштрассе (любезное сообщение Яна Штястного, Прага, апрель 2004).

²⁸ Маковицкий. Т. 4. С. 215.

9. Духоборцы

¹ Из этих 4 000 сосланных к концу 1896 г. умерло около 400 человек. Ср. Бирюков. 1921. Т. 3. С. 480.

² Бирюков П. Духоборцы: Сборник статей, воспоминаний, писем и других документов. Цит. по: *ВО* 1909: 7 23—24.

³ *ПСС* 70: 148—154.

⁴ С учением духоборцев знакомят «Материалы по истории и изучению русского сектантства и раскола» (Под ред. В. Д. Бонч-Бруевича). Во втором томе материалов (СПб., 1909) приводится «Животная книга» — устные предания духоборцев, записанные Бонч-Бруевичем (ср. о нем с. 363—364). Об отношении Толстого к духоборцам см. Бирюков, 1921. Т. 3. С. 428—433, 479—481, 526—533, 548—551.

⁵ Бонч-Бруевич, сопровождавший духоборцев в Канаду, в письме к Толстому от 24 декабря 1899 г. рисует довольно мрачную картину: буржуазные отношения, царящие в Канаде, якобы привели к быстрому разложению морали духоборцев. «Молодежь, а многие и старики перестали сдерживать себя, большинство ест мясо на работах, рыбу едят почти все, стали пить, курить (...)» (Толстой. *ПСС* 72: 237).

⁶ BARKAS. 1975. P. 161—162.

⁷ Цит. по: И. ПЕРПЕР. О животных продуктах и о сыром вегетарианстве // *ВО* 1910: 1 1—5, здесь 3—4.

⁸ *ПСС* 74: 37—38.

⁹ *ПСС* 75: 5, 56—57; ср. подобно также от 28.5.1905 г., *ПСС* 75: 245.

¹⁰ *ВО* 1910: 5 37—38. Дальнейшее переселение духоборцев в Британскую Колумбию было неизбежным после того, как канадское правительство в провинциях Саскачеван и Альберта потребовало от них признания частной собственности, т. е. раздела земли. В Британской Колумбии усилиями духоборцев «дикие леса превращаются в райские сады», создаются фабрики варенья, которые скупают фрукты у окрестных фермеров. Правление П. Веригина было полутеократическим. Члены «Общины» должны были работать в очень трудных условиях; к врачебной помощи можно было прибегать лишь при переломах, вывихах и т. п. Школы были закрыты под тем предлогом, что «земледелцам науки не нужны». Правительством Британской Колумбии была назначена комиссия для расследования жалоб и выяснения их причин. Отчет комиссии (1912 г., 183 с.) имел следствием компромисс: ценность духоборцев как поселенцев была признана (к этому времени их насчитывалось около 7 000 чел.), однако одновременно им было выставлено требование всестороннего зна-

комства с законами страны. Были основаны духовоборческие школы, для которых выработали специальные программы с более кратким курсом, включавшим и преподавание русского языка. Выходить из коммуны разрешалось, что, как уже упоминалось выше, и сделали 1 000 поселенцев. Наиболее спорным вопросом оставалась привилегия, на которой особенно последовательно настаивали духовоборцы, — право на принципиальный отказ от воинской повинности. Ср. очень информативную статью М. Николаевой в *ВО* 1913: 4—5, 177—181.

¹¹ В. Поздняков. Правда о духовоборцах // АЛЕКСАНДР ВВЕДЕНСКИЙ. Сектанты о сектантах. СПб., 1915. С. 102—157, здесь: с. 127—132.

¹² В. Путинцев. Духоборье. М., 1928. С. 3.

¹³ Там же. С. 47—48.

10. Вегетарианство Толстого и советская власть

¹ Маковицкий. Т. 1. С. 46 и примеч. 53.

² В. И. Ленин. Соч.: В 36 т. Т. 15. М., 1947. С. 180.

³ Ср.: Редакционная работа над подготовлением издания первого полного собрания сочинений Л. Н. Толстого под редакцией В. Г. Черткова // К столетию Л. Н. Толстого: Сборник комиссии по ознаменованию столетия со дня рождения Толстого. М., 1926. С. 5. Этот текст 1926 года доказывает, что в начале работы над 90-томным изданием, кроме известных литературоведов — таких, как Н. К. Пиксанов, М. А. Цявловский, П. Н. Сакулин и Б. М. Эйхенбаум, в редколлегию входили чуть ли не все известные «толстовцы», а именно: П. И. Бирюков, И. И. Горбунов-Посадов, К. С. Шохор-Троцкий и Н. Н. Гусев.

⁴ И. Горбунов-Посадов. «Свод мыслей Л.Н. Толстого» // К столетию Л. Н. Толстого: Сборник комиссии по ознаменованию столетия со дня рождения Л. Толстого. М., [1927]. С. 24—25. 1926 г. Московское вегетарианское общество поздравило Романа Роллана, близкого «с юношеских лет с Л. Н. Толстым», автора книги «*Vie de Tolstoï*», с 60-летием. Роллан ответил письмом из Вильнева (20-го февр. 1926). Ср.: К столетию Л. Н. Толстого. М., 1926. С. 4.

⁵ Сорок лет служения людям. М., 1925. С. 37.

⁶ Гигиена питания. Год 2. № 4, июль—август 1928. С. 1—2.

⁷ Там же. С. 2—3.

⁸ Там же. С. 3.

⁹ БСЭ. 2-е изд. Т. 42. М., 1956. С. 579—587.

¹⁰ Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1965. № 4. С. 190—192, здесь: с. 190.

¹¹ Московский университет, 7 окт. 1983 г., 4 с. Заглавие взято из «Практических правил» Толстого; ср. *ПСС* 46: 292: «Быть воздержным в питье и пище».

¹² А. С. КОВАЛЕНКО. «Опубликовать... Л. Н. Толстого!» // Книжное обозрение. № 50. 16 декабря 1988 г. С. 4.

¹³ Л. Н. Толстой. Первая ступень // Г. Бенджамин. Популярный справочник естественного лечения / И. Л. Медкова, Т. Н. Павлова. Вегетарианство — здоровье физическое и душевное. М.: Педагогика-Пресс, 1994. С. 125—147. (тираж 75 000); кроме того: Вегетарианские товары. 9—10 (Май-июнь 1998) — по изданию СПб., ВО 1905 г., а также отдельным изданием в 1998 г., 24 с.

VI. ВЕГЕТАРИАНСКИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ: ПРИВЕРЖЕНЦЫ И КРИТИКИ

1. Московский Сократ: Н. Ф. Федоров

¹ Ср. основополагающую работу MICHAEL HAGEMEISTER. Nikolaj Fedorov. Studien zu Leben, Werk und Wirkung. München, 1989. V, 550 S.; а также: СВЕЛАНА СЕМЕНОВА. Николай Федоров: Творчество жизни. М., 1990. 384 с. (в частности гл. «Московский Сократ», с. 72—111).

² Там же. С. 40.

³ GEORGE M. YOUNG, JR. Nikolaj Fedorov: An Introduction. Belmont Mass., 1979. P. 35.

⁴ Е. И. РАЕВСКАЯ. Ср. Летописи Государственного литературного музея. Кн. 2 [Л. Н. Толстой]. М., 1938. С. 383; замечание Толстого от 28 окт. 1891 г.

⁵ ЛАЗУРСКИЙ В. Ф. Дневник В. Ф. Лазурского // Литературное наследство 37/38. М., 1939. С. 465—466.

⁶ ФЕДОРОВ Н. Ф. Философия общего дела. Верный, 1906, перепечатано: Gregg International Publishers, 1970. Т. 1. С. 437.

⁷ СВЕЛАНА СЕМЕНОВА. Указ. соч. С. 75—76; YOUNG. Указ. соч. P. 74—75.

⁸ СОЛОВЬЕВ В. С. Письма. Т. 1—4. СПб./Пг., 1908—1923, фототип. изд. Брюссель, 1970. Т. 2. С. 346—347.

2. Христианская этика: В. С. Соловьев

¹ МАКОВИЦКИЙ, 1979. Т. 1. С. 176.

² WLADIMIR SOLOWJEW. Reden über Dostojewskij. Hrsg. LUDOLF MÜLLER. München, 1992. S. 120.

³ ВВ 1904: 4 15—24 и 1904: 5 17—24; здесь: № 5 21.

⁴ В. С. СОЛОВЬЕВ. Собрание сочинений. СПб.; Брюссель, 1966. Т. 3. С. 345—346.

⁵ В яснополянской библиотеке хранится внимательно изученная Толстым книга «Религиозные основы жизни» (М., 1885). Кто-то особо пометил на обороте переплета: «Почитайте, Лев Николаевич, и “о посте”... И еще: “О посте стр. 61—62”. Эти страницы при чтении сплошь отчеркнуты на полях синим карандашом». Ср.: Библиотека Л. Н. Толстого в Ясной Поляне: М—Я. М., 1975. С. 252; ср. также: Порудоминский, 1992. С. 110.

⁶ В. С. Соловьев. Цит. соч. Т. 3. С. 347—348.

⁷ Там же. С. 348—349.

⁸ В. С. Соловьев. Собрание сочинений. СПб.; Брюссель, 1966. Т. 8. С. 74.

⁹ Там же. С. 76. Здесь у Соловьева есть сноска (№ 30): «Существует еще другой мотив для воздержания от мясной и вообще животной пищи — мотив также нравственного, но не аскетического, а альтруистического характера, — именно распространение на животных заповеди милосердия или жалости. Этот момент преобладает в буддийской этике, тогда как аскетический принят в церковно-христианской».

¹⁰ Там же. С. 76—77. Здесь опять сноска (№ 31): «По библейскому учению пища нормального (райского) человека состояла из одних только плодов и трав в натуральном виде. Это и теперь составляет правило строжайшего монашеского поста как на Востоке, так и на Западе (трапписты). Между этим крайним пределом и легким католическим постом для мирян существует множество степеней, которые имеют свое естественное основание (например, различие между теплокровными и холоднокровными животными, вследствие чего рыба считается одним из видов постной пищи), но не представляют принципиального и общеобязательного значения».

¹¹ Там же. С. 77.

¹² Там же. С. 77—78.

¹³ Там же. С. 78.

¹⁴ Новый мир. 1989. № 1. С. 204—208. Ср. также: WŁADIMIR SOŁOWJOW (выше, примеч. 2). С. 71—72, 120. Положительное отношение к вегетарианству не мешало Соловьеву в сочинении «Три разговора» (1900), сатирически утрируя и прямо намекая на «Первую ступень», отрицать те обоснования, которые Толстой дал для отказа от потребления мяса. Представителем воззрений Толстого в этом сочинении является Князь. Его толстовское толкование христианства критикуется Дамой в третьем из разговоров. Она недоумевает: «Первая ступень, не есть мяса; но почему это первая ступень, никому неизвестно; потом против спиртных

напитков и табака, потом против блинчиков». О последних, конечно, ничего не сказано у Толстого.

3. «Писатели-сердобольники»

3.1. Заступник животных: Д. В. Григорович

¹ ВО 1910: 6—8 25—31.

² Там же. С. 27—28.

³ Там же. С. 29.

⁴ ВО 1910: 2 34.

⁵ Там же.

3.2. Мужество убеждения: Н. С. Лесков

¹ Еще до знакомства с Толстым Лесков уже был знаком с В. Г. Чертковым.

² Новое время. СПб. № 4800 (1889). С. 2.

³ Цит. соч. № 5862 (1892). С. 2.

⁴ Новое время. СПб. № 6050 (1-го января 1893); ср. А. П. Чехов. ПСС. Письма. Т. 5. С. 447.

⁵ Новое время. № 5911 (13-го августа 1892 г.). С. 3.

⁶ Там же. 3-го декабря 1892 г. (№ 6023).

⁷ Лесков, 1956—1958. Т. 11. С. 516.

⁸ Цит. по книге: А. Н. Лесков. Жизнь Николая Лескова. М., 1954. С. 614.

⁹ Лесков, 1956—1958. Т. 11. С. 517. Лев Бернардович Бертенсон (1850—1929), врач в Санкт-Петербурге.

¹⁰ Эти письма не вошли в 11-томное издание соч. Лескова. Выдержки содержатся в ВО 1910: 5 5—6.

¹¹ И у Толстого есть критические замечания в адрес Моэс-Ос-крагелло.

¹² А. Н. Лесков. Жизнь Николая Лескова. М., 1954. С. 613—619.

¹³ Там же. С. 615.

¹⁴ Лесков, 1956—1958. Т. 8. С. 134.

¹⁵ Так Ю. О. Якубовский, ВО 1910: 5 6.

¹⁶ Лесков, 1956—1958. Т. 8. С. 464—465. Сперва в журнале «Труд» (1889. Т. 3. № 13. 1.7) с подзаголовком «Из воспоминаний о праведных».

¹⁸ McLEAN. P. 546—549.

¹⁹ Лесков, 1956—1958. Т. 9. С. 192—193.

²⁰ Лесков. Там же. С. 402—403.

²¹ Н. С. Лесков. Памятные встречи (Отрывки из воспоминаний). 1. Соляный столб // Неизданный Лесков. Кн. 1. М., 1997

(= ЛН. Т. 101, 1). С. 522—536, ср. особенно с. 523—524 и «Введение», с. 394.

²² Имеется в виду дом В. Г. Черткова, Санкт-Петербург, Миллионная, 32.

3.3. Переводчица-вегетарианка: А. П. Барыкова

¹ Ср.: А. Козицкий-Фидлер. А. П. Барыкова, как литератор, поэт и вегетарианка: Биографический очерк // ВВ 1905: 2 61—68; 3 117—126.

² Ср. ВО 1910: 2 19—20. О Барыковой в общем см.: Русские писатели 1800—1917. Т. 1. М., 1992. С. 167—168.

³ ПСС 87: 56.

⁴ ПСС 86: 148.

⁵ А. П. Барыкова. Стихотворения и прозаические произведения. СПб., 1897; 2-е издание дополненное, в частности выдержками из писем Барыковой к Чертковым, под заголовком «Стихотворения». М., 1910.

⁶ Ср. ВО 1909: 10 18; и далее РП 1800—1917, ср. примеч. 2.

⁷ В. Г. и А. К. Чертковы опубликовали также заметки о жизни и личности А. П. Барыковой в ВО 1909: 10 18—23.

⁸ Барыкова, 1910. С. 28.

⁹ Там же. С. 28—29; то же в ВО 1910: 2 20—21.

¹⁰ Там же. С. 30; то же в ВО 1910: 2 21.

¹¹ Ср. ВО 1910: 3—4 21.

¹² ВВ 1905: 3 123—124. Также см. в ВО 1910: 1 30—31.

¹³ ПСС 41: 511—513. Ср. также ВВ 1905: 3 123—124 и ВО 1910: 1 30—31.

¹⁴ ВО 1909: 1 23.

¹⁵ ВО 1910: 2 31.

¹⁶ ВО 1909: 3 36—37.

¹⁷ ВВ 1905: 3 120.

¹⁸ ВО 1909: 8—9 27—28.

¹⁹ ВО 1910: 3—4 47—48.

²⁰ Ср. ВО 1909: 3 31—33.

²¹ ВО 1910: 5 24—25.

²² ВО 1910: 3—4 45; также в: Барыкова, 1910. С. 225.

²³ Л. И. Никольская. Из истории переводов Шелли в России (Шелли в переводах А. П. Барыковой) // Русская литература. СПб., 1972. № 4. С. 149—161. Здесь: с. 151 и 160. О значении Шелли для вегетарианства ср. замечательное исследование: Timothy Morton, 1994.

²⁴ Ср. Shelley. Poetical Works. Ed. Dowden. London, 1907. P. 59—67.

²⁵ Никольская. Цит. соч. С. 160.

²⁶ ВВ 1905: 2 66.

²⁷ А. Ефремин, А. П. Барыкова. 1839—1893. М., 1934. С. 44.

3.4. *Кровь животных: М. П. Арцыбашев*

¹ Толстой, ПСС. 79 60—61 (1955). Впервые в ВО 1909: 3 15. Разумеется, Арцыбашев не замедлил дать свое согласие: «Охотно исполняя желание Л. Н. Толстого, предоставляю вам для печати мой рассказ “Кровь”. По весьма понятным причинам мне было бы чрезвычайно приятно получить подлинное письмо Льва Николаевича. Если Вы, лично, найдете удобным подарить мне это письмо, но затруднитесь распорядиться без ведома Л. Н., то, может быть, найдете возможным запросить его разрешения. — Примите мою благодарность за присланные номера Вашего журнала, чистой и красивой идее которого я глубоко сочувствую». ГМИР, ф. 21, оп. 1, № 146. Перпер ответил, что он не считает возможным подарить ему письмо Льва Николаевича, так как находит, что письма Л. Н. должны находиться не в частных руках, а в Толстовском музее, куда он его и отправит (Ср. ВО 1911: 8 2—3).

² ВО 1909: 4 30—39 и 1909: 5 2—3.

³ М. П. Арцыбашев. Кровь. Книгоизд. «Освобождение». Сер. Совр. русск. лит. № 45. СПб., 1903, 16° С. 5—60, а потом и в: Арцыбашев. Собрание сочинений. Т. 1: Рассказы. СПб., 1905 (Изд. С. Скимунта). С. 199—243; 3-е изд. СПб., 1908. С. 159—193; 4-е изд., 1912. С. 172—209; отдельное издание в издательстве «Посредник», 1910; так как Арцыбашев в Советском Союзе был *persona ingrata*, то этот рассказ был издан позже единожды и в Англии: М. ARTSYBASHEV. Krov'. Blood. 2nd ed. Letchworth 1977 (Russian Titles for the Specialist. № 101).

⁴ ЛУКЕР, 1985.

⁵ Толстой, ПСС. 57 20 (1952). Толстой ставил Арцыбашева выше Л. Андреева и Горького — у него «работает, и самобытно — мысль»; вместе с тем, Толстым осуждалась «литературная небрежность, в особенности в описаниях природы».

⁶ Анализ Н. Лукера — превосходный. Только указание на якобы «поверхностное» образование действующих в рассказе дворян не убедительно; если имена двух собак — Маркс и Аякс — не подходят друг к другу, то в этом нельзя видеть знак необразованности. Ведь собаки принадлежат разным владельцам... (р. 104, note 19).

⁷ «Кровь» приводится по ВО 1909.

⁸ ЛУКЕР, 1985. Р. 90—91.

⁹ Ср. А. Б. (А. Е. Богданович). «Рассказы» г. Арцыбашева // Мир Божий. № 9. 1905. С. 1—12. Под этим заголовком якобы был предложен более ранний вариант этому журналу еще весной 1902 г.

¹⁰ И. П. Баранов. М. Арцыбашев как художник-психолог и импрессионист и как певец смерти старого и жизни нового человека. Киев, 1908. С. 9.

¹¹ Ср.: С. А. Венгеров в *НЭС*. Т. 1. Стлб. 940.

¹² М. П. Арцыбашев. Наш третий клад. М.: Школа-Пресс, 1996.

¹³ Арцыбашев. Собрание сочинений: В 3 т. М.: Терра, 1994.

3.5. «Письмо» (взгляд на Украину): М. Коцюбинский

¹ Коцюбинський. Лист // Твори в 7 т. Т. 3. Київ, 1974. С. 228—238; также в издании: Твори в 6 т. Т. 3. Київ, 1961. С. 192—202.

² *ВО* 1914: 4 156.

³ Появились в печати только рассказ Арцыбашева «Кровавое пятно» в 1926 г., и в 1928 г. вышел том с некоторыми рассказами.

⁴ Так как Коцюбинский указывает дату последовательно по григорианскому и юлианскому летоисчислению, то я поступаю здесь таким же образом.

⁵ Коцюбинський. Твори. Т. 7. С. 153.

⁶ Там же. С. 163. О завтраке также 12.1 / 25.1. 1912: «Встаю по 9-й, п'ю каву (з докт(орським) хлібом, маслом і фруктами) в сусідній з моєю кімнаті — столовой». Там же, с. 185. Восхищение фруктами видно и в том, что Коцюбинский раз посылает две коробки с фидами, а в другой раз посылку в фруктами, причем царские власти, к его возмущению, взяли за них высокую пошлину. — Константинополь ему во время проезда 19 мая 1910 г. показался уже как «справжній Схід»: «сніпі доми з гаремами, кав'яні, олики, дервіші, фрукти, зелень і чад смаженого м'яса». (Там же. С. 17).

⁷ Там же. С. 170.

⁸ Чернігівський Державний Літературно-меморіальний музей Коцюбинського (ЧДЛММ). Архив Инв. № 478.

⁹ Коцюбинський. Т. 7. С. 176.

¹⁰ Там же. С. 179.

¹¹ Там же. С. 181.

¹² ЧДЛММ. Архив Инв. № 483.

¹³ Коцюбинський. Т. 7. С. 186—187.

¹⁴ Там же. С. 192.

¹⁵ Коцюбинський. Т. 3. Київ 1974. С. 356—359; также в издании: Твори в 6 т. Т. 3. Київ, 1961. С. 412—415.

¹⁶ Там же. С. 413.

¹⁷ Там же. С. 414.

¹⁸ ЧДЛММ. Архив Инв. № 492.

¹⁹ ЧДЛММ. Архив Инв. № 548.

²⁰ ЧДЛММ. Архив Инв. № 514.

²¹ Коцюбинський. Письмо // *ВО* 1912: 7 263—269.

3.6. Гуманист: Шолом-Алейхем

¹ В состав сотрудников *ВО* Шолом-Алейхем входил с 1910 (№ 2; ср. с. 40) по сентябрь 1912 г. (ср. *ВО* 1912: 7).

² ГМИР, ф. 21, оп. 1, № 232. Отдельные выдержки напечатаны в *ВО* 1910: 5 36—37.

³ Около 1880 г. правительственная комиссия под председательством министра юстиции К. И. Палена констатировала, что 90 % еврейского населения в России являлись беднейшей массой. Ср. V. GUTERMANN, *Geschichte Russlands*. Frankfurt a. M., 1952. Bd. 3. S. 291—292.

⁴ Наряду с Толстым можно назвать и В. Соловьева в ряду значительных русских мыслителей, критиковавших подавление евреев. Одним из «обязательств России» он рассматривал признание евреям полных гражданских прав. Ср.: *Solowjews Leben in Briefen und Gedichten*. Hrsg. L. MÜLLER und I. WILLE. München, 1977. S. 86 (письмо Соловьева к Файвелю Бенциловичу Гецу, 8 августа 1887 г.).

Решительным заступником евреев выступил и писатель Леонид Андреев, в 1915 г. опубликовавший в Москве брошюру под названием «Первая ступень (о еврейском вопросе)». В ней он пишет о том, что русские останутся варварами, пока не решат еврейский вопрос, т. е., не отменят линии оседлости и других ограничений для евреев. Название этой брошюры, несомненно, навеяно воспоминанием о заглавии статьи Толстого о вегетарианстве 1892 года.

⁵ *ВО* 1911: 1 24—26.

4. Художники

4.1. «Воинственный» вегетарианец: Паоло Трубецкой

¹ Разговор этот вскоре был переведен на русский: *ВО* 1909: 8—9 16—18.

² Ср. главу «Due fratelli vegetariani» в книге: Paolo Troubetzkoy scultore. Verbania, 1866—1938. Intra, 1988. P. 68. Луиджи Трубецкой

бецкой сообщает: «В 1900 г. мы с братом встретились в Париже, где Паоло принял участие в салоне мировой выставки и получил Grand prix. Во время нашего разговора в гостинице он мне сказал, что из большого мясоеда, каким был всегда, он вдруг сделался вегетарианцем. Благодаря странному совпадению я сам в том же году перестал есть мясо, потому что с некоторых пор стало противно.

Паоло мне рассказывал, как он пришел к этому решению. За год до этого он, как это он делал каждый год, приехал на Лаго Маджоре с тем, чтобы там провести лето. В какой-нибудь день он ехал на дороге с Intra в Cargiano, чтобы навестить семейство Minetti, о которой в своих воспоминаниях я уже упоминал, что мы с ними были очень дружны; ему навстречу — телега, запряженная волом; на телеге лежал теленок, свесив голову вниз и закатив глаза от испуга и боли. Телега остановилась перед примитивной мясной лавкой на краю дороги. Паоло продолжал свой путь в Cargiano. По возвращению он в мясной лавке видел вола, уже заколотого, окруженного мужчинами с руками, обагренными кровью, которые принялись освежевать его. Перед лавкой теленок, привязанный к кольцу в стене, сильно дрожа ожидал своей печальной судьбы. Эта сцена потрясла добрую и простую душу Паоло так сильно, что он дал себе обещание впредь не есть мяса» (из итальянского — П. Б.).

³ Paolo Troubetzkoy scultore. P. 13—14. Ср. также рецензию в Tessiner Zeitung. 9.12.1988. P. 10.

⁴ S. P. ДОМОГАСКАЯ. L'arte di Paolo Troubetzkoy in Russia // Paolo Troubetzkoy 1866—1938. Pallanza, 1990. P. 55—67, здесь: 60 (из итальянского — П. Б.).

⁵ GUILIANO DE POLI. Il periodo «scapigliato» del principe Troubetzkoy. Цит. из: Troubetzkoyana // Verbanus. Rassegna per la cultura, l'arte, la storia del lago. № 9. Intra, 1988. P. 57—74, здесь: p. 58 (из итальянского — П. Б.). «Богемский» период Трубецкого кончился, когда он в 1898 г. покинул Милан и уехал в Москву.

⁶ В. Ф. БУЛАКОВ. О Толстом: Воспоминания и рассказы. Тула, 1978. С. 368—376, здесь: с. 376.

⁷ Текст в «Corriere de la Sera» от 29.10.1904 гласит: «Князь Паоло Трубецкой, очень оригинальный художник (...), есть весьма странный человек. Среди его работ есть два эскиза: По законам природы (secondo le leggi di natura) показывает кладбище: у ног креста гиену, вырывающую падаль; другой, против законов природы (contro le leggi di natura) показывает человека, сидящего за накрытым столом с вилок в руках; на блюде видно целый поросенок (...): это творения причудливой иронии, выражающие

скульптурой утверждение вегетарианства». Ср.: Paolo Trubetzkoj scultore. P. 182 (из итальянского. — П. Б.).

⁸ Paolo Trubetzkoj scultore. P. 182 (из итальянского. — П. Б.). На р. 180—181 и 183 изображены два «пожирающих трупы (падаль)». Новейшая русская художественная критика причисляет это сочинение к его менее значительным, что, должно быть, Трубецкому было бы безразлично: «... это не значит, что его работы не могли различаться по степени совершенства. Так они, должно быть, не могли считаться удачными, если он их посредством хотел выразить свои идеи, как например, идею вегетарианства в композиции *Il divoratore di cadaveri* [sic! — П. Б.]» Ср.: S. P. Домогаскаја. Цит. соч. P. 66 (из итальянского. — П. Б.).

⁹ Luigi Lupano в журнале *Meridiano* 12. *Il mondo visto da Roma*, agosto 1954. Цит. из: Troubetzkoyana. Intra, 1988. P. 39. (из итальянского. — П. Б.).

¹⁰ Толстая, Софья Андреевна. Дневники в 2 т. Т. 1 (1862—1900). М., 1978. С. 375.

¹¹ Толстой. ПСС 88: 166.

¹² В. Ф. Булгаков. О Толстом. С. 372.

¹³ JASKOWSKI, 1912. S. 253.

¹⁴ «La fama e il successo raggiunti da Troubetzkoy come animalista fanno tutt'uno con la notorietà conquistata all'artista dalla sua rigorosa scelta vegetariana e dall' amorevole protezione riservata agli animali. Cani, cervi, cavalli, lupi, elefanti figurano tra i soggetti prediletti dello scultore...». Piergiovanni Castagnoli в книге: Paolo Trubetzkoj scultore. P. 162.

¹⁵ Ср.: Troubetzkoyana. Intra, 1988 (ср. выше примеч. 5). P. 21—30.

¹⁶ Нордман. Интимные страницы. С. 165—179.

¹⁷ Л. Б. Яворская-Барятинский в 1901 г. основала «Новый драматический театр». Здесь в 1902 г. была поставлена «Власть тьмы» Толстого.

¹⁸ Лидия Яворская в самом деле, согласно сообщению журнала «*Vegetarian Messenger*» с 1915 года, во время своего пребывания в Дорсете жила по-вегетариански; ср. *ВВ* 1915: 7 13.

¹⁹ Ср. Чуковский, 1962. С. 583.

²⁰ Нордман. Интимные станицы. С. 176.

²¹ Там же. С. 177—178.

²² В. В. Розанов. Паоло Трубецкой и его памятник Александру III (1909). Перепечатано в книге: Розанов. Среди художников. М., 1994. С. 320—326.

²³ Дональд С. Карлейл. В поисках пропавшего «медного всадника» // Обозрение. № 9. Париж, 1984. С. 23—30. Ср. также

И. ШАПОВНИКОВА: Il monumento ad Alessandro III // Paolo Troubetzkoy 1866—1938. Pallanza, 1990. P. 69—73.

²⁴ МАКОВИЦКИЙ. Т. 4. С. 281.

4.2. Толстовец «avant-la-lettre»: Н. Н. Ге

¹ Geschichte der russischen Kunst. Dresden: VEB-Verlag der Kunst, 1975. S. 279—280. О Н. Н. Ге ср. также *НЭС*. Т. 12. Стлб. 788—791.

² Общую оценку личности и творчества Н. Н. Ге можно найти в книге: В. И. Порудоминский. Николай Ге. М., 2000. 378 с.

³ СТАСОВ, 1904. С. 295.

⁴ ТОЛСТОЙ. *ПСС* 52: 157 («дедушкой» в семье Толстых называли Н. Н. Ге).

⁵ Н. Н. Ге и его жена послужили прототипами для рассказа Н. С. Лескова «Соляный столб», написанного, вероятно, в 1891 г. и оставшегося неоконченным. Этот фрагмент увидел свет только в 1997 г.; ср.: Неизданный Лесков. Кн. 1. М., 1997 [= *ЛН*. Т. 101, 1]. С. 394, 522—536, особенно с. 523—524. См. также главу о Лескове.

⁶ Письма Толстого и к Толстому. М., 1928. С. 48.

⁷ СТАСОВ, 1904. С. 294.

⁸ *ВО* 1913: 6 241.

⁹ *ВО* 1910: 6—8 36—37.

4.3. Эзотерика и питание: Н. К. Рерих

¹ Патриот. 1966. № 26. С. 15.

² Ср. JACQUELINE DESTER. Nicholas Roerich. The Life and Art of a Russian Master. Rochester, Vermont, 1989.

³ Н. РЕРИХ. Моя жизнь // Наш современник. М., 1967. № 7. С. 102—114, здесь: с. 112.

⁴ Цит. по изданию: Briefe von Helena Roerich. 1935—1939. Bd. 2. Linz, 1977. S. 539. Этот текст впервые был опубликован в Риге.

⁵ Там же. S. 236.

⁶ Там же. S. 540.

⁷ Письменное сообщение Николая Каланова, 23 окт. 2001 г.; см. также Интернет.

⁸ Briefe von Helena Roerich. 1935—1939. Bd. 2. Linz, 1977. S. 169.

⁹ N. K. ROERICH. Die Blumen Moryas. Hrsg. Roerich-Gesellschaft Estland. Berlin: Slovo, 1921, перепечатано: Pfronten, 1994. S. 85. Перевод. — П. Б.

4.4. «Гигиеническое» вегетарианство: И. Е. Репин

¹ Толстой. *ПСС* 66: 21.

² «Сено» — Репин имеет в виду сено лугов с целебными травами; ср. главу III, с. 48—49 «Экскурс о терминологии» и главу VI.5 о Н. Б. Нордман, с. 214.

³ Heinrich Lahmann (1860—1905) — врач-натуропат; L. Pascual. *Conseils sur l'alimentation. Notions sur le végétarisme*; тот же: *Les aliments essentiels*.

⁴ Письмо к И. И. Перперу, очевидно, 1910 г., ср. *ВО* 1910: 6—8 18—19.

⁵ Н. Н. Гусев. *Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого. 1828—1890. М., 1958. С. 603—604.*

⁶ Там же. С. 675.

⁷ Там же. С. 676—677.

⁸ Там же. С. 678.

⁹ Там же. С. 688.

¹⁰ *ПСС* 66: 18.

¹¹ *ПСС* 66: 44.

¹² Репин. Письма. И. Е. Репин и Л. Н. Толстой. Т. 1. Переписка с Л. Н. Толстым и его семьей. М.; Л., 1949. 147 с., здесь с. 34.

¹³ Там же. С. 35. Это место с отказом от вегетарианства напечатано также в издании: И. Репин. *Избранные письма в двух томах 1867—1930. Т. 1. М., 1969. С. 384.* Письмо от 9 августа с похвалой вегетарианству там отсутствует.

¹⁴ Там же. С. 83.

¹⁵ Там же. С. 433 (27 июня 1892).

¹⁶ Н. Н. Гусев. *Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого. 1891—1910. М., 1960. С. 45, 55.*

¹⁷ Там же. С. 50.

¹⁸ Там же. С. 68.

¹⁹ Там же. С. 91.

²⁰ Там же. С. 305; ср. Толстой. *ПСС* 71, № 338.

²¹ Ср. архив РАХ, ф. 25, оп. 1, № 1804.

²² Ср.: Л. Журавлева. *Княгиня Мария Тенишева. Смоленск: Полиграмма, 1994, особенно главу «Репин» (с. 92—110); здесь: с. 92—93.*

²³ «Первая встреча». Ср. ГТГ, отдел рукописей, ф. 50/39, л. 1. Цит. по книге Журавлевой, с. 92, 313.

²⁴ *ВО* 1912: 2 64; подобно 1 сентября в письме из Куоккалы княгине Тархановой-Антокольской: «Я особенно благодарю бога, с утра до вечера, за вегетарианство. <...> Да, вегетарианство особенно благодатно тем, что оно повышает вкус, возбуждает интерес только к существенному и устремляет силы к главному. Слава

богу! Слава богу!» И. Е. Репин. Письма к Е. Р. Тархановой-Антонской и И. Р. Тарханову. М.; Л., 1937. С. 67.

²⁵ ГРАБАРЬ, ЗИЛЬБЕРШТЕЙН. Репин. Т. 1. М.; Л., 1948. С. 295 (= Художественное наследство).

²⁶ НОРДМАН. Интимные страницы. 1910. С. 79—96.

²⁷ Там же. С. 130—140.

²⁸ Ср. *ВО* 1911: 9—10 62.

²⁹ *ВО* 1912: 1 34—36.

³⁰ *ВО* 1913: 4—5 197.

³¹ *ВО* 1911: 6—7 59; 8 37.

³² ЧУКОВСКИЙ, 1962. С. 556—557.

³³ Ср. КИРИЛЛИНА, 1977. С. 79—80.

³⁴ *ВО* 1914: 6—7 208.

³⁵ *ВВ* 1914: 4 8.

³⁶ Д. С. ЛИХАЧЕВ. Воспоминания. СПб., 1995. С. 62, 66.

³⁷ ЧУКОВСКИЙ, 1962. С. 649.

³⁸ Ср. Д. БУРАЮК. Фрагменты воспоминаний. Приводятся по книге: ГРАБАРЬ, ЗИЛЬБЕРШТЕЙН: Репин. Т. 2. М.; Л., 1949. С. 279—282, здесь: с. 280. Маяковский пребывал в Куоккале в июне и июле 1915 г. (ср.: В. КАТАНЯН. Маяковский. Литературная хроника. 3-е изд. М., 1956. С. 80). Впрочем, Репин 10 декабря 1914 г. общим собранием Киевского вегетарианского общества был избран почетным членом (*ВВ* 1915: 2 9).

³⁹ ЧУКОВСКИЙ. Дневник, 1901—1929. М., 1991. С. 307—308, 317, а также: Дневник 1901—1969. Т. 1. М., 2003. С. 356—357, 368.

⁴⁰ И. Е. РЕПИН. Из воспоминаний и статей о Л. Н. Толстом (1888—1914). В книге: ГРАБАРЬ, ЗИЛЬБЕРШТЕЙН. Репин. Т. 1. М.; Л., 1948 (= Художественное наследство). С. 317—334. Здесь: с. 334.

⁴¹ ЧУКОВСКИЙ, 1962. С. 576—577.

⁴² Об этом Франклин сообщает в своей автобиографии. Ср. также: SPENCER. P. 232.

⁴³ ЧУКОВСКИЙ, 1962. С. 610. Правда, по устному сообщению Е. В. Кирилловой (заведующей музеем в Репино), это — легенда.

⁴⁴ И. ГРАБАРЬ. Репин. Т. 2. М., 1964. С. 189—193.

⁴⁵ И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН. Неизвестные портреты кисти Репина (1872—1915 гг.). Цит по: ГРАБАРЬ, ЗИЛЬБЕРШТЕЙН. Репин. Т. 1. М.; Л., 1948. С. 244.

⁴⁶ К. И. ЧУКОВСКИЙ. Наталья Борисовна Нордман // К. И. ЧУКОВСКИЙ. Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. С. 643.

⁴⁷ К. И. ЧУКОВСКИЙ. Дневник 1901—1929. М., 1991. С. 53, а также: Дневник 1901—1969. Т. 1. М., 2003. С. 60—61.

5. Эмансипация русской женщины: Н. Б. Нордман

¹ «О питании травами и сенными отварами», напечатано в книге: Н. Б. СЕВЕРОВА, 1913. С. 8—23; раньше уже в *ВО* 1911: 9—10 25—34 под заголовком «О вегетарианстве».

² В книге К. Д. МУРАТОВОЙ «История русской литературы конца XIX — начала XX века. Библиографический указатель» (М.; Л., 1963) тщетно искать упоминание имени Нордман. Только «постсоветский» лексикон «Русские писатели 1800—1917. Библиографический словарь» дает о ней подробную информацию; см.: Т. 4. М., 1999. С. 358—359.

³ Впервые в газете «Речь», 19. 6. 1914, а затем в *ВО* 1914: 6—7 213—215.

⁴ К. И. Чуковский. Наталья Борисовна Нордман // Из воспоминаний. М., 1959. С. 145—152. Перепечатано в издании: Чуковский, 1962. С. 648—654, а также Чуковский, 1965. С. 643—649.

⁵ GOLDSTEIN, 1997. P. 103—123. Автор уже во вступлении к статье — что не предвещает ничего доброго — называет Толстого «гуру для вегетарианцев всех мастей до сегодняшнего дня». Она утверждает, что «disingenuous myth» о Толстом как страстном вегетарианце придумал В. Чертков — вместо того, чтобы информировать читателя о том, что именно Чертков в 1885 году окончательно обратил Толстого в вегетарианство; кроме того, утверждает, что врач А. Зеленков «известен прежде всего как основатель и председатель» *СПб. ВО-ва*, однако его имя неизвестно даже основательному *НЭС*, выходявшему в разгар его деятельности; *СПб. ВО-во* было основано не в 1902 г., а 1 декабря 1901 г.; журнал «Вегетарианское обозрение» выходил сперва в Кишиневе, а не в Киеве; маловажность вегетарианского движения видна, согласно Гольдштейн, из того факта, что на 1 января 1914 г., через 12 лет после основания, *СПб. ВО-во* насчитывало всего 39 членов (эта цифра, очевидно, взята из журнала «Бюллетени вегетарианства» (СПб., 1914. Стлб. 5); в действительности же тогда их было 51 (ср.: Отчет о деятельности общества за 1914 год. С. 3), при этом не учитываются сильные колебания количества членов (ср. главу VII. 2); если по уставу *СПб. ВО-ва* «для основания отделений в других городах Обществу надлежит испрашивать каждый раз особое разрешение» (*ВВ* 1904: 2 35), то автор усматривает в этом пагубное «элитарное отношение [elitist attitude]» петербургских вегетарианцев, — в действительности это постановление, разумеется, вошло в устав по требованию царских властей; создается впечатление, что Н. Б. Нордман посетила Толстого всего один раз, но в действительности она побывала в Ясной Поляне два раза (1907, 1908), и т. д.

⁶ W. ARTHUR MCKEE. H-NET Book Review. Jan. 1999. H-Russia@msu.edu: «Future students of vegetarianism would do well to analyze the conditions in which it arose and the barriers it faced as well as its “apostles”».

⁷ CATRIONA KELLY. Refining Russia. Advise Literature, Politic Culture and Gender from Catherine to Yeltsin. Oxford, 2001. P. 179—188. Эта книга тоже содержит ряд неточностей: Толстой написал «Первую ступень» в 1891 г., а не в 1890 г. (p. 179), Нордман перешла к сыроедению в 1912 г., а не «in late 1913» (p. 180). На с. 188 говорится о «Second Vegetarian Congress, held in 1914», — но такого конгресса не было; была только опубликована программа запланированного съезда. Об усилиях Н. Б. Нордман, направленных на облегчение жизни прислуги, пишет К. Келли в своей статье об отношении к «Меньшей братии» (Kelly, 2000); ср. выше с. 224.

⁸ Нордман. Интимные страницы. С. 160.

⁹ *ВО* 1914: 10 317.

¹⁰ Сама Н. Б. Нордман попросила издателя *ВО* перепечатать этот рассказ, что и было сделано вскоре после ее ранней смерти (*ВО* 1914: 8—9 296—299).

¹¹ Автобиография находится в архиве РАХ, ф. 25.

¹² Нордман. Интимные страницы. С. 119—120.

¹³ *ВВ* 1914: 2 3; ср. *ВО* 1914: 6—7 206—208: «мучительный кашель», «хрипы», «ранка в горле».

¹⁴ *ВО* 1914: 6—7 204—209. Ср. выше с. 211.

¹⁵ Там же. С. 209.

¹⁶ Издательства эти достигли высшей точки в конце 1910 г. Этот год закончился «под какой-то особенно гулкий шум о вегетарианстве, поднятый газетами, благодаря новой теории Н. Б. Нордман-Северовой о питании сеном и травами» (*ВО* 1911: 1 47).

¹⁷ Однако ср. выше (с. 215), а также примеч. 33.

¹⁸ Этот рассказ был опубликован в 1900 г. в журнале «Нива» (№ 20—31), отдельно — в 1901 г., вторым изданием — в 1912 г.

¹⁹ Между 1906 и 1912 гг. Нордман написала 10 драм, большей частью комедии.

²⁰ *ВО* 1914: 6—7 213—215.

²¹ Нордман. Райские заветы. С. 9.

²² Там же. С. 13.

²³ Там же. С. 11.

²⁴ А. Бабин работал в *ВО* переводчиком с немецкого языка (*ВО* 1913: 3 114—116).

²⁵ *ВО* 1914: 10 316.

²⁶ Там же. С. 316—317. Об обаянии Н. Б. Нордман говорится в заметке Ф. Рунцова «Впечатления с лекции Н. Б. Северовой» (в *ВО* 1912: 7 276—277). Рунцов рассказывает, что Нордман после лекций обычно приглашала к выражению радости жизни через музыку и танцы. Сама Нордман, которая «только из-за своей среды не попала в балет», оправдывала эту практику в статье «О танцах» (*ВО* 1912: 8—9 206—207), возбудившей дискуссию (*ВО* 1913: 3 118—120).

²⁷ Иван Петрович Павлов (1849—1936) в 1904 г. был награжден Нобелевской премией за работы в области физиологии пищеварения.

²⁸ Ср. Чуковский. Современники. 1962. С. 568—570.

²⁹ *ВО* 1915: 4 152.

³⁰ Например, HANS FLÜCK. Unsere Heilpflanzen. 4-е изд. Thun, 1971; ALFRED VOGEL. Der Kleine Doktor. 17-е изд. München, 1997. Так, например, для супов Нордман в своей лекции-статье «О питании травами и сенными отварами» (см. выше, примеч. 1) рекомендует, в частности, snyti, манжетку, кисличку, крапиву, канареичную травку, тимopheевку, клевер, щавель, дудки, тысячелистник и др.

³¹ Цит. по *ВО* 1912: 6 232. О Ясинском см. ниже примеч. 68.

³² Ср.: Die Lebensreform. 2001. Bd. 2. S. 539—546: «Haushaltsführung»; на с. 542 изображен сундук-варитель (1910) и инструкция к пользованию («Kochkistenbuch», 1915).

³³ Так — в письме к Л. Б. Барятинской, ср. архив РАХ, ф. 25, оп. 1, № 1813, л. 3.

³⁴ Там же. Л. 10.

³⁵ Райские заветы. С. 73—74; Мира К. Женщина будущего // *ВО* 1914: 8—9 268—271.

³⁶ *ВВ* 1914: 6—7 217.

³⁷ В «Опавших листьях» В. Розанова (1913) можно найти клеветнические нападки на Нордман и Репина: «Какая ложная, притворная жизнь Р(епина); какая ложная, притворная, невыносимая вся его личность. А гений. (...) Тяжело ли ему? Я не замечал. Он кажется вечно счастливым. Но как тяжело, должно быть, у него на душе. Около него эта толстая красивая женщина, его поглотившая — как кит Иону; властолюбивая, честолюбивая и в то же время восторженно-слащавая. Оба они погружены в демократию, и — только и мечтают о том, как бы получить заказ от двора». Чуковский в дневнике замечает по поводу этого места, что Розанов страстно желал, чтобы Репин написал его портрет, а когда услышал, что тот этого не сделает, то отомстил ему этим замечанием (Чуковский. Дневник 1930—1960. М., 1994. С. 404,

см. также Чуковский, 2003. Т. 2. С. 482—483); в своей статье об А. И. Куприне и его повести «Яма» (Новое время. 1909. 19 ноября. № 12. 102) Розанов, правда, приветливо отозвался о Нордман: «Много великих филантропов отдали этой теме [проституции] всю свою жизнь. Как рассказывают, г-жа Северова написала пьесу на эту тему, насколько она касается *малолетних*, — и написала талантливо и умно» (В. В. Розанов. О писательстве и писателях // Собр. соч. М., 1995. С. 424).

³⁸ РАХ ф. 25, оп. 1, № 1813, л. 19.

³⁹ ВО 1914: 6—7 216; Нордман. Интимные страницы. С. 183—184.

⁴⁰ Ср. главу о Репине. Концепция самообслуживания Нордман была довольно близка представлениям Л. Н. Толстого, страдавшего от «церемоний обслуживания», бывших в ходу в Ясной Поляне. В. Ф. Булгаков, последний секретарь Толстого, сообщает, что Толстой однажды за обедом вдруг наклонился к сидевшему рядом гостю, другу семьи, и шепотом, чтобы не шокировать других, произнес: «Я думаю, что через 50 лет люди будут говорить: представьте, они могли спокойно сидеть и есть, а взрослые люди ходили, прислуживали им, подавали и готовили кушанья» (цит. по книге: Н. Н. Апостолов. Живой Толстой. СПб., 1995. С. 628; у Маковицкого, 28 мая 1910: «через 30 лет»).

⁴¹ Нордман. Интимные страницы. С. 167—179.

⁴² Там же. С. 183—184.

⁴³ ВО 1914: 6—7 247.

⁴⁴ Нордман. Интимные страницы. С. 117—119.

⁴⁵ Репин и Нордман называли друг друга на вы и во время их брака (об этом см. ниже).

⁴⁶ Имеются в виду книги Ивана Егоровича Забелина «Домашний быт русских царей в XVI—XVII вв.» (1862) и «Домашний быт русских цариц в XVI—XVII вв.» (1869); ср. переиздание: М.: Языки русской культуры, 2000—2001.

⁴⁷ При царе Алексее Михайловиче (1629—1676) их было до 70. Ср.: О. Ю. Захарова. Светские церемониалы в России XVIII — начала XX в. М., 2001. С. 164.

⁴⁸ Ср. ERICH TRUNZ. Ein Tag aus Goethes Leben. München, 1990. S. 31.

⁴⁹ Петр Дмитриевич Боборыкин (1836—1921), известный прозаик.

⁵⁰ Нордман. Интимные страницы. С. 148—149.

⁵¹ Там же. С. 125.

⁵² Там же. С. 128.

⁵³ Там же. С. 150—151.

⁵⁴ P. B. SHELLEY. The Prose Works. Vol. I. Ed. by E. B. MURRAY. Oxford, 1993. С. 152: «... a certain horrible process of torture furnishes brawn for the gluttonous repasts with which Christians celebrate the anniversary of their Saviour's birth».

⁵⁵ НОРДМАН. Интимные страницы. С. 157.

⁵⁶ Там же. С. 161.

⁵⁷ Там же. С. 161—162.

⁵⁸ Там же. С. 87, 90.

⁵⁹ Там же. С. 134.

⁶⁰ ВО 1914: 6—7 215—216, а также ГМИР. Положение домашней прислуги и в настоящее время еще нуждается в улучшении; это доказала выставка «Sclavus», которая демонстрировалась в Женеве в мае 2000 г.; аккредитированные там дипломаты ООН платят 300 домашним работницам нередко всего около 300 шв. франков в месяц — при 17-часовом рабочем дне. В Европейском Союзе, согласно новейшим сообщениям, есть тысячи таких «рабов» — в начале XXI века.

⁶¹ ВО 1913: 9 357—359. Договор перепечатан в английском переводе в книге KELLY 2000 (ср. р. 199—200, по РГАЛИ ф. 1018 Ариан, П. Н. оп. 1 ед. хр. 169 1.22), причем указывается на его публикацию также в журнале «Женщина» 1914. В свете таких — социально весьма прогрессивных — программ иные суждения о Нордман, напечатанные во время советской власти, кажутся особенно клеветническими: «Влияние Нордман на Репина было очень значительно и безусловно отрицательно. Дочь адмирала, писательница, она была женщиной с какой-то опустошенной душой и заполняла эту пустоту тысячью ненужных пустяков. Ее литературные произведения не возвышаются над пошлостью не очень интеллигентного, великосветского круга» (О. А. Ляковская. Илья Ефимович Репин. М., 1953. С. 201).

⁶² ВО 1914: 6—7 217.

⁶³ НОРДМАН. Райские заветы. С. 43—45.

⁶⁴ ВО 1914: 6—7 216.

⁶⁵ Слово «работовзятель» не зафиксировано в: ССРЯ в 17 т. (ср. нем. Словарь Дуден в 6 т.: «Arbeitnehmer» — «wird nicht auf die sozialistische Wirtschaft angewandt»).

⁶⁶ Там же. С. 52—55.

⁶⁷ К. И. Чуковский. Дневник 1901—1929. М., 1991. С. 279; Дневник 1901—1969. Т. 1. М., 2003. С. 323.

⁶⁸ НОРДМАН. Райские заветы. С. 24—27; раньше и в ВО 1910: 1 44—46; Иероним Иеронимович Ясинский (псевдоним: Михаил Белинский, 1850—1931) в свое время — очень известный писатель; в 1912 г. он стал членом СПб. ВО-ва и там выступил с докла-

дом «Мораль вегетарианства». В его воспоминаниях, опубликованных при советской власти (Книга воспоминаний. М.; Л., 1926) о вегетарианстве, конечно, не сказано ни слова.

⁶⁹ НОРДМАН. Райские заветы. С. 49.

⁷⁰ Там же. С. 46—49; впервые в журнале «Неделя». 1912. № 16; в ВО 1912: 5 191 был перепечатан абзац о военных игрушках.

⁷¹ Архив РАХ, ф. 25, оп. 1. № 1814 (машинопись с авторской правкой).

⁷² Архив РАХ, ф. 25, оп. 1. Дело 549 (рукопись).

⁷³ Архив РАХ, ф. 25, оп. 1. № 1814

⁷⁴ Там же (машинопись с авторской правкой).

⁷⁵ См. библиографию.

6. Сочувствующая и насмешливая критика

6.1. Доброжелательный скептик: А. П. Чехов

¹ ЧЕХОВ. ПСС: В 30 т. Сочинения в 18 т. Т. 5. М., 1976. С. 168—169.

² Там же. С. 417; ср. комментарий с. 666—668.

³ ЧЕХОВ. ПСС: В 30 т. Письма в 12 т. Т. 5. С. 163.

⁴ Там же. С. 210. Горбунов-Посадов исполнил желание Чехова только с известным опозданием; 12 июня он написал ему: «Ах, простите, сегодня только вспомнил о вегетарианских книгах. В понедельник вышлю Вам» (Фонд Горбунов-Посадов, Государственная российская библиотека, Москва).

⁵ ЧЕХОВ. ПСС: В 30 т. Письма. Т. 5. С. 283—284.

⁶ ЧЕХОВ. ПСС: В 30 т. Сочинения. Т. 9. С. 233—234.

⁷ Там же. С. 235.

⁸ Там же. С. 23; лозунг «учиться, учиться и учиться» напрасно приписывается одной статье Ленина 1923 года, так, например, в книге Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина. Крылатые слова. М., 1960. С. 627. Ленин только «окрылил» этот оборот.

⁹ ЧЕХОВ. ПСС: В 30 т. Сочинения. Т. 17. С. 22.

¹⁰ ЧЕХОВ. ПСС: В 30 т. Сочинения. Т. 9. С. 377.

¹² Там же. С. 325—334.

¹³ Обхождение Чехова с животными было чутким и исполненным жалости. Это касается не только мышей (ср. выше с. 123), но и охоты. В письме к Суворину от 8 апреля 1892 г. он рассказывает, что день тому назад охотился с Левитаном. Тот подстрелил вальдшнепа в крыло. Вальдшнеп смотрит удивленно большими черными глазами. Левитан просит Чехова убить раненую птицу. Тот сперва не может, а потом приходится ему послушать Левитана. Он убивает вальдшнепа. «Одним красивым, влюблен-

ным созданием стало меньше, а два дурака вернулись домой и сели ужинать» (Чехов. *ПСС*: В 30 т. Письма. Т. 5. С. 49).

6.2. Склонный к скандалу: В. В. Маяковский

¹ Ср. также французский перевод книги Лившица: Larcher a un oeil et demi. Trad., préf. et annoté par Emma Sebald [et al.] Lausanne, 1971.

² «Quart d'heure de Rabelais» (*фр.*) — «момент, когда приходится платить».

³ Эта характеристика вегетарианства 1900—1914 гг. не является полной. «Гигиенисты» вроде А. И. Воейкова, разумеется, не были ни сектантами, ни толстовцами. Таких гигиенистов было много.

⁴ Маяковский во время выступлений футуристов носил кофту с черными и желтыми полосами («épater le bourgeois»).

⁵ Игорь Северянин (1887—1941), самый важный представитель «эгофутуризма», был успешным декламатором своих провокантно-своевольных стихотворных текстов.

⁶ Ни одного из этих двух стихотворных отрывков нельзя найти в *ПСС* Маяковского в 13 т., ср. т. 13.

⁷ Имеется в виду Мендел Бейлис, над которым в 1911—1913 гг. в Киеве велся судебный процесс по предполагаемому ритуальному убийству. В результате этого антисемитского процесса, длившегося месяц, Менделя признали невиновным.

⁸ МАЯКОВСКИЙ. *ПСС*. Т. 1. С. 23. Контекст этого высказывания таков: «Куоккала: Семизнаковая система (семипольная). Установил семь обедающих знакомств. В воскресенье «ем» Чуковского, понедельник — Евреинова и т. д. В четверг было хуже — ем репинские травки. Для футуриста ростом в сажень — это не дело». Против этого места запротестовал в 1923 г. К. И. Чуковский: «... я при Л. Ю. Брик сказал ему, что его упоминание о нас в автобиографии нагло, что ходил он ко мне не из-за обедов и проч. Он обещал в следующ. изд. своей книги это переделать» (К. И. Чуковский. *Дневник 1901—1929*. М., 1991. С. 239; ср. также К. И. Чуковский. *Дневник 1901—1969*. М., 2003. Т. 1. С. 276).

⁹ МАЯКОВСКИЙ. Т. 1. С. 308—309.

¹⁰ МАЯКОВСКИЙ. Т. 7. С. 332.

¹¹ МАЯКОВСКИЙ. Т. 9. С. 308—309. Первые 5 строк в 1928 г. не были допущены редакцией «Комсомольской правды» к печати. «Высшая мера» (наказания), как известно, — официальный эвфемизм смертной казни.

¹² Ср. Г. М. Гельфандбейн. Генерал и адъютант. Харьков, 1966. Цит. по А. Раскин: Я сам — не вегетарианец // Литературная газета. М., 1968. № 31. С. 7.

6.3. «Вегетарианцы»: П. Гнедич

¹ Ср. РП 2. С. 588—589.

² ВО 1912: 5 192.

³ П. Гнедич. Вегетарианцы. Рассказ // Мир. СПб., 1912. № 1. С. 11—18.

6.4. Веселость и дерзость сатиры: И. Ильф и Е. Петров

¹ Цит. по: И. Ильф и Е. Петров. Собр. соч. в 5 т. М., 2003. Т. 1.

6.5. «Почему я стал вегетарианцем»: Н. Ватанов

¹ Н. Ватанов. Почему я стал вегетарианцем. Рассказ архитектора // Пестрые рассказы: Сборник эмигрантской прозы / Под ред. В. Александровой. New York, 1953. С. 45—59.

7. Казус Наживина

¹ ВО 1910: 9—10 11; Толстой относился к «падениям на колени» критически и находчиво. Однажды к нему пришли несколько крестьян-просителей. Как только он к ним вышел, они упали на колени. «Этак, батюшки, и я могу», — сказал Л. Н. и тоже опустился перед ними на колени. ВО 1910: 6—8 9; подобно об этом ср. Владимир Скороходов, ВО 1911: 2 3.

² Handbook of Russian Literature. Ed. V. Terras. New Haven, 1985. С. 295.

³ И. Ф. Наживин. Распутин. Роман. М., 1995. С. 808. И западноевропейская литературная критика похвалила этот роман (Там же. С. 808—809).

⁴ РП 4 (1999). С. 216. Пребывание в Ясной Поляне 12-го января 1910 г. Наживин подробно описал в книге: Накануне (из моих записок). [Берлин]: Русское творчество. 1923. С. 43—49, а посещение с 10 по 11 окт. 1910 г. — там же, с. 49—60. Дальнейшие рассказы о Ясной Поляне — с. 60—68.

⁵ И. Ф. Наживин. Собрание сочинений. Т. 1—8. М.: Сфинкс, 1911—1917. В эмиграции выходили другие многочисленные романы и повести.

⁶ И. Ф. Наживин. Моя исповедь // Собрание сочинений. Т. 5. С. 9—278; Воспоминания о Толстом. С. 401—472.

⁷ Там же. С. 473—495; письма Толстого также в книге «Накануне (Из моих записок)» и в издании Толстой. ПСС.

⁸ Из жизни Л. Н. Толстого. М.: Сфинкс, 1911. 159 с.

⁹ И. Ф. Наживин. Неопалимая купина. Душа Толстого. Тينتсин, 1936.

¹⁰ Как сообщает Хр. Досев, Толстой защитил Наживина (очевидно, в 1908 г.) от обвинений В. Г. Черткова, что тот якобы чужд Толстому: «Нет, мне некоторые сочинения Наживина нравятся. Я чувствую его близким ко мне» (ВО 1915: 4 124). Но, с другой стороны, Толстой считал Наживина примером невозможности изобразить в художественных формах христианское мировоззрение (ВО 1915: 1 7).

¹¹ РП 4 (1999). С. 217—218.

¹² Наживин. См. примеч. 8. С. 57.

¹³ ВО 1909: 1 20—21.

¹⁴ Напечатано в сборнике «В долине смерти».

¹⁵ В дали веков // ВО 1911: 1 14—21; здесь: с. 16.

¹⁶ Л. Н. Толстой пишет в своих воспоминаниях, что его старший брат Николай в детстве рассказал историю о «Зеленой палочке». Эта палочка якобы зарыта где-то в земле и ее нужно найти, дабы осушительное человечество. И. Ф. Наживин в 1911 г. назвал свое маленькое издательство «Зеленой палочкой».

¹⁷ ВО 1911: 5 37—38. О К. Г. Грекове ср. гл. V.4 (с. 98); в 1909 г. он уже выступал против отвержения Толстым науки, которое он находил слишком огульным. Ср. Толстой, ПСС 80: 234—236.

¹⁸ ВО 1911: 6—7 44—45.

¹⁹ ВО 1909: 8—9 30—32.

²⁰ ВО 1912: 1 12—15; 2 56—62.

²¹ ВО 1913: 6 217—220; № 7, с. 250—256; № 8, с. 291—299; № 9, с. 334—344; № 10, с. 371—378.

²² ВО 1913: 8 320. Уже в конце 1913 г. Наживин поместил в ВО (№ 10) объявление о том, что он ищет новый сельскохозяйственный участок...

²³ ВВ 1915: 3—4 3—9.

²⁴ Там же. С. 2—3; статья Наживина была напечатана также в журнале «Вестник знания».

²⁵ Там же. С. 4.

²⁶ Наживин. Накануне (из моих записок). [Вена], 1923. С. 75—78.

²⁷ ВВ 1915: 3—4 6.

²⁸ Хозяйственные беды «идеологических» русских поселенцев на берегах Черного моря были очень живо и трезво описаны Наживиним уже в начале 1913 г. (под псевдонимом «Ив. Булановский») в серии статей, напечатанной в ВО. Автор резко критикует

как политику колонизации русских властей, так и иллюзии так называемой «идейной интеллигенции», которая «уже давно избрала Кавказ местом приложения своих теорий на практике».

²⁹ Наживин. Накануне (из моих записок). С. 77—78.

³⁰ ГМИР, ф. 21, оп. 1, № 100. Упрек справедлив лишь отчасти. Н. Б. Нордман, к примеру, подписывала частные письма как «сестрица» и так же обращалась к адресату.

³¹ ВВ 1915: 6 2—6; № 7, с. 1—7, 11—12; № 11—12, с. 1—14. Редакция ВО также приняла к сведению статью Наживина: «Надеясь, что в “Вегетарианском обозрении” появится обстоятельный разбор этой статьи» (1915: 2 78); однако, такому разбору не суждено было появиться, потому что ВО после № 5 перестало выходить; в № 10 (с. 1) 1914 г. редакция сообщала, что на «опросный листок», разосланный подписчикам журнала, единственный не сочувственный ответ получен от бывшего сотрудника ВО Ив. Наживина, ушедшего из рядов вегетарианцев.

³² ВВ 1915: 6 3—4.

³³ ВВ 1915: 6 4—5.

³⁴ ВВ 1915: 7 11—12.

ВII. Усилия по организации и пропаганде

1. Не только отец русской климатологии: А. И. Воейков

¹ А. И. Воейков. Климаты земного шара, в особенности России. СПб., 1884. Эта книга вскоре появилась и на немецком языке: Йена, 1887.

² Ср. ВЕ Т. 12. 1892. С. 830—831; НЭС Т. 11. Стбл. 169; БСЭ 2-е изд. Т. 8. 1951. С. 402—404.

³ Анатолий Константинович Темашов. Воейков: Климатолог и географ. М., 1957. И в постсоветской серии «Из истории русской культуры» (Т. 5 (XIX век). М., 1996) Воейков представлен только как климатолог и метеоролог, который занимался практическими проблемами сельского хозяйства в связи с климатом и условиями погоды.

⁴ ВО-во СПб. Отчет совета за 1914 (СПб., 1915). С. 12. В ВО 1909: 2 10—11 Воейков сообщает о том, что он еще в 1876 г. в Японии ясно видел преимущества вегетарианской пищи, однако лишь гораздо позже стал вегетарианцем.

⁵ ВО-во СПб. Отчет совета за 1903 (СПб., 1915). С. 20.

⁶ ВО-во СПб. Отчет совета за 1912 (СПб., 1914). С. 11; ВО 1913: 9 361.

⁷ В ВО 1910: 2 1—2 издатель И. Перпер экзальтированным тоном воззвал к посещению этого съезда представителями из

России: «Мы твердо верим, что на будущем Конгрессе будут и российские единомышленники, мы верим, что краска стыда, начиная с III Конгресса, уж не покроет наши лица перед международной вегетарианской семьей».

⁸ *ВО* 1910: 3—4 51—52.

⁹ *ВО* 1913: 6 283.

¹⁰ *ВО* 1910: 5 40; 6—8 19—22 и 9—10 20—23.

¹¹ *ВО-во СПб.* Отчет совета за 1903 (СПб., 1904). С. 10—11.

¹² *ВВ* 1904: 4. Стлб. 15—24 и 5. Стлб. 17—24. Ср. также резюме в Отчете совета за 1904 г. (СПб., 1905). С. 9—11.

¹³ *ВО-во СПб.* Отчет совета за 1904 (СПб., 1905). С. 13. С немного измененным заголовком доклад позже был напечатан в *ВВ* 1905: «Главные способы питания у разных народов и их географическое распределение». Ср. также главу «Журналы».

¹⁴ *ВО* 1914: 8—9 284—288. Немецкий оригинал «Grundzüge der Ernährungstherapie...» вышел в 1909 г. в 3-м издании.

¹⁵ *ВО* 1909: 5 9—14 и 6 20—21; было объявлено продолжение, но оно, очевидно, не было напечатано.

¹⁶ *ВО* 1909: 6 21. В статье «Эволюция пищи» (*ВО* 1912: 3—4 99—107) Воейков исследует связь между потреблением мяса и социальноэкономическими факторами в историческом контексте.

¹⁷ *ВО* 1913: 9 330—334. Редакция (т. е. И. Перпер) заявила, что она не согласна с тезисами этой статьи.

¹⁸ См. текст стихотворения в приложении, с. 452).

¹⁹ См. текст стихотворения в приложении, с. 454).

²⁰ А. Добролюбов. Из книги невидимой. 1905. (перепечатана: Беркелей, 1983. С. 38. Стихотворение напечатано в приложении, с. 455). Другое стихотворение, также опубликованное в 1905 г., носит заголовок: «Примиренье с землей и зверями»; перепечатано: Беркелей, 1983. С. 59—60.

²¹ В своем обширном сообщении о поездке в Англию в 1910 г. Воейков восхищается поразительным изобилием фруктов, привозимых из всех стран света, позволяющим и рабочим покупать бананы: «Существуют целые пароходные линии, возящие почти одни бананы и ананасы» (*ВО* 1911: 2 17—21, здесь: 20).

²² Журнал русского общества охранения народного здоровья. 1910. № 8—9; отдельное издание: СПб., 1910. 32 с.

²³ Памяти А. И. Воейкова. Пг., 1916. 75 с.; здесь: с. 21 (291).

²⁴ Карл фон Фойт (1831—1906) создал «формулу Фойта», предписывавшую ежедневный минимум питательных веществ для взрослого рабочего: 118 г белка, 56 г жиров, 500 г углеводов. О формуле Фойта высказался критически также А. А. Ясиновский в *ВО* 1912: 8—9 195—199.

²⁵ *ВО-во СПб.* Отчет совета за 1904 (СПб., 1905). С. 29.

2. Вегетарианские общества

¹ Предшественником являлось Vegetarian Society, основанное в Лондоне в 1811 г. Джоном Ньютоном (John Newton).

² Одно местное объединение существовало в Париже уже с 1880 г.

³ The International Vegetarian Union (IVU) возник в 1908 г.; The European Vegetarian Union (EVU) был основан в 1985 г.

⁴ Ср. главу о Лескове.

⁵ ПСС 66: 255; ср. также с. 273.

⁶ Ср. *ВО* 1910: 5 2—6.

⁷ *ВО* 1910: 5 4; ср. также в этом контексте: *ВО* 1909: 7 24.

⁸ В 1894 г. в немецком журнале «Vegetarische Rundschau» было напечатано сообщение Сергея Раевского (Рига): «Der Vegetarismus in Russland» (27-й год изд. S. 274—275).

⁹ Имеются отчеты за каждый год существования общества (1902—1915 гг.); последнее цензурное разрешение было дано 3 мая 1916 г.

¹⁰ *ВО* 1909: 7 24.

¹¹ *ВВ* 1904: 2. Стлб. 31—38.

¹² *ВО* 1911: 9—10 53.

¹³ Архив РАХ, ф. 25.

¹⁴ GOLDSTEIN, 1977, ср. главу о Н. Б. Нордман.

¹⁵ Судя по каталогам, РГБ в Москве и РНБ в Петербурге имеют лишь неполный состав печатных ежегодных отчетов *СПб. ВО-ва*, которые подробно информируют о разных формах его деятельности и всегда содержат список членов.

¹⁶ BARLÖSIUS, 1997. S. 98—106, здесь S. 101, 106.

¹⁷ *ВО* 1914: 3 117. О числах членства в Германии ср. *ВО* 1909: 10 3; касательно Франции в период 1899—1910 ср. *ВО* 1912: 1 47.

¹⁸ Ср. LEITZMANN/НАНН, 1996. S. 13. По Швейцарии точных данных нет, однако есть этнологическое исследование Л. Осиповой (1997), пользующееся методом включенного открытого наблюдения. К сожалению, оно ограничивается франкофонной частью Швейцарии.

¹⁹ Эльмер Моод (Aylmer Maude, 1858—1938) — биограф Толстого и переводчик его сочинений на английский язык. С 1874 по 1896 г. жил в России. С Толстым познакомился в 1888 г.

²⁰ Евгений Иванович Попов (1864—1938) был дружен с Толстым; в конце 1880-х гг. и в 1890-х гг. он сотрудничал в издательстве «Посредник». Его книга «Вегетарианская кухня: Составлена по иностранным и русским источникам» была опубликована этим издательством в 1894 г.; второе изд. — 1895 г. Толстой писал ему 5 октября: «Вегетарианскую книгу хорошо делаете. Только бы

как можно короче, яснее, доступнее Афанасью [то есть простому мужику. — П. Б.] и ему подобн(ым) [имеется в виду первое издание].

²¹ В. П. Быков, член The Vegetarian Society в Манчестере, издатель в Москве, в 1894, 1895 и 1897 гг. выпустил 3 брошюры под названием «Обеды вегетарианца». Они были составлены др-м А. П. Зеленковым (псевдоним — «Вегетарианец») и содержали 24 кратких аргумента в пользу вегетарианского образа жизни, краткую историю вегетарианства и многочисленные рецепты. Брошюры эти были переизданы в 1990 (!) году тиражом в 200 000 экз.

²² ГМИР, ф. 17/85, оп. 1, № 916: «Протокол собрания при открытии вегетарианской столовой в Москве. 16 февраля 1896 г.». Протокол П. И. Бирюкова, рукопись.

²³ СПб. ВО-во. Отчет за 1903 (СПб., 1904). С. 15.

²⁴ «...Московские вегетарианцы думают учредить самостоятельное общество». Там же.

²⁵ ВО 1911: 6—7 38—41.

²⁶ Vegetarische Warte. 4-й год изд. S. 123; ср. также 1904 г. № 1. S. 12.

²⁷ ГМИР, ф. 34, оп. 1, № 33.

²⁸ Сергей Николаевич Дурылин (1886—1954) с 1905 по 1913 гг. тесно сотрудничал с И. И. Горбуновым-Посадовым и был ревностным приверженцем Толстого. В 1913 г. Дурылин сблизился с последователями А. М. Добролюбова. «Толстовские и добролюбовские мотивы частично оформились в поэзии Дурылина в стилистике русского францисканства [цикл сонетов о Франциске Ассизском в сб. «Антология». М., 1911]». Он написал также статью «Житие святого Франциска Ассизского». Ср. РП 2. С. 198—199.

²⁹ ВО 1909: 7 22—26. Доклад И. Перпера вскоре был перепечатан в немецком переводе журналом «Die Vegetarische Warte» («Die vegetarische Bewegung in Rußland»; год изд. 42, 1909. S. 294—297).

³⁰ Ср.: «Естественная жизнь и вегетарианство». М., 1913. С. 171—173; ВО 1913: 7 277—279; ВО 1913: 8 321—323; ВО 1913: 10 390—393.

³¹ Отчет СПб. ВО-ва за 1903 (СПб., 1904). С. 14.

³² «Из Киева тоже было получено известие о желании местных вегетарианцев организовать общество». Там же. С. 15.

³³ ВО 1912: 2 84—85.

³⁴ ВО 1915: 1 34.

³⁵ ВО 1911: 6—7 59; ВО 1912: 7 274.

- ³⁶ *ВО* 1911: 9—10 53.
- ³⁷ *ВО* 1913: 1 23—29.
- ³⁸ *ВО* 1914: 3 115—116.
- ³⁹ *ВВ* 1917: 1 1; 2 12.
- ⁴⁰ *ВВ* 1917: 1 12.
- ⁴¹ КОРАБЛЕВ, 1914.
- ⁴² *ВО* 1909: 7 24.
- ⁴³ *ВО* 1912: 6 231—232; 7 274—275.
- ⁴⁴ *ВО* 1913: 1 41—42.
- ⁴⁵ *ВО* 1915: 3 110—111.
- ⁴⁶ В *ВО* 1914: 10 323 был напечатан устав новой «Хозяйственной комиссии».
- ⁴⁷ *ВО* 1912: 5 190.
- ⁴⁸ *ВВ* 1915: 8—10 10—11; см. о Саратове (*ВВ* 1915: 8—10 8—9), а также «К разладу в Саратовском Вегетарианском Обществе» (*ВВ* 1915: 15—16 14—15).
- ⁴⁹ Отчет вегетарианского общества в Саратове за 1914 г. Саратов, 1915. 112 с.
- ⁵⁰ *ВО* 1911: 8 36—37.
- ⁵¹ *ВО* 1912: 8—9 188—192, а также в альманахе «Естественная жизнь и вегетарианство» (1913). С. 162—171; ср. *ВО* 1912: 8—9 233.
- ⁵² *ВО* 1914: 5 195.
- ⁵³ *ВВ* 1917: 1 12—13 и 5 8—10.
- ⁵⁴ *ВО* 1912: 8—9 233; *ВО* 1915: 1 36—37.
- ⁵⁵ *ВО* 1915: 1: 36—37.
- ⁵⁶ *ВВ* 1915: 1 7.
- ⁵⁷ Ср. выдержки из обоих докладов в *ВВ* 1914: 4 4—7.
- ⁵⁸ *ВО* 1914: 1 36; 6—7 248—249.
- ⁵⁹ *ВО* 1909: 7 24—25.
- ⁶⁰ *ВО* 1910: 6—8 91.
- ⁶¹ *ВО* 1911: 5 38, 6—7 59 и 8 35—36 (ср.: Минский голос. № 575 от 28 сент. 1911).
- ⁶² *ВО* 1913: 1 43; *ВО* 1914: 10 323.
- ⁶³ *ВО* 1914: 1 36, 6 244—245 и 8—9 305—306.
- ⁶⁴ *ВО* 1910: 6—8 91, *ВО* 1911: 1 47.
- ⁶⁵ *ВО* 1912: 6 233.
- ⁶⁶ *ВВ* 1914: 3 6; *ВО* 1915: 4 153; *ВВ* 1915: 15—16 11.
- ⁶⁷ В брошюре «Долой мясо!» (1915) также говорится, что в России существуют всего 14 вегетарианских обществ.

3. Вегетарианские столовые

¹ *ВО* 1913: 4—5 199.

² В качестве источников были использованы *ВВ* 1904—1905, *ВО* 1909—1915, *ВВ* 1914—1917, альманах «Естественная жизнь и вегетарианство» (Москва, 1913), брошюра «Долой мясо» (Петроград, 1915), а также имеющиеся в моем распоряжении отчеты вегетарианских обществ. В альманахе на страницах 174—176 перечислены адреса 45-ти столовых.

³ *ВО* 1914: 10 315.

⁴ *ВО* 1911: 9—10 53.

⁵ *ВО* 1909: 7 25.

⁶ Эти четыре цифры взяты из конспекта доклада «Пройденный путь» П. И. Бирюкова. ГМИР, ф. 17/85, оп. 1, № 91.

⁷ *ВО* 1914: 2 71.

⁸ *ВО* 1915: 1 35, с подробными таблицами.

⁹ *ВО* 1914: 6—7 248.

¹⁰ Ср. ГМИР, ф. 34, оп. 1, № 18, с. 243; в начале 1918 г. было все еще 150 служащих, ср. там же, с. 203. За эту справку сердечно благодарю Ирину Тарасову, Санкт-Петербург.

¹¹ *ВО* 1912: 2 84—85, с таблицей.

4. Журналы

¹ Цит. по И. Перперу, *ВО* 1909: 7 22.

² Толстой. *ПСС* 66: 411—412.

³ См. главу о Григоровиче. О появлении «вегетарианского еженедельника “Первая ступень”» сообщал, ссылаясь на С.-Петербургскую газету «Русская жизнь», и немецкий ежемесячник «Vegetarische Rundschau» (Bd. 27. 1894. S. 61). Говорилось, что новый журнал будет заниматься всеми вопросами вегетарианства и обсуждать их «с экономической, гигиенической и этической точки зрения». Выражалась надежда, «что писатели и ученые, известные за их склонность к вегетарианству, не откажутся сотрудничать; известный граф Л. Толстой уже заинтересован этим делом. Кроме того, имеется в виду открытие двух вегетарианских столовых в Петербурге».

⁴ Краткую характеристику *ВВ* дал И. Перпер в *ВО* 1912: 1 48. Обзор содержания первого тома напечатан в Отчете СПб. ВО-ва за 1904 (СПб., 1905). С. 15—16.

⁵ Ср. краткую статью о немецких вегетарианских журналах в издании: *Die Lebensreform*. 2001. Bd. 1. S. 45—46.

⁶ ГМИР, ф. 17/85, оп. 1, № 34, л. 13. В *ВВ* 1914: 1 8 в качестве причины прекращения выпуска журнала приводятся перегруженность работой и финансовые проблемы.

⁷ Ср. некролог памяти В. А. Долячко, написанный А. Воейковым, в *ВО* 1912: 6 213—215.

⁸ *ВВ* 1904. Стлб. 3—16.

⁹ *ВВ* 1904: 1, стлб. 15—19; № 2, стлб. 3—6; № 3, стлб. 13—18; № 6, стлб. 13—18; № 7, стлб. 11—20.

¹⁰ Уже А. Н. Бекетов привел этот аргумент в пользу растительного питания (ср. выше с. 53—54).

¹¹ *ВВ* 1904: 1, стлб. 31—32.

¹² *NZZ* 15.11.2000. S. 75. До мая 2002 г. в Англии, Франции и Ирландии умерло 115 человек.

¹³ *ВВ* 1904: 2, стлб. 1—4; 4, стлб. 3—8; 5, стлб. 3—6.

¹⁴ В своей популярной брошюре «Душа и тело» (1904 г.) Тарханов указывает на то, что мясные продукты, как известно, развивают много токсинов.

¹⁵ *ВВ* 1904: 2, стлб. 1—4.

¹⁶ *ВВ* 1904: 3, стлб. 7—14.

¹⁷ *ВВ* 1904: 4, стлб. 8—16; № 5, стлб. 5—18; № 6, стлб. 3—14; № 7, стлб. 3—12; статья эта сперва была напечатана в журнале СПб. Духовной Академии «Христианское Чтение», 1904 г., № 4, 5.

¹⁸ Правила св. соборов. Вып. 2. Ч. 2. М., 1877. С. 261, 500—502. Цит. по: *ВВ* 1904: 5, стлб. 10.

¹⁹ Правила св. Поместных соборов. Вып. 1. М., 1889. С. 39—42. Цит. по: *ВВ* 1904: 5, стлб. 10—11.

²⁰ *ВВ* 1904: 6, стлб. 10.

²¹ *ВВ* 1904: 6, стлб. 11—14.

²² *ВВ* 1904: 7, стлб. 3—4, ср. *ВВ* 1904: 6, стлб. 12.

²³ *ВВ* 1904: 7, стлб. 6—12.

²⁴ *ВВ* 1905: 2, стлб. 85—92.

²⁵ *ВВ* 1904: 7, стлб. 31—40; 8, стлб. 3—12. Статья переведена с французского: Prof. P. Hoffmann, «Le Végétarisme et l'Opinion dominante» // *La réforme alimentaire. Organe des Sociétés Végétariennes de France et de Belgique*. Vol. VI—VII. 1902—1903.

²⁶ *ВВ* 1904: 9, стлб. 3—16; 10, стлб. 3—14.

²⁷ *ВВ* 1905: 2, стлб. 51—62; 3, стлб. 99—116; 4, стлб. 147—158; 5, стлб. 195—208; пагинация *ВВ* в 1905 г. — сплошная; продолжения не было, вопреки объявлению.

²⁸ *ВВ* 1905: 4, стлб. 157—164.

²⁹ Это, возможно, легенда; говорят, что она страдала булимией; во всяком случае, она состояла в переписке с издателями немецких вегетарианских журналов.

³⁰ *ВО* 1912: 1 48.

³¹ Ср. *ВВ* 1914: 2 (июнь) с. 7; 5 (ноябрь) с. 8. Начиная с № 8—9 *ВО* называлось уже не единственным «органом», но «журналом».

³² ГМИР СПб., ф. 3, оп. 2, № 121: И. Перпер из Киева к И. М. Трегубову, 15.3. 1910. Ср.: ТРЕГУБОВ. Из воспоминаний о Льве Николаевиче // Новые материалы Л. Н. Толстого и о Толстом. Из архива Н. Н. Гусева. Мюнхен, 1997. С. 248—249.

³³ *ВО* 1909: 2 20—21. Между прочим, он познакомился с Фридрихом Вильгельмом Докком (Friedrich Wilhelm Dock, 1833—1907), который уже в 1877 г. на собрании общества вегетарианцев в Лейпциге («am Vegetarianer-Vereinstag in Leipzig») прочел доклад на тему «О нравственном и лечебном значении вегетарианства (природный образ жизни)». (Ueber die sittliche und gesundheitliche Bedeutung des Vegetarianismus (naturgemäße Lebensweise); 2. Aufl. Zürich, 1882, 3. — 1891).

³⁴ ГМИР. СПб., ф. 13, оп. 2. № 121., л. 9в.

³⁵ В марте 1910 г. Толстой послал Перперу для перепечатки в *ВО* (1910 3—4 39—41) свой рассказ «Песни на деревне»; он появился в конце 1909 г. также в юбилейном томе «Литературного фонда».

³⁶ Толстой *ЛСС* 82: 120—121.

³⁷ *ВО* 1909: 1 3—4 («Что такое вегетарианство?»).

³⁸ *ВО* 1909: 6 3—9; здесь с. 7; 7 3—8. Ясную Поляну И. Перпер называет «святой вегетарианской обителью».

³⁹ *ВО* 1909: 1 15—20: «Лев Николаевич Толстой как вегетарианец» (статья написана 27 августа 1908 г., т. е. за день до 80-летия Толстого); она позже появилась и в немецком журнале «Vegetarische Werte»: «Graf Leo Tolstoi als Vegetarier» (Jg. 44. 1911. S. 2—4).

⁴⁰ *ВО* 1913: 3 98—100.

⁴¹ Конкурирующий орган *ВВ* в своей критике *ВО* (1914 г.; № 6—7) сожалел о том, что «“Вегетарианское обозрение” вернулось к неудачным поэтическим опытам первых лет своего существования» (*ВВ* 1914: 5 7). Оценивая первые три с половиной года издания *ВО*, журнал «Русская мысль» посвятил ему дружелюбную и информативную рецензию: «Приходится признать, что он [ежемесячный орган *ВО*] интересен (...) Не вегетарианца же журнал заставит глубоко призадуматься над вопросом об убойном питании» (Русская мысль. 1913. 4. С. 146—147).

⁴² ГМИР. ф. 21, оп. 1. № 171.

⁴³ ГМИР. ф. 21, оп. 1. № 20.

⁴⁴ Бюллетени вегетарианства в С.-Петербурге. Т. 1. № 1. 35 стлб.

⁴⁵ СПб. ВО-во: Отчет о деятельности Общества за 1913 [...]. Петроград, 1915. 24 с.

⁴⁶ Доклад Полтавского появился в ВО 1913: 4—5 157—170.

⁴⁷ ВВ 1915: 11—12 1—14. В двух местах (с. 4 и 6) текст был урезан цензурой. Конспект статьи на основании доклада в обществе «Духовное Пробуждение» был опубликован уже в ВО 1913: 10 401—402.

⁴⁸ ВВ 1915: 1 1—4.

⁴⁹ ВВ 1915: 2 1—8.

⁵⁰ ВВ 1915: 3—4 10—12.

⁵¹ ВВ 1915: 8—10 1—7.

⁵² ВВ 1915: 7 1—7.

⁵³ ВВ 1915: 8—10 12—27; 11—12 15—19; 13—14 1—25.

⁵⁴ ОЛЬГА ПРОХАСКО. «Что такое вегетарианство? Его настоящее и будущее» (ВВ 1917: 21—6; 3 1—3; здесь: с. 3).

⁵⁵ ВВ 1917: 2 13 и 15.

5. Всероссийский съезд в Москве 1913 г.

¹ ВО 1909: 1 28—29. Продолжение в ВО 1909: 2 35—36; 5 39; 6 35—36.

² ВО 1909: 7 22—26.

³ ВО 1911: 3 38.

⁴ ВО 1911: 6 1—5; 8 11—18. Вегетарианская выставка должна была остаться вне территории проведенной летом 1911 г. в Дрездене «Международной Гигиенической Выставки», так как дирекция Internationale Hygiene-Ausstellung требовала слишком большой суммы. Поэтому выставка и съезд немецких вегетарианцев были проведены в Доме искусства, находившемся недалеко от Гигиенической Выставки. Ср. также Die Lebensreform 2001. Bd. 2. S. 503—510.

⁵ ВО 1912: 5 157—159; 5 190.

⁶ ВО 1912: 6 228.

⁷ Согласно ГМИР. ф. 21, оп. 1/44. № 31 с мая по октябрь 1912 г. обществам и отдельным лицам были разосланы 1500 анкетных листов, а кроме того редакциям различных журналов для рассылки их подписчикам свыше 10 000 сокращенных анкетных листов.

⁸ ВО 1912: 7 272—273.

⁹ ВО 1912: 7 273—274.

¹⁰ ВО 1912: 10 363—364.

¹¹ ВО 1913: 3 125.

¹² ВО 1913: 4—5 129—200.

¹³ ВО 1910: 3—4 51—55.

¹⁴ *ВО* 1912: 7 272—273.

¹⁵ Подробнее см. *ВО* 1913: 4—5 131—133.

¹⁶ Осуждение тематики кинофильмов, бывших тогда в ходу, еще не значило враждебного отношения к технике как таковой. В *ВВ* 1915: 15—16 Лев Кораблев высказался за использование вегетарианскими обществами «кинематографа как средства пропаганды».

¹⁷ *ВВ* 1914: 1 7; *ВВ* 1915: 3—4 18. Напомним, что 1 октября 2001 г. праздновался «Мировой день вегетарианцев».

¹⁸ Ср. KONRAD ONASCH. Liturgie und Kunst der Ostkirche in Stichworten. Leipzig, 1981. S. 369.

¹⁹ *ВО* 1913: 8 323.

²⁰ *ВО* 1913: 6 207—213; здесь: 213.

²¹ *ВВ* 1915: 3—4 22—27.

²² *ВО* 1913: 6 243—244.

²³ *ВО* 1913: 4—5 157; 6 244.

²⁴ *ВО* 1913: 10 390—393. Немецкий журнал «Vegetarische Werte» (Frankfurt a. M.) опубликовал о съезде подробный отчет: THEO KERN. «Erster Allrussischer Vegetarierkongreß» (Jg. 46, 1913. S. 158—160).

²⁵ *ВО* 1913: 10 403.

²⁶ *ВО* 1914: 2 41—44.

²⁷ *ВО* 1914: 1 1—2.

²⁸ *ВВ* 1914: 1 2—5.

²⁹ *ВВ* 1914: 4 1.

6. Издательство «Посредник»

¹ *ВО* 1909: 7 23.

² Безубойное питание или вегетарианство. М., 1903. № 753; 2-е изд., 1909; 3-е изд., 1912.

³ Когда в 1911 г. вышло в свет 3-е издание «Этики пищи» Говарда Уильямса, И. Перпер возмущался тем, что «Посредник» просто перепечатал предыдущее издание книги, вместо того чтобы снабдить его новой информацией, например, о значительном развитии вегетарианства в России; впрочем, он одобрил более низкую цену издания (всего лишь 75 коп.!) (*ВО* 1911: 6—7 63—64).

⁴ А. П. Зеленков («Вегетарианец») в брошюре: В. П. Быков. Вторая неделя обедов вегетарианца. М., 1895. С. [4—5]. Текст не имеет пагинации; цит. по: Обеды вегетарианца. М.: Медицина, 1990. 64 с.; ср. выше на с. 509 и далее примеч. 21.

⁵ И. ГОРБУНОВ-ПОСАДОВ. Каталог издательства Посредник. 1885—1915.

⁶ ГМИР. ф. 21, оп. 1, № 116, л. 8.

⁷ Ср. выше с. 242 000, 000 и далее, а также *ВО* 1912: 6 234.

7. Альманах «Естественная жизнь и вегетарианство»

¹ Естественная жизнь и вегетарианство. I Альманах Московского Вегетарианского Общества. М., 1913. 193 с.

² Там же. С. 11.

³ Из-за вмешательства цензуры выпуск альманаха был перенесен на весну 1914 г. (ср. *ВО* 1914: 5 197).

8. «Вегетарианство и воспитание», или Споры вокруг тезисов Лозинского

¹ Е. У. Лозинский. Вегетарианство и воспитание. М., 1912. 80 с. (= Библиотека свободного воспитания и образования и защиты детей. Вып. 82).

² Ср. запись Л. Н. Толстого в дневнике от 22/24 января 1909 г. (*ПСС* 57: 17—18): «Читал Лозинского. Необыкновенно хорошо. Только жалко, что слишком бойко, газетно-журнально». Речь шла о книгах «Что такое, наконец, интеллигенция» (СПб., 1906) и «Итоги парламентаризма» (СПб., 1908). Запись от 27 апреля 1909 г.: «Читал вчера Лозинск(ого). Оч(ень) хорошо отрицание, хотя натянуто, но заключение оч(ень) плохо». Имелась в виду книга «Итоги и перспективы рабочего движения на Западе и в России». СПб., 1909.

³ Вегетарианство и антропофагия // *ВО* 1910: 6—8 93—95.

⁴ *ВО* 1910: 3—4 58—60.

⁵ В действительности же в революционные годы вегетарианские столовые очень скоро были вынуждены идти навстречу социальным требованиям сотрудников (ср. с. 362).

⁶ И. Перпер *ВО* 1910: 9—10 51—53; Ф. Страхов *ВО* 1910: 9—10 54; Н. Гусев *ВО* 1911: 2 24—26; Ф. Р. Герман *ВО* 1911: 2 26—29; С. П. Полтавский *ВО* 1911: 3 26—29.

⁷ Федор Алексеевич Страхов (1861—1923), философ и композитор; был близок с Толстым.

⁸ В 1913 г. С. П. Полтавский был избран секретарем Первого Всероссийского вегетарианского съезда.

⁹ Толстой. *ПСС* 82: 184—185.

¹⁰ Лозинский. Указ. соч. С. 66—67.

9. Вклад евреев

¹ Со времен Екатерины II евреям разрешалось поселяться в Российской Империи, но только в польских и юго-западных губерниях.

² *ВО* 1913: 3 90.

³ *ВО* 1909: 2 30.

⁴ *ВО* 1910: 2 35.

⁵ *ВО* 1910: 5 38.

⁶ *ВО* 1910: 5 6.

⁷ *ВО* 1911: 1 48.

⁸ *ВВ* 1915: 5 1—3.

⁹ R. KALECHOFKY. Vegetarian Judaism. A Guide for Everyone. Micah Publications, 1998. IV, 246 P. В приложении к этой книге есть информация о двух еврейских вегетарианских обществах: The International Jewish Vegetarian and Ecological Society, с 1966 г. издававшее ежеквартальник «The Jewish Vegetarian» и «The Jerusalem Centre of the International Jewish Vegetarian Society». Есть также богатая библиография (р. 217—224). С. SPENCER (1995, р. 114—116, 124—129) склонен истолковывать иудейские заветы и запреты в еде в том смысле, что законы Моисеевы первоначально имели целью вегетарианский образ жизни. Ср. также статью о еврейском отношении к животному миру в книге Т. Н. Павловой «Биоэтика в высшей школе» (М., 1997) («5.2. Иудаизм», с. 80—82). Известные мне новые публикации по истории русского еврейства (как, например: Евреи в России: История и культура: Сборник научных трудов. СПб., 1995; Евреи в Российской Империи XVIII—XIX веков: Сборник трудов еврейских историков. М.; Иерусалим, 1995; Евреи в России: XIX век. М., 2000) — не содержат информации по вопросам вегетарианства.

¹⁰ Цит. по нем. переводу: Das Recht der Tiere in der Zivilisation. Hrsg. W. BROCKHAUS. München, 1975. S. 213—218.

¹¹ D. GOLDSTEIN, 1997. P. 106.

10. Вегетарианцы-эсперантисты

¹ И. ПЕРПЕР. Праздник света // *ВО* 1912: 5 172.

² ТОЛСТОЙ. *ПСС* 50: 142.

³ *ПСС* 64: 304—305.

⁴ *ПСС* 66: 223—224.

⁵ *ВО* 1910: 2 28.

⁶ *ВО* 1919: 10 2—5.

⁷ А. Н. ШАРАПОВА. Международный Союз Эсперантистов-Вегетарианцев (по окт. 1912 г.). Естественная жизнь и вегетарианство. М., 1913 [1914]. С. 139—142.

⁸ «Вегетарианство на 10-м Универсальном Конгрессе Эсперантистов». *ВВ* 1914: 2 7. Для членов киевского вегетарианского общества был организован бесплатный курс эсперанто.

⁹ А. Н. ШАРАПОВА. Эсперанто и вегетарианство. Саратов, 1915. 15 с.

¹⁰ Судьбами эсперантистов в России занимался мой ученик ANDREAS KÜNZLI в цюрихской магистерской диссертации: «Interlinguistik und Esperanto im Zarenreich und in der Sowjetunion. (Geschichte, Organisation, Ideologie, linguistische und literarische Aspekte)». Kriens / Luzern, 1991, V, 268 S. (не напечатано).

11. Врачи — *pro* и *contra*

¹ Раннее утро. 1911. № 126; цит. по: *ВО* 1911: 6—7 60.

² Обеды вегетарианца, факсимильное изд. М., 1990, без пагинации; здесь: с. 31. В. П. Быков, с 1894 по 1897 г. опубликовавший в своем московском издательстве «Обеды вегетарианца», состоял членом «Vegetarian Society» в Манчестере.

³ *ВО* 1914: 4 125—126; здесь: с. 126.

⁴ Е. Лозинский. Вегетарианство и воспитание. М., 1912. С. 25.

⁵ В противоположность этому, Джон Локк в своем эссе «Some thoughts concerning education» (1683) предписывал, чтобы детям до пятилетнего возраста вообще не давать мяса, а после — только в небольших количествах.

⁶ Ср. основополагающую статью А. И. Воейкова «Вопросы питания по новейшим данным» (*ВО* 1910: 6—8, 59—71; здесь: с. 60). Воейков подробно разбирает белковую норму Карла Фойта, определяющую количество белка, необходимое человеку в сутки. Карл Фойт предписывал для взрослого человека 118 гр. белка ежедневно, Мошотт — даже 130 гр. Это дало повод д-ру Бирхер-Беннеру в 1930 г. говорить о «белковой догме» XIX столетия. Сегодня достаточными считаются 50–60 гр. белка в сутки (см. с. 264). Воейков указывает также на то, что знаменитый физиолог И. П. Павлов (1849—1936), награжденный в 1904 г. Нобелевской премией за свои работы по физиологии, интересовался опытами Хореса Флетчера по уменьшению количества потребляемой пищи, в особенности белка (с. 61); «Уменьшение количества пищи — аксиома нынешнего рационального питания» (с. 69).

⁷ Большинство работ Мошотта переводились на русский язык в 1850-е и 1860-е годы. Ср. *БЕ* 38. СПб., 1896. С. 619—620.

⁸ Д. И. ПИСАРЕВ. Физиологические эскизы Мошотта // Русское слово. 1861. № 7. С. 23—53 (ср. ПИСАРЕВ. Полное собрание сочинений и писем: В 12 т. Т. 3. М., 2001. С. 153—175). Ср. также *БЕ* 19. СПб., 1893. С. 619—620 и *РП*. Т. IV. С. 617.

⁹ Русское слово. 1861. № 7. С. 30—31; ПИСАРЕВ. Т. 3 (ср. примеч. 8). С. 158—160.

¹⁰ В. А. ЗАЙЦЕВ. Избранные произведения: В 2 т. Т. 1 (1863—1865). С. 99—106, здесь: с. 101; о нем ср. *БЕ* 23. СПб., 1894. С. 147 и *РП*. Т. II. С. 313—316.

¹¹ И. С. ТУРГЕНЕВ. Отцы и дети. *ПСС*: В 30 т. Т. 8. С. 259. Разумеется, и Л. Н. Толстой был знаком с сочинением Молешотта, в черновике рассказа «Смерть Ивана Ильича» одному из героев принадлежат слова: «Еще в Правоведении мы прочли (Людвига) Бюхнера и Молешота, и, помню, тогда были горячие споры между товарищами...» (*ПСС* 26: 524).

¹² Ср. R. BIRCHER. Ursprünge der Tatkraft. Beiträge zur Ernährungsgeschichte der Schweiz. Erlenbach-Zürich, 1981. S. 94.

¹³ G. v. BUNGE. Der Vegetarismus. Ein Vortrag. Berlin, 1885, 2. Aufl. 1901.

¹⁴ A. MAURIZIO. Die Geschichte unserer Pflanzennahrung. Berlin, 1927. S. 189.

¹⁵ МАКОВИЦКИЙ. Т. 2. С. 196.

¹⁶ Там же. Т. 4. С. 371.

¹⁷ Слепое принятие на веру мнений врачей, предостерегавших от последствий вегетарианского питания, было достаточно распространенным явлением в Европе. Живое описание повседневной жизни Л. Н. Толстого оставил нам Евгений Цабель; ср. у него: «Очевидно, не благодаря растительному режиму питания, а скорее вопреки ему, он [Толстой] до семидесяти лет сохранил крепкую конституцию» (EUGEN ZABEL. L. N. Tolstoi. Leipzig u. a., 1901. S. 136).

¹⁸ С. А. ТОЛСТАЯ, 1978. Т. 2. С. 93.

¹⁹ Д. П. МАКОВИЦКИЙ; цит. по: Естественная жизнь и вегетарианство. М., 1913. С. 9—10.

²⁰ HAUSSLEITER, 1935. S. 258.

²¹ Там же. S. 220—225. Немецкий перевод рассматриваемых здесь трактатов Плутарха см. в сборнике *Leben. Töten. Essen* (2000 г.).

²² HAUSSLEITER, 1935. S. 222.

²³ На это указывает и Е. Лозинский в: Вегетарианство и воспитание. М., 1912. С. 38. Тот же аргумент находим у Петра Шейтлина (1840) и Эбермута Рудольфа (1979), ср.: *Leben. Töten. Essen*. S. 260, 266.

²⁴ См. прежде всего трактат «A Vindication of Natural Diet» (1813) // SHELLEY. The Prose Works. Vol. I. Oxford, 1993. P. 77—91, здесь: р. 82—83. Ср. также MORTON, 1994.

²⁵ Цит. по: Лозинский. Вегетарианство и воспитание. С. 26.

²⁶ Вестник Европы. 1878. Кн. 8. С. 595. Ср. к этому критические замечания в «Русской мысли» (1893. № 11. С. 549). Однако

фраза «Мясная пища свойственна лишь дикому и варварскому человеку» не принадлежит Бекетову, здесь искажается его замечание на с. 596: «И теперь замечаем в среде мясоедов тот же застой, ту же дикость и варварство, в которое были погружены так долго племена доисторических времен». И такие средства пускались в ход, когда дело касалось опровержения аргументации вегетарианцев.

²⁷ А. Данилевский. Пища и характер. Харьков, 1891. 43 с. На экземпляре бывшей Библиотеки им. Ленина есть пометка: «Не копировать».

²⁸ Об А. Я. Данилевском ср. БЕ. Т. 19. С. 75 и БСЭ. 2-е изд. Т. 13. С. 335; а также: И. Н. Буланкин. А. Я. Данилевский: Основоположник отечественной биохимии. Харьков, 1950.

²⁹ Данилевский. Пища и характер. С. 13—17.

³⁰ Там же. С. 19.

³¹ Там же. С. 35—36.

³² Там же. С. 17.

³³ Новые пищевые раскладки для нижних чинов (...) составл. в комиссии под председ. Академика Тайного Советника Данилевского. СПб., 1907. 75 с.

³⁴ Ср. LEITZMANN / HAHN, 1996. S. 366—375.

³⁵ Там же. S. 368.

³⁶ ВО 1910: 6—8 59—60.

³⁷ SMITH / CHRISTIAN, 1984. P. 260—261. Ср.: А. Н. Энгельгардт. Из деревни. 12 писем. 1872—1887. М., 1987. С. 325—326. Энгельгардт на основании своих наблюдений высказывает «передовые» взгляды по вопросам питания. Письмо седьмое почти целиком посвящено проблемам пищи. Суть этой главы можно подытожить словами: учиться у народа. «Насколько я мог заметить, *растительные азотистые вещества*, в особенности азотистые вещества злаков, вполне удовлетворяют потребностям питания работающего человека и при соответственном потреблении крахмала и жира дают возможность произвести maximum работы» (с. 337); и далее: «Каждый, кто посмотрит на дело просто, без предвзятых мыслей, согласится, что растительные азотистые вещества составляют естественную пищу человека» (с. 339). Энгельгардт уже в 1870-е годы, а значит, по всей видимости, первым в России, пропагандирует «балластные вещества»: «Я не знаю, насколько физиологи и медики знают, как должны быть комбинированы в пище человека переваримые и непереваримые вещества, но мы, люди интеллигентного класса, ничего по этой части не знаем и питаемся поэтому иногда очень односторонне, налегая преимущественно на животные азотистые вещества — мясо,

сыр, — которые, не знаю уже почему, считаются многими сами по себе достаточными для питания. Очень часто мы, интеллигентные люди, питаемся менее рационально, чем питается скот у хорошего хозяина» (с. 330). К началу XX века цюрихский врач М. Бирхер-Беннер отмечал подобное явление: домашние животные часто питаются разумнее, чем люди.

³⁸ В. Д. [= В. В. Дунаев]: «Как и почему я стал вегетарианцем». Лекция в СПб. ВО-ве от 7 марта 1915 г. Ср. ВО 1915: 2 56—58; 3 102—105.

³⁹ ВВ 1914: 4 4—6, здесь: 5.

⁴⁰ ВО 1913: 4—5 185—196.

⁴¹ П. И. Гуров, ВО 1913: 10 390.

⁴² М. САМСОНОВ, В. БУДАГОВСКАЯ. Вегетарианство: Польза реальная и мнимая // Медицинская газета. М., 1984. 20 июля.

⁴³ В. А. КОНЫШЕВ. Современное состояние старой концепции (вегетарианство) // Вопросы питания. М., 1987. № 6. С. 10—14.

⁴⁴ Три года спустя В. А. Кобышев вместе с Михаилом Мееревичем Гурвичем опубликовал брошюру «Вегетарианство сегодня». М.: Знание, 1990. 63 с. (= Новое в жизни, науке, технике. Биология 8/1990). Эта работа осталась мне недоступной.

12. Бойня — взгляд изнутри

¹ Erneue ihn mit einer reinen Speise,
mit Tau, mit ungetötetem Gericht,
mit jenem Leben, das wie Andacht leise
und warm wie Atem aus den Feldern bricht.

Rilke. Stundenbuch, 1905 (пер. Владимира Летучего; см. также переводы В. Микушевича и М. В. Пиккеля).

² NORBERT ELIAS, 1969 [1936]. Bd. 1. S. 157—163.

³ Правила светской жизни и этикета: Хороший тон. СПб., 1889. Репринт: М., 1991. С. 312.

⁴ Ср. SPENCER, 1995. P. 269—272: «Animal slaughter».

⁵ A. ZHOLKOVSKY, 1995. P. 304—310.

⁶ ВО 1910: 5 32—33; ср. выше с. 117.

⁷ ВО 1911: 9—10 54—55.

⁸ ВО 1910: 2 35—36.

⁹ Мясные фабрики г. Чикаго дают повод для острой социальной критики также в пьесе «Die Heilige Johanna der Schlachthöfe» Бертольда Брехта (1931). Правда, у Брехта страдания животных являются только второстепенным мотивом; главная цель автора — разоблачение капиталистической системы.

¹⁰ ВО 1911: 6—7 63; ср. также ВО 1914: 3 122.

¹¹ ВВ 1915: 7 7—8. В «Указателе русской и иностранной вегетарианской литературы» (изд. «Посредник» № 985. С. 24) значится этюд: UPTON SINCLAIR, MICHAEL WILLIAMS. The Art of Health.

¹² Юрий Олеша. Зависть. М., 1989. С. 31.

¹³ Жолковский, 1995 говорит о топосе «techno-slaughter» (р. 305).

¹⁴ Б. Пильняк. Мать сыра земля // Тысяча лет — Мать-Мачеха. Собрание сочинений (Репринт). Т. 3. М.; Л., 1929; Мюнхен, 1970. С. 70.

¹⁵ Ср. выше с. 237.

¹⁶ В. В. Маяковский. ПСС в 13 т. Т. 7. М., 1958. С. 332—334.

¹⁷ В. Ерофеев (изд.). Время рожать: Сборник. М., 2001. С. 203—214; впервые в журнале «Знамя» (1998. № 4. С. 121—127).

¹⁸ Валерий Исаев-Меленковский. Забойщик скота Федор Лыков // Литературная Газета. 20—26 авг. 2003 г. (№ 34). С. 15.

13. Поваренные книги

¹ SPENCER, 1995. P. 358—359.

² Вегетарианская кухня. Наставление к приготовлению более 800 блюд, хлебов и напитков для безубойного питания со вступительной статьей о значении вегетарианства и с приложением расписания обедов в 3 разрядах на две недели. Составлена по иностранным и русским источникам. М.: Посредник, 1894. XXXVI, 181 с. (= Для интеллигентных читателей, 27). В 1895 г. вышло 2-е, в 1916 г. — 9-е издание этой книги (192 с.). Составителем был Е. И. Попов.

³ Русское богатство. 1893. № 9. С. 55—59; здесь: с. 55.

⁴ ВО 1914: 4 160—161.

⁵ Вегетарианский стол / Сост. Т. А. Кузминская. С 416 рецептами. 5-е изд. СПб.: Суворин, 1914. Следует упомянуть также другие книги, вышедшие до Первой мировой войны: В. П. Ясинская. Что сегодня готовить? СПб., 1899; Вегетарианский стол: 444 новейших вегетарианских блюд. СПб.: Тип. Л. В. Гутмана, 1914. 192 с.; Вегетарианская кухня. М.: Промышленность и техника, 1917. 92, IV с.; Ян Казимир Чарнота. Вегетарианская кухня / Пер. с польского П. Клибаутский-Грибовский. Киев, 1911. 215 с.; Л. Д. Николаева. Сто вегетарианских блюд. 3-е изд. М.: Посредник, 1912.

⁶ А. И. Воейков. Кухонные книги // ВО 1909: 2 11—12.

⁷ Ср. БСЭ 2-е изд. Т. 30. М., 1954. С. 417—418: «Общественное питание».

⁸ Ср. HALINA ROTHSTEIN / ROBERT A. ROTHSTEIN. The Beginnings of Soviet Culinary Arts // Food in Russian History and Culture. Hrsg. MUSYA GIANTS and JOYCE TOOMRE. Bloomington: Indiana University Press, 1997. P. 177—194; здесь: p. 178—179.

⁹ БСЭ 2-е изд. Т. 14. М., 1952. С. 327. Ср. также: Т. 33. 1955. С. 141: В словарной статье «Пищевой паек» приводится оптимум белка в пищевом рационе — от 109 до 163 г ежедневно, животные белки и жиры — от 67 до 94 г)

¹⁰ ROTHSTEIN (см. примеч. 8). P. 184.

¹¹ Эта книга оказалась мне недоступной; цит по: ROTHSTEIN. P. 184—185.

¹² Е. М. ЦВЕТАЕВА. 130 блюд из соевых. М., 1930. Ср. ROTHSTEIN. P. 193.

¹³ Н. ТАРАСОВ, Т. БОХАНОВСКАЯ. Сырая пища и ее приготовление. 1931.

¹⁴ Газета «Вегетарианские товары» перепечатала эту брошюру в 1998 г.

¹⁵ О. К. ЗЕЛЕНКОВА. Я никого не ем. М.: Московский рабочий, 1991; позднее: Я никого не ем! Вегетарианская кухня. 365 вегетарианских меню и 1500 рецептов / Под ред. А. Зеленкова. М.: Феникс, 1996. 573 с.

¹⁶ Все о вегетарианстве / Под ред. И. Л. Медковой, Т. Н. Павловой, Б. В. БРАМБУРГА. М.: Экономика, 1993 (тираж — 50 тыс. экз.); А. Ю. БУН. Как стать долгожителем. М., 1997, также тиражом в 50 тыс. экз.

VIII. РУССКИЕ ВЕГЕТАРИАНЦЫ В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ И ПРИ СОВЕТАХ

¹ Начало Первой мировой войны привело многих вегетарианцев к кризису сознания. Как может человек, испытывающий отвращение к пролитию крови животных, убивать других людей? Если пойти в армию, то станет ли армия уважать их вегетарианские убеждения? (англ.)

² ВО 1913: 3 89—92 и 4—5 129—144.

³ ВО 1913: 4—5 130.

⁴ ВО 1913: 4—5 133.

⁵ ВВ 1914: 1 (май) 3—4.

⁶ ВВ 1914: 4 (21 окт.) 1.

⁷ ВО 1915: 1 (январь) 1.

⁸ ВО 1915: 2 62—63.

⁹ Там же. С. 75—76.

¹⁰ Цит. по: ВО 1915: 4 150—151.

¹¹ ВО 1914: 8—9 299.

¹² *BO* 1914: 10 322.

¹³ *BO* 1915: 4 131.

¹⁴ Ср. также *BO* 1915: 2 77, 157.

¹⁵ *BO* 1915: 5 186.

¹⁶ Уже 18 января 1913 г. д-р Зельсс в журнале «*Vegetarische Warte*» приветствовал надвигавшуюся катастрофу в статье «Куда держим курс?» — словами невероятными, понятными только в том случае, если учесть широко распространенную в тогдашней Германии тоску по «купанию в стали» (*Stahlbad*): «Действительно, посчастливится ли нам с помощью родных и других, зачастую более мощных новаторских группировок, вырвать ослепленных из лучей городского прожектора? (...) Правдоподобным это показалось бы только если представить себе, что когда-нибудь над страной пробушует сильнейшая буря, в сравнении с которой наш отрезвляющий гром представляется лишь слабым шелестом, и что она, эта буря, как ураган, гремящий в зимнем лесу, сметет листья и трухлявые сучья, снесет и завалит все одряхлевшее и гнилое. Раз уже, почти триста лет тому назад, наша страна пережила такую бурю. Тогда она длилась тридцать лет [имеется в виду 30-летняя война 1618—1648! — П. Б.] (...). Но как только буря пройдет, собрав плачевный урожай, тогда пусть наши учения о телесном обновлении, за которым должно следовать по пятам обновление духовное (...) будет теми учениями, которые смогут указать оставшимся в живых, как жить им в будущем, с тем чтобы из смолы и развалин городов [! — П. Б.] возшли свежие посевы и народились радостные, счастливые люди (...)» (Jg. 46. 1913. S. 11—12).

¹⁷ *Vegetarische Warte*. Jg. 47 (1914). S. 152—153.

¹⁸ Там же. S. 17—18.

¹⁹ Там же. S. 130—131.

²⁰ Там же. S. 189.

²¹ *BB* 1915: 1 11.

²² Об этом см. *BB* 1917: 1 1.

²³ *BO* 1915: 5 186. В ноябре 1915 г. было разослано «Открытое письмо Перпера И. О. подписчикам журнала *BO*». Ср. ГМИР, ф. 21, оп. 1/44. № 20.

²⁴ *BO* 1914: 10 308.

²⁵ Источники: печатное приглашение на съезд от 1 марта 1916 г. (на французском языке, ГМИР, ф. 17, оп. 1, № 970, л. 25—26) и программа съезда (там же, л. 92—93); рукопись выступлений И. Бирюкова (там же, № 34); русскоязычный отчет Бирюкова (7 машинописных страниц), включающий также решения кон-

гресса: «Вегетарианский социальный конгресс на Монтэверита» (там же, № 35, л. 1—7).

²⁶ Решения конгресса на немецком языке: ГМИР, ф. 27, оп. 1, № 970, л. 54.

²⁷ *ВО* 1915: 1 35—36.

²⁸ *ВВ* 1914: 4 (21 окт. 1914 г.) 3.

²⁹ *ВВ* 1915: 1 1—4.

³⁰ *ВВ* 1915: 3—4 19—21.

³¹ *ВВ* 1917: 1 1.

³² *ВВ* 1917: 2 1—6; 3 1—3.

³³ *ВВ* 1917: 4 1—3.

³⁴ *ВВ* 1917: 4 10.

³⁵ *ВВ* 1917: 6 1—2.

³⁶ *ВВ* 1917: 5 7. Е. Лозинский уже в 1910 г., с точки зрения своего «социального вегетарианства», критически замечал, что и в вегетарианских столовых служащие («наемный физический труд») подвергаются 12–14-часовой рабочей каторге (*ВО* 1910: 6—8 94; ср. выше, с. 314).

³⁷ *ВВ* 1917: 5 8—10.

³⁸ *ВВ* 1917: 7 4—5.

³⁹ *ВВ* 1917: 96; ср. об этом также отчет (доклад) «Идейная работа МВО-ва за 1917 г.» (ГМИР, ф. 34, оп. 1, № 18); Поповский, 1983. С. 60, называет 2 июня датой учреждения общества.

⁴⁰ *ВВ* 1917: 5 13—14.

⁴¹ *ВВ* 1917: 5 15.

⁴² *ВВ* 1917: 10 1—2.

⁴³ *ВВ* 1917: 11 1—2.

⁴⁴ *ВВ* 1917: 11 1—5.

⁴⁵ ГМИР, ф. 34, оп. 1/88. В этом фонде есть, между прочим, заявления с просьбой о принятии в общество, начиная с 1911 г. и до 1928 г., — например, профессора МГУ Витольда Игнатьевича Виткевича, род. 1888 г., вегетарианца с 1915 г., или же Льва Павловича Бирюкова, род. 1903, вегетарианствующего с рождения...

⁴⁶ ГМИР, ф. 34, оп. 1/88, № 18, л. 243, 241.

⁴⁷ ГМИР, ф. 34, оп. 1/88, № 18.

⁴⁸ ГМИР, ф. 17/85, оп. 1, № 91, л. 1—3.

⁴⁹ Цит. по: Владимир Бонч-Бруевич. Кривое зеркало сектантства (По поводу 1-го Всероссийского съезда сектантских сельскохозяйственных и продовольственных объединений). М.: Жизнь и знание, 1922. 40 с., здесь: с. 31—32 (= Общедоступная библиотека. Кн. 18).

⁵⁰ Там же. С. 10; ср.: «Кстати сказать, это разделение среди толстовцев на две группы не ново. Оно ведет свое начало еще с

90-х голодных годов прошлого столетия». Там же. С. 11; ср. также с. 15—16.

⁵¹ Там же. С. 12—15.

⁵² Там же. С. 9.

⁵³ Ср. о нем: Толстой *ПСС* 56: 555—556.

⁵⁴ ГМТ, Рукописный отдел, 1 б: Переписка Толстовцев-членов МВО.

⁵⁵ ГМИР, ф. 34 1/88, МВО 1909—1930, I № 1 (набросок письма с поправками карандашом).

⁵⁶ Общее дело. Литературно-общественный и вегетарианский журнал (№ 6) под ред. Ю. Неаполитанского. 68 с. Ср. ГМИР, ф. 21, оп. 1/344, № 105. По поводу датировки ср. с. 38.

⁵⁷ ГМИР, ф. 34, оп. 1/88, МВО 1909—1930, № 1.

⁵⁸ ГМИР, ф. 34, оп. 1 № 13: Дневник бесед.

⁵⁹ ГМИР, ф. 34, оп. 1 № 26; здесь содержатся также другие документы, всего 62 страницы.

⁶⁰ В фондах ГМИР есть 482 «заявления-анкеты членов общ. МВО за 1911—1928 гг. в алфавитном порядке от А до Я», заполненные членами при вступлении в общество. Ср. ф. 34 оп. 1/88, № 28.

⁶¹ ГМИР, ф. 34, оп. 1 № 26, л. 4.

⁶² ГМИР, ф. 13, оп. 2/31, № 9.

⁶³ EDGERTON, 1993. P. 16.

⁶⁴ Там же. P. 64, 149—150.

⁶⁵ Там же. P. 160 сл.

⁶⁶ Поповский, 1983.

⁶⁷ ГМИР, ф. 26, оп. 1, № 21.

⁶⁸ WILLIAM EDGERTON. Толстой и толстовцы // Новый мир. № 3, март 1989. С. 267. Ср. также: W. EDGERTON. The Social Influence of Lev Tolstoj in Bulgaria. Presented at the 10th International Congress of Slavists. Sofia, Bulgaria, 14—22 Sept. 1988. 16 p., здесь: p. 11—12. О судьбах толстовцев в СССР ср. Поповский, 1983.

IX. Утопия питания советского времени

1. «Научная утопия»

¹ *ВО* 1910: 6—8 66.

² *ВО* 1909: 5 9—14, 6 20—21; объявленное продолжение статьи, очевидно, не появилось в печати.

³ *ВО* 1909: 5 10 (ср. выше гл. VII, с. 261).

⁴ НЕСМЕЯНОВ А. Н., БЕЛИКОВ В. М.: Пища будущего. М.: Педагогика, 1979.

⁵ Там же. С. 123.

- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же. С. 123—124.
- ⁸ Там же. С. 18.
- ⁹ Там же. С. 120—122.
- ¹⁰ По вопросу о состоянии промышленной продукции ароматов вкуса в 2001 г. ср. HANS-ULRICH GRIMM. Sinnestäuschung aus der Suppentüte. Über die Bedeutung des Geschmacks. NZZ, 6.06.2001, В 17.
- ¹¹ НЕСМЕЯНОВ, 1979. С. 127.
- ¹² HAGEMEISTER, 1989. S. 8—13; ПАВЛОВА, 1997. С. 61—64 («Русские космисты»), здесь с. 61.
- ¹³ К. Э. Циолковский. Общественная организация человечества. М.: МИП «Память», Российско-Американский университет, 1992. 32 с.
- ¹⁴ К. Э. Циолковский. Любовь к самому себе, или истинное себялюбие. М.: МИП «Память», Российско-Американский университет, 1992 [по изданию 1928 г., Калуга, Склад изданий автора], 32 с.
- ¹⁵ К. Э. Циолковский. Идеальный строй жизни. М.: Самообразование, 1998 [1917]. 32 с. (тираж 900 экз.); ср. с. 22, где источником текста назван Архив РАН, ф. 555, оп. 1, № 379.
- ¹⁶ Циолковский. Горе и гений // Общественная организация человечества. М.: МИП «Память», Российско-Американский университет, 1992 [1928]. С. 23—31, здесь: с. 23—25.
- ¹⁷ Циолковский. Идеальный строй жизни. С. 20—21.
- ¹⁸ Там же. С. 20.
- ¹⁹ Циолковский. Общественная организация человечества. С. 26—27.
- ²⁰ Циолковский. Там же. С. 3
- ²¹ Циолковский. Биологическая жизнь // Любовь к самому себе, или истинное себялюбие. С. 28.
- ²² Циолковский. Общественная организация человечества. С. 28.
- ²³ Циолковский. Идеальный строй жизни. С. 6—7.
- ²⁴ В. И. Вернадский. Дневники 1917—1921. [Часть 1]. Окт. 1917 — янв. 1920. Киев, 1994. С. 162.
- ²⁵ Ср. VERNADSKIJ, VLADIMIR. Der Mensch in der Biosphäre. Zur Naturgeschichte der Vernunft. Hrsg. W. HOFKIRCHNER. Frankfurt a.M. u. a., 1997.
- ²⁶ СЕМЕНОВА С. Г. Вернадский и русский космизм // Владимир Вернадский: Жизнеописание. Избранные труды. Воспоминания современников. Суждения потомства. М., 1993. С. 596—646, здесь с. 625.

²⁷ BURKERT, WALTER. Homo necans. Interpretationen altgriechischer Opferriten und Mythen. 2-e Aufl., Berlin, 1997.

²⁸ СЕМЕНОВА (указ. соч., с. 635) приводит слова Э. Ренана из книги: Философские диалоги и отрывки // Собр. соч. Киев, 1902. Т. 5. С. 156. Французский оригинал этого текста: «Qu'on se figure seulement la révolution sociale qui s'accomplira quand la chimie aura trouvé le moyen, en imitant le travail de la feuille des plantes et en captant l'acide carbonique de l'air, de produire des aliments supérieurs à ceux que fournissent les végétaux et les bêtes des champs. Le jour où l'homme sera dispensé de tuer pour vivre, le jour où disparaîtra l'affreux spectacle des étaux de boucher, marquera bien aussi un progrès pour l'éducation des sens» (ERNEST RENAN. Dialogues et fragments philosophiques. Paris, 1876. P. 85). Между прочим, в последующей фразе поднимается вопрос о том (в 1876 г.!), какие последствия будет иметь возможность определить род эмбрионов в утробе матери...

²⁹ ВЕРНАДСКИЙ, 1993. См. примеч. 26, с. 485—486.

³⁰ WINCENTY LUTOSŁAWSKI. The Knowledge of Reality. Cambridge, 1930. P. 51.

³¹ Там же. P. 53.

³² Там же. P. 179.

³³ СЕМЕНОВА. Указ. соч. С. 632.

³⁴ Стихотворение см. в приложении (с. 452—453).

2. Научная фантастика

¹ Ср.: Советская фантастика 20—40-х годов (= Библиотека фантастики. Т. 6). М., 1987. С. 542—548, здесь с. 542.

² Отдельным изданием также: К. Э. Циолковский. Вне земли. М.: АН СССР, 1958. Цит. по изд.: Советская фантастика (ср. сноску 1, с. 27—190).

³ Циолковский. Идеальный строй жизни. С. 9.

⁴ Циолковский. Биологическая жизнь // Любовь к самому себе... С. 28.

⁵ Циолковский. Общественная организация... С. 28.

⁶ Э. С. Зеликович. Следующий мир // Борьба миров. М., 1930; янв., с. 19—44; февр., с. 57—68; март, с. 63—79; апрель, с. 61—74; май, с. 67—80; июнь, с. 62—80; июль, с. 66—71; здесь: янв., с. 19.

⁷ А. П. КАЗАНЦЕВ. Фаэты: Фантастический роман в трех книгах. М., 1974 и др. годы издания.

⁸ АБРАМ ТЕРЦ. Фантастические повести [...]. [Нью-Йорк]: Международное литературное содружество, 1967. С. 175—195.

Х. ПОСЛЕ ПЕРЕСТРОЙКИ

¹ Письменное сообщение Т. Н. Павловой от 20 февраля 2002 г. Ср. обстоятельное интервью с И. Л. Медковой, напечатанное в газете *ВТ* (№ 6, сентябрь 1997); то же: <http://www.vegetus.info/contacts/indehl.shtml>.

² <http://www.vegetus.info/print/?clinica/text>; <http://www.vita.front.ru>

³ *ВТ* (№ 6, сентябрь 1997 г.).

⁴ Ср.: <http://www.vege.ru>

⁵ В. М. Рошаль. Тысяча рецептов вегетарианской кухни. СПб.: Диамант, 1997. С. 5.

⁶ Все о вегетарианстве. М.: Экономика, 1993. Тираж: 50 000 экз.(!)

⁷ О. ЗЕЛЕНКОВА. Нечто о вегетарианстве. Вып. 1—3. 1902—1904.

⁸ Патриот. М., 1996 г. изд. № 26. С. 14, 16.

⁹ В. В. Радугин. Вегетарианство (Безубойное питание) и причины отпада от него. Шуй, 1908.

¹⁰ Благоговение перед жизнью — императив XXI столетия. Материалы симпозиума, посвященного 125-летию со дня рождения Альберта Швейцера / Ред. Г. М. Шарпило. СПб., 2000. 176 с.

¹¹ STOLZENBERG, 1992. S. 127. Ср. там же сообщение, которое дал о своем посещении А. Швейцера Harald Steffahn: «Три раза в день — чечевичная похлебка, яйцо вкрутую; дальше (постоянно или в вариациях): ананас, сушеные фрукты, салат из свежих фруктов, “пумперниккель” (т. е. ржаной хлеб из муки крупного помола), пирог с луком, суп, кофе, все. Ни жира, ни мяса. Все без соли» (14.1.1965). (перевод мой. — П. Б.).

¹² На сайте <http://www.vege.ru> содержится ссылка на Интернет-страницу «Вегетарианского общества города Москвы»: www.vegetus.info/society/ (ноябрь 2004 г.).

¹³ Христианское отношение к пище: нормы питания, вегетарианство, пост. М.: Издательство Московской Патриархии; Благо, 1998. 47 с. Тираж 20 000 экз.

¹⁴ Там же. С. 28.

¹⁵ После распада Советского Союза статья патриарха Тихона перепечатывалась несколько раз, а именно в: Русское возрождение. 1992—1993. № 60—61; Благовест. 1993. № 18. С. 8 и далее; Православие. М., 1997. № 34. С. 3 и далее; <http://www.wco.ru/biblio/books/veget1/Main.htm> (январь 2005).

¹⁶ По поводу публикации «Почему же я вегетарианец?» в «Православной газете» 12 (46) 1996 г. подробно высказал свое мнение медик Андрей Щипов, православный верующий, заве-

дующий отделением инфекционных заболеваний кишечника в одной из московских больниц. С точки зрения медицины, экономики, экологии и этики, утверждает А. Щипов, вегетарианство сегодня вполне оправданно. Опасной является, по мнению А. Щипова, деятельность сект, пропагандирующих вегетарианство, кроме того, он сожалеет и о спесивости некоторых вегетарианцев.

¹⁷ Ср. статью «Russlands Kampf gegen "Sekten"» в журнале «Glaube in der 2. Welt», Zollikon / Zürich, 2001. Jg. 29. № 6. S. 19—31; № 7 / 8. S. 41—47.

¹⁸ HEMMINGER H., KEDEN J. Was predigt der «neue Christus» Visarion? Zur Ideenwelt und zu den Aktivitäten der «Kirche des letzten Testaments» // Glaube in der 2. Welt. Zollikon / Zürich, 2001. Jg. 29. № 6. S. 19—25. О в целом положительных результатах научного исследования веганства сибирских поселенцев сообщает проф. И. Медкова в статье «Healthstudy in a Vegan settlement in Siberia», опубликованной в журнале «EVU News», Issue 1/1998.

XI. Взгляд назад и в будущее

¹ Ср. выше, с. 254.

² Поучения Великого князя Владимира Мономаха для сыновей // Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Вып. 1 // Повесть временных лет. 2-е изд. Л., 1926. Стлб. 245.

³ E. BRYNER. Lexikon der russischen Kultur. Darmstadt, 2002. S. 225.

⁴ ЛСС 86: 216.

⁵ Ср. Экскурс: К истории терминологии, см. выше с. 45—52.

⁶ К. С. Юнаков. Вегетарианцы идейные и гигиенисты // ВО 1912: 8—9 233. —Примечательно, что в исследовании Г. Ю. Тойтеберга по социальной истории «немецкого» вегетарианства тема «веганцев», или отказа от потребления каких-либо продуктов животного происхождения, почти не освещается, а если и затрагивается, то исключительно в связи с вопросами здоровья, а не морали (ср. Н.-J. TEUTEBERG, 1994. S. 56—59). В книге «Вегетарианство. К истории и будущему одного образа жизни» (Vegetarismus. 2001) председатель Вегетарианского Союза Германии Томас Шёнбергер в своих замечаниях относительно дальнейшей «стратегии» вегетарианского движения высказал мнение, что вегетарианство в будущем должно меньше выступать как «мировоззренческое сообщество», дабы выйти из своего периферийного положения. Т. Шёнбергер предлагает прямо указывать на положительные стороны вегетарианского питания (S. 133).

⁷ *ВТ*, июнь 1998, № 12 (24).

⁹ MELLINGER, 2000. S. 133—143.

¹⁰ БЫКОВ. Цит. соч. С. [4].

¹¹ В. В. ПОХЛЕБКИН. Кушать подано! Репертуар кушаний и напитков в русской классической драматургии с конца XVIII до начала XX столетия. М., 1993. С. 335. С 1968 г. автор публикует также книги по истории водки и чая, ср. в частности: Водка и чай в истории России. Красноярск, 1995.

¹² Ср. главу о Рерихе.

¹³ БЕ. Т. 6. С. 632—633.

¹⁴ КУЗМИНСКАЯ. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. Тула, 1964. С. 196.

¹⁵ R[UDOLF] ST[AMM]... «Alaska zwischen Vorvergangenheit, Gegenwart und Zukunft. Alte, erneuerte Nachbarschaftskontakte über die Behringsee hinweg» // *NZZ* 18/19 августа 2001. S. 9.

ХII. ТЕТСТЫ

Стихотворения

¹ А. К. Толстой. Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. М., 1963. С. 58.

² Н. А. Заболоцкий. Стихотворения и поэмы. М.; Л., 1965. С. 210—211 (= Библ. поэта, б. с.)

³ С. Есенин. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. М., 1961. С. 105—106.

⁴ А. М. Добролюбов. Сочинения. Т. 2: Из книги невидимой. Berkeley, 1983. P. 38 (= Modern Russian Literature and Culture. Studies and Texts. Vol. 11).

⁵ Там же. P. 59—60.

ХІV. ПРИЛОЖЕНИЕ

Избранная библиография

В этот список не были включены издания, цитируемые только в отдельных главах; их можно найти в соответствующих сносках, а имена авторов также в указателе имен собственных. Названия, оставшиеся мне недоступными, обозначаются *.

БАРЫКОВА Анна Павловна. Стихотворения и прозаические произведения. СПб. 1897; 2-е изд., расшир. извлечениями из писем Барыковой к Чертковым: Стихотворения. М., 1910.

БЕКЕТОВ Андрей Николаевич. Питание человека в его настоящем и будущем. СПб., 1879 (впервые: Вестник Европы. СПб., 1878).

БЕНДЖАМИН Гарри. Популярный справочник естественного лечения / И. Л. Медкова, Т. Н. Павлова. Vegetарианство — здоровье физическое и душевное. М.: Педагогика-Пресс, 1994.

БИРЮКОВ Павел Иванович. Л. Н. Толстой: Биография. Т. 1—3. Берлин: Слово, 1921.

БРОНЗОВ Александр Александрович. Вопрос о безубойном питании человека, решаемый с «христианской» точки зрения // ВВ 1904: 4/ Стлб. 8—16; № 5 5—18; № 6 3—14, № 7 3—12; впервые: Христианское чтение. 1904. № 4, 5.

БУЛГАКОВ Валентин Федорович. О Толстом: Воспоминания и рассказы. Тула, 1978.

Вегетарианец [журнал]. М., 2001. № 1—2; № 3 — онлайн-издание.

Вегетарианский вестник. СПб., 1904—1905 (ВВ).

Вегетарианский вестник. Киев, 1914—1915, 1917 (ВВ).

Вегетарианское обозрение. Кишинев; Киев, 1909—1915 (ВО).

ВИСЬНЕВСКА-РОШКОВСКА Кинга, ПИОТРОВЯКОВА В. Vegetарианство: Vegetарианские блюда / Пер. с польск. С. Н. Гульянц. Минск, 1992 (тираж 100 000).

ВРЕМЯ [ежемесячная газета]. Изд. Центром этического отношения к животным «Жизнь», им. Льва Толстого. Харьков, 2003—2004 (тираж: 5 000).

ГАЛЕЦКИЙ ФЕДОР ФОН. Л. Н. Толстой и вегетарианство. М.: Посредник, 1913.

ГУСЕВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ. Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого: 1828—1890. М., 1958; То же. 1891—1910. М., 1960.

ДАЛЬ Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка. 3-е изд., СПб.; М., 1903—1909.

ДАНИЛЕВСКИЙ АЛЕКСАНДР. Пища и характер. Харьков, 1891 (43 с.)

Еда и питье в литературе // НЛО. М. № 21 (1996). С. 220—287.

Естественная жизнь и вегетарианство: Первый альманах Вегетарианского Общества. Изд. П. И. Бирюков, Н. Н. Гусев. М., 1913.

ИВАКИН Иван Михайлович. Записки // Лев Толстой. Кн. 2 (= Литературное наследство. Т. 69, 2). М., 1961. С. 26—124.

КИРИЛЛИНА Елена Владимировна. Репин в Пенатах. Л., 1977.

КОЦЮБИНСКИЙ Михайло Михайлович. Твори. Т. 1—7. Київ, 1973—1975.

КОРАБЛЕВ Лев. Пять лет из жизни Киевского Вегетарианского Общества. 1908—1913. Киев, 1914 (27 с.).

Крик (журнал, изд. Центром этического отношения к животным в Харькове). Гл. ред. И. В. Парфенов. № 1—5. Харьков, 1998—2003.

Кулижников Гр. «Быть воздержанным в питье и в пище»: К 155-летию со дня рождения Л. Н. Толстого // Московский университет. 7 окт. 1883 г.

КУЗМИНСКАЯ Татьяна Андреевна. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. М., 1968.

ЛАВРЕНТЬЕВА Елена Владимировна. Культура застолья XIX века: Пушкинская пора. М., 1999.

ЛЕНИН Владимир Ильич. Сочинения Т. 1—36. 4-е изд. Т. 15. М., 1947.

ЛЕСКОВ Николай Сергеевич. Собр. соч. Т. 1—11. М., 1956—1958.

ЛОЗИНСКИЙ Евгений Устинович. Вегетарианство и воспитание. М.: Посредник, 1912 (80 с.)

*ЛУКИЧЬ Василь. Вплив живності на характер народів // Квітка. Ілюстрований літературний збірник. Видав В' Л' накладом т-ва «Просвіта». Львів, 1890 (Відбитка з календаря т-ва «Просвіта» на рік 1891). С. 73—77.

МАКОВИЦКИЙ Душан Петрович. У Толстого 1904—1910. Яснополянские записки. Кн. 1—4. М., 1979 (= Литературное наследство. Т. 90. 1—4).

МАЯКОВСКИЙ Владимир Владимирович. Полн. собр. соч. Т. 1—13. М., 1955—1961.

МЕДКОВА И. А., ПАВЛОВА Т. Н., БРАМБУРГ Б. В. Все о вегетарианстве. М., 1992.

МИРОНОВ А.: Л. Н. Толстой и вегетарианство // Гигиена питания. Орган Ленинградского научно-гигиенического Вегетарианского общества. 2-й год изд. (1928). № 4. С. 1—2.

НЕСМЕЯНОВ Александр Николаевич / Беликов, В. М. Пища будущего. М.: Педагогика, 1979. 2-е изд. 1985 (тираж 200 000).

НОРДМАН Н. Б. см. СЕВЕРОВА Н. Б.

ПАВЛОВА ТАТЬЯНА Н. Биоэтика в высшей школе. М., 1997 (тираж 7 000).

ПОПОВСКИЙ МАРК. Русские мужики рассказывают: Последователи Л. Н. Толстого в Советском Союзе 1918—1977. Лондон, 1983.

ПОРУДОМИНСКИЙ Владимир Ильич. Л. Н. Толстой и этика питания // Человек. М., 1992. № 2. С. 106—118. № 3. С. 127—138.

РЕКЛЮ ЭЛИЗЕ. О вегетарианстве / Пер. с англ. М. Языковой; Под ред. А. Коншина. М.: Посредник, 1905.

РЕПИН Илья Ефимович. Письма. И. Е. Репин и Л. Н. Толстой. Т. 1: Переписка с Л. Н. Толстым и его семьей. М.; Л., 1949.

РОМАНОВ Павел Викторович. Застольная история государства Российского. СПб., 2000.

РОЗАНОВ СЕРГЕЙ. Граф Л. Н. Толстой как проповедник христианских добродетелей воздержания и поста // Чтения в обществе любителей духовного просвещения. СПб., 1892. № 6. С. 219—242.

*ШАПИРО БЕРНАРД. Вегетарианство, или безубойное питание с нравственной и медицинской точек зрения. СПб., 1900.

СЕВЕРОВА НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА. Интимные страницы. СПб., 1910.

СЕВЕРОВА НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА. Райские советы. Статьи и замечания. [СПб.], 1913.

СТАСОВ, Владимир Васильевич (сост.). Николай Николаевич Ге, его жизнь, произведения и переписка. М., 1904.

ТИХОН, СВЯТИТЕЛЬ, ПАТРИАРХ ВСЕЯ РУСИ. Вегетарианство и его отличие от христианского поста. М., 1895 (см. также: www.wco.ru/biblio/books/veget1/Main.htm).

ТОЛСТАЯ СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Дневники. Т. 1 (1862—1900); Т. 2 (1901—1910). М., 1978.

Толстая Татьяна Львовна (собр.). 250 мыслей философов, поэтов и ученых о вегетарианстве и воздержании. М., 1903.

Толстой Илья Львович. Мои воспоминания. М., 1969.

Толстой Лев Николаевич. Полн. собр. соч. Т. 1—90 и указатели. М., 1928—1958, 1964 (ПСС).

Толстой Лев Николаевич (собр.). Безубойное питание или вегетарианство: Мысли разных писателей. 2-е изд. М., 1911 (изд. Посредника № 753).

Уильямс Хауард. Этика пищи или нравственные основы безубойного питания для человека. Собрание жизнеописаний и выдержек выдающихся мыслителей всех времен / Пер. с английского [М. А. Толстой]. Стихотворные цитаты, помещенные без подписи, переведены А. И. Барыковой. М., 1893 [а также 1903, 1905, 1914]. 354, III с.

Указатель русской и иностранной вегетарианской литературы / Сост. В. Алексеева, Ф. Герман, А. Зонов. М., 1910 (изд. Посредника № 985, тираж 20 000).

Христианское отношение к пище: нормы питания, вегетарианство, пост. М.: Изд. Московской Патриархии, Благо, 1998.

Чехов Антон Павлович. Полн. собр. соч. и писем. Т. 1—30. Сочинения. Т. 1—18. Письма. Т. 1—12. М., 1974—1983.

Чуковский Корней Иванович. Современники: Портреты и этюды. М., 1962.

Чуковский Корней Иванович. Собр. соч. Т. 1—6. Т. 2. М., 1965.

BARKAS, JANET. The Vegetable Passion. A History of the Vegetarian State of Mind. London, 1975.

BARLÖSIUS, EVA. Naturgemäße Lebensführung. Zur Geschichte der Lebensreform um die Jahrhundertwende. Frankfurt; New York, 1997.

BEKETOFF, ANDREJ NIKOLAJEWITSCH. Die Ernährung des Menschen in der Gegenwart und in der Zukunft. Aus dem Russ. übers. von LUDWIG BAUER. Rudolfstadt, 1882. Nachdruck: Küsnacht/Schweiz: Regeneration, 2004. 44 S.

BIRCHER, RALPH. Ursprünge der Tatkraft. Beiträge zur Ernährungsgeschichte der Schweiz. Erlenbach. Zürich, [1981].

BRANG, PETER. Es geht auch ohne Ananas. Zur Vegetarismusfrage in der russischen Literatur. // Slavische Literaturen im Dialog. Festschrift für Reinhard Lauer zum 65. Geburtstag. Wiesbaden, 2000. S. 157—172. То же по-английски: Even without Pineapples. Vegetarianism in Russian Life and Literature // European Vegetarian. Widnau; Schweiz, 2/3 2000. P. 7—12.

CHAMBERLAIN, LESLEY. *The Food and Cooking of Russia*. London, 1982.

CHRISTIAN, REG F. Tolstoj and the First Step // *Scottish Slavonic Review*. № 20 (Glasgow, 1993). P. 7—16.

EDGERTON, WILLIAM. *Memoirs of Peasant Tolstoyans in Soviet Russia*. Translated, edited, and with an Introduction by W. EDGERTON. Bloomington, 1993.

ELIAS, NORBERT. *Über den Prozess der Zivilisation. Soziogenetische und psychogenetische Untersuchungen*. Bd. 1—2. Bern; München, 1969.

Essen und Trinken zwischen Ernährung, Kult und Kultur. Herausgeber FELIX ESCHER, CLAUS BUDDERBERG. Zürich, 2003.

Ethical Vegetarianism from Pythagoras to Peter Singer [Anthology]. Ed. KERRY S. WALTERS, LISA PORTMESS. New York, 1999.

Food in Russian History and Culture. Ed. MUSYA GIANTS and JOYCE TOOMRE. Bloomington, Indiana, 1997.

*FREY, WILLIAM. *Vegetarianism in connection with the religion of Humanity*. London, 1875.

GALETZKI, THEODOR VON. *Leo Tolstoi und der Vegetarismus*. Frankfurt/M.: Verlag des Deutschen Vegetarier-Bundes, 1906

Gesellschaft und Ernährung um 1100. Eine Archäologie des Essens. Hrsg. DOROTHEE RIPPMAHN und BRIGITTA NEUMEISTER-TARONI. [Сопроводительный том к выставке «Les mangeurs de l'an 1000»]. Vevey, 2000.

GLEIZÈS, JEAN-ANTOINE. *Thalysie, ou système physique et intellectuel de la nature*. Paris 1821; 2e éd. *Thalysie, ou la nouvelle existence*. Vol. 1—3. Paris, 1840—1842.

GOLDSTEIN, DARRA. *Is Hay Only for Horses? Highlights of Russian Vegetarianism at the Turn of the Century* // *Food in Russian History and Culture*. Bloomington, 1997. P. 103—123.

Goscilo-Kostin, H. *Tolstoyan Fare: Credo à la carte* // *Slavonic and East European Review*. Vol. 62, 4 Oct. 1984. P. 481—495.

GRASS, KARL KONRAD. *Die russischen Sekten*. Bd. I: *Die Gottesleute oder Chlūsten*. Leipzig 1907; Bd. II: *Die weissen Tauben oder Skopzen*. Leipzig, 1914.

HAENGER, PETER. *Der freiwillige Verzicht auf Fleisch* // Ders., *Das Fleisch und die Metzger. Fleischkonsum und Metzgerhandwerk in Basel seit der Mitte des 19. Jahrhunderts*. Zürich, 2001. S. 181—200.

HAGEMEISTER, MICHAEL. *Nikolaj Fedorov. Studien zu Leben, Werk und Wirkung*. München, 1989 (=Marburger Abhandlungen zur Geschichte und Kultur Osteuropas, 28).

HANSEN-LÖVE, AAGE A. Allgemeine Häretik, russische Sekten und ihre Literarisierung // *Orthodoxie und Häresien in den slavischen Literaturen*. Wien, 1996. S. 174—294.

HAUSSLEITER, JOHANNES. Der Vegetarismus in der Antike. Berlin, 1935 (= *Religionsgeschichtliche Versuche und Vorarbeiten*, XXIV).

HOFFMANN, P. Le Végétarisme et l'Opinion dominante // *La Réforme Alimentaire*. Paris; Bruxelles. Vol. 6 (1902). № 12. S. 221—230; продолжения в vol. 7 (1903). № 1—5.

JASKOWSKI, FRIEDRICH. Philosophie des Vegetarismus. Eine philosophische Grundlegung und eine philosophische Betrachtung des Vegetarismus und seiner Probleme in Natur, Ethik, Religion und Kunst. Berlin, 1912.

KALECHOFKY, ROBERTA Ph. D. Vegetarian Judaism. A Guide for Everyone. Marblehead/MA, Micah Publications, 1998.

KAPLAN, HELMUT F. Philosophie des Vegetarismus. Kritische Würdigung und Weiterführung von Peter Singers Ansatz. Frankfurt, 1988.

KELLY, CATRIONA. Manners for the «Men'saja brat'ja»: Natalija Nordman and Late Imperial Advice Literature // *Nowa świadomość płci w modernizmie. Studia spod znaku gender w kulturze polskiej i rosyjskiej u schyłku stulecia* / Red. G. RITZ, CHR. BINSWANGER, C. SCHEIDE. Kraków, 2000. S. 191—211.

KELLY, CATRIONA. Refining Russia. Advice Literature, Polite Culture, and Gender from Catherine to Yeltsin. Oxford, 2001.

KJETSAA, G. Lew Tolstoj. Dichter und Religionsphilosoph. Gernsbach, 2001.

Leben. Töten. Essen. Anthropologische Dimensionen. Hrsg. H. BARANZKE, F.-TH. GOTTWALD UND H. W. INGENSEP. Stuttgart; Leipzig, 2000.

Die Lebensreform. Entwürfe zur Neugestaltung von Leben und Kunst um 1900. Hrsg. KAI BUCHHOLZ u. a. Bd. 1—2. Darmstadt, 2001.

LEBLANC, ROLAND D. Tolstoy's Way of No Flesh: Abstinence, Vegetarianism, and Christian Physiology // *Food in Russian History and Culture*. 1997. P. 81—102.

LEBLANC, ROLAND D. Vegetarianism in Russia: The Tolstoy(an) Legacy. Pittsburgh, 2001, 39 p. (= *Carl Beck Papers Nr.1507*).

LEITZMANN, CLAUS / HAHN, ANDREAS. Vegetarische Ernährung. Stuttgart, 1996 (UTB 1868).

LUKER, NICHOLAS. A vegetarian's nightmare: Artsybashev's Krov' // *New Zealand Slavonic Journal*. Wellington, 1985. P. 89—104.

MAURIZIO, ADAM. Die Geschichte unserer Pflanzennahrung von den Urzeiten bis zur Gegenwart. Berlin, 1927, Nachdruck Wiesbaden, 1979. 480 S.

MELLINGER, NAN. Fleisch. Ursprung und Wandel einer Lust. Eine kulturanthropologische Studie. Frankfurt; New York, 2000.

MORTON, TIMOTHY. Shelley and The Revolution of Taste. The Body and the Natural World. Cambridge, 1994.

Nahrung — Essen — Gesundheit. Sonderbeilage der Neuen Zürcher Zeitung. № 145. 26 Juni 2001.

OSSIPOW, LAURENCE. La cuisine du corps et de l'âme. Approche ethnologique du végétarisme, du crudivorisme et de la macrobiotique en Suisse. Paris, 1997 (= Editions de l'Institut d'ethnologie, Neuchâtel. Recherches et travaux, 13).

SMITH, R. E. F., DAVID CHRISTIAN. Bread and Salt. A social and economic history of food and drink in Russia. Cambridge, 1984.

Solowjew. Leben in Briefen und Gedichten. Deutsche Gesamtausgabe, Ergänzungsband. Hrsg. L. MÜLLER und I. WILLE. München, 1977.

SOLOWJEW, WLADIMIR. Deutsche Gesamtausgabe. Hrsg. L. MÜLLER u. a., Bd. 1—8. Freiburg i. Br. München, 1952—1980.

SPENCER, COLIN. The Heretic's Feast. A History of Vegetarianism. Hanover NH 1995 (London, 1993); revised and updated edition: Vegetarianism. A History. London, 2002.

STOLZENBERG, GÜNTHER. Tolstoi. Gandhi. Shaw. Schweitzer. Harmonie und Frieden mit der Natur. Göttingen, 1992.

TEUTEBERG, HANS-JÜRGEN. Zur Sozialgeschichte des Vegetarismus // Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. Bd. 81, 1. Stuttgart (1994). S. 33—65.

Paolo Troubetzkoy scultore. Verbania 1866—1938. Intra, 1988.

Vegetarische Rundschau. Monatsschrift für naturgemässe Lebensweise. 1883 (3 год изд.) по 1892 г. (12 год. изд.); до этого под названием: Berliner Blätter für naturgemässe Lebensweise: 1881 и 1882 год. изд.; с 1893 по 1896 г. издание выходило под нумерацией «Vegetarische Warte»: 26 по 29 год изд.; с 30 год изд. (1897) «Vegetarische Rundschau» объединилась с «Vegetarische Warte».

Die vegetarische Warte. Frankfurt a. M. 1 год изд. (1895), 2 год изд. (1896), 30 год изд. (1897) по 48 год изд. (1915). Издание выходило до 1932 г.

WIERLACHER, ALOIS. Vom Essen in der deutschen Literatur. Mahlzeiten in Erzähltexten von Goethe bis Grass. Stuttgart u. a., 1987.

WILLIAMS, HOWARD (1837—1931). *Ethics of Diet. A Catena of Authorities Deprecatory of the Practice of Flesh Eating*. London, 1883.

WIRZ, ALBERT. *Die Moral auf dem Teller, dargestellt an Leben und Werk von Max Bircher-Benner und John Harvey Kellog [...]*. Zürich, 1993.

WIŚNIEWSKA-ROSZKOWSKA, K., PIOTROWIAKOWA, W. *Wegetarianizm. Potrawy jarskie*. Warszawa, 1987.

ZHOLKOVSKY, A. «Slaughterhouse» Motifs in «The Egyptian Stamp» and Environs // *The Language and Verse of Russia. In Honor of Dean S. Worth on his Sixty-fifth Birthday*. Москва, 1995. P. 304—310.

Указатель имен и мест*

А

Абрамович, М. Я. 320
 Августин 158
 Австралия 286
 Австрия 36, 320, 457
 Азия 55
 Акинфиев, И. Я. 279
 Александр I 134
 Александр II 210
 Александр III 188
 Александра Федоровна (императрица, супруга Николая II) 134
 Александрова, В. 504
 Алексеев, К. С. см. Станиславский, К. С.
 Алексеев, П. С. 131
 Алексей Михайлович (царь) 500
 Алексей II (патриарх) 107
 Аллинсон, А. 298
 Альберта 135, 483
 Аляска 409, 531
 Америка см. США
 Амизель, Г.-Ф. см. Amiel, H.-F.
 Англия 36, 57, 58—59, 96, 99, 100, 106, 117, 261, 266, 282, 285, 309, 323, 330, 339, 348, 353, 359, 427, 457, 465, 474, 489, 507, 512
 Англия (ресторан) 79
 Андреев, Л. Н. 116, 177, 205, 489
 Андреев, Н. А. 217
 Анисимов, А. И. 367
 Анке, Н. Б. 114
 Анучин, Д. Н. 129
 Антиох (старец) 400
 Аполлоний Тианский 157
 Апостолов, Н. Н. 367, 478, 482, 500

Апраксин, С. А. 291
 Арбузова, М. А. 83
 Арктика 61
 Армения 395
 Арнольд, Э. 169
 Архангельский, А. В. 300
 Арцыбашев, М. П. 6—7, 124, 170—176, 181, 294, 340, 411—440, 489—490
 Аскона 99, 358—359
 Асмус, В. Ф. 116
 Астапово 197
 Астрахань 73
 Аттила 57
 Африка 55, 154, 332
 Ахматова, А. 49
 Ашукин, Н. С. 502
 Ашукина, М. Г. 502

Б

Бабин, А. 213, 498
 Баден-Баден 356
 Базель 328, 462
 Байрон, Дж. Н. Г. 60, 93, 158, 193, 465
 Бальмонт, К. Д. 168—169
 Бальцер, Э. 102, 284, 294
 Банковски, М. (Цюллиг, М.) см. Bankowski, M.
 Баранов, И. П. 174, 490
 Баранов, П. А. 61, 466
 Баркас, Дж. см. Barkas, J.
 Барлёзиус, Э. см. Barlösius, E.
 Бартольф, Хр. см. Bartolf, Chr.
 Барыкова, А. И. 6, 97, 165—170, 294, 317, 473, 488—489

* Не учитываются: Л. Н. Толстой, Киев, Москва, С.-Петербург.

- Барятинский, Л. Б. *см.* Явор-
ская-Барятинский, Л. Б.
 Басутин, И. П. 370
 Бахтияров, А. 290
 Бегичевка 115, 199
 Бейлис, М. 236, 503
 Бекерман, Н. 360
 Бекетов, А. Н. 5, 35—37, 43,
45—46, 53—62, 71, 90—91, 96,
99, 109, 143, 232, 309, 326, 331,
464—466, 512, 520
 Белавин *см.* Тихон
 Белемчиков, В. 10
 Беликов, В. М. 374, 526
 Белинский, М. *см.* Ясинский, И. И.
 Белл, Э. 298
 Белоусов, Н. Ф. 279
 Бельгия 457, 512
 Белый, А. 462
 Бенджамин, Г. 485
 Бергенгейм (врач) 121
 Береговое 252, 310
 Беренштам, В. 64, 69, 466
 Беринг, Христиан 357
 Берлин 90, 187, 261, 504
 Берман, Л. 321
 Берн 271
 Бернарден де-Сен-Пиер 158
 Бернольд, А. 9
 Берс, А. Е. 78
 Берс, С. А. *см.* Толстая, С. А.
 Берс, Т. А. *см.* Кузминская, Т. А.
 Бертло, Марселен (Berthelot) 381
 Бертенсон, Л. Б. 160, 479, 487
 Бессарабия 279
 Бетманн, Мориц фон *см.* Beth-
mann)
 Бехтерев, В. М. 24, 40, 214, 225—
228, 318
 Бецкий, И. И. 260
 Бибикова, М. С. *см.* Толстая, М. С.
 Бильц, Ф. Э. (Bilz) 288
 Бирма 262
 Бирхер, Р. (Bircher) 328, 519
 Бирхер-Беннер, М. (Bircher-Ben-
ner) 14, 227, 254, 261, 328, 382,
479, 518
 Бирюков, П. И. 39, 86, 92, 99, 128,
134—135, 185, 198, 203, 270, 272,
285, 299, 303, 309—311, 358—
359, 363—364, 366—367, 462,
475, 481, 483—484, 509, 511, 524
 Бирюков, Л. П. 525
 Блаватская, Е. П. 462
 Блок, А. А. 53
 Боборькин, П. Д. 220, 500
 Богданович, А. Е. 171, 490
 Богораз-Тан, В. Г. *см.* Тан-Бого-
раз, В. Г.
 Бодуэн-де-Куртенэ, И. А. 47
 Болгария 98, 371—372, 475
 Бонекэмпер, Я. 460
 Бонч-Бруевич, В. Д. 363—364,
482—483, 525
 Борель, Эдуард *см.* Borel, Edu-
ard
 Бородин, С. А. 396
 Боссе, Г. Г. 298, 307, 457
 Бохановская, Т. 523
 Брамбург, Б. В. 351, 395, 463, 523
 Бранг, П. (Brang, P.) 457, 472
 Братислава 139
 Брехт, Б. 521
 Бриггс, Ст. *см.* Briggs
 Брик, Л. Ю. 503
 Брилья-Саварен, А. *см.* Brillat-Sa-
varin, A.
 Британская Колумбия 137, 483
 Бродский, Н. Л. 30
 Бройтман, С. Н. 10
 Бронзов, А. А. 288—290
 Бруно, Джордано 473
 Брюссель 49, 246, 258, 303, 457,
485
 Будаговская, В. 338, 521
 Будапешт 271
 Будда, буддизм 157, 166, 250,
261—263, 298, 486
 Буланкин, И. Н. 520
 Булановский, И. (псевдоним И. На-
живина) 505
 Булгаков, В. Ф. 117, 185, 187, 299,
341, 474, 479, 492—493, 500
 Бун, А. Ю. 523

Бунге, Г. фон 131, 328, 482, 519
 Бунде, Абрам фон 112, 478
 Бунин, И. А. 234
 Бургер, А. И. 267, 318
 Буренин, В. П. 157, 159, 233
 Буркерт, В. *см.* Burkert, W.
 Бурлюк, Д. 206, 217, 496
 Бутурлин 121
 Буш, Вильгельм *см.* Busch, Wilhelm
 Быков, В. П. 47, 270, 349, 393, 398, 509, 515, 518
 Быков, П. В. 89, 472
 Бюхнер, Людвиг *см.* Büchner, Ludwig
 Бялыницкий-Бируля, В. К. 204

В

Вагнер, Р. 158, 291
 Васнецов, В. М. 217, 221, 237
 Валаам (Ладожское озеро) 290—291
 Варшава 38, 266, 273, 281, 285, 461
 Василий (архиепископ новгородский) 21
 Василий Великий (Кесарийский) 158, 161
 Ватанов, Н. 6, 243—245
 Введенский, А. 484
 Вейкселгертнер, В. *см.* Weichselgärtner, V.
 Великобритания *см.* Англия
 Вена 252, 482, 505
 Венгеров, С. А. 490
 Венгрия 271, 359
 Верещагин, В. В. 237
 Вергилий 32
 Веригин (поселение) 137
 Веригин, П. В. 134—137, 483
 Вернадский, В. И. 7, 59, 376, 379—383, 398, 527—528
 Вертоградов (профессор мед.) 337
 Вестерлунд, Э. Т. 109, 118
 Вилленеггер, А. *см.* Willenegger, A.
 Вильнев 484
 Вильна (Вильнюс) 39, 280—281, 461
 Вилюйск 63—65, 68, 72
 Виницкий, И. 32, 461
 Виннипег 136, 277
 Вирлахер, А. *см.* Wierlacher, A.
 Вирхов, Р. *см.* Virchow, R.
 Вирц, А. *см.* Wirz, A.
 Виссарион (Сергей Тороп, проповедник-сектант) 401
 Виткевич, В. И. 525
 Вишьневска-Рошковска, К. *см.* Wiśniewska-Roszkowska, K.
 Владивосток 394, 399
 Владимир Мономах 403, 530
 Владимиров, А. 461
 Владимирская губерния 409
 Вогюе, А. *см.* Vogué, H. de
 Вогюе, Э. М. де *см.* Vogué, E. M. de
 Воейков, А. И. 6, 13, 37, 48, 51, 93, 132, 143, 150, 257—265, 267—269, 271, 285—287, 291, 303, 318, 326—327, 335, 349, 356, 373, 389, 405, 476, 503, 506—507, 512, 518, 522
 Войт, К. фон *см.* Voit, C. von
 Войчеховский, В. П. 254, 356, 403
 Волин, Ю. 354
 Вологда 281
 Волоколамск 468
 Вольтер, Ф.-М. 158, 166
 Вормс, В. В. (профессор мед.) 337
 Воробьева, М. А. 351
 Воронеж 459
 Ворошилов, К. В. 56, 465

Г

Гаага 258, 312, 359
 Галецкий, Ф. фон *см.* Galetzki, Th. von
 Галилеи 384
 Ган, А. *см.* Hahn, A.
 Ган, Т. *см.* Hahn, Theodor
 Гансен, П. Г. *см.* Hansen, P. G.
 Гарлинский (врач) 334
 Гаршин, В. М. 198, 309
 Ге, А. П. 193
 Ге, Дж. *см.* Gay, J.

- Ге, Н. Н. (1831—1894) 6, 98, 164, 191—193, 196, 198, 494
- Ге, Н. Н. (1857—1940) 120, 193, 196, 198
- Гезелль, Сильвио *см.* Gesell, Silvio
- Гейнс, А. 82
- Гейнс, В. К. (Фрей, В.) 81—83, 470
- Геленджик 281
- Геллер, А. 10
- Гельмгольц, Г. А. Ф. 384
- Гельсингфорс *см.* Хельсинки
- Гельфандбейн, Г. М. 504
- Гент 29
- Генуа-Нерви 182, 184
- Гердер, И. Г. *см.* Herder, J. G.
- Герман, Ф. Р. 315, 480, 516
- Германия 14, 18, 36, 59, 70, 90, 96, 194, 219, 243—244, 258, 266, 269, 282, 284—285, 312, 356, 359, 402, 465, 508, 524, 530
- Герцен, А. И. 64, 93—94, 116, 468
- Гершензон, М. О. 247
- Гесиод 169
- Гессенэ *см.* Gessenay
- Гете, И. В. фон *см.* Goethe, J. W. von
- Геттинген 257
- Гец, Ф. Б. 491
- Гиль, Д. *см.* Giehl, D.
- Гималай 384
- Гинцбург, И. Я. 119
- Глезе, Ж. *см.* Gleizès, J. A.
- Глинка, М. 173
- Глюнике, М. *см.* Glünicke, M.
- Гнедич, П. 6, 238—239, 504
- Гнедич, Т. 465
- Гоголь, Н. В. 93, 183, 244
- Голландия 55, 258, 326, 359, 457
- Гольденвейзер, А. Б. 367
- Гольдштейн, Д. *см.* Goldstein, D.
- Гольц, Ф. А. *см.* Goltz, F. L.
- Гораций 193
- Горбунов-Посадов, И. И. 30, 92, 140, 169, 198, 231, 246, 270, 299, 307, 309—310, 354, 358, 365, 367—368, 475, 484, 502, 509, 515
- Горький, М. 177, 309, 489
- Госцило-Костин, Е. *см.* Goscilo-Kostin, H.
- Гофманн, И. *см.* Hofmann, I.
- Гоффманн, П. *см.* Hoffmann, P.
- Грабарь, И. Э. 207, 496
- Грасс, К. К. *см.* Grass, K. K.
- Греков, К. Г. 98, 249, 405, 475, 505
- Греция 32
- Григорий Синаит 290
- Григорович, Д. В. 6, 35, 154—155, 165, 230, 284, 294, 487, 511
- Григорьев, А. И. 370
- Грин, Э. *см.* Green, E.
- Громова-Опульская, А. Д. 470
- Грот, Н. Я. 473, 475
- Грот, Я. К. 32
- Гудзий, Н. К. 76
- Гумбольдт, А. фон 158
- Гурвич, М. М. 521
- Гуров, А. А. 278
- Гуров, П. И. 273, 307, 337, 521
- Гус, Ян 391
- Гусев, Н. Н. 39, 98, 132, 140, 299, 311, 315, 343, 367—369, 462, 470—471, 473, 481—482, 484, 495, 513, 516
- Гучков, Н. И. 341
- Гюго, В. 168

Д

- Даль, В. И. 46, 48, 461, 464
- Дальтон, Г. *см.* Dalton, Hermann
- Даниил (пророк) 19, 289, 401
- Данилевский, А. Я. 331—335, 520
- Дания 266, 475
- Данте 190
- Дарвин, Ч. 140
- Державин, Г. Р. 5, 31—33, 408, 461
- Джордж, Г. *см.* George, H.
- Диккенс 79
- Диоген 193
- Дифенбах *см.* Diefenbach, K. W.
- Добжанский, Р. С. 323
- Добролюбов, А. М. 262, 271, 382, 455—456, 507, 509, 531
- Докк, Ф. В. *см.* Dock, F. W.

Долячко, Б. А. 51, 257, 269, 285—286, 512
 Домогацкая, С. П. 492
 Дорпат 328
 Досев, Х. 299, 505
 Достоевский, Ф. М. 28, 64, 95, 147, 153, 183, 244
 Драгуновский, Я. 98
 Дрезден 15, 302, 310, 323, 465, 514
 Дрогобыч 320
 Дроздов, К. С. 295
 Дубянская, М. П. 350
 Дудченко, М. С. 278
 Дунаев, В. В. 521
 Дунай 60
 Дурылин, С. Н. 271, 509
 Дюссельдорф 18
 Дымарский, М. Я. 9
 Дымшиц, Е. О. 279, 309, 319, 337, 356
 Дягилев, С. П. 190

Е

Евреинов, Н. Н. 503
 Европа 14—15, 29, 38, 43, 53—54, 56—58, 61, 75, 128, 181, 202, 215, 228, 235, 254, 258, 260—261, 266, 269, 284 —287, 294, 311—312, 323, 326—327, 333, 340, 353, 381, 399, 403, 406, 408, 471, 480, 501, 519
 Евстифеев, Н. П. 269, 295
 Екатерина II 210, 459, 516
 Екатеринбург 399
 Екатеринодар (Краснодар) 279
 Екатеринослав (Днепропетровск) 279, 281—282, 337
 Елизавета (австрийская императрица, Сисси) 291, 408
 Елизаветград (Кировоград) 281
 Ельцин, Б. Н. 402
 Енько, П. 100, 398, 475
 Епифаний Премудрый 20
 Ергольская, Т. А. 77
 Ерофеев, В. 522
 Есенин, С. А. 262, 382, 454—455, 531

Ессенуки 281
 Ефрем Сирин 290
 Ефремин, А. 170, 489
 Ефремов, Е. 464

Ж

Жданов, Н. М. 28, 460
 Женева, женевский 130, 501
 Жиркевич, А. В. 131, 482
 Житомир 280
 Жолковский, А. *см.* Zholkovsky, A.
 Журавлева, Л. (дочь Сухотиной, Т. Л.) 495

З

Забелин, И. Е. 219, 500
 Заболоцкий, Н. А. 382—383, 452—453, 531
 Загорск *см.* Сергиев Посад
 Зайцев, В. А. 327, 519
 Заменгоф, Л. 322
 Западная Европа *см.* Европа
 Захарова, О. Ю. 500
 Званцева, Е. Н. 211
 Звегинцева, А. Е. 123
 Зеленков, А. П. (псевд.: вегетарианец) 37, 48, 267—269, 310, 325—326, 337, 348—349, 393, 397, 404, 407, 497, 509, 515, 523
 Зеленкова, О. К. (псевд.: вегетарианка) 349, 351, 395, 476, 523, 529
 Зеликович, Э. С. 7, 385—389, 528
 Зельсс, Г. *см.* Selß, G.
 Земпах 328
 Зенон (Китион) 31, 461
 Зильберштейн, И. С. 208—209, 482, 496
 Зинин, Н. Н. 78, 469
 Златоуст, Иоанн 290
 Зонов, А. С. 270, 307
 Зороастер 157
 Зосима 21

И

Ивакин, И. М. 81, 83—84, 86, 470—471

- Иванов, А. И. 309
 Иванова, З. Б. 470
 Игумнова, Ю. И. 202
 Иеремей (пророк) 112
 Иероним 158
 Изаксон, Е. 141
 Израиль 319
 Ильф, И. (Файнзильберг) 6, 239—243, 370, 504
 Индия 58, 107, 154, 194, 260, 332, 339, 480
 Интерлакен 77
 Интра 184—186, 188, 491—492
 Иоанн Златоуст 158, 290
 Иоанн Креститель 26
 Иркутск 65, 67
 Ирландия 327, 512
 Исаев-Меленковский, В. 347, 522
 Исаия (пророк) 158
 Исаак Сирин (Сирянин) 290
 Испания 457
 Истомин, В. 60—61, 466
 Италия, итальянский 10, 53, 55, 181, 186, 190, 201, 211, 251, 269, 457
- К**
- Кабанов, Н. 299
 Кабианка *см.* Căbianca
 Кавказ, Закавказье 37, 77, 99, 134, 137, 287, 335, 506
 Казак, В. *см.* Kasack, W.
 Казанцев, А. П. 7, 389—390, 528
 Казань 24—25, 77, 129, 399
 Каланов, Н. А. 10, 395, 399, 494
 Калехофский, Р. *см.* Kalechofsky, R.
 Калуга 281, 527
 Кальнев, М. 459
 Каменев, Л. Б. 365
 Каменская, М. Ф. 165
 Каменский, В. 206
 Каменский, П. П. 165
 Канада, канадский 29, 49, 118, 135—137, 247, 363, 367, 459, 483
 Канзас 82, 470
 Каплан, Э. И. *см.* Перпер, Э. И.
 Капри 177—178, 287
 Капустин, М. Я. 129
 Карамзин, Н. М. 58, 465
 Карлейл, Дональд С. 493
 Карпентер, Э. *см.* Carpenter, E.
 Карпиано *см.* Carpiano
 Катаев, В. П. 240
 Катаев, Е. П. 6, 239—243, 370, 504
 Катаян, В. 496
 Квебек 49
 Кейдель, Дж. *см.* Keidel, J.
 Кейперт, Х. *см.* Keipert, H.
 Келли, Катриона *см.* Kelly, Catriona
 Келлог, Джон Харвей *см.* Kellogg, J. H.
 Кименталь, В. 305
 Кингсфорд, А. *см.* Kingsford, A.
 Киреевские, братья 28
 Кириллина, Е. В. 496
 Кисловодск 281
 Китай, китайцы 58, 215, 260—261, 332—333
 Кишинев 38, 183, 273, 279—281, 292, 301, 319, 459, 497, 534
 Климент Алекс. 157
 Клинген, И. Н. 264—265
 Кнейп, С. *см.* Kneipp, S.
 Коваленко, А. С. 143, 485
 Кожаный, П. 350
 Козицкий-Фидлер, А. 488
 Коканд 281
 Колосков, И. 26, 28—29
 Колтунова, Л. В. 394
 Колымск 63
 Кондратковская, Е. Д. 273
 Кони, А. Ф. 86, 128, 471
 Кониси, М. 121
 Константинополь 490
 Констанцское озеро 59
 Конт, Огюст *см.* Comte, A.
 Контан (ресторан в СПб.) 189
 Конишье, В. А. 338—339, 521
 Коппе, Ф. *см.* Coppeé, F.
 Кораблев, Л. П. 253, 275, 297, 308, 510, 515
 Кореневский, П. 341, 459
 Корнилов, Л. Г. 361

Коровин, К. А. 237
 Короленко, В. Г. 309
 Корякин, В. 181
 Коцюбиньска, В. 177—178
 Коцюбиньский, М. 6—7, 176—181, 294, 340, 441—451, 479, 490—491
 Краков 201, 211
 Красноярск 399
 Краус, К. *см.* Kraus, K.
 Кристиан, Р.Ф. *см.* Christian, R. F.
 Крылов, И. А. 220, 317
 Крым 111, 395
 Ксенократ 157
 Кузминская, В. С.
 Кузминская, Т. А. 82—83, 109, 349, 409, 470, 478, 522
 Кузнецк 370
 Кузнецов, П. В. 217
 Куинджи, А. И. 206
 Кулижников, Гр. 143
 Кулу (долина) 194
 Куоккала 200, 204—206, 208—209, 211—212, 223, 237, 495—496, 503
 Купер, Дж. Ф. *см.* Cooper, J.-F.
 Куприн, А. И. 500
 Курск 23
 Кювье, Ж. *см.* Cuvier, G.

Л

Лаврентьева, Е. В. 461
 Лагерлеф, С. *см.* Lagerlöf, S.
 Лаго ди Гарда 201
 Лаго-Маджоре 184—185, 204, 492
 Ладожское озеро 290
 Лазурский, В. Ф. 148, 485
 Лактанций 157
 Ламанн, Г. *см.* Lahmann, H.
 Ламартин, А.-М.-Л. 97, 158, 168, 294, 317
 Лао-Цзы 248
 Лапин, Н. 30
 Лаплас, П. С. 384
 ЛеБланк, Р. *см.* LeBlanc, R.
 Лебрен, В. (Lebrun) 299, 305—306, 323
 Левин, Р. 90—91
 Левитан 502

Лейпциг 99, 513
 Лейтцманн, К. *см.* Leitzmann, C.
 Ленин, В. И. 139, 365, 484, 502
 Леонардо (да Винчи) 14, 193, 291
 Леонтьев, К. Н. 164
 Ле Роа, Э. *см.* Le Roy, E.
 Лесков, А. Н. 161—162, 487
 Лесков, Н. С. 6, 30, 35, 45—46, 50, 89, 99, 155—166, 231, 266, 302, 309, 348, 404—405, 408, 472, 479, 487, 494, 508
 Лефевр, И. *см.* Lefèvre, I.
 Либих, Ю. *см.* Liebig, Justus
 Ливерпуль 323
 Лившиц, Б. К. 235—236, 503
 Линд, Мисс *см.* Lind, Miss
 Липецк 281
 Лихачев, Д. С. 205, 496
 Лихтенберг, Г. К. 92
 Лодж 281
 Лозинский, Е. У. 6, 309, 313—318, 326—327, 465, 516, 518—519, 525
 Лойенбергер, М. *см.* Leuenberger, M.
 Локарно 204, 248, 271
 Локк, Дж. *см.* Locke, John
 Лондон 36, 47, 82, 91, 124, 134, 156, 194, 371, 397, 405, 479, 508, 535
 Лорх (Вюрттемберг) 100
 Лужков, Ю. 400
 Лукер, Николас *см.* Luker, Nicholas
 Лукулл, Л. Л. 57
 Луначарский, А. В. 139
 Люботин 278
 Лютославский, В. *см.* Lutosławski, W.
 Люцерн 77
 Люцилиус 329
 Львов-Рогачевский, В. Л. 171, 174

М

Магдебург 70
 Майнов, В. В. 322—323
 Макарий Великий (Св.) 106
 МакЛин, Хью *см.* McLean, Hugh
 Маковицкий, Д. П. 72, 108, 115—117, 119, 123—128, 132—133,

- 139, 191, 293, 299, 311, 317, 471,
476, 478—479, 481—482, 484—
485, 494, 500, 519
- Маковский, В. Е. 217
- Малая Азия 32
- Малеванный, К. А. 23—26
- Маликов, А. К. 82
- Малиновский 155
- Мальтус, Т. Р. 54
- Мандельштам Н. 49
- Мандельштам, О. Э. 95
- Манитоба 135
- Манн, Т. 246
- Манчестер 45, 258, 266, 284, 298,
323, 335, 359, 465, 509, 518
- Маньчжурия 121
- Маренго 57
- Марк Аврелий 248
- Марк (евангелист) 26
- Масарик, Т. Г. 72, 116, 132—133,
482
- Маурицио, А. *см.* Maurizio, A.
- Мачтет, Г. А. 82, 470
- Маяковский, В. В. 6, 49, 76, 95,
147, 203, 205—206, 208, 234—
238, 270, 345, 354, 368, 496, 503,
522
- Медкова, И. А. 351, 393, 395—396,
400, 463, 485, 523, 529
- Мейерхольд, В. Э. 205
- Меллингер, Н. *см.* Mellinger, N.
- Мережковский, Д. С. 244
- Метерлинк, М. *см.* Maeterlink, M.
- Мечников, И. И. 116, 339
- Микушевич, В. 521
- Милан 184, 492
- Мильтон, Дж. 169
- Минеральные воды 281
- Минин, К. М. 248
- Минск 13, 25, 39, 279, 281, 510
- Миронов, А. 140
- Миссури 82
- Михайловский, Н. К. 153
- Михалевич, С. Ф. 64
- Мишле, Ж. *см.* Michelet, Jules
- Могилова, А. А. 64, 69
- Могиланский, М. 177—178, 180
- Моисей 103, 105, 319, 517
- Молешот (Молешотт), Я. *см.*
Moleschott, J.
- Молостова, Е. В. 25
- Молчанов, Г. И. 351
- Мольков, А. 42
- Мольтке, фельдмаршал 60
- Моне, К. *см.* Monet, Claude
- Монте Верита 99, 248, 285, 358
- Монтень (Montaigne) 158
- Моод, Луиза *см.* Maude, Luisa
- Моод, Эльмер *см.* Maude, Ayl-
mer
- Мопассан, А. Р. 93, 177
- Мор, Т. *см.* More, Thomas
- Моран, Ж. *см.* Morand, J.
- Моргартен 328
- Мортон, Т. *см.* Morton, Th.
- Моэс-Оскрагелло, К. 160—161,
266, 320, 487
- Муратова, К. Д. 497
- Муценек, К. И. 127
- Мюллер, Л. *см.* Müller, L.
- Мюнстер (Вестфалия) 21

Н

- Наживин, И. Ф. 6, 111, 136, 246—
255, 271, 294, 297—298, 310, 404,
475, 477, 504—506
- Наживина, М. И. 249
- Наполеон I 57
- Неаполитанский, Ю. 366, 370, 526
- Неаполь 118
- Нево (гора) 319
- Невзоров, А. 347
- Некрасов, Н. А. 116, 165, 468
- Несмеянов, А. Н. 7, 374—376,
526—527
- Нестеров, М. В. 116
- Нечаева, О. К. 260
- Нидерландия *см.* Голландия
- Нижний Новгород 291
- Николаев (город) 281
- Николаев, П. П. 364
- Николаев, Ю. С. 398, 480
- Николаев, С. Д. 119—120, 398

- Николаева, Л. Д. 119—120, 480, 522
 Николаева, М. 484
 Николай I 134
 Николай II 134, 154, 191
 Никольская, Л. И. 168, 488
 Нил Сорский 106, 401
 Нимейер, П. *см.* Niemeyer, P.
 Ницца 364
 Новгород 21
 Новороссийск 252
 Новочеркасск 249
 Ной 105
 Норвегия 266
 Нордгаузен 266
 Нордман, Н. Б. (Северова) 6, 40, 119, 188—189, 191, 197, 200—201, 204—229, 268, 303, 349—350, 464, 493, 495—501, 506, 508, 541
 Нью Йорк 130, 181, 194, 320, 343
 Ньютон, И. 193, 384
 Ньютон, Дж. 508
- О**
- Оболенская, М. Л. 81, 83—84, 91, 108, 110, 115, 121, 127, 473, 477
 Овидий Публий Назон 14, 32, 42, 97, 157, 167, 193, 279
 Огарев, Н. П. 64, 94
 Одесса 38—40, 119, 142, 159, 272, 275—276, 281—282, 295, 297, 301, 355, 360
 Олеша, Ю. 95, 344, 522
 Оллила (Солнечное) 205
 Оне (близ Женева) *см.* Онех
 Оппоков, И. 181
 Оптина Пустынь 28
 Ориген 157
 Орслина (Лаго-Маджоре) 204, 211
 Остроухов, И. С. 217, 221—222
- П**
- Павел (апостол) 106
 Павленко, Ф. 464
 Павлов, И. П. 214, 499, 518
 Павлова, Т. Н. 10, 351, 393—396, 400, 463, 485, 517, 523, 529
 Пален, К. И. 491
 Палестина 320
 Палланца (Лаго-Маджоре) 492
 Панджаб 194
 Париж 79, 99, 150, 153, 185, 189—190, 208, 211, 258, 324, 457, 461—462, 464, 492—493, 508
 Парик, М. Г. 278
 Парфенов, И. 395
 Паскаль 158
 Паско, Л. *см.* Pascault, L.
 Пастернак, Л. О. 148, 217
 Пахомий Логофет 20
 Пашков, В. А. 250
 Пель, А. В. 285
 Перетц, И. Л. 320
 Переяславль 181
 Перпер, И. И. 38, 81, 98, 142—143, 170, 182, 197, 200, 213, 216—217, 223, 238, 268, 272, 274, 277—279, 281—282, 285, 291—293, 295—297, 301—302, 307, 309, 314, 319—320, 322, 343, 358, 363, 367—368, 400, 469, 475, 483, 489, 495, 506—507, 509, 511, 513, 515—516, 524
 Перпер, И. О. *см.* Перпер, И. И.
 Перпер, М. И. 400
 Перпер, Э. И. (жена И. И. Перпера) 213, 363
 Персидский залив 73
 Петр I 106
 Петров, Е. П. *см.* Катаев, Е. П.
 Петров, Ф. Н. 47, 49, 464
 Пик, Ф. Л. *см.* Pick, Ph. L.
 Пиккель, М. В. 521
 Пиксанов, Н. К. 484
 Пильняк, Б. 95, 344, 522
 Пирогов, П. В. 171
 Писарев, Д. И. 326—327, 467, 518
 Пифагор 14, 42, 126, 157, 167, 250, 298, 406, 479
 Платон 377
 Плутарх 14, 97, 126, 157, 330, 519
 Повес, С. Г. 276

- Пожарский, Д. 248
 Позняк, Л. М. 394
 Поздняков, В. 484
 Полтава 39, 275, 278, 281—282, 312
 Полтавский, С. П. 98, 298, 306, 316, 356, 358, 514, 516
 Польша, польский 100, 176, 381
 Попов, Е. И. 36, 129, 270, 284, 299—300, 508, 522
 Попов, И. И. 129
 Попов, С. М. 364
 Попова, А. П. 36
 Поповский, М. 42, 371, 525
 Португалия 396
 Порудоминский, В. И. 13, 122, 139, 393, 486, 494
 Поуп, А. 169, 294
 Похитонов, И. П. 118
 Похлебкин, В. В. 407, 482, 531
 Почепня, Г. И. 470
 Прага 482
 Протопопов, В. В. 160
 Прохаско, О. 360—362, 404, 514
 Прохоров, А. П. 477
 Псков 459
 Пудавов, М. М. 38, 273, 297, 301
 Пудоненко, Е. А. 275
 Путин, В. В. 365
 Путинцев, Ф. 137, 484
 Пушкин, А. С. 237, 368
 Пушкин, В. В. 370
 Пфеффер, В. *см.* Pfeffer, W.
 Пыпин, А. Н. 65, 69
- Р**
- Рабле, Ф. 235, 503
 Радаев, Ст. 311
 Радек, Ф. 323
 Радугин, В. В. 46, 398, 529
 Раевская, Е. И. 485
 Раевский, С. 37, 508
 Разин, Степан 391
 Рамакришна 248, 381
 Раскин, А. 504
 Рейзен, А. 320
 Рейнке, Е. Ю. 291
- Реклю, Э. *см.* Reclus, E.
 Реммер, Г. 294
 Ренан, Э. 380, 528
 Репин, И. Е. 6, 10, 40, 45, 63, 114, 116, 119, 131, 186, 188—190, 194, 196—209, 211—214, 216—217, 219, 221—222, 225—226, 237, 268, 270, 278, 299, 303, 495—496, 499—501, 534—535, 541
 Репин, Ю. И. 197
 Репина, В. И. 207
 Репино 205
 Рерих, Е. И. 194—196, 494
 Рерих, Н. К. *см.* Roerich, N. K.
 Рерих, С. Н. 194
 Рёскин, Дж. *см.* Ruskin, G.
 Реутский, Н. 22, 458
 Рига 37, 281
 Рильке, Р. М. 340, 521
 Рим 110, 211, 326
 Робертс, Джулия 339
 Роден, А. 185
 Розанов, В. В. 190—191, 493, 499—500
 Розанов, С. 103—105, 288, 476
 Розенкамф 249
 Роллан, Ромен 484
 Рорбах (Rohrbach, Харьковская губ.) 460
 Ростов на Дону 280—281
 Рошаль, В. М. 529
 Роше, И. К. 368—370
 Рунцов, Ф. 499
 Руссо, Ж. Ж. 71, 97, 158, 317, 326, 330, 377
 Рязань 115
- С**
- Сакс (социалдемократ) 125
 Сакулин, П. Н. 484
 Самара 281
 Самарин, Ю. Ф. 116, 118
 Самсонов, М. 338, 521
 Сан Франциско 258
 Саратов 30, 39, 73, 275—277, 281, 298, 302, 306, 312, 316, 324, 337, 373, 477, 510, 518

- Саскачеван 135, 483
 Северная Америка *см.* США
 Северова, Н. Б. *см.* Нордман, Н. Б.
 Северянин, И. 236, 503
 Селиванов, К. 23
 Семенова, С. Г. 381—382, 485, 527—528
 Семипалатинск 281
 Сенека, Л. А. 97, 157, 329
 Сен-Симон, А. К. 377
 Серафим Саровский (иеромонах) 27
 Сергеев, А. П. 89, 472
 Сергиев Посад 20
 Сергей Радонежский 20—21, 458
 Серебрянников, А. 134
 Серошевский, В. (Sieroszewski, W.) 466
 Сибирь 5, 37, 63, 68, 81, 99, 114, 118, 159, 326, 335, 370, 402, 408—409, 459
 Сикорский, И. А. 23—24
 Силленек (владелец ресторана) 37
 Синклер, Э. *см.* Sinclair, U.
 Синявский, А. Д. *см.* Терц, А.
 Скабичевский, А. М. 89, 472
 Скандинавия 457
 Скворода 250
 Скворода (ресторан) 181
 Скороходов, В. 250, 504
 Словакия 115, 133, 139
 Смирнов, К. Н. 35, 99, 155, 284
 Смит, Р. Е. Ф. *см.* Smith, R. E. F.
 Снегирев, Б. И. 194, 396
 Сократ 5, 57, 147, 152, 157, 485
 Солженицын, А. И. 17, 38, 457, 462
 Соловки, Соловецкие острова 41, 125, 370
 Соловьев, А. Т. 129
 Соловьев, В. С. 6, 10, 77, 99, 147—148, 150—153, 157—158, 259, 288, 376, 485—486, 491
 Сологуб, Ф. 244
 Соломахин, С. М. 121
 Сорокин, И. М. 370
 Сотион 329
 Спенсер, К. *см.* Spencer, C.
 Спиридон Тримифунтский 106
 Станиславский, К. С. 75, 211, 217, 468
 Стасов, В. В. 494
 Стахович, А. А. 129
 Стахович, М. А. 170
 Ст. Галлен 292
 Стейнер, Р. *см.* Steiner, R.
 Стернберг (д-р.) 206
 Стефан, игумен 20
 Стокгольм 135
 Страхов, Ф. А. 140, 315, 322, 516
 Струве, Г. фон *см.* Struve, G. von
 Суворин, А. С. 159—160, 231—232, 502
 Суна (Лаго-Маджоре) 185
 Суриков, В. И. 217
 Суровец, Д. Я. 118, 408
 Сухотин, М. С. 119
 Сухотина-Толстая, Т. Л. 81, 83—84, 86, 92, 108, 110—111, 115, 126, 198—199, 299, 470, 473, 477—478, 480
 США 27, 29, 61, 82, 96, 112, 118, 181, 189, 209, 211, 215, 224, 237, 259—260, 285—286, 323, 332, 339, 343, 346, 375, 385, 396—397, 405—406, 408, 457, 470, 480, 527
 Сытин, И. Д. 93
 Сю, Эжен 153
- Т**
- Тагор, Р. 194
 Такала, И. Р. 482
 Талашкино 200
 Тан-Богораз, В. Г. 118
 Тарановский, Ф. В. 379
 Тарасов, Н. 523
 Тарасова, И. В. 511
 Тарханов, И. Р. 214, 285, 287, 496
 Тарханова-Антокольская, Е. П. 495—496
 Ташкент 193, 200, 281, 315, 404
 Тверь 21, 23, 336
 Темашев, А. К. 257, 506
 Тенишева, М. К. 200, 211, 495

- Теппер, И. 98
 Терц, А. 7, 390—391, 528
 Тибет 194
 Тимирязев, К. А. 91
 Тироль 208
 Тифлис 281
 Тихон (патриарх) 106, 401, 529
 Тищенко, Ф. Ф. 114
 Тобольск 134—135, 281
 Тойтеберг Х. Й. *см.* Teuteberg, H.-J.
 Токутоми, Р. 119, 480
 Толстая, Александра Львовна (младшая дочь Толстого, 1884—1979) 110, 120, 477
 Толстая, Варвара Сергеевна (1871—1923) 477
 Толстая, Вера Сергеевна (1865—1923) 477
 Толстая, Д. (жена Л. Л. Толстого) 118
 Толстая, М. Л. *см.* Оболенская, М. Л.
 Толстая, Мария Николаевна (сестра Толстого) 119
 Толстая, Мария Сергеевна (1872—1954) 477
 Толстая, Ольга Константиновна (урожд. Дитерихс, 1872—1951) 126
 Толстая, Сонечка (дочь А. Л. Толстого, 1900—1957) 120
 Толстая, Софья Андреевна 72, 78, 81, 83—86, 91—92, 101, 108—112, 116—117, 119—121, 123—125, 127, 129—130, 132, 201, 243, 262, 328, 349, 364, 373, 471, 473, 477—480, 482, 493, 519
 Толстая, Татьяна Андреевна 81, 471
 Толстая, Татьяна Львовна *см.* Сухотина-Толстая, Т. Л.
 Толстая, В(арвара) С. (1871—1923) 110, 477
 Толстая, В(ера) С(ергеевна) (1865—1923) 110
 Толстой, Алексей Константинович 262, 452, 531
 Толстой, Андрей Львович 90, 123, 126
 Толстой, И. А. (сын А. Л. Толстого) 120
 Толстой, Илья Львович 117, 122, 131, 356, 481
 Толстой, Лев Львович 108, 110, 115, 118, 124, 261, 311, 406, 476—477
 Толстой, Михаил Львович 90, 102, 118
 Толстой, Никита Л. (внук Толстого) 125
 Толстой, Павел Л. (Паля, внук Толстого) 125
 Толстой, Сергей Львович 81, 131, 470—471
 Толстой, Сергей Николаевич 86, 110, 477
 Толстой, Ф. П. 165
 Томск 281
 Томсон, Дж. *см.* Thomson, J.
 Топоров, В. Н. 458
 Торба, Н. О. 119
 Трегубов, И. М. 26, 292, 358, 363—364, 513
 Трембецкий, Ст. *см.* Trembecki, St.
 Третьяков, П. М. 131
 Троллоп, А. *см.* Trollope, A.
 Трошин, Н. С. 367
 Трубецкой, Б. 142
 Трубецкой, Луиджи 491
 Трубецкой, Паоло 6, 50, 116, 120, 184—191, 199, 205, 212, 216, 218, 245, 285, 303, 478, 491—493
 Тула 28, 75, 92, 127, 281
 Тургенев, И. С. 30, 76, 116, 183, 195, 327, 519
 Тургенева, А. 462
 Турин 211, 326
 Туркестан 37, 99
 Тюмень 280—281

У

- Узбекистан 315
 Уильямс, Говард *см.* Williams, Howard

Украина 98, 176, 192
 Улицкая, Л. 286, 351
 Умань 281, 459
 Урал 37, 99
 Урусова, М. С. (княгиня) 83
 Усть-Нарова 157
 Ушаков, Д. Н. 49
 Уэллс, Г. *см.* Wells, H.

Х

Хамовники 147, 191
 Хансен, П. Г. 100
 Харьков 174, 275, 278—279, 281—
 282, 331, 355, 395
 Хег, А. *см.* Haig, A.
 Хейг, А. *см.* Haig, A.
 Хельсинки 207, 210, 281
 Хельчицкий, П. *см.* Chelčicky, P.
 Хенкель, В. *см.* Henckel, W.
 Хетсо, Г. *см.* Kjetsaa, G.
 Хильдегард фон Бинген *см.* Hilde-
 gard von Bingen
 Химки 159
 Хиндхеде, М. *см.* Hindhede, M.
 Хлебников, В. В. 147
 Ходынское поле 154
 Хомяков, А. С. 116

Ф

Фадеев, Г. Н. 406
 Файнерман, И. Б. 319
 Файнзильберг, И. А. 240
 Фасано (Лаго ди Гарда) 201
 Федор (эпископ тверский) 21
 Федоров, Н. Ф. 5, 147—149, 151,
 376, 378, 485
 Федотов, А. Ф. 211
 Фейербах, Людвиг *см.* Feuerbach,
 Ludwig
 Феодосий, игумен 20
 Фет, А. А. 78
 Фидус *см.* Fidus (Hugo Hör-
 rener)
 Финляндия 194, 205, 219, 223
 Флейшер, А. 394
 Флеров, Ф. Г. 129
 Флетчер, Г. *см.* Fletcher, H.

Флюк Г. *см.* Flück, H.
 Фогт, К. *см.* Vogt, C. Chr.
 Фомина, В. 345—347
 Форд, Г. *см.* Ford, H.
 Франклин, Б. *см.* Franklin, B.
 Франкфурт-на-Майне 20, 220
 Франциск Ассизский 125, 250, 509
 Франция 192, 246, 251, 266, 269,
 312, 359, 457, 508, 512
 Фрей, В. *см.* Гейнс, В. К.
 Френкель 319
 Фруг, С. Г. 320
 Фурье, Ш. *см.* Fourier, Charles
 Фуссо, С. *см.* Fusso, S.

Ц

Царев, А. 398
 Цветасва, Е. М. 523
 Цейлон 154
 Целль ам Зее 211
 Циолковский, К. Э. 7, 147, 376—
 379, 381, 383—385, 398, 527—528
 Цицерон, М. Т. 193
 Цюлиг, М. *см.* Bankowski, M.
 Цюрих 113, 132, 271, 326, 518
 Цявловский, М. А. 484

Ч

Чага, Я. 63
 Чарнота, Я. К. 522
 Чемберлен, Дж. Остен *см.* Cham-
 berlain, J. Austen
 Чернигов *см.* Чернігів
 Чернігів 176
 Черное море 252, 310, 505
 Чернышевская, О. С. 65, 70, 72—
 73
 Чернышевский, А. Н. 65, 69
 Чернышевский, М. Н. 65
 Чернышевский, Н. Г. 5, 63—74, 96,
 109, 326, 373, 378, 408, 466—468
 Черняев, Н. П. 370
 Чертков, В. В. 362, 368
 Чертков, В. Г. 37, 41, 46—47, 61,
 81, 84, 89, 91—92, 96, 122, 135,
 140—141, 165—166, 186, 198—
 199, 223, 294, 298—299, 303,

309—310, 358, 362—364, 366—370, 405, 475, 484, 487—488, 497, 505
 Чертова, А. К. 166
 Чехов, А. П. 6, 123, 159, 177, 183, 230—234, 237, 344, 373, 389, 481, 487, 502—503
 Чикаго 287, 320, 343, 345, 521
 Чикаленко, Э. 177—178
 Чита 281
 Чугуев 278
 Чуковский, К. И. 188, 204—209, 212, 215, 224, 493, 496—497, 499—501, 503
 Чукчи 263
 Чуриков, Иоанн («братец Иоанн») 26—28, 292

Ш

Шаляпин, Ф. И. 205
 Шапиро, Б. 47
 Шапошникова, И. 494
 Шарапова, А. Н. 323—324, 517
 Шарпило, Г. М. 529
 Шаталова, Г. С. 396, 400
 Шаховская (княгиня) 203, 270
 Швартц, Р. *см.* Schwartz, R.
 Швейтцер, А. *см.* Schweitzer, A.
 Швейцария 10, 36, 49, 77, 82, 133, 181, 204—205, 246, 248, 269, 271, 285, 292, 328, 358—359, 363, 457, 459, 465, 508
 Швенк, Г. *см.* Schwenk, G.
 Шекспир 183
 Шелли, П. Б. *см.* Shelley, P. B.
 Шерстюков, Н. 254
 Шершенев, В. В. 368, 370
 Шеффер, Т. фон *см.* Scheffer, T. von
 Шиллер, Ф. 158
 Шлохау 271
 Шмидт, М. А. 123
 Шолом-Алейхем 6, 181—183, 294, 320, 491
 Шооп, У. *см.* Schoop, U.
 Шопенгауэр, А. 97, 193
 Шоре, Е. *см.* Cheauré, E.
 Шоу, Дж. Б. *см.* Shaw, G. B.

Шохор-Троцкий, К. С. 299, 363—364, 484
 Шрот, И. *см.* Schroth, J.
 Штейншэнау (Чехословакия) *см.* Steinschönau
 Штернберг (врач) 206
 Штумп *см.* Stump
 Штуттгарт 266, 457
 Штястны, Ян *см.* St'astný, J.
 Шуберт, Ф. 221
 Шульц, Бруно 320
 Шульц, Ж. И. (J. I. Schulz) 19—20, 271, 294, 356, 458, 471

Щ

Щапов, А. П. 53, 465
 Щепкин, Г. С. 64
 Щербакова, А. А. 466
 Щипов, А. 529—530
 Щукин, С. И. 217—218, 222
 Щукин, С. Н. 123, 481

Э

Эденковен, Г. *см.* Oedenkoven, H.
 Эджертон, В. *см.* Edgerton, W.
 Эйхенбаум, Б. М. 484
 Эккерманн, Й. П. *см.* Eckermann, J. P.
 Элиас, Н. *см.* Elias, N.
 Эллис, Э. В. *см.* Ellis, E. W.
 Эмпедокл 157
 Энгельгардт, А. Н. 336, 520—521
 Эпиктет 249
 Эпикур 33, 80, 157
 Эртель, А. И. 367
 Эскимосы 263
 Эфиопия 18

Ю

Ювенал 157
 Юнаков, К. С. 306, 530

Я

Ява 260
 Яворницкий, Д. И. 204

Яворская-Барятинский, Л. Б. 189,
205, 216, 464, 493, 499
Якубовский, Ю. О. 160, 266, 320,
323, 461, 487
Якутск 63, 68, 409, 466
Якуты 66
Ялта 281
Япония, японский 119, 121, 251,
261, 332, 338, 346, 356, 375, 396,
480, 506
Ярлышкин, А. И. 131
Ясиновский, А. А. 276, 319, 337,
507
Ясинская, В. П. 522
Ясинский, И. И. 215, 225, 499,
501—502
Ясковский, Ф. *см.* Jaskowski, F.
Ясная Поляна 81—83, 85—86, 90,
111, 113—116, 119, 123, 128—
129, 132, 139, 142, 175, 183, 187,
191—192, 197—199, 201, 207,
217, 222, 223, 237, 246—249, 293,
409, 478, 486, 497, 500, 504, 513,
531, 534—535
Яффа 320

A

Amiel, H.-F. 250
Aumard, Maurice 335

B

Bankowski, M. (Züllig) 9, 457
Barkas, J. 14—15, 145, 483
Barlösius, E. 14, 145, 269, 508
Bär-Mätzener, R. 464
Barrett, J. R. 474
Bartolf, Ch. 100—101, 476
Berger, T. 9
Bauer, Ludwig 465
Bethmann, Moritz v. 220
Borel, E. 90, 472—473
Bossaglia, R. 185
Brang, P. *см.* Бранг, П.
Briggs, St. 82
Brillat-Savarin, A. 79, 329
Brockhaus, W. 517
Brotherton, Mrs. 348

Bryner, E. 9, 530
Büchner, Ludwig 382, 519
Burkert, W. 528
Busch, W. 230

C

Cabianca 186
Cambridge 382
Carpenter, E. 249, 323
Carpiano 492
Castagnoli, P. 187, 493
Chamberlain, J. Austen 238
Cheauré, E. 9
Chelčický, P. 250
Christian, D. 335—336, 520—521
Christian, R. F. 95, 101, 474, 476
Comte, A. 82
Cooper, J. F. 168
Coppée, F. 165
Cuvier, G. 55, 291

D

Dalton, H. 460
Daniel, C. W. 124
Decter, J. 494
De Poli, G. 492
Diefenbach, K. W. 145
Dock, F. W. 513

E

Eckermann, J. P. 115
Edgerton, W. 463, 475, 526
Elias, N. 340, 521
Ellis, E. W. 474
Engel, A. 9

F

Feuerbach, Ludwig 329, 470
Fidus (Hugo Höppener) 145, 294
Fletcher, H. 227, 240, 254, 344, 357,
382, 518
Flück, H. 499
Ford, H. 186
Fourier, Charles 153, 377
Franklin, B. 158, 207, 384, 496
Fusso, S. 470

G

Gay, J. 167—169, 294, 317
 Galetzki, Th. von 358, 463, илл. 33
 George, H. 398
 Gesell, Silvio 359
 Gessenay 77
 Giehl, D. 122
 Gitermann, V. 491
 Gleizès, J. A. 107, 461
 Glünicke, M. 228
 Goethe, J. W. von 115, 158, 220, 500
 Goldstein, D. 209—210, 321, 497,
 508, 517
 Goltz, F. L. 107
 Goscilo-Kostin, H. 80, 470
 Grass, K. K. 22—24, 458—459
 Green, E. 398
 Grimm, H.-U. 527
 Grottewitz, C. 471

H

Haenger, P. 457
 Haig, A. 117—118, 228, 261, 318,
 479
 Hagemeister, M. 485, 527
 Hahn, A. 14, 229, 457, 508, 520
 Hahn, Theodor 479
 Hansen, P. G. , 100, 475
 Hansen-Löve, A. 460
 Hasty, O. 470
 Haussleiter, J. 14, 330, 479, 519
 Hemminger, H. 530
 Henckel, W. 100, 475
 Herder, J. G. 383
 Heretz, L. 460
 Hildegard von Bingen 214
 Hindhede, M. 228
 Hoffmann, P. 29, 291, 512
 Hofmann, I. 358—359
 Höppener, H. s. Fidus
 Hrusovský, H. 476

I

Ingold, F. Ph. 462—463

J

Jaskowski, F. 17, 145, 187, 393, 402,
 464, 480, 493
 Jones, M. L. 323

K

Kalechofsky, R. 321, 517
 Keden, J. 530
 Keidel, J. 90
 Keipert, H. 10, 47—48
 Kellog, J. H. 14
 Kelly, Catriona 210, 498, 501
 Kern, Th. 463, 515
 Kingsford, A. 99, 106, 232, 294, 309,
 476
 Kinski, M. 480
 Kjetsaa, G. 76, 469
 Kneipp, S. 213, 228
 Koci, B. 476
 Kolman, K. 476
 Kraus, K. 48
 Künzli, A. 518

L

Lagerlöf, S. 246
 Lahmann, H. 197, 213—214, 228,
 318, 479, 495
 Lapp, K. — I. 465
 LeBlanc, R. 101—102, 122, 463, 476,
 481
 Lefèvre, I. 36
 Leitzmann, C. 14, 229, 334, 457,
 508, 520
 Le Roy, E. 380
 Leuenberger, M. 132—133
 Liebig, Justus 328, 333—334, 469
 Lind, Miss 298
 Locke, John 518
 Luker, Nicholas 171—175, 489
 Lupano, L. 186, 493
 Lutosławski, W. 381—382, 528

M

Maeterlink, M. 294
 Maude, Aylmer 100, 267, 270, 325,
 508
 Maude, Luisa 270

Maurizio, A. 18, 457, 466, 519
 McKee, W. A. 498
 McLean, Hugh 163, 487
 Mellinger, N. 407
 Michelet, Jules 107
 Moleschott, J. 287, 326—327, 329—
 330, 382, 470, 518—519
 Monet, Claude 174
 Morand, J. 99
 More, Thomas 377
 Morton, T. 488, 519
 Müller, L. 10, 150, 458, 485, 491
 Murray, E. B. 501

N

Nasiłowska, A. 461
 Niemeyer, P. 45, 70—72, 220, 467—
 468

O

Oedenkoven. H. 358—359
 Onasch, K. 515
 Onex (Женева) 358
 Ossipow, Laurence 508

P

Pascault, L. 197, 213, 227, 495
 Pfeffer, W. 380
 Pick. Ph. L. 321

R

Reclus, E. 294, 298, 309—310
 Roerich, N. K. 6, 193—196, 408, 494,
 531
 Rothstein, H. 523
 Rothstein, R. A. 523
 Rudolf, E. 519
 Ruskin, J. 250

S

Sandfuchs, W. 471
 Scheitlin, P. 519
 Schönberger. Th. 530
 Schoop, U. 113, 478
 Schroth, J. 227
 Schultz, J. I. *см.* Шульц, Ж. И.

Schwartz, R. 321
 Schweitzer, A. 398—399, 529
 Schwenk, G. 145
 Sebald, E. 503
 Selß, G. 356—357, 524
 Shaw, G. B. 14, 75, 186, 404
 Shelley, P. B. 14, 158, 165, 168—169,
 193, 222, 294, 298, 317, 330, 474,
 488, 501, 519
 Silberstein. I., *см.* Зильберштейн,
 И. С.
 Sinclair, Upton 95, 237, 342—343,
 474, 522
 Smith, R. E. F. 335—336, 520
 Spencer, C. 14—15, 145, 460, 496,
 521—522
 Stamm, R. 531
 St'astný, J. 482
 Steffahn, H. 529
 Steinschönau 368
 Stender-Petersen, A.
 Struve, G. von 266, 294
 Stump, J. 132

T

Terras, V. 504
 Teuteberg, H.-J. 14, 102, 476, 530
 Thomson, J. 168—169, 294
 Trembecki, St. 32—33, 461
 Trollope, A. 93
 Troubetzkoy, P. *см.* Трубецкой, Пао-
 ло
 Trunz, E. 500

V

Virchow, R. 467
 Vogel, A. 499
 Vogt, C. Chr. 56, 326, 382, 465
 Vogué, E. M. de 128, 481
 Vogué, H. de 128, 150
 Voit, C. von 328, 507, 518

W

Weichselgärtner, V. 271
 Wells, H. 385
 Wierlacher, A. 80, 145—146, 470
 Wille, I. 491

Willenegger, R. 132

Williams, Howard (Уильямс, Г.) 36,
46—47, 91, 93, 95, 99, 106—107,
169, 232, 294, 309, 473, 515

Williams, M. 522

Wirz, A. 14

Wiśniewska-Roszkowska, K. 457

Worth, Dean 474

Y

Yarmolinsky, A. 470

Young, G. M. 485

Z

Zabel, E. 519

Zholkovsky, A. 95, 341, 474, 521—
522

Züllig, M. *см.* Bankowski, M.

Предметный указатель

А

- Адвентист 338
Алкоголь 23, 26, 72, 87, 116, 128—132, 214, 227, 286, 299, 304, 312, 327—329, 334, 357, 368, 481—482
Ананас 67, 78, 102, 219, 385—386, 507, 529
Анкеты 269, 274—275, 278, 296, 302, 367, 398, 400, 514, 526
Антропофаг, антропофагия 118, 236, 313—314, 516
Аскетизм 21—22, 95, 102, 146—147, 151—152, 161, 207, 316, 318, 401, 458, 471, 486

Б

- Балластные вещества 57, 109, 477, 520
Бананы 379, 507
Бегуны 30
Безубоина 161, без убоины 405
Безубойники 46, 83, 325
Безубойность 250, 405
Безубойный (tötungsfrei) 16, 25, 46—48, 81, 83, 116, 119, 140, 161, 249—250, 252, 260, 263, 275, 286, 288, 290, 309, 314, 325, 348, 405—406, 464, 473, 476, 481, 515, 522, 529, 533, 535
Белок, белковый 54, 58, 61, 110, 120, 197, 264, 287, 326—328, 331, 334—335, 344, 374—375, 390, 507, 518, 523
Белоризцы 37, 43
Библия, библейский 35, 98, 164, 191, 288, 348, 457, 460, 476, 486, Богомилы 29, 460
Бой быков (коррида) 398, 400

- Бойня 7, 16, 48, 60, 92, 95, 153, 160, 184, 195, 232, 237, 262, 291, 311, 317, 341—347, 469, 521—522
БСЕ 287, 341, 396
Бульон 83—86, 110, 136, 197, 200, 204, 268
Буржуазия, буржуазный, зажиточные классы 54, 56, 94, 140, 483

В

- Веганство, веганцы 5, 16, 50, 82, 108—109, 112, 127, 160, 187, 213, 338—339, 397, 402, 405, 476, 530
Вегетализм 50, 464
Вегетарианизм 45
Вегетарианское информационное бюро 40, 272, 304—305, 307, 353
Вегетарианство половинное 46
Вегетарианствовать 45—46, 111, 118, 189, 212, 250, 294, 309, 408
Вегетарианцы по убеждению 6, 25, 38, 81—82, 86, 108, 134, 150, 155, 163, 166, 186, 234, 238, 243, 249, 259—260, 286, 291, 363, 398, 404, 487, 523
Вегетарианский праздник 305, 515
Вегетаризм 45
Вивисекция 280, 304
Вино 23, 26—28, 72, 77—78, 113, 118, 120, 129—134, 152, 160, 165, 195, 197, 218—219, 221—222, 346, 423, 459—460, 479
Виноград 73, 112, 177, 204, 252, 459
Водка 23, 72, 86, 130, 132, 222, 234, 259, 413—415, 417, 423, 482, 531
Воздержание, воздержанность, воздержность (невоздержание) 19, 20—21, 23, 26, 29, 71, 77—78,

- 80, 83, 87, 92—96, 99—106, 112, 132, 143, 150—153, 158, 167, 198, 201, 231—233, 251, 259, 284, 289—290, 318, 328, 330, 348, 357, 400—401, 458, 473, 486
- Воспитание 6, 30, 98, 104, 117, 126, 210, 249, 254, 260, 294, 303—305, 309, 313—318, 326, 330, 354, 374, 380, 419, 431, 465, 516
- Врачи («доктора») 7, 37, 39, 43, 72, 78, 86, 90, 92, 95, 101, 108, 113, 115—118, 121, 131, 139, 160, 182, 196, 201, 205—207, 213, 221, 230—231, 233, 258, 267, 269, 276, 287, 292, 310, 318—320, 322, 325—339, 348, 374, 393, 395—396, 401, 404, 464, 467, 477, 479, 487, 495, 497, 519, 521
- Всероссийский вегетарианский съезд 6, 39, 272, 281, 297, 301—308, 337, 353, 363, 498, 514, 516
- Всероссийское вегетарианское общество (союз) 38, 40, 266, 301, 308, 462
- Выставки 14, 39, 42, 99, 117, 153, 159, 190, 193, 201—203, 211, 213, 215, 217, 258, 281, 302—303, 305, 307, 310, 341, 462, 479, 497, 501, 514, 537
- Г**
- Гастрономия 51, 67—69, 72, 76, 89, 100, 271, 407
- «Гигиеническое» вегетарианство 297, 503
- Гимнастика 118, 197, 227, 238, 479
- Голод, времена голода, голодание 18, 55, 66, 78, 92, 99, 102, 114—115, 154, 160, 184, 195, 197, 201, 218—219, 227, 242, 306, 344, 349, 351, 357, 390, 396, 406, 413, 417, 425, 442, 526
- Город, горожане 28, 42, 68, 85, 141—142, 181, 199, 221, 250—251, 254, 261, 281, 304—305, 317, 341, 365, 387, 400, 441, 524
- Горох 31, 115, 117, 204, 213—214, 241, 465, 478
- Гость, гостеприимство 64, 68, 79, 92, 112, 119, 123—124, 128—130, 132, 165, 171, 200, 208, 217—221, 224, 234, 293, 323, 386, 390, 411, 448, 450, 478
- Грибы 25, 64, 67, 109, 125, 163, 201, 222, 414, 441
- Д**
- Дети 98, 118, 126, 259, 291, 330, 336, 518
- Дом для пенсионеров 239
- Домострой 21
- Духоборы 5, 29, 37, 43, 118, 134—138, 248, 277, 371, 459, 483—484
- Е**
- ЕВО (Евразийское Вегетарианское Общество) 399—400
- Евреи, Еврейство 6, 15, 130, 182—183, 195, 217, 274, 276, 292—293, 319—322, 491, 516—517
- Ж**
- Желтая опасность 333
- Женщины 6, 18, 20, 24, 91, 209—229, 241, 334, 346, 350, 361, 406—407, 420, 427—428, 446, 461, 497
- Животные 288, 290, 313, 374, 382, 399, 486
- Журналы / Газеты
- Братство 463
 - Бюллетени Вегетарианства 295—296
 - Вегетарианец 399
 - Вегетарианские товары 396—398
 - Вегетарианский Вестник I 40, 187, 214, 259, 261, 265, 267, 269, 284—292, 408 и *passim* (илл. 20—21)
 - Вегетарианский Вестник II 205, 211, 250, 253, 275, 292, 296—299, 307, 344, 358, 360—361, 404 и *passim* (илл. 27—28, 34)

- Вегетарианское Обозрение 13, 38, 40, 98, 170—171, 175, 181—183, 200, 216—217, 233, 246, 249, 255, 271, 292—295, 304, 358, 459, 513, 533 и *passim* (илл. 23—26)
- Гигиена питания 140—142, 371 (илл. 37)
- Единение 299—300
- Киевская Мысль 24, 236, 341, 459
- Неделя 37, 61, 63, 99, 284, 466, 470
- Новое время 37, 99, 155, 159
- Русская мысль 61, 233, 460
- *Vegetarische Rundschau* 37, 63, 91, 284, 292, 459—461, 465, 468, 473, 475, 508, 511 (илл. 22)
- *Vegetarische Werte* 20, 271, 284, 295, 312, 356—358, 458, 461, 463, 469, 471, 509, 513, 515 (илл. 33)

З

- Защита животных см. Охрана животных
- Зерно, Зерновые культуры, хлеба 23, 32, 55—56, 66, 112, 159, 213, 228, 249, 328, 465

И

- Иерусалимовцы 459

К

- Каннибализм 179, 243, 343
- Картезианцы 19
- Картофель 55—56, 64, 67, 111, 115, 193, 204, 241, 243, 251, 277, 327, 379, 409, 479
- Катары (кафары) 29, 460
- Кафедра вегетарианства 40, 225—228
- Квакеры 135
- Киномаатограф 304, 515
- Климат 257, 264, 269, 285, 331, 335, 350, 378—379, 388—389, 408, 506
- Корова 25, 51, 66—68, 121, 126, 130, 158, 161—162, 228, 244—245, 261, 315, 345, 347

- Коровье бешенство 18, 191, 287, 341, 396, 407, 444, 477—478
- Коррида см. Бой быков
- Космизм 147, 376, 382—383, 527
- Крестьяне 30, 64, 87, 137, 141, 161, 164, 167, 174, 177, 210, 223, 247—248, 278, 286, 290—291, 328, 336, 455, 460, 504
- Кришнаиты 44, 394, 401
- Кровь (кровавый, бескровный) 25, 28, 30—31, 46, 49, 58—60, 92, 124, 151—153, 167—168, 173, 175, 179—183, 195, 197, 227, 230, 232, 236—238, 251—252, 289, 327, 332—333, 341—342, 344—347, 354—355, 358, 360, 374, 383, 388, 415—417, 424, 426, 435—437, 438—439, 443—446, 448, 450, 486, 492, 523
- Курение (см. тоже: Табак) 27—28, 78, 84, 94, 113, 127—130, 148, 160, 165, 219, 329, 392, 422—433, 481, 483
- Курортология 257

Л

- «Лечебный самиздат» 396

М

- Макробиотика 338—339
- Малеванцы 23—25, 315
- Медики см. врачи
- Мировая война, Вторая 44, 243, 393
- Мировая война, Первая 7, 15, 22, 35, 38, 40, 50, 75, 176, 203, 205, 225, 228, 238, 247—248, 268, 274, 280, 283, 299, 308, 324, 336, 353—363, 389, 406, 522—523
- Младо-вегетарианцы 43, 50, 339, 405
- Многоубойно 252
- Молокане 25, 364, 371
- Молоко 16, 25, 43, 47, 64, 66, 68, 77, 109, 112, 114, 118, 121, 126, 130, 148, 163, 177, 187, 213, 228, 231, 244, 261, 263, 265, 315, 318,

327—328, 334, 338, 388, 464,
478—479

Молочная кислота 263

Монахи, монахини 19—22,
28, 95, 125, 163, 289—291, 400—
401, 403, 458, 486

Мясная повинность 51, 363

Мясники 27, 92, 123, 153, 158, 162,
179, 232, 244, 251, 291, 330, 333

Мясные фабрики 237, 343—346

Мясо и

— болезни / здоровье 27, 43, 70—
71, 102, 113, 118—119, 160, 197,
204, 226, 228, 231, 241, 251, 287,
325—326, 334, 337, 351, 388, 400,
462, 512

— злоупотребление 43, 71, 89, 94

— интеллигенция/энергия/успе-
ваемость/характер/развитие (уро-
вень) культуры 49, 55, 57—58,
60—61, 80, 117, 242, 251—252,
254, 330—335

— народная пища 55, 87, 115, 118,
520

— питательность 54, 55, 61, 72, 80,
84, 87, 95, 111, 199, 237, 240, 242,
326—327

— потребление у христиан (мя-
со и молебны, молитва на освя-
щение мясов) 19—22, 26—27,
104—106, 117, 161—162, 179,
258, 289, 341, 449, 479, 501

— потребление, мясной паек
(снабжение мясом как инди-
катор жизненного уровня) 54,
56—57, 59, 336, 351, 396

— секс («плотская жизнь») 22, 31,
87, 101, 152

— хлеб 59, 70—71, 327, 335

— цены 18, 42, 55, 61, 94, 241, 243,
263—265, 286, 408

— отказ (или «неотказ») от мяса
(мотивы), запреты 19—29, 31—
32, 35, 37, 42, 47, 64—65, 69—73,
75—76, 81—87, 89, 91—92, 96—
97, 101—102, 105, 108, 114, 116—
121, 126—127, 132, 134, 139, 152,

158, 160, 162—164, 166, 172, 175,
179—180, 195, 197, 199, 201, 204,
231—235, 238—240, 243, 252,
259, 262, 265, 289, 315, 382, 388

Мясоседение, мясоеды 55, 58, 84,
101, 121, 141, 182, 251, 337, 354,
461, 492, 520

Мясопуст 155—156, 161

Н

Населенность, плотность (прирост)
населения 53—55, 58, 60—61,
260, 263, 286, 480

Научная фантастика 7, 379, 384—
391, 528

Неубойный 260

О

Обращения, перерождения, пе-
реломы (Umkehrerlebnisse, Ve-
kehrungen) 35, 76, 98, 130, 184—
185, 192, 492

Овес, овсяная каша 51, 109, 113,
130, 197, 213, 335, 348, 479

Октябрьская революция 37, 41, 47,
137, 139, 170, 246, 267, 283, 324,
261—262, 373, 398

Опорошение 105, 112, 114, 213, 216,
218, 239, 247, 316, 350, 361

Оранжерея 7, 223, 384—385, 387,
409

Органы власти (их отношение к
вегетарианству) 29—30, 36—
37, 42, 134—138, 233, 267—268,
270, 273, 279, 301, 365—366,
369—370, 373

Охота 5, 30, 55, 79, 101, 116,
120, 122, 154, 171—173, 175,
188, 247, 251, 262, 304, 340,
398, 427—428, 435—437, 502—
503

Охрана животных 185, 196, 396,
399

П

Патриархат (Московский) 106,
400—401, 529

Переводы западной «вегетарианы»
46—47, 90—91, 285, 287, 291,
294—295, 298—299, 309—310,
320, 337—338

Переселение душ см. Реинкарнация

Петиция (открытое письмо) правительству 402 (илл. 40)

Питание и характер 49, 58, 140—141, 227, 258, 329—335

Поваренные (кухонные) книги 15, 46, 156—157, 231, 274, 310, 348—351, 360, 395, 470

Пост, постник, постное 5, 19—23, 25, 27—28, 31—33, 87, 92, 95, 103—104, 106, 109, 115—117, 137, 150—152, 162, 192, 228, 230—231, 238, 261, 290—291, 312, 318, 349, 398, 400—401, 403, 448, 461, 486, 529, 535—536

Православие 5, 19—22, 28, 33, 103—107, 117, 159, 161, 166, 195, 217, 258, 286, 288—289, 305, 398, 400, 403, 476, 529

Пчеловодство 137, 265

Пьянство 23—24, 27, 129—132, 198, 259, 264, 304, 334, 450, 459, 481—482

Р

Работовзятель 224, 501

Работодатель 224

Рабочие 304—305, 311, 468

Рай 21, 104—105, 160, 204, 254, 290, 316, 379, 384, 389, 483, 486

Реинкарнация (Переселение душ) 194, 460

Рестораны (см. также Столовые) 36, 79, 111, 132, 156, 181, 187, 189, 204, 219, 269, 281—282, 312, 345—346, 394, 397, 402, 405, 463, 482

«Русская система» разрезания 340

Рыба 15, 20—23, 25, 32, 61, 64—66, 69, 71—72, 74, 76, 94, 101, 106, 110—111, 118, 126, 138, 147, 150, 155—156, 162—163, 165—166,

182, 204, 230, 259, 262—264, 266—267, 289—291, 332, 338, 344, 348—349, 383, 388, 391, 400, 453, 461, 483, 486

С

Сад, садоводство 21, 24, 63, 73, 118, 128, 151, 160, 163, 189, 193, 201, 214, 239, 251, 265, 291, 294, 298, 304, 373, 378, 384, 409, 483

Самопомощь (самообслуживание) 210, 217, 220, 239, 500

Само(у)совершенствование 59, 61, 77, 82, 93—94, 139, 191, 210, 247, 355

Самосохранение (самозащита, самооборона) 59, 262—263

Свинья, свинина 23, 25, 54, 94—95, 151, 230, 233—234, 241, 288, 331—332, 342—345, 374, 388, 391, 399, 446, 451, 474

Свободники 43, 135, 248

Секты, сектанство 5, 20—32, 37, 43, 134, 137, 141, 165, 195, 235, 247, 252, 254—255, 258, 286, 297, 315, 356, 363—364, 401, 406, 458—460, 483—484, 503, 525, 530

Серафимовцы 27, 459

Скопцы 23, 25, 64, 458

Скотоводство 375

Скотоубойники см. Мясники

Смертная казнь 16, 41, 201, 244, 342, 360—361, 364, 503

Смородина 69, 135

Социальное принуждение 72—73, 119, 132—133, 258

Соя (см. также Тофу) 350, 375

Спорт 44, 224, 258—260, 264, 312

Справочное вегетарианское бюро 272, 304, 307

Старо-вегетарианцы 43, 50, 339, 405

Столовые (см. также Рестораны) 15, 36—38, 40—41, 90, 113, 115, 120, 150, 184, 198, 200, 202—204, 208, 213, 235, 239—241, 259—260, 268, 270—276, 278—283,

296, 302, 305, 312, 314, 319, 324,
342, 355, 358—364, 366—367,
369—370, 372, 374, 386, 394, 398,
404, 509, 511, 516, 525

Студенты 35, 119, 204, 213, 275,
284, 394

Субботники 25, 459

Сырая (растительная) пища 227

Сыроедение, сыроеды 15—16, 43,
50, 108, 112, 136, 213—214, 249,
254, 339, 350, 498

Т

Табак (см. также: Курение) 5, 27,
84, 116, 120, 128—131, 161, 165,
284, 357, 481, 487

Тонко-вещественная энергия 195

Тофу (см. также Соя) 215

Трапписты 19

Трезвенники, трезвость 26, 28—29,
86, 130—132, 153, 165, 235, 284,
292, 304—305

У

Убоина 156, 161

Убойный 363

Ф

Фабианское общество 273

Февральская революция 41—42,
246, 255, 360

Физиологи, физиология 36, 42—43,
54—57, 59, 70, 106, 120, 129, 146,
214, 243, 287, 317, 326—327, 331,
334, 380, 465, 499, 518, 520

Флетчеризировать 240

Фруктоеды (fruitarians) 16, 50, 291,
338

Х

Хлеб 20, 26, 30, 54—56, 59, 64, 66,
70—71, 78—79, 85—87, 94, 102,
108—109, 111, 113—115, 117—
118, 135—136, 147, 167, 180,
203—204, 213, 222, 234, 248, 259,
262, 286—287, 317, 327, 331—
332, 348, 351, 375—376, 381,

386—387, 400, 449, 454, 467—
468, 522

Хлысты (люди божии) 22—23, 25,
235, 315, 458

Ц

Церковь см. Православие

Ч

Чуриковцы 26—28, 235

Ш

Шейкеры 101

Штундисты 23, 30, 163, 459—460

Э

Экстремизм как опасность 160—
161, 252, 254—255, 530

Эсперанто, эсперантисты 7, 15,
306, 312, 322—324, 359

Я

Яйца 24, 43, 47, 109, 112—114, 118,
124—125, 135, 160, 163, 197, 200,
204, 218, 238—239, 251, 263, 275,
332, 338, 388, 454, 464, 479, 529

Принятые сокращения

<i>БЕ</i>	Энциклопедический словарь Брокгауза-Ефрона
<i>БСЭ</i>	Большая советская энциклопедия
<i>ВВ</i>	Вегетарианский вестник (год изд., номер, страница / столбец)
<i>ВЕ</i>	Вестник Европы
<i>ВО</i>	Вегетарианское обозрение (год изд., номер, страница / столбец)
<i>ВО-во</i>	Вегетарианское общество
<i>ВТ</i>	Вегетарианские товары
ГМИР	Государственный музей истории религии, Санкт-Петербург
ГМТ	Государственный музей Л. Н. Толстого, Москва
<i>ЛН</i>	Литературное наследство
МГУ	Московский государственный университет
<i>НЛО</i>	Новое литературное обозрение, Москва
<i>НЭС</i>	Новый энциклопедический словарь Брокгауза-Ефрона
Оп.	Опись
Пг., Пгр.	Петроград
<i>ПСС</i>	Полное собрание сочинений. Если нет имени автора, имеется в виду 90-томное издание сочинений Л. Н. Толстого, Москва, 1928—1958, 1964
РАХ	Российская академия художеств, Санкт-Петербург
РГАЛИ	Российский государственный архив литературы, Москва
РГБ	Российская государственная библиотека, Москва
РНБ	Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург
<i>РП I-IV</i>	Русские писатели 1800—1917. Москва, 1992—1999
Ф.	Фонд
ЧДЛАМ	Чернігівський державний літературно-меморіальний музей Коцюбинського
<i>NZZ</i>	Neue Zürcher Zeitung
УТВ	Uni-Taschenbuch

Источники иллюстраций

- Илл. 1 *A. Beketoff*. Die Ernährung des Menschen in der Gegenwart und in der Zukunft. Rudolfstadt, 1882. Фронтиспис (титульный лист).
- Илл. 2 *L. N. Tolstoi*. Die erste Sprosse. Stuttgart, 1893. Фронтиспис (титульный лист).
- Илл. 3 Вселенское дело. Сб. 2. Рига, 1934. С. 149.
- Илл. 4 ГМИР. СПб., ф. 21, оп. 1, № 232.
- Илл. 5/6 Museo del Paesaggio, Verbania, фото Riccardo Gonella. Турин.
- Илл. 7/8 Museo del Paesaggio, Verbania, фото Natale Zoppis. Интра.
- Илл. 9 *O. Wulff*. Die neurussische Kunst. Baden; Wien, 1932. Илл. 136.
- Илл. 10 *Илья Репин*. Живопись и графика. Л., 1985. С. 247.
- Илл. 11 *Илья Репин*. Художественное наследство. Т. 1. М.; Л., 1948. С. 321.
- Илл. 12 Государственный музей Л. Н. Толстого. М.
- Илл. 13 Finnish National Gallery. Helsinki.
- Илл. 14 Фото К. Brang.
- Илл. 15 *Е. Кириллина*. Репин в «Пенатах». Л., 1977. после с. 112
- Илл. 16 *Н. Б. Нордман*. Интимные страницы. СПб., 1910. Крышка переплета.
- Илл. 17 *А. П. Сергеевко*. Как живет и работает Л. Н. Толстой. М., 1898. С. 92.
- Илл. 18 Научно-библ. архив РАХ. СПб., ф. 25, оп. 1.
- Илл. 19 Вегетарианское обозрение. Г. 6. Киев, 1914. № 2. С. 66.
- Илл. 20 Вегетарианский вестник. Г. 1. СПб., 1904. Фронтиспис.
- Илл. 21 Вегетарианский вестник. Г. 1. СПб., 1904. № 2. Приложение: Объявления, столб. 1—2.
- Илл. 22 Vegetarische Rundschau. Jg. 6. Берлин, 1886. № 5. Фронтиспис.
- Илл. 23 Вегетарианское обозрение. Г. 3. Киев, 1911. № 5—6. Фронтиспис.

-
- Илл. 24 Вегетарианское обозрение. Г. 3. Киев, 1911. № 8. С. 44. Выходные данные.
- Илл. 25 Вегетарианское обозрение. Г. 1—6. Кишинев; Киев, 1909—1915 (разные номера).
- Илл. 26 Вегетарианское обозрение. Г. 6. Киев, 1914. № 10. С. 1.
- Илл. 27 Вегетарианский вестник. Г. 3. Киев, 1917. № 3. Фронтиспис.
- Илл. 28 Вегетарианский вестник. Г. 3. Киев, 1917. № 3. Выходные данные.
- Илл. 29—32 Личная собственность П. Бранга.
- Илл. 33 *Vegetarische Warte*. Jg. 48. Франкфурт-на-Майне, 1915 (Университетская библиотека, Тюбинген).
- Илл. 34 Вегетарианский вестник. Г. 3. Киев, 1917. № 9. Фронтиспис.
- Илл. 35 ГМИР. СПб., ф. 34, оп. 1, № 26, л. 4.
- Илл. 36 *W. Edgerton* (ed.). *Memoirs of Peasant Tolstoyans in Soviet Russia*. Bloomington, 1993. P. 64.
- Илл. 37 Личная собственность П. Бранга.
- Илл. 38/39 Фото П. Бранга.
- Илл. 40 Вегетарианские товары. М., 1998. № 2 (14), январь.

Петер Бранг

РОССИЯ НЕИЗВЕСТНАЯ

История культуры вегетарианских образов жизни
от начала до наших дней

Издатель А. Кошелев

Художественное оформление обложки
Ю. Саевича и О. Максимовой

Оригинал-макет подготовлен Р. Ермолаевым
Корректоры: О. Заикина, Е. Зуевская

Художественный консультант Л. М. Панфилова

Подписано в печать 03.04.2006. Формат 60х90 ¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная.
Усл. печ. л. 35,5. Тираж 1000. Заказ №

Издательство «Языки славянской культуры».

ЛР № 02745 от 04.10.2000.

Phone: **207-86-93** Fax: **246-20-20** (для аб. **M153**)

E-mail: Lrc@comtv.ru Site: <http://www.lrc-press.ru>

*

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел./факс: (095) 247-17-57, тел.: 246-05-48, e-mail: gnosis@pochta.ru
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).

Адрес: Зубовский б-р, 2, стр. 1
(Метро «Парк Культуры»)